

КУРДСКИЙ ВОПРОС

М.С.ЛАЗАРЕВ

1891
1917

9(5)
1.42
М.С.ЛАЗАРЕВ

КУРДСКИЙ ВОПРОС

1891

1917

**ТЕРРИТОРИЯ РАССЕЛЕНИЯ КУРДОВ
в конце XIX - начале XX в.**

▲ Районы расселения ассирийцев
ОСНОВНЫЕ РАЙОНЫ РАССЕЛЕНИЯ КУРДОВ (по Сайксу)
А Районы первоначального появления курдов на исторической арене
Б Племена, изолированные от других по географическим условиям
В Племена Северной Джазир
Г Племена Западной Армении
 Курды сунниты
 Курды езиды
 Курды али-илахи (кызылбаши) и шииты

50 0 50 100 км

▲ Районы расселения ассирийцев
ОСНОВНЫЕ РАЙОНЫ РАССЕЛЕНИЯ КУРДОВ (по сайнсу)

А	Районы первоначального появления курдов на исторической арене
Б	Племена, изолированные от других по географическим условиям
В	Племена Северной Диказир
Г	Племена Западной Армении

 Курды сунниты

 Курды 63иды

 Курды али - илахи (кызылбаш) и шииты

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. С. ЛАЗАРЕВ

КУРДСКИЙ ВОПРОС
(1891—1917)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1972

Книга является переработанным и дополненным новыми материалами изданием монографии «Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX века — 1917 г.)», вышедшей в 1964 г. В работе исследуется один из ключевых периодов новой истории курдского народа, изобилующий трагическими и противоречивыми по своему характеру событиями, которые оказали большое влияние на современную историю курдов и других народов Ближнего Востока. В центре внимания автора — многочисленные курдские восстания, мероприятия правительств султанской Турции и шахского Ирана в Курдистане, военные действия на его территории, политика империалистических держав в курдском вопросе.

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

История курдов, исконных обитателей Западной Азии, насчитывает десятки веков. Курдский народ был неперменным и активным участником всех бурных событий, потрясавших этот район с древнейших времен до наших дней. Курдами по происхождению были известные правители и полководцы Турции, Ирана, стран Арабского Востока (например, знаменитый победитель крестоносцев Салах ад-Дин Эйюби, основатель династии Зендов в Иране во второй половине XVIII в. Керимхан и многие другие). История курдов, тесно спаянная с историей других народов Ближнего и Среднего Востока, является неотъемлемой частью всемирно-исторического процесса.

Народ с ярко выраженными, неповторимыми национальными признаками, с большой творческой одаренностью, курды внесли свой вклад в мировую цивилизацию. Немало курдов было среди выдающихся деятелей культуры, науки и литературы средневекового Востока; крупнейший поэт XVII в. Ахмед Хани считался «курдским Фирдоуси».

Вместе с тем исторические судьбы курдского народа сложились весьма своеобразно и трагично. В течение долгого времени курды не могли выступать в качестве самостоятельной национальной силы. «Этот народ, — писал о них академик И. А. Орбели, — растерял своих сынов под обличьем иранцев, турок, арабов, армян, растерял сынов, имена которых в качестве имен славных поэтов, музыкантов, полководцев украшают историю народов»¹.

Замедленными темпами и в крайне неблагоприятной внешней обстановке шло политическое развитие курдов, что было вызвано несчастливой для них сочетанием самых разнородных факторов — от географических до социально-политических. Это — важнейшая особенность курдской истории, вызвавшая, в свою очередь, архаичность и застойность хозяйственного и общественного уклада курдского общества.

Социально-экономическая, политическая и культурная отсталость курдов препятствовала их национальной и тем более государственной консолидации: курдам никогда не удавалось создать свое государство. Они начали активно выступать против чужеземного ига, за свои национальные права сравнительно поздно — лишь со второй четверти XIX в. Тогда и появился на авансцене политической жизни стран Ближнего и Среднего Востока курдский вопрос, который не сходит с повестки дня до настоящего времени.

Курдское освободительное движение возникло тогда, когда созрели для этого соответствующие условия, во-первых, в самом курдском обществе, во-вторых, во всей общественно-политической структуре Османской империи и Ирана, в-третьих, в системе международных отношений на Ближнем Востоке. Иными словами, национальная борьба курдского народа была органически связана в первую очередь с разложением натурального хозяйства и кочевого быта, кризисом патриархально-родовых отношений у курдов, с изживанием феодального партикуляризма, появлением и все более широким распространением среди курдских племен идеи национальной общности. Далее, для подъема курдского движения исключительно важное значение имел экономический и военно-политический упадок многонациональных феодальных монархий — Османской империи и Ирана, быстрое развитие в них центробежных тенденций, как прямое следствие усиливавшейся национально-освободительной борьбы меньшинства против деспотического гнета центральной власти и ее социальной опоры — феодально-клерикальных кругов. Наконец, большое влияние на становление и развитие курдской проблемы с самого начала оказала экспансия (военно-политическая и экономическая) главных капиталистических держав Западной Европы и царской России на Ближнем Востоке, их намерение использовать курдские движения в колонизаторских целях.

Итак, в основе курдского вопроса лежала освободительная борьба курдского народа, конечная цель которой состояла в завоевании национальной независимости. Поскольку курды были поработленным национальным меньшинством Османской империи и Ирана, а эти страны, в свою очередь, были объектами колониальной политики великих держав, настоящее исследование включает изучение не только освободительной борьбы самих курдов, но и многих других важнейших событий турецкой и иранской истории, а также международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке.

С момента своего возникновения курдский вопрос стал одной из самых сложных национальных и международных проблем, постоянно дающей о себе знать, часто обостряющейся, приводящей к острым, кровопролитным и длительным кон-

фликтам. Его изучение, представляя вполне понятный интерес, важно для познания существенных сторон исторического процесса в новое и новейшее время, касающихся других народов и государств Западной Азии и, кроме того, колониальной политики великих держав в этом районе.

Вместе с тем обращение к истории курдского освободительного движения и всех порожденных им событий является крайне актуальной задачей, необходимой для понимания современной обстановки в Курдистане. Дело не только в том, что неразрешенность курдской проблемы, ее обострение в наше время возбуждают естественный интерес к курдам и их прошлому. Гораздо существеннее то, что именно в сравнительно отдаленные времена были заложены основы нынешней драматической и весьма сложной ситуации в курдском вопросе. Изучение его истории дает возможность извлечь полезные уроки, непосредственно отвечающие практическим потребностям злобы дня. В связи с темой настоящего исследования вспоминается мудрое изречение нашего знаменитого историка В. О. Ключевского: «Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий»².

Таким образом, исследование курдской проблемы во всем ее объеме является интереснейшей в научном отношении и крайне важной актуально-политической задачей.

За истекшие без малого полтора столетия в развитии курдского вопроса прошло несколько этапов. Первый охватывает 30-е и 80-е годы XIX в., второй — эпоху «довоенного» империализма и первой мировой войны (с начала 90-х годов XIX в. до 1917 г.), третий — период между 1917 и 1945 г., четвертый — современный — этап наступил после окончания второй мировой войны. Каждому из этих этапов были присущи свои характерные особенности, каждый сыграл большую роль в истории курдского народа и его борьбы за национальное освобождение.

* * *

Настоящая работа посвящена второму этапу. В 90-е годы XIX в. резко обостряется национальный вопрос на востоке Малой Азии в результате шовинистической, ассимиляторской политики султанского правительства, корыстного вмешательства империалистических держав во внутренние дела Османской империи. Именно в эти годы положение курдов в Турции (а несколько позже и в Иране) стало международной проблемой; этому способствовало завершение полуколониального порабощения Османской империи и Ирана иностранным капиталом, обострение межимпериалистической борьбы на

Ближнем и Среднем Востоке, подготовка и осуществление новых разделов (территориальных или на сферы влияния) в этом районе. Указанные события с конца прошлого века оказались в той или иной степени сопряжены с курдским вопросом в целом, с положением курдского народа и его борьбой за свои национальные права.

Заключительный хронологический рубеж не нуждается в пояснениях. Следует отметить только, что коренные сдвиги, происшедшие на мировой и, в частности, на ближневосточной арене под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, оказали глубокое и непосредственное воздействие на исторические судьбы курдского народа. Предлагаемое исследование охватывает почти 30 лет, насыщенных весьма важными и драматическими событиями, которые оставили неизгладимые следы в новейшей истории курдов и Курдистана.

В центре внимания автора — изучение вопросов международного характера, а именно: турецко-иранских отношений в связи с курдской проблемой, политики империалистических держав, в первую очередь России, Англии и Германии, по отношению к курдам, межимпериалистических противоречий на территории Курдистана и сопредельных земель, наконец — военных действий в этом районе, осуществлявшихся до первой мировой войны Турцией, а во время ее также Россией и Англией.

Вместе с тем возникла необходимость коснуться некоторых сторон социально-экономической и особенно политической жизни народов Курдистана. Без этого нельзя всерьез заняться изучением международных аспектов курдской проблемы.

Особое внимание уделено освободительному движению курдских племен против турецкого и иранского ига и попыткам использования выступлений курдов реакционными силами, глубоко враждебными курдам и другим народам Ближнего Востока. При этом в поле зрения неизбежно окажутся и другие народы, населявшие Восточную Турцию и Западный Иран, в первую очередь армяне и ассирийцы (айсоры). Однако армянского вопроса автор касается лишь в той мере, в какой он связан с курдским. В целом изучение армянского вопроса — самостоятельная тема, успешно разрабатываемая главным образом историками Армянской ССР.

В книге не ставится задача во всей полноте показать внутреннюю жизнь народов Курдистана и прилегающих к нему районов. Эта отдельная большая проблема выходит за рамки нашей работы. Необходимые для понимания описываемых событий сведения этнографического, демографического и социально-экономического характера выделены в первую, вводную главу, содержащую также сжатый очерк политической истории курдов и Курдистана.

Автор не претендует на исчерпывающее освещение в перечисленных проблем, в том числе и основных для исследования. Его цель — изложить и обобщить неизвестные или малоизвестные науке факты из истории возникновения и развития курдского вопроса.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

В основу работы положено изучение доступных первоисточников. Самые ценные для нас сведения дают документы царского Министерства иностранных дел, сосредоточенные в Архиве внешней политики России (АВПР). В фондах АВПР хранится богатейшая переписка, изобилующая важными, подчас уникальными данными о внутренней жизни Курдистана и сопредельных районов в исследуемый период, а также освещающая роль курдского вопроса в международных отношениях того времени, в политике держав на Ближнем Востоке.

Сведения внутривосточного характера содержатся преимущественно в донесениях русских консулов, находившихся в главных центрах на востоке Османской империи и в Западном Иране: в Эрзеруме, Ване, Битлисе, Баязиде, Багдаде, Мосуле, Тебризе, Урмии (Резайе), Хое, Соуджбулаке (Ме-хабаде), Керманшахе. Эти донесения сосредоточены в основном в следующих фондах: «Посольство в Константинополе», «Турецкий стол (новый)», «Персидский стол», «Персидский стол Б», «Миссия в Персии», «Политархив», «Канцелярия МИД». Рапорты консулов являются незаменимым источником для данной темы. На консульскую службу на Востоке назначались обычно люди, получившие превосходную восточковедную подготовку в Учебном отделении восточных языков при Министерстве иностранных дел и в Лазаревском институте восточных языков в Москве. Они досконально изучали «свой» район, заводили обширнейший круг знакомств и обо всем виденном и услышанном писали подробнейшие отчеты. Поэтому содержащийся в консульских донесениях материал, почерпнутый, как правило, из первых рук, заслуживает доверия.

Правда, интерпретация фактов, выводы, которые делали консулы, требуют строго критического отношения. На консульской службе в Турции и Персии находились разные люди. Особенности их работы, требующей долгой и специальной подготовки, большого трудолюбия и даже личного мужества, привлекали сюда людей долга и призвания, дававших объективную информацию о положении дел, конечно, в рамках их мировоззрения и служебных возможностей. Наряду с ними в консульствах, особенно в русской полуполуколонии — Северо-Западной и Западной Персии, подвизались ти-

пичные колониальные чиновники, обычно делавшие карьеру на угнетении подвластных российскому империализму народов, проникнутые презрением к этим «туземцам» и старавшиеся в своих донесениях изобразить их в самом неприглядном виде. В частности, они занимались тенденциозным подбором фактов, огульно характеризующих всех курдов как разбойников, с тем чтобы инспирировать карательные мероприятия в отношении курдских племен Ирана (а в годы первой мировой войны — и оккупированных районов Турции) и выслужиться таким путем перед царскими военными и гражданскими властями.

Информация о положении в интересующих нас областях Османской империи и Ирана содержится также в документах, поступавших непосредственно из посольства в Константинополе и из миссии в Тегеране (главным образом фонды «Политархив» и «Канцелярия МИД»). В отличие от консульских отчетов посольские материалы освещают вопрос шире, подчас дают событиям более верную оценку. В то же время, в сравнении с консульскими, донесения из посольств тенденциознее, ибо на них лежит печать консервативных воззрений высших российских представителей в Турции и Персии и проводимого в тот или иной момент в Петербурге политического курса.

Другая часть привлеченных нами документов АВПР, меньшая по объему, но, пожалуй, более важная для нас, отражает собственно курдский вопрос как международный. Об этом, в частности, говорится в переписке российских послов в Турции и Иране с министром иностранных дел и высшими чинами министерства (фонды «Политархив», «Канцелярия МИД»), во «всеподданнейших докладах по Ближнему Востоку» министра иностранных дел царю (фонд «Политархив») и в других материалах различного типа и назначения, имевших в то время большую государственную важность (на многих из них есть пометы Александра III и Николая II). Они характеризуют политику царской России в отношении Турецкой Армении, Персидского Азербайджана и Курдистана. В них можно найти также сведения об интересах западных держав в Курдистане и сопредельных землях, о турецко-иранских отношениях и других вопросах, непосредственно связанных с положением курдского населения.

Кроме указанных полезным было обращение и к некоторым другим фондам АВПР («Главный архив», «Среднеазиатский стол», «Турецкий стол (старый)», в которых хранятся дела, имеющие косвенное отношение к теме.

Документы Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ЦГВИА) послужили важным и необходимым дополнением к источниковедческой базе работы. Ввиду того что обстановка в восточных районах Малой Азии и в Западном и Северо-Западном Иране имела прямое отно-

шение к обороне кавказской границы, Военное министерство России, и в особенности штаб Кавказского военного округа собирали всевозможные данные об этой территории и ее населении, о курдских иррегулярных формированиях «хамидие», о военных мероприятиях турецкого правительства в вилайетах, граничащих с Россией и Ираном, и т. п. Эти сведения сосредоточивались в первую очередь в фонде Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) и в меньшей степени — в фондах Главного штаба, Военно-ученого комитета (ВУА), Управления Кавказского военного округа и в фондах под общим названием «Коллекция материалов по истории России».

Следует отметить, что информаторы русских военных властей о положении дел на Ближнем Востоке отличались высоким уровнем профессиональной и общей, в том числе востоковедной, подготовки. То были специально обученные офицеры генштаба, владевшие восточными языками и в течение многих лет всесторонне изучавшие на месте обстановку. Их отчеты (многие из них были в свое время опубликованы в специальных изданиях) насыщены не только специфическим материалом, интересующим русский Генеральный штаб, но и самыми разнообразными сведениями об экономическом и политическом положении тех районов Османской империи и Ирана, куда они были командированы. Особый интерес представляют тщательно подобранные демографические данные.

Важные материалы о периоде первой мировой войны, когда русские войска вели операции в самом центре Курдистана, хранятся в ЦГВИА. Это — данные, поступавшие с театра военных действий и содержавшие массу фактов о курдах и их стране, а также о колонизаторской политике царизма в Курдистане, Турецкой Армении и Иранском Азербайджане (фонды: «Штаб верховного главнокомандующего», «Военно-политическое и гражданское управление при верховном главнокомандующем», «Полевое управление главнокомандующего войсками Кавказского фронта», «Полевое управление Кавказской армии», «Управление кавказских армейских корпусов», «Управление военного генерал-губернатора в областях Турции, занятых по праву войны, и всех учреждений, ему подведомственных», «Штаб экспедиционного корпуса в Персии», «Управление персидской казачьей дивизии» и ряд других).

Изучение фондов ЦГВИА (главным образом фонда ГУГШ) существенно помогло и в освещении одного из главных аспектов настоящей работы — политики правящих кругов царской России по отношению к курдам. Сведения об этом содержатся в переписке высших военных руководителей России со штабом Кавказского военного округа. В частности, фонды ЦГВИА дают возможность изучить политику кавказского начальства по отношению к российским и зарубежным курдам. Это представляет особый интерес. Поскольку военная и гражд-

данская власть в закавказских губерниях России была сосредоточена в одних руках³, тифлиссские власти обладали большими правами. В курдском вопросе, например, они действовали не только в соответствии с приказами из Петербурга, но нередко и по собственному усмотрению.

Поиски первоисточников проводились и в других архивах СССР. Документы, хранящиеся в Ленинграде в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота СССР (ЦГА ВМФ), по интересующей нас тематике лишь в незначительной степени дополняют материалы ЦГВИА. Здесь привлечены фонды «Военно-морской агент в Турции» и главным образом «Морской генеральный штаб», в которых можно разыскать и документы, относящиеся к настоящему исследованию. Это в основном данные по Турции, по разным причинам не попавшие в ЦГВИА. В них имеются сведения не только «морского» характера, но и о Курдистане.

Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР (ЦГИАГ) интересен для нас в первую очередь хранящимися в нем делами Кавказского наместничества, которые помогают лучше представить обстановку в прилегающих к русскому Закавказью курдских районах Турции и Ирана, а также проливают дополнительный свет на политику царских властей на Кавказе в отношении как местных, так и зарубежных курдов (фонды: «Канцелярия главноначальствующего гражданской частью на Кавказе», «Чиновник МИД для пограничных сношений при наместнике на Кавказе»). Кроме того, в этом же архиве удалось найти отсутствующие в ЦГВИА ценные сведения военного и военно-политического характера о курдах, отраженные в оперативных сводках, рапортах, докладах и других материалах, поступавших от действовавших на турецком и персидском театрах мировой войны командиров частей (фонды: «Штаб Кавказского военного округа на театре военных действий», «Штаб главнокомандующего войсками Кавказского фронта», «Штаб Кавказской армии войск Кавказского фронта» и др.).

В находящемся в Ленинграде Центральном государственном историческом архиве СССР (ЦГИА, бывший ЦГИАЛ) широко использованы фонды Совета министров, Синода и Канцелярии обер-прокурора Синода. В фонде Совета министров обнаружены документы, характеризующие отношение высших государственных деятелей России (Николая II, Столыпина, Горемыкина, великого князя Николая Николаевича, Сазонова) к некоторым кардинальным проблемам ближневосточной политики страны, имеющим прямое касательство к нашей теме. В фондах Синода почерпнуты из переписки с русской православной миссией в Урмии многочисленные факты о положении в Иранском Курдистане и Азербайджане перед войной, о деятельности русских и западных миссионеров в

Иране и Турции и о проживавших вместе с курдами ассирийцах. Эти документы, еще не использовавшиеся историками, позволяют осветить подлинную роль русской православной церкви в колониальной политике царизма на Ближнем Востоке, несмотря на неуклюжие попытки миссионеров и руководителей Синода затушевать ее всякого рода филантропическими доводами.

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР), в котором сосредоточены фонды бывшего Центрального государственного исторического архива в Москве (ЦГИАМ), привлечен фонд «Департамент полиции (Особый отдел)» царского Министерства внутренних дел, где имеются материалы о связях зарубежных курдов с русскими и о панисламистской агитации среди последних. Эти данные содер­жатся в агентурных сводках контрразведки по закавказским губерниям. Не без пользы просмотрены и некоторые другие фонды этого архива (в том числе В. Н. Ламздорфа и П. Н. Милюкова).

Наконец, оригинальный материал имеется в архиве выдающегося русского курдоведа В. И. Никитина, хранящемся ныне в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР. Здесь есть неопубликованные рукописи, переписка Никитина с видными учеными по различным вопросам востоковедения и языкознания (в том числе с Н. Я. Марром), переводы и другие бумаги, впрочем больше представляющие интерес для занимающихся курдской литературой и языком. Нами использована главным образом рукопись «Курды и Курдистан (Шемдинан)», в которой подробно прослежена история главнейших курдских родов на фоне борьбы курдского народа за свое освобождение⁴.

Второстепенное значение при изучении данной темы имеет изданная документация. Тем не менее и она привлечена во всей возможной полноте, поскольку позволяет заполнить некоторые пробелы в исследовании.

Относящиеся к теме дореволюционные русские публикации архивных источников отличаются скудностью и неполнотой (особенно в освещении курдского вопроса). Они носили официальный характер и призваны были оправдать империалистическую политику царизма в Персии и Турции⁵. Западных, а тем более восточных изданий документов в прошлом почти не было⁶.

Советские публикации источников для данной темы гораздо важнее. Известные издания архивных материалов русского Министерства иностранных дел — «Международные отношения в эпоху империализма» (серии II и III), «Константинополь и проливы» и «Раздел Азиатской Турции», заслуженно получившие в свое время высокую оценку, служат подспорьем для изучения всей курдской проблемы и особенно по-

литики царской России в Курдистане и смежных областях накануне и во время первой мировой войны. Правда, многие важные документы по курдскому вопросу здесь не представлены, но зато обильные материалы по турецкому, персидскому, армянскому вопросам и по международным проблемам более широкого профиля имеют ценность и для настоящей работы. То же самое можно сказать об использованных нами публикациях в журнале «Красный архив», касающихся отдельных важных аспектов внешней политики царизма на Ближнем Востоке⁷, и об изданном недавно Академией наук Армянской ССР сборнике документов по армянскому вопросу в Турции⁸.

Из зарубежных публикаций наибольшее значение имеют два тематических сборника. В одном из них собраны документы персидского Министерства иностранных дел⁹, посвященные нарушению Турцией персидского нейтралитета в первые месяцы войны и содержащие многочисленные факты о подрывательской деятельности турок среди племен Иранского Курдистана. В другом — «Германия и Армения»¹⁰, подготовленном виднейшим германским международником Лепсиусом, резко протестовавшим против армянофобской политики турецких властей, имеются интересные данные по курдо-армянским отношениям в канун первой мировой войны.

Совершенно ничтожное количество материала о курдах и Курдистане содержат известные германские, английские и французские серийные издания дипломатических документов¹¹. В этом явственно сказались тенденциозность составителей, ибо, как будет показано дальше, фактов, свидетельствующих об активной деятельности английских, германских и иных западных колонизаторов и империалистов в Курдистане, имеется более чем достаточно. Что касается американских публикаций¹², то там по курдскому вопросу вообще нет ни слова, хотя интересы Соединенных Штатов Америки и в Восточной Турции, и в Западном Иране были довольно велики и американцы отстаивали их весьма ревностно (главным образом руками миссионеров).

Наконец, в нашем распоряжении были британские «синие книги»¹³, содержащие документы о турецко-иранских разграничениях, о положении национальных меньшинств в Османской империи и Иране, о революционном движении в этих странах и др. Крайняя тенденциозность такого рода изданий известна. В частности, в них помещены лишь те документы, которые положительно характеризуют английскую политику, изображают в выгодном свете те или иные действия британских дипломатических представителей, миссионеров и частных лиц в Турции и Персии. Так, курды огульно изображаются разбойниками, а британские консулы и миссионеры — заступниками армян, хотя в действительности, как известно, англий-

ская политика в армянском вопросе сыграла отрицательную роль в судьбе армян. Это, конечно, значительно ограничило возможность использования «синих книг», тем более что в них нового материала о курдах совсем немного.

Итак, тема настоящего исследования отражена в существующих публикациях, в общем, явно недостаточно. Это говорит о том, что недооценка курдской проблемы, ее научного значения и политической актуальности не только была в прошлом, но и сохраняется в значительной степени до наших дней.

Сведения, содержащиеся в опубликованных источниках личного происхождения (мемуары, дневники, описания путешествий, этнографические зарисовки «с натуры» и т. п.), служат для настоящей работы хотя и не основным, но важным вспомогательным материалом. Наиболее многочисленная и ценная часть этой литературы принадлежит перу русских авторов, и это естественно, ибо Россия была единственной европейской державой, которая непосредственно соприкасалась с курдами и больше всех была озабочена положением в Восточной Турции и в Западном Иране.

В мемуарной литературе тема настоящего исследования некоторое отражение нашла в воспоминаниях царского министра иностранных дел С. Д. Сазонова и одного из руководителей Военного министерства генерала А. А. Поливанова, т. е. лиц, которых обстановка в Курдистане интересовала по долгу службы¹⁴. Значительный интерес представляют воспоминания комиссара Временного правительства на Иранском фронте А. Г. Емельянова¹⁵, написанные живо и убедительно, с ценными подробностями, в частности о курдских племенах, и записки одного из участников рейда казачьей сотни под командованием Гамалия в 1916 г. через южные районы Иранского Курдистана и Хузистана на соединение с англичанами. Последние, правда, содержат не всегда достоверные детали¹⁶.

Значительно богаче материалом те произведения русской нарративной литературы, которые написаны по горячим следам как непосредственные свидетельства очевидцев, хорошо знакомых с курдами и Курдистаном. Исключительный интерес представляют опубликованные В. Ф. Минорским¹⁷ в разных изданиях описания его служебных поездок по восточным вилайетам Турции и районам Иранского Азербайджана и Курдистана¹⁸. В этих работах Минорский выступает не только как внимательный и добросовестный наблюдатель, собравший ценнейшие факты о посещаемых им местах и их населении, но и как исследователь истории, условий материальной и духовной жизни курдов, армян, турок, азербайджанцев, персов и других народов этого района. Статьи Минорского, что особенно важно для данной работы, насыщены документированны-

ми сведениями о турецко-иранских конфликтах пограничному и курдскому вопросам и о вмешательстве России и Англии в эти конфликты. К тому же нельзя не отметить, что Минорский для своего времени и занимаемого им служебного положения обладал относительно передовыми взглядами. В его статьях совершенно не чувствуется обычного для западных дипломатов и путешественников колонизаторского духа. Напротив, к народам Ближнего Востока он всегда относился с глубоким уважением и пониманием их национальных и даже социальных нужд. Работы В. Ф. Минорского, написанные им во время его дипломатической службы, не устарели до наших дней и имеют большую познавательную ценность для историка.

То же самое можно сказать и о статьях В. А. Гордлевского, в 1900-х — 1910-х годах — преподавателя и профессора Лазаревского института, а впоследствии — академика и патриарха советской туркологии. Путешествуя по Малой Азии с научно-туристическими целями, а во время войны — как военный переводчик, В. А. Гордлевский в своих статьях нарисовал яркую картину внутренней жизни современной Турции, а также быта, духовной культуры и истории турок и других населявших ее народов, в том числе курдов¹⁹. Эти работы, хотя и популярные по форме, написаны проницательным исследователем, глубоким знатоком местных условий. О курдах он пишет с позиций истинного гуманизма. Их отсталость Гордлевский объясняет в первую очередь социально-экономическими причинами, он с пониманием относится к их справедливым национальным требованиям и видит основное условие ликвидации межнациональных конфликтов в Турции, бедственного положения курдов в устранении национального и социального гнета, в установлении дружбы между населяющими эту страну народами. Польза, которую приносят работы В. А. Гордлевского, не курдолога по специальности, для курдоведения, и в частности для избранной нами темы, неоспорима.

Таким же духом проникнуты путевые заметки И. А. Орбеля и не потерявшие до нашего времени своего научного значения этнографические исследования С. А. Егиазарова о курдах Закавказья²⁰.

Однако большинство нарративных произведений русских авторов принадлежит перу не ученых-востоковедов, а лиц чиновных, числившихся по военному или дипломатическому ведомству, в той или иной степени обладавших литературным даром и запечатлевших на бумаге свои наблюдения во время служебных командировок по Курдистану, Турецкой Армении и Персидскому Азербайджану.

Как правило, мы имеем дело с описаниями страноведческого характера, включающими в себя более или менее под-

робные сведения по географии, топографии, демографии интересующих нас районов Турции и Ирана с экскурсами в область истории и экономики населявших их народов. Если автор — военный, то его, естественно, больше всего интересовали специфические сюжеты; на посещаемые им районы он смотрел главным образом как на будущий театр военных действий. Отсюда — подробные описания маршрутов, орографии, гидрографии, стратегически важных пунктов и т. п. Попутно путешественники по Турции и Ирану публиковали сведения, представляющие интерес и для настоящего исследования. Так, о племенах Персидских Курдистана и Азербайджана, об их численности, расселении, этнографических особенностях, социально-экономическом положении, взаимоотношениях с шахским правительством и междоусобных распрях важные факты сообщают офицеры Генерального штаба и персидской казачьей бригады Л. Ф. Тигранов, А. И. Ияс, Ф. Чернотубов, С. Бабич²¹. О Турецком Курдистане аналогичный материал приводится в работах Бензенгра, А. Карцева, Д. В. Путяты, Б. Шелковникова и особенно подполковника генштаба П. А. Томилова, опубликовавшего подробнейший отчет в двух томах о своей поездке по восточным и юго-восточным вилайетам Османской империи, и полковника А. М. Колюбакина, результаты путешествий которого по Турции изложены в двух капитальных трудах, насыщенных фактами о деятельности протестантских миссионеров и о положении курдских племен²². Однако пользоваться этими работами можно только с должной осторожностью. Авторы нередко проявляют дилетантизм и предубежденность в вопросах, не имеющих прямого отношения к военной географии и смежным дисциплинам. Например, много неверных сведений о курдах содержат «Записки о Курдистане» Бензенгра. В «Заметках о курдах» полковника Карцева наряду с явно компилятивным изложением обращает на себя внимание антиармянский дух, соответствующий политике царского правительства в армянском вопросе в этот период. В других статьях, напротив, проявляется предвзятое отношение к курдам.

Описания путешествий консульских работников наиболее ценны сведениями социально-экономического и политического характера. Таковы записки о Персидском Курдистане служащего российских консульств в Персии Д. Д. Беляева²³ и о Турецком Курдистане — К. Н. Смирнова²⁴. Секретарь консульства в Битлисе Лойко дал квалифицированное описание Битлисского вилайета, одного из главных центров курдского движения в Османской империи²⁵. Особый интерес представляет фундаментальный труд вице-консула в Ване Р. И. Термена об области Хакяри, расположенной в самом сердце Курдистана и населенной наряду с курдами также ассирийцами,

армянами и другими народами²⁶. Являясь всеобъемлющим справочником обо всем, что имеет отношение к санджаку Хакяри и его населению, эта книга содержит много полезных сведений для настоящей работы. Генеральный консул в Багдаде А. А. Орлов, объехавший турецко-персидскую границу накануне мировой войны, оставил ценные записи о местных курдских племенах²⁷.

Среди путешественников из России были лица и духовного звания. Их произведения большей частью касаются вопросов пропаганды православия среди христианских меньшинств Турции и Ирана. Исключением являются путевые очерки двух армянских священников — Г. Срвандзтянца и особенно Р. Бекгулянца²⁸ (173). Последний сделал интересные и глубокие наблюдения, касавшиеся аграрного строя на востоке Малой Азии и взаимоотношений между курдами и армянами²⁹.

Мемуаров по теме почти нет. Некоторые сведения о взглядах султана Абдул Хамида II на курдский и армянский вопросы сообщает издатель его «Мыслей и воспоминаний» Али Вахби-бей³⁰, однако достоверность этого материала, носящего ярко выраженный апологетический характер по отношению к султану и не подкрепленного точными ссылками на время и место высказываний, внушает сильные подозрения. К тому же читателю не всегда ясно, что из сказанного принадлежит самому султану, а что — его издателю. Кое-какие факты о курдах и ассирийцах можно найти в крайне субъективных и тенденциозных воспоминаниях британского генерала Денстервиля, сыгравшего видную роль в истории контрреволюции в Закавказье³¹.

Зарубежная нарративная литература по числу названий, может быть, не уступает русской, но по качеству значительно хуже.

Основную часть нарративных произведений западных авторов по данной теме составляют описания путешествий по Курдистану и соседним землям, совершенных в рассматриваемое время. Эти описания были часто весьма поверхностными, наполненными картинками природы и развалин древностей, историческими реминисценциями и краткими, порою неточными сведениями о нравах и обычаях аборигенов. Западные путешественники обычно не искали подлинных причин, особенно внешнеполитического порядка, которые приводили к тяжелым внутренним потрясениям в Курдистане и Армении, избегали заниматься историческим, а тем более социально-экономическим анализом.

В первую очередь сказанное относится к трудам миссионеров, обращавших преимущественно внимание на христианское население Турции и Ирана и третировавших основное население собственно Курдистана — курдов. Такова книга

Изабеллы Бэрд (псевдоним — Бишоп)³², в которой преобладают визуальные наблюдения над ландшафтами и брань в адрес курдов; в работе Хизла и Марголиус «Курды и христиане» говорится главным образом о миссионерской деятельности среди ассирийцев³³. Значение миссионерской литературы для настоящей темы невелико.

Из путешествовавших по восточным вилайетам Турции и западным провинциям Ирана европейцев большинство были англичанами. Это объясняется, конечно, не столько известной страстью англичан к перемене мест, сколько тем интересом, который издавна проявляли к этим землям и их населению влиятельные колониальные круги Великобритании.

Среди английских путешественников были такие, которые, хотя и посещали курдские районы, о самих курдах умудрились не сообщить ничего существенного. К ним относится, например, известный знаток истории Ирана и Афганистана Перси Сайкс, несмотря на то что он, по собственным словам, провел в Иране восемь лет и проделал по стране 10 тыс. миль³⁴. Так же разочаровала книга Люка, посетившего в 1907 г. Северный Ирак и подробно описавшего только местные достопримечательности и деятельность различных религиозных сект³⁵.

Справедливость требует признать, что не все английские путешественники страдали верхоглядством. Так, фундаментальный труд Линча «Армения», второй том которого целиком посвящен Турецкой Армении, систематизирует массу наблюдений автора об этой стране и всех ее обитателях, среди которых было много курдов³⁶. В 1889 г. Иран посетил в качестве корреспондента «Таймс» молодой Джордж Керзон, вскоре круто пошедший в гору и ставший признанным лидером ультраимпериалистических кругов Англии. Результатом его поездки явилась книга «Персия и персидский вопрос»³⁷, для написания которой привлечены и литературные источники. Мимо этой фундаментальной работы, содержащей наряду с ценным информационно-справочным материалом и важные обобщения, касающиеся международной стороны вопроса и политики британских правящих кругов, не может пройти ни один исследователь ближневосточных проблем эпохи довоенного империализма. Член парламента лорд Уорксворт издал дневник своего путешествия по Азиатской Турции, в котором значительное место уделено курдам³⁸. Другой путешественник — Перси сообщил интересные подробности о внутреннем положении в населенных курдами и ассирийцами вилайетах Юго-Восточной Турции³⁹.

Английский консул в Басре и Тебризе Вратислав изложил, правда довольно поверхностно, свои впечатления о многолетнем пребывании в Ираке и Иране, не обойдя вниманием и курдов⁴⁰.

В то же время использование перечисленных и им подобных трудов для научных целей затруднено из-за грубой тенденциозности, граничащей с прямой фальсификацией исторических фактов. Для суждений многих западных путешественников характерен поверхностный взгляд на явления, с которыми они сталкивались, проникнутый к тому же типично колонизаторским, оскорбительно-пренебрежительным отношением к местному населению. Перси, например, писал: «Все жители Востока — дети, а средний туземец Анатолии и Курдистана не только ребенок, но и обладает весьма ограниченными умственными способностями»⁴¹. Подобный образ мыслей, соответствующий концепциям Керзона — Киплинга и их единомышленников, у британских «знатоков» Ближнего Востока — не исключение, а правило⁴². Эти авторы третируют курдов как нацию грабителей и разбойников, извращают освободительную борьбу курдского народа, которая в их изображении подменяется межнациональными эксцессами.

Другая фальсификаторская тенденция наблюдается при освещении политики России на Ближнем Востоке, и в особенности на востоке Малой Азии и в Западной Персии. Следуя антирусскому внешнеполитическому курсу Англии, проводимому в течение большей части XIX и в начале XX вв., Керзон, Линч и другие сторонники официальной имперской доктрины бездоказательно взваливали на Россию всю вину за внутренние потрясения в Курдистане и Армении, и конкретно — за резню армян, обвиняли ее в безудержных захватнических поползновениях на Ближнем Востоке. Подобные утверждения преследовали вполне конкретную цель: замаскировать наличие у Англии собственных агрессивных планов в отношении «османского наследства» и всего Ирана, скрыть от общественности ту неприглядную роль, которую сыграли английские империалисты в трагической судьбе армян, курдов и других гонимых народов⁴³.

Правда, в записках английских путешественников, опубликованных в более позднее время, в эпоху англо-русского сближения, тенденциозность уже не проявлялась в столь обнаженном виде. Так, записки секретаря комиссии по турецко-иранскому разграничению Хаббарда выгодно отличаются объективным тоном и наличием многих метких наблюдений о пограничной полосе и ее разнородном населении⁴⁴. В книге Марка Сайкса (члена палаты общин, сыгравшего видную роль в ближневосточной политике Англии во время и после первой мировой войны) «Последнее наследство халифов»⁴⁵, вторая часть которой представляет собой описание его путешествий по Малой Азии, Курдистану и арабским вилайетам в 1908—1913 гг., уделено немало внимания курдам; в частности, в ней привлекает внимание список всех курдских племен Турции и их подразделов, наиболее полный в имею-

щейся литературе⁴⁶. Особо следует отметить книгу Сона «В Месопотамии и Курдистане — инкогнито»⁴⁷. Автор, впоследствии видный работник британской военной администрации в Ираке, несколько лет провел под видом туземца среди курдских племен Сулеймании и сделал много любопытных наблюдений, касавшихся быта и внутреннего строя иракских и иранских курдов.

Литературное наследство путешественников по Курдистану в указанное время из других западных стран невелико и малоценно. Помимо популярного очерка Жюлья Леклерка⁴⁸ и полезного пособия по исторической географии района А. Биллербека⁴⁹ специального упоминания заслуживает книга французского путешественника графа де Шоле⁵⁰, в которой содержится подробное описание нравов и обычаев курдских племен, а также политики турецких властей по отношению к ним, и путевые записки Мюллера-Симониса, отличающиеся наблюдательностью и вниманием к деталям⁵¹. У этих авторов, как и у большинства английских путешественников, отношение к курдам пренебрежительное.

Нами использована также русская и западноевропейская периодика того времени (восточной прессы, к сожалению, в нашем распоряжении не оказалось). По своему характеру эта литература приближается к предыдущей, часто даже совпадает с ней, ибо корреспонденции в газетах и статьи в журналах, как правило, отражали непосредственные впечатления очевидцев и могут поэтому служить источниками информации. Наибольшую ценность в этом отношении для настоящей темы опять-таки представляет русская пресса, чья осведомленность о курдах и курдском вопросе благодаря территориальной близости Курдистана и наличию там собственных корреспондентов была довольно высока.

Сказанное не относится к центральным русским газетам, выходившим в Петербурге и Москве, поскольку сведения по курдскому вопросу попадали на их страницы случайно и редко. Зато кавказские газеты (особенно выходившие в Тифлисе «общественная» газета «Тифлисский листок» и официоз «Кавказ») имели корреспондентов в Турции и Иране, в том числе в их армянских, курдских и азербайджанских провинциях. Кроме того, эти газеты нередко перепечатывали новости по интересующим нас вопросам из армянских газет Закавказья, Турции и Ирана, а также из турецких и персидских газет. Следя с пристальным вниманием за событиями в соседних странах, кавказские газеты помещали также корреспонденции и телеграфные сообщения из тех европейских газет, которые для нас недоступны. Понятно, что наряду с правдивой информацией в эти газеты попадало и много вымысла, поэтому при работе с ними приходилось все время сверяться с другими источниками.

Плодотворным было обращение и к географическим журналам и служебным изданиям Кавказского военного округа и Военного министерства, таким, как «Записки» и «Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества», «Известия штаба Кавказского военного округа», «Сборник сведений о сопредельных странах, добытых разведкой», «Сборник главного управления генерального штаба» и др. В них систематически помещались статьи, обзоры и справки, касавшиеся курдов и курдского вопроса, курдо-армянских отношений, пограничного конфликта между Турцией и Персией и прочих важных для данной работы сюжетов⁵². Написанные сведущими людьми, эти работы со служили полезную службу для настоящего исследования, если сделать, конечно, необходимые поправки на отмеченную выше тенденциозность в подаче материала.

Весьма полезным было, наконец, ознакомление с «Армянским вестником», выходившим с 1916 по 1918 г. Этот еженедельник подробно освещал обстановку на турецко-азиатском театре первой мировой войны. Правда, необходимо учитывать, что некоторые материалы подавались в «Армянском вестнике» с националистических позиций.

Попытка систематического обследования западноевропейских газет потерпела неудачу, так как они были осведомлены о курдах очень плохо и выступали по курдскому вопросу редко и некачественно, часто сознательно или по неведению путая курдский вопрос с армянским или подменяя эти вовсе не идентичные понятия. Поэтому английские, немецкие и другие западноевропейские газеты использовались нами в основном или по имеющемуся в АВПР досье, или по перепечаткам из русских газет.

Больше материала о курдах помещали также французские, английские и немецкие журналы того времени, особенно те, которые специализировались на освещении ближневосточной и мусульманской тематике («Revue du monde Musulman», «L'Asie française», «The Geographical Journal», «Asien»). Из них почерпнуты важные сведения, главным образом о курдских движениях и о политике держав в Курдистане.

В историографии настоящая тема специально не разрабатывалась. Однако для написания работы потребовалось изучение в первую очередь курдоведческой литературы по разделу новой и новейшей истории, экономики и политики⁵³.

В этой связи в дореволюционном русском курдоведении выделяется не потерявшая до сих пор своего научного значения капитальная работа П. И. Аверьянова о военной истории курдов в XIX в.⁵⁴. В западной науке работ, равноценных книге Аверьянова, тогда не было.

Среди комплексных курдоведческих работ незаменимым пособием была книга В. П. Никитина «Курды»⁵⁵, отражаю-

щая не только энциклопедические познания автора, но и его богатый личный опыт, приобретенный во время дипломатической деятельности в Иранском Курдистане. Ему же принадлежит серия опубликованных во французских журналах статей, специально посвященных курдам и курдской проблеме в начале XX в. и во время первой мировой войны⁵⁶.

В современной буржуазной историографии по курдскому вопросу наметились две линии: одна из них в той или иной степени отражает точку зрения курдского национализма, другая выдержана в духе проимпериалистической тенденции. Работы «курдофилов» отличаются публицистичностью в ущерб научности. Их значение для данной темы состоит в наличии ценного обличительного материала об антикурдской шовинистической политике правящих кругов некоторых ближневосточных стран и западных держав⁵⁷. Среди работ авторов прозападного направления выделяется фундаментальный труд Эдмондса об Иракском Курдистане⁵⁸, содержащий материалы и по исследуемому периоду. Авторы других работ такого типа, как правило, — лица, весьма далекие от науки. Их работы почти целиком посвящены новейшему периоду, главным образом событиям, происходившим после второй мировой войны⁵⁹.

Что касается книг курдских историков, выходивших на восточных языках (работы Абдул Азиза Ямулки, Рашида Ясеми, Бледжа Шарко, Нури Дерсими, Амина Зеки и др.), то это в основном хроники событий и жизнеописания курдских вождей; содержащийся в них оригинальный материал полезен для справок.

Настоящее исследование опиралось на достижения советского курдоведения. В частности, в постановке отдельных проблем существенную помощь оказали работы О. Л. Вильчевского и К. К. Курдоева⁶⁰, отличающаяся высоким библиографическим уровнем и полнотой «Библиография по курдоведению» (составитель Ж. С. Мусаэлян).

Ближе всего к теме настоящего исследования стоят старая статья Курд Оглу «Курды и империализм», страдающая, однако, односторонностью в оценке политики России по отношению к курдам, работа Дж. Джалиле «Восстание курдов 1880 г.» и особенно послужившая своего рода отправным пунктом для данной книги монография Н. А. Халфина «Борьба за Курдистан», впервые доказывающая наличие курдского вопроса в системе международных отношений на Ближнем Востоке в течение всего XIX в.

Для составления настоящей работы были изучены многочисленные труды общего характера, посвященные не только курдам и Курдистану, но и истории Османской империи и Ирана в XIX и начале XX в., истории международных отношений на Ближнем Востоке, а также специальные и попу-

лярные монографии, касавшиеся отдельных проблем, которые в той или иной степени имеют отношение к главной линии повествования.

Из дореволюционной русской литературы этого плана полезным было ознакомление с обзорными страноведческими книгами о Турции, Иране, о курдо-армянских провинциях этих государств, об экономических и политических интересах России в них⁶¹. Точка зрения авторов этих работ — обычно официозная, соответствующая политике царизма на Ближнем Востоке. Кроме того, была просмотрена и литература по армянскому вопросу, но без особого результата: в ней патетика подчас подменяет поиски подлинных причин трагедии армянского народа в Турции⁶².

Советская литература по армянскому вопросу в Турции оказала значительную помощь в работе над книгой. Одним из первых обобщающих трудов по этой проблеме была книга Б. А. Борьяна⁶³. Полезным было ознакомление с некоторыми кандидатскими диссертациями, посвященными политике западных держав в армянском вопросе⁶⁴. Из новейшей советской литературы для настоящей темы имеют значение работы по аграрному вопросу в Западной (Турецкой) Армении⁶⁵. Несомненной заслугой советских ученых из Армянской ССР, занимающихся этой проблематикой, является то, что они ввели в научный оборот большое количество неизвестных ранее материалов и документов на армянском языке.

Обращение к советской литературе о турецко-азиатском и персидском театрах первой мировой войны помогло осветить одну из центральных и самых сложных проблем исследования. В первую очередь имеются в виду труды видного военного историка и непревзойденного знатока всего ближневосточного плацдарма, генерал-лейтенанта Н. Г. Корсуна, которые посвящены детальному разбору операций на Кавказском фронте и являются до сего времени образцовыми⁶⁶, дают надежную основу для постановки вопросов военно-стратегического и оперативного порядка.

Преимущественно военным вопросам посвящена специальная работа Е. Ф. Лудшувейта о Турции периода первой мировой войны, обращающая на себя внимание тщательно выполненным справочным аппаратом и исчерпывающими материалами германского происхождения⁶⁷. В изучении иранского вопроса помощь оказали работы А. И. Звавича, М. Н. Ивановой, Т. С. Коротковой, Л. И. Мирошниковой⁶⁸.

Обращение к зарубежной литературе о Турции, Иране и международных отношениях на Ближнем Востоке расширяет кругозор исследователя курдской проблемы, проливает дополнительный свет на многие неясные моменты, но не более того. Из описательных работ следует выделить фундаментальный труд Кюине, содержащий огромный справочный

и статистический материал по Азиатской Турции, в том числе и по курдо-армянским вилайетам⁶⁹. Правда, источниковедческая база этой работы далеко не безупречна: это — турецкие статистические ежегодники «сальнаме», составленные на основе дефектных и часто фальсифицированных переписей.

Западная литература по армянскому вопросу многочисленна, но познавательная ее ценность для данной темы невелика. Ее главный порок — поверхностность и незнание предмета во всем его объеме (особенно в области курдо-армянских отношений). В лучшем случае западные авторы отделяются прекрасноречивым либерализмом⁷⁰, а чаще всего проводят идею необходимости вмешательства «Европы» в конфликты, происходившие в Турции⁷¹. Империалистический характер такой рекомендации очевиден.

Зарубежная историография Ирана велика и разнообразна, но для данной темы она имеет познавательное значение только в самом общем смысле. Как в трудах, посвященных изучаемой нами эпохе (например, В. Берара, Э. Брауна)⁷², так и в сводных работах⁷³ интересующие нас вопросы иранской истории в лучшем случае удостоены простого упоминания. Специальный интерес представляет лишь монография Мартина о германо-персидских дипломатических отношениях в последней четверти XIX и в начале XX в.⁷⁴, в которой использованы наряду с существующими публикациями разных стран и прессой неопубликованные архивные материалы Министерства иностранных дел кайзеровской Германии. Эти документы вносят существенные уточнения в историю турецко-иранского пограничного конфликта⁷⁵.

То же самое можно сказать о западной историографии Ирака. Отдельных работ по новой истории этой страны нет. В обобщающих же исследованиях сведения слишком элементарны. Таковы книги Г. Фостера, Э. Нольде, Ф. Айрленда, С. Лонгрига⁷⁶. Наиболее полезным было обращение к работам видных деятелей британской колониальной администрации на Арабском Востоке А. Вильсона и Г. Белл⁷⁷, в которых сквозь призму империалистических устремлений правящих кругов Англии освещается их политика по отношению к курдам Ирака во время первой мировой войны.

Западноевропейская и американская литература по истории международных отношений и внешней политики держав на Ближнем Востоке в эпоху довоенного империализма и первой мировой войны необъятна, и изучение ее, конечно, было совершенно необходимо, но по интересующей нас проблематике она не содержит никакого конкретного материала, что само по себе показательное.

Итак, существующая литература для раскрытия и освещения темы настоящего исследования в лучшем случае имеет вспомогательное значение.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ У КУРДОВ

СТРАНА И НАСЕЛЕНИЕ

В XIX — начале XX в. курды были сосредоточены в основном в районах Османской империи и Ирана, расположенных между 34° и 40° северной широты и 38° и 48° восточной долготы [приблизительно от линии Хамадан — Урмия (ныне Резайе) — Хой — Маку на востоке до линии Биреджик — Малатья — Эрзинджан на западе и от линии Ханекин — Киркук — Мосул — Халеб (Алеппо) на юге до линии Джульфа — Карс — Эрзерум на севере]. Эта территория занимала в меридиональном направлении около 1 тыс. км, а в широтном от 300 до 500 км; ее площадь составляла свыше 400 тыс. кв. км (примерно территории Англии, Ирландии, Бельгии, Голландии и Дании, вместе взятые). В указанных пределах находились следующие исторические и этнические области: Западная (Турецкая) Армения, собственно Курдистан и Южный (Иранский) Азербайджан [Эрзерумский, Ванский, Битлисский, Харпутский (Мамурет-уль-Азизский), Диарбекирский, Халебский и Мосульский вилайеты Турции, Соуджбулакское, Урмийское, Тебризское и Керманшахское губернаторства и Макинское ханство в Иране].

Кроме того, отдельные группы курдов обитали западнее, восточнее и севернее этого района (в Турции главным образом в районе Коньи, в Иране — в Хорасане, в России — в Карсской области, Эриванской губернии и в Азербайджане).

В географической и историко-политической литературе понятие «Курдистан» до сих пор точно не определено ни в отношении самого термина, ни в отношении размеров территории, занимаемой этой страной. Это следует учитывать при чтении настоящей работы. В. П. Никитин утверждает, что термин «Курдистан» впервые появился только в XII в., в эпоху Сельджукидов, а в литературных источниках — в середине XIV в., в сочинении Хамдуллы Мостоуфи Казвини «Нузхат аль-Кулуб» (1335—1340)¹. Нельзя не согласиться с Никитиным, который пишет: «Название Курдистан, то есть страна курдов, не относится к независимому государству с опреде-

ленными политическими границами, в пределах которых живет население если и не полностью однородное, то по крайней мере в большинстве своем того же этнического происхождения... Единственные провинции, носившие как в Иране, так и в Турции название Курдистан, совершенно не соответствовали намного более обширной области этнической экспансии курдов. Из этого следует, что если хотят знать страну, населенную курдами, то нельзя исходить из названия Курдистан, термина условного и менявшегося со временем и в пространстве, а следует искать другое определение. Найти его окажется возможным, лишь обратившись к физической географии Передней Азии и приняв за основу бесспорно установившийся факт, что курды по преимуществу горцы»². Неопределенность с географической точки зрения термина «Курдистан» отмечали и другие авторы. Изабелла Бэрд, например, писала: «Курдистан — едва ли географический термин, и в разговорном языке это слово употребляется по отношению к стране, населенной курдами»³. Курдистан, писал Керзон, подразумевая его персидскую часть, «географическое обозначение страны, насчитывающей 50 000 кв. миль, которая населена курдами. Этот район не имеет естественных или политических границ»⁴.

В дореволюционной литературе, в том числе и в международных актах, земли, расположенные к северу и северо-западу от оз. Ван, обычно именовались: «Турецкая Армения», или армянские вилайеты (часто также «Западная Армения», иногда — «Великая Армения»), а территории, простиравшиеся к югу и юго-западу от этого озера, — «Курдистан» (подразумевалось — Турецкий). Однако в Турецком Курдистане проживало значительное число армян и ассирийцев, а в Западной Армении — большое количество курдов. Что касается Ирана, то там была отдельная историческая провинция под названием Курдистан, или Арделан, с главным центром Сенне (Сенендедж). Кроме того, много иранских курдов проживало в провинциях Азербайджан, Керманшах и в других.

Населенная курдами территория — сильно расчлененная горная страна, пересекаемая хребтами собственно Курдских гор, Внутреннего и Восточного (Армянского) Тавра и омываемая водами верхних течений рек Тигра и Евфрата, их притоками и крупнейшими на Ближнем Востоке озерами (солеными) — Ван и Урмия. Она очень богата полезными ископаемыми (особенно нефтью), которые, однако, в те времена были почти не разведаны. В долинах существуют благоприятные условия для развитого земледелия; предгорья и склоны с их богатой альпийской растительностью самой природой предназначены для животноводства.

Вопрос о численности курдского населения в исследуемый период — сложный и до сих пор не решенный. Эта на первый

взгляд чисто статистическая проблема имеет политическую подоплеку. Официальные органы Ирана и особенно Турции, проводя в курдских и армянских районах ассимиляторскую, шовинистическую политику, всегда преуменьшали действительное число курдов и других национальных меньшинств. Армянские националисты, исходя из своих интересов, занижали процент курдского населения. Некоторые же курдские политические деятели, отстаивавшие идею создания независимого Курдистана, наоборот, преувеличивали численность и относительный процент курдского населения.

Наименьшую цифру курдского населения дает Элизе Реклю — 1,8 млн., из них 1,3 млн. в Азиатской Турции, 0,5 млн. — в Иране⁵. Это, конечно, явная ошибка знаменитого географа, которую в основном повторили Керзон и французский публицист Виктор Берар (от 1 до 1,5 млн. курдов в Турции и 600—700 тыс. в Иране⁶). Русский полковник А. Карцев определял общее число курдов в Турции и Иране в середине 90-х годов в 2,5—3 млн.⁷; по П. Аверьянову, в Турции накануне первой мировой войны проживало 1 млн. 740 тыс. курдов, из них суннитов 1475 тыс., кызылбашей (али-илахов) — 200 тыс., езидов — 40 тыс. и шиитов — 25 тыс.⁸, а в Иране, по мнению К. Смирнова, — свыше 1 млн. 250 тыс.⁹.

Вскоре после войны комиссия Лиги наций определила численность курдов до 1914 г. в 3 млн. (1,5 млн. в Турции, 700 тыс. в Иране, 500 тыс. в Ираке, 300 тыс. в Сирии и др. странах)¹⁰. Но эти цифры представляются преуменьшенными хотя бы потому, что сотни тысяч курдов погибли во время мировой войны в результате военных действий на Кавказском, Месопотамском и Персидском фронтах, массовых репрессий, голода и болезней. Поэтому, учитывая минимальный естественный прирост населения в военные годы, следовало бы исчислять довоенное курдское население не меньше чем в 4 млн. Эту цифру как самую минимальную и сильно заниженную называют многие авторы, в том числе французский консул в Ване Зарзецки (3 млн. в Турции, 700 тыс. в Иране и 300 тыс. в России)¹¹. Другие источники, в том числе курдские, называли еще более высокую цифру — около 5,4 млн. курдов к началу первой мировой войны (округленно — 3 млн. в Турции, 290 тыс. в Сирии, 750 тыс. в Ираке, 1,3 млн. в Иране и 600 тыс. в России)¹². Французская «Желтая книга» определяла число курдов в Турции в 1892 г. в 3 млн. человек¹³. В России, по данным Кавказского статистического комитета, к 1900 г. числилось свыше 105 тыс. курдов, а в 1909 г. — до 115 тыс.¹⁴. Исходя из всех этих сведений, представляется, что для определения численности курдского населения в исследуемую эпоху наиболее близкой к истине будет цифра 5—5,5 млн. [из них свыше 3,5 млн. в Османской империи (в Турции, Сирии и Ираке), до 1,5 млн. в Иране и при-

мерно 150 тыс. в России (по-видимому, без оседлых и езидов)].

Причина такого разнобоя в цифрах кроется не только в сознательном преувеличении или преуменьшении. В Османской империи и в Иране перепись населения всегда была подчинена фискальным целям. Поэтому значительная часть населения уклонялась от переписи или давала неверные сведения. Оседлые курды — райя, стремясь избавиться от поборов и притеснений со стороны турецких чиновников, нередко выдавали себя за турок¹⁵. Кочевые (аширетные) курды вообще трудно поддавались переписи, ибо они часто меняли место своего жительства, не считаясь с государственными границами. Скрывали свою национальность нередко и курды-сектанты, езиды, али-илахи, в Турции — шииты, стремившиеся избавиться от притеснений по религиозным мотивам. Это вводило в заблуждение не только местных чиновников, но подчас и иностранных наблюдателей. Наконец, в Турецком и Иранском Курдистане были труднодоступные районы, сплошь населенные курдами (Хакяри, внутренние районы гор Тавра, Загроса, Дерсим и др.), подчинение которых центральному правительству было фактически номинальным. Если турецкие чиновники и отваживались иногда посещать эти места, то только в сопровождении военной экспедиции.

Вопрос о национальном составе населенных курдами районов Османской империи и каджарского Ирана еще менее изучен. Аверьянов утверждал, что курды-сунниты составляют до половины населения Турецкой Армении (он имел в виду вилайеты Эрзерум, Сивас и отчасти Трапезунд), 46% населения Ванского, 55% — Битлисского¹⁶ и 64% мусульманского населения Мосульского вилайета. Жителями области Дерсим Харпутского (Мамурет-уль-Азизского) вилайета и соседних каз целиком являются курды-кызылбаши (али-илахи), курды-езиды жили в Ванском вилайете, но в основном — в Мосульском, в горах Синджара к северу от Мосула¹⁷, в Халебском вилайете Сирии курды составляли 15% населения¹⁸. Наконец, Иранский Курдистан был населен главным образом курдами.

Согласно данным неполной и дефектной переписи, проведенной в Турции незадолго до войны, и приведенным выше цифрам Аверьянова, на 3 млн. населения Эрзерумского, Харпутского, Диарбекирского, Битлисского, Ванского и Мосульского вилайетов¹⁹ приходилось свыше 1,5 млн. курдов. Даже если признать эти данные заниженными, процентное соотношение будет, по-видимому, примерно таким же.

Вместе с курдами Восточную Турцию и Западный Иран населяли армяне (свыше 1 млн. в исследуемый период), ассирийцы (около 200 тыс.), азербайджанцы, турки, арабы, персы²⁰.

Курды, армяне и другие народы большинства районов Восточной Анатолии и Западного Ирана жили в тесном соседстве друг с другом. Демографическая картина этого района представляла пеструю мозаику смежных курдских, армянских, азербайджанских, турецких и ассирийских селений²¹. Оседлые курды жили главным образом в сельской местности. Были и смешанные курдо-армянские деревни. В городах курдов было сравнительно немного. Например, в Баязиде их насчитывалось 434 из 2 тыс., в Мараше — 16 тыс. из 52 тыс., в Диарбекире — 4,1 тыс. из 34 тыс., в Мардине — 4 тыс. из 25 тыс.²². Подлинными курдскими центрами можно было в то время считать в Турции Битлис²³, в Ираке — Сулейманию (где из 15 тыс. жителей около 14 тыс. были курдами), в Иране — Соуджбулак и Сенне.

КРАТКИЙ ОЧЕРК КУРДСКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В XIX в.

Древняя и средневековая история курдов почти не изучена. Отдельные отрывочные сведения о предполагаемых предках курдов обнаружены еще в ассирийских памятниках²⁴. В эпоху парфянских Аршакидов (III в. до н. э. — III в. н. э.), Сасанидов (III—VII вв.), Омейядского и Аббасидского халифатов (VII—XI вв.), Сельджуков (XI—XIII вв.) курды входили в состав огромных разнородных империй. Опустошительное нашествие монголов в середине XIII в., разрушившее Багдадский халифат, нанесло тяжелый ущерб и курдам, которые, спасаясь от гибели, вынуждены были переселиться из долин в горы. Не улучшилось положение народов Курдистана и в последующие два с половиной столетия, когда его территория, входившая в состав государств Хулаги-дов, Тимуридов, Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, была ареной бесконечных войн и нашествий.

Начало XVI в. — переломный момент в истории курдов. В 1514 г., когда турецкий султан Селим I Явуз разгромил при Чалдыране войска персидского шаха Исмаила Сефевиды, Западный, Южный и Центральный Курдистан вошли в состав Османской империи, Восточный остался под властью Ирана. Однако раздел Курдистана между двумя могущественными централизованными империями, пришедшими на смену многочисленным, враждовавшим между собой феодальным княжествам, не принес курдам мира и спокойствия. В течение следующих трех столетий Курдистан был ареной бесконечных войн, которые вели между собой Турция и Иран, и не раз его отдельные части переходили из рук в руки. Турецкие султаны и персидские шахы, прикрываясь религиозными мотивами (Турция — суннитская держава, а Иран — шиитская),

в действительности стремились установить свое безраздельное господство над огромной и чрезвычайно важной в стратегическом отношении территорией, окруженной Главным Кавказским хребтом, Черным, Средиземным и Каспийским морями и Персидским заливом. Курдам и другим народам Восточной Турции и Западного Ирана ничего, кроме новых бедствий, эти войны не принесли. В сущности, они были безрезультатны для правящих кругов Турции и Ирана. После последней турецко-иранской войны, закончившейся в 1823 г. подписанием Эрзерумского мирного договора, между обеими странами была установлена граница примерно такая же, какая сложилась за триста лет до этого, в период завоевательных походов султана Селима I.

Обстановка перманентной войны, существовавшая в Курдистане в течение многих столетий, создавала серьезные препятствия для экономического, социального, политического и культурного прогресса курдов, складывания единой курдской народности, развития курдской государственности, своевременного отмирания отживших формаций. Курды, обитавшие на большей части занимаемой ими ныне территории не менее двух с половиной тысяч лет, к началу XIX в. отстали в своем развитии по сравнению с проживавшими в этом же районе и по соседству турками, арабами, персами, армянами, азербайджанцами и некоторыми другими народами. Кроме того, на рубеже XIX в. над курдами нависла новая грозная опасность в лице европейских колониальных держав, которые воспользовались прогрессирующим ослаблением и распадом огромных феодальных империй — Турции и Ирана — для захвата и раздела их владений.

Своеобразие исторического развития курдов и их расселение на смежных территориях двух непрерывно враждовавших между собой держав определили особое положение этого народа по отношению к центральной власти как в Турции, так и в Иране. Турецкое правительство намеревалось создать из курдов своего рода казачество, которое в случае нашествия иранских войск должно было быть использовано в качестве военного заслона. В XVI в. курды были переселены в районы Эрзерума, Эривани и Карса. Они были освобождены от всех податей при условии несения службы по защите границ²⁵.

Однако эти расчеты не оправдались. Резкое военное и политическое ослабление Османской империи в XVII—XVIII вв. вызвало упадок центральной власти, оживление центробежных тенденций на окраинах империи. Среди курдов эти тенденции принимали форму сепаратистских движений, руководимых феодализирующейся кочевой знатью. Сходные процессы происходили и в Иране. Ослаблению власти турецких султанов и персидских шахов над курдами способствовали и турецко-иранские войны, во время которых курды

могли менять подданство, становиться на сторону того, кому улыбается военное счастье. В результате курды смогли завоевать себе относительную независимость даже в таких деспотических государствах, какими были Османская империя и шахский Иран.

Уже к концу XVIII — началу XIX в. большинство курдских племен Восточной Анатолии и Северного Ирака добились фактической независимости от турецких властей. Крупнейшими независимыми княжествами были Ревандузское, Бохтанское, наследственный курдский Баязидский пашалык, езидский эмират в Синджаре, бейские владения в Дерсиме и др.

Иранский Курдистан также был раздроблен на множество полусамостоятельных ханств, лишь формально подчиненных курдистанскому вали. То к Турции, то к Ирану, в зависимости от военно-политической ситуации, примыкали хакарийский эмир в Джуламерке (ныне Челемерик) и правитель Сулеймании, присвоивший себе при поддержке иранского правительства титул курдистанского паши. Кроме того, многие крупные курдские светские и духовные феодалы, пользовавшиеся большим авторитетом, не признавали вообще ничьей власти, как, например, орамарские или шемдинанские шейхи.

Итак, к началу XIX в. Курдистан находился в состоянии феодальной раздробленности. Многочисленные курдские ханы, эмиры, шейхи и беки постоянно враждовали с турецким или персидским правительствами, а также друг с другом. Грабежи, набеги, мелкие стычки и крупные военные столкновения были тогда в Курдистане обычным явлением.

В XIX в. внутривосточное положение в Курдистане коренным образом изменилось. Решающее значение в исторических судьбах курдского народа приобрели русско-иранские и особенно русско-турецкие войны. Если в XVIII в. ареной русско-турецких военных столкновений было в основном Северное Причерноморье, то в следующем столетии борьба переместилась, с одной стороны, на Балканский п-ов, а с другой — в Закавказье. Именно кавказский плацдарм сыграл (прямо и косвенно) большую роль в последующей истории курдов.

К концу третьего десятилетия XIX в., главным образом в результате русско-иранской войны 1826—1828 гг. и русско-турецкой войны 1828—1829 гг., границы Российской империи приблизились к самому Курдистану, а часть курдов стали русскими подданными. Поражения турецкой армии на Кавказском и других фронтах, растущая зависимость Османской империи от европейских держав привели к полному падению престижа центральной власти в Турецком Курдистане. Это особенно наглядно показала война 1828—1829 гг., когда одни крупнейшие курдские феодалы (Ахалцихский — Селим-

паша, Баязидский — Балиоль-паша, Мушский — Эмин-паша) сотрудничали с русскими военными властями, а другие соблюдали нейтралитет или вели двойную игру (эмир Хакари, князь Иракского Курдистана)²⁶. Поражение в этой войне привело к тому, что почти все курдские районы Малой Азии освободились от турецкого господства, вся власть сосредоточилась главным образом в руках местных курдских феодалов, прямое сообщение между Стамбулом и Багдадом было прервано.

Положение Турции стало чрезвычайно серьезным, особенно в связи с успешными действиями правителя Египта Мухаммеда Али, нанесшего в 1831—1832 гг. султанским войскам ряд тяжелых поражений. Поэтому, после того как был временно урегулирован конфликт с египетским пашой (Кютахийское перемирие от 9 мая 1833 г.) и международное положение империи несколько стабилизировалось в результате подписания с Россией Ункяр-Искелесийского договора (8 июля 1833 г.), султан Махмуд II в первую очередь обратил особое внимание на курдов. В 1834 г. 20-тысячная турецкая армия во главе с Мехмед Решид-пашой «огнем и мечом» прошла весь Курдистан. Это было по существу вторичное завоевание страны, сопровождавшееся неимоверными жестокостями. Наследственные курдские паши были низложены, курдский сепаратизм сломлен, страна временно умиротворена.

Однако в труднодоступных районах к югу от оз. Ван и в области Хакарии турецким властям не удалось подорвать власть курдских вождей. Влиятельнейший курдский шейх Бадр-хан в 1843 г. поднял в Джазире восстание, вскоре распространившееся на соседние районы и длившееся три года. При этом имели место насилия по отношению к хакарийским ассирийцам, в чем были повинны не только отдельные курдские феодалы, но и английские и американские миссионеры, деятельность которых среди местных христиан имела в сущности подстрекательски-провокационный характер. Когда же восстание Бадр-хана приняло широкие размеры, державы настойчиво потребовали от Порты его скорейшего подавления, что и было с большой жестокостью осуществлено турецкими войсками. Народы Курдистана получили, таким образом, первый урок своекорыстного вмешательства европейских колониальных держав, которое и тогда, и впоследствии объективно приводило к резкому обострению национальной вражды, религиозного фанатизма, сильно затрудняло разрешение национального вопроса в Турции.

Казалось, курды были окончательно сломлены. В действительности же они не примирились со своей участью и лишь выжидали удобного момента, чтобы вновь попытаться сбросить турецкое иго. Этот случай представился очень скоро, во время Крымской войны 1853—1856 гг.

Подавляющее большинство турецких курдов отказались поддержать военные усилия империи, а значительная их часть наносила турецкой армии удары с тыла. На стороне турецких войск сражались не более 8 тыс. курдских всадников, но и они принесли очень мало пользы. По словам Аверьянова, курды проявляли «полное равнодушие к турецкому правительству», что явилось важной причиной неблагоприятного для турецкой армии хода военных действий на Кавказском театре²⁷.

Дело не ограничилось пассивной нелояльностью курдского населения по отношению к Османской империи. В этот период в Турецком Курдистане произошло одно из крупнейших освободительных восстаний, которое поднял в декабре 1854 г. племянник Бадр-хана Езданшир, воспользовавшийся поражениями турок на Кавказском фронте.

Восстание под руководством Езданшира сразу приняло общенародный характер. Помимо основных племен Юго-Восточной Анатолии и Северного Ирака к нему примкнули езиды Джебель-Синджара и, что особенно примечательно, ассирийцы и даже частично арабы. В начале января 1855 г. повстанцам удалось овладеть местностью Васпуракан и Мосулом. К концу января войско Езданшира насчитывало до 30 тыс. бойцов, а в феврале, по некоторым свидетельствам, уже до 100 тыс. Вскоре восстание охватило значительное пространство от Багдада до Вана. Выступивший против Езданшира багдадский паша был разбит курдами. Повстанцы захватили Битлис, Сиирт и другие города. Курды беспощадно расправлялись с турецкими чиновниками. Одних только мутесаррифов (начальников санджаков) было убито 16 человек.

Езданшир обратился к русскому командованию с просьбами о помощи; взамен он предлагал свою поддержку против турок. Однако его неоднократные обращения не находили у русского командования никакого отклика отчасти из военно-тактических соображений, отчасти из-за косности, плохой осведомленности о внутривосточном положении в восточных провинциях Османской империи и непонимания потенциального значения для России позиции курдских племен. Участник военных действий на Кавказском фронте генерал-майор М. Лихутин, отмечая, что не все обращения Езданшира к русскому командованию дошли до назначения, заметил: «...во всяком случае мы едва ли предприняли бы что-нибудь»²⁸.

Отказ русских сотрудничать с повстанцами поставил последних в тяжелое положение, ибо собственными силами они не были в состоянии бороться с регулярными и хорошо вооруженными турецкими войсками. Этим немедленно воспользовались союзники турок англичане, которые боялись, что дальнейшее развитие курдского восстания неминуемо приведет

Турцию к военной катастрофе на Кавказском театре²⁹. Английский консул в Мосуле вступил в переговоры с Езданширом и другими курдскими вождями. Он склонил их к примирению с турецким правительством. В карманы курдской верхушки потекло английское золото. Один Езданшир получил 400 кошельков курушей³⁰. В результате некоторые феодалы отошли от восстания. Сам Езданшир, поверив честному слову английского консула и турецкого паши, поехал в условленное место на свидание с турецкими представителями, где был предательски схвачен и увезен в Стамбул. Оказавшись без руководителя, повстанцы прекратили борьбу³¹.

Восстание Езданшира потерпело неудачу не только из-за отказа в помощи со стороны России, но и вследствие отсутствия единого руководства, неспособности курдской феодальной верхушки создать боеспособную армию, сплотить вокруг себя весь народ, изжить междоусобные распри.

Поражение курдов во время Крымской войны не примирило их с турецким игом. Уже в начале 1856 г. в Курдистане вновь вспыхнули волнения в связи со слухами, что русские намерены возобновить наступление³².

В царствование султана Абдул Азиза (1861—1876 гг.) были усилены репрессии против непокорных курдских племен. Главному усмирителю курдов Измаилу Хаккы-паше (курд по национальности) удалось утвердить власть центрального правительства во всем Турецком Курдистане, за исключением труднодоступной горной области Дерсим, где обитали свободлюбивые племена курдов — али-илахов, которых «ни кнутом, ни пряником» нельзя было принудить к безусловной покорности³³.

Поверхностному наблюдателю могло показаться, что курды смирились со своей участью. Но как только появились первые признаки нового конфликта России с Османской империей, Турецкий Курдистан вновь начал бурлить.

В 1876 г. многие курдские вожди предложили России свое сотрудничество, но встретили отказ³⁴. Это привело к тому, что во время войны 1877—1878 гг. курды не стали союзниками русских войск; более того, многие курдские племена приняли участие в объявленном против русских джихаде. В их числе был глава небольшого племени в Орамаре (округ Хакяри) и одновременно популярного среди курдов мусульманского дервишского ордена накшбенди шейх Обейдулла Нехри, пользовавшийся огромным влиянием в Курдистане, ибо считалось, что он по прямой линии происходил от Халеда — двоюродного брата пророка Мухаммеда. Однако ощутимой помощи турецким войскам, действовавшим на Кавказском театре, курды не оказали. А племена Карсского пашалыка и Дерсима или сотрудничали с русскими войсками, или находились во враждебном по отношению к Турции нейтралитете.

Поражение Турции в войне немедленно отозвалось в Турецком Курдистане. Уже в октябре 1878 г. сыновья Бадр-хана Хусейн и Осман подняли восстание, которое властям удалось подавить лишь с большим трудом, двинув против курдов все наличные войска³⁵. По словам генерального консула России в Эрзеруме Обермиллера, это восстание «объясняется желанием курдов возратить себе независимость, которой они пользовались при Бадыр-хане, в царствование султана Махмуда, а теперь прошедшая война подорвала авторитет власти турок»³⁶.

После подавления восстания влиятельнейшие курдские вожди, решив, что их надежды на завоевание независимости в рамках Османской империи несбыточны, обратили свой взор на соседний Иран, где центральная власть была крайне слаба, а в курдских районах и вовсе эфемерна. Возник и скоро получил широкое распространение план создания там курдского государства. Горячим сторонником этой идеи был шейх Обейдулла. В конце июля 1880 г. в Шемдинане он созвал съезд курдских вождей всего Курдистана, где был поставлен вопрос о союзе всех курдских племен. Обейдулла, отвергнув провокационное предложение организовать повсеместную резню армян и других христиан³⁷, выступил за создание независимого курдского княжества в Иране, к которому в дальнейшем должны быть присоединены курдские земли в Турции. Этот план встретил тайную поддержку турецкого правительства, заинтересованного в направлении курдского движения в сторону восточного соседа и в создании затруднений своему вчерашнему врагу — России, имевшей в Северо-Западном Иране значительные экономические и военно-политические интересы³⁸. Англия, оказывавшая России в те годы активное противодействие на Ближнем Востоке, также одобительно отнеслась к замыслам Обейдуллы.

Обейдулла вторгся в Северо-Западный Иран и начал быстро продвигаться в сторону оз. Урмии. Первоначально его войско состояло из 3—5 тыс. турецких курдов, но вскоре к нему присоединилось значительное число их персидских сородичей. Курды осадили Урмию, но на этом их успехи кончились. «Армия» Обейдуллы быстро распалась на отдельные недисциплинированные отряды, грабившие местное христианское и мусульманское население. Было разорено до 600 селений, насчитывалось много жертв. Основной причиной, определившей поражение курдов в тот период, было отсутствие социально-экономических и политических предпосылок для объединения курдов вокруг одной общей национальной идеи. Известную роль в неудаче шейха Обейдуллы сыграла позиция России, которая, весьма обеспокоенная событиями в Иранском Курдистане, помогла шахскому правительству организовать оборону против Обейдуллы и оказала сильный

нажим на Турцию (сосредоточившую к тому времени в Хакарии значительные силы) с целью заставить ее прекратить потворство и тайную поддержку курдам³⁹. В конечном счете Обейдулла остался почти без всяких сил и вынужден был отступить в пределы Турции, где его арестовали и сослали в Мекку. Так окончилась одна из самых серьезных попыток создать независимое курдское государство.

Внутреннее положение в Турецком Курдистане в 80-х годах XIX столетия продолжало оставаться неустойчивым. Время от времени там происходили волнения, крупнейшим из которых было восстание во главе с Муса-беем, происшедшее в пограничных с Ираном районах. Но в эти годы все большее значение во внутренней жизни восточных вилайетов Османской империи стал приобретать армянский вопрос, непосредственно касавшийся курдского населения и способствовавший тому, что курдская проблема приобрела международное значение.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Для курдского общества и в прошлом, и в значительной мере в настоящее время характерна родо-племенная структура, охватывающая не только кочевых (аширетных) курдов, но и оседлых (райя⁴⁰) (последних, правда, больше формально), которая глубоко пронизывает всю их социальную и политическую жизнь и оставляет неизгладимые следы в психическом складе народа. Все курды-кочевники принадлежали к племенным объединениям, конфедерациям, которые состояли из племен, а те в свою очередь делились на роды. Крупнейшими объединениями были хайдеранли (племена зиян, сипки, джибран, милян, зиркан, адаман и др.), обитавшие в Северо-Западном Курдистане, шеккак — в районе турецко-персидской границы близ Салмаса, хакарийская группа (племена харки, барзан, бахдинан, бохтан, джелали и др.) — к югу от оз. Ван до долины реки Большой Заб, мукри — в районе Соуджбулака (ныне Мехабат), джаф — вдоль рек Дияла и Абе-Сирван в Ираке, бабан и хамавенд — в районе Сулеймании, кельхор и сенджаби — в районе Керманшаха и другие, менее значительные⁴¹. Кроме того, существовало много племен, не входивших ни в какие объединения.

Социально-экономический строй курдских племен в исследуемый период характеризовался господством так называемого кочевого феодализма. Их экономика базировалась в основном на кочевом и отгонном скотоводстве (главным образом овцеводстве) «по вертикали» с регулярными перекочевками на большие расстояния с летних высокогорных пастбищ на зимние, находящиеся в низинах⁴². О разложении родо-

племенных отношений у курдов говорит далеко зашедшее имущественное расслоение внутри каждого племени. Критерием богатства было число голов мелкого и крупного рогатого скота у каждого кочевника.

Специфически курдским социальным институтом была кочевая община «оба», образовавшаяся в период летних перекочевков на горные пастбища. Как показал О. Л. Вильчевский применительно ко второй половине XIX в., глава обы — «оба-баши» — обычно был богатеем, захватившим лучшие летние пастбища и эксплуатировавшим рядовых общинников и нанятых им пастухов.

Однако экономическая власть оба-баши, как правило, не распространялась далее рода или небольшого племени; оба-баши не стали особо влиятельной социально-экономической категорией в курдском обществе. Основные экономические и политические рычаги, при помощи которых эксплуатировалась и держалась в беспрекословном подчинении масса рядовых членов племен, находились в руках курдской племенной верхушки. То были вожди отдельных племен и конфедераций, называвшиеся беями или ага (чаще в Турции), ханами (в Иране), беками (в России). Наиболее влиятельные из них, объединявшие под своей властью многие племена и находившиеся на службе у правительства, в Турции носили титул паши, а в Иране — местные весьма пышные военные и придворные титулы. Неотъемлемой и влиятельнейшей частью курдского феодального класса были духовные лидеры, шейхи и пиры. Они иногда объединяли в одном лице религиозную и светскую власть (в частности, так было у езидов и али-илахов). Были такие шейхи (главным образом из числа предводителей ордена накшбенди), которые, занимая весьма скромное положение в племенной иерархии, тем не менее обладали значительным политическим влиянием только в силу окружавшего их ореола святости (например, руководитель восстания 1880 г. шейх Обейдулла)⁴³.

Классовое расслоение в курдском обществе маскировалось, правда, сильными пережитками «военной демократии». Однако глава племени давно уже был не только «первый среди равных», но и обладал реальной властью над рядовыми единоплеменниками, основанной на богатстве и силе, хотя и выглядевшей подчас патриархальной. Это отмечал уже в 30-х годах XIX в. автор капитальной страноведческой работы о Турции М. В. Вронченко. «...Народ видит в них, — писал он о курдских беях, — не только своих судей и патриархальных властителей, но и защитников от притеснений областных правителей, даже верховной власти, и вождей, которые, сосредоточивая в себе силу племени, заставляют уважать ее»⁴⁴.

В курдской племенной верхушке в исследуемый период выделилась группа крупнейших феодалов, обладавших ог-

ромными богатствами и пользовавшихся фактически неограниченной властью над кочевым и оседлым населением в подчиненных им районах. Типичная фигура того времени, например, вождь племен милли, обитавших в Юго-Восточной Анатолии и Северной Сирии, Ибрагим-паша. Он владел сотнями тысяч баранов, десятками тысяч лошадей, тысячами верблюдов, 5 тыс. ружей; его власть распространялась на 400 деревень, а в подчиненных ему племенах насчитывалось до 10 тыс. семейств. Ему платили дань не только курды-милли, но и многие соседние племена, которым он обеспечивал защиту и покровительство от других племен и от турецких властей⁴⁵. Личное состояние вождя племен хайдеранли Кор-Хусейн-паши оценивалось в 150 тыс. турецких лир. У него было 300 деревень, с жителей которых он взимал налоги в свою пользу, от чего казна терпела большой ущерб. Он обладал значительным политическим влиянием в северо-восточных вилайетах Турции⁴⁶. Подлинным хозяином Битлисского вилайета был вождь джибран Муса-бей, о котором В. А. Гордлевский писал: «На него работали до 80 тыс. курдов, которые во всем ему повиновались, перед ним трепетала вся округа». Муса-бей был фактически независим от местного вилайетского начальства, которое перед ним всегда тушевалось⁴⁷. В том же Битлисском вилайете большую власть забрали владельцы огромных стад хизанский шейх Сейид Али, Хаджи Феро и Бешар Чато⁴⁸. В Козичанской казе Харпутского вилайета единственным собственником земли и повелителем всех местных курдов был Шах Хусейн, он же каймакам казы⁴⁹.

Каковы же источники богатства и власти курдских феодалов? Один из них очевиден. Как отмечалось, он кроется в естественном разложении родо-племенных отношений, классовом расслоении внутри курдской кочевой общины оба в масштабе всего племени и, стало быть, в феодальной эксплуатации выделившейся курдской знатью рядовых кочевников, частично завуалированной пережиточными формами патриархально-родового строя и военной демократии. «Племенная верхушка, — утверждал Никитин, имея в виду курдов — кочевников и полукочевников, — обращает в свою пользу не менее двух пятых доходов подвластного им населения, а иногда и более»⁵⁰.

Другой важный источник обогащения курдской феодальной верхушки — весьма специфического свойства: войны, грабежи и набеги. Это явление характерно и для некоторых других народов Азии (и не только Азии), находившихся на той же стадии общественного развития, что и курды (например, арабы-бедуины, афганцы, туркмены). Однако, поскольку курды жили чересполосно с оседлым земледельческим населением, у них (в отличие, скажем, от бедуинов Аравии) боль-

шее распространение получили не межплеменные столкновения, а грабеж мирных крестьян. Этим курды снискали у поверхностных наблюдателей, а также у лиц, преследующих злонамеренные цели, репутацию народа, сплошь состоящего из разбойников и головорезов. «Разбойники записные и неукротимые искони,— писал, например, Вронченко,— курды и теперь отвыкают с трудом от своего старинного ремесла, а еще неохотнее покоряются нововведениям, общественному порядку»⁵¹.

Такая точка зрения оказалась чрезвычайно живучей. 70 с лишним лет спустя после Вронченко глава русской православной миссии в Урмии архимандрит Сергей характеризовал курдов весьма нелестно. Они, писал Сергей, «суть народ дикий и зверонравный: по всему судя, они продолжают оставаться на той же ступени развития, на которой они были 2000 лет назад. Сохранив родовой быт, не знающие ни государственности, ни общественности в строгом смысле, они издавна старались прожить, так сказать, на чужой счет. Грабежи и разбой — их излюбленное занятие»⁵². «Война и грабежи — главное занятие курдов», — писала Изабелла Бэрд⁵³.

В таком же духе характеризуют курдский народ и многие другие авторы. В то время часто вспоминали турецкую поговорку: «Армянин сеет, а курд собирает жатву»⁵⁴. Подобное предвзятое мнение о курдах проникло даже в серьезную науку. «Курды, — писал, например, академик В. В. Бартольд, — несмотря на несомненные природные способности, остались разбойничьим народом, часто выступавшим в роли врага культуры, особенно в Армении»⁵⁵.

Тезис о том, что все курды по преимуществу грабители и разбойники, которые живут набегами на мирные селения и грабежами на больших дорогах, не только грубо тенденциозен и насквозь проникнут колонизаторским и шовинистическим духом, но и глубоко ненаучен, неверен по существу. Это особенно очевидно в применении к исследуемой эпохе, не говоря уже о нашем времени.

Прежде всего этот тезис антиисторичен. Были времена, когда войны и набеги служили одним из условий существования аширетных курдов, не могущих, ведя натуральное кочевое хозяйство, полностью обеспечить себя всем необходимым без дополнительных источников доходов. Однако эту стадию в своем историческом развитии прошли не одни курды, но и многие другие народы, ныне находящиеся на весьма высоком уровне развития, что установлено с предельной ясностью еще Ф. Энгельсом в его классическом труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В XIX же и в начале XX в., по мере упадка натурального кочевого хозяйства у курдов, связанного с проникновением в Курдистан товарно-денежных отношений, разложением

родо-племенного строя, сокращением номадизма и переходом все большего количества курдов к оседлости, набеги и грабежи теряли свое прежнее экономическое значение, число их сокращалось.

На это обратили внимание многие современники, не ограничившиеся одним лишь поверхностным знакомством с курдами. Кюине, например, вообще охотно повторявший ходульное мнение о курдах, тем не менее вынужден констатировать, что за последнее время «их нравы» значительно смягчились⁵⁶. Английский путешественник Хаббард, назвавший курдов «примитивной расой», также говорил о недопустимости и несправедливости отношения к ним как к разбойникам и убийцам армян. Прекрасный знаток курдов, хотя и не чуждый предвзятого отношения к ним, Сон писал, что курдов толкали к набегам обстоятельства «ненадежной» жизни. «Истинный феодальный дух силен в этой расе»⁵⁷, — утверждал Сон. Впадая в несомненное преувеличение, Сон по крайней мере пытается разобраться в объективных причинах пресловутых курдских разбоев.

Методологически безграмотно для исследуемого периода говорить о курдах как об этнически едином понятии без указания на то, кочевые они или оседлые. Между тем курды-райя, а также переходившие к оседлости полукошачники не только никакого отношения к набегам и грабежам не имели, но, напротив, наряду с райей других национальностей постоянно бывали их жертвой. Как справедливо писал один русский наблюдатель, оседлые курды Битлисского, Диарбекирского и Мосульского вилайетов «составляют вполне мирное и спокойное население наиболее культурных местностей на равнинах, в окрестностях значительных центров. Они занимаются земледелием, более или менее аккуратно выплачивают налоги, отбывают воинскую повинность и не только не грабят никого, но сами подвергаются грабежам аширетных курдов». То же самое можно сказать, сообщает этот источник, о некоторых полукошевых аширетах Юго-Восточной Анатолии и Северного Ирака⁵⁸.

Наконец, сторонники тезиса о том, что все курды живут в основном за счет насильственного отобрания продуктов, производимых земледельческим населением, сознательно или по неведению закрывают глаза на далеко зашедшее классовое расслоение в курдских аширетах, на те социально-экономические сдвиги, которые произошли в Курдистане к началу исследуемого периода. А это — главное. Дело не только в том, что к концу XIX в. значительно снизилось значение набегов и грабежей в экономике курдского кочевого общества, но и в том, что они превратились в дополнительный источник обогащения исключительно феодально-племенной верхушки, тогда как рядовым членам племени перепали теперь сущие кро-

хи. Таким образом, в социально-экономическом плане курдские разбои стали целиком пережиточной категорией, в которой были материально заинтересованы в основном только реакционные силы Курдистана — вожди курдских полунезависимых племен. Как писала армянская газета «Мегу Айастан» в 1880 г., «Каждый знает, что главные жалобы Армении, армянского народа направлены не столько против злодеяний отдельных курдов, сколько против насилия курдских беков и шейхов, которые носят более систематический характер и приносят больше вреда. К тому же курдские беки и шейхи — это не курдский народ и никогда им не были. Более того, виновным является политический строй, а не курдский народ...»⁵⁹.

Таким образом, нелестная характеристика всего курдского народа, даваемая или поверхностными наблюдателями, или авторами, исповедовавшими колонизаторские, шовинистические и крайне националистические взгляды, насквозь порочна методологически и не имеет ничего общего с действительностью.

Этим мы вовсе не хотим сказать, что в исследуемую эпоху грабежи и насилия со стороны курдских племен (точнее — отдельных групп вооруженных курдов) прекратились или были случайным явлением. Кровавые беспорядки, происшедшие в Курдистане, Западной Армении и Иранском Азербайджане в XIX — начале XX в., были вызваны отнюдь не экономическими причинами, а инспирированы внутренней и внешней реакцией.

В XIX — начале XX в. основным источником обогащения курдской феодальной верхушки была эксплуатация оседлого трудового земледельческого населения, по национальности в основном армянского. Аграрный вопрос в Курдистане и Западной Армении в исследуемую эпоху был неотделим от национального, ибо социальный и национальный гнет шли в ногу, дополняя и усугубляя друг друга.

Курдские феодалы беспощадно эксплуатировали и угнетали бесправное армянское крестьянство⁶⁰. В Турецком Курдистане и Западной Армении процветало крепостное право в его наиболее тяжелых, буквально средневековых формах. «В Сасунской казе, — писал на рубеже XX в. российский вице-консул в Ване Туманский, — существует почти крепостная зависимость армян от курдов со всеми ее юридическими последствиями: каждый армянин приписан к какому-нибудь курду и обязан ему оброком; курды продают своих крепостных, когда имеют нужду в деньгах; за убийство курдом крепостного его господин мстит убийством крепостного, принадлежащего убийце». Некоторые беи установили даже в армянских селениях «право первой ночи»⁶¹. Крепостные армяне назывались «зир-хурли», что означало купленные на желтое

(золото). Линч отмечал: «Они (армяне. — М. Л.) покупаются и продаются курдскими беями и агами совершенно так же, как овцы и скот». Купля-продажа крепостных крестьян совершалась вместе с землей, на которой они жили и работали⁶².

Система отношений, основанных на крепостной зависимости главным образом армянского крестьянства от курдских феодалов, получила наименование кяфиризм (от арабского слова «кяфир» — неверный, безбожник, — которым обычно называли немусульман). Кяфиризм, писал Р. Бекгулянц, хорошо изучивший условия быта населения Ванского вилайета накануне первой мировой войны, означает «произвол и насилие, незаконные и несправедливые поборы, производимые курдскими беками... Земельные отношения, возникшие между армянами и курдскими шейхами, — продолжал Бекгулянц, — напоминают отношения средневековых феодальных графов и баронов к крестьянам, живущим на их землях»⁶³.

Каждая деревня, отмечал далее Бекгулянц, подвластна своему бею и обязана платить ему подати в натуре. Каждая семья обязана определенное число дней работать бесплатно в пользу бея, который может облагать жителей и денежным налогом, именуемым кяфирным⁶⁴.

Кяфиризм больше всего был распространен в районах Центрального Сасуна, Муша, Хизана, Мокса и др. Наряду с барщиной, которая в Западной Армении называлась «олам» или «ангария», ага и беи взыскивали с крестьян продуктовую (составлявшую до половины всего урожая) и денежную ренту. «В хозяйстве полукочевых и кочевых владельцев, — писал А. С. Амбарян, — почти абсолютно господствовала продуктовая рента. Она господствовала также у тех владельцев, которые отдавали свои угодья в аренду. Но у владельцев, ведших хозяйство, отработочная рента составляла около половины (примерно 45,3%) всей земельной ренты»⁶⁵. Денежная рента встречалась гораздо реже. Все это говорит о том, что устои феодализма в Западной Армении и Турецком Курдистане были еще довольно прочны.

Кроме кяфиризма специфической и чрезвычайно обременительной формой внеэкономического принуждения, практикуемой курдскими феодалами в отношении зависимого крестьянства, было так называемое кишлачество, когда вожди племен всю зиму со своими семьями, воинами и стадами зимовали в деревнях, заставляя крестьян целиком содержать их. В Западной Армении было и небольшое количество рабов.

Бекгулянц отмечал, что кяфиризм приносит ущерб турецкому фиску и усиливает позиции курдской верхушки. Ни султанское, ни младотурецкое правительства, писал он, не пытались отменить кяфирное право, а стихийная борьба крестьянства за свое раскрепощение еще более ухудшила положение

ние армян. «В Европе и у нас в России принято все происходящее в Армении приписывать разбойному инстинкту курдов, но нам думается, что оно имеет более серьезную и глубокую причину, и причина эта заключается в кяфирном праве, за которое цепко держатся курдские беки и которого они не хотят лишиться»⁶⁶.

Наряду с методами внеэкономического принуждения курдские беи для закабаления армянского крестьянства широко использовали и экономические рычаги — сосредоточенный в их руках земельный фонд и скот. Разбогатевший курдский бей часто брал откуп — ашара⁶⁷, «и тогда, — писал исполнявший обязанности русского вице-консула в Ване Термен, — все селение в его руках». Он ссужал крестьян деньгами и зерном на очень выгодных для себя условиях: расплата натурой во время жатвы. Такая ссуда называлась селем или селеф; селефдары быстро обогащались, отбирая земли несостоятельных должников. Обезземеливанию крестьянства в восточных вилайетах Турции способствовал ипотечный кредит, представлявшийся банками.

Турецкие власти поощряли обогащение курдских феодалов, получая от последних богатые подарки. «Благодаря этому, — отмечал Термен, — все селение переходит в руки курда: армяне же сначала становятся „мирибэ“, т. е. получают от курда семена и скот для обработки полей, за что отдают половину урожая, затем теряют земли и становятся просто работниками, т. е. крепостными, курда». Селеф приносил курдским беям громадные доходы. Например, армянское селение Хаскей (Мушская долина) потеряло 208 полей, 24 дома и 6 мельниц. Все это перешло в руки селефдаров. В некогда богатом селении Аренч (Адилджевазская каза) из 115 домов у местных жителей осталось 70, из которых, однако, только 55 имело собственное хозяйство, остальные были мирибэ⁶⁸. В деревне Мармусс (Ванский вилайет) курдский бей захватил всю землю, принадлежавшую армянской общине, и превратил армянских крестьян в своих арендаторов⁶⁹.

Институт мирибэ, или мараба, приводил к полному обезземеливанию крестьян; их положение было очень близким к крепостному (сохранялась лишь личная свобода). Там, где этот институт получил полное развитие, выделились две категории крестьян-мирибэ: 1) земля — у аги, скот и сельскохозяйственные орудия — у крестьянина, который был обязан отдавать аге половину урожая и исполнять все трудовые повинности; 2) крестьянин не имел ничего, тогда $\frac{2}{3}$ урожая он отдавал аге, но был обязан до дележа уплатить ашар государству. Как отмечает Б. А. Борьян, институт мирибэ получил в Турции «особенно рабски-крепостнический характер после избиения армян в 1894—1895 гг.»⁷⁰.

Турецкое правительство всемерно поощряло поселение

курдов-феодалов в армянских деревнях, видя в этом одно из средств борьбы с армянским освободительным движением. Султан Абдул Хамид II возвращал курдских ага и беев, высланных из Западной Армении и Курдистана в эпоху танзимата, на их прежние места жительства и помогал им приобретать земельные владения. В результате с 80-х годов XIX в. значительно ускорился процесс захвата армянских земель курдскими феодалами, которые прибегали для этого к различным способам: подкупу местных чиновников, скупке земли, ростовщичеству и т. д. Курдские феодалы захватывали также армянские церковные земли, а также движимое имущество. Всего с 1894 по 1908 г. в их руки перешло около 750 тыс. га земель, прежде принадлежавших армянскому крестьянству и церкви⁷¹. Турецкие власти охотно селили в армянских деревнях хамидийцев, курдов, служивших в султанских иррегулярных войсках. «Последние, — писал русский вице-консул в Битлисе, — пользуясь защитой администрации, творили там суд и расправу и, ссужая постоянно нуждающихся армян деньгами под залог скота, домов и урожая, сделались постепенно хозяевами селений — агами, которым армяне исполняли все работы, выдавали своих девушек, доставляли лучших лошадей и все-таки не могли избавиться от тягости долгов. Такие курды все в тех странах, так что известный разбойник бимбаши (точнее — бинбаши — майор. — М. Л.) хамидий Реззак торжественно заявил армянам, что второй султан — он, Реззак»⁷².

Часто ограбление армянских крестьян прикрывалось «покровительством» или «защитой», оказываемой одним курдским беем против другого, соседнего бея. Крупный курдский феодал Кязым-бей установил над несколькими армянскими деревнями на стыке Битлисского и Мушского санджаков свой «протекторат». Армянское население было обязано уплачивать ему особые подати кроме тех, которые взимали с них турецкие власти, «дабы охранить и свою жизнь и пашни от разбойников курдов»⁷³. Такая практика была широко распространена в Бохтане. Местные беи рассматривали армянских крестьян как «своих работников, фермеров и клиентов»⁷⁴.

Таким образом, в Западной Армении и Турецком Курдистане господствовал в исследуемое время феодально-крепостнический уклад. Однако в последней четверти XIX в. и в начале XX в. курдское феодальное хозяйство начало втягиваться в товарно-денежные отношения. Многие беи и ага занимались ростовщичеством, продажей сельскохозяйственных продуктов на рынок, иногда эксплуатировали вольнонаемный труд, что создавало предпосылки для разложения феодальных устоев и созревания элементов капиталистических отношений в аграрном строе и аграрных отношениях указанных районов. В частности, многие вожди племен, раздавали свои

земли родственникам и соратникам, что приводило к распаду крупных племен и образованию прослойки средних и мелких владетелей, которые начали применять в своем хозяйстве наряду с феодальными методами эксплуатации и капиталистические⁷⁵. Это, конечно, не только не улучшило положение армянской райи, но, напротив, взвалило на нее новые, дополнительные тяготы.

Жестокая эксплуатация курдскими феодалами армянских крестьян давала пищу для разжигания розни между курдами и армянами, в чем были заинтересованы турецкие правящие круги, надеявшиеся таким путем укрепить свои позиции в восточных вилайетах империи, а также западные колонизаторы, рассчитывавшие нагреть руки на курдо-армянской вражде.

Нельзя не учитывать еще одно обстоятельство, которое способствовало нечистой игре различных реакционеров вокруг армянского и курдского вопросов. Армяне на востоке Малой Азии занимали ключевые позиции в торговой и предпринимательской деятельности, что облегчало антиармянскую агитацию среди темных и отсталых мусульманских масс, в первую очередь среди курдов, эксплуатируемых армянской буржуазией. Например, в Сивасском вилайете, где армяне составляли около 35% населения, из 166 крупных торговцев-импортеров армян было 125, из 37 банкиров — 32, из 9800 мелких торговцев — 6800. Из 153 промышленных предприятий 130 принадлежали армянам⁷⁶. В Ванском вилайете в руках армян находилось 98% всей торговли, 80% земледелия и лишь 20% скотоводства. Экспортеров и импортеров в вилайете насчитывалось 18 (все армяне), ростовщиков — 50 (30 армян и 20 турок), менял — 20 (все армяне), ремесленников — 1100 (армян 1020 и турок 80), рантье 50 (20 армян и 30 турок), торговцев овощами 80 (50 армян и 30 турок), торговцев фруктами — 200 (половина армян). Все лица свободных профессий (врачи, аптекари, адвокаты и пр.) были армянами⁷⁷.

Таковы были объективные предпосылки привнесения национальных моментов в классовые противоречия на востоке Малой Азии. Однако наличие таких предпосылок вовсе не означало неизбежности подчинения классовых противоречий национальным, подмены классовой борьбы национальной враждой, как это пытались доказать и осуществить на практике армянские и курдские националисты. Вспышка армяно-курдской вражды в конце XIX в. имела своим источником не столько социально-экономические процессы, сколько обстоятельства внутри- и внешнеполитического порядка, о которых будет сказано ниже. Для трудящихся курдов и армян проблема стояла совершенно в другой плоскости. Ведь армянских крестьян и ремесленников угнетал не курдский народ,

а курдская феодальная верхушка вкупе с турецкими чиновниками и армянской же компрадорской и средней буржуазией. В то же время, и это надо особенно подчеркнуть, курдские крестьяне-райя жили со своими армянскими соседями в мире и согласии, между ними не существовало никакой вражды.

В истории взаимоотношений курдского и армянского народов существовала устойчивая традиция дружбы и добрососедства, основанная на общности исторических судеб и оставившая заметные следы в их быте и культуре. Видный армянский историк первой половины XX в. Лео писал: «Вековые тесные связи, несомненно, распространили сильное взаимное влияние на две нации (армян и курдов. — М. Л.), отождествив многие явления их культурной жизни». По словам другого армянского историка, Швода, «географическое положение Турецкой Армении и вековое родство между армянскими и курдскими элементами создали такие относительные черты, которые эти два элемента во многом сделали похожими, однотипными». Армянская газета «Мшак» писала в 1900 г.: «Курдские племена по своему характеру очень близки армянам. Прожив несколько лет в армянском селе, курдская семья привыкала к быту армянского крестьянина и перенимала его обычаи: изучала армянский язык, посещала свадьбы армян и, наконец, проникается армянским духом и ходит с армянской семьей в различные места поклонения. Она так живо говорит по-армянски, что никто не может отличить ее от армянской»⁷⁸. Так же сближались армяне с населением курдских сел. Многие видные армянские просветители и общественные деятели второй половины XIX в. (Тигранян, Момджян, Овнан, Срвандзтянц, Мамурян и др.) вели просветительскую работу среди армян и курдов Западной Армении, организовывали совместные школы, издавали учебники, всячески пропагандировали идею армяно-курдского союза против турецких угнетателей⁷⁹.

Широкие массы трудящихся армян всегда помнили, что первопричиной их тяжелого экономического и бесправного политического положения было турецкое господство, ставшее особенно тяжелым с середины XIX в., когда Стамбул начал проводить политику централизации империи и беспощадного подавления нараставшего национально-освободительного движения нетурецких народов. Дальнейшее резкое усиление национального гнета ознаменовал режим зулюма⁸⁰, установленный кровавым султаном Абдул Хамидом II в последней четверти XIX в. Многие свидетели сообщают, что до середины XIX в. в армянском народе никогда не замечалось озлобления против курдов, да и его экономическое положение было относительно сносным (по сравнению, например, с закавказскими армянами)⁸¹. После турецкого завоевания, отмечал

В. А. Гордлевский, отношения между курдами и армянами были хорошими. «Постепенно, однако, положение армян ухудшилось, потому что турки вносили раздоры между армянами и курдами и, руководствуясь принципом „разделяй и властвуй“, втайне одобряли, как курды притесняли армян, как их цветущие пастбища и поля обращались курдскими феодалами в пустыри, и курдские князьки, зная о бессилии центральной власти, властвовали на этих полях, как хотели»⁸².

О резком ухудшении положения армян после «вторичного» завоевания Курдистана турками в результате походов Решид-паши и Осман-паши в 30—40-х годах XIX в. писал и автор содержательной брошюры об армянском вопросе полковник Д. Я. Лазарев. «Можно по справедливости сказать, — утверждал он, — что армяне при курдских деребеках пользовались лучшими днями, нежели при 47-летней турецкой анархии, имевшей для них следующие губительные последствия: 1) повсеместное обеднение, 2) бегство из родины, вследствие тяжелых налогов и разорения со стороны курдов по потворству и бездействию администрации и 3) избиение сасунцев»⁸³.

Таким образом, положительные факторы в истории курдо-армянских отношений имели весьма существенное значение и в прошлом перекрывали негативные моменты.

Что касается трудящихся курдов, то их грабили не столько армянская буржуазия, сколько свои же беи и ханы, не говоря уже о турецкой и персидской администрации. Эксплуатация аширетных курдов была несколько прикрыта сильными пережитками «военной демократии», она усиливалась по мере разложения родо-племенного строя. Значительная же часть курдов к рассматриваемому времени или совсем осела на землю, или становилась полукочевниками. Следствием неуклонного упадка кочевого скотоводства было резкое ухудшение условий жизни рядовых кочевников, заставляющее их выходить из племени и селиться вблизи городов в качестве оседлой райи.

Такие курды превратились в обычных хлебопашцев и скотоводов, мало чем отличавшихся от армянских, турецких, иранских или иракских крестьян. Линч вслед за многими буржуазными исследователями (не из лучших), утверждая, что «ядром армянского вопроса в Турции мы можем считать присутствие курдского населения на армянском плато», признает, что «значительное число их (курдов. — М. Л.) превратилось в трудолюбивых земледельцев и живет плодами своих трудов»⁸⁴. «Армяне, — писал „Армянский вестник“, — угнетаются не потому одному, что они христиане, с ними вместе одинаково беспощадно эксплуатируются и единоверцы угнетателей — турки и даже сородичи их — курды-райи»⁸⁵. Армян-

ская газета «Азадамард» отмечала, что аграрный вопрос в Курдистане вообще не политический, а скорее социальный, «так как масса курдского народа предъявляет к своим агалам те же требования, что и армянское сельское население»⁸⁶. «Эти головорезы, — писал Бекгулянц о курдских феодалах Муса-бее и Кязым-бее, — одинаково грабили своих сородичей, как и армян»⁸⁷. Он же приводит факты жестокой крепостнической эксплуатации курдской райи курдскими же помещиками⁸⁸. По свидетельству армянского католика Хримяна, курдские беи «считают своими крепостными не только армянских крестьян, но даже и своих единокровцев, которые находятся в руках торунов (местная знать. — М. Л.) как пленники»⁸⁹. Один армянский путешественник (писавший под псевдонимом А-до) сообщал (со слов самих армян), что для местных помещиков национальность подвластных им крестьян не играет никакой роли. «Для эксплуататора, — замечает А-до, — национальное различие не существует»; экономический и политический гнет турецкого правительства одинаково давит на земледельческое население, «будь они армяне, айсоры, курды или турки», однако курды страдают еще дополнительно от произвола своих начальников. Далее А-до утверждает, что «курд при мараба в правовом и экономическом отношении находился в положении даже худшем, чем армянин». Из 77 деревень одной из обследованных им местностей 62 были населены крестьянами-мараба, 15 — свободными; в первой группе деревень 44 были курдскими, во второй — только 7⁹⁰.

Таким образом, оседлое земледельческое население Западной Армении и Турецкого Курдистана в сущности независимо от национальности крестьян составляло единый класс, эксплуатируемый курдскими феодалами, турецкими помещиками и турецким военно-феодальным государством, а также иностранным капиталом, проникшим в страну главным образом с помощью армянской компрадорской буржуазии.

То же самое можно сказать и о земледельцах Иранского Курдистана. Здесь гнет шахской власти усугублялся произволом местных сатрапов, которые, пользуясь слабостью центральной власти, обирали беззащитное население. «Во внутренней жизни Персии, — писал Тигранов, — хищение и угнетение составляют наиболее характерные явления ее режима»⁹¹.

Больше всего оседлых курдов-райя проживало в Северной Сирии и в некоторых районах Иранского Курдистана (в частности, в губернаторстве Соуджбулак). Курды-райя находились в крепостной или полукрепостной зависимости от местных помещиков (многие из которых были турками или персами) и жестоко угнетались, кроме того, турецким и иранским правительствами, платя огромные налоги и отбывая многочисленные повинности⁹².

Некоторое число курдов жило и в немногочисленных городах Иранского и Турецкого Курдистана (в Мосуле, Сулеймании, Соуджбулаке, Урмии, Ване, Диарбекире); из них выходили первые представители курдского рабочего класса и интеллигенции.

Оседлые и особенно городские курды постепенно теряли связь со своим племенем, выходили из-под власти светской и духовной знати, освобождались из плена племенных обычаев и предрассудков. В условиях жестоких деспотических режимов, существовавших тогда в Турции и Иране, политики ассимиляции национальных меньшинств, наиболее рьяно проводимой турецкими правящими кругами, курды-райя постепенно теряли признаки своей народности и частично сливались с турками, персами, арабами.

Упомянутый выше Элизе Реклю отмечал: «Существованию курдов как нации грозит опасность во многих округах Персии и Турции; они уменьшаются численно, и там и сям сливаются с окружающим населением. Крепостные крестьяне, составляя главную массу жителей, не имеют никакого интереса поддерживать узы, связывающие их с военной кастой, и последняя обречена на постепенное самоистощение, обречена своим образом жизни, который есть не что иное, как борьба против всех. С другой стороны, религиозная ненависть тоже способствует делу истребления, по крайней мере в Персии...»⁹³.

Ассимиляции курдов способствовала также их чрезвычайная культурная отсталость. Достаточно сказать, что еще в начале XX в. во всем Курдистане — Турецком и Иранском — не было ни одной курдской школы. Если по сведениям Гэвена, относящимся к 50-м годам нашего века, среди курдов неграмотных было в Иране 95%, в Турции — 90, в Ираке — 85 и в Сирии — 80%⁹⁴, то можно смело утверждать, что в XIX в. только немногие курды умели читать и писать (у закавказских курдов 1% мужчин и 0,06% женщин)⁹⁵. Неграмотным было и большинство курдских беев, шейхов и ага. В это время не издавались ни курдские книги, ни газеты. Первая печатная книга на курдском языке была опубликована в 1897 г. в Стамбуле, а курдская газета — в 1898 г. в Каире⁹⁶.

Даже на фоне той беспросветной нужды и бедности, в которых прозябало трудовое население Турции и Ирана, курдские селения выделялись своей крайней нищетой. «При посещении курдских селений, — писал русский вице-консул в Хое (Иранский Курдистан), — обращает на себя внимание незначительное количество детей и множество слепых. До 50% детей погибает при рождении, вследствие отсутствия акушерской помощи, и до 30% в возрасте от 1 года до 3 лет от оспы, скарлатины, дифтерита, брюшного тифа и укусов

ядовитых змей и насекомых, этих неперенных обитателей курдской землянки. Редко можно встретить взрослого курда со здоровыми глазами — трахома — обычное явление в курдском селении»⁹⁷.

Невероятно тяжелые условия существования, в которых находились курды Османской империи, Ирана и России в рассматриваемую эпоху, их отсталый общественный строй и низкий культурный уровень способствовали распространению о них на Ближнем Востоке и в Европе самого нелестного мнения как о народе диком, находящемся вне цивилизации, лишенном своей истории и не имеющем никаких видов на будущее процветание. Кое-где само слово «курд» употреблялось в значении «мужлан», «неуч», «грубиян».

Надо сказать, что еще в прошлом веке были люди, которые протестовали против такого несправедливого отношения к целому народу и правильно объясняли причины отсталости его общественного строя и культуры. Одним из них был выдающийся армянский писатель и просветитель Хачатур Абовян. Известно его высказывание о курдах: «Курдов можно было бы назвать рыцарями Востока в полном смысле слова, если бы они вели жизнь более оседлую. Воинственность, прямодушие, честность и беспредельная преданность своим князьям, строгое исполнение данного слова и гостеприимство, месть за кровь и родовая вражда, даже между близкими родственниками, страсть к грабежу и разбою и безграничное уважение к женщинам — вот добродетели и качества, общие всему народу»⁹⁸.

Кочевой быт не только мешал приобщению курдов к цивилизации, как справедливо заметил Абовян, но и затруднял их борьбу против угнетателей. По этому поводу А. Карцев писал: «Несмотря на свойственную курдам любовь к свободе и некоторое сознание своей национальности, позволявшее им сохранить свой язык и обычаи, они никогда не могли создать прочного государства и даже никогда не стремились к этому. Патриотизм курда не выходил за пределы своего рода (аширета), и если случалось, что несколько племен объединялись для общего действия, первые же неудачи уничтожали подобный союз»⁹⁹. На это указывал и Аверьянов. «...Религиозная идея, — писал он, — была не в состоянии сплотить курдов и заставить их жертвовать собою; как только исчезли надежды на легкий и безопасный грабеж, курды оставили ряды защитников ислама»¹⁰⁰. Русский генконсул в Эрзеруме Демерик также утверждал об отсутствии у курдов «какого-либо общекурдского интереса»¹⁰¹. Наконец, В. П. Никитин, имея в виду более поздние времена, утверждал: «Если Курдистан не покончит с племенным этапом своей истории, он никогда не сумеет стать национальным государством»¹⁰².

Позднейшие события показали неоправданность пессимизма в отношении будущности курдской народности, но мнения о вредном влиянии на национальное развитие курдов архаичности их строя и о прогрессивности перехода их, как и других кочевых народов, к оседлости и ликвидации племенного строя не приходится, конечно, оспаривать. Однако надо видеть и другую сторону вопроса. В конкретных условиях Османской империи и каджарского Ирана последних десятилетий их существования (впрочем, как и в позднейшие времена) этот процесс грозил полным порабощением полунезависимых курдских племен турецкими и иранскими феодалами и даже исчезновением курдов как народности. Поэтому большинство аширетных курдов боролось против централизаторской и ассимиляторской политики турецкого и иранского правительств, ревниво отстаивая привилегии курдских племен от посягательств властей.

В этой борьбе аширетные курды опирались на исторически сложившуюся мощную военную организацию племен, когда каждое племя, большое и малое, по первому призыву своего вождя готово было послать в поход всех мужчин, способных носить оружие и сидеть в седле. Выступления курдов проходили под руководством феодально-племенной верхушки.

Поскольку курдские движения в XIX — начале XX вв. ослабляли султанскую Турцию и шахский Иран, ускоряли крушение этих прогнивших многонациональных государств, они имели положительное значение. Эти движения способствовали и национальному сплочению курдов, которым грозили истребление и ассимиляция, заложили важные основы курдской нации, но, с другой стороны, возглавлявшие это движение силы преследовали по существу реакционные цели: увековечение давно изжившего себя родо-племенного строя, сохранение своей абсолютной власти над кочевым и оседлым населением Курдистана и смежных областей. К тому же курдским феодалам по самой их сущности было чуждо понятие общенародных интересов, они проявляли склонность к соглашениям с властями и иностранными державами, вплоть до прямой измены общему делу, общенародным интересам, легко поддавались на подкуп и верили посулам.

Таким образом, курдское движение — весьма сложное и глубоко противоречивое историческое явление, которое надо рассматривать и оценивать в зависимости от обстоятельств места и времени. Необходимо также учитывать и международную обстановку рассматриваемого периода, ибо курдская проблема никогда не была внутренним турецким или иранским делом; в ней были замешаны важные интересы в первую очередь России и Англии, а также других империалистических держав.

Оценивая роль России в курдском вопросе, прежде всего следует иметь в виду, что она непосредственно граничила с населенными курдами землями и насчитывала среди своих подданных некоторое количество курдов.

Экономическое проникновение России в Курдистан началось еще в начале XIX в., сразу же после присоединения Закавказья. Через Курдистан проходили основные торговые пути из Закавказья на Ближний Восток. Кроме того, русские купцы были заинтересованы в Курдистане как в рынке сбыта. Значение Курдистана для российской торговли особенно быстро стало расти со второй половины XIX в., по мере развития капитализма в пореформенной России и вовлечения в его сферу закавказских губерний. К концу XIX в. значительная часть Курдистана (наряду с Западной Арменией и Иранским Азербайджаном) превратилась в полуколонию российского империализма.

Наибольших успехов добилась Россия в Восточном и Северо-Восточном Курдистане, входивших в состав Ирана. Уже со второй половины XIX в. под ее экономическим контролем находился весь район вокруг оз. Урмия. Соуджбулак к началу нынешнего столетия превратился в крупнейший торговораспределительный центр российских товаров. Здесь жило много купцов-курдов, регулярно посещавших Макарьевскую ярмарку и имевших тесные связи с Россией. Купцы же из России, в основном армяне и азербайджанцы, владели здесь крупными земельными участками на правах полной собственности или долгосрочной аренды. Общая сумма задолженности этого края только российским подданным к началу XX в. превышала полмиллиона рублей¹⁰³.

Экономическое проникновение России успешно шло и к югу от указанного района. На базарах Сенне (Сенендедж) свыше 30% всех местных торговцев вели дела с купцами из России. В Миандоабе находились громадные поместья предпринимателей из России Назарбекова и Нагибова. Оживлению русской торговли в Иранском Курдистане содействовали десятки тысяч паломников-шиитов из Закавказья, ежегодно направлявшихся через Секкез и Сенне в Кербелу. С каждым годом рос вывоз из Иранского Курдистана в Россию местного сырья — камеди, чернильного орешка, шкур, изюма и т. д.¹⁰⁴.

В Турецком Курдистане, где влияние России было значительно слабее, чем в соседнем Иране, русским товарам приходилось выдерживать сильнейшую конкуренцию со стороны западноевропейских, которые были хотя и низкого качества, но гораздо дешевле¹⁰⁵. Тем не менее и здесь Россия была одним из главных экспортеров. Сюда она ввозила керосин, са-

хар, железо и изделия из него, посуду, обувь, кожи и т. д. По ввозу товаров в Битлисский вилайет, например, Россия занимала второе место после Австрии, причем особенно быстро рос русский ввоз в годы, предшествующие первой мировой войне¹⁰⁶. Русский консул в Ване Олферьев, отмечая большие естественные богатства края, писал: «Мы должны приложить все наши старания к тому, чтобы рынки Курдистана, естественно тяготеющие в сторону России, остались бы за нами, а не подпали бы окончательно под экономическое влияние Германии»¹⁰⁷.

Таким образом, Курдистан, как Турецкий, так и Иранский, имел весьма важное значение для России как рынок сбыта и источник дешевого сельскохозяйственного сырья. В то же время торговое проникновение России в Курдистан должно было облегчить политическое проникновение, которое, как будет показано дальше, для царской России представляло первостепенный интерес.

Вообще говоря, проникновению иностранного капитала в Курдистан мешал ряд факторов — отсутствие железных дорог, морского и речного судоходства, крайняя узость внутреннего рынка из-за бедности и отсталости края; значительный риск для предпринимательской деятельности представляли постоянные внутренние неурядицы. Поэтому в Курдистане почти не было промышленных предприятий, банков, крупных торговых домов, мало было плантаций и доходных ферм; иностранному капиталу здесь негде было «развернуться». Только Россия в этом отношении имела относительные преимущества перед западными державами, ибо не только непосредственно граничила с населенной курдами территорией (которая в экономико-географическом отношении имела много общего с Закавказьем), но и владела в непосредственной близости от нее удобными путями, в том числе и железными дорогами.

Все же не прямой экономической интерес привлекал в то время Россию и западные державы к Курдистану. На первом плане тогда стояли важные политические и военно-стратегические мотивы, о которых дальше будет рассказано подробно. Здесь же вкратце остановимся на некоторых характерных методах проникновения в Курдистан, обусловленных этими мотивами.

Своего рода универсальным ключом для открытия ворот в курдские земли была миссионерская деятельность. Миссионерство как в эпоху «географических открытий», так и в новое время было действенным орудием колониальной политики, духовного, а затем и политического закабаления отсталых народов. Главные церкви Европы и Америки легко могли найти предлог, чтобы направить своих эмиссаров в Курдистан и сопредельные с ним районы.

Особенно активно действовали католики из Франции. Они обосновались в Мосуле, Эрзеруме, Диарбекире, Ване, Харпите, Сиирте и в других местах¹⁰⁸. Центром католической пропаганды стал Мосул.

С католиками успешно конкурировали американские протестанты, щедро финансируемые деловыми кругами. Сфера их деятельности была гораздо шире, хотя протестантов среди местного населения насчитывалось меньше, чем приверженцев римского папы. В Турции главным центром американских миссионеров стал Харпут, они обосновались также в Ване, Битлисе, Эрзеруме, Мардине и в других пунктах¹⁰⁹. В Иранском Курдистане американский миссионерский центр был расположен в г. Урмия. Здесь американцы открыли много школ и одно время выпускали даже газету¹¹⁰.

В борьбе «за души» местного населения американские миссионеры не брезговали никакими средствами: открывали повсюду дешевые магазины, в которых товары продавались только протестантам¹¹¹.

Наряду с американскими пропаганду протестантства вели и английские миссионеры¹¹². В начале XX в. у американских, английских и французских миссионеров появился опасный конкурент — немцы. Они основывали свои пункты во многих местах Турецкого и Иранского Курдистана, стараясь подорвать влияние пастырей из Франции и англосаксонских стран¹¹³.

Православных миссионеров из России было относительно меньше. Только в Урмии активно действовала русская православная миссия, основанная в мае 1897 г., которая вела пропаганду в основном среди ассирийцев.

Религиозная пропаганда в Курдистане, проводимая миссионерами разных стран, имела ярко выраженный политический характер. «Миссионеры являются руками и глазами своих стран, — писали современные арабские авторы Мустафа аль-Халиди и Омар Фаррух. — Они всегда пытались вызвать смуты и беспорядки в арабских и других мусульманских странах, чтобы народы Запада имели возможность политически и экономически господствовать в них. А социальная и культурная стороны нашей жизни интересуют миссионеров лишь постольку, поскольку они облегчают им выполнение их политических и экономических задач»¹¹⁴. Деятельность английских и особенно немецких миссионеров, отмечал русский вице-консул в Ване, «носит здесь своеобразный характер; их следует отнести к числу политических агентов»¹¹⁵.

Обосновавшиеся в Курдистане, в Западной Армении, как и в других частях Османской империи, а также и Ирана, миссионерские организации из Франции, Германии и России получали правительственные субсидии¹¹⁶. Используя пропаганду, филантропию, открытия школ и больниц, миссионеры

пытались привлечь адептов из местного иноверческого населения, завербовать сторонников среди местной знати, светских и духовных феодалов, представителей нарождавшейся компрадорской буржуазии, а также среди турецкой и иранской гражданской и военной администрации.

А. М. Колюбакин, много лет работавший в Восточной Турции и хорошо осведомленный о работе миссионеров, писал: «...Миссионеры, ставя выше всего дело пропаганды, обычно не доводят до конца курса (обучения.— М. Л.) тех из юношей, которые остаются верными своему вероисповеданию. Успехи и способности студентов в этом случае не принимаются во внимание...»

Ближайшее знакомство с деятельностью их приводит нас к заключению, что пропаганда есть не только главная, но почти исключительная цель миссионеров, а все школьное дело является только средством к достижению этих целей»¹¹⁷.

Колюбакин отмечал нежелание миссионеров оказывать какое-либо практическое содействие местным жителям в развитии ирригации, сельскохозяйственного или ремесленного производства, в улучшении врачебной помощи жителям. «Американцы... оставили без внимания и такую важную отрасль деятельности, как врачебно-санитарную. Во всей северо-восточной части Азиатской Турции нет ни одного госпиталя, лечебницы или аптеки, основанных и содержимых миссиями; даже миссионеры, врачи по специальности, уклоняются от практики или обставляют ее таким образом, что она становится недоступной для массы местного населения»¹¹⁸.

Ярко выраженная политическая подоплека религиозной пропаганды миссионеров, возможно, была одной из причин ее провала среди мусульман Восточной Турции и Западного Ирана и весьма ограниченного успеха среди христианского населения, которое, по словам вице-консула России в Ване Термена, «убедилось, что все иностранцы преследуют главным образом политические и духовные интересы и не заботятся об улучшении тяжелого материального положения...»¹¹⁹.

Правда относительно заметных успехов добились православные миссионеры (особенно в сравнении с католиками). Им удалось, в частности, расширить и укрепить влияние России среди ассирийцев обещаниями политической и материальной помощи. Россия представлялась ассирийцам, по словам Термена, «единственной спасительницей в их безвыходно тяжелом положении»¹²⁰. Уже в 1898 г. ассирийцы — несториане Урмии приняли православие, что было повсеместно расценено как значительное достижение политики России в Иранском Курдистане. Но среди курдов — как аширетных,

так и оседлых — влияние русских православных миссионеров было ничтожным.

Таким образом, миссионеры в общем немногого достигли в Восточной Турции и Западном Иране. Но и этого было достаточно, чтобы дать великим державам под видом покровительства и защиты всего христианского населения указанных районов удобный предлог для активного вмешательства во внутренние дела страны, во взаимоотношения мусульман с христианами и, в частности, оказывать в своих интересах непосредственное политическое воздействие на курдов.

Однако главными проводниками иностранного влияния в Курдистане были консульства держав, находившиеся во всех значительных (по местным масштабам) городах страны. В 80-х годах в Западной Армении и в Турецком Курдистане Россия имела генеральное консульство в Эрзеруме, консульство в Мосуле¹²¹ и вице-консульство в Ване; Англия — консульства в Эрзеруме, Ване, Мосуле и Диарбекире; Франция — консульства в Эрзеруме, Мосуле и консульского агента в Диарбекире¹²². Позже Россия основала консульские посты в Битлисе и Баязиде, а Германия — в Мосуле. Что касается Иранского Курдистана, то здесь в основном были только русские консульства (в Керманшахе, Урмии, а впоследствии и в Хое, Маку и Соуджбулаке). Из российских дипломатических представительств в Восточной Анатолии наибольшим влиянием и правами пользовалось генеральное консульство в Эрзеруме и вице-консульство в Ване, в Иранском Азербайджане и Курдистане — генеральное консульство в Тебризе и особенно вице-консульство в Урмии, которому подчинялась и российская православная миссия.

Все английские консульства в Восточной Анатолии возглавляло консульство в Эрзеруме, которое называлось «консульством в Курдистане»; ему были подчинены британские консульства в Диарбекире, Битлисе и Ване. Это консульство направляло и организовывало всю разведывательную и политическую работу в Турецком Курдистане, руководило деятельностью миссионеров, этих верных проводников английского влияния среди местного населения.

Политическое значение деятельности иностранных консульств в Турции и Иране было очень велико. Режим капитализации, существовавший в этих полуколониальных странах, способствовал превращению иностранных консульств в своего рода «государство в государстве». Консулы не только обладали правом юрисдикции над гражданами своей страны, но и правом покровительства христианским подданным турецкого султана и персидского шаха, которое они использовали для вмешательства в местные внутренние дела¹²³. В Иране иностранные консульства пользовались правом беста. Русские, английские, французские, германские

консулы в Османской империи и Иране стали активными проводниками колониальной политики своих стран.

Кроме миссионеров и официальных дипломатических представителей проводниками иностранного влияния в интересующем нас районе были коммерсанты, туристы, путешественники, участники всякого рода научных экспедиций, прямые разведчики и лазутчики, нередко проникавшие сюда в обличье туземцев. Среди последних первенствовали англичане, имевшие в этом отношении богатейший опыт и традиции.

В качестве «ученых» — разведчиков и политических агентов успешно подвизались также и немцы, они же (как и австрийцы) были наиболее удачливыми торговцами и предпринимателями. С распятием и библией успешнее всего выступали французы и американцы¹²⁴.

Ниже будет сделана попытка конкретно показать деятельность империалистической агентуры в Курдистане на различных этапах освещаемого периода, ее зловещую роль в судьбе курдов, армян и других народов этого района Ближнего Востока, в тех трагических событиях, которые разыгрались там в прошлом и последствия которых ощущаются по сей день.

КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА В 90-х ГОДАХ XIX в.
И В НАЧАЛЕ 1900-х ГОДОВ

Наступление эпохи империализма в конце XIX в. резко ухудшило и без того тяжелое международное и внутреннее положение Османской империи и Ирана. В течение всего предыдущего столетия эти феодальные монархии, безнадежно отставшие от капиталистических стран Европы в социально-экономическом, политическом, военном и культурном отношении, тщетно пытались отстоять свою целостность и независимость. В результате таких разнородных процессов, как национально-освободительные движения угнетенных народов и неудачные войны с царской Россией, с одной стороны, прямое вмешательство военного и «мирного» характера других великих держав Европы, с другой стороны, Османская империя и Иран потеряли большинство своих владений (в Северном Причерноморье, на Балканах, в Северной Африке и в Закавказье). В экономическом отношении они были полностью закабалены иностранным капиталом, их внешняя, а в значительной степени и внутренняя политика только формально определялась в Стамбуле и Тегеране; в действительности же она контролировалась в Лондоне, Петербурге, Париже, а к концу века и в Берлине. Короче говоря, Турция и Иран были превращены в классические полукolonии крупнейших капиталистических держав Европы. И только острые антагонистические противоречия между последними помешали осуществлению полного раздела и ликвидации самостоятельного государственного существования Османской империи и Ирана в XIX в.

Правящие круги Турции и Ирана пытались при помощи верхушечных реформ европеизировать свои страны, покончить с отсталостью и предотвратить угрозу полного краха. Однако ни танзимат, ни реформаторская деятельность Мидхат-паши в Турции, Амира Низама в Иране не затрагивали основ средневековой политической и экономической системы. Реформы оказались малоэффективными главным образом из-за их глубокой противоречивости — противоестествен-

ной попытки сочетать прогрессивные тенденции века с интересами правящей феодально-клерикальной верхушки. Они не смогли предотвратить ни развития центробежных тенденций вследствие неуклонного роста национально-освободительного движения меньшинств, ни усиления экономической и политической зависимости от западных держав. В итоге в обеих странах воцарилась реакция, принявшая особенно жестокие формы в Турции в последней четверти XIX в., в период правления султана Абдул Хамида II¹.

ФОРМИРОВАНИЕ ХАМИДИЕ

Внутренняя и внешняя политика Абдул Хамида II была подчинена задачам сохранения целостности Османской империи. Поэтому он старался, с одной стороны, максимально использовать в своих интересах противоречия между великими державами, а с другой — любой ценой предотвратить подъем национально-освободительных движений нетурецких народов. Цели и методы внешне- и внутривосточного курса Абдул Хамида II были столь же глубоко реакционными, сколь и нереальными. Это наглядно показывает, в частности, политика абдулхамидовского режима по отношению к курдам и Курдистану в целом.

Как уже отмечалось, хотя курдский сепаратизм во второй и третьей четвертях XIX в. был в основном сломлен, турецким властям не удалось окончательно покорить курдские племена. Внешне усмиренные, они при первой возможности восставали против своих угнетателей. Особенно опасный для Турции характер курдские движения принимали во время русско-турецких войн, когда в тылу турецких войск возникала угроза создания «второго фронта».

Внутренняя и международная обстановка, сложившаяся после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в восточных вилайетах Анатолии, вынудила правительство Абдул Хамида II изменить курдскую политику.

Исход русско-турецкой войны внушил сотням тысяч армян, оставшихся в пределах Османской империи, надежду на скорое избавление от ненавистного турецкого ига. 61-я статья Берлинского трактата гласила: «Блистательная Порта обязуется осуществить без дальнейшего замедления улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями, в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов. Она будет периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, державам, которые будут наблюдать за их применением»².

Как видно, эта статья не содержала никаких реальных гарантий для армянского народа, и турецкое правительство

поэтому не собиралось выполнять содержащиеся в ней обещания. Тем не менее среди армян Восточной Анатолии в 80—90-х годах XIX в. в надежде на помощь извне усилилась освободительная борьба.

Турецкому правительству положение в восточноанатолийских вилайетах внушало самые серьезные опасения. Оно боялось, что армянское движение окажет влияние на другие угнетенные нетурецкие народы, а главное — послужит великим державам удобным предлогом для дальнейшего вмешательства во внутренние дела империи и ускорит, таким образом, ее раздел. Поэтому Абдул Хамид II и окружавшая его реакционная клика решили опередить события и разом покончить с армянским вопросом. Для содействия этим планам было решено привлечь курдских феодалов и подвластные им курдские племена, обитавшие на одной территории с армянами.

Кроме того, турецкие правящие круги рассчитывали одновременно решить и курдский вопрос: за счет беззащитного армянского населения «ублагодарить» курдских феодалов, а недовольство курдских народных масс направить в русло национальной и религиозной борьбы с армянами.

Турецкое правительство начало усиленно заигрывать с курдской верхушкой; представителям курдской знати щедро раздавались чины, ордена, звания, деньги. Многие знатные курды были приглашены ко двору и на государственную службу³. В 1892 г. в Стамбуле и Багдаде были основаны «школы племен» (аширет мектеби), нечто вроде лицеев для детей курдской и арабской знати, которых предполагалось воспитывать в духе лояльности к престолу⁴. Одновременно турецкое правительство объявило о намерении начать строительство курдских школ в провинции, на что ассигновывалось 8 млн. лир. Кроме того, Абдул Хамид считал, что безопаснее держать влиятельных курдов «на глазах»; в случае необходимости их вместе с детьми можно превратить в заложников. По словам Али Вахби-бея, своим критикам, говорившим об опасности пребывания в столице сыновей Бадра-хана, Абдул Хамид отвечал: «Во всяком случае я думаю, что я прав в моей курдской политике»⁵.

Однако внимание было уделено не «просветительской» деятельности, которая, кстати сказать, была свернута очень скоро, а привлечению курдов к отбыванию воинской повинности⁶. В середине ноября 1890 г. в газетах было опубликовано официальное правительственное сообщение о формировании курдской дивизии. Оно вызвало значительное волнение в армянских кругах, увидевших в этом, по словам русского посла А. И. Нелидова, «новый источник бедствий»⁷. В 1891 г. стала формироваться из курдов (в Ираке отчасти и из арабов) легкая иррегулярная конница хамидие, на-

званная так в честь султана Абдул Хамида. Полки хамидие начали создаваться в первую очередь в районах Курдистана, прилегающих к русскому Закавказью (восточная часть Эрзерумского, север Ванского и Битлисского вилайетов). Каждый «дым» должен был дать одного всадника с лошастью, а в случае отсутствия лошади — выставить пешего воина для низама (регулярные войска действительной службы). Формирование хамидие происходило по аширетам. Например, все курды-джелали были сведены в два полка. Отдельные полки были образованы из аширетов, входивших в группу хайдеранли (зилян, мамаш и др.)⁸. Предполагалось, что полк хамидие будет состоять из 512 всадников и делиться на шесть сотен. Оружие этим новым формированиям давало правительство. Определенную часть года завербованные в хамидие курды должны проводить на учебных сборах под руководством турецких кавалерийских офицеров. После их окончания хамидие должны были вернуть выданное им оружие (практически этот порядок редко соблюдался). В военное время полки хамидие обязаны были выступать по первому призыву султана.

Одной из целей привлечения курдов к военной службе было стремление покончить с курдскими «вольностями», подчинить курдов строгому надзору турецкой администрации, ликвидировать независимое положение всех без исключения курдских племен. По словам П. И. Аверьянова, некоторые сановники Абдул Хамида видели в хамидие «прежде всего наиболее верное средство к введению среди курдов гражданственности и к постепенному подчинению их авторитету турецкого правительства»⁹. Сам султан, как сообщает издатель его воспоминаний, ставил более капитальную цель. «Прежде всего нам надлежит ассимилировать там (в Малой Азии.— М. Л.) курдов»¹⁰, — говорил Абдул Хамид.

Однако намерение турецкого правительства путем организации хамидие подчинить всех курдов своему полному контролю провалилось. Значительное число аширетных курдов поняли истинные замыслы турецких властей и отказались вступать в хамидие. Не примкнули к хамидие подавляющее большинство курдов пограничных с Ираном районов Южного (Иракского) Курдистана. Плохо шел набор в хамидие в районах Эрзерума, Муша, Вана, Битлиса и особенно Дерсима. Некоторые беи Вана предпочитали уехать в Иран и управляли своими племенами оттуда. Зеки-паша вынужден был порой лично уговаривать курдов вступать в хамидие¹¹.

В то же время турецкому правительству пришлось столкнуться с нежелательными явлениями у племен, согласившихся выставить хамидие. С них резко уменьшились поступления налогов. Например, с 1891 по 1898 г. в казну Ванского вилайета от местных хамидие не поступило ни копейки¹².

В некоторых случаях усиливалось влияние отдельных курдских вождей как в результате умаления прерогатив турецкой гражданской администрации, так и вследствие снабжения племен турецким оружием и приобретения курдскими феодалами функций военной власти над своими единоплеменниками. Это привело, с одной стороны, к значительному ухудшению положения рядовых кочевников, попавших в еще большую зависимость от своих ага и беев, а с другой — к увеличению межплеменных усобиц и распри.

Например, в 1892—1893 гг. происходила настоящая война между некоторыми аширетами конфедерации хайдеранли. Правда, турецкие власти пытались извлечь для себя выгоды из усилившегося разлада между отдельными племенами, а также внутри племен. Российский консул в Басре К. П. Иванов так характеризовал политику турецкого правительства в Курдистане в период организации хамидие: «Если отказывают в повиновении курды, турки прежде всего поручают привести в повиновение строптивых самим же курдам, но другого полка или рода; если те уклоняются от такой миссии, турки подогревают кровавые счеты родов между собой, которые никогда не бываю улажены окончательно, или ссорят их беков, награждая одних из них, унижая других, а если это не удается, то терпеливо ждут зимы, когда наступление холодов заставляет курдов вернуться с кочевков в селения и уничтожит возможность скрыться в горы и тогда без особого труда для себя наказывают непокорных. Пользуясь такими средствами, турки удерживают в повиновении весь Курдистан, содержа в нем, в сущности, очень ограниченное количество войск, разбросанных к тому же по всей стране малыми отрядами; в Баязидском санджаке, например, стоят всего лишь пять таборов пехоты и один полк кавалерии, а между тем этот санджак выставляет двенадцать полков хамидие, не считая всего прочего населения, которое также вооружено поголовно; но и это количество войск сосредоточено в санджаке только ввиду того, что всей северной своей границей оно прилегает к пределам России, а восточной — к Персии»¹³.

Автор, безусловно, преувеличил успехи курдской политики султанского правительства. В действительности, в большинстве случаев попытки властей вмешаться во внутреннюю жизнь курдских племен и сделать их лояльными оканчивались полной неудачей. Оставались «обширные районы, где совершенно отсутствуют турецкие власти, а в некоторые районы представители власти никогда даже и не проникали. ...Авторитет турецких властей среди этих курдов кончается там, где нужно применить оружие»¹⁴. Наибольшую враждебность выказывали аширеты даудие, дизан, шеккак и гульферихи, обитавшие вдоль турецко-иранской границы и в

районах Сулеймании и Ревандуза. Влиятельные курдские шейхи Северного Ирака и Юго-Восточной Анатолии отказывались признавать турецкого султана истинным наследником халифов, каковым он считался без всяких на то оснований. Как писал один сведущий русский наблюдатель, учреждение хамидие «не принесло существенной пользы» в деле умиротворения племен. Только в пограничных с Россией районах можно надеяться на использование хамидие в партизанских действиях против русских. В большинстве районов Битлисского, Мосульского и Диарбекирского вилайетов «организация полков хамидие только повела к усилению независимости предводителей отдельных племен». Некоторые племена Иракского Курдистана «настолько обособлены и самостоятельны, что положительно представляют государство в государстве». Они не платят налогов, налагают контрибуции на оседлое городское и сельское население. На расстоянии 10—20 верст от центров этого района «утрачивается всякое представление о турецкой государственной власти; здесь регулятором отношений между жителями является какой-либо полновластный ага или наследственный святой шейх или, наконец, установившаяся веками обычная норма правопорядка... Словом, власть турецкого правительства в этом районе весьма непрочна и при малейших неблагоприятных обстоятельствах может окончательно рухнуть»¹⁵.

Дело не ограничилось пассивным сопротивлением курдов мероприятиям правительства. Набор в хамидие в ряде мест служил поводом для восстаний курдов против турецкого господства. Наиболее значительное выступление имело место летом 1891 г. в Ираке. Правительство вынуждено было удовлетворить почти все требования восставших: амнистия повстанцам, признание привилегий шейхов племен с выплатой им жалованья, разрешение курдам носить оружие, наделение их новыми землями. Эти уступки вызывали тревогу у иракских феллахов и горожан, терпевших от произвола курдских феодалов¹⁶.

В октябре 1891 г. вспыхнуло восстание среди курдов Дерсима, где всегда был главный очаг сопротивления турецкому господству. Непосредственным поводом для волнений были попытки турецких властей взыскать недоимки и новые подати. Посланный на усмирение турецкий отряд был разбит курдами. В 1893 г. туда предполагалось направить новую военную экспедицию, но потом власти предпочли договориться с местными шейхами, вместо налогов последние обещали выставить хамидие. Несмотря на это соглашение, курды Дерсима так и не дали туркам ни одного всадника¹⁷.

Таким образом, формирование хамидие не укрепило позиций турецких властей среди курдов, но скорее осложнило для них взаимоотношения с большинством племен.

Создавая хамидие, Абдул Хамид преследовал и чисто военные цели: в случае столкновения с Россией превратить дешево стоящую казне вспомогательную курдскую кавалерию в мощный военный заслон. «Курдские ага должны быть довольны, что их произведут в офицеры,— говорил Абдул Хамид,— если начнется война с Россией, наши курды, объединенные в дисциплинированные полки, могут нам оказать большие услуги... Когда пройдут детские болезни, эти полки „хамидие“ станут ценной армией»¹⁸.

Однако Абдул Хамид, хотя и предвидел трудности в организации хамидие, явно их недооценил. Ни в количественном, ни тем более в качественном отношении хамидие не оправдали возлагавшихся на них надежд. Из племен, согласившихся участвовать в хамидие, почти ни одно не выставило полка в полном составе. В тех немногих алаях (полках), которые считались укомплектованными, число конников не превышало 250—300 человек. Остальные были пешие¹⁹.

К концу 1899 г. в IV корпусе было всего лишь 57,5 полков, или 240 сотен, хамидие неполного состава вместо 60 тыс. курдских всадников, которых предполагалось привлечь к хамидие еще к лету 1894 г.²⁰ К этому времени оказалось, что из 51 крупного аширета выставили хамидие всего 13²¹. Так как турецкому командованию не удалось сформировать из курдских всадников крупные самостоятельные тактические подразделения — бригады, дивизии (в значительной степени из-за вражды между отдельными племенами)²², хамидие была отведена чисто служебная роль вспомогательных и разведывательных отрядов при турецких регулярных войсках.

Совершенно неудовлетворительно было поставлено обучение хамидие, хотя оно происходило под надзором германской военной миссии, возглавлявшейся фон дер Гольцом²³. Учебные сборы проходили редко. Турецкие кавалерийские офицеры, руководившие обучением хамидие, не имели никакого авторитета у курдов. На этой почве нередко происходили инциденты. Вольнолюбивые курды не желали служить под началом ненавистных турецких офицеров, особенно в районах, удаленных от своих родных кочевий. Поэтому хамидие были войсками в общем малочисленными, плохо обученными, недисциплинированными и мало пригодными для использования в боевой обстановке.

Предваряя события, отметим, что во всех военных конфликтах, в которые была вовлечена Турция в исследуемый период, хамидие проявили себя с самой отрицательной стороны. На них можно было положиться только тогда, когда туркам сопутствовал успех или для проведения карательных акций. Так было, например, во время победоносной для Турции войны с Грецией (апрель—май 1897 г.) и при подавлении восстаний в Македонии²⁴. Во всех остальных случаях,

особенно когда военная обстановка осложнялась, нестойкость и недисциплинированность хамидийцев причиняла турецкому командованию большие затруднения и нередко бывала причиной тяжких неудач.

Учреждение хамидие внесло дезорганизацию в военную структуру страны и управление войсками в восточных вилайетах, ибо офицеры-хамидийцы практически стали независимы от окружных военных властей²⁵. Более того, фактически были изъяты из компетенции гражданских властей и всецело предоставлены в распоряжение командования IV корпуса не только курды, призванные в хамидие, но и вообще все курдские племена Восточной Анатолии²⁶. Это привело к быстрому развалу и без того шаткой административной системы в восточноанатолийских вилайетах и послужило источником, как будет показано ниже, крупных внутриполитических осложнений для турецкого правительства.

Наконец, реакционная султанская клика намеревалась возложить на хамидие карательные функции. Курдские отряды, снабженные турецким оружием, по ее расчетам, должны были быть использованы против быстро развивающегося освободительного движения христианских национальных меньшинств, в первую очередь против армян. Именно в этом состояла, может быть, основная причина создания курдской иррегулярной конницы. Во всяком случае, таково было мнение большинства компетентных наблюдателей и знатоков Турции. Французский журналист Контансон на основании личных наблюдений утверждал, что хамидие созданы не для военных нужд, поскольку курды к этому мало пригодны, а только для притеснений армян²⁷. В журнале «Ревю дю монд мюзюльман» было высказано достойное внимания соображение о том, что турки созданием хамидие и другими попытками привлечь на свою сторону курдскую верхушку хотели помешать развитию объективной тенденции к сближению армян и курдов как двух автохтонных народов Передней Азии²⁸. Весомо и мнение Поля Камбона, занимавшего в те годы пост французского посла в Константинополе; он писал, что хамидие, «предназначенные якобы для наблюдения за границами, были не чем иным, как правительственным органом для грабежа армян-христиан»²⁹.

Действительно, после организации хамидие произвол и насилия по отношению к армянскому населению в Турецкой Армении³⁰ и Курдистане увеличились. Не случайно именно с 1891 г., когда началось формирование полков хамидие, участились сообщения о нападениях курдов на армян. Так, в июле 1891 г. были совершены разбойные нападения отрядов курдов на армянских купцов в районах Эрзерума, Баязида и Муша³¹. Такие инциденты имели место и осенью этого же года, а также в последующее время³².

Турецкие власти фактически ничего не сделали для восстановления порядка, ибо в намерения Стамбула отнюдь не входило трогать хамидийцев; потворство им служило «как бы опорой владычества ее (Турции. — М. Л.) в Армении» с целью «потушить» армянский вопрос³³. Хамидийцы превращали церкви в хлевы и склады корма для скота, селились и насильничали в армянских деревнях. В Мушской долине за убийство одного курда были разорены два армянских селения, десятки людей были убиты, брошены в тюрьмы, изувечены³⁴. По словам русского генерального консула в Эрзеруме В. Максимова, курды-хамидийцы «приходят в деревни, угоняют весь деревенский скот, собирают и уносят находящийся на поле хлеб, все это помимо грабежей отдельных лиц, причем хамидийцы не стесняются грабить и заплыв (полицейские стражники. — М. Л.), их сопровождающих, отнимая у последних казенные ружья и лошадей»³⁵. Положение армян стало совершенно невыносимым, когда правительство разрешило курдским феодалам собирать налоги с христианского населения.

Следует отметить (и это чрезвычайно важно для понимания сложившейся ситуации), что от бесчинств хамидие страдали не только армяне, которые, нередко продав за бесценок свою землю и имущество, бежали в Россию или в Иран, но и мусульманское население³⁶.

Власти, не ожидавшие, что хамидийцы будут терроризировать мусульманское население, сделали попытку отобрать у них огнестрельное оружие и подчинить их гражданским судам, но из этого ничего не вышло: хамидийцы не повиновались и в ряде мест оказывали вооруженное сопротивление³⁷.

Все это, естественно, обострило внутривнутриполитическую обстановку в Восточной Анатолии.

Поэтому турецкое правительство в первые годы после организации хамидие стремилось успокоить общественное мнение за рубежом, взволнованное сообщениями о насилиях хамидийцев, чтобы не дать повода к вмешательству держав. Порта решила осенью 1892 г. послать в Восточную Анатолию комиссию, которой поручалось «разрядить» обстановку. Однако, как сообщал поверенный в делах России в Константинополе Жадовский, эта комиссия была составлена в основном из военных, что «заставляет предполагать, что она будет заботиться о сформировании новых курдских иррегулярных полков, о которых мечтает султан, гораздо более, чем об облегчении участи миролюбивых армян»³⁸.

Так оно и случилось. Набеги отрядов хамидие на мирные армянские селения не только не прекратились, но с каждым месяцем учащались. В мае 1894 г. в столице была образована новая комиссия по изучению положения в Анатолии.

Но подлинной задачей этой комиссии, как и первой, было не обуздание хамидие, а ликвидация антиправительственного движения среди курдов Дерсима, которые во многих местах действовали совместно с армянами, что вызывало особые опасения у Абдул Хамида³⁹. По-видимому, власти сознательно провоцировали армян на открытое выступление, чтобы получить предлог для проведения массовых репрессий против армянского населения. Это подтвердили дальнейшие события.

«АРМЯНСКИЙ КРИЗИС» И КУРДЫ

В 1894 г. доведенные до отчаяния армяне восстали в районе Сасуна⁴⁰. В подавлении восстания вместе с регулярными турецкими войсками (6 тыс. штыков), участвовали и отряды хамидие (1300 сабель). Сасун и его окрестности были подвергнуты разгрому: погибли десятки тысяч человек. В Сасуне были разграблены все 102 деревни, из них сожжено 89⁴¹. В следующем году армянские погромы были произведены в Битлис, Харпите, Диарбекире, Эрзеруме, Трапезунде, Урфе, а в 1896 г., используя в качестве предлога нападение дашнаков на помещение Оттоманского банка, армянская резня была организована в самой столице. Всего в результате армянских погромов 1894—1896 гг. погибло свыше 300 тыс. человек⁴². Многие армяне бежали за границу.

Армянские погромы непосредственно осуществлялись наряду с турецкими регулярными войсками и курдскими феодалами под общим руководством маршала Зеки-паши. В коллективном рапорте иностранных консульских делегатов, назначенных для расследования событий в Сасуне, говорилось: «Может считаться доказанным факт, что курды находились вместе с войсками и что последние ничего не сделали, чтобы их удалить». Далее, консулы приводят многочисленные факты, свидетельствующие о насилиях и диком произволе курдских феодалов, об антиармянской шовинистической религиозной агитации, проводившейся шейхами, о тесном сотрудничестве курдских беев и ага с турецкими властями и войсками⁴³.

Многие очевидцы писали о том, что правительство специально натравливало курдов на армян, разжигало мусульманский фанатизм, внушало курдам уверенность в полной безнаказанности⁴⁴.

Организуя погромы, турецкие власти едва ли не главной своей целью ставили дальнейшее ухудшение курдо-армянских отношений, стараясь выставить курдов на первый план (например, при подавлении восстания в Сасуне). Нередко турецкие солдаты переодевались в курдские костюмы⁴⁵. Турецкие военные и гражданские власти во время погромов

мирили курдских вождей, дабы междоусобицы не заслоняли от них главного дела — истребления армян. С этой же целью из тюрем освобождались курдские вожди и уголовные преступники, организовывалась раздача племенам ружей⁴⁶.

Отнюдь не снимая вину с турецких правящих кругов и части курдской феодальной верхушки за кровавые события в Турецкой Армении, нельзя не указать на тяжелую ответственность армянских буржуазных националистов. Дашнаки и члены некоторых других армянских националистических организаций оказывали в то время дурную услугу армянскому народу, толкая его на несвоевременные порой выступления, разжигая у него ненависть к курдскому и турецкому народам. Современный советский историк армянского вопроса Г. М. Арутюнян совершенно справедливо писал: «Вместо того, чтобы привлечь в качестве союзника демократические силы курдского народа и вместе с ним вести совместную освободительную борьбу против турецких и курдских феодалов, армянские буржуазно-демократические партии своей пропагандой расовой и религиозной ненависти, вторя такой же пропаганде турецкого правящего класса, постарались сделать все, чтобы воздвигнуть стену между двумя народами, как и армянскими и турецкими трудящимися, натравить их друг на друга. Эта антинародная и самоубийственная политика могла послужить и послужила лишь на руку турецкому и курдскому феодальным классам»⁴⁷.

Некоторые деятели «Дашнакцутюна», например Терзенкаци Кери (Рубен Шишмашян), вели пропагандистскую работу в пользу сближения двух народов среди курдских племен, особенно в Дерсиме. Они наладили связи с курдскими эмигрантами в Женеве, которые призывали своих соотечественников сотрудничать с армянскими революционерами. Однако, по словам современного американского исследователя армянской проблемы Луизы Налбандян, эти усилия были скорее «исключением, чем правилом», и их оказалось совершенно недостаточно для налаживания «какого-либо подобия гармоничных отношений между двумя народами»⁴⁸.

В Стамбуле были несколько обеспокоены тем, что кровавые эксцессы в Восточной Анатолии привели к усилению самовластия крупных курдских феодалов, а также компрометировали «детище» Абдул Хамида — хамидие, обнажив в глазах общественного мнения не столько самой Турции (с ним султан, понятно, почти не считался), сколько Европы откровенно карательную сущность этого нового института. Были предприняты попытки установить некоторый контроль над действиями отрядов хамидие в населенных армянских районах. Кое-где происходили даже столкновения между правительственными войсками и курдами⁴⁹. Из этого, конечно, ничего не вышло, главным образом потому, что уговоры

были, как писал Нелидов, естественно, бесполезны, а всерьез применить силу против хамидие и хотя бы их обезоружить власти считали «просто немислимым». Хамидие по-прежнему продолжали творить насилия⁵⁰.

Характерно дело главы аширетов хайдеранли Хусейн-паши (он же каймакам 25-го полка хамидие). Хусейн-паша особенно «отличился» зверствами над беззащитным армянским населением в Эрзерумском, Битлисском и Ванском вилайетах. Было решено арестовать его и привлечь к ответственности. Однако в конце концов Хусейн-паша был не только прощен, но и награжден золотой медалью «Лиакат»⁵¹.

Следует отметить, что в армянских погромах 1894—1896 гг. был повинен, конечно, не весь курдский народ, как утверждали армянские националисты и некоторые поверхностные наблюдатели за рубежом. Погромы проводились в основном регулярными турецкими войсками с участием отдельных отрядов хамидие, руководимых крупными бейями. Большинство курдов Восточной Анатолии, не объединенных в хамидие, остались в стороне от резни. Массовые убийства армян совершались, как правило, турецкими солдатами. Отмечалось немало случаев, когда некоторые курдские племена выступали в защиту армян (а курды Дерсима боролись совместно с ними против турок) из желания не допустить усиления турецкого господства в восточноанатолийских вилайетах.

Вот что сообщают свидетели. Комиссия консулов, расследовавшая обстоятельства сасунских событий, зафиксировала в показаниях очевидцев: «единодушно высказываемое армянами обвинение в зверствах и избиении безоружных жителей, исключительно против войск, а не против курдов, которые, говорят они, только грабили, а не убивали»⁵². «...За разорение Сасуна и избиение сасунцев,— утверждал русский военный обозреватель полковник Лазарев,— невозможно обвинить курдов, ибо здесь действовало регулярное войско с артиллерией, по наказу правительства». «Курды,— писал он далее,— ненавидят турок и, вне влияния и ухищрения их, сойдутся с армянами, как и прежде, при деребеях, жили с ними без вражды»⁵³. По сведениям русского генконсула в Эрзеруме Максимова, один курдский аширет сражался в союзе с сасунскими армянами против турок⁵⁴. Газета «Ара-рат» сообщала о курдских беях, которые с риском для себя спасали армян от резни. Например, Махмуд-заде Бейтуллах дал отпор хамидийцам и защитил от разгрома весь район Мокса. Он пожертвовал 300 лир в пользу армян⁵⁵. «Дружбы между армянами и курдами не существует,— утверждал несколько позже русский консул в Ване Туманский,— но обоюдная ненависть к туркам может их со временем соединить: о таком примирении и союзе не раз уже поднимались голоса, как среди курдов, так и армян»⁵⁶.

Однако при всем значении подобных положительных моментов в курдо-армянских отношениях они в указанный период не получили широкого распространения. Абдулхамидовской клике все же удалось натравить на армянский народ значительное число курдов, используя их отсталость, темноту и религиозные предрассудки. Армянскому освободительному движению был нанесен тяжелый удар. Многие районы Восточной Анатолии были разорены, их хозяйственная жизнь была серьезно подорвана. Однако конечные результаты этих средневековых деяний, ужаснувших весь цивилизованный мир, были совсем не те, на какие рассчитывала «Блистательная Порта».

Турецкие правящие круги, разжигая армяно-курдскую вражду, создавали на восточных границах страны опасный очаг внутренних и внешних конфликтов, доставлявший немало забот и тревог Стамбулу и понуждавший его содержать здесь большие и дорогостоящие военные силы. Армянский вопрос, таким образом, не только не был решен, но, наоборот, значительно осложнился, что представляло для целостности Османской империи большую угрозу. В конечном итоге армяно-курдская рознь немало содействовала быстро прогрессирувавшему ослаблению Османской империи и краху абдулхамидовского самодержавного режима.

Кровавые события в Турецкой Армении значительно осложнили международное положение Турции, вызвав резкое усиление вмешательства держав в ее внутренние дела под предлогом «заступничества». Германия, Англия, Франция и Россия стремились удовлетворить свои империалистические притязания в Турции, ослабить позиции конкурентов, укрепить свое влияние на турецкое правительство⁵⁷. «Интернационализация» армянского вопроса в условиях того времени была на руку только империалистам, для которых Османская империя стала разменной монетой в борьбе за сферы влияния и мировое господство⁵⁸.

Активная роль курдов (в основном хамидийцев) в армянских погромах привела к тому, что курдский вопрос превратился в подлинно международную проблему, затрагивающую интересы многих держав. Таковы были результаты погромной политики абдулхамидовского правительства, его полной несостоятельности и политической слепоты⁵⁹.

Здесь не место разбирать все перипетии дипломатической борьбы держав вокруг «армянского вопроса», развернувшейся в 1894—1896 гг.⁶⁰. Это — отдельная большая тема. Отметим лишь некоторые моменты, касающиеся непосредственно курдской проблемы.

Армянская резня послужила некоторым державам удобным поводом для постановки вопроса о ликвидации или существенном ограничении османского суверенитета над всей

Восточной Анатолией. Об этом в довольно откровенных выражениях заявил русский поверенный в делах Жадовский представителю султана. «Я не скрыл от посланного султана,— писал он в Петербург министру иностранных дел,— что он сам, вопреки нашим предостережениям, создал себе ныне безвыходное положение в армянских областях, ополчив и вооружив дикие курдские племена и отдав на их произвол христианское население страны. Ныне он сам бессилён обуздать неистовства своих излюбленных полков „хамидие“, которые считают себя скорее его равноправными союзниками, чем подданными. Отрешившись от власти над ними, он остаётся, однако, перед Европой ответственным за их действия и рискует по их милости потерять армянские вилайеты, как потерял Болгарию по милости черкесов и баши-бузуков»⁶¹.

Следует подчеркнуть, однако, что ни одна из великих держав в то время не могла думать об единоличном захвате какой-либо части территории Османской империи, не рискуя пойти на риск большой войны, к которой тогда еще никто не был готов. Совместный же раздел Османской империи тоже в тогдашней обстановке был немыслим ввиду острых противоречий, раздиравших великие державы. Сказанное относится и к установлению преимущественного влияния одной из держав над всей Османской империей или над отдельными ее частями.

Весьма показательна позиция царской России — державы, которую весьма близко затрагивали события на востоке Малой Азии. Заявления, с которыми первоначально выступали русские представители в Константинополе, не соответствовали весьма умеренным конкретным действиям царской дипломатии. В конфиденциальной инструкции министра иностранных дел послу в Константинополе, отправленной в конце декабря 1894 г. в связи с армянскими событиями, говорилось, что русское правительство осуждает действия турок в Сасуне, выступает против интернационализации конфликта и, рассматривая вопрос о турецко-армянских и курдо-армянских отношениях как чисто местный, соглашается на расследование инцидентов вместе с Англией. «Мы заинтересованы в водворении по возможности полной тишины и спокойствия по соседству с нашей границей,— писал министр.— Условие местности и быта армянского населения, окруженного враждебными дикими племенами, присутствие в стране разнузданного курдского войска — все это является серьезной помехой к водворению прочного и спокойного порядка вещей в северо-восточных окраинах Малой Азии». В инструкции указывался единственный образ действий в создавшихся обстоятельствах — успешная работа комиссии консулов и давление на Порту с целью проведения обещанных реформ в армянских вилайетах. Эта инструкция была одобрена Николаем II⁶².

Таким образом, предсказания некоторых обозревателей того времени, например Контансона, о том, что Россия как соседка Турции «использует этот повод (армянскую резню. — М. Л.) в качестве предлога для вмешательства»⁶³, не оправдались.

Что же касается Англии и Франции, то они ограничились демаршами, в которых содержались напоминания турецкому правительству о необходимости проведения в армянских вилайетах обещанных им реформ. О том, насколько эффективны могли быть такие увещевания, свидетельствует рассказ Нелидова: «В разговоре с английским и французским послами Абдул Хамид коснулся и вопроса о реформах. Перед первым он признавал необходимость некоторых улучшений и именно постепенного, но осторожного увеличения участия христиан в местном управлении и сельской охране. Г-на Камбона он расспрашивал о том, какие именно преобразования, по нашему мнению, следовало бы внести. Когда французский посол ответил султану, что мы только обмениваемся мнениями и еще к окончательному заключению не пришли, но признаем необходимость не создавать новизны, а придерживаться по преимуществу уже изданных законов и намеченных преобразований, которые, однако, еще не применены, то лицо Абдул Хамида просияло и он с удовольствием заметил, что действительно ничего нового вводить не следует»⁶⁴.

Конечно, султан имел все основания радоваться: ничего «нового» от него не требовали, а к тому, что он постоянно нарушал свои прежние обязательства, все уже успели привыкнуть; и не было никаких признаков опасаться того, что державы проявят в будущем большую настойчивость, чем в прошлом.

Правда, в течение некоторого времени между Портой и послами шли переговоры о реформах в армянских вилайетах. Турецкое правительство обещало провести ряд преобразований, в том числе установить строгий контроль над перекочевками курдских племен, брать у курдов заложников, ограничить право ношения оружия курдами-хамидийцами и подчинить их общим гражданским судам. В середине октября 1896 г. драгоманам русского и английского посольств был передан список всех отданных приказаний и якобы исполненных преобразований. Но все эти обещания остались на бумаге. Абдул Хамид хотел просто воздействовать на общественное мнение и предотвратить возможность предъявления ему новых требований⁶⁵.

Таким образом, Англия, Франция и Россия открыто продемонстрировали свое нежелание заставить турецкое правительство прекратить насилия над армянами и утихомирить главарей хамидие. Что касается Германии, то она, желая

укрепить свое влияние в Турции, тайно поощряла внутреннюю политику султана. Все это привело к тому, что турецкие правящие круги уверились в возможности безнаказанно творить любые беззакония и злодеяния по отношению к национальным меньшинствам и игнорировать все протесты держав.

Так, например, в течение многих месяцев русский, английский и французский послы делали Порте представления по поводу грабежей и разбоев, которые творили по отношению к армянам пользовавшиеся покровительством Зеки-паши курдские вожди Эмин-паша, Хусейн-паша, Хаджи Теймур-паша, Дарваз-хан и другие, указывая, что без удаления и наказания этих лиц спокойствие в восточных вилайетах не может быть восстановлено. Турецкое правительство каждый раз обещало принять меры, но не только ничего не делало, а даже награждало некоторых наиболее «отличившихся» душевателей армянского народа⁹⁶.

Итак, Абдул Хамид II мог быть довольным: как ему казалось, армяне были усмирены и запуганы, хамидийцы выступали верными исполнителями султанских распоряжений, державы умыли руки и не собирались всерьез защищать своих «единоверцев». На самом же деле, напротив, сотни тысяч армян стали непримиримыми и заклятыми врагами не только султанского самодержавия, но и вообще турецкого государства; курды, получив оружие и военную организацию, стали грозной силой, весьма опасной, как выяснилось позднее, для империи, а великие державы усилили свое вмешательство во внутренние дела страны, получив важный козырь, который они могли использовать в удобное для себя и неблагоприятное для Турции время. Таков был результат кровавой внутренней политики Абдул Хамида II.

ТУРЕЦКИЙ КУРДИСТАН И АРМЕНИЯ ПОСЛЕ ПОГРОМОВ

Ситуация, сложившаяся в Турецком Курдистане после трагических событий 1894—1896 гг., была весьма напряженной. Страна была в состоянии анархии, междоусобной борьбы, экономической разрухи.

В особенно тяжелом положении находилось армянское население. Стамбул продолжал проводить по отношению к нему дискриминационную, шовинистическую политику, основанную на официальном предпочтении, оказываемом курдам перед армянами. Абдул Хамид, например, цинично заявлял в 1897 г., что жалобы армян на притеснения преувеличены, армяне де изнежены, в то время как курды суровы и воинственны. Курды населяют восточные районы империи с незапамятных времен и рассматривают армян как пришлый

элемент. «Курд всегда был господином, а армянин слугой, — говорил султан, — поэтому реформы, которые требуют державы, неосуществимы»⁹⁷. Подобные идеи, публично высказываемые султаном, наверняка воспринимались «на местах» как директива.

Правительство начало проводить массовую экспроприацию в пользу курдских феодалов армянских земель и другого имущества, брошенного в результате бегства десятков тысяч армян за границу. «...С разрешения и при попустительстве турецких властей, — писал русский посол в Турции И. А. Зиновьев, — курды захватили часть пустующих земель, стали селиться в армянских деревнях, и с жителями их, не находящими нигде защиты, они обращаются как с рабами»⁹⁸. Власти, не взыскивая в течение нескольких лет налогов с армянских земель, переводили весь образовавшийся долг на курдских беев и впоследствии закрепляли за ними право собственности. Часто практиковался и прямой захват пустующих земель. Все это привело к значительному усилению зависимости армянского земледельческого населения от курдских феодалов.

Самые крайние формы феодальной эксплуатации сочетались с открытым грабежом и насилиями. Только с января по сентябрь 1901 г. в округах Муша и Сасуна было убито 64, тяжело ранено 18 человек и изнасиловано 8 женщин. Эти злодеяния были совершены главным образом хамидийцами при прямом попустительстве местных властей, которые в оправдание ссылались на действия армянских революционеров и лишали армян возможности защищаться, высылая их из неприступных горных районов⁹⁹. Курдского ага Бшара-Халила, убившего известного армянского повстанца Сиропа, правительство наградило орденом¹⁰⁰. «...Армянское население, — писал российский вице-консул в Баязиде князь Б. Шаховской, — находится в руках курдов, которые уведат их стада, забирают их земли, зачастую уведат их жен и дочерей, и все это совершенно открыто и безнаказанно, так как жаловаться на курда-хамидие прямо преступление, ибо — это факт — жалобщику заявляют, что человек, принадлежащий к корпорации, носящий имя царствующего султана, не может совершить преступления и обвинять его в этом — crime de lèse majesté (преступление, оскорбляющее величество. — М. Л.). Администрация во всем потворствует курдам-хамидие, будущим надежным защитникам отечества, каковых надо всячески оберегать и защищать, когда против них возникают обвинения со стороны консульств»¹⁰¹.

От грабежей и разбоев хамидийцев по-прежнему страдало не только христианское, но и мирное мусульманское население, в том числе и курды. Например, в прошении, поданном властям оседлыми курдами Хошапской казы, говорилось,

что за восемь лет они потеряли от набегов хамидийцев, принадлежавших к аширету шемсики, 12 человек убитыми, около 40 ранеными; угнано 800 голов крупного и 10 тыс. голов мелкого рогатого скота. Казалось бы, власти в этом случае должны были принять какие-то меры. Но надежды населения на заступничество турецкой гражданской и военной администрации никогда не оправдывались в значительной мере потому, что немалая часть доходов от грабежей поступала самому Зеки-паше и другим видным турецким чинам как в виде добровольных «приношений», так и в качестве обязательного «налога»⁷².

Итак, султанское правительство пожинало плоды своей «новой» политики в отношении курдов и других народов восточных вилайетов империи. В них воцарились безначалие, хаос; полное отсутствие безопасности и порядка стало нормой внутренней жизни. Причем после ликвидации «армянского кризиса» середины 90-х годов положение на востоке Малой Азии не только не нормализовалось, но, по словам Зиновьева, «постоянно и заметно ухудшается». «Получив военные чины, — писал он, — начальники курдских племен вообразили себя полновластными хозяевами в Малой Азии и стали бичом сначала христианских (армянских), а затем и мусульманских населений»⁷³.

Зиновьев не был одинок в такой оценке результатов первых лет существования курдской иррегулярной конницы. Весьма исчерпывающие сведения на этот счет можно почерпнуть, например, из отчета германской комиссии (возглавлял генконсул в Константинополе Штемрих), посланной в Юго-Восточную Анатолию для изучения местных условий в связи с постройкой Багдадской железной дороги. Диарбекирскими хамидие, которые были подчинены крупнейшему курдскому феодалу Ибрагим-паше, говорилось в отчете, только в казе Рас-эль-Айн было разорено до 300 деревень. По дороге в Нусайбин половина селений покинута жителями. Еще хуже положение на востоке Нусайбинского санджака, где проходят владения Мустафы-паши. По дороге в Мосул на расстоянии двух дней пути на двадцать разрушенных селений приходится не более одного, где остались жители. По словам одного путешественника, приводимым в отчете, «земледелие на всем этом пространстве совершенно уничтожено и край в скором времени совершенно опустеет». В отчете далее говорится: «Экономическое положение Диарбекирского вилайета совершенно расстроено и вилайет окончательно разорится, если разбой будет продолжаться в настоящих размерах. Между тем сомнительно, чтобы одними приказами из Константинополя, как бы ни были они настойчивы, могли бы быть прекращены разбой хамидийских полков. Для достижения этой цели потребовались бы самые энергичные меры и весь-

ма большие усилия со стороны турецкого правительства». В заключение отчета говорится, что положение в Мосульском вилайете ненамного лучше⁷⁴.

Очевидцы свидетельствуют, что хамидие бесчинствовали не только в районах, где проживало армянское и турецкое население. По словам французского консула в Алеппо, весьма напряженное положение сложилось и в арабских провинциях Османской империи, где курды жили бок о бок с арабами. В Северной Сирии многие бедуинские племена вынуждены были заключить союз против курдов-хамидие, беспрестанно грабивших арабов. «Бедуины, — писал русский консул в Алеппо, ссылаясь на своего французского коллегу, — к коим присоединился и могущественный неждский эмир, решились на самые крайние меры, с целью побудить Оттоманское Правительство переселить курдов в какую-либо другую местность». В Урфу из Эрзинджана и Алеппо были посланы небольшие отряды турецких войск, но они отказались предпринять какие-либо меры против хамидие⁷⁵.

Во всех спорах между арабами и курдами турецкие суды всегда брали сторону курдов. Но дело редко доходило до судов; курдские вожди сами чинили суд и расправу. Например, Ибрагим-паша за жалобу на него в Стамбул жителей одного селения, принадлежавших к племени абу-асаф, убил шейха племени и его приближенных и выжег все селение. За это деяние он был наказан... производством в лива (генерал-майоры). К югу от Харана сотни деревень за такие же вины были превращены им в развалины. Жители окрестностей считали его, как писали очевидцы, настоящим падишахом. Арабские племена Северного Ирака также страдали от произвола курдских вождей; многие из них бросали свои земли и переселялись на юг⁷⁶. Особенно доставалось жителям окрестностей Киркука, страдавшим от набегов хамавендов⁷⁷.

Все эти факты говорят об одном: после армянских погромов роль хамидие как фактора, подрывающего безопасность страны, значительно выросла⁷⁸.

Это внушало султанскому правительству определенное беспокойство. Было ограничено снабжение хамидийцев современным оружием. Оно доставлялось в ограниченном количестве (на одну сотню в полку) и лишь при условии его хранения в турецких арсеналах⁷⁹. В феврале 1899 г. в специальном докладе Совет министров обратил внимание султана на полное отсутствие дисциплины у хамидие⁸⁰. Через несколько месяцев появился доклад особой военной комиссии, назначенный султаном для обсуждения представленного Зеки-пашой отчета о состоянии войск IV корпуса. Комиссия пришла к отрицательным выводам о хамидие и предложила назначить в курдские полки офицеров, получивших специаль-

ное военное образование, а также ввести для хамидие уставы по образцу уставов для казачьих войск в России. Однако и на этот раз дальше благих пожеланий дело не пошло. Правительство побоялось встретить сопротивление крупных курдских феодалов и поспешило дать отбой. «Задуманная султаном реформа, — писал Зиновьев, — дала до сих пор неблагоприятные для правительства результаты, и можно наперед сказать, что последнему никогда не удастся осуществить предположения Военной комиссии относительно применения к хамидийским полкам уставов, существующих для наших казачьих войск»⁸¹.

В то же время правительство неуклонно продолжало осуществлять намеченный ранее курс на численное увеличение хамидие и создание из курдских беев привилегированной военной касты. Русский наблюдатель, совершивший путешествие по всему Турецкому Курдистану в 1898 г., писал: «...Турецкое правительство не только раньше усилило власть и значение курдов, но и продолжает выполнять эту программу с замечательным постоянством. Еще при мне (в феврале 1898 г.) в Ванском вилайете были сформированы три новых курдских полка хамидие: этим, как и прежним полкам, не дано полного казенного вооружения, но фактом формирования полков курдам официально дано право носить оружие; местным курдским земледельцам пожалованы офицерские чины, назначено жалованье, и тем самым эти вновь созданные офицеры-курды изъяты из-под ведения гражданской власти. Такая постановка организации курдских полков хамидие имеет весьма сомнительное военное значение, но огромное политическое значение; курды ставятся по политическим правам выше христиан... Эта цель и преследуется турецким правительством при сформировании курдских полков хамидие...»⁸².

Как и прежде, власти осыпали курдскую верхушку льготами и привилегиями. Дети знатных курдов производились в офицеры хамидие со дня своего рождения, и нередко мальчики четырех лет ходили уже в полковниках⁸³. Не удивительно поэтому, что некоторые курдские ага были весьма преданы султану. Однако усилия султанского правительства привлечь на свою сторону курдских феодалов не привели к укреплению турецкого господства над курдским населением Османской империи. Большинство племен по-прежнему продолжали отстаивать свои традиционные вольности, активно боролись против посягательств на них турецких властей.

Острые конфликты между турецкой гражданской и военной администрацией и курдами после армянских погромов возникали, пожалуй, еще чаще, чем до них. Ванский вали в начале 1898 г. жаловался Порте, что с курдами нет никакого сладу, они совершенно не платят налогов, оказывают непо-

виновение властям и т. д. В ответ поступило предписание взыскивать налоги силой; были арестованы (но вскоре отпущены) трое наиболее строптивых курдских вождей (одновременно занимавших командные посты в хамидие)⁸⁴.

По-прежнему постоянным источником волнений был Дерсим, население которого упорно не желало покориться властям. В начале 1901 г. в Дерсим была отправлена карательная экспедиция в составе пяти батальонов и двух горных батарей. Турки потеряли до 170 человек убитыми и ранеными, пока им удалось заставить беев сложить оружие⁸⁵. Но эта победа была непрочной. Уже в мае того же года власти вынуждены были отправить в Дерсим новую экспедицию с целью обуздать племена и принудить их к поставкам контингентов в хамидие⁸⁶.

Безрезультатными были и усилия правительства утвердить свою власть в Южном Курдистане. Местные племена, по наблюдению датского ученого А. Бенедиктсена, основательно обследовавшего весь этот район, не признавали никакой правительственной власти. Посылка первого турецкого каймакама в Бохтан вызвала значительные волнения населения; он вынужден был спасаться бегством. Здесь курды, в том числе и вся племенная верхушка, и слышать не хотели о зачислении их в хамидие⁸⁷.

В этот период в освободительном движении курдов появляются начатки организованных форм борьбы против ненавистного турецкого господства. Борьба возглавлялась той частью феодально-племенной верхушки, которую турецким правящим кругам в силу ряда причин не удалось привлечь на свою сторону (древние знатные владетельные роды, мечтавшие восстановить свою власть над Курдистаном, некоторые весьма почитаемые религиозные лидеры, не признававшие авторитета турецкого султана-халифа в мусульманском мире, вожди аширетов, исповедовавших несуннитские направления в исламе, искони преследуемые в Турции ортодоксальным духовенством и светской властью, и, наконец, предводители племен Ирака и пограничных с Ираном районов, т. е. тех земель, которые туркам никогда не удавалось полностью покорить или которые всегда являлись объектом спора между Турцией и Ираном).

Новым в освободительном движении курдов было установление связи с армянским освободительным движением в Турции, несмотря на то что султанская клика приложила максимум усилий, чтобы навеки посорить курдов с армянами. «Среди курдов Ванского и Битлисского вилайетов, — писал русский вице-консул в Ване, — уже появляется сознательное понимание неуместности их самоуправления по отношению к армянскому населению». В этом же донесении он писал, что отношения турок и курдов «весьма близки к гра-

ницам открытой враждебности», «появление заплывов во многих курдских селениях нередко вызывало поголовное исчезновение всего их населения», «обособленное положение курдов хамидие угрожает для Турции серьезными последствиями» и «недалеко то время, когда и среди курдов проявятся сепаратистские стремления»⁸⁸.

Несмотря на крайнюю скудость сведений, имеются материалы, свидетельствующие о совместных действиях курдов и армян против турецкого господства. Так, курды участвовали в тайном производстве оружия, сбываемого армянам. Турецкие власти получили сообщения даже о связях курдов-хамидийцев с армянскими повстанцами. Летом 1903 г. несколько офицеров-хамидийцев было арестовано за помощь, оказанную ими армянским организациям⁸⁹.

Весьма поучительны события в Сасуне в 1903—1904 гг. Осенью 1903 г. в Сасун пришло известие о намерении турок выселить всех армян из этого района и заселить его мусульманами — выходцами из России. Армяне приготовились к отпору; в Сасун прибыли сформированные зарубежными (российскими и иранскими) армянами дружины. На защиту армян выступило местное курдское население, которое еще недавно турецким властям удавалось натравливать на армян⁹⁰.

Весной 1904 г. в Сасуне вновь вспыхнули волнения, переросшие в большое восстание армян, во время которого в ряде мест не удалось избежать курдо-армянских столкновений. Однако до резни курдами армян дело не дошло, подавляющее большинство курдов относились к армянским повстанцам лояльно. «В подавлении последнего восстания, — писал наблюдатель, — характерно именно то, что официально курдам запрещено было мешаться в это дело, и все подавление восстания было возложено на регулярные войска и полицию»⁹¹. Во всяком случае, в 1904 г. в Сасуне не было ничего похожего на то, что произошло там же за 10 лет до этого.

Хотя подобные факты были немногочисленны, но они говорили о появлении принципиально новых черт в курдо-армянских отношениях. От того, будут ли эти черты развиваться или нет, зависели во многом судьбы как курдского, так и армянского населения Турции.

Между тем бурные события, происходившие на востоке Малой Азии, неожиданно нашли отклик на другом конце империи, в ее столице. Здесь жили несколько знатных курдских семей, переселенных в свое время Абдул Хамидом II в Стамбул с целью склонить их на сторону правительства. Эти курды получили высшие должности при дворе; им щедро раздавали ордена и подарки. Однако надежда Абдул Хаида подкупить таким образом курдскую верхушку не оправдалась. Многие стамбульские курды были настроены оппозиционно по отношению к режиму Абдул Хаида и даже участвовали

в антиправительственных заговорах. Некоторые из них были связаны с тайными младотурецкими организациями, возникшими в начале 90-х годов.

В сентябре 1898 г. были арестованы сыновья и другие родственники Бадра-хана. Поводом для ареста послужили перехваченные в Трапезунде письма одного из членов этой семьи, в которых говорилось об организации всеобщего восстания курдов и даже выступления в столице⁹².

Активное участие в антиправительственном движении принимали сын Бадра-хана Осман-паша, проживавший в Египте, и особенно племянник Бадра-хана Абдуррезак. Последний был прежде секретарем турецкого посольства в Петербурге, затем назначен церемониймейстером двора. В 1895 г. он самовольно уехал в Россию, намереваясь оттуда пробраться в Курдистан, но был выслан обратно в Турцию русскими властями. В марте 1901 г. Абдуррезак, возмущенный отказом правительства возратить ему родовые имения, подал прошение об отставке и одновременно вступил в тайные переговоры с Зиновьевым. Он обратился с просьбой о покровительстве и предоставлении ему возможности уехать в Россию, обещая служить ей верой и правдой и побудить к тому же курдов. Зиновьев отверг это предложение, посоветовав Абдуррезаку действовать официально. Одновременно Зиновьев попросил султана быть снисходительным к Абдуррезаку. Султан обещал, но, как будет показано, не сдержал свое слово⁹³.

Итак, внутреннее положение в Восточной Анатолии на рубеже XIX—XX вв. свидетельствует о том, что политика привлечения на сторону султанского правительства курдских племен, использования курдов как слепого и послушного орудия турецких правящих кругов в общем потерпела неудачу. Тем не менее султанская клика, делая одну фатальную для себя ошибку за другой, продолжала строить расчеты на использование курдов, в первую очередь хамидие, в интересах уже не только внутренней, но и внешней политики.

СИТУАЦИЯ НА ТУРЕЦКО-ИРАНСКОЙ ГРАНИЦЕ

В турецкой и западной буржуазной исторической литературе широкое хождение имела версия о целиком оборонительном характере внешней политики Османской империи в новое время. Эта версия весьма далека от исторической правды, особенно в отношении восточного соседа Османской империи — Ирана. Именно на востоке турецкие правящие круги мечтали получить частичную компенсацию за те территориальные потери, которые они несли на Балканах, Кавказе и в Африке. Иран, как государство слабоцентрализованное, отсталое и чрезвычайно уязвимое в политическом и

особенно военном отношении, был самым удобным объектом для агрессии. За счет восточного соседа Абдул Хамид II хотел укрепить престиж своего правительства, своей армии, отвлечь внимание от постоянных внешнеполитических неудач и тяжелых внутренних потрясений, которые начались с момента его вступления на престол и сопровождали все его бесславное царствование.

Агрессивным замыслам турецких правящих кругов в отношении Ирана способствовали два обстоятельства: наличие более или менее однородного курдского населения по обе стороны турецко-иранской границы и отсутствие четко выраженной пограничной линии между обеими странами⁹⁴.

Напряженность на турецко-иранской границе начала расти уже с 1891 г., года организации хамидие. Летом этого года, по сообщениям корреспондента армянской газеты «Мшак», вспыхнули волнения курдов в районе Соуджбулака; возникла угроза нападения курдов на Марагу и Тебриз. На подавление движения были брошены контингенты иранских войск, осадивших Соуджбулак⁹⁵. Происходившие события следует поставить в прямую связь с участвовавшими нападениями турецких курдов на иранскую границу. Не случайно иранские власти делали представления турецкому консулу в Тебризе по поводу не прекращающихся волнений курдов в Иранском Курдистане и Иранском Азербайджане⁹⁶.

В 1892 г. волнения возникли среди племени джаф (в Ираке), вождь которого, Махмуд-паша, не ладил с турецкими властями⁹⁷. Это было только на руку турецким правящим кругам, для которых любая смута среди пограничных курдов служила удобным предлогом, оправдывавшим провокационную, подстрекательскую деятельность в Иранском Курдистане. В пограничных с Ираном районах начали появляться хамидие. Турецкие эмиссары вели антиправительственную пропаганду среди иранских племен, офицеры-хамидийцы совершали частые поездки в западные районы Ирана.

Шахское правительство расценило все это как доказательство враждебных намерений турецкого правительства по отношению к Ирану. Созная «полную беззащитность Персии со стороны турецкой границы», шах обратился к России с просьбой оградить его страну «от враждебных ей замыслов турецкого правительства». Российскому послу в Константинополе было предписано оказать Ирану «иравствленную поддержку»⁹⁸.

Особую тревогу иранского правительства вызвало разрешение Порты вернуться в Курдистан сыновьям Обейдуллы, которые находились в Стамбуле на положении пленников. В Тегеране справедливо усмотрели в этом стремление турок вновь возбудить смуты среди курдов пограничной полосы и Западного Ирана. И действительно, сразу после возвращения

сыновей Обейдуллы, особенно шейха Мухаммеда Садыка, значительно участились случаи вторжения турецких курдов в иранские пределы. Шах Насер-эд-Дин в феврале 1893 г. отправил телеграмму Александру III с просьбой предпринять через посольство в Константинополе соответствующие шаги. Российскому поверенному в делах было поручено объясниться по этому поводу с Портой. Однако турецкое правительство отрицало свою причастность к набегам шейха Садыка и других родственников Обейдуллы⁹⁹.

Демарш России все же возымел на некоторое время действие. Временно вторжения курдов, предводительствуемых сыновьями Обейдуллы, в иранские пограничные районы были прекращены. Однако в период армянских погромов в Турции на иранской границе вновь возникло напряженное положение. Отдельные курдские феодалы, тайно подстрекаемые турками, воспользовались событиями в Восточной Анатолии для совершения набегов на Иран.

В начале февраля 1896 г. шах вынужден был опять просить русское правительство о помощи в связи с намерением шейха Садыка вторгнуться в Иран. Представление Нелидова, однако, осталось безрезультатным¹⁰⁰. Свою бездеятельность турецкое правительство оправдывало невозможностью справиться с самовольными курдскими племенами, выступая одновременно с контробвинениями против иранского правительства, якобы подстрекавшего своих курдов к набегам на Турцию¹⁰¹. Тем самым Порты пыталась замаскировать тайную поддержку турецкими властями курдских феодалов, мечтавших о легкой наживе в условиях царивших в пограничных районах смут. Так, шейх Мухаммед Садык по заданию султана Абдул Хамида II вел протурецкую деятельность среди иранских курдов, прикрывая ее агитацией в пользу принятия суннизма племенами, исповедовавшими шиизм¹⁰².

Несмотря на прекращение армянских погромов, в конце 90-х годов положение на турецко-иранской границе оставалось напряженным. Многочисленные пограничные конфликты были вызваны массовыми переселениями армян из Турции в Иран. Преследуя армян, нередко переходили границу и отдельные отряды курдов-хамидийцев, что служило источником многочисленных инцидентов на иранской территории, жертвами которых становились не только армяне, но и местное мусульманское население. В связи с этим, писал Щеглов, «можно опасаться крупных беспорядков на границе»¹⁰³.

Иранское правительство настаивало перед Портой на обуздании курдских беев, усилении охраны границы с турецкой стороны и недопущении на иранскую территорию армян. Одновременно шах продолжал просить правительство России оказать давление на Порту с целью удалить с границы шейха Садыка и некоторых других курдских вождей¹⁰⁴.

ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ
В ВОСТОЧНОЙ ТУРЦИИ И ЗАПАДНОМ ИРАНЕ
НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.

Все протесты Тегерана повисали в воздухе. Не считаясь с ними, турецкие дипломатические представители в Иране, особенно посол Мюниф-паша, вели подрывную работу внутри страны и всячески раздували инциденты на границе; турецкие пограничные власти со своей стороны развернули активную подстрекательскую деятельность среди курдских племен, побуждая их вторгаться на территорию соседней страны¹⁰⁵. В качестве отвлекающего маневра турецкое правительство обвиняло в возникновении беспорядков... Иран и потребовало от него, чтобы он не допускал на свою территорию пришлых армян и курдов, хорошо зная, что иранское правительство не в состоянии это сделать. Турецкие представители также жаловались на нарушение иранскими курдами границы, взвалив вину за это без всяких оснований на шахское правительство¹⁰⁶.

Для Ирана ухудшение отношений с Турцией и особенно неурядицы среди курдов были крайне нежелательными, ибо это приводило к ослаблению и без того непрочной центральной власти, угрожало целостности страны и усугубляло тягчайший экономический и политический кризис, нараставший с каждым годом в дряхлой каджарской монархии. Русский вице-консул в Ризе А. И. Гиппиус писал в своем дневнике: «...Курды, в особенности турецкие курды, несравненно более страшный враг для персидского государства, нежели армяне или айсоры»¹⁰⁷. Как покажут последующие события, автору этих строк нельзя отказать в проницательности.

Таким образом, первый результат новой политики турецких правящих кругов по отношению к курдам во внешнеполитическом плане — это обострение турецко-иранских отношений.

На рубеже XIX—XX вв. курдский вопрос, перестав быть по преимуществу внутренней турецкой или иранской проблемой, стал играть видную роль в международных отношениях на Ближнем Востоке.

В то время в колониальной политике главных империалистических держав на Ближнем Востоке наступил новый этап: Англия, Германия, Франция, Россия, Австро-Венгрия, Соединенные Штаты Америки, Япония и Италия начали готовиться к решительной борьбе за передел мира.

Главная опасность для британской и французской колониальных империй начала исходить со стороны Германии, военное и экономическое могущество которой в последней четверти XIX в. резко возросло.

Особенно активно действовала Германия в Турции, захватив здесь к концу XIX в. ряд важнейших позиций. Германский капитал завоевал некоторые ключевые отрасли турецкой экономики, оттеснив французский и английский капитал (например, в железнодорожном строительстве). Заметных успехов добились немцы и в политической сфере, быстро росло их влияние на султана, министров и особенно на генералитет. Успешное проникновение Германии на Ближний Восток (в первую очередь строительство немцами Багдадской железной дороги) воспринималось Англией как подготовка к решительному наступлению на ее огромные колониальные владения в Азии. Поэтому Англия и Франция (боявшаяся за свои внушительные капиталовложения) отбросили традиционную доктрину сохранения целостности Османской империи (призывавшую, с одной стороны, создать преграду для продвижения России на Балканы и Ближний Восток, а с другой — прикрыть их собственные захватнические планы в отношении «ottomанского наследства») и начали готовиться к ее полному разделу, дабы опередить Германию и не дать ей возможности захватить всю Турцию целиком. Разумеется, этот поворот произошел не сразу, а постепенно, и традиционное англо-

русское соперничество на Ближнем Востоке продолжало играть важную роль в «Восточном вопросе», вплоть до окончательного оформления Антанты и даже позднее.

Что касается царской России, то она в военном и экономическом отношении отставала от передовых государств Европы и постепенно перестала быть для Англии основным соперником в Азии. Более того, неисчерпаемые людские и материальные ресурсы делали Россию весьма желательным союзником против Германии.

Ввиду невозможности захватить в то время проливы, царизм ставил задачей своей внешней политики добиться права свободного прохода русских военных кораблей из Черного моря в Средиземное и обратно. Экономические и политические интересы России в Малой Азии, Европейской Турции и странах Арабского Востока были невелики. Поэтому Россия не имела в отношении указанных районов захватнических целей.

Восточная Анатолия и Иран, напротив, играли важную роль в ближневосточной политике царизма.

Внутриполитическая ситуация в Иранском Азербайджане, турецкой и иранской частях Курдистана, Турецкой Армении, различные внешние влияния на них имели большое значение для безопасности русских границ и для положения в закавказских губерниях, население которых было в значительной степени однородно с населением смежных турецких и иранских районов (армяне, азербайджанцы, курды). Вот почему курдской проблеме в России уделяли большое внимание, особенно с 90-х годов XIX в., когда в Курдистане и Турецкой Армении участились волнения и погромы, а многочисленные и воинственные курды получили собственную военную организацию.

В ближневосточной политике других великих держав курдская проблема также играла значительную роль. В курдах была заинтересована Англия, проводившая экспансионистскую политику в Иране и стремившаяся захватить Ирак. Англичане хотели сделать курдов своими союзниками в борьбе против распространения сначала русского, а потом и германского влияния в Западной Азии. Франция, претендовавшая на Сирию и Мосул, также была далеко не безразлична к курдским делам. Наконец, усиленное внимание к курдам начала проявлять Германия, которая в связи со строительством Багдадской железной дороги активно проникала в Восточную Анатолию, Ирак и Северную Сирию, а также делала первые и довольно успешные шаги в Иране.

Значение курдской проблемы в международных отношениях на Ближнем Востоке четко и образно определил Минорский: «Расселены они (курды.— М. Л.) полосой, окаймляющей Северную Месопотамию. Несомненно, экономическое

развитие и политическое значение этой последней, как *арены многих влияний*; тут будет и Багдадская дорога, в чьих бы руках она ни оказалась, и европейская торговая конкуренция, и турецкие традиции, и возможный арабский сепаратизм, и, наконец, наше мирное проникновение с севера. При стремлении закрепить все эти влияния курдский вопрос встанет во всей широте. Но курды не только стена между севером и югом, они сами тянутся далеко на восток в пределы Персии и через все армянское плоскогорье, вплоть до нынешних наших пределов. Хорошо дренировать все эти разливы и ввести все 3 миллиона курдов в законные рамки спокойного существования — вот одна из крупнейших проблем будущей политики в Передней Азии»¹.

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Положение в Курдистане и Турецкой Армении внушало русскому правительству, а также гражданским и военным властям на Кавказе серьезные опасения. С 90-х годов XIX в. в России происходил бурный промышленный подъем, сопровождавшийся интенсивным железнодорожным строительством, ростом монополизации в промышленности, увеличением роли банков; в развитии российского капитализма наступила империалистическая стадия, что, естественно, отразилось и на внешней политике Российской империи. Хотя основные устремления российских промышленно-финансовых и военно-политических кругов в тот период были направлены на Дальний Восток, Россия была заинтересована в укреплении своих позиций и на Ближнем Востоке или, по крайней мере, в сохранении их в неприкосновенности².

Формирование из курдов подвижных воинских подразделений закономерно воспринималось в России как угроза безопасности закавказских границ, ибо именно с середины 90-х годов здесь начали происходить многочисленные инциденты. Спасаясь от погромов, в Россию в те годы бежало множество армян. Преследовавшие их отряды хамидийцев нередко переходили границу и совершали набеги на армянские селения Карсской области и Эриванской губернии³. Со своей стороны, армянские националисты в пределах Закавказья формировали вооруженные отряды, которые переправлялись на турецкую территорию, где вели партизанскую борьбу с хамидие и турецкими регулярными войсками. На этой почве чуть ли не ежедневно возникали пограничные конфликты, часто происходили перестрелки и столкновения между охранявшими границу казаками-пластунами и курдами-хамидийцами⁴.

Турецкое правительство и командование в Восточной Анатолии фактически поощряли набеги отрядов хамидие на тер-

риторию русского Закавказья. Эриванский губернатор граф Тизенгаузен писал, что в сопредельных с Россией районах Турции нет «сдерживающего и устрашающего начала для турецких курдов», которые смотрят «на русскую территорию, как на лакомый кусок и всегда для них доступный»⁵. Главнoначальствующий на Кавказе князь Голицын считал причиной этих вторжений не только бездействие, но и прямое попустительство турецких властей, в частности баязидского мутесаррифа⁶. Эту же мысль подчеркивал Зиновьев: «Равнодушные турецкого правительства к нашим жалобам на пограничные беспорядки зависят не столько от его недобросовестности, сколько от политики, которой держится султан относительно курдов, коих он считает оплотом безопасности своих малоазиатских владений»⁷.

Систематическое натравливание турецкими правящими кругами курдов на Россию преследовало вполне определенные военно-политические цели. Во-первых, турецкое правительство видело в Закавказье своего рода внешнюю базу армянского освободительного движения в Османской империи и стремилось всемерно помешать помощи российских армян своим турецким собратьям. Во-вторых, Турция хотела создать постоянную угрозу русским стратегическим коммуникациям на Кавказе и сделать из курдских набегов источник давления на внешнюю политику своего северного соседа. Наконец, в-третьих, султанское правительство мечтало использовать живших в пределах закавказских губерний нескольких сот тысяч курдов для подрыва внутренней безопасности этого района и осуществления абдулхамидовской идеи объединения под властью Стамбула всех курдов.

Усиление напряженности на турецкой границе значительно осложняло для царских колонизаторов проблему управления проживавшими в Закавказье курдами. Русские курды находились в тяжелом материальном положении, главным образом в результате аграрной политики царских властей в Закавказье. В целях увеличения площади пахотных земель русские чиновники передавали кочевья, которыми пользовались курдские племена, переселенцам из центральных губерний. Когда же часть курдов, вынужденных бросить кочевой образ жизни, собиралась перейти к оседлости, для них уже не осталось свободного земельного фонда. К тому же правительство в 1901 г. увеличило поземельный налог. Поэтому российские курды владели нищенским существованием и в поисках средств к пропитанию часто бежали за границу, главным образом в Турцию⁸.

Недовольство курдов вызывали и административно-полицейские порядки. Местные власти, стремясь ликвидировать традиционные вольности курдских аширетов и держать их под строгим контролем, ограничивали их передвижение и

расселение (часто совершенно необходимые по экономическим соображениям). На основании введенного строгого паспортного режима беспаспортных курдов, родившихся в России, часто высылали за границу. Политика царских колонизаторов вызывала возмущение значительного числа российских курдов, что создавало благоприятную обстановку для антирусской агитации, которую вели среди курдов Закавказья посылавшиеся из Турции панисламистские эмиссары. В результате многие курды бежали из России в Турцию специально для того, чтобы вступить в хамидие, и нередко возвращались обратно уже в составе вооруженных отрядов, грабивших и терроризировавших мирное земледельческое население⁹.

Тяжелое положение курдов Закавказья повлияло на отношение зарубежных аширетов к России. «При таких условиях, — писал российский консул в Баязиде, — трудно рассчитывать на особое тяготение турецких курдов к России, разве в беднейшей их части»¹⁰.

Турецкие власти делали все, чтобы вызвать у рядовых кочевников недружественные чувства по отношению к России, умело используя в своих интересах действия русской администрации в Закавказье. Так, в то время как русские пограничные власти отказывались пропускать в пределы России турецких курдов, высланных турецкими властями и не имеющих вида на жительство, турецкие власти, напротив, беспрепятственно пропускали через границу российских курдов¹¹. Турецкое правительство запрещало вывозить продукты скотоводства и земледелия Курдистана и Турецкой Армении в Россию, «как бы умышленно удерживая своих курдов от общения с Россией»¹².

Тем не менее значительная часть зарубежных курдов в общем относилась к России благожелательно, как к возможной их освободительнице от ненавистного турецкого гнета. Это отмечали многие наблюдатели, лично знакомые с жизнью турецких и иранских курдов. Так, например, К. Н. Смирнов, путешествовавший по северным районам Турецкого Курдистана, отмечал сравнительно благожелательное отношение курдов к России. «Русский им ближе, — писал он, — чем всякий другой иностранец»¹³.

Что касается курдской феодально-племенной верхушки, то в России она обладала меньшими привилегиями, чем в Турции. У русских курдов, в значительной мере утративших родовое устройство, беки и ага не имели веса в глазах русской администрации в Закавказье. Курдской знати в России почти не присваивались офицерские звания, она не занимала никаких административных должностей, курдских беев никак не отличали и не награждали¹⁴. Этим воспользовались турецкие правящие круги для разжигания с помощью курдской фео-

дально-племенной знати антирусских настроений среди курдских племен с целью создать России затруднения военного и политического характера на Кавказе и принудить русское правительство ослабить давление на Турцию в армянских и других вопросах.

В какой мере повлияли все описанные события на ближневосточную политику царизма? Ответить на этот вопрос помогут некоторые директивные документы российской дипломатии того времени. В одобренной царем инструкции министра иностранных дел дипломатическому агенту в Болгарии Бахметеву, отправленной в конце апреля 1897 г., говорилось: неизменная цель России «сохранить неприкосновенность и целостность Турецкой империи, дабы путем этим предотвратить возможность всяких осложнений».

В поддержании власти султана мы видим в настоящее время лучшее средство достигнуть столь желаемого успокоения на Востоке, полагая, что неосторожно вступив на путь расчленения Османской империи теперь, когда во всех частях ее заметно брожение, мы дадим лишь широкий простор притязаниям балканских государств и народностей Турции, вызовем и усилим соперничество их между собой и таким образом неизменно приведем к результатам совершенно несогласным с намеченной выше целью, в противность к неуклонному стремлению нашему к охранению мира и высших начал права, порядка и справедливости»¹⁵.

В инструкции Зиновьеву, посланной ему в декабре того же года в связи с назначением его послом в Константинополь¹⁶, задачи политики России в отношении Турции были определены более детально. «В настоящее время преимущественное внимание наше отвлечено на Дальний Восток, где самой силовой вещей на первый план выдвигаются жизненно важные для России вопросы, для разрешения которых необходимо располагать полной свободой действия. Обеспечить таковую со стороны Турции, соблюдая вместе с тем неприкосновенности достоинство, права и интересы России, такова главная предстоящая Вам задача, и для ее исполнения необходимо прежде всего стремиться к поддержанию и укреплению дружественных отношений, установившихся у нас с Турцией».

О событиях в Армении в инструкции говорилось: «С грустью взирая на кровавые сцены... мятежа, мы не могли однако же им воспрепятствовать из опасения поднять Восточный вопрос во всем его грозном объеме». «...Но при всем этом, конечно, нельзя упускать из виду вековую задачу и долг России — покровительство христианскому населению Турции»¹⁷.

Нелишне будет процитировать и письмо управляющего МИД (вскоре ставшего министром) В. Н. Ламздорфа Зиновьеву по поводу нападения курдов на армянское селение

Спаганк в Сасунском санджаке Битлисского вилайета. «Ввиду происходящих ныне на берегах Тихого океана событий, нам более чем когда-либо следует заботиться о сохранении спокойствия в пределах соседней нам Турецкой империи, дабы ничем не осложнять общего политического положения, вследствие чего я и полагаю необходимым не медля поставить на вид Порте происшедшие в Спаганке события»¹⁸.

Из всего изложенного можно сделать три основных вывода: во-первых, русское правительство было заинтересовано в нормализации внутривосточной обстановки на востоке Малой Азии и скорейшем прекращении армяно-курдских столкновений; во-вторых, Россия решила принять меры к обеспечению безопасности своих закавказских территорий и установлению полного спокойствия на турецкой границе; в-третьих, и это главное, в Петербурге добиваться указанных целей решили в основном дипломатическими средствами. При поддержке любых антирусских акций султанского правительства Англией и некоторыми другими державами эти средства не могли дать царскому правительству ожидаемых результатов.

Устные представления русского посла в Константинополе великому визирю, которые делались в течение 1894—1896 гг. в связи с нарушениями хамидийцами русской границы, а также беспорядками на турецко-иранской границе, не дали результатов. В январе 1895 г., например, Нелидов заявил великому визирю, что если набеги курдов будут продолжаться, то русские войска их будут преследовать на турецкой территории¹⁹. Эта угроза подействовала, но ненадолго.

В начале января 1898 г. Зиновьев сделал представление непосредственно султану Абдул Хамиду II о нарушении курдами русской границы. Султан обещал принять меры, но одновременно поручил местным властям «тщательно воздерживаться от распоряжений, способных вызвать неудовольствие курдов»²⁰.

После гибели 11 (23) мая 1899 г. в стычке с курдами-хамидийцами поручика Ладченко и рядового Швирико в Петербурге решили действовать более энергично. 12 (24) июня 1899 г. Зиновьев имел объяснение с султаном по поводу положения на границе и, в частности, инцидента 11 мая. Посол возложил непосредственно на турецкое правительство ответственность за набеги на границу, имевшие место, по его словам, исключительно из-за безнаказанности, которой пользуются хамидийцы. Абдул Хамид сначала пытался избежать прямого ответа, но после настояний Зиновьева вынужден был обещать расследовать инцидент и наказать виновных²¹.

По-видимому, султан не был склонен выполнить свое обещание. Во всяком случае, через месяц Муравьев указал Зиновьеву на необходимость вновь обратиться «самое серьезное

внимание султана на возмутительное поведение пограничных курдов, потребовав принятия надлежащих мер, расследования дела и строгого наказания виновных»²². Эти меры, по мнению Муравьева, предусматривали: 1) смещение баязидского мутасаррифа, 2) лишение воинских званий замешанных в этом деле начальников хамидие вплоть до полковников и 3) денежные вознаграждения родственникам убитых²³.

Предъявив эти требования, русское посольство одновременно указало Порте на явно антирусскую направленность хамидие. Вскоре первый секретарь султана Тахсин-бей передал Зиновьеву записку, в которой утверждалось, что хамидие были сформированы только в целях прикрепления курдов к месту жительства и привлечения их к отбыванию воинской повинности; эта мера отнюдь не была направлена против России, ибо хамидие были созданы якобы только в Ираке и Сирии. Порта, однако, обещала «провести улучшения в организации хамидие»²⁴.

Подобные объяснения не могли, конечно, удовлетворить Зиновьева. Российскому посольству удалось лишь добиться согласия Порты на образование смешанной русско-турецкой пограничной комиссии для урегулирования пограничных конфликтов. От России в нее был назначен генерал-лейтенант Зеленой, от Турции — генерал Тевфик-паша. Работа комиссии не дала почти никаких результатов, хотя она приняла решение об охране границы минимальным количеством регулярных войск. Турки продолжали располагать вдоль нее отряды хамидие²⁵.

Русская сторона поставила вопрос о праве перехода русскими войсками границы в случае преследования ее нарушителей. Турки потребовали взаимности. В результате русским пришлось отказаться от этого требования²⁶.

Правда, турецкое правительство вынуждено было удовлетворить все материальные претензии русской стороны и послать воинскую команду для наказания курдов, виновных в нападениях на русскую территорию²⁷. Но в то же время чрезвычайная судная комиссия, назначенная султаном для слушания дела непосредственных виновников инцидента 11 мая, демонстративно оправдала подсудимых под тем предлогом, что в гибели Ладченко и Швирейко виноваты только российские курды. Зиновьев протестовал, но безрезультатно; обещанный султаном пересмотр дела не состоялся²⁸.

Естественно, что такая позиция турецкого правительства только поощряла антирусскую деятельность некоторых курдских вождей и привела к дальнейшему обострению русско-турецких отношений. Поэтому в Петербурге решили значительно усилить дипломатический нажим на Порту.

Поводом для такого нажима явилось совершенное в середине сентября 1900 г. нападение курдов на управляющего

русским генконсульством в Эрзеруме князя Шаховского, в результате которого Шаховской был ранен, а его имущество разграблено. Ламздорф указал Зиновьеву, что «предписывается по Высочайшему повелению... обратить серьезное внимание султана на необходимость принятия строгих мер к обузданию малоазиатских курдов» и потребовать соответствующего удовлетворения за нападение²⁹. Такое представление и было сделано Зиновьевым через несколько дней³⁰.

По-видимому, демарш Зиновьева не дал ожидаемого результата. 5 января 1901 г. Ламздорф отправил Зиновьеву одобренную Николаем II телеграмму, в которой говорилось: царь повелел «самым энергичным образом потребовать удовлетворения за совершенные курдами нападения как на наши пограничные команды, так и на Управляющего Российским Генеральным консульством в Эрзеруме».

Описанное Вами положение дел в Эрзерумском вилайете не может быть терпимо, а посему Вам надлежит настоять на принятии радикальных мер к прекращению своеволия курдов и дать понять султану, что нами не будут приняты во внимание никакие дальнейшие отговорки»³¹.

Угроза действовала. Летом 1901 г. состоялся суд над козичанскими курдами, виновными в нападении на Шаховского: из 17 подсудимых 7 были оправданы, остальные осуждены на различные сроки каторжных работ³².

Несмотря на то что турецкое правительство вынуждено было уступить и дать необходимое удовлетворение России, оно хотело оставить предлоги для организации в будущем нападения на русскую территорию и поддержания напряженности на границе. Такую цель преследовали, в частности, представления турецкого посла в Петербурге по поводу готовившегося вторжения армянских отрядов с русской территории в Турцию для помощи освободительному движению турецких армян. В Петербурге этот маневр был сразу разгадан; туркам было решено дать отпор. В середине октября 1901 г. Ламздорф с одобрения царя инструктировал Зиновьева: «...подобного рода заявления турецкого посла производят на нас весьма неблагоприятное впечатление, так как доныне они не оправдались обстоятельствами, что на будущее время мы лишены будем возможности придавать им какое бы то ни было значение и что, твердо охраняя спокойствие на границе с Турцией, мы вправе требовать, чтобы султан, со своей стороны, принял все обещанные меры к водворению порядка в соседних с нами малоазиатских областях»³³.

Дипломатический нажим, произведенный Россией на Турцию, на время оказал свое действие: число набегов и пограничных инцидентов резко сократилось. Тем не менее постоянные внутренние неурядицы на востоке Малой Азии, враждебное отношение курдов и армян вызывали значительное беспо-

койство у русского правительства, накладывали отпечаток на русско-турецкие отношения. В частности, большие трения между Россией и Турцией вызвал вопрос о водворении в Турцию армян, переселившихся в Россию во время погромов.

В 1894—1896 гг. в Россию бежали, спасаясь от резни, до 30 тыс. армян. Царские власти не желали обеспечивать армянских беженцев землей, жильем и работой и решили выселить их обратно в Турцию. Это вызвало резкое недовольство турецкого правительства, которое, во-первых, боялось усиления армянского элемента в Турции, а во-вторых, предвидело серьезные осложнения с курдскими феодалами, захватившими значительную часть земель и имущества армян.

Действительно, возвращение первых партий армянских беженцев вызвало многочисленные акты насилий со стороны беев, за спиной которых стояли турецкие подстрекатели. В воздухе запахло новой резней. Тем не менее Россия продолжала настаивать на водворении армян в Турцию. Российскому посольству в Константинополе и консулам было предписано оказывать переселенцам покровительство и оградить их безопасность³⁴.

Зиновьев сделал энергичное представление Порте, «но немедленных результатов, — доносил он, — ожидать не могу, ввиду недостаточных средств воздействия турецкого правительства на курдов и возможности беспорядков»³⁵.

Турецкое правительство продолжало настаивать на прекращении переселения эмигрантов; Зиновьеву приходилось проводить свою линию осторожно, не ссорясь с турками и не давая повода к возобновлению беспорядков и насилий. «Всякое возбуждение армянского вопроса, — телеграфировал Зиновьеву Муравьев, — при нынешнем политическом положении было бы крайне опасно и в высшей степени нежелательно». В то же время Муравьев предупреждал, что турецкое правительство готовится силой удержать армян на границе³⁶.

Вскоре русское правительство убедилось в невозможности, без риска крупных осложнений, настаивать на своей прежней точке зрения. 19 июня 1898 г. Николай II приказал до новых распоряжений приостановить выселение в Турцию армян-эмигрантов³⁷. В Петербурге было решено действовать пока дипломатическим путем, не накаляя атмосферу высылкой в Турцию новых партий беженцев. В конструктивном письме Зиновьеву Муравьев рекомендовал продолжать настаивать перед Портой на удовлетворении требований России в отношении армянских беженцев, но делать это крайне осторожно, «не теряя из виду необходимость — во-первых, — сохранить хорошие отношения с Турцией, и во-вторых — и главным образом, не давать повода к возобновлению армянских беспорядков, которые неминуемо повели бы за собой повто-

рение кровавых событий 1895 года, а следовательно, с одной стороны — новый, быть может, более значительный наплыв беглецов в Россию, с другой — вмешательство великих держав во внутренние дела Турции со всеми сопряженными с оными политическими осложнениями»³⁸.

В течение 1898—1899 гг. Зиновьев вел безрезультатные переговоры с Портой по армянскому вопросу. Так, в середине марта 1899 г. советник министерства иностранных дел Артын-паша заявил российскому послу, что обратное переселение армян в Турцию вызовет негодование среди курдов, что может породить смуты и даже новое кровопролитие. Зиновьев возразил ему, что следует принять заранее меры, ибо повторение событий 1894—1896 гг. «может повлечь за собой весьма неблагоприятные последствия». Обменявшись подобными угрозами, собеседники разошлись, оставшись, как говорится, каждый при своем мнении³⁹.

Весной 1899 г. Муравьев выдвинул новый план: настаивать перед Портой на выселении в Турцию вместо 30 тыс. всего 10 тыс. армянских беженцев, остальных же водворить где-либо в другом месте; иначе неизбежны столкновения курдов с армянами и вторичная эмиграция армян⁴⁰. Между тем Зиновьев сообщил в Петербург, что обстановка в Восточной Анатолии, в смысле возможности обратного водворения армянских беженцев, за последние месяцы изменилась к худшему. Курдские беи захватили большую часть армянских земель; чтобы армяне смогли снова вернуться, следует отнять эти земли у новых владельцев. Власти же не в состоянии это сделать, ибо опасаются вызвать мощное антиармянское движение курдов и возбудить «больной» вопрос о реформах в Малой Азии, чем воспользуются великие державы в целях нежелательного для России вмешательства во внутренние дела Турции. В заключение посол высказал мнение, что не следует выселять тех армян, которые нашли в России работу, во всяком случае с этим надо повременить. На этом донесении есть помета Николая II: «Справедливо»⁴¹.

В письме Муравьева Николаю II предлагалось «предъявить Абдул Хамиду, взамен незначительных льгот по армянскому делу, более существенные требования по некоторым политическим вопросам»⁴². В таком же духе министр иностранных дел инструктировал Зиновьева, предложив ему настаивать на водворении лишь 10 тыс. армян⁴³. Но вскоре Россия перестала чего-либо добиваться в этом деле от Порты.

Итак, Турция добилась дипломатического успеха, компенсировав себя, так сказать, за вынужденную уступку России при урегулировании пограничных инцидентов⁴⁴. Обострение русско-турецких отношений как в связи с пограничными конфликтами, так и по вопросу об обратном водворении армянских беженцев показывает, насколько непрочным было

политическое равновесие в Турецком Курдистане и Армении, чреватое большими и малыми потрясениями и взрывами, и какое большое значение имела курдская проблема вообще, а также курдо-армянские, курдо-турецкие, русско-армянские и русско-курдские отношения, в частности для сохранения стабильности на Ближнем Востоке. Поэтому перед правящими кругами царской России встал вопрос о недооценке всей курдской проблемы, о привлечении на сторону России зарубежных курдов, о средствах распространения русского влияния среди них и о методах политического проникновения в населенные курдами районы. Постановку и разрешение этих проблем диктовали серьезные государственные интересы России. Однако значение курдского вопроса для России далеко не сразу и не в полной мере оценили те, кто определял, направлял и непосредственно осуществлял русскую политику на Ближнем Востоке.

Обратить самое серьезное внимание на курдов призывали в первую очередь царские чиновники, которые по роду своей деятельности хорошо знали положение в Курдистане. Например, российский генконсул в Эрзеруме Скрябин указывал на «необходимость для нас самого тщательного, проявляющегося даже в мелочах, поддержания на должной высоте престижа русского имени и русского влияния именно среди многочисленного и непризнающего вполне и по настоящее время турецкого владычества курдского народа, на содействие которого кавказским войскам мы уже не раз рассчитывали (иногда с большим успехом) в минувших войнах и имеем не мало оснований рассчитывать и в будущем». Своевременность и важность такого подхода к курдам Скрябин мотивировал, в частности, тем, что, по его наблюдениям, среди курдов господствует убеждение, «что русская власть *выше, справедливее и несоизмеримо сильнее* власти турецкой». В то же время, отмечал Скрябин, нельзя терять время, ибо турецкое правительство делает успехи среди курдов, привлекая их верхушку к хамидие 45.

Практические предложения по курдскому вопросу выдвинул вице-консул в Баязиде Иванов. В целях привлечения на сторону России курдской знати, писал он, желательно в России создать несколько курдских батальонов или эскадронов по образцу туркменских. «В них наша бы себе удовлетворение недовольная часть из наших курдов». Надо обратить внимание, писал далее консул: 1) на экономическое положение наших курдов и 2) на увеличение грамотности среди них 46. Последнему Иванов придавал особое значение, ибо развитие культуры у курдов помешает туркам пропагандировать среди них мусульманский фанатизм, ненависть к русским армянам и т. д. «Пусть наша школа сумеет втолковать курдам их расовое отличие от турков», — писал он. В то же время

Иванов подчеркивал важность поднятия экономического благосостояния закавказских владений России, усиления их торговых связей с Курдистаном и создания экономической зависимости его от России 47.

В Петербурге и Тифлисе к подобным взглядам и проектам относились в то время, по-видимому, как к пустому проектерству. Однако в правящих сферах царской России все же начали постепенно признавать важность и необходимость всестороннего изучения курдов, установления связей с их крупнейшими вождями.

Еще в январе 1891 г. начальник Главного штаба генерал Обручев обратил внимание Зиновьева, занимавшего в то время должность начальника Азиатского департамента Министерства иностранных дел, на необходимость самого пристального наблюдения за положением дел в Восточной Анатолии в связи с усилением IV корпуса и формированием из курдов конных иррегулярных полков. Поэтому, писал Обручев, нужно срочно назначить нового генерального консула в Эрзерум взамен ушедшего в отставку генерала Деннета 48.

С этого времени Министерство иностранных дел и другие центральные ведомства России начали детально изучать Курдистан и его население, чем вызвали большие опасения султанского правительства. В 1903 г., например, возник проект отправки в Курдистан и Месопотамию большой экспедиции Географического общества. Абдул Хамид обратился к Зиновьеву с настоятельной просьбой отсрочить отправку этой экспедиции хотя бы на год под предлогом, что этим воспользуются англичане для организации своей экспедиции в южные районы Турции. «...Я полагаю, — писал Зиновьев, — что истинная причина создаваемых турецким правительством затруднений заключается в его подозрении, что отправление нашей экспедиции обусловлено какими-либо тайными намерениями». Несмотря на все настояния посла, султан сначала был непреклонен, но в дальнейшем согласился при условии, что число участников экспедиции будет сокращено 49.

Вслед за тем было организовано несколько экспедиций из России в Восточную Анатолию. Во время экспедиций особое внимание обращалось на национальные отношения в посещаемых районах. Томилов в своем отчете о поездке по Турецкому Курдистану летом 1904 г. сделал следующий вывод: «...В военном отношении национальный вопрос в Турции играет весьма важную, а может быть и решающую роль» 50.

Значительно усилили внимание к курдам российские дипломатические представители в восточных вилайетах Османской империи. Они совершали частые поездки по прилегающим к месту их службы районам, нередко преподносили курдским вождям дорогие подарки, в том числе особо ценимое курдами оружие, посещали курдские святилища 51.

Одновременно делались попытки использовать для политической агитации среди курдов в пользу России российских мусульман, совершавших поездки в Турцию. Французский вице-консул в Эрзеруме сообщал, что согласно циркулировавшим в городе слухам эти лица вели переговоры с главными начальниками хамидие о переходе на сторону России в случае войны. Подобные сообщения по меньшей мере сильно преувеличены⁵². Русские представители лишь пытались установить контакт с зарубежными курдами с целью политического проникновения в Курдистан и достигли в этом деле на первых порах весьма незначительных результатов.

В период русско-японской войны 1904—1905 гг. положение на русско-турецкой границе вновь стало тревожным.

Вскоре после начала войны Зиновьев имел беседу со вторым секретарем султана Иззет-пашой. По словам последнего, Абдул Хамид, сочувствуя России, дал соответствующие указания редакторам газет и даже предписал командующему IV корпусом собрать несколько тысяч «вполне благонадежных и хорошо вооруженных» курдов и послать их в распоряжение кавказского начальства для отправки в Маньчжурию⁵³. Зиновьев отклонил это предложение, ибо, вероятно, догадывался, что султан хитрит в ожидании результатов операций на Тихом океане. Так оно и случилось. Как только пришли вести о неудачах русской армии и флота на Дальнем Востоке, русско-турецкие отношения резко ухудшились⁵⁴.

Турецкие власти в восточных вилайетах начали военные приготовления, в том числе мобилизовывали хамидие. Курды, по разным причинам находившиеся в России, были вызваны оттуда под предлогом ожидаемого восстания армян⁵⁵. Турецкие и отчасти иранские курды, «неорганизованные» и входившие в состав хамидие, начали сосредоточиваться на русской границе. Среди населения Восточной Анатолии распространялись слухи о неизбежности войны с Россией. По некоторым сведениям, общее количество турецких войск (включая хамидие), концентрировавшихся в восточных вилайетах и непосредственно вблизи русской границы, уже к апрелю 1904 г. превышало 200 тыс. человек. Фактически были приведены в боевую готовность все регулярные и иррегулярные войска IV корпуса⁵⁶.

Одновременно на кавказской границе начались инциденты; так, 8 мая и 13 июня 1904 г. произошли перестрелки, 20 июня — вооруженное столкновение, 28 июня турецкие солдаты и хамидийцы напали на русских пограничников, 26 августа хамидийцы и турецкие солдаты вновь нарушили границу, 12 сентября произошла стычка с контрабандистами, поддерживаемыми турецкими солдатами⁵⁷.

В конце марта 1904 г. Зиновьев по личному указанию царя сделал Порте запрос относительно военных подготов-

лений. Турецкое правительство объяснило их необходимостью бороться с армянскими революционерами и препятствовать вторжению в Турцию с территории России армянских «банд». На донесении Зиновьева об ответе турок Николай II сделал помету: «После вероломного нападения Японии, я никаким уверениям больше не верю»⁵⁸. 1(14) и 10(23) апреля Зиновьев вновь протестовал в связи с военными приготовлениями Порты в Восточной Анатолии, но получил аналогичные ответы, что каждый раз вызывало раздраженную реакцию Николая II. В разговоре с Абдул Хамидом 10 апреля Зиновьев обвинил в организации антирусских провокаций Зеки-пашу, но султан взял его под защиту, хотя посол привел достаточно фактов, характеризующих подстрекательскую деятельность среди курдов командующего IV корпусом⁵⁹.

В Петербурге были недовольны Зиновьевым, считая, что он проявил беспечность и отсутствие твердости. На донесении Скрыбина о военных приготовлениях в восточных вилайетах Николай II написал: «Удивляюсь, как мог Зиновьев не рассмотреть эти военные приготовления. Вероятно, наши консулы доносили ему о них. С середины марта князь Голицын забил тревогу, и в Главном штабе все было известно о турецкой мобилизации»⁶⁰. Вслед за этим Ламздорф передал Зиновьеву директиву царя по поводу сосредоточения турецких войск на границе: «Это известие заслуживает серьезного внимания. Если Турция не прекратит своих приготовлений, я отдам приказ о мобилизации Кавказской армии. Пусть Зиновьев буквально передаст мои слова султану»⁶¹.

Угроза подействовала, и сосредоточение регулярных турецких войск вблизи русско-турецкой границы прекратилось. Однако антирусская деятельность турецких властей среди курдов продолжалась, сформированные новые сотни хамидие направлялись к русской границе⁶².

Систематически нарушалась русская граница курдами-хамидийцами (нередко при участии турецких солдат и с прямого ведома Зеки-паши, с которым курдские беи делились награбленной добычей). Впервые участие в набегах стали предпринимать не только турецкие, но и иранские курды, подпадавшие под влияние турецких агентов⁶³.

Реакция правительства царской России на эти провокации была гораздо умеренней, чем в начале 1904 г. Дело ограничилось, по существу, запросами и представлениями Зиновьева. Сказывались тяжелые поражения в войне с Японией и начинавшаяся в стране революция. Министерство иностранных дел, например, чтобы избежать осложнений с Турцией, решительно выступило против предложения Министерства финансов (которому в то время была подведомственна охрана границ) разрешить русским пограничникам преследовать курдов на турецкой территории⁶⁴.

Столь же осторожную позицию занимало русское правительство и в связи с просьбами Ирана оказать давление на Турцию, предпринимавшую агрессивные действия на турецко-иранской границе. Ламздорф в инструкции Шпейеру, назначенному посланником в Тегеран, писал в конце сентября 1904 г.: «Что касается пограничных инцидентов, периодически возникающих между Турцией и Персией, то следуя традиционной политике нашей, мы стараемся улаживать таковые непосредственными представлениями в Тегеране и Константинополе без всякого участия англичан»⁶⁵.

ПРОНИКНОВЕНИЕ В КУРДИСТАН ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ

Турки действовали вызывающе по отношению к России не самочинно: за их спиной стояли западные державы.

Англия, стремившаяся к расширению своих колониальных владений за счет стран Арабского Востока, Ирана, отчасти Малой Азии, мечтала единолично утвердиться на территории расселения курдов, без овладения которой трудно было осуществить экспансию в указанные районы. Британские правящие круги боялись проникновения в эти области других конкурирующих держав, и в первую очередь России, видя в продвижении ее влияния потенциальную угрозу своим экономическим и политическим интересам на Ближнем Востоке.

Организация хамидие встретила положительное отношение со стороны британского правительства. Нелидов утверждал, что «устройство курдской кавалерии отчасти сделано было по указанию и советам англичан, когда, одновременно с подготовлением армянского вопроса, они искали возможности создать против России военный оплот для Турции придачею военного устройства курдам». Если даже это утверждение не вполне соответствует истине, безусловно, англичане поощряли антирусскую направленность хамидие. Британские консулы и всякого рода агенты в этот период часто посещали курдские племена, установили связи с некоторыми крупнейшими предводителями хамидие. Английское посольство в Стамбуле давало Порте советы о мерах по усилению и упорядочению хамидие, предлагая, в частности, назначить их начальником командира 8-й дивизии IV корпуса Шемси-пашу, которого, по-видимому, считало «своим человеком».

Однако турецкие власти отнюдь не были обрадованы столь пристальным вниманием англичан к курдским делам. Особенно был недоволен Зеки-паша, который в предложении о назначении Шемси-паши видел покушение на свою власть над курдами⁶⁶. Но главная причина недовольства турецкого правительства активностью англичан в восточных вилайетах заключалась в обоснованном подозрении, что в Лондоне желают воспользоваться курдо-армянскими столкновениями

для усиления вмешательства во внутренние дела Турции и ускорения ее раздела.

Эти подозрения основывались и на провокационной поддержке Англией армянских националистов в Турции и в Иране в середине 90-х годов, и на антитурецкой деятельности английских агентов в Турецком и Иранском Курдистане, особенно в пограничных с Ираном районах и в районах Персидского залива на рубеже XIX—XX вв. во время инцидентов на турецко-иранской границе⁶⁷.

Интересные факты, характеризующие деятельность британских агентов среди курдов, приводятся в добытом русским послом письме великого визиря военному министру Турции. «К нам поступают из секретных и заслуживающих доверия источников достоверные сведения о подстрекательстве некоторых держав, которые с помощью соблазнительных внушают разрушительные идеи племенам и вождям, формирующим полки хамидие. Среди этих соблазнительных находятся личности, переодетые в турецкое платье; их главная цель — отвлечь эти племена от подчинения императорскому правительству, толкать их на грабежи и убийства мирного населения, так же, как и на прочие вредные действия».

Далее из текста письма следует, что великий визирь имел в виду именно англичан. Английский консул в Ване, говорится в письме, проявляя для виду самые лучшие чувства по отношению к турецкому правительству, в действительности постоянно сносятся с Ираном. Он возбуждает иранских курдов против турецких; в его распоряжении находятся «баснословные» суммы денег, которые он получает от своего правительства через Иран; эти деньги тратятся на подкуп курдских вождей. Кроме того, он поощряет местных чиновников жаловаться на власти и переправляет эти жалобы в британское посольство. Наконец, он всемерно старается отличить и наградить тех лиц, которые оказывают ему услуги, особенно если эти люди тесно связаны с армейскими офицерами⁶⁸.

Возможно, размеры английских интриг здесь преувеличены, но не вызывает сомнения стремление англичан использовать накаленную обстановку в Курдистане и Турецкой Армении в корыстных целях.

Разжигая внутренние распри в этом районе Ближнего Востока, Англия одновременно была против удовлетворения национальных чаяний армянского народа. Если в период 1894 — 1896 гг. она официально (но не фактически) выступала за реформы в армянских вилайетах, то после кровавых расправ, учиненных султанским правительством над армянами, британские представители отбросили маскировку и начали открыто убеждать последних в несбыточности их стремления к освобождению от турецкого гнета. Уже в начале 1896 г. все английские консулы в восточных вилайетах Турции были

отозваны и заменены новыми, «получившими инструкцию,—как утверждает российский вице-консул в Ризе,—по мере сил успокоить возбужденные умы армянского населения»⁶⁹.

В таком повороте британской политики нет ничего удивительного. После провала попыток Англии (в результате отпора со стороны других великих держав) использовать «армянский вопрос» для осуществления своих целей в Турции в Лондоне поняли, что от претворения в жизнь стремлений армян может выиграть только Россия. А к ее успехам на Ближнем Востоке англичане относились очень ревниво и делали все, чтобы ухудшить русско-турецкие отношения.

Британские представители в Восточной Анатолии вели антирусскую агитацию среди местного населения (курдов, ассирийцев, несториан, а также других христианских народов), особенно стараясь парализовать растущее русское влияние на курдов. Как отмечал французский консул в Эрзеруме, не было случая, чтобы после поездки русского консула к какому-нибудь курдскому племени туда не приехал и его английский коллега: «Обычно английский консул шел по следу русского консула»⁷⁰.

«Попутно» англичане живо интересовались состоянием турецких вооруженных сил на кавказской границе; посол О'Конор особенно пристально следил за столкновениями между русскими пограничными командами и курдами-хамидийцами, чем вызвал даже подозрения у Порты⁷¹.

К началу XX в. разведывательно-политическая деятельность британских агентов в восточных вилайетах Османской империи приняла весьма широкие размеры. Английские консулы, как правило профессиональные военные, предприняли целую серию продолжительных поездок по этому району. Так, вице-консул в Диарбекире Фримен в течение года жил в Битлисе и его окрестностях. Вице-консул в Сивасе майор Андерсон, по совместительству назначенный заведующим вице-консульством в Диарбекире, совершил несколько поездок по Диарбекирскому и Мамурет-уль-Азизскому (Харпутскому) вилайетам, посетил районы на север и северо-восток от Алеппо, окрестности Мосула, Джебель-Синджар и др. Битлисский вилайет и Хакяри исследовал также вице-консул в Ване артиллерийский капитан Тирелль. Англичане таким образом, проникли в самые труднодоступные районы Турецкого Курдистана. Эти поездки крайне встревожили турок, которые разослали тайных агентов для наблюдения за англичанами. «Нельзя не согласиться,—писал Зиновьев со слов французского вице-консула в Диарбекире Гюисса,—что частые разъезды английских консулов по Мосульскому вилайету, где господствует анархия, указывают на то, что английское правительство преследует какую-то особую цель»⁷².

Заключение англо-японского военно-политического союза (1902 г.) немедленно повлекло заметную активизацию антирусских действий Англии на Ближнем Востоке; то была одновременно и ценная услуга японскому союзнику, и стремление Лондона использовать благоприятный момент для достижения заветной и традиционной цели — всемерного ослабления позиций и влияния России в этом районе.

Английское посольство и консульства в Турции, как писал Ламздорф российскому послу в Лондоне Бенкендорфу, «всячески стараются возбудить среди турок подозрения в каких-то враждебных намерениях России и таким путем подстрекают оттоманское правительство к усилению войск на русско-турецкой границе»⁷³. Стремясь завоевать доверие турецкого правительства, англичане к этому времени окончательно перестали, даже на словах, поддерживать турецких армян. Более того, как сообщал ванский вали Тахир-паша, английский консул оказывал услуги турецким властям, информируя их о планах армянских организаций⁷⁴. Этот факт еще раз наглядно показывает все лицемерие британских правящих кругов, поднявших незадолго до описываемых событий демагогический шум в связи с армянскими погромами в Турции.

В своей антирусской политике британская дипломатия не брезговала никакими средствами, вплоть до клеветнических измышлений. Так, например, из британских источников Турции распространялись слухи о том, что между Россией и Германией заключено соглашение, по которому в случае неудачи войны с Японией Россия получит компенсации в Анатолии, а Германия взамен — полную свободу действий в Месопотамии⁷⁵. Появление подобных слухов не на шутку встревожило Порту. Абдул Хамид II писал своему послу в Лондоне, что они могут «крайне невыгодно отозваться на политических отношениях Турции» и вызвать серьезные недоразумения с Россией, особенно нежелательные ввиду затруднительного положения в стране⁷⁶.

Британские дипломатические представители в Восточной Турции усилили антирусскую агитацию среди местного населения, особенно среди курдов, широко распространяя, например, сведения о поражениях России в войне с Японией⁷⁷. В отчете, посланном штабом Кавказского военного округа генерал-квартирмейстеру Генерального штаба в начале февраля 1905 г., отмечалось: «Начатая еще осенью 1903 г. деятельность английских консулов в Азиатской Турции, направленная к порождению крупных недоразумений между Россией и Турцией, с целью вызвать на кавказско-турецкой границе всевозможные осложнения, не прекратилась и в настоящее время»⁷⁸. Имеются данные, говорящие о том, что британские агенты планировали во время русско-японской войны орга-

низацию большого восстания в Закавказье среди армян, курдов и азербайджанцев⁷⁹.

Антирусскую агитацию среди курдов вели и немцы, которые также не прочь были воспользоваться русско-японской войной, чтобы ослабить позиции России на Ближнем Востоке. О ее размахе российский вице-консул в Ване С. П. Олферьев несколько позже писал следующее: «Англичане, а за ними и немцы, двигаясь последовательно из Багдада по направлению к северу, старательно изучают за последнее время горы Курдистана и заводят необходимые связи с курдскими аширетами. Все эти иностранцы, равно как и бесчисленные миссионеры, разносят по Востоку, как мне довелось в том убедиться, самые возмутительные небылицы о России и всячески стараются подорвать в туземном населении веру в военную мощь русской армии своими повествованиями о нашей неудачной войне с Японией»⁸⁰.

Стремилась закрепиться в Турецком Курдистане и Армении и Соединенные Штаты Америки.

Еще в 1895 г. США, воспользовавшись в качестве предлога убийством американца Ленца, открыли консульство в Эрзеруме и поставили вопрос об основании консульства в Харпите⁸¹. Порты отнеслась резко отрицательно к притязаниям американцев. Турецкие власти вообще не желали допускать в Харпут иностранцев, ибо Мамурет-уль-Азизский вилайет, в который входил и Дерсим, был наиболее беспокойным местом во всей Восточной Анатолии, где чуть ли не каждый год происходили восстания курдов. Послу США было заявлено, что американцы в Харпите не имеют торговых интересов и здесь нет ни одного иностранного консульства⁸².

Несмотря на отрицательный ответ, американцы назначили своим консулом в Харпите профессора Нортон. Турецкое правительство отказалось выдать ему экзекватуру. Не считаясь с этим, Нортону было предписано отбыть к месту службы. «В подкрепление» правительство США распорядилось отправить в Измир крейсер «Кентукки». Американская пресса приписывала неуступчивость Порты давлению России, не без основания считавшей, что американцы в Турции действуют заодно с англичанами. Однако, как и следовало ожидать, Турция вынуждена была уступить⁸³. Американцы, таким образом, получили удобный пункт для расширения своего влияния в «необжитые» ими до этого районы Курдистана.

ПОЗИЦИИ ДЕРЖАВ В ПЕРИОД ОФОРМЛЕНИЯ ТРОЙСТВЕННОЙ АНТАНТЫ

Намерение турецких правящих кругов и поддерживавших их в этом вопросе англичан и немцев использовать курдов для непосредственного давления на Россию не успело дать заметных результатов.

Окончание русско-японской войны разрядило напряженность в русско-турецких отношениях. Начало сказываться и наметившееся еще ранее коренное изменение расстановки сил во всем мире, а также влияние событий, происшедших в это время в самой Османской империи и в Иране.

Дальнейший рост военного могущества Германии после принятия ею военно-морской программы (1898—1900 гг.), усиление агрессивных тенденций в ее внешней политике ускорили образование англо-французской Антанты (1904 г.) и поставили вопрос о вовлечении в нее России, тем более что франко-русский военный союз уже давно был свершившимся фактом. Дело шло к англо-русскому сближению. Чрезмерное ослабление России и ущемление ее интересов в Турции и Иране не входило в расчеты британских правящих кругов.

31 августа 1907 г. было заключено англо-русское соглашение о Персии, Афганистане и Тибете, урегулировавшее основные конфликты в Азии, существовавшие между обеими державами, и фактически означавшее создание англо-франко-русской тройственной Антанты. Сближение между Англией и Россией — этими двумя старыми антагонистами на Ближнем Востоке — было грозным предзнаменованием для Османской империи и Ирана, ибо приближало их окончательный раздел (в отношении Ирана начало ему уже положило соглашение 1907 г.). В то же время указанное соглашение отнюдь не сняло все англо-русские противоречия на Востоке и не исключало острой конкурентной борьбы между обеими державами за сферы влияния и долю будущей добычи⁸⁴.

Сближение с Англией развязало, хотя и далеко не полностью, царизму руки на ближневосточной арене. Это было весьма своевременным, ибо после окончания русско-японской войны значение Ближнего Востока во внешней политике царской России снова начало постепенно расти. Крах дальневосточных авантюр царизма значительно сузил для относительно маломощного военно-феодального российского империализма выбор объектов экспансии. Ближний Восток оставался одним из немногих районов, где Россия могла надеяться на приобретение новых экономических и политических позиций. В связи с этим царское правительство усилило внимание и к курдскому вопросу. Была поставлена задача «выяснения мероприятий для привлечения на нашу сторону курдских племен Северного Курдистана и для поднятия восстания в Южном Курдистане и Дерсима... постоянное наблюдение за взаимными отношениями турецкого правительства и курдских родоначальников, а также за взаимными отношениями последних между собой»⁸⁵. Причем выражалась особая заинтересованность в непокорных дерсимских курдах. Летом 1906 г., например, секретарю российского генконсульства в Эрзеруме было поручено объехать Дерсимский санджак для

выяснения вопроса, насколько можно рассчитывать на восстание курдов в военное время⁸⁶.

В докладе штаба Кавказского военного округа генерал-квартирмейстеру Генерального штаба от 18 мая 1908 г. говорилось, что в случае войны Дерсим может выставить 10 тыс. воинов, из которых 6 тыс. враждебно настроены к турецкому правительству, а «остальные хотя ненавидят турок, но признают их силу». Однако серьезной помощи от курдов Дерсима, говорилось далее в докладе, в случае войны получить нельзя, так как здесь много мелких аширетов, без преобладания какого-либо из них⁸⁷.

Особый интерес у русского правительства вызывало все, что касалось хамидие, их численности, сосредоточения и пр.

Одной из важнейших задач, стоявших перед русской дипломатией, было привлечение на свою сторону вождей крупнейших курдских аширетов. На это указывал, в частности, посланник в Тегеране Гартвиг вице-консулу в Урмии⁸⁸. Однако заметных успехов в этом направлении Россия в то время не добилась. Единственным достижением было установление контакта с шемдинанским шейхом Мухаммедом Садыком. Его посетили в разное время российские вице-консулы в Ване и Урмии. Выяснилось, что шейх очень заинтересован в поддержке русских властей. Эти визиты послужили источником не только сильных подозрений у турецкого правительства, но и тревоги у английского, а также и германского представителей в Турции. Германский вице-консул в Мосуле, а также Марк Сайкс (впоследствии видный британский политический деятель, а в те годы просто «путешественник, причисленный к посольству в Константинополе») поспешили каждый порознь навестить влиятельного шемдинского шейха⁸⁹. По-видимому, им удалось свести на нет результаты переговоров русских консулов с Мухаммедом Садыком.

Более плодотворными были сношения русских представителей с влиятельными лицами, представляющими немусульманские народы Турецкого и Иранского Курдистана. В августе 1906 г. вице-консул в Ване Термен имел беседу с главой горных ассирийцев округа Хакяри мар-шимуном Мар-Сергием. Термен спросил последнего, поддержат ли ассирийцы русских в случае войны с Турцией, и напомнил, что об этом писал еще прежний мар-шимун Авраам главнокомандующему кавказской армией в 1877 г. Мар-Сергий ответил, что, если Россия займет Ван и даст ассирийцам оружие, он выставит 40-тысячное войско и поможет русским завоевать территорию от Мосула до Битлиса⁹⁰.

В Иранском Курдистане Россия имела довольно сильные экономические и политические позиции. В июне 1904 г. Особое совещание по вопросу о финансово-экономической политике России в Иране указало на необходимость совместных

действий всех русских учреждений в стране для привлечения на сторону России широких масс населения⁹¹. Поэтому так положительно было расценено обращение халдейского епископа из Сенне Макдо к русским властям с просьбой о назначении нештатного консульского агента из халдеев и увеличении операций русского Учетно-ссудного банка в Персии в западных провинциях. Посланник в Тегеране предписал консулу в Керманшахе воспользоваться этой просьбой «для расширения круга знакомств, особенно в удаленных и малодоступных областях». «Колонии, иноплеменные по отношению к массе населения, — писал он, — всегда являются удобным элементом для проведения влияния и получения сведений. В этом отношении для нас могут, по-видимому, оказаться небесполезными курдистанские христиане, среди которых есть купцы, поддерживающие правильные торговые сношения с Россией»⁹².

В продвижении русского влияния в Иранском Курдистане важную роль призвано было сыграть основанное в 1903 г. вице-консульство в Урмии. Однако его эффективность была в первое время снижена из-за междоумовственной распри с обосновавшейся в Урмии русской православной миссией, которую долгое время возглавлял архимандрит Сергей, человек властный и грубый, типичный колонизатор в рясе. Миссия достигла значительных успехов в распространении православия среди иранских ассирийцев-несториан. Было обращено до 30 тыс. урмийских ассирийцев во главе с их епископом Мар-Ионой. По этому поводу один из самых компетентных русских военных резидентов на Ближнем Востоке Б. Шелковников писал: «Нельзя оставить без внимания вопрос привлечения на нашу сторону хотя небольшой части населения Урмийской провинции и Курдистана, так как могут встретиться обстоятельства, когда помощь новых наших единоверцев, в какой бы то ни было форме, может косвенно способствовать России в довершении ее исторических задач на Ближнем Востоке»⁹³.

Ободренный этими успехами, честолюбивый Сергей стал требовать подчинения миссии вице-консульства и ограничения функций последнего фактически только задачами духовной пропаганды. Сергей бесцеремонно обращался с новообращенными ассирийцами, оскорблял и третировал местное духовенство, что вызывало многочисленные жалобы⁹⁴.

Пока Синод возглавлял всесильный обер-прокурор К. П. Победоносцев, никто не осмеливался обуздать главу Урмийской миссии, хотя его действия наносили явный ущерб престижу России в Иранском Курдистане. В октябре 1905 г., в разгар революции, Победоносцев вынужден был уйти в отставку, и вице-консул Михайлов смог поставить миссию под свой контроль. Тогда Сергей потребовал упразднения вице-

консульства в Урмии. В этом его поддержал и преемник Победоносцева — Оболенский, считавший, что главная задача вице-консульства — содействие миссии, а не вмешательство в ее дела⁹⁵. Но это покушение на консульство в Урмии, призванное решать важные политические задачи России в Западном Иране, встретило решительный отпор со стороны Министерства иностранных дел, и духовное ведомство вынуждено было отступить. Михайлов был заменен Черкасовым, и этим компромиссом конфликт был урегулирован⁹⁶.

Были также пресечены попытки ликвидировать и некоторые другие консульства в Восточной Анатолии и Западном Иране (в частности, в Ване)⁹⁷.

Заметное военно-политическое ослабление царизма вследствие проигранной войны и революции было основной причиной того, что, несмотря на отдельные успехи, общие результаты политического проникновения России в турецкую и иранскую части Курдистана после русско-японской войны были незначительны: подавляющее большинство курдов оставались вне сферы русского влияния, а часть из них по-прежнему использовалась в антирусских целях. Время от времени происходили пограничные инциденты с участием курдов. 9 мая 1906 г., например, у поста Казан Кагызманского округа солдаты Карсской бригады вступили в пятичасовую перестрелку с ротой турецких солдат и двумя сотнями хамидийцев, пытавшихся угнать скот у местного населения. Турки потеряли четыре человека убитыми и пять ранеными⁹⁸. Аналогичный инцидент имел место и несколькими днями позже⁹⁹. Турецкие власти не только не наказали виновных, но распорядились не преследовать в судебном порядке лиц, совершавших преступления на пограничной русской территории; русское посольство расценило этот шаг как вызов и прямое поощрение злостных нарушителей границы¹⁰⁰. Одновременно турецкие власти продолжали вести активную антирусскую пропаганду среди курдов, преследовали российских подданных — курдов и мусульман, эмигрировавших из России в Турцию¹⁰¹.

Хотя эти факты были единичны, они все же тревожили русское правительство. Правда, некоторые русские представители в Турции слали успокоительные известия. Например, Скрябин из Эрзерума писал, что «общее военно-политическое положение в Турецкой Армении и Курдистане не может в настоящую минуту внушать нам особых тревог и опасений». Однако и он вынужден был признать, что турецкое правительство по-прежнему враждебно относится к России и намеревается провести частичную мобилизацию низама IV корпуса¹⁰².

В мае 1907 г. русское правительство получило сведения о подготовке массового вторжения курдов в Закавказье. Зиновьев обратил внимание великого визиря на эти слухи. Пор-

та вынуждена была признать, что подготовлены небольшие курдские отряды якобы для отпора армянам¹⁰³.

В Петербурге с целью предотвращения новых осложнений в Восточной Анатолии решили принять меры. Военные приготовления турок в районе IV корпуса, писал министр иностранных дел А. П. Извольский Зиновьеву 15 декабря 1907 г., «нас очень беспокоят: мы не можем оставаться безучастными». Следует сделать представление о несовместимости этих приготовлений с добрососедскими отношениями. Если это не приведет к желаемому результату, нужны меры демонстративного характера. «При этом, — продолжал Извольский, имея в виду начавшуюся в 1905 г. интервенцию турецко-курдских войск в Западный Иран, — даже, может быть, оказалось бы удобным использовать существующие между Турцией и Персией недоразумения, чтобы, путем привлечения Великобританского правительства к совместному давлению на Порту, понудить ее отказаться от предпринятых ею военных приготовлений, приняв наше посредничество, с обязательством подчиниться тем решениям, к коим оно приведет»¹⁰⁴.

Русской дипломатии не удалось тогда привлечь Англию к задуманной Извольским совместной акции против Турции, а представление, сделанное Зиновьевым, как всегда, не возымело действия. Военный министр, а также граф И. И. Воронцов-Дашков, наместник на Кавказе, предложили, ввиду угрожающего характера военных приготовлений в Турции, принять самые решительные меры, вплоть до мобилизации войск Кавказского военного округа. Министерство иностранных дел отвергло этот план, как чреватый крупными внешнеполитическими осложнениями, но решительно потребовало от турецкого посла Хусни-паши объяснений. Последний категорически опроверг слухи об антирусской направленности военных приготовлений в Восточной Анатолии и о существовании военной конвенции с Германией. Он объяснил передвижение войск к иранской и русской границам необходимостью борьбы с курдскими и армянскими «шайками». Тем не менее Извольский поручил Зиновьеву обратить внимание султана на несовместимость миролюбивых заявлений турецкого правительства с его действиями в Малой Азии¹⁰⁵.

Сильный дипломатический нажим со стороны России и ухудшение международного и внутреннего положения Османской империи в последние годы царствования Абдул Хамида II побудили турецкое правительство принять меры к прекращению антирусских провокаций, организованных командованием IV корпуса. Абдул Хамид предложил русскому послу, чтобы в Эрзинджан были командированы два русских офицера генштаба для переговоров с Зеки-пашой. Султан обещал, что им будет предоставлена возможность посетить все местности, которые они пожелают¹⁰⁶.

Это предложение было встречено в Петербурге с удовлетворением. В июле 1908 г. к Зеки-паше выехал полковник генштаба Аверьянов, большой знаток курдской проблемы, в сопровождении полковника Максимова. В результате разъяснений Зеки-паши и личных наблюдений они пришли к выводу (видимо, скоропалительному и преждевременному) о том, что военные приготовления турок в Восточной Анатолии не угрожают в данный момент безопасности кавказской границы¹⁰⁷. Во всяком случае, России удалось на некоторое время добиться отказа турок от открытого натравливания курдов на Россию, от подготовки новых провокаций.

Уже отмечалось, что с конца XIX в. Курдистан и сопредельные земли стали ареной острой межимпериалистической борьбы. Англия продолжала оставаться главным соперником России в этом районе Ближнего Востока и после оформления тройственной Антанты. Примечательно, что территория расселения курдов была той географической областью, где руссофобские тенденции британской внешней политики проявлялись наиболее обнаженно.

Зиновьев, имея в виду отказ Англии от выдвигавшегося ею ранее в тактических соображениях требования армянских реформ, писал в начале 1906 г.: «В английской политике в Турции совершился крутой поворот. Англия старается заручиться доверием султана с целью, конечно, обеспечить за собой преобладающее значение в Константинополе»¹⁰⁸.

Установление «преобладающего значения в Константинополе» было необходимо англичанам, в частности, для укрепления своих позиций в окраинных провинциях Османской империи, в том числе и в курдских. Именно здесь разведывательно-политическая работа британских агентов с каждым годом расширялась. Многочисленные поездки по стране якобы с этнографическими целями совершали вице-консул в Битлисе и опытный разведчик капитан Диксон. Но особенно кипучую деятельность среди курдских племен развил Марк Сайкс. Его главной «базой» был Мосул, откуда он следил за ходом событий на турецко-иранской границе. Сайкс регулярно совершал поездки в Битлис, Муш и другие места — очаги вооруженной борьбы курдов против турецкого господства. Сайкс интересовался экономическим и политическим положением курдов, их борьбой с турками, влиянием отдельных шейхов, межплеменными отношениями. По словам российского вице-консула в Битлисе Ширкова, «Сайкс обладает весьма подробными сведениями из этой области и знакомствами с разными курдскими шейхами»¹⁰⁹.

Представители Британской империи в Восточной Анатолии, не ограничиваясь военной и политической разведкой, вели активную подрывную работу против нового союзника своей страны — России, нанося ощутимый ущерб ее интере-

сам. Британское посольство в Константинополе регулярно сообщало турецкому правительству получаемые от английских консулов в Закавказье сведения о мерах оборонного характера, предпринимаемых русским командованием в связи с угрозой со стороны турецкой границы. Британские консулы в Эрзеруме и Ване также сообщали местным властям агентурные данные, получаемые ими из Закавказья; они призвали турок увеличить свои военные силы в восточных вилайетах.

Абдул Хамид II, повергнутый было в смятение англо-русским соглашением 1907 г., был весьма изумлен столь своеобразным пониманием англичанами союзнического долга. Он не удержался и запросил британского поверенного в делах Барклея, поступают ли так британские консулы в силу новых или старых инструкций? Барклей уклонился от прямого ответа, но сказал, что «лондонский кабинет не может равнодушно относиться к событиям, могущим повлиять на статус-кво в Малой Азии, и что во всех таких случаях Турция может рассчитывать на поддержку Англии». Послу Турции в Петербурге Хусни-паше английский посол Никольсон сказал, что британское правительство озабочено продвижением русских войск на Кавказе, и оно «не откажется оказать Турции свою нравственную, а, в случае нужды, и более действительную поддержку»¹¹⁰.

Английский консул в Эрзеруме даже посоветовал местному вали мобилизовать в округе IV корпуса 20 полков хамидие. Вали издал такое распоряжение, но вспыхнувшая в Турции в июле 1908 г. революция помешала его исполнению¹¹¹.

Эти яркие факты неопровержимо свидетельствуют о том, что политика Англии в Турецком Курдистане и Армении в рассматриваемое время, несмотря на соглашение от 31 августа 1907 г., была вполне определенно антирусской. Британские правящие круги ни в коем случае не хотели допускать усиления среди курдов русского влияния. Раздуваемая же англичанами версия о «русской угрозе» была совершенно надуманной, ибо Россия, как уже отмечалось, не имела в те годы ни сил, ни возможностей к захватническим действиям на Ближнем Востоке.

В этот период в межимпериалистической борьбе за Курдистан заметную роль стала играть Германия. Молодой и активный германский империализм успешно теснил старые колониальные державы во всем мире, в том числе и на Ближнем Востоке. Германские экспансионисты уделяли особое внимание Восточной Турции и Западному Ирану, как важному плацдарму для наступления на богатейшие области Малой Азии, Арабского Востока, Ирана; Германия подбиралась также к Закавказью и другим южным районам Европейской России. Важным преимуществом немцев было их быстро рас-

тущее влияние на турецкие правящие круги, которые видели в Берлине единственную опору против держав Антанты, стремившихся, как были искренне убеждены турки, к расчленению Османской империи. (В отличие от держав Антанты Германия планировала колонизацию всей Азиатской Турции, суля ее европейскую часть своей союзнице Австро-Венгрии, но немцы умели маскировать свои замыслы, а туркам ничего не оставалось, как им верить. Известно, что легче всего обмануть того, кто хочет быть обманутым.) Вот почему именно после окончания русско-японской войны, когда наметилась тенденция к смягчению англо-русского антагонизма — этой последней надежды Стамбула — и была сколочена тройственная Антанта, германское влияние во всей Османской империи начало расти особенно быстро.

Задачам военной и политической разведки и подрывной деятельности, направленной против других конкурирующих держав, в первую очередь против России, германские империалисты подчинили и дипломатические каналы, и миссионерскую деятельность, и «научные» экспедиции.

Так, в 1906 г. Битлисский вилайет наводнили германские миссионеры и «ученые». «...До армянских событий в Сасуне в 1903—1904 гг. и до прибытия в Битлисский вилайет первого российского консула весной 1904 г., — писал Ширков, — здесь ни германские ученые, ни германские миссионеры вовсе не появлялись, и лишь начиная с лета только что означенного года они вдруг стали обнаруживать вовсе непонятный по своему быстрому возрождению какой-то интерес и к армянам и к самому вилайету»¹¹².

Активность германских миссионеров в Битлисском вилайете продолжала расти и в дальнейшем, причем в отличие от миссионеров из других западных стран они пользовались полной поддержкой со стороны турецких властей. «Вообще, — писал Ширков, — за последнее время германский элемент все более усиливается в Битлисском вилайете, так как местные власти получают из Константинополя инструкции оказывать полное содействие германцам». Сюда также прибыли для военно-инженерных работ германские инженеры¹¹³.

Германские разведчики проникали также и в Иранский Курдистан. В ноябре 1907 г. в район Керманшаха прибыл известный германский публицист, специалист по ближневосточным проблемам и идеолог доктрины «Драйг нах Остен» д-р Гуго Гроте. До этого он долго путешествовал по тем районам Азиатской Турции, где должна была пройти Багдадская дорога, жил в Мосуле. В Иранском Курдистане Гуго Гроте собирал военные и экономические сведения. По мнению российского консула в Керманшахе Никольского, он имел особое поручение от германского правительства¹¹⁴.

Разведывательно-политическую деятельность немцев сре-

ди курдов возглавил крупный германский разведчик, офицер Генерального штаба Андерс, назначенный в конце 1905 г. шефом впервые учрежденного консульства в Мосуле. Андерс много раз был в России и хорошо изучил ее южные области, особенно Туркестан и Кавказ. Теперь Андерс специально занялся изучением Курдистана как плацдарма в случае наступательных операций против России. Учреждение германского вице-консульства в Мосуле, писал российский генеральный консул в Алеппо А. Круглов, — «первый шаг немцев в стремлении упрочить свое влияние в Турции в нежелательном и неблагоприятном для нас отношении»¹¹⁵.

Как и англичане, немцы выразили явную заинтересованность в усилении хамидие и натравливании курдов на Россию. С этой целью они употребили свое влияние на турецкое правительство, чтобы оно укрепило свои вооруженные силы в восточных вилайетах. Предлогом для предъявления такого требования послужили антиправительственные восстания курдов в Диарбекирском вилайете. Статс-секретарь по иностранным делам Германии фон Шён обратился в середине ноября 1907 г. к турецкому послу в Берлине «с просьбой довести до сведения султана от имени императора Вильгельма, что турецкому правительству следует позаботиться об усилении своих войск в Анатолии как ввиду возможности повторения внутренних смут, так и с целью предупредить вмешательство со стороны которой-либо из держав (России)»¹¹⁶. Дальше будет показано, что турецко-иранский пограничный конфликт дал немцам особенно благоприятные возможности для проведения интриг и шпионажа против России.

Почему же Германия боролась в Курдистане в первую очередь не против Англии, своего главного конкурента на Ближнем Востоке, а против России? Объясняется это тем, что в Берлине были убеждены, и не без основания, что именно Россия является той единственной державой, которая в силу своего географического положения и других отмеченных выше причин имела все возможности для наиболее быстрого и успешного проникновения в Курдистан и Турецкую Армению и принятия эффективных мер против германских интриг.

Хотя немцы за первые годы XIX в., в общем, добились в указанном районе немногого, они заложили основы для разветвления широкой экспансии сюда в ближайшем будущем.

Итак, в первые годы XX в. Курдистан и сопредельные земли стали ареной интенсивного политического проникновения держав, в первую очередь России, Англии и Германии, а также острой конкурентной борьбы между ними. Как будет показано ниже, эти факторы довольно скоро стали играть существенную роль и оказали большое влияние на внутреннее положение Османской империи и Ирана, на международные отношения на всем Ближнем Востоке.

«ПРОБУЖДЕНИЕ АЗИИ» И КУРДЫ. НАЧАЛО И РАЗВИТИЕ ТУРЕЦКО-ИРАНСКОГО ПОГРАНИЧНОГО КОНФЛИКТА

На заре XX в. в истории курдов начался новый период. Русская буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. открыла эпоху «пробуждения Азии». Под ее влиянием на всем Ближнем Востоке начало расти революционно-освободительное движение, достигшее своей высшей точки в иранской революции 1905—1911 гг. и младотурецкой революции 1908—1909 гг., которые были направлены против самодержавного строя и господства феодально-клерикальных кругов; в то же время они имели антиимпериалистический характер. Поражение этих революций, вызванное экономической и политической слабостью местной буржуазии, оторванной от народных масс и их насущных нужд, и реакционной политикой империалистических держав, не умалило их исторического значения. Народы Османской империи и Ирана прошли хорошую школу освободительной борьбы и впервые в своей истории поднялись к организованному движению за демократические свободы и независимость.

ПОДЪЕМ КУРДСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ТУРЦИИ

После четвертьвекового перерыва в Османской империи в 1905 г. начался новый подъем курдского движения. Эта исходная дата не случайна. Под влиянием русской революции 1905 г. и революционных событий в соседнем Иране вырвалось наружу долго копившееся у народов Турции возмущение самодержавным, тираническим режимом Абдул Хамида II, распродавшего страну иностранному капиталу. В Македонии и арабских вилайетах произошли массовые выступления против национального гнета. На борьбу с самодержавием поднялся и турецкий народ, значительно активизировалось буржуазно-революционное движение, в котором объединились партии, представлявшие все националь-

ности. Пришли в движение и курдские племена, недовольные централизаторской политикой султанского правительства, страдавшие от произвола и поборов турецких чиновников.

В ноябре 1905 г. восстали курды Дерсима¹, поддержанные, что весьма примечательно, окрестным армянским населением. Посланные на усмирение турецкие войска встретили упорное сопротивление курдов и армян². Одновременно вспыхнули волнения курдов в окрестностях Баязида и Битлиса. В Битлисе поводом для волнений послужило намерение турецких властей впервые собрать с курдов подати. (Прежде многие здешние племена были совершенно независимы от турецких властей; сборщики налогов и судьи не имели сюда права доступа.) Попытки администрации прибрать к рукам полунезависимые племена привели к переселению многих из них в Иран. Здешние курды также нередко сближались с армянскими революционерами³.

В начале 1906 г. курдские волнения вспыхнули с новой силой, главным образом в Эрзерумском и Битлисском вилайетах. Особенно большой размах приняло восстание племен пенджар во главе с Бешар Чато в Сиртском санджаке.

Чато выступил в январе 1906 г. Он пользовался большой популярностью среди курдов, со всех сторон к нему стекались недовольные. 22 апреля произошло первое крупное сражение отрядов Чато с турецкими карательными войсками, руководимыми Иззет-пашой. Турки были разбиты и отброшены. После этого успеха к Чато примкнуло много новых сторонников, в том числе и дружины армян⁴.

В начале мая турецкие войска, получив значительные подкрепления, начали теснить Чато. Он вынужден был укрыться в горах. Однако оттуда он совершал успешные вылазки, нанося чувствительный урон турецким войскам. Во время одной такой вылазки был ранен Иззет-паша. К Чато вновь стали присоединяться соседние курдские вожди⁵.

В середине мая Чато распространил свои операции на Диарбекирский вилайет. Он широко привлекал в свои отряды местных курдов и арабов. Турецкие власти ничего не могли с ним поделать, пока Иззет-паша не начал применять «тактику выжженной земли», сжигая с землей десятки курдских деревень. Чато, после того как он безуспешно попытался заручиться поддержкой сперва английского, а потом русского консулов, вынужден был бежать в окрестности Мидьята, а вскоре затем — в Мардина. В дальнейшем Чато скрылся, по одним сведениям, в Иемене, а по другим — в Джазире (Северный Ирак). Несмотря на бегство Чато, отдельные выступления его сторонников продолжались. Из Стамбула приехала специальная комиссия с целью умиротворения курдов, но ничего не добилась⁶.

Неспокойно было и в Южном (Иракском) Курдистане, где курды выступали вместе с арабами. Большое влияние на курдов, в частности, оказало освободительное восстание арабов Йемена против турецкого господства, начавшееся в 1905 г. под руководством имама Мухаммеда Яхьи, а также волнения турецкого населения в Центральной Анатолии⁷.

Накануне младотурецкой революции курдское движение продолжало расти. Попытки подавить его вооруженной силой неизменно терпели неудачу. По-прежнему происходили волнения в Дерсиме, где курдское восстание весной 1908 г. приобрело большие размеры. Правительство пыталось маневрировать, вступив в переговоры с местными вождями; для этого в Дерсим выехал майор генштаба Кязым-бей. Но курды, действовавшие вместе с армянами, не шли ни на какие уступки. Тогда власти направили в Дерсим крупные воинские силы (15 батальонов пехоты, 2 эскадрона и горную батарею). Был смещен харпутский вали, на которого была возложена ответственность за неудачи. Каратели хотели устроить повстанцев, расстреливая пленных и сжигая их села. Тем не менее местные племена отказались покориться, оказав особенно ожесточенное сопротивление в Оваджике. Они препятствовали постройке в Дерсима военных казарм и прокладке дорог и, отступив на неприступные позиции, начали вести с турками длительную партизанскую войну, в ходе которой правительственные войска несли большие потери⁸.

В 1907—1908 гг. успешно развивалось курдское движение в Битлисском вилайете. Здесь в некоторых районах в начале 1908 г. власть перешла целиком в руки курдских шейхов, поддержанных большинством племен. Правительство вынуждено было сместить битлисского вали Ферид-пашу, вызывавшего недовольство курдов⁹.

Угрожающее для турецкого правительства положение создалось в конце 1907 г. в Юго-Западном Курдистане, где усилился вождь курдских племен милли Ибрагим-паша, который, по словам Зиновьева, «приобрел в крае такое влияние, что его требования уважаются более, чем приказания самого султана». Ибрагим-паша, крупнейший курдский феодал, боролся против турецкого правительства не ради достижения интересов курдского народа, а во имя своих сепаратистских целей. «Влиянием своим,— писал Зиновьев,— Ибрагим-паша пользуется исключительно для удовлетворения своих хищнических наклонностей».

Возглавлявшееся Ибрагим-пашой движение курдов милли началось еще в 1901 г. С 1901 по 1904 г. он действовал в горах Караджалыдаг. Немецкий путешественник Видеман, посетивший Ибрагим-пашу в 1903 г. в его резиденции Виран-

шехире, писал, что он был в это время «на вершине своего могущества», безраздельно властвуя от Биреджика на Евфрате до Мосула на Тигре. «С полным правом его тогда называли некоронованным королем Курдистана»¹⁰.

В начале 1905 г. Ибрагим-паша приказал подвластным ему хамидийцам разграбить окрестности Диарбекира. Жители города обратились за помощью к правительству, но из Стамбула пришла не кара, а... благодарность Ибрагим-паше от самого султана¹¹.

Вскоре после этого Ибрагим-паша получил приказ следовать с двумя полками хамидие в Йемен. Он решительно отказался это сделать¹² и начал править в Диарбекирском вилайете как удельный князь, опираясь на «свои» хамидие. В 1906—1907 гг. Ибрагим-паша бесконтрольно хозяйничал в районах Диарбекира, Алеппо, Урфы, Мардина, Дерики¹³.

Ибрагим-паша прославился жестокими насилиями над местным населением. Даже Зеки-паша просил султана принять срочные меры для борьбы с мятежником. По свидетельству очевидцев, вследствие разбоев Ибрагима «жители не решались удалиться от своих селений для полевых работ и обширные пространства земли в окрестностях Урфы, Мардина и Нисибина оставались необработанными». В течение некоторого времени (осенью 1907 г.) Ибрагим фактически держал в осаде Диарбекир и уничтожил в его окрестностях десятки христианских и мусульманских деревень¹⁴. Английский путешественник Сон, хорошо изучивший жизнь и быт Юго-Восточного Курдистана, утверждал, что Ибрагим-пашу ненавидят все местные жители, курды и арабы. Примечательно, что курды часто не признавали его своим соплеменником, называя арабом. Его отряды, писал Сон, состояли из «головорезов» всех национальностей: турок, армян, курдов и арабов. В то же время многие его соплеменники из конфедерации милли выказывали ему нескрываемую враждебность¹⁵.

Правительство упорно не желало обуздать Ибрагим-пашу. В конце октября 1907 г. жители Диарбекира, возмущенные бессилием властей, окружили дом вали и потребовали немедленно принять меры против Ибрагима. После этого из Стамбула прибыла комиссия, которая начала преследовать не Ибрагима, а тех, кто на него жаловался. В конце концов конфликт между ним и турецким правительством закончился тем, что Ибрагим послал султану 140 мулов, груженных маслом, и на время утихомирился¹⁶.

Хотя возглавлявшееся Ибрагим-пашой движение курдов милли было и по форме, и по содержанию реакционным выступлением, оно явилось немаловажным фактором, подрывавшим позиции султанского самодержавия в курдских провинциях империи.

Характерной особенностью политической обстановки в Турецком Курдистане и Армении в годы, предшествующие младотурецкой революции, являются совместные выступления курдов и армян как против турецкого господства, так и против разбоев, чинимых во время феодальных мятежей типа восстания Ибрагим-паши. Эти совместные действия были уже не редким исключением, а, скорее, правилом, что свидетельствует о провале попыток турецких властей, принятых после сасунских событий 1903—1904 гг., вновь спровоцировать курдо-армянские столкновения. В этом смысле весьма поучителен эпизод, героем которого был курдский вождь из Ванского вилайета Сафар-ага. В июне 1908 г. во время подавления турецкими карательными войсками восстания, организованного армянскими революционерами — «комитаджиями» (комитетчиками), Сафар перешел на сторону армян. В ожесточенном бою турецкие войска были обращены в бегство, а комитаджи успели после поражения скрыться. Но сам Сафар-ага был смертельно ранен. Как передавали русские корреспонденты из Стамбула, в последних словах Сафар-ага осудил свои бывшие преступления против армян (от его руки пало до 300 человек) и проклял тех, кто научил его «не признавать человеческих законов». Сильно встревоженное этим событием, турецкое правительство отправило в Ванский вилайет специальную комиссию и крупные подкрепления¹⁷.

В последние годы царствования Абдул Хамида II окончательно проявилась бесполезность (по меньшей мере!) хамидие для укрепления султанского самодержавного режима¹⁸, хотя в Стамбуле не решались это признать и по-прежнему делали ставку на хамидийцев. Оружие, которое по положению должно было выдаваться курдам только на время учебных сборов, в действительности у них не отбиралось. Более того, власти организовали продажу курдам винтовок и патронов. Хамидие продолжали выполнять карательно-полицейские функции против армян. Однако подавляющее большинство курдов по-прежнему уклонялись от несения обязанностей, связанных с пребыванием в хамидие. В санджаке Хакяри свыше половины всех курдов отказывались поставлять солдат как в хамидие, так и в низам. Штатный состав каждого из 64 полков хамидие был уменьшен до 459 человек, тем не менее наличный состав полка осенью 1907 г. составлял в среднем, по официальным данным, всего 373 человека. В действительности же в полку было немного более половины этого числа.

Служба в хамидие становилась все более непопулярной среди курдов, особенно после того, как турецкое правительство начало использовать их для подавления восстания в Йемене, где правительственные войска несли огромные поте-

ри. Так, например, 40-й полк хамидие был почти целиком уничтожен в Йемене¹⁹. Курды не желали проливать свою кровь за чуждое им дело под руководством ненавистных турецких офицеров. Между Эрзерумом и русской границей, по официальным данным, находилось не более 20 тыс. хамидие, но и эта цифра была преувеличена. Боеспособных подразделений здесь почти не было.

Курды-хамидийцы, принадлежавшие к различным племенам, часто враждовали между собой, повсюду шла острая междоусобная борьба. В апреле 1906 г. произошло столкновение между хамидийцами из племен джибран и зиркан, во время которого было убито 18 и ранено 60 человек. Курды, служившие в регулярных турецких войсках (в частности, в VI корпусе, дислоцированном в арабских вилайетах), ненавидели, как правило, турецких командиров и во всех отношениях были ненадежны²⁰.

Выше уже говорилось, что в курдо-армянских отношениях после 1905 г. наметился положительный сдвиг. Вместе с тем по-прежнему постоянно давала о себе знать и негативная тенденция, прямо связанная с деятельностью хамидие и курдских феодальных кругов; ухудшалось положение многострадального армянского населения²¹, не прекращались грабежи и насилия, в ряде районов беспорядки принимали угрожающие для безопасности государства размеры. В этом плане хамидие продолжали выполнять свое назначение как орудие в руках турецкой реакции.

В Битлисском вилайете бесчинства, чинимые отрядами хамидийцев и черкесов, приняла настолько широкие размеры, что по инициативе Извольского послы России, Англии и Франции сделали специальное представление Порте²².

В связи с этим турецкое правительство вынуждено было даже послать в Битлис несколько батальонов солдат и отправить особую комиссию для расследования всех жалоб населения на хамидийцев²³. Однако эти меры предпринимались больше для виду.

В июне 1908 г. для расследования дел о насилиях хамидийцев прибыл в Битлис начальник войск хамидие ферик (генерал-лейтенант) Ахмед-паша. Он созвал всех командиров бригад хамидие и вынудил их дать ему крупную взятку. После этого Ахмед-паша нашел жалобы армян ложными и некоторых из жалобщиков засадил в тюрьму²⁴.

Обогащались за счет ограбления хамидийцами незащищенного армянского населения главный шеф хамидие Зеки-паша и даже более высокопоставленные персоны. Как утверждал Ширков, «денежные подарки, отправляемые курдами в Эрзинджан (где находилась ставка Зеки-паши. — М. Л.), совершают оттуда путешествие и к Босфору в дома пашей и выше»²⁵.

По-прежнему оставались безнаказанными грабители и разбойники, терроризировавшие не только христианское, но и мусульманское население Восточной Анатолии и даже неоднократно покушавшиеся на турецких чиновников и военнослужащих. Их обычно прощали, но с условием, чтобы они ограничивали сферу своей «деятельности» армянами. Так поступили, например, с «бичом» Мушского санджака Кязым-беем²⁶.

Однако стремление правительства опереться на верхушку хамидие не привело к укреплению его позиций среди курдов. Объективно в восточных вилайетах Османской империи сложилась чрезвычайно опасная для султанской клики ситуация.

В эти предреволюционные годы курды неожиданно вновь напомнили о себе в самом сердце империи — в ее столице. В начале апреля 1906 г. был убит префект («шехир-эмини») Стамбула Редван-паша, один из членов султанской клики, снискавший ненависть населения столицы и всей страны как глава турецкой охранки. Убийство было организовано членами семьи Бадрхана под руководством Абдуррезака. 25 знатных курдов, находившихся в столице и при дворе, после этого были отправлены в ссылку, Абдуррезак и Али Шамиль-паша посажены в тюрьму. Из тюрьмы Абдуррезак написал Абдул Хамиду, что он жалеет о том, что ему не удалось самому убить «столь презренного человека» (Редван-пашу). Примечательно, что султан не сразу решил наказать курдов, намереваясь сначала только удалить их из столицы. Великий визирь и некоторые министры убедили Абдул Хамида применить репрессии против курдов только после того, как показали ему найденные при обыске в домах Абдуррезака-бей и Али Шамиль-паши документы, свидетельствовавшие о покушении курдов на его жизнь. Абдуррезак и Али Шамиль-паша были сосланы в Триполи (в Африке), где содержались в тюрьме в крайне тяжелых условиях²⁷.

Непрерывные курдские восстания в восточноанатолийских вилайетах, и особенно заговоры курдской знати в самой столице, развеяли долго лелеемую Абдул Хамидом надежду использовать курдов для укрепления режима. Были приняты меры к усилению военно-полицейских сил в Турецком Курдистане ввиду «необходимости, — как отмечал Зиновьев, — подавить начавшееся в деревнях, среди курдов, движение»²⁸. Правительство готовилось к проведению широких репрессий и против курдской знати: в Стамбуле был закрыт курдский лицей («аширет мектеби») ²⁹. Однако ничего существенного предпринять правительство уже не успело, ибо дни султанского самодержавия были сочтены.

Положение в Иранском Курдистане также было далеко не спокойным. Правда, иранские курды по сравнению с турецкими меньше ощущали произвол центрального правительства. Тем не менее и здесь они были угнетенным национальным меньшинством. Рядовые иранские курды, райя и аширетные, жестоко страдали от ига персидских помещиков, и особенно местных властей, которые в этом слабо централизованном феодальном государстве пользовались фактически бесконтрольными правами в отданных им на «кормление» провинциях³⁰.

Имела основания быть недовольной шахским правительством и значительная часть курдских феодалов. Каджары, захватившие государственное управление в стране, не привлекали на свою сторону курдскую знать и не делились с нею своими привилегиями в той мере, в какой это делало правительство Абдул Хамида II. Поэтому у многих курдских феодалов Ирана были сильны протурецкие настроения. В. Ф. Минорский, посетивший некоторые районы Иранского Курдистана юго-восточнее оз. Урмия, сделал следующий вывод: «Курды относятся к Турции сочувственно. Главной причиной является: 1) общность религии, 2) то, что Турция желает пользоваться воинскими качествами своих подданных курдов и льстит их самолюбию, записывая их в полки хамидие, а Персия лишь боится их и, не располагая возможностью господствовать, опираясь на их силу, относится к курдам с нескрываемым недоверием, держа их лишь возбуждением интриг между отдельными родами»³¹.

Турецкое правительство, разумеется, постаралось воспользоваться недовольством курдских вождей Тегераном для реализации своих далеко идущих планов в Иране (о них подробнее речь впереди). В начале 1904 г. ванский вали Тохир-паша установил тесный контакт с шемдинанским шейхом Мухаммедом Садыком, сыном Обейдуллы. Шейх Садык получал от турецкого правительства крупные денежные подарки, а также ружья и патроны, часть которых переправлялась зависимым от него предводителям иранских курдов. В начале февраля 1904 г. шейх Садык вторгся в иранскую пограничную полосу и выстроил в районе Сомая — Барандуза крепость, имеющую важное стратегическое значение. Вторжение шейха Садыка вызвало значительные волнения среди иранских племен, усилило их враждебность по отношению к центральному правительству. Переполюшились и иранские власти, которые начали спешно стягивать к Урмии войска во главе с Маджид ос-Салтане. Однако присутствие правительственных войск только накалило обстановку в Иранском Курдистане³². Напряженность в иранской погра-

ничной полосе на непродолжительное время несколько разрядилась лишь из-за того, что Садык поссорился с турками, одновременно убедившись в нежелании России поддержать его в стремлении возвратить земли, отобранные у Обейдулы иранским правительством³³.

В середине 1905 г. произошло событие, резко обострившее курдский вопрос в Иране. 6 июля в Тебризе, в доме местного генерал-губернатора Низам ос-Салтане, был вероломно убит вождь курдского племени харки из Салмаса Джафар-ага, проявивший непокорность иранскому правительству. Джафар-агу убили с чисто восточным коварством: он был вызван из местности Джара, где он жил в построенной им крепости, для «дружественных» переговоров с губернатором Иранского Азербайджана; во время приема его застрелил офицер охраны³⁴.

Убийство Джафар-аги, ставшего знаменем курдской оппозиции в Иране, вызвало огромное возмущение всего курдского населения страны. Немедленно во многих районах Курдистана и Азербайджана (особенно в округах Салмаса, Хоя и Урмии) вспыхнули восстания курдов. Даже в самом Тебризе в течение нескольких дней шла перестрелка между вооруженной свитой Джафар-аги и правительственными войсками. Заклятыми врагами Тегерана стали отец Джафар-аги Мохаммед-ага и особенно его брат Измаил-ага Симко, вождь племени авдои. Оба они бежали в Турцию и вступили в союз с вождями турецких курдов, главным образом хамидийцев³⁵. Мохаммед-ага с семьей переехал в Стамбул, где пользовался покровительством султана, а Симко, мстя за брата и заручившись поддержкой влиятельного предводителя хамидийцев Шериф-бея, начал совершать набеги на район Хоя — Салмаса. Вскоре он обосновался в качестве коменданта крепости Котур, находящейся на иранской территории и занимающей важное стратегическое положение (Котур был предметом давнего спора между Турцией и Ираном)³⁶.

Как мы увидим в дальнейшем, позиция Симко сыграла большую роль в событиях, развернувшихся в турецко-иранской пограничной полосе и в Иранском Курдистане.

В декабре 1905 г. в Иране разразилась буржуазно-демократическая революция. Во всех провинциях Ирана, особенно в северных и западных, началась вооруженная борьба, с одной стороны, между бандами реакционеров, вооруженных и предводительствуемых помещиками и шахской администрацией, а с другой — революционерами (их называли «фидаями»). В эти события, естественно, были вовлечены и курдские племена, причем большинство из них оказало поддержку фидаям.

Вскоре после начала революции группа курдских лидеров обратилась к шаху с петицией, получившей название

«курдская конституция», но не дождалась ответа³⁷. Видимо, это послужило одной из причин активного участия курдов на стороне конституционалистов в революционных схватках, происходивших в Северо-Западном Иране. В Урмии курды примкнули к народному движению, которое привело в ноябре 1906 г. к переходу власти в руки энджумена, состоявшего из избранных народом депутатов³⁸.

Особенно активно поддерживали курды сторонников конституции в Макинском ханстве и в районе Хоя. Весной 1907 г. в Маку вспыхнуло народное восстание против местного хана, отъявленного реакционера и жестокого крепостника Муртаза Кули-хана Эгбаль ос-Салтане, возглавлявшееся его племянником Иззетулла-ханом. Последний обратился за помощью к курдам. В ответ на его призыв до 30 тыс. курдов выступили против реакционных банд, созданных помещиками и макинским ханом. Хойский энджумен по указанию центрального тебризского энджумена снабдил восставших оружием. Курды двинулись на Маку, Муртаза Кули-хан вынужден был бежать в Россию, откуда он обратился за помощью к шаху³⁹.

Одновременно хан, стремясь подавить разросшееся крестьянское восстание в Маку, грозившее ниспровергнуть феодально-крепостнические порядки в ханстве, пытался использовать межплеменную рознь и, в частности, натравить на повстанцев аширет милян, издавна отличавшийся приверженностью к макинским ханам. Это ему отчасти удалось: повстанцы потерпели ряд поражений, однако и революционеры, получив поддержку со стороны курдов, оказали упорное сопротивление бандам хана (в районах Маку, Салмаса и Соуджбулака)⁴⁰.

Только к лету 1908 г. Муртаза Кули-хану с помощью Симко удалось подавить народное движение; в его руки перешло управление Салмасом и Хоем. Однако его победой были довольны только помещики и купцы. Разноплеменное трудовое население Северо-Западного Ирана продолжало роптать и волноваться⁴¹.

Антиправительственные выступления курдов Османской империи и Ирана в рассматриваемое время в основном имели стихийный характер и в большинстве случаев не сопровождались выдвижением ясно выраженных политических требований. Однако уже в то время некоторые курдские феодалы начали выступать за автономию и полное невмешательство властей во внутренние дела племен. При этом одни из них рассчитывали на военную и политическую помощь со стороны России, другие — Англии.

Прорусскую ориентацию занимали в то время крупнейшие курдские феодалы — вождь племен хайдеранли, выставивших до пяти полков хамидие, Хусейн-паша, вождь зн-

лян Селим-паша и др.⁴². Шейх Мухаммед Садык, жалуюсь российскому вице-консулу в Урмии на иранское и в особенности на турецкое правительство, заявил, что «весь Курдистан, от Баязида до Керманшаха, изнемог от притеснений и поборов и желание населения — быть под покровительством России, по крайней мере, под протекторатом держав»⁴³.

Многие вожди турецких курдов, особенно в пограничных с Россией и Ираном районах, стремились выселиться в Россию. Так, например, некий Мирза-ага, юзбаши (капитан) 37-го полка хамидие и начальник небольшого курдского племени чиноянли, просил принять его и весь его род в русское подданство и назначить ему пенсию. Свою просьбу он мотивировал полной необеспеченностью жизни и имущества в Турции, а также тем, что в России проживало свыше 200 семей его рода⁴⁴. Руссофилами были и многие вожди Иранского Курдистана⁴⁵.

На Англию ориентировались больше курдские вожди из Ирана. Англичане, заигрывавшие тогда с иранскими конституционалистами, пытались использовать курдские племена, участвовавшие в революционном движении, дабы укрепить свои позиции в Иранском Курдистане. Так, они завязали сношения с влиятельнейшим шейхом бекзадинских племен (район Соуджбулака) Беха эд-Дином, суля ему ежемесячное жалованье в 100 туманов, если он примет британское подданство и склонит к этому всех курдов бекзаде. Правда, Беха эд-Дин отказался принять это предложение, но не порывал с англичанами⁴⁶.

Ни Россия, ни Англия, каждая по своим причинам, о которых ниже будет рассказано подробно, не оказали существенной поддержки освободительному движению курдских племен Турции и Ирана. Большинство курдских лидеров того времени, выражая по своей социальной природе интересы феодально-клерикальных кругов, были далеки от понимания подлинно национальных задач курдского народа; в лучшем случае они переоценивали фактор внешней помощи, в худшем — возводили ее в самоцель как средство достижения собственных корыстных планов. Если же брать курдскую проблему в целом, то именно в указанный период она чрезвычайно осложнилась новым привходящим фактором, связанным с агрессивной политикой Турции в Иранском Курдистане.

НАЧАЛО ТУРЕЦКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В ИРАНСКОМ КУРДИСТАНЕ

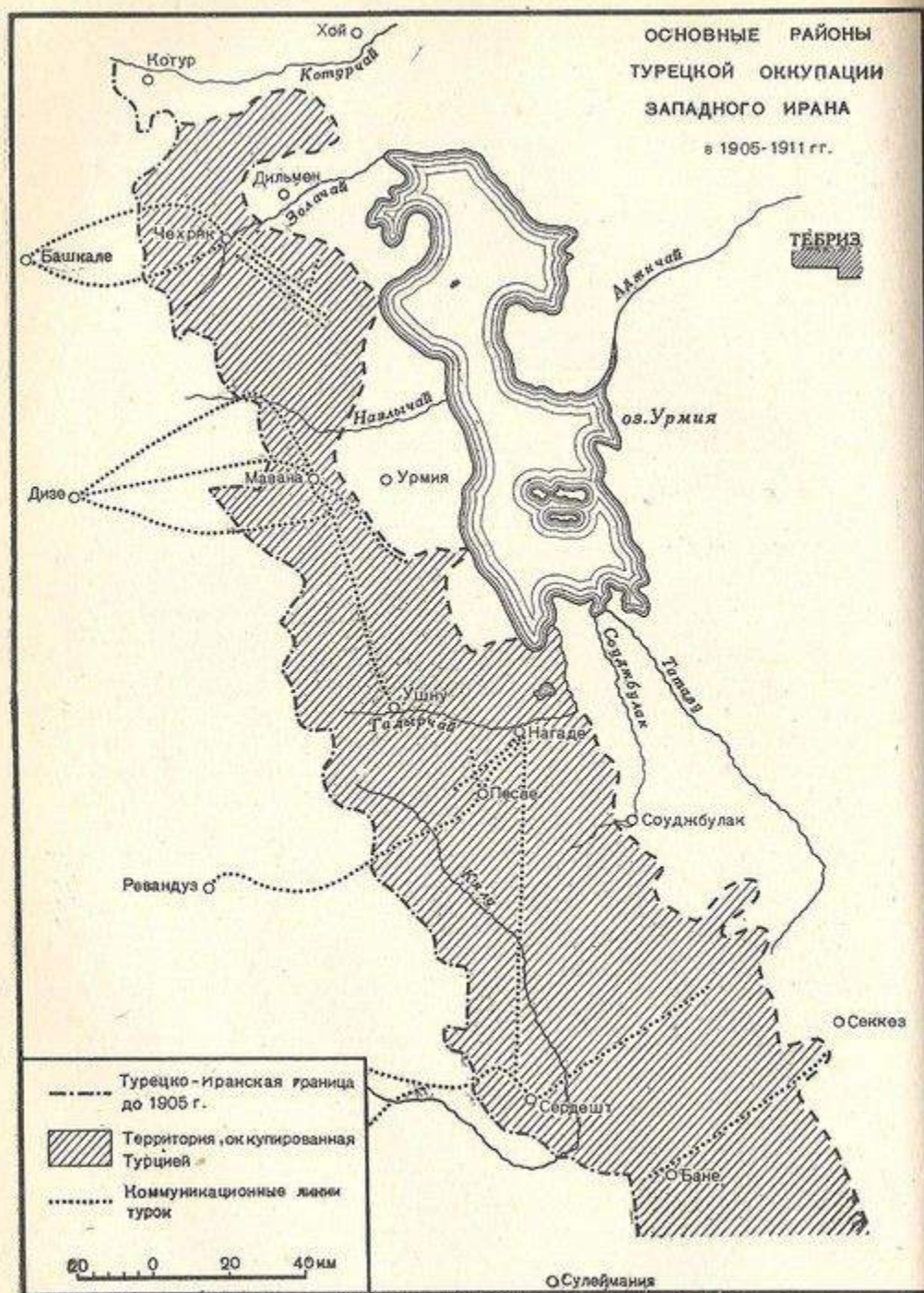
В 1905 г. наступил заключительный этап в развитии четырехвекового турецко-иранского пограничного конфликта. 17 августа, воспользовавшись таможенным спором в Лахид-

жане⁴⁷, турецкие войска VI корпуса под командованием Мехмеда Фазыл-паши, состоявшие из подразделений пехоты, кавалеристов регулярной службы («сувари»), курдов-хамидийцев и артиллерии вторглись в этот округ. Они оккупировали ряд районов Соуджбулакского губернаторства, а затем начали постепенно продвигаться на восток и север.

По сведениям кавказской прессы, турецкое войско насчитывало до 12 тыс. солдат и офицеров (из них — 6 тыс. штыков), не считая, видимо, курдов (с ними турецкие войска вторжения первоначально составляли 25 тыс., а потом — 40 тыс.). Уже в начале конфликта у наблюдателей не вызвало никаких сомнений, что, организуя вторжение своих войск в Иран, правительство Абдул Хамида II преследовало захватнические цели в отношении западных районов этой страны. На это, в частности, указывает сообщение армянской газеты «Нор-Дар» о письме султана Соуджбулакскому судье Джамшид оль-Мольку; в нем утверждалось, что Лахиджан принадлежит Турции и что в Соуджбулаке скоро будут турецкие войска, которым нужно приготовить зимние квартиры⁴⁸.

В оккупированные районы турки стягивали войска, которые просачивались дальше, в глубь иранской территории. В июле 1907 г. в западноурмийский район вторгся со стороны Вана отряд в составе турецких регулярных войск и курдов-хамидийцев под командованием Явер-паши. Явер-паша разбил у Тергевера иранский заградительный отряд Меджид ос-Салтане (персы потеряли 35 солдат и 3 офицера убитыми и более 100 ранеными) и захватил широкую полосу вокруг Урмии, разграбив и уничтожив несколько селений. К концу года турки овладели округом Миандооба, в глубине Иранского Курдистана, а также Сердештом, Бане и другими пунктами южнее оз. Урмия. Наконец, в январе 1908 г. турецкие войска окружили Соуджбулак (оккупированный незадолго до этого протурецки настроенными курдами) — главный центр Иранского Курдистана — и 3 февраля вступили в город, но освободили его через три недели. Такова внешняя, чисто военная сторона турецко-иранского конфликта в период наибольших успехов турецких агрессоров⁴⁹.

Что же побудило турецкое правительство предпринять неспровоцированное нападение на соседнюю страну? Немецкая газета «Франкфуртер цайтунг» писала в мае 1906 г., что непосредственной причиной турецкой агрессии было убийство Джафар-аги: турки пришли на помощь его отцу Мухаммеду-аге, который, получив в начале 1906 г. чин лива (генерал-майора) и титул паши, был отправлен на иранскую границу, где вместе с протурецки настроенными вождями и шейхами выступил от имени Турции с притязаниями на часть Иранского Курдистана⁵⁰. Но это был, конечно, только по-

вод. Основной причиной, на наш взгляд, было стремление Абдул Хаида II путем захвата чужой территории укрепить свое непрочное положение и престиж и одновременно радикально решить курдскую проблему. Направив курдские движения в сторону Ирана, в Стамбуле надеялись отвлечь курдов от борьбы с турецким правительством, соблазнить их вождей возможностью легкой наживы в завоеванных областях Ирана. Абдул Хаид мечтал объединить под своим господством весь Курдистан и подчинить всех курдов строгому контролю, исключив влияние на них любых внешних сил⁵¹.

Немаловажной причиной нападения на Иран было стремление Турции улучшить свое стратегическое положение на восточных границах, утвердившись на всем курдистанском плацдарме, по которому шли основные коммуникации, связывавшие русское Закавказье с Турцией, Ираном и Ираком. На этом плацдарме, представлявшем собой естественную горную крепость, вооруженные курдские племена вместе с полками хаидие и с регулярными турецкими войсками могли бы представить потенциально довольно грозную силу.

Для турок было не так существенно установить свою гражданскую администрацию в захваченных у Ирана округах, писал Б. В. Миллер (в те годы российский генеральный консул в Урмии, впоследствии — известный советский востоковед), «а гораздо важнее укрепить свое влияние над воинственным курдским населением пограничной страны и пользоваться им по своему усмотрению. Пограничный вопрос имел и имеет для турок характер прежде всего стратегический, и вся политика их имеет в виду не Персию, а Россию»⁵².

Таким образом, турецкая агрессия в Иранском Курдистане являлась одновременно и антирусским предприятием.

Время, которое турецкие правящие круги выбрали для осуществления своих экспансионистских планов в отношении Иранского Курдистана, казалось, было благоприятно⁵³. У России все еще были связаны руки на Дальнем Востоке, и в ней бушевала революция. В Иране, и без того крайне слабом в военном отношении, также назревал революционный кризис. Поэтому ни от России, ни от Ирана турки не ожидали серьезного противодействия. Порта рассчитывала на нейтралитет Англии, всегда готовой содействовать ослаблению позиции России на Ближнем Востоке, и на поддержку Германии, которая постоянно помогала турецкому правительству во всех его действиях, могущих повредить интересам России.

Этот расчет в значительной степени был обоснован. Британская дипломатия действительно на первых порах заняла, мягко выражаясь, безразличную позицию в турецко-иранском конфликте. По словам Зиновьева, английский посол в Константинополе О'Конор «относится с полным равноду-

нием к интересам Персии»⁵⁴. Такое же равнодушие чувствовалось и в «Форин Офис», что было вызвано не только антирусскими настроениями у руководителей британской внешней политики, но и желанием англичан использовать турецкую интервенцию для подавления иранской революции. По сведениям русского посольства в Стамбуле, англичане, ввиду беспорядков в Иранском Курдистане и отсутствия «законных властей», посоветовали даже туркам временно занять Соуджулак, что и было сделано⁵⁵. В то же время англичане не прочь были использовать турецко-иранский конфликт и для реализации своих планов в отношении самой Турции. Турецкий посол в Тегеране утверждал, что, по его сведениям, Англия была бы довольна войной между Турцией и Ираном, ибо это облегчило бы осуществление ее экспансионистских планов в Иране⁵⁶. Таким образом, любые последствия турецко-иранского конфликта устраивали англичан в начале турецкой интервенции.

Россия в первое время по указанным причинам ничего не сделала для прекращения турецкой интервенции. Единственно, что мог посоветовать российский посланник в Тегеране Гартвиг садразаму (премьер-министру), — это удерживать курдские племена от набегов на турецкую территорию, дабы не провоцировать турок. Садразам, однако, не выразил желания воспользоваться этим советом, ссылаясь (в значительной степени справедливо) на бессилие правительства⁵⁷.

Позиция Германии в начале турецко-иранского пограничного конфликта была весьма двусмысленной. С одной стороны, были основания утверждать, что она стояла за спиной турецких агрессоров, надеясь тем самым расширить и свое влияние в Западном Иране.

В пользу этого предположения, казалось бы, свидетельствовали и общие предпосылки (неуклонное усиление экономического и военно-политического влияния Германии на Ближнем Востоке, рост германского влияния на внешнюю политику Турции, германофильство самого султана Абдул Хамида II), и конкретные факты. Термен, например, утверждал, что занятие турками пограничной полосы было выгодно Германии, ибо железнодорожную линию, проектировавшуюся тогда немцами в Восточной Анатолии для соединения с Багдадской дорогой, удобно было провести через Урмию и Лахиджан. В 1906 г. германский вице-консул в Мосуле Андерс совершил поездку из Мосула в Ван и вернулся обратно через Иран и пограничную полосу. «Думаю, — писал Термен, — что это был негласный военный агент, посланный в Мосул специально для того, чтобы следить за агрессивными действиями Турции, а может быть и давать советы». По словам Термена, такого же мнения придерживался и французский консул в Диарбекире, лично знавший Андерса⁵⁸.

Российский военный агент в Берлине сообщал, что с 1905 г. немецкие топографы — офицеры Генерального штаба вели активную агентурно-политическую работу в пограничных районах Ирана. По его мнению, нельзя принимать всерьез уверения германского статс-секретаря по иностранным делам фон Шёна в том, что Германия непричастна к событиям на турецко-иранской границе, ибо соединение австрийских железных дорог с турецкими через Ново-Базарский санджак «находится в связи с планами турок (или составленных для турок планами) в Малой Азии на персидской и нашей границах»⁵⁹.

Мнение о причастности Германии разделяла и российская миссия в Тегеране. По сведениям Гартвига, Германия в начале 1907 г. пыталась выступить в качестве посредницы в пограничном конфликте между Турцией и Ираном. Султан на это дал лишь условное согласие. Тогда германская дипломатия стала всемерно поощрять турецкую интервенцию, рассчитывая, что Иран, убедившись в неэффективности заступничества России и Англии, обратится к Германии с просьбой о посредничестве⁶⁰.

Следует отметить, что в Петербурге тогда с доверием относились к указанным взглядам⁶¹.

Однако существует и другая версия касательно роли Германии в турецко-иранском пограничном конфликте. Сторонником ее был еще Зиновьев. «Предположение, что немцы подстрекают будто бы турок к захватам, не заслуживает, по моему мнению, внимания»⁶², — писал он в Министерство иностранных дел. Веские доказательства в пользу этого взгляда представлены в новейшем исследовании Мартина.

По мнению этого историка, на Вильгельмштрассе несомненно существовало естественное желание воспользоваться турецко-иранским конфликтом для причинения осложнений России и Англии в Иране. Вместе с тем турецкая агрессия стала не только источником «серьезных недоразумений между Турцией и Россией», но и «создала трения между Турцией и Германией»⁶³. Весьма показательна реакция германской прессы. По мере расширения зоны турецких захватов и углубления конфликта тон многих влиятельных германских газет становился все более антитурецким. В конце декабря 1905 г. «Гамбургер нахрихтен» писала, что турецкое вторжение даст Англии и России повод для вмешательства. Два месяца спустя эта же газета указывала, что ситуация на турецко-иранской границе становится «более запутанной». «Гамбургер нахрихтен», «Франкфуртер цайтунг» и другие газеты неоднократно обращали внимание на то, что в случае продолжения продвижения турецких войск Англия может захватить иранские и иракские территории, прилегающие к Персидскому заливу, а Россия — северные об-

ласти Ирана. Эти и другие германские газеты призывали к вмешательству держав с целью прекращения конфликта⁶⁴. Просьба иранского правительства 29 декабря 1905 г. о помощи против Турции, обращенная к России, Англии и Германии, поставила именно последнюю в «деликатную ситуацию», так как она считалась фактической союзницей Порты, но согласно Петербургскому договору с Ираном 1873 г. обязана была выступить посредником в случае войны его с третьей державой⁶⁵. Для Германии гораздо важнее необходимость выполнения договорных обязательств было укрепление своих политических позиций в Тегеране, поскольку в это время она добивалась предоставления в Иране банковской и железнодорожной концессий, которые позволили бы немцам выступить серьезными конкурентами Англии и России в этой стране.

Суммируя сказанное, следует отказаться от однозначной оценки позиции Германии. Ситуация, возникшая в результате турецких захватов в Иране, внушала Берлину серьезные опасения, но вместе с тем там предвидели, что события могут принять и благоприятный для Германии оборот.

Весьма характерны маневры германской дипломатии. В течение всей первой половины 1906 г. державы обращались к Турции и Ирану с призывами сесть за стол переговоров. При этом германский посол в Турции Маршалль фон Биберштейн выступал заодно со своими русскими и английскими коллегами, однако в действительности позиция Германии была особой. Германские дипломаты в Тегеране и Стамбуле с сочувствием выслушивали жалобы персов и не скупилась на обещания помощи, рассчитывая на показном персофильстве сделать в Иране большую политическую игру. По словам Мартина, Маршалль фон Биберштейн, выражая интересы германских промышленников, считал, что пограничный спор может принести пользу Германии и «что стоит рискнуть неудовольствием султана для того, чтобы получить концессии в Персии. Германия могла получить большие выгоды, действуя как арбитр»⁶⁶. Однако германское посредничество не принесло Ирану ровно никакой пользы, ибо немцы стремились отнюдь не к обузданию агрессора, а к тому, чтобы Россия и Англия не смогли использовать конфликт в своих интересах. По сведениям Зиновьева, в марте 1906 г. Маршалль сделал представление Порте о необходимости уступок в пограничном споре с Ираном, ибо турецкие захваты могут настроить в пользу последнего шиитов Багдадского и Басорского вилайетов, чем воспользуется Англия для укрепления своего влияния в Ираке⁶⁷. Перед этим Маршалль имел беседу с Абдул Хамидом. Германский посол, обратив внимание султана на возможные неблагоприятные последствия пограничного конфликта, ре-

комендовал установить взаимопонимание с Ираном и не советовал прибегать к арбитражу третьей державы⁶⁸. Иранскому же послу в Стамбуле Маршалль советовал не настаивать на эвакуации турецких войск, поскольку требование об отступлении якобы унизит «высокомерных» турок. Один из руководителей германского МИД Чиршки предписывал Маршаллю не принимать участия в посредничестве (к чему последний, видимо, стремился), а ограничиться лишь «ненавязчивыми» советами, дабы не возбудить подозрений России и Англии в том, что «Германия намерена играть политическую роль в Персии»⁶⁹.

Естественно, что султан при такой мягкой позиции Германии и непротивлении других держав мог позволить себе не только игнорировать все призывы к сдержанности и прочие ненавязчивые советы, но и вести себя вызывающим образом. Так, несколько позже в начале сентября 1907 г. немцы предложили туркам свое посредничество в целях мирного улаживания пограничных «недоразумений», чтобы избежать вмешательства держав, имеющих прямые жизненные интересы в Персии. Порта ответила, что она примет посредничество Германии лишь при условии признания ею прав Турции на Везне, Лахиджан, Песве, Мирган и некоторые другие пограничные пункты⁷⁰.

В свете политики великих держав совершенно закономерным выглядит провал переговоров по пограничному вопросу, которые вели между собой Турция и Иран в Сулдузе летом и осенью 1906 г. Но была еще одна причина, причем весьма существенная, которая обусловила особую агрессивность султанской Турции в указанное время. Она заключается в ненависти Абдул Хаида II и его клики к революционно-демократическому движению в Иране и в боязни, что оно перекинется на Турцию. По сведениям из германских дипломатических источников, Абдул Хамид в беседе с иранским послом Арфа од-Доуле выразил огромную тревогу в связи с успехами революции в Иране и предложил свою помощь шаху деньгами и оружием. Шах Мохаммед Али, опасаясь недовольства России, отклонил это предложение. Тем не менее, как утверждает Мартин, шах и султан заключили секретное соглашение с целью помешать введению в Иране парламентского строя. Более того, шах, согласно германским источникам, был против урегулирования турецко-иранского пограничного конфликта, дабы отвлечь внимание своего народа от внутренних дел⁷¹.

О тесной связи турецкой интервенции против Ирана с контрреволюционным сговором, заключенным между султаном и шахом, говорят и сообщения прессы того времени. «Турция ведет борьбу с персидской конституцией... Она, как и следовало ожидать, начала мутить среди персидских кур-

дов, решила послать войска в Персию, чтобы таким образом создать новые осложнения и отвлечь внимание от конституционного движения»⁷², — писал корреспондент «Тифлисского листка». То же подтверждали младотурецкие газеты («Шурай-Уммет», «Санджак» и др.). «Шурай-Уммет», например, писала, что Абдул Хамид убеждал Мозаффер-эд-Дин-шаха не давать конституцию. Не достигнув этого «дружескими советами, султан решил подойти к цели другим путем — выдвинув на арену пограничный вопрос»⁷³. Появились даже сообщения, что идея турецкой интервенции зародилась не в Стамбуле, а в Тегеране. Выходившая в Баку азербайджанская газета «Таза Геят» утверждала, что Арфа од-Доуле пугал Порту успехами конституционного движения в Иране и возможностью его возникновения в Турции, вызвав тем самым турецкое вторжение⁷⁴. Правда, по мнению корреспондента «Тифлисского листка» Айшина, «между недоразумением на турецко-персидской границе и представителями Персии в Константинополе нет ничего общего», но и он признает, что официальные представители Ирана в турецкой столице находятся «в дружеском отношении с влиятельными турками»⁷⁵. Наконец, калькутская газета «Хабль-уль-Матин» выражала мнение, что шахское правительство умышленно закрывало глаза на события на турецко-иранской границе и на движения курдских племен, с целью дискредитировать меджлис⁷⁶.

В своих экспансионистских замыслах в отношении Ирана абдулхамидовская клика делала ставку на привлечение курдских племен как Турецкого, так и Иранского Курдистана. И этот расчет частично оправдался. Турецкие власти умело использовали то обстоятельство, что одни и те же курдские племена (бекзаде, харки, шеккак и др.) жили частью в Иране, частью в Турции или делали сезонные перекочевки, вследствие чего массовые переходы курдов из одной страны в другую стали обычным явлением. Обычным явлением были также ссоры и конфликты из-за пастбищ и кочевий между турецкими и иранскими племенами. Многие турецкие помещики и курдские феодалы имели земли и в Иране (например, сын Обейдуллы шейх Абдул-Кадыр из Шемдинана или шейх Эмин из Таваны)⁷⁷. Поэтому туркам не составляло большого труда спровоцировать нападения курдских племен на иранскую территорию, а когда выгодно — разжечь междоусобную борьбу одних курдских племен против других.

Определенные надежды возлагались и на хамидие. С первых недель после начала интервенции были приняты меры по мобилизации хамидие и сосредоточению их вдоль иранской границы. Правда, в этом деле турецкое командование столкнулось с большими трудностями. Для похода на Везне

удалось собрать не более 500 человек, но и они заявили, что разойдутся по домам, если их не обеспечат всем необходимым⁷⁸. Тем не менее власти стремились привлечь к походу на Иран возможно большее число хамидийцев. Командующему IV корпусом было предписано отправить в Везне 4 полка и в Песве — 4 батальона хамидие. В июле 1906 г. по приказу из Стамбула в район Везне выступили два полка хамидие⁷⁹. Одновременно из Мосула к иранской границе были двинуты 8 пехотных полков низами и 7 полков хамидие. Этим войскам было роздано 15 тыс. винтовок и другое снаряжение⁸⁰. В конце 1907 г. султан приказал подготовить в Ванском вилайете к мобилизации 18 полков хамидие, не считая низама и редифа (запасных)⁸¹.

Однако основной ударной силой турецкой интервенции в Западном Иране были не регулярные войска и даже не хамидие, а «неорганизованные» курдские племена, руководимые протурецки настроенными беями. Именно в этом и состоял замысел султанского правительства, так как широкое использование регулярных войск могло привести к открытой войне с Ираном и к тяжелым осложнениям с Россией и Англией.

Уже в 1906 г. отряды вооруженных турецким оружием курдов и хамидийцев систематически переходили границу и совершали нападения на населенные пункты, расположенные к западу от оз. Урмии. При этом особенно страдало христианское население⁸².

Главное внимание турецкое правительство уделяло привлечению на свою сторону иранских аширетов, особенно крупных феодалов. Турецким агентам удалось подкупить вождей курдских племен мамаш, зарза и мангур и уговорить их признать турецкого султана халифом. Весной 1907 г. курдские беи в окрестностях Сердешта объявили, что, как сунниты, они признают себя только подданными турецкого султана, и просили прислать турецкий отряд. Абдул Хамид, не заставив себя долго упрашивать, немедленно дал указание командующему VI корпусом занять Сердешт⁸³. Точно так же поступили курдские племена в Бане, Чехрике, Ушну и Соме. Они изгнали иранских чиновников, приняли турецкое подданство и обратились с просьбой о присылке турецких войск⁸⁴.

По мере углубления внутривластного кризиса, вызвавшего усиление хаоса в государственном управлении и, в частности, полный паралич местной администрации в северо-западных районах страны, турки стали активнее привлекать иранских курдов к осуществлению своих аннекционистских планов в отношении Иранского Курдистана. Пограничные районы Ирана превратились в зону полной анархии, где бесконтрольно хозяйничали подстрекаемые турками отряды

курдов, терроризировавшие местное население. Турецкие войска продвигались вслед за курдами, поощряя последних к насилиям и принимая их целыми племенами в турецкое подданство. Так, в окрестностях Бана 142 деревни отказались признать себя подданными шаха⁸⁵.

Турецкие агенты открыто говорили о намерении Турции захватить Иранский Курдистан и Макинское ханство⁸⁶. Именно поэтому из Стамбула была дана директива во что бы то ни стало привлечь всех иранских курдов на сторону Турции.

Осенью 1907 г. на сторону турок перешли вожди племени мангали шейхи Баязид-ага и Бапир-ага (4—5 тыс. всадников). Они объявили о присоединении к Турции всего района Соуджбулака (так называемого Мукринского Курдистана). Соуджбулакский губернатор был изгнан: курды фактически держали город в осаде. Местные власти были бессильны что-либо сделать для охраны жизни и имущества окрестных жителей. Баязид-ага открыто заявил мукринской знати, что он послан по приказанию турецкого султана и собирается вскоре двинуться дальше в Миандоаб для управления им от имени Турции. Большинство мукринской знати и руководимых ею курдов к концу 1907 г. перешло на сторону турок. Как писал российский консул в Тебризе Похитонов, «по-видимому, турки приводят в исполнение мечту свою о занятии всего персидского Курдистана»⁸⁷.

Особенно сильны были протурецкие настроения среди курдов-суннитов, недовольных шахским правительством за притеснения на религиозной почве. В некоторых случаях турки сознательно разжигали междоусобную борьбу курдов-суннитов с шиитами, чтобы всегда иметь повод для вмешательства в местные дела под предлогом наведения порядка⁸⁸.

Активную подрывную деятельность в Иранском Курдистане вели турецкие консулы, в первую очередь среди местной знати (причем не обязательно из курдов) и верхушки суннитского и шиитского духовенства — улемов и муджтехидов. В результате некоторые видные муджтехиды в Секкезе и Сенне стали поддерживать турецкие планы в отношении Иранского Курдистана, что внушало большую тревогу тегеранским властям⁸⁹.

В оккупированных районах (например, в окрестностях Дештебиля) турки наделяли дружественных к ним феодалов землей. Так, крупные земельные пожалования получил сын Мухаммеда Садыка шейх Мухаммед Таги и многие влиятельные помещики Мукринского Курдистана.

В первую половину 1908 г. агрессивные действия Турции в Западном Иране достигли наибольшего размаха. В конце мая во время продвижения турецких войск в Салмасском и Сомайском округах только за одну неделю было сожжено

28 деревень и одна церковь. «Турки отрицают свою причастность к курдским бесчинствам, — писал Извольский, — однако едва ли можно сомневаться в том, что они хотя бы косвенно поощряют их, так как с имеющимися на месте значительными силами турки легко могли бы с ними совладать»⁹⁰. Отряды курдских ханов совершенно опустошили район Барандуза, что было сделано при явном попустительстве, если не при прямом поощрении, турецкого командования⁹¹. Жители Приурмийского района слали в разные пункты страны телеграммы, в которых описывались бесчинства оккупантов и содержались просьбы об оказании помощи⁹².

Таким образом, если по отношению к курдским племенам турки применяли методы увещевания, посулов, подкупов и т. п.⁹³, то в отношении остального населения, в том числе и мусульманского, они применяли самый разнузданный террор и насилие, дабы запугать местное население и заставить его безоговорочно принять турецкую оккупацию.

Стремясь привлечь на свою сторону местных курдских феодалов, турки распускали среди населения Иранского Курдистана всевозможные вздорные слухи, вроде того, что будто бы Турция объявила войну России, но последняя убоилась принять вызов, просила прощения и обещала не вмешиваться в турецкие дела; турки объявляли об аресте русских консулов в Иране и т. д.⁹⁴. В то же время турецкие эмиссары развернули среди тех племен, которые их сначала не поддерживали, и особенно среди оседлого населения, энергичную деятельность, вымогая у жителей, в первую очередь у курдов, письменные заявления о желании перейти в турецкое подданство (так называемые «дехалеты»), и в случае отказа угрожали репрессиями. В окрестностях Урмии более двадцати селений вынуждены были дать туркам дехалеты⁹⁵. «По занятии какого-либо пункта, — писал русский наблюдатель, — офицерами отряда объявлялось жителям, что они — турецкие подданные, обязанные подчиняться распоряжениям турецких властей, немедленно удаляются все персидские официальные лица, будь то начальник таможни, известный мулла или ханы. Аренда имений передается или новым пришельцам-завоевателям, или за огромную сумму оставляется прежним владельцам с условием, что они впредь будут считаться только с турецкой властью. Все безусловно сдается победителю»⁹⁶. Нередко турецкие захватчики, как рассказывал один из мукринских курдов российскому вице-консулу в Урмии Черкасову, силой заставляли местное население подписывать документы, удостоверяющие давние будто бы права Турции на определенные районы в принадлежавшей Ирану пограничной полосе⁹⁷.

Разбой и грабежи, которыми сопровождалось турецкое нашествие на Иранский Курдистан, восстановили против

Турции некоторую часть местного населения, главным образом христиан, но не только их. «Население посещенных мною мест, — писал Черкасов, — не исключая и курдов, турками недовольно, признает себя персидскими подданными...»⁹⁸. За-регистрированы и такие случаи, когда многие турецкие курды переходили в Иран не с целью грабежа, а боясь войны между Турцией и Россией и не желая быть мобилизованными⁹⁹. Однако в начальный период турецкой агрессии большинство населения Иранского Курдистана, особенно курды, или оставалось безразличным, или активно помогало туркам. Вот почему туркам так легко удавалось продвигаться по Иранскому Курдистану; Дештебиль был занят отрядом всего лишь в 60 человек, а Ушну — в 15 человек¹⁰⁰. «Мшак» писала, что турки могли рассчитывать на 50 тыс. конницы и 25 тыс. пехоты из иранских курдов¹⁰¹. Примечательно, что турецкое командование более доверяло иранским курдам, среди которых национальные идеи не получили в то время достаточного развития, чем турецким и даже хамидийцам. Последние проявляли «неблагонадежность» не только у себя дома, но и в Иране, где они даже вступали иногда в контакт с местными революционерами¹⁰².

Объяснение этому следует искать в полной дискредитации шахской власти в Иранском Курдистане в рассматриваемое время, особенно в годы революции, когда престиж Тегерана здесь был сведен до минимума. Репрессии, проводившиеся накануне революции против курдских племен и их вождей, усилили недовольство курдского населения Тегераном. Зиновьев, ссылаясь на опыт своего семилетнего пребывания посланником в Тегеране, писал, что беспорядки среди иранских курдов вызывались часто «безнаказанностью и корыстолюбием персидских властей»¹⁰³. В результате турки в первое время выступали чуть ли не в роли «освободителей», что значительно облегчало им реализацию их захватнических планов.

Неспособность тегеранского правительства противодействовать турецким захватам и подрывной деятельности турок среди курдов окончательно подорвала его авторитет в Иранском Курдистане. Примечательно, что когда один муджтехид предложил в меджлисе объявить джихад против Турции, все депутаты высмеяли это предложение, указав на отсутствие оружия и дисциплинированного войска¹⁰⁴. В апреле 1908 г. меджлис все же потребовал от министров принятия самых энергичных мер против оккупантов в районе Урмии. Правительство же могло продемонстрировать только полное бессилие¹⁰⁵.

Губернатор Азербайджана, двоюродный брат шаха принц Фарманфарма пытался, правда, оказать противодействие турецким войскам и восстановить власть правительства в

районе Соуджбулака. В конце 1907 г. он двинулся с небольшим отрядом к Соуджбулаку, получив предварительно от русского Учетно-ссудного банка в Персии ссуду в 5 тыс. туманов. Не решаясь дать отпор турецким войскам, в несколько раз превосходившим его числом, Фарманфарма обрушился с репрессиями на курдов, по преимуществу суннитов. Столь неразумные действия губернатора только озлобили местных курдов, усилили среди них оппозицию шахскому правительству и были на руку туркам. Турецкое правительство получило основание свалить всю вину на Фарманфарма за все бесчинства, учиненные в Соуджбулаке, попытаться оправдать необходимость своего насильственного вмешательства в иранские дела¹⁰⁶. Вслед за этим Фарманфарма отступил, что окончательно развеяло у местных жителей надежду на способность шахского правительства защищать их от на-силий турок¹⁰⁷.

Однако, несмотря на первоначальные успехи своей политики в Иранском Курдистане, Абдул Хамид все же допустил просчет. Он недооценил способность и решимость России отстаивать свои интересы в сопредельных с Закавказьем районах и ту новую ситуацию, которая сложилась на Ближнем Востоке в связи с англо-русским сближением и образованием Антанты.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ДЕРЖАВ АНТАНТЫ

В 1907—1908 гг., т. е. как раз в разгар турецкой интервенции, международное и внутреннее положение царской России относительно укрепилось (стабилизация на Дальнем Востоке, подавление революции, 2,5-миллиардный французский заем, англо-русское соглашение от 31 августа 1907 г.). У царизма развязались руки для более активных действий на Ближнем Востоке, и в частности в Курдистане. Что касается Англии, то и она вынуждена была в конце концов отказаться от позиции стороннего наблюдателя в турецко-иранском конфликте. При этом британское правительство руководствовалось не столько желанием помочь своему новому союзнику, сколько опасениями, что турецкая интервенция послужит на пользу Германии, проживающими в тех районах, где было сильно влияние Англии (Ирак, Юго-Западный Иран), и, наконец, настолько ослабит шахское правительство, что это будет серьезно угрожать интересам английского империализма в Иране¹⁰⁸.

До конца 1907 г. ни Россия, ни Англия по причинам, указанным выше, не предприняли никаких активных действий в связи с турецко-иранским конфликтом. Русский и англий-

ский послы и консулы в Турции и Иране посылали своим правительствам довольно тревожную информацию о развитии событий, но на нее ни в Петербурге, ни в Лондоне не реагировали должным образом. Русское и британское правительства никак не откликнулись на провал работы турецко-иранской пограничной комиссии, которая заседала в Сулдузе в 1906 г.

После заключения англо-русского соглашения от 31 августа 1907 г. обе державы проявили заинтересованность в ликвидации турецкой угрозы в Курдистане. В Министерстве иностранных дел в Петербурге начали спешно готовиться к принятию мер против турецких интервентов. Забили тревогу и в Военном министерстве, о чем свидетельствует заключение русского Генерального штаба, посланное его начальником — генералом Ф. Ф. Палицыным 7 ноября 1907 г. в ответ на запрос Извольского. Высказав свои серьезные опасения по поводу интервенции Турции в Иранском Курдистане с точки зрения военно-стратегических интересов России в Закавказье и на Ближнем Востоке, Палицын особо остановился на значении курдской проблемы. «Владея территорией к западу от Урмии, — писал он, — Турция крайне затрудняет наши действия со стороны Персии для поднятия против турецкого правительства племен Южного Курдистана, каковая операция, при благоприятной обстановке, может оказать огромное влияние на ослабление турецкой армии на главном театре войны»¹⁰⁹.

В свою очередь, из Стамбула и Тегерана в Петербург поступали все более тревожные сообщения. Гартвиг указывал на отрицательные последствия, которые может иметь турецкая интервенция для экономических позиций России в Иране¹¹⁰, и сообщал о падении престижа России в глазах иранского правительства. «Возрастающая дерзость турок, — писал он, — производит здесь весьма неблагоприятное для нас впечатление»¹¹¹.

В Лондоне и Петербурге, очевидно, увидели и перемену в позиции Германии. Летом 1907 г. Германия отказалась от показной политики поддержки Ирана в его конфликте с Турцией. Это было вызвано главным образом тем, что надежды немцев на получение банковской концессии в Иране не сбылись, в основном из-за противодействия России (в июле 1907 г. был заключен лишь договор об основании в Иране германского банка на чисто коммерческих началах)¹¹². Не удалось немцам заполучить концессию и на железнодорожное строительство в Иране, а также навязать ему займы в обмен на помощь в пограничном конфликте с Турцией¹¹³.

Вместе с тем на первых порах Германия всячески маскировала свою помощь турецким агрессорам. Это объяснялось стремлением Берлина подорвать как-то еще не окрепший

альянс в Азии, выбить, так сказать, из-под него антигерманскую основу. Шён даже писал Маршаллю в декабре 1907 г. о необходимости урегулирования конфликта между Турцией и Ираном¹¹⁴. Канцлер Бюлов рекомендовал послу в Петербурге Пурталесу всячески внушать русскому правительству, что Германия непричастна к турецкой агрессии и заинтересована в мире между Турцией и Ираном¹¹⁵.

В действительности, как сообщали русские газеты, немцы поощряли турок продвигаться в глубь Урмийской провинции, посылали своих инструкторов в турецкие оккупационные части¹¹⁶. Наиболее экстремистские круги настаивали на отказе от политики сдерживания Турции; так, германский посол в Тегеране граф Квадт призывал «заставить ее (Турцию. — М. Л.) таскать каштаны из огня для нас», использовать «против русско-англо-французских усилий в Персии». По совету Маршалля Берлин не одобрил слишком топорные действия Квадта¹¹⁷, но политика Германии была именно такова. С начала 1908 г., убедившись в провале попыток торпедовать англо-русский альянс в Иране, Германия окончательно отступила от рекламировавшегося ею принципа неприкосновенности иранской территории и стала открыто поддерживать аннексионистские притязания Турции, подталкивая ее к дальнейшим захватам в Иранском Курдистане и Азербайджане¹¹⁸.

Искусно лавируя, германская дипломатия поддерживала у Тегерана надежду на помощь в конфликте с Турцией. Германское посольство в Тегеране установило связи с влиятельными политическими кругами.

Зиновьев извещал, что брат шаха обещал германскому посланнику в Иране разрешить в пользу Турции пограничный вопрос, если турки помогут ему в свержении шаха с престола. Султан отказался участвовать в этой аванюре¹¹⁹. Немецкие дипломаты в Иране стремились подорвать авторитет Англии и России у шахского правительства. По сведениям Гартвига, турецкий посол в Тегеране «по тайному наущению Германии» должен был убедить шахское правительство, что Россия и Англия не делали никаких представлений Порте касательно турецкой интервенции¹²⁰.

Вмешательство Германии безусловно обострило ситуацию на турецко-иранской границе. Зиновьев находил положение столь серьезным, что не видел иного выхода, кроме как уговорить Иран пойти на уступки Турции и согласиться на удовлетворение некоторых территориальных притязаний Порты¹²¹.

Однако русское правительство не прислушалось к советам своего не в меру осторожного представителя в Стамбуле.

В конце декабря 1907 г. после совместных демаршей русского и британского послов великий визирь вынужден был

дать обещания не изменять статус-кво на границе и не привлекать иранских курдов на сторону Турции. По мнению Зиновьева, эти заверения «не могут внушать к себе ни малейшего доверия»¹²². Действительно, как раз в это время турки начали проводить операцию по окружению Соуджбулака.

Тогда Россия и Англия решили действовать. Основанием для активного вмешательства в турецко-иранский конфликт они сочли предстоящее возобновление работы пограничной комиссии в Урмии (в которой Турцию представлял Тахир-паша, а Иран — Мохташам ос-Салтане)¹²³.

В середине января 1908 г. Извольский предписал Зиновьеву потребовать от Порты «обуздать своеволие курдов в связи с началом переговоров комиссаров обоих государств (Турции и Ирана. — М. Л.) по пограничному вопросу» и не допускать дальнейшего движения вперед турецких войск и курдских племен¹²⁴. В начале февраля 1908 г. в письме вице-консулу в Урмии Извольский подробно изложил позицию русского правительства в связи с турецкой интервенцией в Западном Иране. Притязания турок, констатировал он, нарушают верховные права шаха. Дело значительно осложняется тем, что спорные области населены курдскими племенами, «действующими зачастую самочинно, прикрываясь в свое оправдание именем султана». Для России и Англии, продолжал Извольский, существует «нравственная необходимость поддержать всеми зависящими от нас средствами законные права и требования Персии», ибо территориальный спор затрагивает «наши непосредственные интересы во владениях шаха: спорная полоса почти целиком находится в русской зоне по англо-русскому соглашению, мы не можем быть безразличными не только по экономическим и политическим соображениям, но и по стратегическим». В заключение Извольский сообщал, что турецкое правительство еще не дало официального согласия на посредничество России и Англии¹²⁵.

Между тем с турецко-иранской границы приходили сообщения об усилении военных приготовлений турок как в иранском, так и в кавказском направлениях¹²⁶. Как писал один корреспондент, неминуем «полный захват всего Персидского Курдистана турками»¹²⁷. Захватив вначале территорию в 100 миль длиной и 15—20 миль шириной, турки к 1908 г. расширили ее благодаря действиям местных курдов до 60 миль (свыше 95 км)¹²⁸.

Дальнейшая эскалация турецкой агрессии в Иранском Курдистане и Азербайджане на рубеже 1908 г. вызвала серьезные опасения у правящих кругов Российской империи. Первыми забили тревогу в Тифлисе. Царский наместник на Кавказе граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков писал Николаю II 5 (18) января 1908 г.: «...Такие события, как все усиливающееся революционное движение в Персии, захват

Турцией персидской территории и, главное, необычные военные приготовления турок невольно вызывают опасение не быть застигнутым врасплох неожиданными событиями, особенно со стороны Турции». «Военное усиление Турции в пограничной с Кавказом полосе», — продолжал наместник, в том числе мобилизация хамидие, преследуют цель «подготовиться и силой отстоять занятую персидскую область в том случае, если бы Россия потребовала очищения захваченной территории», а может быть, и вернуть области, присоединенные к России в 1878 г.¹²⁹ 24 февраля (8 марта) Воронцов-Дашков вновь писал царю, что Турция, поддерживаемая Германией или Японией, продолжает готовиться к войне с Россией, и просил об усилении русских войск на Кавказе¹³⁰. «Положение бурлящей в котле революции Персии к началу 1908 г., — писал А. М. Зайончковский, — осложнилось и активным выступлением на ее границе Турции. Набеги курдов в пограничные персидские области, входившие в сферу влияния России и соприкасающиеся с ее границами, приняли размеры, далеко превосходившие обыкновенные местные нарушения границ, а по уклончивым ответам турецкого правительства заставляли думать, что эти набеги имеют определенное враждебное России назначение»¹³¹.

Таким образом, в конце 1907 — начале 1908 г. в связи с дальнейшим развитием турецкой агрессии в Иране русско-турецкие отношения резко ухудшились. Начальник Генерального штаба Ф. Ф. Палицын по собственной инициативе и без согласования с Министерством иностранных дел начал готовиться к войне на Кавказе¹³². Советский исследователь И. В. Бестужев считает, что в конце 1907 г. Россия «оказалась на грани войны с Турцией» в связи с событиями в Западном Иране. По его мнению, часть правящих кругов России увидела здесь желанный повод для «небольшой победоносной войны»¹³³. Как мы увидим, автор преувеличивает опасность возникновения войны, но, во всяком случае, положение было столь серьезным, что турецкая интервенция в Иранском Курдистане и Азербайджане стала главным предметом обсуждения на совещании по вопросу о положении в Малоазиатской Турции и на Балканах, созванном в Петербурге 21 января 1908 г. на самом высшем уровне.

Извольский заявил на совещании, что действия Турции на иранской границе не только угрожают стратегическим интересам России, но могут отрицательно отразиться на ее престиже на всем Ближнем Востоке. «В этом смысле, — продолжал он, — турецко-персидский конфликт, если он примет более широкие размеры, может поставить нас в весьма затруднительное положение». Вместе с тем министр иностранных дел предупреждал, что «если мы со своей стороны предпримем какие-либо агрессивные действия на азиатской границе

Турции, то это неминуемо повлечет за собой осложнения на Ближнем Востоке».

Начальник Генерального штаба Палицын в своем выступлении подчеркнул, что захват территорий Западного Ирана турками «крайне невыгоден для нас, ибо, заняв персидский Курдистан, Турция устанавливает весьма удобное сообщение между своим VI корпусом и IV-ым¹³⁴, между тем как прежние пути между местами расположения обоих давали возможность пропускать войска лишь в небольшом количестве. Вместе с тем, укрепление положения Турции на этом театре крайне опасно и с точки зрения настроения мусульман Кавказа».

Помощник военного министра генерал-лейтенант Поливанов обратил внимание участников совещания, что меры против военных приготовлений турок на Кавказе следует предпринимать с большой осторожностью: «страна не поймет наших агрессивных действий ради счетов между Персией и Турцией, и таковые действия не будут ею поддержаны». Поливанов указал при этом на военную неподготовленность России, особенно на Кавказе. Мнение предыдущих ораторов о нежелательности военного вмешательства России в турецко-иранский конфликт поддержал и министр финансов В. Н. Коковцов.

Председатель Совета министров П. А. Столыпин подытожил более или менее единодушное мнение своих министров. «Новая мобилизация в России,— заявил он,— придала бы силы революции, из которой мы только что начинаем выходить». Нельзя пускаться на авантюры, сказал Столыпин, «или даже активно проявлять инициативу в международных целях; наша политика должна быть строго оборонительной». В заключение российский премьер-министр провозгласил, что он не может взять на себя ответственность за войну на турецко-иранской границе¹³⁵.

Таким образом, русское правительство видело в турецкой интервенции в Иранском Курдистане столь очевидную угрозу государственным интересам России, что даже обсуждало вопрос о возможности мобилизации. Председатель Совета государственной обороны великий князь Николай Николаевич писал Столыпину через несколько дней после указанного совещания: «...вследствие создавшейся в последнее время политической обстановки необходимо прежде всего позаботиться подготовкою в военном отношении Кавказского театра войны и обеспечением боеспособности войск Кавказского военного округа». На этом извещении есть царская помета: «Согласен, береженого и бог бережет». В то же время Николай Николаевич указывал в связи с подготовкой возможной войны с Турцией, что следует «избегать таких агрессивных действий, которые могут вызвать политические осложнения».

из-за неустойчивого внутреннего положения самой России и неподготовленности русской армии¹³⁶.

Итак, царское правительство при тогдашней внутри- и внешнеполитической обстановке не хотело применять силу для защиты своих интересов в Западном Иране, на востоке Малой Азии и ликвидации угрозы Закавказью. Оставались лишь методы дипломатического нажима, как показал опыт, не очень эффективные, хотя при наличии союза с Англией они могли принести России несколько больший успех, чем в прежние годы.

Действительно, под совместным нажимом России и Англии Турция вынуждена была пойти на некоторые уступки. В середине января 1908 г. появилась официальная декларация султана о соблюдении статус-кво в спорной полосе, и через месяц турецкие войска покинули Соуджбулак¹³⁷.

Однако турецкое правительство отнюдь не собиралось отказываться от своих планов в Западном Иране и рассматривало свои уступки как маневр. Оно решило всячески затягивать работу пограничной комиссии в Урмии и под ее прикрытием удерживать, а если станет возможным — и расширить захваты в спорной полосе, используя главным образом курдские племена.

Было организовано дипломатическое контрнаступление. В заявлении турецкого посла в Петербурге российскому министру иностранных дел говорилось: «Турецкое правительство прибегло к некоторым мероприятиям в пограничных с Персией местностях для защиты своих прав и обеспечения границы ввиду дошедших сведений о курдских волнениях, поддерживаемых будто бы персами и приготовлениях самой Персии». Извольский отверг эту аргументацию, но выразил удовлетворение миролюбивым тоном декларации Порты¹³⁸.

Тем временем турецкий комиссар в пограничной комиссии Тахир-паша выступил с притязаниями на земли, лежащие между 30° и 40° сев. широты, т. е. на весь Иранский Курдистан. В турецком меморандуме от 2 февраля 1908 г. говорилось: «Но местности, для которых мы требуем прекращения несправедливых притязаний на них, делаемых от имени персидского правительства некоторыми вашими пограничными властями, суть курды в пределах санджаков Ше х р и з у р, Киркук, Ревандуз, Амадия, Хакяри, Ван и Баязид». (Разрядка в донесении.) Казалось бы, что здесь перечислены чисто турецкие области. На самом же деле турки разъяснили делегатам из Ирана, что к указанным округам они относят и все населенные курдами местности, прилегающие к ним с востока¹³⁹. Обструкционистская тактика турецкого правительства немедленно дала свои плоды. Весной 1908 г. положение в спорной пограничной полосе снова резко ухудшилось. Турецкие войска, и особенно подстрекаемые ими некоторые курд-

ские племена, продолжали постепенно расширять зону захватов и терроризировать местное население.

На представления русского посольства в Стамбуле по поводу расширения агрессии в Иранском Курдистане турецкие власти отвечали, что они не ответственны за действия курдов¹⁴⁰. Тем не менее после приезда Тахир-паши в Урмию нападения отдельных племен (бекзадинцы, харки, мамыши и другие) на мирное население участились во много раз¹⁴¹. Неоднократные протесты, предъявленные Тахир-паше русским консулом в Урмии Миллером и английским консулом Вратиславом, были безрезультатными. Тахир объяснял вторжения курдов интригами иранского представителя в комиссии Мохташама ос-Салтане¹⁴². По мнению Миллера (и Гартвига), цель Тахира — «сорвать комиссию и уехать в Турцию под предлогом небезопасности Урмии»¹⁴³.

Работа пограничной комиссии, писал Гартвиг в МИД, не может привести к каким-либо результатам, ибо вопрос может быть решен только в Стамбуле. «Здесь (т. е. в Тегеране. — М. Л.) укореняется убеждение, что Россия и Англия безучастны к пограничному вопросу». Гартвиг считал (с ним был согласен и британский посланник в Тегеране Марлинг), что «какой-нибудь внушительный акт в Константинополе имел бы здесь громадный успех и изменил бы отношение персов к англо-русскому соглашению»¹⁴⁴.

Убедившись, что Турция не собирается отказываться от агрессии, Россия решила действовать более решительно.

6 (19) июня 1908 г. Извольский предписал поверенному в делах в Стамбуле Нелидову заявить Порте, что «мы не можем отнестись равнодушно к движению оттоманских сил за пределы спорной зоны... и к постоянно увеличивающимся бесчинствам курдов, тем более, что указанное движение начинает распространяться уже на Салмасский округ, расположенный в близком соседстве с нашей границей». В случае продолжения этого движения, отмечал Извольский, будут сделаны приготовления на Кавказской границе¹⁴⁵.

Через два дня, 9 (22) июня, Нелидов сделал энергичное представление великому визирю и министру иностранных дел в соответствии с указанной инструкцией. Великий визирь обещал «безотлагательно предписать Тахир-паше отозвать войска из-за пределов спорной зоны и обуздать курдов». При этом он пытался отрицать участие турецких курдов в бесчинствах и утверждал, что «согласился с Мохташамом о совместных действиях против курдов». На это Нелидов ему возразил, что нет ни «турецких», ни «персидских» курдов, а все они повинуются только силе и, следовательно, ответственность за их действия лежит на Турции. Нелидова поддержал британский поверенный в делах в Стамбуле¹⁴⁶.

Недвусмысленная угроза, содержащаяся в выступлении

русского правительства, возымела свое действие. Через несколько дней Совет министров Турции принял решение вывести все отряды с иранской территории в пределы спорной зоны. Тахир-паше было предписано не допускать курдов к переходу на иранскую территорию, «хотя бы употреблением силы, не пользоваться курдами как орудием»¹⁴⁷. В конце июня великий визирь заверил русское посольство в том, что турецкие власти взяли подписку от местных курдских беев об отказе от вторжения в иранские пределы. Виновные, уверял он, будут выдаваться турецким властям¹⁴⁸.

Нелидов высказал мнение, что на эти заверения полагаться трудно. И действительно, турецкие войска были частично выведены лишь из пределов «бесспорно» иранской территории. В турецком меморандуме от 2 июля 1908 г. о границе Мосульского вилайета выдвигались притязания на «округа Сулдуз, Соуджбулак, Сердешт, Бане, Секкез, Хорхор», которые якобы «полностью, со всеми их пастбищами и пашнями, согласно трактатам, являются собственностью нашего государства»; в меморандуме от 30 июля о границах Эрзерумского и Ванского вилайетов турки претендовали на «округа Дештебиль, Ушну, часть Барандуза, Мергевер, Дешт (Бердесур), Тергевер, Барадост, Энзель Верхний, Энзель Нижний, Сомай, Чахрик, Чердман, Дирек, Худер, Регавэ», а также на «округ Маку со входящими в него округами Алэнд, Сегменова и Бебеджик»¹⁴⁹. Иначе говоря, турки делали заявку на значительную часть Иранского Курдистана. Командующему VI корпусом было дано разрешение приступить к формированию хамидие в Бане, Сердеште, Везне, Лахиджане, Мергевере, Тергевере и в других районах Иранского Курдистана¹⁵⁰.

Не выполнило турецкое правительство и свое обещание прекратить подстрекательства отдельных курдских племен к грабежам и насилиям на иранской территории. Сообщения, поступившие уже к концу июня, переполнены сведениями о бесчинствах, творимых курдскими беями на «бесспорно» иранской территории с ведома и при прямой поддержке турок¹⁵¹. По этому поводу русскому посольству в Стамбуле неоднократно приходилось делать представления Порте¹⁵².

Тем не менее в результате прямого вмешательства России, поддержанной Англией, экспансионистская политика Абдул Хаида II встретила значительные препятствия и оказалась под угрозой провала. Стал нереальным захват всего Иранского Курдистана и объединение под властью Стамбула всех курдов. По существу, летом 1908 г. произошел перелом в развитии турецко-иранского пограничного конфликта. В дальнейшем Турции пришлось придерживаться более гибкой, в основном оборонительной, тактики. Это означало наступление кризиса в курдской политике турецких правящих кругов, приближение ее полного краха.

КУРДЫ В ПЕРИОД ПОДЪЕМА РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ТУРЦИИ И ИРАНЕ (1908—1911 гг.)

23 июля 1908 г. в результате младотурецкого переворота Турция стала конституционной монархией. Девять месяцев спустя, подавив контрреволюционный мятеж, младотурки свергли с престола «кровавого» султана Абдул Хамида II, этого, по словам В. И. Ленина, турецкого Николая Второго¹, устроителя погромов и душителя национальных меньшинств Османской империи. Младотурецкая революция, несмотря на ее верхушечный характер, глубоко всколыхнула все народы Османской империи и вызвала новый подъем национально-освободительного движения. Однако она не разрешила национальные противоречия в Турции. Младотурки, как представители слабой, еще нарождавшейся турецкой буржуазии, чтобы удержаться у власти, пошли на уступки внутренней и внешней реакции. Очень скоро от их революционности не осталось и следа. В области национальной политики они показали себя достойными преемниками Абдул Хамида, унаследовав его централизаторские и ассимиляторские тенденции².

Более того, они дали этой антинародной политике идеологическое обоснование в виде абдулхамидовского панисламизма, великодержавного оттоманизма и расистского пантюркизма. Разумеется, попытки младотурок такими методами укрепить и сохранить прогнившую Османскую империю, эту в подлинном смысле «тюрьму народов», были обречены на полную неудачу. Об этом свидетельствовал, в частности, бурный подъем курдского движения при младотурецком режиме.

ПЕРВЫЕ ШАГИ КУРДСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

В эпоху «пробуждения Азии» появились первые ростки курдского национализма как организованного политического течения. Носителями идей курдского возрождения были представители молодой курдской интеллигенции, выходцы из феодальных слоев, проживавшие в Стамбуле или за границей (в Египте и Европе). Курдские националисты до рево-

люции 1908 г. участвовали в буржуазно-революционном движении, направленном на свержение султанского самодержавия.

В то время еще не было курдских политических организаций, а существовали лишь отдельные разрозненные группы. Роль объединяющего начала сыграла первая курдская газета «Курдистан», основанная в апреле 1898 г. сыном Бадр-хана Мидхатом. Газета, имевшая больше просветительскую направленность, первоначально выходила в Каире, затем место ее издания переносилось в Женеву, Лондон, Фолкстон (Англия), Стамбул и снова в Каир³. Курдские националисты (В. А. Гордлевский называл их младокурдами, очевидно, по аналогии с младотурками) установили связи с армянскими националистами. Представители курдской общественности присутствовали на Парижском конгрессе 1907 г., где все политические организации нетурецких народов Османской империи согласились объединиться с младотурками для борьбы против тирании Абдул Хамида II⁴.

После младотурецкого переворота лидеры курдских националистов (Эмин Али Бадр-хан, сейид Абдул-Кадыр, генерал Шериф-паша, Ахмед Дул Кафиль-паша и др.) первоначально поддерживали новый режим, рассчитывая, что младотурки удовлетворят национальные требования курдского народа. И в самом деле, в период недолгой «весны» младотурецкого правления для таких надежд, казалось, были основания. Младотурки, чувствуя на первых порах шаткость своего положения, проявляли заинтересованность в поддержке со стороны политических организаций национальных меньшинств, в том числе и курдов. Абдул-Кадыр был даже избран президентом сената оттоманского парламента. Он был сторонником курдской автономии в рамках Османской империи при сохранении полной лояльности младотурецкому правительству и его главному штабу — комитету «Единение и прогресс» («Иттихад ве теракки») ⁵.

Осенью 1908 г., сразу же после младотурецкой революции, Эмином Али Бадр-ханом, Шериф-пашой и Абдул-Кадыром в Стамбуле было основано политико-просветительское общество «Таали ве теракки Курдистан» («Расцвет и прогресс Курдистана»), выпускавшее газету на турецком языке «Кюрт теавюн ве теракки газетеси» («Газета курдской взаимопомощи и прогресса») под редакцией Джамиль-бея; в ней обсуждались проблемы национального единства курдов, курдской культуры, языка, фольклора и т. д. Эта газета завоевала широкую популярность среди курдов и проникала в самые глухие уголки Курдистана⁶.

Под влиянием «Таали ве теракки Курдистан» находилось «Общество распространения знаний на курдском языке», о целях которого говорит само название. Это общество, в ча-

стности, организовало в Стамбуле школу для курдских детей⁷.

В 1910 г. группой курдских интеллигентов (главным образом студентами) было создано чисто политическое общество «Хивиа-курд» («Курдская надежда») во главе с членом парламента Халилем Гасанлы Мотки. Активными членами этого общества были Мамдух Салим, Кадри Джамиль-паша, Омар-эфенди и Фуад Темо-бей Ванли⁸. Общество особое внимание уделяло работе среди молодежи и имело филиалы в Европе. Оно издавало под редакцией Абдул Керима завоевавший большую популярность еженедельник «Рожа-курд» («Курдский день»), переименованный в 1914 г. в «Хатави-курд» («Курдское солнце»). Этот журнал призывал к консолидации курдской национальности, созданию курдского алфавита, к просвещению курдского народа и приближению его к мировой культуре⁹. В конце 1912 г. депутат парламента курд Лютфи Фикри, враг иттихадистов, основал в Стамбуле партию «Мюджеддад» («Обновление»), по существу небольшой интеллигентский кружок, отнюдь не чисто курдский, «у которой,— по словам В. А. Гордлевского,— программа построена была на отделении церкви от государства, на лишении султана прерогатив халифа»¹⁰.

Курдские националисты недолго тешили себя надеждами на то, что младотурецкое правительство пойдет навстречу национальным чаяниям курдского народа. Проявившаяся очень скоро шовинистическая сущность внутренней политики комитета «Единение и прогресс» оттолкнула от него курдских лидеров, которые стали себе искать других союзников. Они, в частности, укрепляли связи с армянскими националистами, что вызвало особенно большую тревогу у младотурок. «Так как для самостоятельного выступления курды не чувствовали в себе достаточно силы,— писал В. А. Гордлевский,— то они нащупывали почву сближения с армянами, чтобы совместно с ними отвоевать себе права».

Летом 1909 г. в восточные вилайеты Турции были посланы тайные агенты комитета «Единение и прогресс» со специальным заданием сеять подозрения и рознь между армянами и курдами¹¹.

Борьба младотурок с деятельностью курдских националистов облегчалась разногласиями, проявившимися среди них уже весной 1909 г. Против Эмина Бадр-хана, как представителя Бохтанского рода, выступил шейх Абдул-Кадыр из Шемдинанского рода. Оба они претендовали на главенство над турецкими курдами. Эмин Бадр-хан ссылался на традицию, поскольку Бохтанский род издревле поставлял князей, а шемдинанцы — лишь «святых», сейидов и дервишей. Сторонники Абдул-Кадыра доказывали, что из рода Бадр-хана выходили только полководцы, а не правители.

Соперничавшие стороны старались скомпрометировать друг друга перед турецким правительством взаимными обвинениями в измене, сношениях с Россией и в желании с ее помощью основать курдский «бейлик» (княжество). Воспользовавшись этим, младотурецкие власти в 1911 г. распустили курдские организации, арестовали некоторых их руководителей, как «опасных элементов, подтачивающих целостность Турецкой империи», закрыли «Кюрт теавюн ве теракки газетеси» и курдскую школу. К этому времени большинство курдских лидеров эмигрировали, а оставшиеся продолжали свою деятельность нелегально¹².

Деятельность первых курдских националистов для своего времени имела прогрессивное значение, но влияние их на народные массы было сравнительно невелико и роль в курдском движении почти незаметна. Названные общества представляли собой небольшие кружки с очень расплывчатой и неопределенной политической программой. Рядовые члены племен не были еще готовы в силу своей политической и культурной отсталости к восприятию национальных идей¹³.

Первые же массовые политические организации курдов, возникшие после младотурецкой революции во многих городах Восточной Анатолии и в Иране (в Муше, Диарбекире, Битлисе, Эрзеруме, Мосуле, Багдаде и др.), были вне сферы влияния националистов. То были курдские клубы, пользовавшиеся большой популярностью среди населения. Мушский клуб, например, установил контакты с главными аширитами вилайета¹⁴. При открытии клуба в Битлисе в конце 1909 г. в него записались около 700 человек, а через два месяца в нем уже насчитывалось свыше 80 тыс. членов. Клуб имел довольно четкую полувоенную организацию. Он посылал во все районы вилайета своих эмиссаров, которые назначали на каждый десяток членов клуба начальника и должны были заботиться об их вооружении и обучении. Деятельность этого клуба благотворно сказалась на обеспечении общественного порядка в вилайете. Почти совсем прекратились грабежи и убийства. Любопытно, что, хотя эти клубы считались отделениями комитета «Единение и прогресс», они в действительности занимались антиправительственной деятельностью, встав в оппозицию к централизаторской политике младотурок. Поэтому они приветствовали контрреволюционный мятеж в Стамбуле (апрель 1909 г.) и, по многим признакам, готовили вооруженное восстание. После подавления мятежа и свержения Абдул Хамида II власти начали повсеместно закрывать курдские клубы. В середине 1909 г. был закрыт и главный — Битлисский клуб¹⁵.

Недолгое существование курдских клубов в Османской империи не прошло бесследно; ибо оно положило начало организованной политической деятельности среди курдов.

Однако в целом мощные курдские движения, потрясавшие Курдистан в начале XX в., возникали стихийно и проходили под руководством курдских феодалов. А они, далекие от понимания подлинных нужд и чаяний курдского народа, действовали нередко в корыстных целях и подчас служили орудием в руках турецких (реже иранских) реакционеров или английских и русских империалистов, а иногда — тех и других, вместе взятых. Во всяком случае, общекурдские интересы были им органически чужды.

РЕАКЦИЯ В КУРДИСТАНЕ НА МЛАДОТУРЕЦКИЙ ПЕРЕВОРОТ

Английский посол в Стамбуле сэр Джеральд Лоутер в своем годовом отчете за 1908 г. писал: «Курды, беи и ага, были, естественно, недовольны новым порядком вещей, так как они боялись, что он станет режимом закона и порядка вместо состояния беспорядка, при котором они могли бы продолжать, как и в прошлом, угнетать беззащитных армян и всех подвластных курдским племенам». Британский посол правильно отметил, что младотурецкая революция, устранившая от власти те феодальные круги, на которые опирался султанский режим, угрожала интересам и курдских феодалов — фаворитов Абдул Хамида II. Справедливым оказалось и высказанное Лоутером предвидение, что «новый порядок» не скоро водворится в «диких», по его словам, районах Малой Азии; скорее еще следует удивляться, писал Лоутер, что там не царит полная анархия¹⁶. Но причину, по которой курдским феодалам удалось увлечь за собой народные массы, посол не называет. А она заключалась в том, что те крупицы прогресса и демократии, которые принесла с собой младотурецкая революция, почти не дошли до гор Курдистана и никак не ощущались курдскими народными массами¹⁷. Напротив, курдский народ очень скоро почувствовал на себе «тяжелую руку» младотурок, проводивших беспощадную политику отуречивания всех национальных меньшинств.

Первым выступил против младотурецкого правительства предводитель милли Ибрагим-паша. Накануне революции полки хамидие под его командованием были отправлены в Хиджаз на подавление восстания местных племен, препятствовавших постройке Хиджазской железной дороги. Когда пришла весть о революционном перевороте в столице, Ибрагим-паша успел дойти только до Дамаска. Он отказался следовать дальше и вскоре поднял восстание племен милли, которое охватило большой район от Эрзинджана до Дейр-эз-Зора. На короткое время ему удалось захватить Дамаск. Только в середине ноября 1908 г. туркам, бросившим на подавление восстания 22 батальона под командованием Не-

шит-паши и натравившим на курдов арабское племя шаммар, удалось подавить восстание. Ибрагим-паша бежал в горы Синджара, где был убит¹⁸.

Сразу после победы младотурецкой революции начались волнения в Дерсиме. Местное курдское население было убеждено, что установление конституционного режима в Турции приведет к укреплению власти турецкого правительства над курдами. Дерсимские племена начали оказывать активное сопротивление властям, препятствовали прокладке дорог, постройке турецких школ.

На подавление беспорядков в Дерсиме в район Хозата было направлено 18 батальонов карательных войск. Началась подготовка к тотальному уничтожению курдских селений, для чего был завезен керосин. Однако этих сил оказалось недостаточно, чтобы справиться с повстанцами. Турецкие войска были блокированы курдами и несли большие потери. Командование было вынуждено увеличить количество войск в Дерсиме. Туда была завезена артиллерия и дополнительно сосредоточено 4 полка хамидие¹⁹.

В сентябре 1908 г. мушир IV корпуса получил предписание немедленно покончить с волнениями в Дерсиме. Турецкие войска вновь перешли в наступление, но решающего успеха опять не достигли, несмотря на увеличение числа регулярных войск до 24 батальонов. Хамидийцы же, как обычно, «воевали» преимущественно против мирного населения. Кызыл-баши отступили в неприступные районы и оттуда совершали успешные вылазки²⁰.

Турки вынуждены были переменить тактику. Новому командующему турецкими войсками в Дерсиме ферику Али-паше была дана инструкция договориться с повстанцами. С этой целью в Дерсим выехал член Государственного совета Мустафа-бей. Видимо, его миссия не имела успеха, но в связи с приближением зимы курды временно прекратили борьбу, а турецкие войска частично были выведены из Дерсима. Однако в конце 1908 г. здесь вновь возобновились волнения²¹.

Мощные восстания курдов произошли также в Ираке. В октябре 1908 г. поднялись хамавенды, обитавшие между Багдадом и Киркуком. Их поддерживали зибары и барзаны. Повстанцы применили партизанскую тактику, разбившись на мелкие отряды, что затрудняло борьбу с ними. Значительное число иракских курдов перешло в это время на территорию Ирана²².

Наиболее серьезные события произошли в районе Мосула в конце 1908 — начале 1909 г. Поводом послужило убийство арабами (наверное, случайное) в Мосуле известного курдского шейха Саида, который правил в Сулеймании как удельный князек и был недоволен политическими переменами в

Турции. Его сын шейх Махмуд Барзанджи призвал своих соплеменников к мести. В этих событиях²³ видную роль сыграли английские агенты. Они подстрекали курдов к борьбе против нового турецкого правительства (как раз происходили выборы в османский парламент), а также пытались натравить курдов на арабских националистов, уже в то время выступавших за независимость Ирака не только от турецкого, но и от любого иностранного господства.

Для усмирения курдов турецкие власти вызвали войска из Мардина и Дيارбекира. Командующий карательными войсками Мехмед-паша разграбил и сжег около 40 курдских деревень.

В ответ на эти зверства к восставшим примкнуло большинство курдов Мосульского вилайета. Они нанесли ряд поражений турецким войскам и осадили главный центр Иракского Курдистана — Сулейманию.

Властям пришлось мобилизовать значительную часть IV и VI корпусов для освобождения Сулеймании и усмирения курдов. Только умелое использование межплеменной вражды²⁴ помогло Мехмед-паше подавить восстание. Однако турецкие власти вынуждены были пойти на уступки, назначив брата убитого шейха Саида шейха Маруфа наибом (наместником) Сулеймании.

Были недовольны политическими переменами в стране и племена, населявшие пограничные с Ираном районы (мукри, шеккак и др.), которые намеревались «поднять восстание против правительства (цель — основать объединенное курдское государство)»²⁵.

Многие курдские пограничные племена (джелали, шеккак и др.), спасаясь от репрессий, начали переселяться в Иран, участились случаи обращения к русским консулам с просьбами о покровительстве России. Все чаще сообщалось о намерении некоторых курдских вождей (например, Омар-бея, Чакир-бея, Ситки-бея) принять со своими племенами российское подданство. Даже если эти слухи не всегда соответствовали истине, само их возникновение симптоматично, ибо, по словам очевидца, это доказывало, «какая глубокая пропасть отделяет младотурок от простого народа»²⁶.

Несмотря на широковещательные декларации и увещания иттихадистов, писал Скрябин, «все курды единодушно отказываются подчиниться новому режиму, а хамидийские полки, продолжая грабить народ, оказывают вооруженное сопротивление и сборщикам налогов, заявляя, что не признают настоящего правительства»²⁷.

Брожению среди курдов способствовали и противоречия в правящих кругах Турции. Младотурки, в первые месяцы после переворота 23 июля 1908 г. формально не находившиеся у власти, требовали от правительства Кямиль-паши приня-

тия крайних мер против курдов. Правительство же, в состав которого входило много скрытых реакционеров и сторонников Абдул Хамида, не желало обострять отношения с курдами. Местные власти кое-где (например, в Ванском вилайете) прямо поддерживали курдов, поощряя их к насилиям над христианами и к набегам на иранскую территорию. Естественно, что все это не способствовало популярности иттихадистов среди курдов.

В Дيارбекире курды на главной мечети города вывесили плакат, в котором содержался протест против нового режима и требование восстановления власти султана, ислама и шарии. В городе и его окрестностях усиленно шел сбор денег на покупку оружия. Во время апрельского контрреволюционного мятежа 1909 г., когда была сделана попытка восстановить самодержавие Абдул Хамида II, диарбекирские курды в период кратковременного успеха реакционеров прислали султану поздравительную телеграмму, в которой говорилось, что они готовы выступить на защиту шарии²⁸.

Наибольшие волнения среди курдов вызвал вопрос о судьбах конницы хамидие. Мирное анатолийское население после революции посылало в столицу десятки петиций с просьбой о немедленном расформировании хамидие, прекращении разбоев и грабежей. Агитация против хамидие началась также в младотурецких кругах и прессе. Многие ведущие деятели комитета «Единение и прогресс» предлагали заменить хамидие регулярными кавалерийскими частями. Особенно возбуждено было общественное мнение против Зеки-паши, организатора хамидие и палача армянского народа. Правительство же было недовольно Зеки-пашой за неспособность справиться с курдским движением в Дерсиме, где, по существу, никогда не прекращались восстания. Он был отозван из восточноанатолийских вилайетов и отдан под суд, который, однако, так и не состоялся²⁹.

В сентябре 1908 г. правительство издало приказ о разоружении хамидие, однако он практически не выполнялся, так как местные власти не имели ни силы, ни желания бороться с могущественными курдскими беями; одновременно по вилайетам был разослан циркуляр о желательности крайне осторожного отношения к курдам, даже если они откажутся выполнять те или иные распоряжения правительства³⁰. Не оправдались ожидания общественности, что первая сессия парламента, собравшаяся в конце 1908 г., упразднит хамидие. Тем не менее курдские беи восприняли кампанию против хамидие как сигнал к общему наступлению на их права. Отношения между частями хамидие и регулярными войсками к осени 1908 г. резко обострились. Курдские племена решительно воспротивились попыткам зачислить часть хамидийцев в низам. Сопротивление реорганизации хамидие воз-

главил вождь племен хайдеранли Кор-Хусейн-паша — правитель пограничного княжества Оваджик³¹.

Весной 1909 г. началось частичное разоружение курдов-хамидийцев. От беев и ага потребовали неукоснительного выполнения правил о поставках лошадей, всадников, обмундирования и пр.³². Высланные против курдов войска обезоружили некоторые наиболее непокорные аширеты. Кор-Хусейн-паша и ряд других курдских вождей были арестованы. Однако совсем упразднить хамидие младотурки не решались, боясь всеобщего восстания курдов. Более того, в Стамбуле не отказались от мысли о возможности использования курдской конницы в случае войны с Россией. Была сделана даже попытка сформировать в составе хамидие несколько батарей горной артиллерии, и с этой целью правительство обратилось к англичанам с просьбой командировать в IV корпус офицеров-инструкторов, служивших в туземных войсках в Индии. Англичане отклонили это предложение, не желая вызвать недовольства России. В конце концов иттихадистам пришлось оставить все по-старому, переименовав только хамидие в «полки легкой кавалерии из кочевников» (аширет хафиф сувар и алайлары)³³.

Правда, младотурецкое правительство не раз пыталось улучшить управление хамидие. Так, на заседаниях парламента 8 и 10 июля 1909 г. был поднят вопрос о подчинении хамидийских офицеров правилам чиновничьего производства, установленным для всей армии. Однако большинство выступавших в прениях депутатов высказывались против каких-либо коренных реформ в хамидие, указывая на опасность волнений среди курдов и на необходимость сохранения хамидие как особого института, который так же нужен для Турции, как казачество для России. Депутат подполковник Тахир-бей заявил: «Да, собственно говоря, офицерские галуны ничего не значат, а качества курдов — все»³⁴. В 1910 г. было принято новое положение о «полках легкой кавалерии из кочевников». Общая численность курдской конницы была оставлена прежняя (номинально 64 полка, состоящих из 3—6 эскадронов каждый и образующих 7 курдских бригад), но в ее внутреннюю организацию был внесен ряд изменений, направленных на повышение роли турецких офицеров действительной службы (курдам не могло присваиваться звание выше майора) и на усиление «племенного начала» при формировании подразделений³⁵.

В марте 1911 г. в положение о «полках легкой кавалерии из кочевников» были внесены новые изменения в том же направлении³⁶. Однако все попытки реформировать хамидие потерпели неудачу, главным образом из-за боязни властей вызвать недовольство курдов.

В итоге после младотурецкой революции хамидие потеря-

ли свое прежнее значение. Тяжелый удар по институту хамидие нанес Кор-Хусейн-паша; освободившись из заключения, он выселился вместе с аширетом хайдеранли (12 тысяч «дымов» — 6 полков хамидие) из Турции в Иран. Земли хайдеранли были конфискованы правительством и проданы частным лицам. Неудача с реорганизацией хамидие сильно дискредитировала младотурецкий режим в Восточной Анатолии³⁷.

Рост оппозиционных новому режиму настроений курдских феодалов вызвала политика младотурок в армянском вопросе. Руководители комитета «Единение и прогресс» в первые месяцы после победы революции в демагогических целях ратовали за сближение всех народов Османской империи. В частности, они пытались договориться с лидерами армянских националистов. Прошел слух о возвращении армянам земель, захваченных у них курдскими феодалами во время армянских погромов 90-х годов. Действительно, кое-где местные власти издали распоряжения; в армянские вилайеты выехали правительственные комиссии, которые выселяли курдов, обосновавшихся в армянских деревнях, разоружали некоторых вождей³⁸.

Курдские беи, нажившиеся в свое время на экспроприации армянской недвижимости, начали протестовать, ссылаясь на то, что земли отбирались у армян всегда по приказанию турецких властей³⁹. Несмотря на то что попытки, реальные или мнимые, восстановить справедливость в большинстве случаев ни к чему не привели⁴⁰, а в мае 1909 г. турецкие власти организовали в Адане новый армянский погром⁴¹, политика правительства по отношению к армянам еще долго вызывала недовольство у курдской верхушки.

Таким образом, происшедшая в результате младотурецкой революции смена правящей группировки в Турции вызвала в первые же месяцы отрицательную реакцию у курдов. В секретном отзыве штаба Кавказского военного округа о курдском вопросе в Турции «на заре» младотурецкого режима говорилось: «...младотурецкие правители, ослепленные своими политическими успехами, не отличаются ни дальновидностью, ни знанием края... В данный момент все курды относятся одинаково враждебно к турецким властям и... все они были бы готовы перейти в Персию или в Россию... сама курдская конница с момента бегства Гусейн-паши фактически перестала существовать»⁴².

Оценивая восстания турецких курдов в период младотурецкой революции 1908—1909 гг., следует признать, что, каковы бы ни были причины и движущие силы, объективно они были направлены против буржуазно-революционного движения в Турции, исторически необходимого и прогрессивного явления, важного звена в цепи событий, ознаменовавших

эпоху «пробуждения Азии». Поэтому курдские восстания играли в то время на руку силам внутренней и внешней реакции, пытавшимся задуть первую турецкую революцию.

КУРДСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В ТУРЦИИ ПОСЛЕ СВЕРЖЕНИЯ АБДУЛ ХАМИДА II

Иной характер стали носить движения курдов Турции после ликвидации апрельского мятежа 1909 г., когда младотурецкая верхушка, изменив своим былым демократическим идеалам, стала быстро править и капитулировала перед феодально-клерикальными группировками, компрадорами и империалистами. В этот период курдские движения следует оценивать положительно, ибо они способствовали крушению архиреакционной Османской империи, освобождению от ее ига национальных меньшинств.

Уже в конце 1909 — начале 1910 г. в Турецком Курдистане после недолгого затишья стала расти напряженность. В ноябре 1909 г. началось восстание аширетов барзан (Северный Ирак), возглавляемое шейхом Абдул Саламом Барзани. Посланные на его подавление турецкие войска были разбиты. В начале 1910 г. восстание распространилось на значительную часть Мосульского вилайета⁴³.

Освободительное движение усилилось в Баязиде и соседних с ним районах. Здесь шла открытая пропаганда против правительства. Ее вели Кор-Хусейн-паша, шейх Абдул-Кадыр и другие крупнейшие курдские феодалы. Многие ожидали, что весной 1910 г. вспыхнет всеобщее восстание курдов.

Не менее напряженная обстановка сложилась в начале 1910 г. в Битлисе. Муса-бей, Селим-Али и другие местные курдские вожди вели активную антиправительственную агитацию, организовывали повсюду комитеты и клубы, к которым примкнула значительная часть окрестных курдов. Вали Битлисского вилайета Тахир-паша не решался трогать курдских беев, надеясь использовать их как ударную силу против Ирана. Назначенный вместо него осенью 1910 г. Измаил Хакки хотел было применить силу, но вскоре получил из Стамбула указание не ожесточать курдов, дабы не создавать правительству новых затруднений в тот период, когда ему приходилось тратить большие усилия для подавления освободительного движения арабов⁴⁴.

Опасения Порты были не напрасными. Курдское движение после младотурецкой революции развивалось в контакте с арабским национально-освободительным движением. Восстания арабов в рассматриваемое время проходили в Йемене, Ираке, Хауране и Джебель-Друзе (Сирия); враждебную по отношению к турецкому правительству позицию

занимали вожди Хиджаза, Неджда, Асира и других областей Аравийского полуострова; большую работу развернули арабские националисты, объединенные в различные политические общества и партии⁴⁵.

«Насколько турки огорчены своими неудачами в Аравии, — писал русский вице-консул в Баязиде, — настолько неудачами этими довольны курды, и, если арабы успешно будут продолжать сражение с турками, весьма вероятно, что и в Курдистане, где в настоящее время спокойно, произойдет восстание, и турки, несомненно, этого опасаются, зная, что усмирение поголовно вооруженных курдов им бы стоило больших жертв»⁴⁶. Курды Битлисского вилайета также с большим сочувствием внимали вестям об успехах арабских повстанцев в Йемене⁴⁷.

Дело не ограничилось одним только сочувствием. Среди курдского населения шел сбор денег в пользу йеменских повстанцев, стоявших накануне решающего успеха. В Курдистан прибывали и посланцы из Йемена. Один из них в начале 1911 г. вел переговоры с Кор-Хусейн-пашой, другие посетили племена Днарбекирского вилайета, третьи — районы Вана, Муша, Хныса, Алашкерта и др. В начале марта 1911 г. посланец вождя йеменских повстанцев имама Яхьи шейх Саид имел тайное совещание с курдскими вождями в Муше (вскоре все участники этой встречи были арестованы)⁴⁸.

Младотурки были очень встревожены возможностью союза между курдским и арабским освободительными движениями. Они усилили слежку за курдскими вождями и приезжавшими к ним арабами. Нервозность турецких властей возросла и в связи с тем, что в Дерсиме, Алашкерте, Эрзинджане и в других районах Восточной Анатолии курды отказывались платить подати, поставлять рекрутов в хафиф сувары и т. д.⁴⁹. Кроме того, многие курдские вожди блокировались с оппозиционными комитету «Единение и прогресс» элементами в самой Турции, которые в связи с ростом внутренних и внешних затруднений в стране усилили с 1911 г. борьбу против младотурок⁵⁰.

Бессильные разрешить курдский вопрос, младотурки не нашли ничего лучшего, как вернуться к политике «кнута и пряника»: кнут — по отношению к борющимся против турецкого гнета курдским народным массам, пряник — по отношению к курдской знати. Насколько такая политика была перспективной, говорил опыт прошлого. «Если бы турки не были отвлечены восстанием в Аравии, Македонии и внутренними неурядицами, — отмечал в это время русский вице-консул в Урмии Голубинов, — им было бы легче справиться с курдами, чем теперь, когда им приходится задабривать курдских беков подарками, что не всегда достигает цели»⁵¹.

С целью привлечения на свою сторону главных курдских вождей с 1910 г. видные деятели младотурецкого правительства совершали поездки в Восточную Анатолию⁵². В соответствии со специальным распоряжением министра внутренних дел курдской знати возвращались земли, отобранные в начальный период младотурецкого правления в пользу армян. Начали возвращаться беи и ага, бежавшие после революции в Иран⁵³. Они отбирали у армян не только «свои» земли, но и те, которые принадлежали армянам до революции. Так, например, крестьяне-армяне селения Алтун-Хусейн по голословному требованию курдского шейха Шах-Хусейна, заявившего, что это селение принадлежало его предкам, были выселены турецкой администрацией, их имущество было распродано, дома разрушены, а собранные деньги переданы Шах-Хусейну⁵⁴.

Новый командующий IV округом и инспектор трех анатолийских корпусов мушир Осман-паша произнес в начале августа 1911 г. провокационную речь, наполненную выпадами против армян, требовавших вернуть свои земли, разоружить и удалить из пределов восточноанатолийских вилайетов хамидие. Осман-паша открыто признавал правомерность чинимых курдскими беями насилий⁵⁵. Министр финансов Джавид-бей, один из столпов младотурецкого режима, во время своей поездки по курдо-армянским вилайетам широко раздавал курдским беям и шейхам награды и деньги, он заверял их в поддержке со стороны правительства. Вернувшись в столицу, Джавид-бей заявил, что на востоке страны царят тишина и спокойствие⁵⁶.

Подобное утверждение не имело ничего общего с действительностью. Более того, открыто подстрекательские действия турецких властей, раздувавших курдо-армянскую рознь, привели к значительному ухудшению внутреннего положения в Турецком Курдистане и Армении, увеличению числа разбоев и грабежей, которых в первые годы после младотурецкой революции было сравнительно немного. Однако несмотря на зайгрывание центрального правительства с курдскими беями, престиж его по-прежнему был крайне невелик. «...Убеждение курдов в слабости конституционного правительства является причиной все увеличивающихся разбоев и бесчинств в Курдистане», — отмечал русский вице-консул в Ване Олферьев⁵⁷.

Вместе с тем младотурецкое правительство не собиралось отказываться от намерения ликвидировать курдскую «вольницу», подчинить племена, насколько это возможно, правительственному контролю.

Весной 1910 г. впервые в истории Турции начался набор в турецкую армию немусульман. По-видимому, эта широко разрекламированная младотурецкой пропагандой реформа

преследовала, в частности, цель уменьшить влияние курдской иррегулярной конницы. Курдские беи были весьма недовольны этим мероприятием. В Эрзеруме, Трапезунде и некоторых других местах власти были вынуждены не производить набор немусульман, опасаясь вооруженного выступления курдов⁵⁸. В отношении к племенам, оказывавшим открытое неповиновение, власти применяли самые жестокие репрессии.

Таким образом, младотурки, по существу, не устранили ни одну из основных причин, постоянно питавших недовольство курдов, в том числе и племенной верхушки, турецким правительством.

Своеобразной формой протеста курдов против политики правительства явилось переселение многих племен (Ванского, Битлисского и даже несколько более отдаленного Эрзерумского вилайета) в Иран. Власти сначала сквозь пальцы смотрели на движение курдов в сторону иранской границы, надеясь использовать их для захватнических целей в Иранском Курдистане. Но оказалось, что некоторые видные курдские вожди имели совсем другие намерения, и турецкие власти усилили охрану восточной границы⁵⁹.

РУССКО-КУРДСКИЕ СВЯЗИ

Как уже отмечалось, в начале 1910 г. в Маку (Иранский Азербайджан) из Турции переселился видный курдский вождь Кор-Хусейн-паша; вместе с ними бежали также влиятельные беи Теймур-паша, Эмин-паша, Сейид Али, Муса-бей и др. Они жаловались русскому агенту в Игдыре (пограничный пункт на русско-турецкой границе) на притеснения турецких властей и вмешательство их во внутривременные отношения. Вскоре Кор-Хусейн-паша отправил письмо Воронцову-Дашкову, в котором от своего имени и от имени шейха Абдул-Кадыра предложил передать под власть России весь Курдистан. Курдские вожди предлагали с помощью России поднять всеобщее восстание племен, а в случае если русские не примут этот план, просили разрешить им переселиться в Россию или же принять их в российское подданство⁶⁰.

Одновременно Кор-Хусейн-паша и его соратники через своих приближенных и родственников развернули в Северо-Восточной Турции активную антиправительственную пропаганду, «благодаря чему, — писал новый посол России в Турции Чарыков, сменивший в 1909 г. Зиновьева, — курдские племена этой части Турции спланиваются в противоконституционный союз, хорошо снабженный деньгами и оружием»⁶¹.

Крайне встревоженное турецкое правительство направило

в Маку тайных эмиссаров с поручением уговорить курдских беев вернуться на родину⁶².

Обращение Кор-Хусейн-паши, Абдул-Кадыра и других курдских вождей поставило русское правительство в затруднительное положение, ибо непосредственный захват Курдистана отнюдь не входил ни в ближайшие, ни в перспективные планы российской внешней политики, поскольку это сразу вовлекло бы Россию в войну с Турцией и вызвало отпор со стороны всех великих держав. Кроме того, в Петербурге и Тифлисе опасались, что активная прорусская деятельность курдских вождей ухудшит русско-турецкие отношения и затруднит России достижение ее первоочередных задач на Ближнем Востоке. Некоторые курдские вожди, боровшиеся против турецкого правительства, сознательно распускали преувеличенные слухи о получении ими значительной помощи из России, дабы запугать турецкие власти. Так, некий Саид-бей говорил, что «русский царь находится в дальнем родстве с курдским народом и что последний, в случае нужды, всегда может рассчитывать на помощь России»⁶³. Наконец, государственные деятели царской России всегда опасались волнений в сопредельных с Кавказом районах, что нередко служило источником серьезных трудностей и осложнений. Как писал Извольский, «движение, одновременно охватившее армян и курдов, внушает нам опасение ввиду близости от Кавказа местностей, где оно происходит, и необходимости для нас поэтому своевременно выяснить свой образ действий для предотвращения нарушения в них спокойствия»⁶⁴.

Видимо, по этой причине Воронцов-Дашков настаивал «независимо от соображений внутренней и внешней политики» на безусловном отказе от всех предложений курдов. Ссылаясь на малоземелье в закавказских губерниях, он возражал против допуска курдов на русскую территорию⁶⁵. Сходную позицию занял Чарыков. Он считал, что необходимо потребовать от Кор-Хусейна отказа от всякой агитации против турецкого правительства «под угрозой лишиться нашего покровительства» ввиду опасности возникновения серьезных беспорядков в сопредельных с Россией областях Турции⁶⁶.

Чарыков не встретил поддержки у руководителей ни Военного министерства, ни Министерства иностранных дел. Временно управляющий Военным министерством генерал Поливанов предложил оказать покровительство Кор-Хусейн-паше, ибо хайдеранли играли видную роль в комплектовании хамидие⁶⁷. Поливанова энергично поддержал и новый управляющий Министерством иностранных дел, ставший вскоре министром, С. Д. Сазонов. Он указал на необходимость «в общеполитических видах» поддерживать возможно лучшие отношения с курдами и особенно «привлекать на

нашу сторону влиятельных главарей», предоставляя им в нужных случаях временное убежище⁶⁸. «...Совершенно безучастное отношение наше к курдским ханам, ищущим сближения с нами, — писал Сазонов Чарыкову, — могло бы вынудить их пойти на компромиссы с Портой и окончательно связать их судьбу с Турцией»⁶⁹.

Такую же точку зрения воспринял в конце концов и штаб Кавказского военного округа. В результате обмена мнениями между внешнеполитическим и военным ведомствами было решено, что «о принятии всего Курдистана под власть России, как о том ходатайствует Абдул-Кадыр, не может быть и речи», но следует разрешить курдским вождям поселиться на Кавказе; покровительство курдам надо оказывать только в Иране, а не в Турции⁷⁰. Русское правительство отказалось пока от предоставления курдским вождям денежных субсидий. Одновременно Сазонов высказал предположение, что «курдское движение могло бы быть использовано нами каким-либо образом для воздействия на Турцию в Урмийском и других персидских вопросах»⁷¹. Чарыков согласился с необходимостью привлечения на сторону России Кор-Хусейн-паши и «поддержания дружественных отношений с возможно большим числом курдских вождей, желающих этого». Однако он и некоторые другие представители России в Турции и Иране подчеркивали, что Абдул-Кадыру нельзя доверять, ибо он в душе — враг России⁷².

Таким образом, обращение Кор-Хусейна и Абдул-Кадыра привело к установлению непосредственных связей России с некоторыми наиболее влиятельными и могущественными курдскими вождями. Однако использовать эти связи в политических целях руководители российской внешней политики решили на первых порах только в Иране, где позиции России были наиболее сильны. Вмешиваться во внутренние дела Турецкого Курдистана было сочтено нецелесообразным.

В это время на курдской политической арене появилась наиболее видная фигура — Абдуррезак-бей. Освобожденный из тюрьмы младотурецкой революцией, Абдуррезак возглавил наиболее непримиримую по отношению к турецкому правительству группировку курдских феодалов.

В ноябре 1910 г. Абдуррезак подал прошение русским властям о разрешении ему принять русское подданство и поселиться в Эривани. Формально основанием для такой просьбы явились преследования, которым подвергался Абдуррезак и его семья при младотурках. Русское посольство в Турции и власти на Кавказе первоначально отнеслись к просьбе Абдуррезака благоприятно, возражая только против поселения его именно в Эривани, как в пункте, слишком близко расположенном к турецкой границе⁷³.

Вскоре, однако, выяснилось, что у Абдуррезака была

иная цель, кроме желания спастись от преследования: он лежал далеко идущие политические планы, в реализации которых основное участие должна была принять Россия.

В марте 1911 г. Абдуррезак выехал в Маку, а оттуда прибыл в Котур. Во время этой поездки он вел переговоры с курдскими вождями, склоняя их к созданию прорусского блока племен Турецкого и Иранского Курдистана и пытаясь удержать их от враждебных действий против Ирана и христиан. В беседах же с представителями российских властей Абдуррезак «высказывал, — писал начальник дипломатической канцелярии при кавказском наместничестве Кохановский, — что, как сторонник России, он будет действовать в доброжелательном для нас направлении с целью распространения в Курдистане влияния России и внушения курдам симпатии к русским»⁷⁴.

Наиболее полное представление о планах Абдуррезака дает его беседа с русским вице-консулом в Ване Олферьевым в середине апреля 1911 г., отрывок из которой в пересказе Олферьева стоит привести.

«У нас все уже готово. На этих днях я (Абдуррезак. — М. Л.) ожидаю приезда в Ван курда Муса-бея, большого патриота, который поедет в Персию вперед меня. Я мог бы теперь же захватить Ван. Имейте в виду, что среди солдат имеется много курдов, на которых мы имеем основания рассчитывать. Однако в захвате Вана я не вижу в настоящую минуту смысла, так как мы не имеем возможности вести правильную войну с турками и отстаивать с успехом занятые позиции. Мы, конечно, не так наивны, чтобы полагаться в данном случае на помощь России. Из Вана я прямо выеду в Персию, где предложу персидскому правительству назначить меня губернатором Персидского Курдистана, с обещанием изгнать турок из Персии. Насрул Мульк меня лично знает, и я надеюсь, что персы добровольно примут мое предложение. Если нет, то я вооруженной силой захвачу Салмас или Урмию. Затем в случае успеха я пошлю покорную телеграмму шаху и предложу свои услуги для изгнания турок из Персии. При этом заранее заявляю, что буду следовать всем предписаниям русского консула в Урмии, о чем я сказал и господину Кохановскому. Мы, курды, должны прежде всего создать для себя прочное гнездо. В Персии нам это удобнее сделать. Это будет первый шаг к основанию независимого курдского княжества. Если нам удастся это сделать, то я немедленно подниму восстание в Турецком Курдистане, где, повторяю я, у нас все подготовлено, и курды ждут лишь подачи мною сигнала. Мы намерены захватить лишь те земли, которые входят в состав Курдистана, без намерения двигаться в глубь Турции или Персии. Затем курды будут просить русского императора взять их под свое покрови-

тельство и обеспечить им независимость. Мы есть и будем верными соседями и союзниками России. Вот наш план. Если его осуществление нам удастся — хорошо, нет — ответим за него своими головами. Все же мы рассчитываем, что Россия, во имя своих политических интересов, нас не оставит в трудную минуту и скажет за нас нужное слово...»⁷⁵.

Через несколько дней Абдуррезак сообщил Олферьеву об одобрении его планов котурским шейхом Измаил-ага Симко, впоследствии лидером курдского движения в Иранском Курдистане, и сердаром (правителем) Макинского ханства Муртаза Кули-ханом. «Я намерен, — сказал он Олферьеву перед отъездом в Котур, — теперь же вместе с Симко захватить Дильман, предложить Персии признать меня губернатором Урмии и поручить мне охрану границы. Сердар Маку на моей стороне. Свою преданность России докажу на деле»⁷⁶.

Таковы были намерения Абдуррезака. Следует отметить, что столь широкую и далеко идущую программу не выдвигал еще ни один из курдских деятелей. В отличие от движения Обейдуллы, в котором все же преобладало стихийное начало, Абдуррезак впервые в истории курдов представил план, предусматривающий создание при непосредственной помощи России единого курдского государства.

При всем этом на программе Абдуррезака, особенно в тех ее пунктах, где говорится о средствах ее реализации, явно виден налет авантюризма. Абдуррезак переоценил, во-первых, сплоченность и организованность курдских племен. Далеко не все курды готовы были немедленно вступить в борьбу за образование единого курдского государства. Еще сильны были межплеменные распри и феодальный партикуляризм; многие влиятельные курдские феодалы считали более выгодным поддерживать турецкое или иранское государство. Планируемое Абдуррезаким всеобщее восстание курдов в военном отношении было совершенно не подготовлено, что отчасти им и признается в приведенном выше разговоре с Олферьевым. Во-вторых, слабость турецкого и иранского правительств. Абдуррезак не учел решимость турецких правящих кругов во что бы то ни стало подавить курдское движение в империи, а также относительную стабилизацию центральной власти в Иране вследствие близкого поражения революции. Его расчеты на то, что шахское правительство допустит превращение Иранского Курдистана в базу для создания единого курдского государства, были нереальны.

В-третьих, влияние России на Ближнем Востоке. Абдуррезак был плохо ориентирован в международных делах, если полагал, что возможно установление безраздельного русского влияния во всем Курдистане.

Таким образом, программа Абдуррезака была построена на песке, что и обнаружилось в самое ближайшее время.

В мае 1911 г. Абдуррезак вновь объехал все населенные курдами пограничные районы Турции и Ирана, агитируя за объединение турецких и иранских курдов в борьбе против турецкого господства и за создание единого курдского государства. Особого успеха эта агитация, по-видимому, не имела, зато Абдуррезак навлек на себя преследования со стороны турецких властей. Во время пребывания Абдуррезака в Урмии (в середине мая 1911 г.) турецкий консул получил из Стамбула предписание немедленно арестовать его и препроводить в столицу. Абдуррезак с трудом избежал ареста, успев сест в бест в русское вице-консульство⁷⁷.

Руководящие круги царской России по указанным выше причинам реагировали на выступления Абдуррезака так же, как и на обращение Кор-Хусейна и Абдул-Кадыра: без всякого энтузиазма. «Широкий размах», которым отличался проект Абдуррезака, не только не произвел впечатления в Петербурге, но, наоборот, там первоначально сочли его автора за провокатора или, в лучшем случае, за авантюриста. Временно управляющий Министерством иностранных дел Нератов писал посланнику в Тегеране: «Судя по некоторым данным, личность Абдуррезака представляется нам подозрительной, и искренность его ненависти к туркам и преданности нам весьма сомнительна. Во всяком случае необходимо зорко следить на месте за действиями этого авантюриста, если не турецкого эмиссара, имеющего целью создать осложнения на границе для оправдания дальнейших турецких захватов»⁷⁸.

Вскоре в России эти подозрения в отношении Абдуррезака отпали ввиду полного отсутствия доказательств. Однако ни в Петербурге, ни в Тифлисе, ни в российских посольствах в Стамбуле и Тегеране не было и намека на желание всерьез рассматривать его проект. «Теперешняя агитация Абдуррезака кажется мне преждевременной и опасной»⁷⁹, — писал, например, Чарыков. Вместо рассмотрения курдской проблемы на основе предложения Абдуррезака вершители русской политики на Ближнем Востоке ограничились дебатами о судьбе самого Абдуррезака, о том, можно ли его использовать и в какой степени для распространения влияния России в Турецком и Иранском Курдистане.

Наибольшие споры вызвал бест Абдуррезака в Урмии. Посланник в Тегеране Поклевский-Козелл предлагал не оказывать ему покровительства на иранской территории. «Миссии не следовало бы вмешиваться в дело его ареста»⁸⁰, — писал он.

В Петербурге с этим не согласились. Нератов писал Поклевскому о том, что нельзя выдавать Абдуррезака туркам,

но следует от него полностью отмежеваться как от политического деятеля: «Вам надлежало бы самым категорическим образом заявить, что Абдуррезак никакого отношения к нам не имеет и действует исключительно по собственной инициативе»⁸¹.

Чарыков, признавая, что Абдуррезак может сыграть полезную роль, также указывал, что его выдача «погубила бы наш авторитет среди всех турецких курдов, сочувствующих России»⁸².

Было предложено удалить Абдуррезака из русского консульства и отпустить «на все четыре стороны». Как писал Нератов, бест Абдуррезака «создает весьма щекотливое положение. Его нельзя ни выдать, ни скомпрометировать близостью к России»⁸³. В конце концов русское правительство решило переправить Абдуррезака в Закавказье, причем эриванскому губернатору было предложено организовать тайное наблюдение за ним⁸⁴. В начале июня 1911 г. Абдуррезак прибыл в Тебриз, а через несколько дней был уже на русской территории⁸⁵.

Первые отклики на «дело Абдуррезака» показали, что русское правительство с точки зрения своей «курдской политики» поступило дальновидно, взяв под свою защиту Абдуррезака, вследствие чего, по словам Голубинова, турецкий престиж среди курдов, «сразу пошел на понижение». Даже сейид Та, ярый противник русских и организатор набегов на иранскую территорию, поссорившись с турецким правительством, начал вести переговоры с Голубиновым о разрешении сест в бест в русское консульство⁸⁶.

Уехав в Россию, Абдуррезак отнюдь не отказался от своих планов. «Абдуррезак, — писал Голубинов о своем разговоре с ним накануне его отъезда из Урмии, — не теряет надежды по возвращении в Россию снова начать пропаганду объединения под его главенством персидских и турецких курдов и об образовании самостоятельного курдского государства под протекторатом России». Он лелеял мечту издавать в России свой журнал на курдском языке, который пропагандировал бы идеи национального освобождения⁸⁷.

Пробыв недолгое время в Тифлисе, Абдуррезак уехал в Париж для разработки с Кор-Хусейн-пашой, издававшим во Франции курдский журнал «Мешрутийет» («Конституция»), согласованного плана действий. О результате этой поездки ничего не известно. В октябре Абдуррезак возвратился в Россию и поселился в Эривани⁸⁸. Турецкое правительство было весьма обеспокоено пребыванием Абдуррезака на Кавказе и, по сведениям российского посольства в Стамбуле, собиралось подослать к нему убийц⁸⁹.

Между тем особых оснований у турок для тревоги не было. Русское правительство, предоставив Абдуррезуку убе-

жище, отнюдь не собиралось принимать ни малейшего участия в реализации его широковещательных планов. Кохановский, в ведении которого находились сношения с курдскими эмигрантами, был убежден, что их планы неосуществимы, ибо курды не могут вести самостоятельную борьбу с Турцией, а вмешательство России по многим соображениям исключено. «Избрание Абдуррезаком России базой для своей агитаторской деятельности, направленной против Турции, — писал он, — представляется едва ли возможным». По мнению Кохановского, отъезд Абдуррезака в Париж избавил бы власти от хлопот постоянно следить за ним, но «с точки зрения курдского вопроса нам не следовало бы совершенно отталкивать от себя Абдуррезака и желательным было бы подерживать с ним сношения в Париже»⁹⁰.

Таким образом, начальник дипломатической канцелярии предпочитал держать этого беспокойного курда на расстоянии и иметь его в виду только «на всякий случай». Возвращение Абдуррезака в Россию было для кавказских властей, по-видимому, неприятным сюрпризом. Чарыков предлагал обязать Абдуррезака «воздержаться от какой бы то ни было агитации и политической деятельности»⁹¹. Если кавказское начальство прямо и не запрещало Абдуррезуку заниматься политикой, то и не оказало ему никакой поддержки в этом и делало все, чтобы не связывать себя с ним какими-либо обязательствами.

Итак, отношение руководящих кругов царской России к предложениям Кор-Хусейна, Абдул-Кадыра, Абдуррезака говорит об их явном нежелании связывать себя с курдским движением в Турции, об их отрицательном отношении к идее создания автономного Курдистана или независимого курдского государства.

Нежелание России вмешиваться в дела восточноанатолийских провинций подтверждается ее отношением к христианам-ассирийцам, издавна считавшим русских своими покровителями и освободителями от ига турецких властей и курдских феодалов. В обстановке все усиливавшегося национального угнетения, произвола и беззаконий среди турецких ассирийцев-несториан округа Хакяри большую популярность приобретала идея перехода в православие, что автоматически приводило бы к распространению на ассирийцев покровительства России. Излишне доказывать, насколько переход ассирийцев в православие укрепил бы влияние и позиции России в самом центре Курдистана. К тому же и курды-езиды начали выражать желание присоединиться к армяно-григорианской церкви, что открывало для России дополнительные возможности в этом районе.

В то же время среди ассирийцев и езидов усиленную религиозную пропаганду вели католики и протестанты. Особен-

но активно действовали английские миссионеры, добивавшиеся унии несториан с епископальной церковью⁹².

Эта на первый взгляд чисто религиозная проблема для ассирийцев имела политическую подоплеку. Духовный и светский глава ассирийцев-несториан мар-шимун Мар-Сергий дал знать русским властям в Иране, что ассирийцы, «измученные вечными курдскими насилиями», готовы поднять восстание и уверены в благополучном исходе, но ходатайствуют «о покровительстве и моральной поддержке со стороны нашего правительства». В случае согласия России оказать эту поддержку мар-шимун гарантировал переход всех турецких несториан в православие⁹³.

Стремление мар-шимуна обусловить переход ассирийцев в православие оказанием им со стороны России помощи в борьбе за освобождение от турецкого гнета встретило категорический отказ русского правительства. Просьба мар-шимуна, писал Извольский посланнику в Тегеране, «никоим образом не может быть удовлетворена»⁹⁴. По этой же причине Россия отклонила ходатайство мар-шимуна Мар-Сергия о принятии его и его паствы в православие. В постановлении Синода от 27 августа 1910 г. говорилось, что согласно каноническому праву этот вопрос подлежит компетенции не «святейшего синода», а Антиохийской патриархии, к которой ассирийцам и следует прежде всего обращаться⁹⁵.

Правда, в дальнейшем русское правительство изменило свое отрицательное отношение к принятию турецких ассирийцев в лоно русской православной церкви. Сыграли свою роль неоднократные обращения мар-шимуна о соединении православной и несторианской церкви и его разрыв с английскими миссионерами, одно время прочно обосновавшимися в резиденции мар-шимуна Кочанисе. Уже в 1911 г. Синод с согласия Министерства иностранных дел решил послать в Кочанис для переговоров с мар-шимуном эmissара — главу православной миссии в Урмии архимандрита Сергия⁹⁶. Однако, как будет показано дальше, реальные результаты так и не были достигнуты.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что политика России по отношению к курдам и в рассматриваемые годы была пассивной, что ее правящие круги не имели в отношении восточных районов Османской империи и западных провинций Ирана никаких захватнических планов.

Главная забота русского правительства заключалась в том, чтобы населенные курдами земли не стали плацдармом для агрессивных действий Турции и ее возможных западных союзников против русских владений на Кавказе. Показательно, например, отношение России к вопросу о железнодорожном строительстве на востоке Малой Азии. Еще в 1900 г. Россия навязала Турции соглашение, по которому строи-

тельство железных дорог в Северной Анатолии могло происходить либо на средства Турции, либо на русские капиталы. Это соглашение Россия использовала, чтобы воспрепятствовать железнодорожному строительству в северных и восточных вилайетах и создать, таким образом, «вакуум» между прокладывавшейся в то время немцами Багдадской железной дорогой и русской границей.

Однако русская дипломатия не учла, что Турция имела возможность строить железные дороги на средства, поступающие по иностранным займам. В июне 1910 г. было созвано Особое совещание, на котором Извольский заявил, что железнодорожное строительство в Малой Азии «имеет серьезное отрицательное значение» для России. Было решено отказаться от соглашения 1900 г. и добиваться от Турции нового договора, который гарантировал бы Россию от сооружения железных дорог к востоку от линии Самсун — Сивас — Харпут — Диарбекир — Мосул — Ханекин, т. е. на территории всего Курдистана. Для этого было признано целесообразным заручиться содействием Франции (боявшейся усиления германского и английского влияния в Турции), компенсировав ее правом на постройку и эксплуатацию линии Самсун — Сивас, а Турции разрешить сооружать линии между Самсуном и Босфором⁹⁷.

«Франция, — писал Извольский, — заинтересована в том, чтобы мы в военном отношении были поставлены в более выгодные условия в сравнении с Турцией», тем более что усиление последней на кавказской границе ослабило бы военный потенциал России на Западе. Он рекомендовал использовать турецко-французские переговоры о займе для «стеснения свободы действия Турции в железнодорожном строительстве в пограничных с Кавказом областях и в северной Персии, а также в постройке и покупке турками военных судов»⁹⁸.

В России с недовольством узнали о намерении американца Честера добиться от турецкого правительства концессии на железнодорожное строительство и эксплуатацию естественных богатств в Восточной и Юго-Восточной Анатолии. Проектируемое соглашение Турции с Америкой, писал Извольский, «желательно и возможно, если последняя не поставит непременным условием право для себя свободной постройки железных дорог в зоне, прилегающей к персидской границе, как это вытекает из общего смысла концессии»⁹⁹.

Покушение на освоение востока Малой Азии, в том числе и курдских земель, иностранным капиталом, и особенно на имеющее большое стратегическое значение железнодорожное строительство, воспринималось в России как непосредственная угроза ее интересам. Вместе с тем правящие круги царской России не захотели использовать возможность, получить такого ценного союзника, как курды, отвергнув все

обращения их лидеров за помощью. Следовательно, Россия избегала какого-либо обострения отношений с Турцией из-за курдского вопроса.

Такая позиция определялась тем, что царизм еще не оправился после русско-японской войны и революции. Программа перестройки и укрепления русских вооруженных сил только начала осуществляться, отношения России с ее союзниками, особенно с Англией, были еще недостаточно близкими. Бесспорно, не последнюю роль сыграли опасения, как бы бурные события, происходившие в соседних Турции и Иране, не оказали революционизирующего влияния на народы Закавказья.

Если же исходить из перспектив, то политику царизма в указанные годы следует признать недалековидной, ибо в ней отсутствовало предвидение того, что в случае нарушения шаткого равновесия на Ближнем Востоке опора на курдов открыла бы для России большие возможности в Турции, Иране и арабских странах.

* * *

В то время как в Петербурге и Тифлисе продолжали недооценивать значение курдской проблемы для интересов России, многие практические работники, на месте изучавшие обстановку в Курдистане и Армении, за редким исключением, держались иного мнения¹⁰⁰. Например, российский вице-консул в Урмии Голубинов писал: «...В наших интересах хотя бы морально поддерживать курдов в их недружелюбии к туркам». В противном случае, продолжал далее Голубинов, «полное подчинение курдов туркам губительно отразится на нашем престиже не только на Среднем Востоке (в Турции и Персии), но и на Кавказе... Наше равнодушное отношение к курдскому вопросу явилось бы той искрой, от которой может вспыхнуть пожар. В заре этого пожара легко могут погибнуть наши вековые исторические интересы на мусульманском Востоке. Если панисламистская пропаганда могла иметь значительный успех в стране шиизма, то тем более при полном безучастии России туркам легко удастся, справившись с арабами и албанцами, подавить единоверных им курдов. Такое объединение Оттоманской империи едва ли послужило бы нам на пользу»¹⁰¹.

Вице-консул в Ване Олферьев предлагал серьезно отнестись к выступлению Абдуррезака, ибо России выгодно и если курды потерпят неудачу (это ослабит Турцию), и если его план удастся. Лучше автономный Курдистан, считал Олферьев, чем автономная Армения, ибо в России на Кавказе живут 1,5 млн. армян и всего 130 тыс. курдов. «Курдский вопрос имеет для России особо важное значение», — отмечал он.

Олферьев предупреждал, что недооценка в России курдской проблемы, проистекающая отчасти из-за плохой осведомленности относительно положения в Курдистане, используется западными державами. «По теперешним временам наши сведения о Курдистане представляются страшно поверхностными. Имеются такие курдские области, которые до сего времени не были нами обследованы... Англичане не скупятся на путевые издержки своих агентов, а потому их осведомленность о Малой Азии гораздо полнее, чем наша... Ведь все эти западноевропейские туристы и миссионеры разносят по всем уголкам Курдистана самые нелепые и возмутительные сведения о России». Он обращал внимание на необходимость «притянуть в свою сторону симпатии некоторых курдских беков» и дать последним возможность «ближе знакомиться с русскими людьми и с политикой России на Востоке»¹⁰².

Аналогичные суждения высказал российский консул в Басре К. П. Иванов в своей «Записке по вопросу об организации изучения Ближнего Востока». Полемизируя с теми, кто утверждал, что России выгодно только сохранение статус-кво в этом районе земного шара, он писал: «Между тем по ходу дел может оказаться более отвечающим нашим интересам стремиться к созданию автономного Курдистана из всех областей, населенных курдами и входящих ныне в состав как Турции, так и Персии»¹⁰³.

Некоторые компетентные знатоки курдской проблемы подчеркивали необходимость обратить особое внимание на российских курдов, отчего во многом зависели взаимоотношения с их зарубежными сородичами. Они советовали подумать об улучшении материального положения и культурного уровня курдов Закавказья как непременном условии борьбы с панисламистской пропагандой и привлечения на сторону России турецких аширетов¹⁰⁴.

Проблема подъема благосостояния и культурного уровня российских курдов, конечно, меньше всего заботила царских колонизаторов. Но привлечению на сторону правительства верхушки закавказских курдов начало уделяться известное внимание.

В феврале 1910 г. Воронцов-Дашков обратился к Извольскому со специальным письмом, в котором рекомендовал добиваться расположения рода Шамшадиновых, наиболее влиятельного среди российских курдов, который управлял аширетом зияян, расселенным по обе стороны границы. Во главе рода стоял гвардии полковник Али Ашраф-бек Шамшадинов, фактический и официальный предводитель российских курдов, имевший значительные связи с зарубежными курдами, особенно макинскими. Шамшадинов получал в год от правительства пенсию в 2 тыс. руб. и владел 60 десятинами зем-

ли. По мнению Воронцова-Дашкова, следовало произвести Али Ашраф-бека в генералы, увеличить его пенсию на 1 тыс. руб., дать пенсии и субсидии другим представителям рода. Наместник особое внимание обращал на необходимость возратить курдской верхушке отобранные у нее раньше пастбища. «Чтобы восстановить и укрепить симпатии курдов к русской власти,— писал он,— самое верное средство было бы привязать их к земле. Для этого некоторые казенно-оборочные статьи следовало бы сдать им без торгов, за незначительную плату в долгосрочную аренду, которая бы носила наследственный характер». Эти меры, считал Воронцов-Дашков, удовлетворили бы Шамшадиновых и другие знатные семейства. Кроме того, по мнению наместника, необходимо было наделить землей и менее знатные курдские роды, а также (на этом настаивал эриванский губернатор) обратить особое внимание на езидов, издавна относившихся с симпатией к России.

В Петербурге ко всем этим предложениям отнеслись без всякого энтузиазма. Единственное, с чем согласился министр финансов Коковцов,— это увеличение пенсий роду Шамшадиновых и назначение пособий тем из его представителей, которые их не получали. В высших правительственных кругах по-прежнему мало интересовались курдами как отечественными, так и зарубежными¹⁰⁵.

ОБОСТРЕНИЕ КУРДСКОГО ВОПРОСА В ИРАНЕ

Между тем в Иранском Курдистане происходили события, которые также непосредственно затрагивали интересы России и других империалистических держав. «Курдский вопрос в Персии, несомненно, рано или поздно обратит на себя всеобщее внимание,— писал Минорский еще в 1905 г.— Со всеми вопросами, касающимися курдов, так или иначе связана Турция, при всех случаях старающаяся извлечь пользу из слабости своей соседки Персии»¹⁰⁶.

В 1908—1909 гг. в Иране наступил высший подъем революционного движения, проявившийся в развертывании успешной вооруженной борьбы народных масс против реакции (Тебризское восстание, захват власти сторонниками конституции в некоторых городах, низложение Мохаммеда Али-шаха в июле 1909 г.).

Вклад курдов в борьбу против реакционного лагеря в Иране был невелик, ибо революционеры-конституционалисты ничего не успели сделать, чтобы облегчить положение курдских народных масс. Курдская же знать руководствовалась исключительно своекорыстными интересами, к тому же ограниченными рамками одного Иранского Курдистана. Так,

курдские вожди Керманшаха из племени кельхор отказались присоединиться к бахтиарам, участвовавшим летом 1909 г. совместно с гилийскими революционерами в походе на Тегеран. «Трудно рассчитывать,— писал русский консул в Керманшахе Никольский,— чтобы здешние курды, занятые теперь сбором великолепного урожая, племенными раздорами и грабежами, решились на этот поход»¹⁰⁷. Более того, часть кельхоров служила в охране экс-шаха Мохаммеда-Али. И лишь в некоторых районах керманшахские кельхоры выступали на стороне революционеров. В начале же 1912 г., во время окончательного подавления революции, кельхоры вновь примкнули к стану реакции¹⁰⁸.

В северо-восточных районах Ирана курды также не присоединились к революционерам. Местные курдские вожди предпочитали слушаться российское консульство, а не фидаев, часто нападали на последних¹⁰⁹. Казвин-хамаданские курды во главе с Казин-Низамом участвовали в боях против отрядов революционеров к юго-востоку от Решта¹¹⁰. В Макинском ханстве курды часто становились опорой сердара, одного из столпов иранской реакции, участвовали в борьбе с отрядами фидаев¹¹¹.

Революционеры, со своей стороны, тоже не раз пытались использовать курдов, например во время героической обороны Тегриза осенью и зимой 1911 г., когда они направили против осаждавшего Тегриз Шоджа-од-Доуле соуджбулакского губернатора курдского вождя Сердара-Мукри¹¹². Однако если иной раз курдские вожди и помогали фидаям, то только потому, что это было им по какой-либо причине выгодно (как это делали подчас Симко и Темир-Джанго)¹¹³. В целом курды заметной положительной роли в иранской революции не сыграли. В последний период революции курды составили основную боевую силу возглавлявшегося братом Мохаммеда Али-шаха Абу-ль-Фатх Мирзой Саларом од-Доуле реакционного движения (о котором подробнее будет сказано дальше).

Смена политического режима в Турции не привела к улучшению положения в пограничных районах Ирана, являвшихся объектом турецкой агрессии. Если до своего прихода к власти младотурки выступали с нападениями на интервенционистскую политику Абдул Хамида II в отношении Ирана (о чем свидетельствовала, например, статья в младотурецкой газете «Стамбул» от 23 августа 1907 г.¹¹⁴), то, захватив бразды правления, они целиком и полностью унаследовали эту политику и даже в некоторых случаях превзошли свергнутого ими султана.

В конце августа 1908 г. турецкий делегат в комиссии по разграничению Тахир-паша уехал из Урмии и сорвал, таким образом, работу этой комиссии. Перед отъездом он вы-

ступил с притязаниями на все иранские области с курдским населением (округа Сулдуз, Соуджбулак, Секкез и Хорхоре). Тахир-паша, по словам Гартвига, «систематически осуществляет свой план полного оцепления Урмии»¹¹⁵.

В сентябре 1908 г. турецкое командование отвело часть войск из оккупированной пограничной полосы. Это был маневр, призванный произвести впечатление на Западе. В действительности турецкое правительство и не думало отказываться от захваченных «спорных» районов. Турецкие власти продолжали взимать налоги с местного населения. Командующий оккупационными войсками Явер-паша обратился к курдам с воззванием, в котором говорил об исконной принадлежности оккупированных округов Турции, и предлагал, по словам Миллера, «энергично отражать всякие посягательства на них персов». Примечательно, что отход небольших турецких подразделений из Ирана сопровождался значительным увеличением числа грабежей и насилий со стороны курдских отрядов. По утверждению Миллера, «в этих ограблениях видна преднамеренность. Подозреваю, что шек-как следуют инструкции, данной им уезжавшим Явером»¹¹⁶.

После младотурецкой революции методы осуществления турецкой агрессии в Иранском Курдистане изменились. Теперь основной упор делался на использование не столько турецких, сколько иранских курдов. Турция начала осуществлять против своего восточного соседа вместо «внешней» агрессии «внутреннюю». Турецкие правящие круги рассчитывали при этом отвести от себя обвинения в открытой интервенции против Ирана, которые грозили крупными внешнеполитическими осложнениями, а также привлечь на свою сторону иранские племена с целью объединения всего Курдистана под властью Турции. Последнее соображение было тем более веским, что, как показал опыт, открытое вмешательство турецких войск и турецких курдов в иранские дела не только не содействовало росту популярности турецкой власти в Иранском Курдистане, а скорее наоборот.

Многие курды пограничной полосы опасались установления над ними твердой и жестокой власти турецких угнетателей. Участились случаи обращения местных курдских вождей к русским консулам с просьбами о защите или покровительстве. В конце августа 1908 г., например, в российское вице-консульство в Урмии обратились ханы и беи курдских племен Барадоста, Тергевера, Дешта, Мергевера и Ушну, представлявшие свыше 3 тыс. семейств (в том числе Измаил-ага Симко, Сулейман-хан Манашли, Курдо-бек и др.), с просьбой о защите и разрешении сесть в бест в вице-консульстве.

Вице-консул Б. В. Миллер отказался принять курдских вождей в бест¹¹⁷. Его осторожная позиция объясняется нежеланием подавать повод для обострения отношений с Турцией.

«Несомненно,— писал Миллер,— положение вице-консульства в его отношениях к пограничным курдам крайне щекотливо, и я вполне понимаю необходимость соблюдать наибольшую степень осторожности»¹¹⁸. Вместе с тем Миллер не отклонил вовсе всякие попытки курдов вступить в сношения с российским вице-консульством, «так как это было бы несомненно истолковано и ими и турками как формальное признание нами турецкого владычества в занятых округах».

Эта осторожность (продиктованная в значительной степени сложной обстановкой в Западном Иране, где набирало силу революционное движение) помогла туркам привлечь курдскую верхушку пограничной полосы на свою сторону, использовать ее в своих захватнических планах. Задача турецких подстрекателей была значительно облегчена тем, что местные иранские власти, как правило, не только не оказывали поддержки некоторым курдским племенам (например, бекзадинцам), выступившим против турок, но по согласованию с русскими консулами советовали им оставаться спокойными и «не возбуждать никаких недоразумений с турками»¹¹⁹. Особым безразличием к турецким интригам среди курдских племен, граничившим с прямым пособничеством турецким захватам, отличался губернатор Урмии Мохташам ос-Салтане.

Между тем турки, не теряя времени, вели активную антииранскую агитацию среди курдов пограничной полосы. Переодетые турецкие солдаты и офицеры разъезжали по всему району, уговаривали население признать власть турецкого правительства и платить ему подати. Турецкие агенты награвливали курдов на иранское правительство и одновременно на местное христианское население с целью принудить его принять турецкое подданство¹²⁰. Правящие круги Турции, по словам Олферьева, открыто проповедовали необходимость «создать из сплоченной воедино курдской народности такую силу, которая служила бы для Турции не только оплотом в Малой Азии, но и облегчила бы для нее в будущем дело закрепления за собой Азербайджана»¹²¹.

Результаты подстрекательской деятельности турецких агентов среди иранских курдов не замедлили сказаться. Используя курдов, турки уже с ноября 1908 г. начали расширять оккупированную ранее территорию¹²². Особенно угрожающая обстановка сложилась в непосредственно прилегающей к оккупированной зоне Урмии. Здесь турецкая агентура вела интенсивную антирусскую агитацию среди местных курдов-суннитов и пыталась, по словам русского консула в Урмии, «из населения Курдистана образовать большую и сильную армию»¹²³. Эти действия сопровождались грабежами и разбоями. В Урмийский район под предлогом установления порядка были введены новые турецкие войска, которые

дошли до оз. Урмии. Наблюдатели отмечали, что турки намеревались захватить весь Урмийский район¹²⁴.

В конце мая 1909 г. турки спровоцировали нападение на Соуджбулак двух тысяч иранских курдов из племен мамаш и мангур под предводительством Хамзе-Солеймана и Баязид-аги. Курды имели даже артиллерию. Появилась угроза занятия ими всего района Соуджбулак — Миандооба — Мараги. Нападение сопровождалось жестокостями по отношению к местному населению, особенно к христианскому, и русским подданным, владевшим в окрестностях Соуджбулака значительной недвижимостью. Только благодаря энергичным мерам, предпринятым марагинским губернатором Шоджа од-Доуле (известным как ревностный сторонник России), курды вынуждены были отступить от Миандооба и Соуджбулака¹²⁵. Однако и после этого в течение долгого времени протурецки настроенные курдские племена хозяйничали в окрестностях Соуджбулака¹²⁶.

Керим-хан, наиболее влиятельный и богатый вождь племени харки, был назначен турками правителем Мергевеверского, Барандузского и Дештебильского округов. Его отряды терроризировали население, вынуждая его к покорности турецким властям¹²⁷.

Наибольшие услуги туркам оказал шейх Абдул-Кадыр, незадолго до описываемых событий специально посланный из Стамбула в Курдистан, чтобы отговорить турецких курдов переселяться в Иран. Возглавив после младотурецкой революции антиправительственную оппозицию курдских вождей, ориентировавшуюся на Россию, он вскоре из тактических соображений примирился с иттихадистами и после отказа России от сотрудничества с курдами стал одним из самых русофобски настроенных курдских лидеров и главным вдохновителем протурецкого движения среди иранских курдов. Обладая большим авторитетом среди курдской знати, он сумел сплотить вокруг себя значительную часть племен пограничной полосы. Впервые в пределах Иранского Курдистана (в Деште) Абдул-Кадыр появился в конце ноября 1909 г. с отрядом хамидийцев. Он заставлял население пограничной полосы принимать турецкое подданство, а в случае сопротивления жителей разрешил курдским вождям грабить их и выгонять из деревень. Абдул-Кадыр предложил губернатору Урмии свои услуги для борьбы против шахского правительства. Хотя губернатор отклонил его предложения, Абдул-Кадыру удалось восстановить против иранского правительства большинство урмийских курдов¹²⁸. «Приезд в Урмию шейха Абдул-Кадыра,— сообщал штаб КВО,— принес туркам большую пользу, так как в конце концов он сумел повлиять на курдов и внушить им, что от русских помощи они все равно не получают, вследствие чего курдские беки, ко-

которые чуть ли не еженедельно вели переписку с нашим вице-консульством, теперь совершенно прекратили ее»¹²⁹. Абдул-Кадыр подчинил своему влиянию и привлек на сторону Турции почти всех бекзадинцев и даже часть шеккаков, которые были известны своим враждебным отношением к Турции¹³⁰.

На сторону турок перешли и другие курдские вожди пограничных районов Иранского Курдистана — Мир-Мамед, Темир-ага и Курдо-бек, давшие в свое время дехалет туркам. Темир-ага, ярый сторонник турок, по словам вице-консула в Урмии Преображенского, «является бичом Сомайской округи и Салмасской дороги»¹³¹. В начале июля 1910 г., например, Темир-ага и Курбо-бек полностью разгромили селение Сенгер, отказавшееся признать турецкую власть. Перед нападением на это селение они имели свидание с турецким консулом и действовали по его указанию. «Не подлежит сомнению, — писал Извольский, — что путем систематического подстрекательства курдов к бесчинствам турки вымогают дехалеты у доведенного до отчаяния местного населения»¹³². Наблюдатели отмечали, что турки были непосредственно заинтересованы в терроризировании местного населения. Генконсул в Тебризе писал: «Вслед за курдами двигаются турецкие войска, занимающие разграбленные селения под предлогом защиты от курдов»¹³³. «Курды сделали орудием в их (турок. — М. Л.) руках для проведения в жизнь своих политических целей», — отмечал вице-консул в Урмии¹³⁴.

В своей экспансионистской политике в пограничных районах Иранского Курдистана Турция использовала и отдельных представителей шахской администрации. Особенно большую услугу, как уже отмечалось, оказал туркам губернатор Урмии Мохташам ос-Салтане своим нежеланием принять решительные меры против своеволия отдельных курдских вождей. Чего стоило хотя бы решение Мохташама поручить охрану порядка в окрестностях Урмии... курдским вождям, которые получили к тому же право брать различные поборы с охраняемых ими селений. Естественно, что результатом явилось увеличение беспорядков в Урмийском районе¹³⁵.

Мохташам сознательно потворствовал беспорядкам в Урмии, Хое и Салмассе с целью побудить население искать защиту у турок. Это позволило туркам вновь приступить к увеличению своих войск в спорной полосе. Поведение иранского губернатора, писал вице-консул в Урмии, приведет к тому, что «доведенное до отчаяния население, потерявшее всякую надежду на помощь откуда-либо, рано или поздно принуждено будет искать спасения у турок, истинных хозяев края»¹³⁶. Деятельность Мохташама ос-Салтане можно квалифицировать не только как полную неспособность управлять краем, но и как прямую измену своему правительству.

Он, например, убеждал местных помещиков подчиниться турецким военным властям, иногда и подстрекал курдов грабить христианские селения¹³⁷.

В сентябре 1910 г. Мохташам ос-Салтане был отстранен от своей должности. На время в крае воцарилось относительно спокойствие. Новый губернатор Эджлаль оль-Мольк начал действовать весьма энергично, особенно преследуя дехалетчиков. Однако уже через несколько месяцев все пошло по-старому: бессильная и прогнившая иранская администрация оказалась неспособной противостоять турецким пронкам. В распоряжении губернатора Урмии было всего 2 тыс. солдат. Как писал Голубинов, Эджлаль оль-Мольк «заявил, что он предоставляет России решение дальнейшей судьбы Урмии»¹³⁸.

Поведение макинского сердара Муртаза Кули-хана Эгбаль ос-Салтане также было на руку турецким захватчикам. Маленькое ханство Маку, расположенное в крайней северо-западной части Ирана и занимавшее важное стратегическое положение на стыке границ Ирана, Турции и России, только формально входило в его состав. Сердар, жестокий деспот и реакционер, опирался на курдских ханов, с помощью которых он держал в подчинении и беспощадно угнетал коренное азербайджанское население¹³⁹. Он был ярый враг иранской революции и опора всех контрреволюционных сил в Иранском Азербайджане. Турки были весьма заинтересованы в привлечении макинского сердара на свою сторону; последний же стремился заручиться их поддержкой для борьбы с растущим революционным движением в самом ханстве и в прилегающих к нему районах. Он вступил в сношения с вождями турецких курдов и начал усиленно приглашать их в Макинское ханство с целью, как писал генконсул в Тебризе, «обезопасить себя от прихода персидских революционных войск и в случае надобности угрожать азербайджанскому правителю». Турки всемерно поощряли эту деятельность сердара, «могущую создать затруднения и нам»¹⁴⁰. В то же время сложная обстановка на турецко-иранской границе в рассматриваемые годы позволяла сердару лавировать (иногда не без успеха) между Ираном, Турцией и Россией, опираясь то на иранских, то на турецких курдов. В результате Макинское ханство становилось ареной турецко-иранских и русско-турецких противоречий, а макинский вопрос накануне первой мировой войны приобрел большую остроту.

Организаторами всей подрывной работы в пограничных районах Иранского Курдистана были турецкие консулы в Урмии, Хое, Салмассе и в других больших и малых пунктах «спорной» полосы. Турецкое консульство в Урмии стало штабом всей протурецкой деятельности среди иранских курдов. Русский вице-консул в Урмии писал: «Участие моего турец-

кого коллеги во всех курдских безобразиях несомненно. Очевидно, он снабжен в этом отношении очень определенными инструкциями»¹⁴¹.

Среди других турецких агентов в Иранском Курдистане выделился консульский агент в Урмии Питер Эллоу (известный также под именем Ага Петроса), находившийся на турецкой службе, выходец из Канады, за которым на родине числилось немало уголовных деяний. Этот авантюрист и проходимец считался одним из наиболее активных агитаторов, действовавших среди иранских курдов. Он оказал значительные услуги турецким интервентам. Недаром Извольский настойчиво требовал, чтобы британское правительство добивалось от Порты его высылки и выдачи¹⁴².

Тактика и стратегия младотурецких экспансионистов, стремившихся к захвату Иранского Курдистана, была настолько ясна, что разгадать ее не составляло никакого труда. Исполняющий обязанности начальника штаба Кавказского военного округа генерал Юденич писал: «План турок, видимо, состоит в следующем: они подстрекают курдов грабить селения, не желающие принять турецкое подданство, для того, чтобы жители, доведенные до отчаяния и не видящие поддержки со стороны русских, обратились за помощью к туркам. Когда они добьются этого, то заявят, что Урмийский округ они не захватили, а сами жители просили турецкого покровительства. План этот приводится в исполнение с большой настойчивостью, причем исполнителем этого плана является также и губернатор, подкупленный турками... Селения, принявшие турецкое покровительство, не подвергаются нападению курдов»¹⁴³.

То, что курдский вопрос составлял главное содержание турецкой агрессии против Ирана, подтверждал и вице-консул в Ване Олферьев, наблюдавший события, так сказать, с другой стороны границы. «Помимо всяких заманчивых перспектив и иллюзий,— писал он,— связанных с мечтами о торжестве турецкого оружия в Персии и на Кавказе, младотурки питают в настоящую минуту великие надежды на то, что персидские курды, с усилением военных сил в Ванском округе, добровольно признают себя турецкими подданными и помогут Турции наложить руку на весь Персидский Курдистан. Отношения между курдами и турками ныне вполне наладились, так как первым обещаны всякие милости, на их грабежи закрывают глаза и им не скупятся раздать деньги и оружие, особенно в Персии. На это следует обратить особое внимание, ибо, по имеющимся у меня сведениям, престиж Турции в Персидском Курдистане крепнет изо дня в день»¹⁴⁴.

Сами турки не скрывали того, что курды являются их главной опорой в пограничном «споре» с Ираном. Терлецкий,

объездивший турецко-иранскую пограничную полосу во второй половине 1910 и начале 1911 г., приводил в своем отчете высказывания турецких военных властей, сводившиеся к тому, что «для овладения „спорной полосой“ и даже всем Ираном теперь войск больших вовсе не нужно, но чтобы закрепить за собой страну, надо действовать иначе, надо привлечь на свою сторону симпатии курдов, дав им разумную власть, создав для них условия, при которых они могли бы использовать естественные богатства своей страны, дать им безопасные пути сообщения и приобщить их, таким образом, к жизни всей Оттоманской империи».

По словам Терлецкого, отношение курдских вождей в захваченных турками районах пограничной полосы к иранскому правительству «в большинстве случаев самое пренебрежительное» и они часто меняют теперь свой персидский титул «хан» на турецкий «ага» или «бей». «Курды,— писал он далее,— несмотря на любовь к независимости, прекрасно понимают, что такое „власть“, и уважают ее чрезвычайно. Находясь между двумя государствами, постоянно претендовавшими на их земли, они, благодаря несложной политике, могли сохранить свою независимость или по крайней мере отстранить вмешательство в свои внутренние дела, но теперь, когда одно государство клонится к полному разложению, а другое, напротив, проявляет все признаки государства возрождающегося и крепнущего, курдам уже придется забыть о временных переходах в подчинение то к персам, то к туркам и остановиться на последних окончательно. Курды это осознали и, не видя поддержки ниоткуда (они много возлагали надежд на Россию), подчиняются теперь туркам без сопротивления, изучают их язык и спешат усвоить османскую цивилизацию»¹⁴⁵.

Терлецкий, как будет показано дальше, без достаточных оснований явно переоценил силу «возрождающего и крепнущего» турецкого государства и успехи турецкой политики среди курдов.

Политика турецких властей в оккупированных районах Иранского Курдистана определялась всецело аннексионистскими планами. Здесь вводилась турецкая гражданская администрация, которая приступила к переписи населения, завела кадастровые книги, ввела турецкую налоговую систему¹⁴⁶. Эти районы, первоначально названные «невахийе джедиде» (новые уезды), были переименованы в «невахийе шаркийе» (восточные уезды).

Мероприятия турецкой администрации в области социально-экономических отношений имели вполне определенную целенаправленность: создать себе опору в лице безусловно преданных турецкому правительству курдских феодалов и подорвать позиции и влияние той прослойки помещиков, эко-

номические и политические интересы которых по разным причинам издавна были связаны с иранской государственностью.

Турки всемерно поощряли создание в пограничных районах Ирана класса землевладельцев из турецких курдов, прибегая к различным средствам. Турецкие военные и гражданские власти поощряли аренду курдскими беями и шейхами принадлежащих иранским помещикам имений как в непосредственно оккупированных районах, так и в соседних. Часто турки просто отбирали поместья у местных помещиков и передавали их своим фаворитам из курдской знати. В частности, несколько имений, несмотря на сопротивление местных помещиков, получил вождь мангур Хамзе-Солейман¹⁴⁷. Особенно много деревень было захвачено протурецки настроенными курдами в Барадосте, Тергевере и близлежащих местах под тем предлогом, что эти поместья принадлежали им еще до похода Обейдуллы. Практиковался и такой метод, когда турецкие офицеры в сопровождении воинских команд объезжали курдских вождей и вынуждали их подписывать «мазбата» (протоколы), в которых говорилось, что они довольны турецким управлением, что принадлежащие им земли являются действительно турецкими и т. д. Впоследствии это давало туркам возможность утверждать, что население одобрило их действия¹⁴⁸.

От всех этих мероприятий турецких оккупационных властей выиграли в основном только крупные курдские феодалы турецкого происхождения, вроде Абдул-Кадыра и ему подобных, издавна претендовавшие на земли в Иране. В то же время иранские помещики и мелкие курдские ага были непосредственно ущемлены произволом турок и открыто выражали свое недовольство новыми порядками. «...Именно здесь кроется источник возможных осложнений для турок», — писал по этому поводу Минорский, посетивший пограничную полосу в 1911 г.¹⁴⁹

Недовольство турецкой властью иранских помещиков, а также многих средних и мелких курдских беев, особенно иранского происхождения и шиитов по религии, происходило еще из-за того, что турки, стремясь ослабить влияние этой прослойки и одновременно заручиться поддержкой населения края, декларировали мероприятия, призванные якобы облегчить положение крестьянства. Власти, например, обещали в ряде районов, в частности в приурмийских, не взыскивать «малнат» (подати) с райи в течение нескольких лет¹⁵⁰.

Это давало повод некоторым наблюдателям делать необоснованные выводы о защите турками интересов крестьянства, об «уравнительных» тенденциях в их аграрной политике и т. п. Даже В. Ф. Минорский, наиболее компетентный и осведомленный свидетель, допустил эту ошибку. «Судя по

моим наблюдениям в 1911 г. во время турецкой оккупации Персидского Курдистана, — писал он в своем очерке „Турецко-персидская граница“, — турки вполне отдают себе отчет в противоположности интересов курдских ханов и их райетов и, открыто становясь на сторону последних, вероятно, смогут существенно затормозить в будущем развитие курдского движения»¹⁵¹.

В действительности декларированные турками в демагогических целях реформы остались на бумаге, гнет новых помещиков был ничуть не меньше гнета старых иранских феодалов. Более того, трудовое население оккупированных районов жестоко страдало от поборов, реквизиций и произвола турецких властей, не говоря уже о полном отсутствии безопасности и порядка в пограничной полосе. В силу указанных причин основные группы населения в захваченных турками районах, каждая исходя из своих интересов, были настроены против турецких оккупантов.

Достаточно убедительны, к примеру, свидетельства Минорского и британского представителя Шипле, специально изучавших положение в пограничной полосе. «Мы убедились, — писали они в своем совместном отчете, — что управление турок вообще не пользуется популярностью среди их новых подданных... Господствующим настроением по отношению к новому режиму, в особенности среди феодалов-землевладельцев и их приближенных, является общее недовольство... Присутствие турецких войск, тяжесть которого главным образом ложится на крестьян, является причиной многих жалоб»¹⁵².

По мере укрепления турецкого режима в пограничных районах Иранского Курдистана росла и вражда местного населения к новой власти. Самым неприятным для турок являлось то обстоятельство, что в эту оппозицию вовлекались не только курдские массы, мелкие и средние ханы, но и некоторые крупные феодалы, пользовавшиеся значительным влиянием по обе стороны границы. Последние пытались собирать доходы с тех земель, которые были заняты турками, из-за чего происходили многочисленные инциденты¹⁵³. Позиции турецких оккупантов подрывала и борьба между курдскими племенами, обострявшаяся с каждым месяцем вследствие появления здесь выходцев из Турецкого Курдистана, пользовавшихся предпочтительным вниманием и прямой поддержкой турецкой администрации.

Антитурецкую оппозицию среди курдов пограничной полосы возглавили Бадр-хан, вождь бекзадинцев, и Пиро-бек из племени харки. Несмотря на уговоры и угрозы Абдул-Кадыра, они еще в начале 1910 г. открыто высказались против установления турецкого господства над Иранским Курдистаном и выражали солидарность с иранским правительством.

вом. С этого же времени они вступили в контакт с русским вице-консульством в Урмии, ходатайствуя о покровительстве России¹⁵⁴. Бадр-хан, писал вице-консул Преображенский, «пропагандирует среди бекзадинских начальников идею, что лучше всего курдам жилось бы под русским владычеством». С жалобами на турок и с просьбами о покровительстве в русское вице-консульство обращались также курдские вожди из Мергевера Абдулла-бей и Абдаль-хан. Их обращение поддержал Бадр-хан, заявив вице-консулу, что, если бы оно было удовлетворено, многие бекзадинские племена «стали бы самыми преданными слугами русского правительства». С подобными же просьбами обращались карапахи из Сулдуза¹⁵⁵. «Идея о переходе из персидского в русское подданство,— писал вице-консул,— вообще очень популярна в Урмии. Нисколько не сомневаясь, я могу утвердительно сказать, что почти вся Урмия, за исключением немногих клевретов Мухташамус-Салтанэ, членов пресловутых энджоменов, все почти помещики и купцы, все без исключения христианское население считает единственным для себя спасением от окончательного разорения переход в русское подданство. Зная, что осуществление их желания недостижимо, они все стремятся добиться покровительства нашего правительства»¹⁵⁶.

Стремление населения пограничных районов Ирана, в том числе и курдов, добиться покровительства наблюдатели справедливо объясняли слабостью иранской власти, полностью дискредитировавшей себя в глазах населения неспособностью противостоять внешней агрессии и обеспечить своим подданным элементарную безопасность. «Явись на место турок кто-либо другой, более сильный и, что еще важнее, более справедливый и энергичный,— писал Преображенский из Урмии,— и курды их немедленно оставят и пойдут за тем, кто проявит большую силу и ловкость, качество вообще очень уважаемое и ценимое курдами»¹⁵⁷.

Курды не ограничивались пассивным протестом против захватнической политики Турции, выразившимся в растущем стремлении перейти под покровительство России. Уже с середины 1910 г. среди них замечалось брожение, направленное против турецкого режима. В конце июня 1910 г. в Соме под руководством Темира Джанго (к которому присоединились Симко и Омар-бей) произошло вооруженное выступление курдов против турок. Попытки турок водворить порядок еще больше восстановили курдов против них. В конце 1910 г. столкновения курдов с турками произошли и в других районах Северо-Западного Ирана. «Курды сильно озлоблены на турок, их симпатии клонятся на нашу сторону»¹⁵⁸,— писал Олферьев в октябре 1911 г. о положении на границе.

Еще больше подлила масла в огонь междоусобная борьба, вспыхнувшая в начале лета 1911 г. между Абдул-Кадыром и его племянником — шемдинанским шейхом Та, начавшим совершать регулярные опустошительные набеги на пограничную полосу с целью подчинения себе тамошних курдов. В эту распрю были вовлечены бекзадинцы, шеккаки и некоторые другие племена, поддерживавшие в зависимости от обстоятельств то Абдул-Кадыра, то его противника. Большинство шеккаков, однако, отказались следовать за Абдул-Кадыром; их вожди открыто заявили, что они предпочитают иранское владычество турецкому и не согласны признать Сомай турецкой территорией¹⁵⁹.

Турки сначала поддерживали Абдул-Кадыра, а потом, опасаясь усиления его влияния на иранских курдов, стали помогать шейху Та, который был хотя и менее влиятелен, но зато более богат¹⁶⁰. В результате такого лавирования турецкое влияние значительно ослабло среди пограничных курдских племен: убедившись, что политика турок имеет двурушнический, своекорыстный характер, им перестали доверять. От Турции начали отворачиваться даже самые верные ее приверженцы, как, например, Питер Эллоу, который быстро переменял ориентацию и начал доставлять русскому вице-консульству в Урмии ценные сведения о турках¹⁶¹.

Наиболее сильного и опасного врага турки встретили в лице правителя Котура Измаил-ага Симко. Ханство Котур всегда было предметом воцелений турецких правящих кругов из-за своего важного стратегического положения. Несмотря на то что международные соглашения, увенчавшие русско-турецкую войну 1877—1878 гг. (Сан-Стефанский договор от 19 февраля 1878 г., русско-английское соглашение, заключенное в Лондоне 18/30 мая 1878 г., и статья 60 Берлинского трактата), ясно и недвусмысленно утверждали суверенитет Ирана над Котуром¹⁶², Турция мечтала захватить ханство. Но для этого нужно было привлечь на свою сторону вождя шеккаков Симко, полновластного хозяина Котура.

Осенью 1910 г. турки, успевшие захватить часть территории Котура, предложили Симко перейти в турецкое подданство, обещая ему взамен отдать в пожизненное управление Котур, Чехрик и Сомай. Симко, без труда разгадав истинные замыслы турок, решительно отверг это предложение и одновременно обратился к иранскому правительству через Эджлаль-оль-Молька с предложением оказать ему (Симко) помощь деньгами и оружием для борьбы против турецкой агрессии¹⁶³.

Не получив ответа от шахского правительства, которое меньше всего было способно организовать действенный отпор турецким интервентам, Симко начал партизанскую войну против турок¹⁶⁴.

Не рассчитывая на собственные силы, он обратился за поддержкой к России. 11 октября 1911 г. Симко отправил письмо русскому вице-консулу в Урмии, в котором говорилось: «Пользуясь внутренними беспорядками в Персии, турки вступили со мной в открытую борьбу... Теперь Персия находится под высоким покровительством России. Поэтому если другие государства пожелают захватить персидскую территорию, то Россия обязана не допустить подобных захватов. Прошу Вас оказать противодействие злему умыслу турок»¹⁶⁵.

«Вся наступательная политика турок в Урмийском округе зиждется исключительно на солидарности последних с курдами», — писал Голубинов¹⁶⁶. Но как раз этой «солидарности» и не получилось. Значительная часть курдов пограничной полосы, даже те, которые на первых порах помогали туркам, в конце концов начали отходить от них, уяснив себе, что турецкое нашествие ничего хорошего им не сулит. Это поставило под угрозу срыва турецкие планы отторжения от Ирана его курдских районов и объединения под эгидой Стамбула всего Курдистана.

Турецкие захватчики не желали примириться с явным провалом намерения сплотить вокруг себя иранских курдов. Особую тревогу внушал правящим кругам Турции рост прорусских настроений в Иранском Курдистане. Поэтому в начале 1911 г. они начали главное внимание уделять антирусской пропаганде среди курдов пограничной полосы, рассчитывая, что вражда к русским бросит курдов в объятия Турции.

«...Турки стремятся во что бы то ни стало настроить курдов во вред России и создать в Персии новую смуту для оправдания новых захватов», — писал Голубинов¹⁶⁷.

К антирусской агитации среди курдов были привлечены панисламисты, выходцы с Кавказа (Ахмед Агаев и другие). По словам Олферьева, они с помощью турецких властей «воспитывают в населении враждебные инстинкты против России, работают над объединением курдов и привлечением Персидского Курдистана в сферу турецкого влияния». На эти цели и на подкуп вождей иранских курдов расходовались деньги, отпущенные на реорганизацию хамидие¹⁶⁸.

В пограничной полосе турецкие власти начали раздавать курдам оружие, патроны, амуницию и открыто поощрять их к враждебным актам против представителей России в Иране и находившихся там русских войск¹⁶⁹. В результате подрывной деятельности турок возникали инциденты, самый крупный из которых произошел с сотником Бичераховым. 11 ноября 1911 г. при переходе из Хоя в Урмию команда казаков во главе с Бичераховым была атакована у Джемалабада курдами, среди которых находились и турец-

кие солдаты. Русские понесли потери, сам Бичерахов был ранен¹⁷⁰.

Большие надежды возлагали турецкие правящие круги на контрреволюционный мятеж Абу-ль-Фатх Мирзы Салара од-Доуле. Некоторые наблюдатели утверждали, что турки поддерживали иранских революционеров, чтобы причинить затруднения России, которая вместе с Англией участвовала в подавлении иранской революции¹⁷¹. То были поверхностные, а потому и неверные суждения. В действительности, как уже говорилось, Турция с самого начала иранской революции заняла по отношению к ней резко враждебную позицию. Турецкая реакция выступила против революционного движения в соседнем Иране не только из-за своей вражды к демократии вообще и стремления нейтрализовать революционизирующее влияние событий в Иране на Турцию, но и потому, что в случае успеха иранской революции реализация турецких захватнических планов в отношении Иранского Курдистана встретила бы еще большие трудности. Особую ненависть у турецких оккупантов вызвала деятельность в Иранском Курдистане и Азербайджане революционных энджуменов по установлению порядка в крае и борьба с насквозь прогнившей шахской администрацией.

В конце весны 1911 г. контрреволюционные силы в Иране значительно активизировались. На севере страны к походу на Тегеран готовился экс-шах Мохаммед-Али. На западе в его поддержку выступил его брат Салар од-Доуле (которого в Иране за его авантюризм прозвали «сумасшедший шах-заде»).

До появления в Иранском Курдистане Салар од-Доуле зиму 1910/11 г. провел в Турции. О его пребывании в Турции весьма интересные сведения, почерпнутые от руководителя дашнакской организации в Ване Ишхана, сообщил Олферьев. По словам Олферьева, с Саларом вели секретные переговоры члены комитета «Единение и прогресс». Его снабдили деньгами и поручили вести агитацию среди иранских курдов¹⁷² с целью подчинить себе весь Иранский Курдистан, а затем и Азербайджан. В случае удачи он должен был провозгласить себя шахом Ирана и признать протекторат Турции¹⁷³. Даже если это сообщение и не совсем точно, дальнейшие события свидетельствуют об открыто протурецкой направленности деятельности Салара.

В конце апреля 1911 г. Салар од-Доуле появился в северо-западных районах Иранского Курдистана. Сперва он направился в район Сулдуза и Соуджбулака, где посетил в сопровождении турецких военных и гражданских чинов курдские селения и имел многочисленные встречи с курдскими вождями. «По-видимому», — писал Миллер из Тебриза, — турки намерены воспользоваться им для набега под его пред-

водительством курдов на Азербайджан, дабы иметь повод вмешаться»¹⁷⁴.

Дальнейшая деятельность Салара отчасти подтверждает это предположение. Он начал собирать войско, значительная часть которого состояла из курдов Южного (Иракского) Курдистана. К Салару примкнули, в частности, шейх Мухаммед из племени джаф (4 тыс. всадников), шейх Мухаммед Хосров ибн Шейх Саид из племени зенгене (2 тыс. всадников)¹⁷⁵, Сердар-Мозаффер из племени кельхор (2 тыс. всадников). Кроме того, он усиленно вербовал себе сторонников из иранских курдов. В мае 1911 г. к нему присоединились около 2 тыс. мукринцев. Поговаривали о намерении Абдул-Кадыра поддержать движение Салара и о попытках последнего привлечь Симко¹⁷⁶.

Активную поддержку Салару все время оказывали турки. Турецкие офицеры командовали многими курдскими отрядами, входившими в его войско¹⁷⁷.

В течение мая — июня 1911 г. Салар объехал весь Иранский Курдистан. В Секкезе он заручился поддержкой многих курдских ханов. Оттуда он проследовал в Сенне в сопровождении большого отряда конных и пеших курдов. Там Салар объявил себя правителем всего Курдистана (в середине июля 1911 г.) и начал готовиться к походу на Тегеран¹⁷⁸ одновременно с Мохаммедом-Али, наступавшим на столицу с севера.

Однако на этом успехи Салара прекратились. Большинство племен Иранского Курдистана отказалось его поддержать, очевидно, разгадав, что он несет с собой турецкое ярмо. В организации отпора Салару приняли участие и иранские революционеры.

Первыми отшатнулись от Салара курдские ханы в Песве. Затем его стали покидать и мукринские курды. Дольше всех Салара поддерживали бекзадинцы, но и их ряды быстро таяли¹⁷⁹. Оставшись почти без войска¹⁸⁰, Салар од-Доуле вынужден был бежать в южные районы Иранского Курдистана, откуда он намеревался, собравшись с силами, предпринять новую попытку в ближайшем будущем объединить под своим началом всех курдов и двинуть их на Тегеран.

В конце июля 1911 г. Салар прибыл в Керманшах, а в середине августа занял без всякого сопротивления Хамадан. Однако на дальнейшее продвижение у него уже не хватило сил. Намерение Салара од-Доуле и стоявшей за ним Турции с первой же попытки захватить весь Иранский Курдистан и организовать контрреволюционный поход на Тегеран окончилось полной неудачей. То была одновременно и серьезная неудача Турции, ускорившая крах ее агрессивной политики в Иране.

УСИЛЕНИЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ДЕРЖАВ В ТУРЕЦКО-ИРАНСКИЙ КОНФЛИКТ

События, происходившие в пограничных районах Иранского Курдистана, привлекали самое пристальное внимание заинтересованных держав — России, Англии и Германии. Особенно были встревожены правящие круги царской России, видевшие в них угрозу как безопасности кавказской границы, так и своим интересам в Иране, в первую очередь в его северо-западных и западных районах.

Многие представители России на Ближнем Востоке давно уже били тревогу в связи с положением по ту сторону Аракса. В. Ф. Минорский в своем отчете о поездке в Макинское ханство еще в 1905 г. писал: «Для России Курдистан в обширном смысле, несмотря на кажущуюся удаленность, далеко не безразличен. Всякого рода изменения на территории Азербайджана, столь тесно связанного с Россией, для нас нежелательны. В этой пограничной с нами области для нас необходимо поддержание территориального status quo, а так как нарушению его могут прежде всего грозить турки, то мы должны по возможности изучать их и наблюдать за ними, помня, что всякий участок, отошедший от Персии к Турции, надо считать ускользнувшим от нашего мирного влияния»¹⁸¹.

Другой наблюдатель, Д. Беляев, указывал: «...Является излишним доказывать, насколько мы заинтересованы в том, чтобы процесс растворения края и подчинения его законной власти персидского правительства, способной оградить интересы нашей торговли и наших подданных, начался бы возможно скорее и шел без уклонения и остановок... Настоятельной задачей настоящего момента является локализация турецких захватов и ограничение их к югу от Урмийского озера хотя бы пределами, которые они заняли теперь»¹⁸². Начальник русской духовной миссии в Урмии архимандрит Сергей в связи с подрывной деятельностью турецкого консула среди местных курдов отмечал: «Престиж нашего великого государства падает не по годам, а по месяцам, отзывку бывшего русского величия здесь, в Урмии, в последнее время перенесся в Курдистан... Христиане Урмии и Курдистана... ждут спасения от России»¹⁸³.

Со своей стороны, вице-консул в Ване Олферьев писал: «Этот „курдский“ вопрос, далеко не безразличный для России в политическом и стратегическом отношениях, должен интересовать нас не менее, чем все другие в Турции»¹⁸⁴.

Всеобъемлющий анализ военно-стратегической направленности турецких захватов дала английская газета «Морнинг пост». «Турция за последние 6 лет, — писала она в начале 1912 г., — захватила 12 000 кв. миль (т. е. свыше 30 000 кв. км. — М. Л.) персидской территории и обеспечила

себе великолепный плацдарм для нападения на эриванскую границу. В прежнее время месопотамский корпус был совершенно отрезан горами Курдистана от северной армии на русской границе, а теперь турки в захваченной равнине Гадир-чая осуществили соединение корпуса, что дает им двойную силу. Вся персидская территория Урмии перерезана на отдельные куски, находящиеся под турецким обстрелом. На Берлинском конгрессе за Персией был обеспечен важный проход Котур, закрывающий город Хой, а теперь турки, нарушив дух договора, подобрались к этому городу гораздо ближе, чем если бы владели Котуром. Турки заняли все остальные горные перевалы и всюду расставили свои войска общим числом до 3000 человек, причем в любой момент эта сила может быть увеличена во много раз.

Турецкое движение, как видно с первого же взгляда на карту, чисто стратегического характера и направлено против России в самом уязвимом месте ее границы... Россия не может оставаться в бездействии при такой прямой и несомненной угрозе... Нельзя не признать, что граница России в Эриванской губернии теперь совершенно открыта для нападения»¹⁸⁵.

Россия, действительно, не осталась в бездействии. Ее правительство постепенно начало понимать серьезность положения в Иранском Курдистане. Как и следовало ожидать, первым забило тревогу военное ведомство. 25 июня 1910 г. военный министр Сухомлинов направил председателю Совета министров Столыпину специальное письмо, посвященное турецким захватам в Иране, в котором, в частности, говорилось: «Кроме невыгодного для нас влияния на возможную группировку турецкой армии при войне с Россией, захват турками персидской территории влечет за собой вообще нежелательное для нас усиление Турции за счет слабой Персии, а также отвечает давнишнему стремлению турецкого правительства объединить и окончательно подчинить своей власти все воинственные курдские племена, что возможно лишь при овладении персидским Курдистаном. Успех этого дела в значительной мере усилит военное могущество Оттоманской империи, так как вместо забот о поддержании спокойствия среди ненадежных курдских аширетов позволит извлечь из них большую пользу формированием дешево стоящей иррегулярной конницы из кочевых курдских племен»¹⁸⁶. Военный министр предлагал немедленно принять меры. Очевидно, назрел вопрос о выработке единого плана действий в отношении турецких захватов в Иранском Курдистане. Этому и было посвящено совещание представителей генштаба и Министерства иностранных дел, собравшееся 1 (14) марта 1911 г.

Главный специалист Военного министерства по курдскому вопросу генерал-майор Аверьянов, посвятив свое выступ-

ление стратегическим последствиям для России турецких захватов, указал и на важный политический момент: «Объединение курдов, — писал он, — могущее получиться в результате турецких захватов, также невыгодно для нас, и нам желательно всячески поддерживать среди них разъединение». Одновременно Аверьянов заявил, что он не верит в возможность России использовать курдов во время войны с Турцией.

Военный агент России в Турции генерал-майор Хольмсен, информируя участников совещания о реформе института хамидие, предложил в качестве главного средства влияния на курдов подкуп племенной верхушки деньгами.

Директор 1-го департамента, ведающего ближневосточными делами Министерства иностранных дел России В. О. Клемм, выразил сомнение в эффективности этой меры, свое выступление посвятил в основном выяснению вопроса, какими средствами можно воздействовать на Турцию. В первую очередь он считал необходимым заручиться дипломатической поддержкой Англии, которой «важно оказать давление на Турцию для решения в своих интересах вопроса о конечном участке Багдадской дороги». Хотя действия Англии, заметил Клемм, будут находиться «в прямой зависимости от того, удастся ли Германии самостоятельно сговориться с Турцией по вопросу о железной дороге», в настоящий момент можно рассчитывать на энергичную поддержку британской дипломатии¹⁸⁷.

Итоги совещания, которые подвел Клемм, сводились к следующему:

1. Турецкие захваты представляют для России несомненную опасность, так как «связывают оперативные действия Эриванского отряда и при известных условиях могут явиться прямой угрозой Закавказью».

2. «Нам нежелательно объединение курдов в смысле использования их во враждебных целях; наоборот, нам всеми возможными средствами следует повлиять на персидских курдов, чтобы отвлечь их от Турции; в этом случае надлежит действовать на шейхов и начальников аширетов. В связи с этим желательно расширить территориальные владения макинского хана».

3. На турок следует оказать сперва дипломатическое давление, организовав одновременно совместный объезд спорной полосы представителями России и Англии.

4. Следует возбудить через прессу в Персии патриотизм в связи с турецкой агрессией.

5. В случае неуспеха дипломатических мер русскими войсками должны быть заняты Хой и некоторые другие пункты.

6, 7 и 8 пункты предусматривали принятие мер по усилению русских позиций в Иранском Азербайджане, в том чис-

ле продолжение железной дороги до Хоя и Тебриза, увеличение персидской казачьей бригады и т. п.¹⁸⁸

Таким образом, Россия решила принять действенные меры по ограждению своих интересов в курдских землях и перейти от слов к делу. Правда, прямое вмешательство России должно было ограничиться одним Иранским Курдистаном, но и этого было немало.

Ознакомившись с результатами совещания, Сухомлинов вновь обратил внимание Столыпина в письме от 15 (28) апреля 1911 г. на опасность для России турецких захватов в Иранском Курдистане. «Занятие Турцией областей персидского Курдистана,—говорилось в письме,—даст ей возможность объединить под своей властью все курдские племена, что, с одной стороны, значительно повлияет на подъем военного могущества Османской империи, позволив ей использовать для своей армии воинственные племена курдов, а с другой—лишит нас возможности попытаться поднять восстание турецких курдов, действуя со стороны персидского Курдистана, успех каковой попытки, при благоприятных обстоятельствах, мог бы оказать огромное влияние на ослабление сосредоточивающейся против Закавказья турецкой армии».

В отношении южных районов пограничной полосы, где как раз в это время действовал Салар од-Доуле, причиняя большое беспокойство русским властям, Сухомлинов писал: «Занятие турками южной полосы, в пределах которой находятся важнейшие центры персидского Курдистана и проживают наиболее сильные и влиятельные аширеты персидских курдов, значительно облегчит Турции выполнение задачи объединения под своей властью всех курдов». Сухомлинов предложил провести возможно скорее четкое разграничение между Ираном и Турцией, причем граница должна быть проведена, по его мнению, насколько возможно западнее¹⁸⁹.

Выработав в общих чертах план действий в отношении турецких захватов в Иранском Курдистане, русское правительство незамедлительно приступило к его реализации.

Одна из первых задач, вставших в связи с этим, заключалась в необходимости усиления политического влияния России в Иранском Курдистане. Для этого, писал наместник на Кавказе Воронцов-Дашков Столыпину, необходимо позаботиться о скорейшем открытии русских консульств в Хое, и особенно в Соуджбулаке, «как в одном из важных пунктов для возможного воздействия на курдов в смысле привлечения их на нашу сторону, а равно для освещения положения турок в этой удаленной от нас персидской провинции и наблюдения отсюда за Сулдузом»¹⁹⁰. Об исключительном значении для России Соуджбулака как главного курдского центра в Иране, к которому примыкали владения шемдинанских шей-

хов, весьма влиятельных и почитаемых среди курдов, писал также и Терлецкий¹⁹¹.

Не менее серьезная проблема состояла в изыскании методов, при помощи которых Россия могла наиболее быстро и эффективно утвердить свои позиции в Иранском Курдистане. Здесь высказывались различные мнения. Голубинов, например, считал полезным активное вмешательство в межплеменные отношения, использование междоусобной борьбы турецких и иранских курдов. «Такое соперничество между персидскими и турецкими курдами вполне отвечает нашим интересам»¹⁹²,—утверждал он.

Посол в Турции Чарыков, напротив, полагал, что Россия должна добиваться своих целей преимущественно дипломатическим путем. «Относительно же воздействия на Турцию в Урмийском и других персидских вопросах,—писал он Извольскому,—представлялось бы нежелательным прибегать к участию курдов». Особенно решительно он отвергал мысль о возможности натравливания курдов против турецкого правительства. «Противоправительственная агитация среди курдов,—утверждал Чарыков,—дала бы Порте, между прочим, приличный предлог не только замедлить отзывание своих отрядов из персидских пределов, но даже усилить свои войска в северо-восточном Курдистане, что не соответствовало бы нашим интересам»¹⁹³. Посольство, таким образом, предлагало выбрать наиболее осторожный путь.

Минорский в своей записке о мерах противодействия турецким захватам в Иране, в общем, придерживался аналогичных взглядов. Агитация среди курдов, доказывал он, имела бы поверхностные результаты. Выступления курдов против турецкого правительства были бы полезны лишь при условии, что они дополняли бы операции наших войск. Самостоятельные же действия курдов, считал Минорский, дали бы туркам лишний предлог для оправдания своих захватов. В то же время Минорский обращал внимание на необходимость заручиться расположением курдских шейхов (Зембили, Юсуфа, Баба-Санда и др.), которые имели громадное влияние на «своих суеверных сородичей»¹⁹⁴.

Не было единства и во взглядах на то, на каких началах должна Россия основывать свои взаимоотношения с курдскими племенами, что нужно сделать для того, чтобы не допустить враждебных выступлений курдов против России и покровительствуемых ею христианских меньшинств. Кавказские власти предлагали осуществлять активное вмешательство во внутреннюю жизнь Иранского Курдистана. В своем письме министру иностранных дел Воронцов-Дашков одной из причин нападения курдов на сотника Бичерахова считал «нашу нерешительную политику в Константинополе и Персии». «Неотложно следует,—писал наместник,—выдвигать и мно-

жить силу наших отрядов в Хое и Марагу и упрочить свое влияние в Макинском ханстве». Воронцов-Дашков обрушился на посланника в Тегеране Поклевского-Козелла за то, что он из опасений столкновений с турками возражал против посылки в Хой и соседние районы русских войск. «Тем более протестую против совета его о дипломатической волоките в Константинополе». Надо не только говорить, утверждал Воронцов-Дашков, но и действовать, иначе неминуема потеря нашего престижа на Востоке. Для этого следовало послать отряд, который занял бы район Джульфа — Хой — Салмас, а также Марагу. «Без нашего решительного выступления и фактического занятия упомянутой территории движение турок вплотную перейдет к нашей границе»¹⁹⁵, — предупреждал царский наместник на Кавказе.

В другой телеграмме Воронцов-Дашков призывал скорее решить вопрос о спорной полосе, по крайней мере обозначить ее пределы. Он предлагал заставить турок признать в Урмийском районе «статус-кво», «то есть взаимно гарантировать право наше и турок находиться в занятых зонах и не вредить друг другу». Турки готовятся к войне с нами, утверждал наместник. «Если будет решено противодействовать захватам, — писал он, — то следует и нам немедленно приступить к таким же приготовлениям»¹⁹⁶.

Кавказские власти, таким образом, были убеждены, что неминуема скорая война с Турцией, и предлагали поэтому действовать решительно. Некоторые русские консулы в Иранском Курдистане придерживались таких же взглядов. Еще летом 1909 г. тогдашний российский вице-консул в Урмии Миллер использовал консульский конвой для наказания бекзадинцев, совершивших нападение на одно христианское селение¹⁹⁷. Архимандрит Сергей также считал необходимым чаще применять силу против курдов и в этих целях увеличить консульский конвой в Урмии¹⁹⁸. Голубинов в начале декабря 1911 г. отправил в деревню Сир для защиты местных христиан от курдских беев воинскую команду во главе с поручиком Ивановым. Произошло столкновение, в результате которого курды были выбиты из села, потеряв трех человек убитыми и двух ранеными¹⁹⁹.

Действия Голубинова вызвали резкое осуждение посланника в Иране Поклевского, сделавшего ему форменный выговор. «Вам не следует терять из виду цели консульские, — писал Поклевский Голубинову. — Ваш конвой предназначен исключительно для охраны вице-консульства и жизни и имущества русскоподданных в Урмии. Участие конвоя в каких-либо карательных экспедициях в окрестностях этого города недопустимо, так как может вовлечь нас в самые нежелательные осложнения, и Вы несколько не должны смущаться тем, что воздержание наше от активных выступле-

ний будет принято курдами за слабость. Вопрос же об усилении консульских конвоев в Персии решается министерством на основании заключения миссии, а никоим образом не путем непосредственных сношений между двумя отдельными консульствами»²⁰⁰.

Позиция Поклевского нашла полную поддержку в Министерстве иностранных дел. Клемм рекомендовал вице-консулу в Урмии быть крайне осторожным, избегать явных сношений с курдами, дабы не подвергать их мести турок; военные экспедиции следовало принимать лишь с разрешения посланника в Тегеране. «В задачи наши отнюдь не входит ответственность за спокойствие на всей Урмийской равнине, а только защита наших подданных и поддержание коммуникаций»²⁰¹, — писал Клемм. Через некоторое время Клемм снова предупредил Голубинова о необходимости быть осторожным и ни в коем случае не допускать во время «экспедиций и эскуаций» столкновения с курдами, за которыми почти всегда стояли турки. Открытый разрыв с последними «совершенно не соответствовал бы нашим видам»²⁰². Клемм сообщил также и вице-консулу в Хое, что «надо стараться не обострять с курдами отношений...»²⁰³.

Таким образом, в Петербурге по-прежнему придерживались осторожного курса и не желали превращения курдского вопроса в камень преткновения между Россией и Турцией.

Однако в отношении пограничного с Россией ханства Маку и других прилегающих к русской границе районов Северо-Западного Ирана правящие круги царской России не склонны были идти ни на какие уступки. «Лишь при нейтральности Маку, — писал Минорский еще в 1905 г., — возможно сберечь массу сил, необходимых для охраны Эриванской границы на случай курдского вторжения». Указывая на стратегическое значение Макинского ханства, а также на его роль как центра торговых путей, Минорский отмечал: «Убеждение мое после поездки в Маку таково, что ханство, столь близко примыкающее географически к нашим пределам и связанное во всех отношениях теснее с Закавказьем, чем даже, например, с Хоем, неизбежно попадет под наше сильнейшее влияние, если только мы приложим к этому какие-нибудь старания. Соседями же ни в коем случае нельзя пренебрегать»²⁰⁴.

Политика России в Макинском ханстве преследовала две основные цели: во-первых, обеспечить полную лояльность правящей верхушки ханства и, во-вторых, сохранить его территориальную целостность от покушения со стороны турок и послушных им курдских вождей. Первая задача была тем более важна, что еще в период русско-японской войны, когда на кавказской границе возникла угроза со стороны турок, сердар держался, с точки зрения русских интересов, далеко

не безупречно, давая многочисленные поводы подозревать его в связях с турками и панисламистскими агитаторами. Минорский писал, что он вынес впечатление «о недоброжелательном настроении сердара к России, особенно при настоящих обстоятельствах»²⁰⁵.

Правда, в последующие годы, когда внутреннее и внешнее положение России укрепилось, основания прямо подозревать сердара Муртаза Кули-хана в антирусских действиях исчезли. Русское правительство постаралось привлечь сердара и его окружение на свою сторону. К. П. Иванов предложил для воздействия на сердара использовать его родство с некоторыми эриванскими и нахичеванскими ханами²⁰⁶. Сам сердар в августе 1909 г. в связи с волнениями в ханстве обратился к России с просьбой о переходе в русское подданство или, если это невозможно, о покровительстве²⁰⁷. В ответ Чарыков предписал вице-консулу в Баязиде Михайлову, в ведении которого находилось и Маку, оказать Иззетулла-хану, племяннику Муртаза Кули-хана и наиболее влиятельному после сердара лицу в ханстве, и его родственникам «возможное покровительство и вообще расположение их в нашу сторону»²⁰⁸. Терлецкий, посетивший Маку год спустя, отметил тяготение макинской верхушки к России; по его словам, сердар ему сказал, что он может противостоять туркам, если будет уверен в полной поддержке русского правительства²⁰⁹.

Эту поддержку русское правительство охотно оказало. Сазонов предписал поверенному в делах в Константинополе Свечину «в самых энергичных выражениях указать министерству иностранных дел, что мы не можем равнодушно относиться к самовольным действиям турок на макинской границе вблизи нашей территории, подкрепив свое заявление формальным требованием немедленного прекращения наступательного движения в персидские пределы»²¹⁰.

Однако угроза Маку со стороны турок не миновала. Полевский уже в самом конце 1911 г. писал, что «особенно желательно» обезопасить от турецкой агрессии Макинское ханство и добиться отозвания турецких войск на запад от дороги Хой — Салмас — Урмия²¹¹. Воронцов-Дашков, со своей стороны, предложил отправить в Маку, где находилась всего одна казачья сотня, целый отряд в составе 1 стрелкового полка, 4 пушек, пулеметной команды и 2 сотен казаков. Кроме того, он предложил усилить отряд в Хое и ввести дополнительно войска в Северный Иран. Чарыков высказал такое же мнение²¹².

Итак, в руководящих сферах царской России наметился определенный поворот в сторону более энергичных действий в Северо-Западном Иране, что немедленно сказалось и на русско-турецких отношениях. Новым и чрезвычайно важным

фактором в этой ситуации явилось то, что России оказала поддержку Англия. Тем самым и эффективность шагов, принимаемых русской дипломатией в Стамбуле, была гораздо выше, чем тогда, когда Россия выступала перед Портой одна, без союзников.

Сразу после младотурецкой революции Россия усилила дипломатический нажим на Порту, требуя от нее прекратить захватнические действия в Иранском Курдистане. Новое турецкое правительство, желая, очевидно, заслужить доверие великих держав, на первых порах высказало готовность идти на большие уступки. В конце августа 1908 г. Зиновьев имел беседу с великим визирем Кямиль-пашой и министром иностранных дел Тевфик-пашой. В передаче Зиновьева турецкие государственные деятели сказали, что «не одобряют образа действий своих предшественников относительно Персии и намерены предписать пограничным военным властям очистить все местности, бесспорно принадлежащие Персии, а затем, что касается спорных местностей, или вступить в непосредственное соглашение с шахским правительством, или же прибегнуть к посредству России и Англии». Тевфик-паша обещал, что Тахир-паша будет заменен «более беспристрастным и благонадежным лицом»²¹³.

Очень скоро, однако, выяснилось, что эти уверения были фальшивыми. Младотурецкое правительство, убедившись, что его внутреннее и международное положение стабилизировалось, как отмечалось выше, взяло на вооружение старую абдулхамидовскую тактику проволок, уверток и оттяжек, под прикрытием которой оно продолжало проводить прежнюю агрессивную политику против своего восточного соседа.

Российское правительство с 1909 г. возобновило демарши перед Портой по пограничному вопросу. В июне 1909 г., например, Извольский по этому поводу сделал несколько представлений турецкому послу Турхан-паше. Порта каждый раз обещала, что турецкие войска не будут вмешиваться в иранские дела и не допустят антирусской агитации в пограничных районах Ирана, но упорно уклонялась от существа вопроса — прекращения наступательных операций и подрыва деятельности среди курдов²¹⁴.

Несмотря на то что Порта успешно выдерживала дипломатическое давление России, дело принимало неприятный для нее оборот. Турецкий посол в Лондоне запросил английское правительство, окажет ли оно помощь Турции в случае вмешательства России в турецко-иранский конфликт? Англичане ответили отрицательно²¹⁵. И действительно, в начале июля 1909 г. британский посол в Турции получил указание поддерживать все протесты России против турецких захватов²¹⁶.

Россия совместно с Англией продолжала оказывать на Порту дипломатический нажим по пограничному вопросу. В середине апреля 1910 г., например, русский и британский послы в Стамбуле сделали представление по поводу захвата турецкими войсками Урмии. Министр иностранных дел Турции Тевфик-паша оправдывал присутствие турецких войск в Иране необходимостью противодействовать грабегам и анархии²¹⁷.

Стремясь лишить турецкое правительство возможности прибегать ко всякого рода лживым аргументам, Сазонов предложил Чарыкову добиваться согласия Порты на выезд ее представителем с представителями России и Англии территории от Урмии до «несомненной» турецкой границы для выяснения действительного положения дел. Если турки уклонятся от этого предложения, писал Сазонов, выезд следует совершить только русским и английским представителями с сильным конвоем²¹⁸.

Одновременно русское правительство предприняло ряд демаршей перед Портой по поводу насилий, творимых захватчиками по отношению к христианскому населению и иностранным подданным в пограничных районах. Представление Чарыкова, сделанное в конце июля 1910 г., поддержали также британский посол и французский поверенный в делах²¹⁹. Министр иностранных дел Рифаат-паша вынужден был обещать, что турецкие подданные и лица, пользующиеся турецким покровительством, не будут больше производить насилий над христианами, в противном случае они будут строго наказаны²²⁰.

С момента возникновения турецко-иранского пограничного конфликта до 1910 г. Россия сделала Турции до 70 представлений, многие из которых поддержала и Англия, а результаты были не столь уж велики. Турецкое правительство, правда, вынуждено было в конце июня 1910 г. официально отказаться от притязаний на Урмию, Хой, Салмас и Соуджбулак²²¹. Кроме того, России удалось отстоять свои интересы в Маку. По словам Чарыкова, 25 июня 1910 г. он вручил турецкому министру иностранных дел «очень строгую записку о Маку. Министр, кажется, понял, что трогать это ханство нельзя»²²². Однако, официально делая уступки, турецкое правительство фактически, как уже было показано, продолжало совершать агрессивные действия в Иранском Курдистане. К тому же и эти уступки часто сопровождались такими оговорками, которые в значительной степени сводили их на нет.

Так, например, в ответ на представления России и Англии о положении в Урмии турецкое правительство заявило, что Урмийский район делится на три зоны: 1) безусловно иранскую, находящуюся вне сферы турецких притязаний;

2) временно занятую турецкими войсками, пока иранские власти не смогут сами поддерживать там порядок; 3) спорную пограничную зону, на которую турецкое правительство предъявит свои права при разграничительных работах²²³. Итак, турецкое правительство не только оправдывало свои незаконные действия в пограничной полосе, но и выговаривало себе право совершать их в будущем.

Действительно, хотя турецкое правительство и начало вывод своих войск с оккупированной территории Ирана, в конце 1910 г. турки еще занимали значительную часть Северо-Западного Ирана, захваченную в 1905—1908 гг.²²⁴, а главное, как уже говорилось, значительно усилили «внутреннюю агрессию», используя курдов. Даже осенью 1911 г., когда турецкая политика в Иране стала встречать все большие трудности внутреннего и внешнего порядка, инспирируемые турками курдские отряды продолжали бесчинствовать в некоторых районах Западного Ирана (в частности, в окрестностях Урмии и Энзели)²²⁵.

Поэтому в Петербурге постепенно начали приходить к мнению, что метод одного лишь дипломатического давления на Порту является недостаточным для окончательной ликвидации турецкой агрессии в Иранском Курдистане и Азербайджане. Особенно встревожилось русское правительство, когда из «секретного и вполне достоверного источника» получило сведения о том, что турки начали зондировать почву в Тегеране для выяснения возможности объединения с Ираном против их северного соседа. Этот зондаж находил благоприятные отклики в некоторых кругах иранской столицы. В связи с этим Сазонов писал в Стамбул, что России придется перейти от слов к делу. «Вам надо быть готовым к тому,— писал он,— что нам, рано или поздно, придется активно выступить в турецко-персидском пограничном споре, и притом не только для восстановления целостности персидской государственной территории, но и в видах ограждения весьма существенных наших интересов»²²⁶.

Одну из существенных причин далеко не полного успеха предпринятого по инициативе России дипломатического нажима на Турцию Сазонов с полным основанием приписывал тому, что поддержка со стороны британского правительства «не носила до сих пор достаточно энергичного характера, так как Лондонский кабинет считал себя в значительной мере связанным в этом вопросе присутствием наших войск в Персии». Совместная интервенция России и Англии в Иране с целью подавления революции привела к англо-русским трениям в этой стране. Англичане обещали России оказать более действенную поддержку в Стамбуле при условии вывода русских войск из некоторых районов, прилегающих к английской зоне в Иране.

Выполнив это требование, Сазонов был уверен, что дипломатический нажим на Турцию, возобновленный с новой силой, станет более эффективным²²⁷. Так оно и произошло, однако главное заключалось в том, что Россия при поддержке Англии и в соответствии с решением совещания от 1 марта 1911 г. перешла от слов к делу. А это уже ставило весь «пограничный» вопрос совсем на другую основу и служило залогом того, что Турция вынуждена будет уйти из Иранского Курдистана, что и случилось вскоре.

Неблагоприятной для экспансионистских замыслов младотурок в Иране оказалась в тот период и позиция Германии.

Интерес германских империалистов к курдам после младотурецкой революции еще больше возрос. Германские инструкторы, обосновавшиеся в Эрзинджане, были привлечены к реорганизации хамидие.

Немцы стали проявлять активность и в Иранском Азербайджане и Курдистане, районах безраздельного русского влияния, что вызвало в Петербурге большую озабоченность. Когда до Министерства иностранных дел дошли сведения, что известный в Тебризе германский агент Шюнеман собирается посетить районы Маранда, Хоя, Котура и Маку, Клемм отправил заведующему дипломатической канцелярией в Тифлисе специальное письмо, в котором рекомендовалось предупредить макинского хана, что эта поездка крайне нежелательна. За Шюнеманом надо, писал Клемм, под предлогом обеспечения его безопасности учредить строгий надзор, не допуская его общения с местным населением²²⁸.

В первое время после младотурецкого переворота 23 июля 1908 г. Германия продолжала поддерживать Турцию в ее агрессии против Ирана. Согласно сведениям Зиновьева, статс-секретарь по иностранным делам фон Шён заявил турецкому послу в Берлине Осману Низами-паше, что турецких войск, посланных в Урмию для поддержания порядка и в том числе для обеспечения безопасности германских подданных, оказалось недостаточно; увеличить их число, сказал он, требует также местное население, недовольное вступлением русского отряда на территорию Иранского Азербайджана; поэтому германское правительство советовало Порте принять соответствующие меры. Турецкому послу было поручено заявить фон Шёну, что в Урмию посылаются еще два батальона²²⁹.

Однако вскоре Германия вынуждена была резко изменить свое отношение к турецкой интервенции в Иранском Курдистане, когда она увидела, что Россия и Англия готовы перейти от малопродуктивной бомбардировки Порты нотами к непосредственному вмешательству в турецко-иранский конфликт, а Россия начала вводить в Северный Иран войска, и не только для подавления революции, но и для

противодействия турецкой агрессии. В Берлине поняли, что дальнейшие захваты Турции в Иране могут привести к включению всего этого района в безраздельную сферу британского и русского влияния. Чтобы сохранить свои экономические и политические позиции в Иране, Германия решила временно (как показали дальнейшие события) пожертвовать интересами своего ближневосточного друга — Турции. Однако была еще одна причина, по которой Германия изменила свою позицию в турецко-иранском пограничном конфликте. Германская дипломатия решила использовать этот вопрос для того, чтобы попытаться ослабить англо-русский союз, хотя бы на Ближнем Востоке. Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Эренталь считал, что примирение Турции с Ираном вобьет клин между Англией и Россией²³⁰. Хальгартен справедливо заметил: «Во время балканских кризисов 1907—1909 годов Германия была озабочена в первую очередь тем, чтобы утвердиться в Турции и строить Багдадскую железную дорогу. В результате политика Германии в отношении Персии скорее активизировалась, нежели ослабла. Дело в том, что усиление германской экспансии на Востоке давало возможность немецкой дипломатии ценой отказа от Персии добиться от русских весьма существенных контруступок»²³¹. С последних месяцев 1910 г. Германия и присоединившаяся к ней в этом вопросе Австрия стали оказывать давление на Турцию с целью заставить ее прекратить агрессивную политику в Иране. Случай официально отмежеваться от Турции представился Германии во время приезда Николая II и Сазонова в Потсдам в ноябре 1910 г. Здесь германская дипломатия предприняла наиболее серьезную попытку оторвать Россию от Антанты и поэтому решила сделать приятные русскому правительству жесты. Один из них касался обязательства Германии признать Северный Иран сферой влияния России, в том числе в области железнодорожного строительства²³², другой был сделан в связи с турецко-иранским конфликтом. По словам Сазонова, ему были даны статс-секретарем Кидерлен-Вехтером во время обсуждения вопроса о турецких захватах в Иране «самые положительные заверения, что Германия в этом деле ни при чем и отнюдь не намерена поощрять турок или поддерживать их домогательства». Кидерлен-Вехтер решительно отверг справедливость высказанного турецким министром иностранных дел утверждения, что турецкие войска были двинуты в Урмию по просьбе германского правительства для защиты германской миссионерской школы. Николай II в связи с этим заявлением выразил полное удовлетворение²³³.

В конце декабря 1910 г. Сазонов обратил внимание германского посла в Петербурге Пурталеса на опасность политики территориальных захватов, которую проводит Турция в

отношении Ирана. Пурталес сообщил об этой беседе в Берлин, а оттуда послу Германии в Стамбуле Маршаллю фон Биберштейну было поручено сообщить Порте о неодобрении германским правительством турецкой агрессии. Несмотря на это, Сазонов предписал послу в Турции ни в коем случае не привлекать германского посла к совместным акциям России и Англии по этому вопросу²³⁴.

Осторожность русского министра иностранных дел была вполне обоснованна, ибо он не обольщался насчет истинных намерений Германии и не хотел давать ей лишнюю возможность вмешиваться во внутренние дела Турции и Ирана. Германия, конечно, не оставляла планов утвердить свое влияние среди курдов и делала это, как вскоре выяснилось, довольно успешно отнюдь не через официальные каналы. Тем не менее отказ Германии официально поддерживать турецкую политику в Иране и тем более осуждение немцами этой политики заметно ухудшило позиции Турции в конфликте с Ираном.

Таким образом, младотуркам не удалось решить оставленную им в наследство прежним режимом курдскую проблему ни во внутреннем, ни в международном плане. Напротив, в первые годы их правления курдский вопрос значительно обострился, осложнившись открытым вмешательством великих держав.

КУРДСКИЙ ВОПРОС В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Со второй половины 1911 г. в Турции значительно усилился кризис младотурецкого режима, против которого выступала довольно разнородная по своему социальному составу и отличающаяся проанглийской ориентацией партия «Свобода и согласие» («Хюрриет ве итиляф»). Эта партия, объединившая в своих рядах противников младотурецкого режима справа и слева, умело использовала разочарование народных масс иттихадистами, не выполнившими свои обещания. С другой стороны, империалистические державы, готовясь к предстоящей схватке за передел мира, решили воспользоваться провалом национальной политики иттихадистов и захватить некоторые «плохо лежавшие» провинции Османской империи. Близился полный раздел «оттоманского наследства».

В сентябре 1911 г. вспыхнула турецко-итальянская война, во время которой державы оказали поддержку итальянским империалистам. Турция потерпела поражение, потеряв свои последние североафриканские владения — Триполитанию и Киренаику. В день подписания итало-турецкого мирного договора (18 октября 1912 г.) начались военные действия между Турцией и балканскими государствами — Болгарией, Грецией, Сербией и Черногорией¹; турецкая армия была наголову разбита.

Поражения Турции в Триполитанской и Первой балканской войнах были вызваны в значительной степени отсутствием внутренней стабильности. В июле 1912 г. итиляфистам удалось свергнуть младотурецкий кабинет. Однако кратковременное правление итиляфистов, которые оказались ничуть не лучше своих предшественников, естественно, не облегчило тяжелого внутреннего и внешнего положения Османской империи.

КУРДЫ ВО ВРЕМЯ ТРИПОЛИТАНСКОЙ И БАЛКАНСКИХ ВОЙН

Курды отнеслись к войнам, которые вела Турция с Италией и балканскими государствами, с полным равнодушием. Особенно непопулярной была в глазах курдов Триполитанская война. Судьба отдаленной африканской провинции совершенно их не волновала. В Битлисском вилайете, например, потерпели неудачу попытки местного комитета «Единение и прогресс» пробудить патриотизм у курдского населения². В Ванском же вилайете курды, как и армяне, встретили с радостью весть о нападении Италии на Турцию, открыто выражая надежду на поражение последней³.

Во время Балканских войн курды также не поддерживали военные усилия империи. Они уклонялись от призыва в армию, а те из них, которые уже служили, отказывались отправляться на театр военных действий⁴. Вожди большинства курдских племен отвергали сотрудничество с турецкими властями в привлечении курдского населения к «защите отечества»⁵.

Более того, неудачи турецкой армии на фронтах вызывали ликование среди курдов. По признанию губернатора в Ване и комиссара на турецко-иранской границе Джабир-паша, ванские курды не отправили и 100 человек на войну. Курдское население наотрез отказывалось делать какие-либо пожертвования на военные нужды⁶.

Тяжелое положение, в котором находилась Турция в 1911—1912 гг., способствовало новому подъему курдского движения. Большое влияние на него оказала освободительная борьба других нетурецких народов Османской империи, особенно албанцев, которым удалось в результате всеобщего восстания 1912 г. свергнуть турецкое иго.

Триполитанская война не только обнаружила отсутствие у курдов османского патриотизма, но и привела к усилению их активной борьбы против младотурецкого режима. Курдская верхушка имела еще и дополнительные причины быть недовольной младотурками: временное заигрывание последних с дашнаками, по ее мнению, усиливало позиции армянских националистов на востоке Малой Азии. В действительности младотурецкие заправилы стремились лишь к разжиганию армяно-курдской вражды⁷, но в данном случае эта подстрекательская политика оборачивалась против них⁸. В результате все слои курдского общества включились в антииттихадистский фронт, образовавшийся в Турции во время Триполитанской войны.

Многие курдские вожди, в том числе члены рода Бадр-хана, примкнули к партии «Хюрриет ве итиляф». В Сиирте курды провалили на выборах кандидата комитета «Едине-

ние и прогресс» и выбрали в парламент сына Бадр-хана Хусейна. Власти объявили выборы недействительными и сместили мутесаррифа. Это вызвало большое недовольство населения. Чтобы предотвратить взрыв, власти стянули в Сиирт несколько батальонов⁹.

Младотурецкое правительство прилагало немало усилий, чтобы отвлечь курдов от оппозиционного движения. Эмиссары правительства не жалели сил, чтобы склонить курдское население к поддержке комитета «Единение и прогресс»¹⁰.

Одновременно в Стамбуле продолжали искать пути для упорядочения военной организации курдов. С целью усиления турецкой администрации в курдо-армянских вилайетах в начале 1912 г. правительство решило упразднить 66 полков хамидие (правда, многие из них числились скорее на бумаге). Вместо них предполагалось сформировать 24 полка, соединенные в 4 дивизии. В эти дивизии должны быть зачислены только те курды, которые обязывались содержать годную для службы строевую лошадь с седлом¹¹. Остальные положения реформы таковы: курды ежегодно призываются на учебные сборы, на время которых им будет выдаваться оружие. Командуют новыми курдскими полками только строевые офицеры регулярной кавалерии (конечно, турки), аширетные вожди назначаются только их помощниками. Один из взводных командиров — тоже офицер регулярной службы, остальные — курды. Унтер-офицеры готовятся в школах при штабах дивизий. Те курды, которые не соглашались на эти условия, обязаны отбывать воинскую повинность на общих основаниях в регулярных войсках¹².

Младотурецкому правительству, однако, не удалось провести в жизнь и эту реформу, ибо его власть над большинством курдского населения страны становилась с каждым месяцем все более номинальной. Курды, как правило, отказывались подчиняться турецким офицерам, затея с хафиф-суvari осталась фактически на бумаге¹³. Хамидие тоже теряли всякое военное значение, что подтвердили Триполитанская и Балканские войны. Намерение младотурок добиться лояльности курдов потерпело полную неудачу. «Теперешняя политика правительства (вернее, комитета) в Курдистане и Турецкой Армении заслуживает полного порицания и ведет к анархии»¹⁴, — писал Олферьев накануне итиляфистского переворота.

С осени 1911 г., когда вспыхнула Триполитанская война, среди курдов усилилась антиправительственная агитация. Особенно большой популярностью пользовалась листовка под названием «эв хвэли — хвэлийа мэйэ» («эта земля — наша земля»), имевшая хождение во всем Курдистане. В ней говорилось, что Битлисский и соседние с ним вилайеты при-

надлежат только курдам, турки совершенно не способны управлять Курдистаном и т. д. Распространением подобных листовок занимались многие курдские шейхи, в числе которых выделялся Сейид Али¹⁵.

Не прекращались и вооруженные выступления курдов. В Ванском вилайете, например, успешно сражался с турецкими карательными отрядами Сейид-бей. Партизанскую войну с турками вел Симко, причем не только на иранской, но и на турецкой территории¹⁶. В районах Сирта и Битлиса против правительственных войск выступил Кор-Хусейн-паша¹⁷.

Все эти выступления были разрозненными и не могли, конечно, привести к решающему успеху. Поэтому уже в начале 1912 г. Абдуррезак поставил вопрос об объединении всех антитурецких сил и организации всеобщего восстания курдов в Османской империи. Этому же вопросу было посвящено совещание некоторых влиятельных курдских вождей, состоявшееся в Эрзеруме в середине февраля 1912 г.¹⁸.

Объединения курдов против турецких угнетателей достичь тогда (как и в последующее время) не удалось. Зато росло влияние сторонников сближения с Россией. Наибольшей популярностью пользовалась Россия у езидов, али-илахов и других сектантов, подвергавшихся изопон веков особенно сильному угнетению. «Здесь езиды,— писал Олферьев,— истинные друзья России». Многие из них говорили по-русски; в богатых домах часто можно было увидеть царские портреты. Езиды говорили, что будут сражаться вместе с русскими против турок, «что русский падишах, наш царь, прикажет, то мы и будем делать»¹⁹.

Влияние России росло даже в самых отдаленных от нее районах Иракского Курдистана. Об этом свидетельствовало обращение к российскому генеральному консулу в Багдаде шейха курдского племени талабани Мухаммеда Али в середине декабря 1911 г. Мухаммед Али ходатайствовал о переходе племен талабани, даудие, зенгене и хамавенд, проживавших в санджаках Киркук и Сулеймания (всего 30 тыс. дымов), в русское подданство при сохранении за ними их земель. Шейх заверил генконсула, что русские войска, если они вступят в пределы Северного Ирака, встретят дружественный прием и полное содействие со стороны местных курдов²⁰. Заручиться покровительством России пытались также вожди пограничных шемдинанских курдов Мухаммед Садык и Муса-бей²¹.

Освободительное движение курдов было одним из важных факторов, усугубивших кризис младотурецкого режима и приведших к быстрому и безболезненному захвату власти итиляфистами.

Следовало бы ожидать, что курды окажут поддержку итиляфистскому правительству. Такое предположение казалось

тем более обоснованным, что итиляфисты во время борьбы за власть выступали за предоставление широких прав провинциям Османской империи, населенным национальными меньшинствами. Однако сразу же выяснилось, что все эти широковещательные обещания имели демагогический характер. Классовая природа турецкой правящей верхушки после прихода к кормилу правления партии «Хюрриет ве итиляф» практически не изменилась. К тому же и внешнеполитическая обстановка была крайне неблагоприятна для итиляфистского правительства Кямиль-паши, которому выпала незавидная доля пожинать плоды неудачных для Турции Триполитанской и Первой балканской войн, а также восстания в Албании. Глубокий внутренний и внешний кризис Османской империи продолжался и при итиляфистах, что, естественно, отразилось на положении в курдских вилайетах.

Итиляфисты приложили немало усилий, чтобы склонить курдов на свою сторону. Они разрешили организовать Курдскую лигу, в которую вступило 1700 человек²². В августе 1912 г. эмиссары правительства шейх Абдул-Баки и Мулла-Сейид совершили пропагандистскую поездку по всем курдским вилайетам, разъясняя курдам турецкую конституцию «с точки зрения ислама»²³. Не ограничиваясь одной агитацией, новое правительство решило принять меры политического и экономического характера.

Осенью 1912 г. власти Ванского, Битлисского и других восточных вилайетов Анатолии получили из Стамбула указание наладить во что бы то ни стало хорошие отношения с курдами, особенно с вождями племен. В Битлисском вилайете, писал Ширков, местные чиновники «стараясь все более и более привлечь на свою сторону курдов и их шейхов и обещают известным курдским грабителям места мудиров и каймакамов». В конце года вилайетскому начальству было повторено распоряжение о необходимости укрепления контактов с курдами²⁴. В это время ванским вали был назначен Иззет-бей, курд по национальности, который привез с собой из Стамбула одного из сыновей, Абдул-Кадыра, и старался заручиться поддержкой местных курдских беев²⁵.

Ошибочно полагая, что главной причиной волнений курдов являются земельные споры с армянами, вызванные поддержкой якобы младотурками притязаний последних на захваченные у них курдами во время погромов земли, Совет министров решил в сентябре 1912 г. организовать покупку правительством спорных земель и наделение ими безвозмездно всех безземельных армян, а также выкуп земли у лиц, незаконно захвативших ее, и возвращение этой земли бывшим владельцам. На эти мероприятия собирались ассигновать 100 тыс. лир; министерство финансов должно было изыскать в дальнейшем необходимые средства²⁶.

Эта затея окончилась полным крахом. Во-первых, вконец разоренная казна не могла выделить средств, во-вторых, курдские феодалы встретили в штыки реформу, расценивая ее как новое посягательство центрального правительства на свои права. На этой почве в ряде мест произошли столкновения. К концу 1912 г. правительство окончательно отказалось от проведения аграрной реформы, что, естественно, не способствовало улучшению курдо-армянских отношений. Итиляфисты не хотели (да и не могли) предпринять действенные меры для примирения курдов с армянами и на деле всегда поддерживали курдскую верхушку²⁷.

Было еще одно важное соображение, побудившее турецкие правящие круги привлекать на свою сторону курдов. Порта была не на шутку встревожена усилившимися в некоторых европейских столицах требованиями о проведении реформ в армянских вилайетах, которые могли повлечь новый взрыв армянского движения. Поэтому турецкие власти в восточных вилайетах начали усиленно инспирировать курдов, чтобы они в той или иной форме выразили протест против намечавшихся реформ в Турецкой Армении и, таким образом, сыграли на руку правительству²⁸.

С осени 1912 г. участились сообщения о нападениях курдов на армян; по этому поводу армянский патриарх и национальный совет в Стамбуле неоднократно делали представления Порте²⁹. Патриарх Аршаруни за полгода — с конца 1912 по середину 1913 г. — представил Порте 176 докладов, в которых описывались насилия над армянами, но все безрезультатно. В ответ власти инспирировали контрпротесты некоторых курдских националистов против заявления патриарха³⁰. Все наблюдатели отмечали, что преследования армян в Турции особенно усилились в связи с событиями в Македонии и Албании³¹. Крайне напряженное положение создалось в Ване, Адане, Сивасе, Эрзеруме, Битлисе³².

Этой ситуацией поспешили воспользоваться очутившиеся в оппозиции после июльского переворота 1912 г. итилядисты, которые, по утверждению турецкой газеты «Алемдар», направили в восточные вилайеты Турции своих эмиссаров с поручением натравливать курдов на армян с целью дискредитации итиляфистского правительства. По этому поводу шейх-уль-ислам (глава суннитского духовенства в Турции) выступил со специальной фетвой (посланием), в которой говорилось: «Из некоторых новейших происшествий следует, что злоумышленники объезжают в настоящее время азиатские вилайеты, населенные армянами, и, внушая хищные чувства, стараются вызвать враждебные действия между мусульманским и христианским населением»³³.

Не удивительно поэтому, что восточные районы Анатолии, где всегда было неспокойно, после небольшого переры-

ва вновь стали ареной насилий, смут, анархии на почве нового обострения армяно-курдских отношений. «Здесь курды,— справедливо замечал Ширков,— необходимы туркам как оплот против России»³⁴. Только в одном Ванском вилайете за 1912 год было убито 50 армян, 23 курда, 4 турка и 19 военных, ранено 10 человек, угнано 3040 голов скота, в том числе у армян — 2 тыс.³⁵.

Многочисленные инциденты и проявления национального антагонизма не изменили тенденцию к ослаблению курдо-армянской вражды в сравнении с эпохой «зулюма». Тем более, что истинная подоплека инцидентов была ясна большинству непредубежденных свидетелей, не исключая и самих армян. Например, епископ из Муша Нерсес Хорахонян писал католику Геворку V в октябре 1912 г.: «Напрасно обвиняют курдов, черкесов или других: корень зла и коварства — турецкое правительство; нет никакой разницы от того, какая партия возглавляет его — итихад или итиляф». Далее Хорахонян писал о потворстве властей курдским грабегам и о том, что откупщики налогов «под предлогом десятины грабят армянских и курдских крестьян»³⁶. А вот мнение армянского патриарха Завена Евгияна: «...Если среди курдских аширетов, особенно в Битлисском вилайете, встречаются такие, которых следует считать врагами армян, то другие относятся к армянам дружелюбно и готовы с ними идти рука об руку. Турецкое правительство, издавна подозрительно относившееся к армяно-курдской дружбе и не перестававшее принимать меры к возбуждению одной народности против другой, ныне, ввиду пробившегося наружу движения среди курдов, прилагает особенные усилия к тому, чтобы обратить остроту этого движения против армян»³⁷.

В Стамбуле особенно опасались влияния на курдов успехов национально-освободительного движения народов Европейской Турции, которым в результате Балканских войн удалось освободиться от турецкого ига. По сведениям начальника консульских конвоев в Иранском Азербайджане полковника Андриевского, турецкий комиссар на турецко-иранской границе Джабир-паша не раз выражал опасения, как бы курды не уготовили для турок «новую Албанию». Особое внимание обращали турецкие власти на положение в районе турецко-иранской границы, стремясь не допустить «заражения» пограничных и иранских курдов освободительными идеями. Поэтому большое внимание уделялось привлечению на сторону Турции вождей самых крупных и сильных пограничных племен — бекзаде и харки, а также эмигрировавших в Иран курдских лидеров³⁸. Насколько было заинтересовано турецкое правительство в поддержке курдской верхушки, показывает тот факт, что в конце 1912 г. султан даровал амнистию злейшему врагу Турции — Абдуррезаку,

а также шейху Та. Мутесарриф Джевдет-бей обратился к Абдуррезаку со специальным посланием, призывая его позабыть ссору с турецким правительством и отвернуться от России³⁹.

По сведениям русского посольства в Тегеране, Абдуррезак выразил готовность пойти навстречу турецким предложениям⁴⁰ при условии, что в Турции ему дадут участок земли и 2 тыс. лир «на первое обзаведение». Однако турецкое правительство, по-видимому, не доверяло Абдуррезаку, считая, что он слишком тесно связан с Россией. Его предложение было отвергнуто с мотивировкой, что Турция не хочет вызвать неудовольствие России⁴¹.

В планы турецкого правительства входило не только стремление затормозить развивающееся освободительное движение курдов. Играла роль и заинтересованность Стамбула в поддержке курдов в случае предполагавшегося в то время вооруженного вмешательства России в пользу балканских государств, которые воевали с Турцией.

Несмотря на попытки властей вновь натравить курдов на армян и курдофильские жесты итиляфистов, курдское освободительное движение в период их полугодового пребывания у власти отнюдь не угасло. Курды практически не видели разницы между правлением итиляфистов и иттихадистов.

Во второй половине 1912 г. наблюдался рост антитурецких настроений и одновременно резко усилилась ориентация на Россию. В Битлисском вилайете, отмечал русский наблюдатель, «в отношениях к своему настоящему законному правительству большинство курдов или совершенно равнодушно, не высказывая к нему ни преданности, ни особой ненависти, или же прямо враждебно». И хотя турецкие власти усиленно разжигают распри между племенами и не считают возможным «сорганизацию их для каких-нибудь серьезных активных выступлений», брожение среди местных курдов растет⁴². В донесении начальника штаба Кавказского военного округа от 7 декабря 1912 г. говорилось, что большинство курдов не питает вражды к России и вряд ли примет участие в войне против нее, несмотря на то что турки снабжали некоторые племена оружием (например, аширет джаф) и старались задобрить курдских старшин. Ага одного племени, насчитывавшего 10 тыс. человек, говорил, что «его курды с удовольствием подчинились бы России, так как в России больше справедливости и правосудия, чем в Турции». Не только анатолийские, но и многие иракские племена «не прочь бы завязать сношения с Россией и искать ее покровительства. Это относится в первую очередь к могущественному шейху Барзану, который при известных условиях мог бы перейти на сторону России»⁴³. Полковник Андриевский тоже утверждал, что многие шейхи южной части Ванского и

северной — Мосульского вилайетов, в том числе и Барзани, «не прочь бы завязать сношения и искать покровительства России»⁴⁴. Российский вице-консул в Баязиде, отмечая огромное недовольство курдов турецкой администрацией, писал: «Преданность Турции курдов весьма невелика, в особенности беднейшей части курдского населения, среди которой намечается тяготение к России»⁴⁵. На это же обстоятельство и на возможность всеобщего восстания курдов указывал и Олферьев⁴⁶.

Прорусские настроения больше всего были распространены среди трудовых слоев курдского народа. Вице-консул в Битлисе Ширков сообщал, что если среди шейхов, мулл и ходжей было относительно много врагов России, то подавляющее большинство рядовых кочевников, крестьян-земледельцев, рабочих, ремесленников и торговцев были дружелюбно настроены к России. По словам Ширкова, они говорили: «Хоть бы скорее пришли русские, — мы избавились бы часом раньше от этого (турецкого. — М. Л.) неспособного, слабого и безнравственного правительства». Примечательно, что курды-хамидийцы, среди которых антирусские настроения насаждались особенно усиленно, теперь были «настроены неопределенно по отношению к Турции и России», а многие из них начали склоняться на сторону России, выражали желание перейти в русское подданство и даже будто бы зазывали себе кресты⁴⁷.

Не удивительно поэтому, что в период пребывания итиляфистов у власти многие видные курдские вожди вели активную подготовку к всеобщему антитурецкому восстанию, ориентируясь на помощь России. Такое восстание с целью создания независимого курдского бейлика (княжества) планировали, в частности, сыновья Бадрхана Хусейн и Хасан, хотя они прежде поддерживали итиляфистов. Хусейн и Хасан надеялись поднять против турок от 60 тыс. до 100 тыс. курдов. Они заявили, что проектируемый ими курдский бейлик будет поставлен в зависимость от России на тех основах, на каких различные германские королевства и княжества входят в состав Германской империи. Кроме того, Хусейн и Хасан подчеркивали, что без поддержки России они не начнут восстания, и хотели вступить в переговоры с представителями русского правительства о помощи⁴⁸.

В середине августа 1912 г. к генеральному консулу России в Эрзеруме Штриттеру обратился некий Хайреддин-бей с просьбой сообщить, как русское правительство отнесется к всеобщему восстанию курдов. По словам Хайреддина, он является вторым председателем в комитете по организации восстания и на него возложена обязанность поднять курдов Эрзерума, Битлиса, Баязида и Муша. В этот комитет, сказал Хайреддин, входят влиятельные курдские вожди, платя-

щие членские взносы. Комитет имеет отделения в Ване, Диарбекире, Урфе и в других курдских центрах; он надеется поднять 70 тыс. вооруженных курдов. Хайреддин уверял своего собеседника, что турецкие войска на 9/10 сочувствуют курдам и что можно было бы в 15 дней организовать восстание, но для этого не хватает денег. В заключение Хайреддин заявил, что курды рассчитывают на помощь русского правительства и что конечная цель борьбы — автономия всего Курдистана⁴⁹.

Получив от России отрицательный ответ, курды тем не менее не прекратили подготовку к восстанию. К концу 1912 г., по словам нового российского генконсула в Эрзеруме А. Адамова, курды под воздействием успехов албанского восстания, неудач турецкой армии в Первой балканской войне и выступлений держав в пользу армян «все более и более проникались сознанием своей солидарности и стали подумывать о собственной автономии». В Эрзеруме в декабре 1912 г. состоялись тайные совещания по подготовке восстания. Было решено послать по всем аширетам делегатов⁵⁰.

Курдским вождям не удалось поднять всеобщего восстания против турецкого господства. Дело здесь не только в том, что Россия не пришла им на помощь. Сами курдские племена по-прежнему оставались разобщенными. Как справедливо отмечал Олферьев, курды Вана мало знали о курдах Диарбекира; в случае же их объединения «положение турок в Курдистане делается тем же, что и в Албании»⁵¹. Тем не менее освободительное движение курдов послужило одной из причин, помешавшей иттиляфистам удержать власть в своих руках.

23 января 1913 г. под руководством Энвера и Талаата был совершен государственный переворот, и младотурки вновь пришли к власти. Возвращение иттихадистов не улучшило положение в стране. Возобновившиеся в начале февраля военные действия против балканских государств принесли турецкой армии новые поражения. Лондонский мирный договор от 30 мая 1913 г. зафиксировал утрату Турцией почти всех европейских владений. Вторая Балканская война (июнь — август 1913 г.) между Болгарией и ее вчерашними союзниками, к которым присоединились также Румыния и Турция, лишь частично возместила Турции ее потери; Турции была возвращена древняя столица Османской империи — Эдирне (Адрианонополь).

Не прекратились и политические распри. Иттиляфисты устраивали заговоры против младотурок. 15 июня они убили великого визиря Махмуда Шевкет-пашу. Иттихадисты, воспользовавшись этим, расправились не только со своими политическими противниками, но и обрушились на демократи-

ческие элементы. В стране утвердилась и окрепла диктатура триумvirата Энвера — Талаата — Джемала, в котором первенствовал военный министр Энвер-паша. Младотурецкий триумvirат взял на вооружение расистскую пантюркистскую идеологию для обоснования шовинистической внутренней и экспансионистской внешней политики.

Тем временем кайзеровская Германия быстро укрепляла свои позиции на Ближнем Востоке. Миссия германского генерала Лимана фон Сандерса, обосновавшаяся на берегах Босфора в декабре 1913 г., вскоре подчинила своему контролю турецкие вооруженные силы⁵². Турция быстро шла к утрате последних признаков самостоятельности в своей внешней политике. В итоге к началу первой мировой войны Османская империя, разоренная бесконтрольным хозяйничаньем иностранного капитала, связанная по рукам кабальными иностранными займами, ослабленная внутренними волнениями и неудачными войнами, стояла на пороге катастрофы.

КУРДСКИЕ ВОССТАНИЯ В 1913 — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1914 г.

Курдский вопрос был одной из наиболее сложных и тяжелых проблем, с которыми пришлось иметь дело младотурецким хозяевам Османской империи в последнее пятилетие ее существования. Положение в восточных вилайетах было осложнено также вновь обострившимся армянским вопросом. Российский посол в Турции Гирс писал Сазонову в начале марта 1913 г.: «Внутреннее положение Оттоманской империи далеко нельзя признать удовлетворительным. Среди курдов постепенно усиливается недовольство нынешним правительством и стремление к автономии. Армяне... относятся с опасением к деятельности курдов и в свою очередь вооружаются»⁵³.

Уже весной 1913 г. во многих районах Турецкого Курдистана положение стало очень напряженным. Агенты Абдуррезака, шейха Та и других курдских вождей разъезжали по всей стране и вели пропаганду против турецкого правительства. Они убеждали армян, что курдское освободительное движение не принесет никакого ущерба их интересам⁵⁴.

В Восточной Анатолии центрами курдского движения, как и прежде, были районы Вана и Эрзерума. В Ванском вилайете не только все христианское население и езиды, но и большая часть курдов были настроены крайне враждебно по отношению к турецкому правительству и дружелюбно по отношению к России. Значительно участились случаи обращения курдов в российское вице-консульство с жалобами на турецкие власти и с просьбами о покровительстве России⁵⁵.

Турецкие власти, и особенно ярый русофоб ванский вали Иззет-бей, не жалели сил, чтобы натравить курдов на Россию, а также раздуть курдо-армянские распри. Однако турецкая пропаганда не производила впечатления на курдов. Брожение среди курдов Ванского и соседних с ним вилайетов все время возрастало. Вождь хайдеранли Кор-Хусейн-паша, по словам вице-консула в Ване Акимовича, призывал курдов к восстанию «для образования из Курдистана автономной области под протекторатом России». Вожди главных аширетов начали проводить совещания по вопросу организации повстанческого движения в вилайете⁵⁶.

Идею независимого Курдистана при политической и материальной поддержке России пропагандировали и бадрханиды. Юсуф Кямил Бадр-хан и его племянник Сулейман довели до сведения российского вице-консульства в Ване, что все аширеты сговорились поднять восстание против Турции в целях присоединения Курдистана к России и просят сообщить, могут ли курды надеяться на ее помощь⁵⁷.

Из-за острых разногласий, существовавших в руководящей курдской верхушке, всеобщее восстание так и не было поднято. Абдуррезак считал себя единственным кандидатом на пост правителя курдского бейлика и широко распространял слухи, что Россия поддерживает только его. Прежде всего с ним соперничали Кор-Хусейн-паша и его сторонники. На совещании в округе Ширван Сииртского санджака они решили отправить приверженца Кор-Хусейна Кямил-бея в Тифлис, дабы выяснить, примет ли Россия курдов после провозглашения ими независимости под свой протекторат и позволят ли русские власти приобрести курдам оружие? Кроме того, Кямил-бею было поручено выяснить, давали ли русские какие-либо обещания Абдуррезаку? Кямил-бей утверждал, что Абдуррезак не пользуется симпатиями курдов и большая часть их настроена против него. Без выяснения всех этих вопросов в положительном смысле Хусейн-паша и его сторонники не решались приступить к действиям⁵⁸.

В Диарбекирском и других вилайетах Юго-Восточной Анатолии против Абдуррезака выступил также его двоюродный брат Хасан-бей. «Партия» Абдуррезака считалась прорусской, «партия» Хасана — проанглийской. Оба вождя враждовали между собой, внося разлад в курдское движение. Правда, Хасан и Абдуррезак вскоре помирились, но ненадолго⁵⁹.

Наконец, Абдул-Кадыр, который вообще держал сторону турок, враждовал со своим племянником шейхом Та, обвинил его перед турецкими властями. Шейх Та вынужден был бежать в Россию. Пробыв недолгое время в Новороссийске, шейх Та, пользуясь покровительством русских властей, переехал в Урмию⁶⁰.

Турецкие власти поспешили воспользоваться разногласиями между руководителями курдского движения. Летом 1913 г. в Турецкий Курдистан выехал видный иттихадист Неджи-бей. Он объехал всю страну, убеждая курдских беев оставаться спокойными, пока правительство не укрепитя, дабы не дать державам повод вмешиваться⁶¹.

В район Сиирта — Джизре для переговоров с курдскими вождями прибыл эмиссар турецкого правительства Фейзи-бей. Курды потребовали отозвания наиболее ненавистных турецких чиновников и помилования своих соотечественников, осужденных турецкими властями. Турки вынуждены были принять эти требования⁶². Однако волнения в районе, в сущности, никогда не прекращались, власть турецкого правительства здесь всегда была непрочной, а нередко даже номинальной. Например, аширет джаф (15 тыс. семейств) никогда не платил податей турецкому правительству. Большинство курдов джаф, часть которых обитала на территории Ирана, вообще не признавали ничьей власти. Традиционно враждебным отношением к турецкому правительству отличались аширет хамавенд и бохтанские курды (25 аширетов)⁶³. В казе Шемдинан власть турецкого каймакама была фиктивной. Здесь фактически правили потомки Обейдулы⁶⁴. Появление представителей турецкой администрации в районах Амадии, Джуламерка и Ревандуза обязательно вызывало активный протест местного населения; в Хакяри правительство даже платило курдам за пребывание там турецких чиновников⁶⁵.

Весной 1913 г. в Юго-Восточной Анатолии и Иракском Курдистане начались открытые антиправительственные выступления. В конце марта значительная часть Мосульского вилайета была охвачена курдским восстанием, с которым турецкие власти долго не смогли справиться⁶⁶.

В апреле 1913 г. курдское восстание охватило районы Верхнего Тигра и грозило распространиться на всю Юго-Восточную Анатолию. Центры движения находились в Джизре, Мидьате и Хасанкейфе, возглавлял его род Бадр-хана⁶⁷.

В Диарбекирском вилайете и Сииртском санджаке несколько раз происходили вооруженные выступления курдских племен. Среди населения широко распространялись слухи о скором переходе Диарбекирского, Харпутского (Мамурет-уль-Азизского) и других вилайетов Юго-Восточного Курдистана под власть Российской империи. Антирусская контрпропаганда турецких властей не имела у курдов никакого успеха⁶⁸.

Турецкие власти лишь с большим напряжением всех своих сил подавляли эти выступления. Только из-за отсутствия единства у курдских вождей в Юго-Восточной Анатолии не разразилось весной 1913 г. всеобщее восстание курдов.

Между тем важные события назревали в Иракском Курдистане, где шейх Махмуд Барзанджи готовил выступление курдов. Его популярность и влияние быстро росли. Он установил контакты с сыновьями Бадр-хана Хусейн-пашой и Юсуфом Кямиль-беем, которые к весне 1913 г. стали почти неограниченными властителями Джазиры и не позволяли турецким властям собирать налоги с населения. Шейх Барзанджи вынашивал планы создания курдского федеративного государства. В отличие от Абдуррезака Барзанджи в то время рассчитывал на помощь и содействие Англии. Он был в переписке с британским вице-консулом в Мосуле Хони, установил также связь с генеральным консулом Англии в Багдаде Лоримером. Все это давало повод некоторым наблюдателям утверждать, что курды северо-восточной части Мосульского вилайета (округа Амадии, Дхоха, Акры, Ревандуза), на которую распространялось влияние Барзанджи, в отличие от курдов Сирта, Джазиры, Мардина, Сулеймани, а также ассирийцев из округа Тиари настроены против России и в пользу Англии⁶⁹.

Поговаривали, что шейх Барзанджи намеревался создать в Иракском Курдистане нечто вроде буферного государства между Северным (Турецким) Курдистаном, где, как предполагалось, вскоре утвердится Россия, и Южным Ираком, на который имела виды Англия⁷⁰.

Тем не менее вывод о враждебном отношении шейха Барзанджи к России будет неверным. Делая ставку на Англию, он одновременно старался заручиться поддержкой России. С этой целью шейх Барзанджи в конце апреля 1913 г. направил к российскому консулу в Мосуле Кирсанову своего родственника Сейида Мухаммеда; последний заявил, что курды готовы оказать России помощь, «которую она могла бы от них потребовать, вплоть до вооруженного восстания против турецкого правительства». По словам Сейида Мухаммеда, курды готовы выставить до 50 тыс. бойцов. Он уверял Кирсанова, что пропаганда турецких властей, пугающих курдов агрессивными замыслами России, не пользуется никакой популярностью в Курдистане. Сейид Мухаммед пытался узнать у русского консула о намерениях российского правительства в Курдистане, а также о тех льготах и привилегиях, на которые могут рассчитывать курды от России. Консул высказал удовлетворение установлением связи с шейхом Махмудом и заявил о желательности помощи курдов в случае войны⁷¹.

Непрекращающиеся курдские восстания привели в 1913 г. к дальнейшему ослаблению позиций младотурецкого правительства в населенных курдами районах. Нельзя сказать, чтобы иттихадисты недооценивали всей серьезности положения в своих курдских владениях. Однако у них не было ре-

альных сил, чтобы подавить курдское освободительное движение. Только что окончившиеся войны резко ослабили государственный аппарат, и особенно вооруженные силы, Османской империи. Поэтому власти вынуждены были искать иных путей для усмирения курдов.

В некоторых местах были проведены мероприятия, призванные убедить курдов в том, что власти начинают проявлять заботу о поднятии их экономического и культурного уровня. Вали Ванского вилайета Тахсин-бей, например, возглавил курдское общество «Нешри меариф ве тиджарет ве санан» («Распространение просвещения, торговли и промышленности») и организовал курдское кооперативное общество⁷². Младотурецкие газеты (в частности, стамбульская «Иктам») призывали правительство переводить курдов на оседлость, приучать их к земледелию и т. п.⁷³.

Одновременно была усилена и антирусская пропаганда среди курдов. Она велась не только в Турции, но и в самой России, среди закавказских курдов. Здесь орудовали панисламисты, связанные с турецким правительством. В сводке агентурных сведений департамента полиции по Карсской области и городу Карсу за февраль 1912 г. говорилось: «Турецкие бродячие эмиссары и муллы, находя у курдов радушный прием и приют, беспрерывно посещают курдские поселки, причем, пользуясь близостью границы, немедленно скрываются в Турцию при первых сведениях, заблаговременно получаемых местными курдами». Панисламистским агитаторам потворствует «местная низшая администрация». Она преимущественно принадлежит к курдским влиятельным бекам⁷⁴. Подрывной деятельности турецкой агентуры в Закавказье способствовало широкое недовольство предводителем российских курдов Али Ашраф-беком Шамшадиновым, который раболепствовал перед царской администрацией и не заботился о нуждах рядовых кочевников. Турецкие эмиссары агитировали за выдвижение на этот пост в случае смерти Шамшадинова не его брата, а орговского старшину Рашид-бека, одного из самых влиятельных курдских вождей в Закавказье, или Зорба-бека, старшину из Кагызмана⁷⁵.

Во время Балканских войн турецкая агентура организовала среди российских курдов сбор пожертвований и вербовку добровольцев. Завербованные ею курдские беи и старшины снабжали деньгами своих неимущих соплеменников и переправляли их в Турцию. Одновременно было налажено снабжение турецких курдов русским оружием, доставлявшимся из Эривани⁷⁶. Особенно активно действовал в курдских селениях Кагызманского, Ольтинского и Ардаганского округов турецкий агент Мустафа-бей, занимавшийся сбором пожертвований в пользу турецкой армии и пропагандой панисламизма⁷⁷.

В то же время по-прежнему происходили нарушения турецкими курдами русской границы, что часто приводило к пограничным инцидентам⁷⁸.

В Турецком Курдистане младотурецкие агенты пытались использовать англо-русские противоречия и не боялись пропагандировать идеи о желательности укрепления влияния Англии на курдов, хотя истинные цели британской политики по отношению к Турции не составляли, конечно, секрета для Порты. По словам генконсула в Эрзеруме Адамова, армянский патриарх Завен Евгиян считает, что эмиссары правительства «деятельно работают в настоящее время над анти-русской пропагандой среди курдов, которых они не прочь видеть в объятиях Англии, давшей гарантию неприкосновенности Азиатской Турции на 40 лет, лишь бы этим путем ослабить влияние России среди курдских аширетов»⁷⁹.

Все эти маневры младотурецких властей почти не производили впечатления на курдское население. Некоторые вожди, правда, выразили готовность к переговорам с правительством. Так, по утверждению вице-консула в Хое Чиркова, Абдуррезак выставил следующие условия примирения с турками: официальное признание курдской народности, учреждение школ для курдов, возвращение курдам вакуфных имуществ, назначение его сенатором, возвращение ему земель, предоставление административных постов его родственникам и т. д.⁸⁰. Даже если это сообщение верно, переговоры курдов с турецкими властями так и не состоялись, ибо правительство не желало идти на уступки курдской верхушке, боясь ее усиления и роста автономистских тенденций, а подавляющее большинство курдов по-прежнему были настроены резко против правительства.

Во второй половине 1913 г., и особенно в первые месяцы 1914 г., в Турецком Курдистане произошли новые мощные антиправительственные выступления курдов. Одной из главных причин было усиление турецким правительством после окончания второй балканской войны налогообложения курдов, прежде почти свободных от прямых налогов. Была установлена подушная подать — около 4 лир на каждого взрослого и немного меньше на подростка. Власти начали взимать также зерновой налог — свыше 7 лир на мужчину; был увеличен и размер налога на скот — агнама. Срок давности для взыскания недоимок был увеличен вдвое — с 10 до 20 лет. Кроме того, начало проводиться в жизнь принятое незадолго до этого распоряжение о распространении на курдов всеобщей воинской повинности и отбывании ее ими в регулярных войсках⁸¹.

В этот предвоенный период оживилась деятельность курдских националистов. Во многих местах возникли курдские клубы и общества. Наибольшее влияние среди них имело

«Комали Курдистан» («Общество Курдистан»), влияние которого распространялось на все курдские районы. Курдские националисты организовали регулярную доставку оружия племенам. Но в основном они занимались политической агитацией. Она велась и за рубежом, и на страницах курдской прессы в Турции⁸². Например, генерал Шериф-паша в апреле 1914 г. опубликовал в газете «Мешрутийет» статью под названием «Курдские восстания и их причины». Автор резко критиковал младотурок за их национальную политику, особенно за организацию армянских погромов, цель которых, по мнению Шериф-паши, состояла в том, чтобы дискредитировать курдов в глазах Европы⁸³.

Курдские национальные круги требовали автономии для курдов, наподобие той, которую добились албанцы и за которую боролись арабы. По всей стране распространялись петиции («Мазбата»), собравшие десятки тысяч подписей, которые призывали курдов бороться за свободу⁸⁴. По словам видного французского знатока ближневосточных проблем того времени Эжена Юнга, программа курдских националистов сводилась к следующему: соблюдение постановлений прежних султанов об административной автономии Курдистана, уменьшение и упорядочение налогов, создание территориальной курдской армии для охраны русско-турецкой границы, введение местной курдской администрации, основание школ с преподаванием на курдском языке, все чиновники и офицеры в Курдистане должны быть курдами⁸⁵.

Однако в курдском освободительном движении по-прежнему отсутствовало централизованное политическое руководство и единство цели: одни выступали за независимый курдский бейлик, другие были сторонниками проведения реформ, третьи требовали отказа правительства от проведения армянских реформ⁸⁶.

Весной 1914 г. центром массовых вооруженных выступлений курдов стал район Битлиса⁸⁷. В начале марта 1914 г. власти арестовали влиятельного и весьма почитаемого местного вождя Моллу Селима, подозреваемого в организации антиправительственного заговора. По дороге в Битлис, в местечке Кумач вблизи Хизана курды напали на конвой и освободили Селима. Этот эпизод стал сигналом к всеобщему восстанию битлисских курдов.

Выступление битлисцев не было стихийным. Его в течение трех лет готовили Абдуррезак, Юсуф Кямил и другие видные курдские вожди, главным образом из рода Бадр-хана. В этом деле принимали также участие шейх Та и Симко. Из Хоя, где было организовано нечто вроде штаба курдского движения, курдам доставлялось оружие. Молла Селим обратился с письмом к армянскому патриарху, в котором предупредил его, что восстание будет направлено исключительно

но против младотурок, и призывал к сотрудничеству курдов и армян⁸⁸.

В результате ареста Моллы Селима выступление началось на месяц раньше условленного срока, что имело, по утверждению Юсуф Кямил-бея, роковые последствия⁸⁹. Со всех сторон в Хизан начали стекаться повстанцы. 9 марта их насчитывалось 4 тыс., а через день — вдвое больше. Они требовали восстановления шариата и удаления турецкой администрации, которая «разорила курдов и продает страну иностранцам»⁹⁰. Власти первоначально бездействовали, ибо, по предположению Гирса, были «намерены, по-видимому, противопоставить курдское восстание и их требования вопросу о введении армянских реформ». Посланный в Хизан небольшой отряд без труда был рассеян курдами⁹¹.

Положение турок становилось критическим. В середине марта двухтысячный отряд курдов осадил город Битлис. Вали вступил с повстанцами в переговоры. Тогда правительство назначило в Битлис другого, более энергичного вали и одновременно послало туда из Эрзинджана полк (который вскоре был разбит курдами). 3 апреля курды вступили в Битлис. На этом их успехи кончились.

К вечеру того же дня в Битлис прибыли крупные подкрепления из Муша (один батальон пехоты и два полка кавалерии), и курды вынуждены были поспешно покинуть город. В этот день они потеряли до 60 человек убитыми (турки — только четверых). Шейх Молла Селим и трое его соратников успели укрыться в русском консульстве, остальные руководители восстания попали в плен; рядовые повстанцы рассеялись по окрестностям⁹².

Турецкое правительство жестоко расправилось с участниками битлисского восстания. Повсюду были произведены аресты. Было схвачено большинство курдских вождей Битлисского вилайета. Арестованные курды подвергались избиениям и пыткам. 7 мая 1914 г. в Битлисе были повешены шейхи Сейид Али, Шехабедин (схваченный при попытке перейти русскую границу) и девять других руководителей курдского восстания. Вскоре были казнены еще некоторые вожди⁹³.

По мнению Ширкова, причина столь суровых репрессий против курдов заключалась в том, что восстание было направлено не против армян, как ожидали власти (хотя и были отдельные эксцессы), а целиком против турецкого правительства⁹⁴. Однако террор не запугал курдов. Один из повешенных 7 мая, Молла Расул, за несколько минут до казни, обращаясь к турецким солдатам и чиновникам, сказал: «Слава богу, что меня вешают мусульмане; я не видел русских, но надеюсь, что вы очень скоро увидите их, и они отомстят вам за нас»⁹⁵.

Расправа с битлисскими повстанцами, в том числе казнь шейха Шехабедина, почитавшегося курдами «святым», вызвала огромное возмущение у них. По всей стране агитаторы призывали курдов подняться на вооруженную борьбу против турецких угнетателей. Во многих районах Восточной Анатолии начинались волнения. В Эрзерумском вилайете, например, наблюдалось массовое уклонение курдов от уплаты возросших налогов⁹⁶. Волнения вспыхнули в Эрзинджане и на турецко-иранской границе, причем до 5 тыс. иранских курдов объединились с турецкими во время боев с правительственными войсками⁹⁷. Однако наиболее острые формы курдское движение приняло весной 1914 г. в Ираке.

Еще в конце января 1914 г. представитель шейха Махмуда Барзанджи Сейид Мухаммед вновь обратился к русскому вице-консулу в Мосуле Кирсанову с просьбой разъяснить ему русскую политику в Курдистане. Сейид Мухаммед одновременно передал Кирсанову очень любезное письмо от своего патрона и информировал его о начавшемся движении в районе Сулеймании⁹⁸.

В марте 1914 г., т. е. в разгар событий в Битлисе, большая часть Иракского Курдистана была охвачена курдским восстанием, которое возглавлял шейх Абдул-Салим Барзани. Непосредственным поводом к восстанию послужило увеличение налогов на 25%. В самом начале восстания шейх Абдул-Салим телеграфировал министру внутренних дел Турции о том, что враждебные действия против турецкого правительства он якобы начал по совету русского консула в Мосуле, который обещал ему помощь и награду. По-видимому, Барзани предпринял этот шаг, чтобы запугать турецкое правительство и вынудить его пойти на уступки курдам⁹⁹. Есть сведения, что шейх Абдул-Салим искал покровительства и у англичан. Эти маневры курдского вождя не достигли цели. Уже в середине марта турки начали сосредоточивать в Ревандузе, Акре и Амадии войска, предназначенные для подавления курдского восстания в Ираке¹⁰⁰.

Между тем восстание охватило весь Мосульский и значительную часть Багдадского вилайетов. К Абдул-Салиму присоединились племена хамавенд, джаф, дизан и другие. Большинство участвовавших в восстании курдских вождей рассчитывали на помощь России и обращались в русские консульства за покровительством¹⁰¹. Однако ожидаемой помощи курды не получили, а силы были слишком неравны.

Турецкое правительство, крайне встревоженное восстанием Барзани, бросило против повстанцев значительные силы; к концу апреля Барзани был разбит, а к началу июня восстание в Иракском Курдистане было окончательно подавлено. Над курдами была учинена жестокая расправа, селения повстанцев сжигались. Шейх Барзани бежал сперва в Урмию,

где скрывался в одной из окрестных деревень, а вскоре перешел в Россию и поселился в Нахичевани¹⁰².

События, происходившие в Курдистане весной 1914 г., и особенно битлисское восстание, крайне обеспокоили младотурецкую верхушку. Правительство опасалось, что беспорядки в Курдистане окажут неблагоприятное впечатление на европейское общественное мнение и, в частности, на проходившие тогда франко-турецкие переговоры по экономическим вопросам (турки рассчитывали получить от Франции новый крупный заем). В Стамбуле боялись также, что курдские восстания приведут к дальнейшему ухудшению отношений с Россией и к ее активному вмешательству. Не случайно на подавление битлисского восстания были брошены не дислоцированные в непосредственной близости к Битлису воинские части из пограничных с Россией районов, а вызваны подразделения из сравнительно отдаленного Мосула¹⁰³. Наконец, особую тревогу у младотурецких правителей вызвало то обстоятельство, что подъем курдского освободительного движения, вопреки всем ожиданиям, стимулировал антифеодальные и антиправительственные выступления армянского народа. Армянское крестьянство, в частности, усилило борьбу за ликвидацию кяфирного права и установление системы арендных отношений с владельцами земель. Наибольшего размаха движение против кяфиризма достигло в Ване и Муше. Тахсин-паша даже вынужден был пойти на частичные уступки армянскому крестьянству и принять некоторые ограничительные меры против произвола курдских беев, но встретил решительное сопротивление со стороны курдских феодалов. В результате турецкие власти быстро пошли на уступки курдской верхушке и отказались от всяких поползновений на их права¹⁰⁴. В связи с проектом армянских реформ правительство (в ответ на требование курдских вождей) обещало поставить в парламенте вопрос о распространении обещанных армянам гарантий и на курдов¹⁰⁵.

4 апреля 1914 г. состоялось специальное заседание комитета «Единение и прогресс», на котором рассматривался один вопрос: как быть с курдами? Председатель комитета Мидхат Шюкрю-паша сказал, что стремление правительства убедить курдов в превосходстве новой формы правления и заставить их отказаться от старых привилегий далеко не везде имело успех. Враги нынешнего правительства, продолжал Мидхат Шюкрю, влиятельные курдские вожди — потомки Бадр-хана, опираясь на содействие турецких эмигрантских комитетов, обосновавшихся в Одессе и Батуме, и пользуясь покровительством русских консулов¹⁰⁶, готовят восстание с целью свержения младотурецкого режима.

В ходе прений было предложено пойти на компромисс с главнейшими курдскими вождями: назначить их на высокие

должности, вплоть до предоставления им депутатских и сенаторских кресел, давать субсидии.

Однако большинство членов комитета выразили опасения, что курды и в столице поднимут бунт. Позиция же курдов в провинции и вовсе не вызвала доверия. Поэтому в соответствии с решениями комитета «Единение и прогресс» правительство сделало упор на меры пресечения. Вали Битлиса и Вана было разрешено в случае необходимости объявлять военное положение. Великий визирь Саид Халим-паша обратился к военному министру Энверу с просьбой, чтобы по первому требованию административных властей в курдские вилайеты высылались войска. В то же время Саид Халим предписал вали Ванского, Битлисского, Эрзерумского, Диарбекирского, Мамурет-уль-Азизского, Сивасского и Трапезундского вилайетов принять все меры предосторожности, чтобы в случае курдских волнений не пострадали христиане и особенно иностранцы. Министр внутренних дел Талаат-паша обратился к великому визирю с просьбой сделать представления России и Ирану о недопущении Симко к турецкой границе¹⁰⁷. Для успокоения племен в восточные вилайеты выехал Энвер-паша с группой влиятельных курдов, сотрудничавших с правительством¹⁰⁸.

Ни новые попытки подкупить курдскую верхушку, ни свирепые расправы с курдскими повстанцами не привели к желаемым результатам. Репрессии только еще более ожесточили курдский народ, а посулы и награды уже не имели прежней притягательной силы для курдских беев и шейхов, потерявших последние остатки уважения и доверия к турецкому правительству.

Поражения битлисского и иракского восстаний не обескуражили курдов, не лишили их решимости бороться за свое освобождение от турецкого гнета.

Руководители курдского движения, учтя уроки битлисского восстания, подготавливали новые выступления. Самым важным и непременным условием в деле организации всеобщего восстания курдов и обеспечения его успеха они по-прежнему считали оказание Россией действенной военной и политической помощи и стремились во что бы то ни стало договориться с русскими. В конце июня 1914 г. один из сотрудников российского посольства в Стамбуле Якушев встретился с Юсуфом Кямилем, направлявшимся в Россию. «Весь Курдистан, — заявил курдский вождь, — ищет покровительства России и хочет работать с ней совершенно искренне». Юсуф Кямиль дал своему собеседнику адреса курдов, которые проживали в столице и могут быть полезны посольству как информаторы¹⁰⁹.

К генконсулу в Эрзеруме Адамову прибыли в конце июня 1914 г. шейхи из племени хайдерадли Абдул-Азиз и Абдул-

Хамид. Они намеревались выяснить, готово ли русское правительство помочь курдам в случае восстания. Причем они имели в виду не только снабжение курдов оружием и боеприпасами, но и вооруженное вмешательство России и оккупацию русскими войсками всего Курдистана. Шейх Абдул-Азиз сказал консулу, что он действует по поручению Моллы Селима, укрывавшегося в российском вице-консульстве в Битлисе, и заверил, что турецкие курды тесно связаны с закавказскими курдами, а также добились согласия армян на совместные выступления против турецкого правительства. Резко отрицательно он отзывался только о дашнаках. В заключение шейхи сказали консулу, что если Россия не окажет курдам вооруженную помощь, то многие из них готовы выселиться в Россию¹¹⁰.

Взоры к северному соседу Турции обратили даже те курдские вожди, которые прежде держались протурецкой ориентации. Шейх Абдул-Кадыр через проживавшего в Стамбуле брата мар-шимуна, духовного и светского вождя ассирийцев-несториан, предложил Питеру Эллоу (Ага Петросу), переметнувшемуся к тому времени на сторону России и претендовавшему на роль главного проводника русского влияния среди иранских курдов, прибыть в столицу, чтобы обсудить вопрос о командировании его в Петербург для переговоров «о покровительстве Великой Империи». Питер Эллоу, однако, отказался приехать в Стамбул¹¹¹.

Летом 1914 г., в последние месяцы перед началом мировой войны и вступлением в нее Турции, во многих районах Восточной Анатолии курды вели партизанскую войну, нанося ощутимый ущерб турецким войскам и администрации. В казе Гарзан, например, успешно действовал Бешар Чато¹¹².

Курды не признавали властей, не платили налогов. Командиры хафиф сувары сообщали, что курды отказывались прибыть на военные сборы. По поручению Энвера командующий III округом Иззет-паша начал широко раздавать курдским вождям чины, ордена, денежные подарки, лишь бы они привели полки в Эрзерум для обучения. Но и эти меры не имели успеха¹¹³.

В августе 1914 г., т. е. уже после начала мировой войны, в некоторых районах Восточной Анатолии, главным образом в Ванском вилайете, возникли курдские комитеты для пропаганды национальных идей среди курдов и подготовки всеобщего восстания. Они призывали курдов перейти на сторону России в случае присоединения Турции к блоку центральных держав¹¹⁴.

Напряженное положение сохранялось и в Иракском Курдистане. После подавления восстания Барзани власти усилили надзор над курдскими племенами, стремясь подорвать власть влиятельных беев и шейхов. Эффект, однако, получил-

ся обратный. Среди иракских курдов значительно укрепилось национальное самосознание. Немалая заслуга в этом принадлежала журналу «Хатави-курд», издававшемуся в Стамбуле, и другим курдским изданиям, а также антиправительственным листовкам и прокламациям. Некоторые крупные вожди, в том числе глава племени джаф Махмуд-паша, мечтавшие о сохранении курдской вольницы, хотели перейти в иранское подданство. По словам В. Ф. Минорского, они говорили: «Нам нужен такой покровитель, как у армян Россия». Центром курдского национального движения в Ираке стал район Сулеймани, где местная низовая администрация, а также солдаты и офицеры были по национальности курды¹¹⁵.

Начало мировой войны укрепило у иракских, как и у анатолийских, курдов надежды на скорое освобождение от турецкого гнета. Согласно сведениям, полученным российским консулом в Соуджбулаке полковником Иясом от одного курдского вождя из Бане, «все курдские племена Мосульского и Багдадского вилайетов, объединенные клятвой на Коране, решили в случае принятия участия в военных действиях европейских держав поднять знамя восстания в надежде на тайную поддержку России их домогательствам независимости»¹¹⁶.

Турецкие правящие круги пытались приписать подъем курдского движения в этот период «исключительно русским интригам и русскому влиянию»¹¹⁷. Эту версию с готовностью подхватили и немецкие газеты. «Берлинер Тагеблатт» писала, например, что в Турецком Курдистане не воцарится спокойствие, пока Абдуррезак, Симко и Та будут «под русским покровительством продолжать из Персии свои происки против Турции»¹¹⁸. Абсурдность такого объяснения отмечали все наблюдатели (когда перед ними не стояли пропагандистские задачи), даже и те, которые недружественно относились к России. Германский консул в Трапезунде Бергфельд, например, писал, что «невозможно установить», какую роль играл «русский рубль» в курдском движении, которое, в отличие от прошлых лет, нисколько не было направлено против армян, а исключительно против турецкого правительства. «Цель движения», писал он, состоит в том, чтобы «причинить затруднения турецкому правительству»¹¹⁹.

Освободительная борьба курдского народа в предвоенные годы стала более зрелой, она вдохновлялась в основном национальными идеями. Враждебное отношение к армянам, десятилетиями прививаемое курдам турецкими провокаторами, отошло на задний план. Однако курдское освободительное движение в Турции по-прежнему оставалось раздробленным и в значительной мере стихийным; личные интересы отдельных вождей зачастую преобладали над национальными.

Тем не менее оно наносило сильнейшие удары турецкому господству в Курдистане и содействовало дальнейшему углублению внутреннего кризиса Османской империи.

ПОЛИТИКА РОССИИ В ТУРЕЦКОМ КУРДИСТАНЕ

Резкое обострение положения на Ближнем Востоке в связи с началом триполитанской войны и быстрым ростом напряженности на Балканах активизировало политику царской России в Турецком Курдистане. Закрытие проливов Турцией после бомбардировки итальянским флотом Дарданелл привело к обострению русско-турецких отношений; не была исключена возможность военного столкновения между обеими странами.

Вопрос о роли курдов в случае войны Турции с Россией, писал посол Чарыков в Министерство иностранных дел, «заслуживает серьезного внимания, но вместе с тем и крайне осторожного к нему отношения». Чарыков считал, что курды могут оказать России помощь только в случае вооруженного столкновения с Турцией, которого турки стараются избежать. Отмечая, что преждевременно обсуждать вопрос о прекращении самостоятельного существования Ирана и Турции, посол писал далее: «Тем не менее курдам можно внушать, что согласно всем известным примерам туземные племена, пользующиеся защитой русской власти, всецело сохраняли и сохраняют обитаемые ими земли и вместе с тем неизменно получают возможность успешно развивать свои экономические интересы, без ущерба для своего исторически сложившегося национального и культурного быта»¹²⁰. В заключение Чарыков высказался против массового перехода курдов в русские пределы. Таким образом, Чарыков отводил курдам чисто служебную роль союзников России в случае русско-турецкой войны, ни слова не говоря ни о поддержке курдских движений Россией в мирное время, ни об отношении России к национальным чаяниям и требованиям курдов.

Министерство иностранных дел России одобрило подобную точку зрения на курдский вопрос, но сочло необходимым в то же время побудить вождей турецких курдов оказать влияние на их сородичей в Иране, дабы они перестали поддерживать турецких интервентов¹²¹.

Несмотря на столь осторожную позицию России в курдском вопросе, турецкое правительство было уверено, что русские причастны к курдским движениям. В начале февраля 1912 г. министр иностранных дел Турции Асим-бей сделал Чарыкову представление по поводу антитурецкой деятельности Абдуррезака. Он просил воспрепятствовать агитации Абдуррезака против Турции и удалить его с границы.¹²²

В конце февраля Асим-бей возобновил ходатайство об удалении Абдуррезака с территории Закавказья «в видах желаемого успокоения умов в приграничных курдских областях». Если Абдуррезак откажется от политической агитации, заявил турецкий министр иностранных дел, он будет просить султана о даровании ему амнистии и разрешении вернуться в Турцию¹²³.

В отличие от Петербурга Тифлис проявил большую заинтересованность в позиции турецких курдов. В апреле 1912 г. Воронцов-Дашков через эриванского губернатора и макинского хана предпринял шаги для сближения с турецкими курдами «в целях привлечения их на нашу сторону в случае столкновения с Турцией». Наместник благоприятно отнесся к просьбе курдских вождей (в том числе и Кор-Хусейна-паша) снабдить их деньгами и оружием при условии перехода на сторону России¹²⁴ и рекомендовал правительству ее поддержать, но председатель Совета министров В. Н. Коковцов думал иначе. Запрашивая мнение министра иностранных дел о ходатайстве курдских вождей, он писал: «Со своей же стороны, не могу не выразить серьезных сомнений в возможности принятия русскими властями каких-либо обязательств по устройству курдов в наших пределах, и в особенности по обеспечению курдских вождей постоянными субсидиями на казенный счет»¹²⁵.

Ответа Сазонова не удалось найти. В течение нескольких месяцев руководители российской внешней политики воздерживались от определения своей позиции по курдскому вопросу, с тревогой следя за развитием событий на Ближнем Востоке. В Министерстве иностранных дел оценивали обстановку на востоке Малой Азии как угрожающую государственным интересам России и безопасности ее границ, что видно хотя бы из резко отрицательного отношения Сазонова к возникшему летом 1912 г. проекту строительства французами железнодорожных линий к Эрзинджану, Эрзеруму и Трапезунду. Ввиду беспокойного положения в Восточной Анатолии, где Россия пока не может думать «о культурных мероприятиях», отмечал Сазонов, дальнейшее расширение железнодорожной сети до Эрзинджана и Диарбекира должно быть растянуто до 15—16 лет, «в каковой промежуток времени несомненно наступит спокойствие»¹²⁶.

Осенью 1912 г., в разгар Первой балканской войны, правительство России заинтересовалось возможностями привлечения курдов на свою сторону не только в случае войны, но и в мирное время. 14 (27) ноября 1912 г. Сазонов обратился с циркулярным письмом к послу в Стамбуле и к вице-консулам в Ване, Урмии, Баязиде и Соуджбулаке. Желательно, писал он, «использовать настоящий момент для укрепления нашего влияния среди курдов и возможного отвлечения их

от Турции». «Важно выяснить, — продолжал Сазонов далее, — возможно ли объединение курдских племен и каким путем ему можно было бы способствовать, ибо лишь в массе курды могут образовать серьезную силу. Не следует, однако, упускать из виду тесную связь между вопросами курдским и армянским»¹²⁷.

Таким образом, русское правительство впервые, хотя и в весьма неопределенной форме, поставило вопрос о необходимости решения всей курдской проблемы на политической основе. В курдской политике России несомненно произошел некоторый сдвиг.

В связи с этим многие русские дипломаты на Ближнем Востоке требовали применить новые, более эффективные методы, которые бы способствовали быстрому распространению влияния и авторитета России на все курдские племена. Они указывали, в частности, на желательность открытия новых консульств. Олферьев, например, настойчиво требовал основания дипломатического поста в Харпите для поддержания связей с курдами Дерсима, питавшими «особые симпатии» к России, и для организации противодействия антирусской пропаганде, которую вели немецкие и другие миссионеры. Он считал недопустимым, чтобы русский вице-консул в Мосуле постоянно проживал в Багдаде¹²⁸.

Эти призывы нашли отклики в Петербурге. Особенно настаивало на открытии новых консульств в восточных вилайетах Турции Министерство торговли и промышленности. Сазонов разработал проект открытия консульств в Диарбекире, Мосуле, Сивасе и Харпите, вице-консульств — в Адане, Карасу и Эрзинджане, преобразования вице-консульства в Ване в консульство. «Посты эти, — писал Сазонов председателю Совета министров И. Л. Горемыкину, — предполагается учредить по весьма важным и веским политическим соображениям... Консульские посты в Диарбекире, Мосуле, Сивасе, Харпите и Ване устанавливаются в важных политических целях, из коих главнейшею является контроль над проведением в Турции армянских реформ».

Министерство финансов из-за отсутствия необходимых ассигнований возражало против этого проекта. Сазонов, однако, продолжал отстаивать свое мнение, соглашаясь только повременить с основанием вице-консульства в Эрзинджане¹²⁹. В проекте изложения дела, представленном Министерством иностранных дел в Думу, в частности, говорилось: «Консульства в Диарбекире и Харпите имели бы задачей наблюдение за армянами, за курдским населением, а равно за арабами санджака Дейр-эз-Зор». В Мосуле же «требуют с нашей стороны внимания местные курды и пестрое христианское население верхней Месопотамии»¹³⁰. Таким образом, в обосновании необходимости открытия новых консульств в Турции

правительство России исходило не только из своих «армянских», но и «курдских» интересов. Учреждению новых консульств помешала начавшаяся вскоре война.

Среди различных предложений по активизации деятельности России в Восточной Турции и Северо-Западном Иране следует особо выделить рекомендацию развернуть культурно-просветительскую работу среди курдов. Так, Олферьев, отмечая успехи американских и иных миссионеров в последние годы и отставание русских в указанных районах, писал: «Мы должны начать в Турецкой Армении и Курдистане серьезную культурную работу, не останавливаясь ни перед трудностью задачи, ни перед денежными затратами. В результате мы добьемся блестящих последствий и потуги тех, которые стремятся выставить нас перед глазами пробуждающихся восточных народов „варварами“, окажутся тщетными»¹³¹.

Таковы же были взгляды главы прорусской партии в курдском освободительном движении Абдуррезака. В начале 1913 г. в Хое под председательством Абдуррезака было организовано курдское просветительское общество «Гехандени» («Просвещение»). Оно предполагало основать курдскую газету, типографию, школы. Абдуррезак обратился в русское консульство с просьбой взять это общество под свое покровительство с правом контроля над его деятельностью¹³².

В феврале 1913 г. Абдуррезак через вице-консула в Хое Чиркова направил русскому правительству докладную записку, в которой была намечена серия мероприятий по развитию русско-курдских связей. Абдуррезак советовал командировать в Курдистан известного уже в те времена русского курдолога И. А. Орбели, впоследствии академика, видного советского кавказоведа, искусствоведа и этнографа, для составления курдской грамматики и словаря. По мнению Абдуррезака, И. А. Орбели должен «сделать перевод с русского на курдский интересных произведений русской литературы и перевести с курдского известные сочинения курдских поэтов, которые еще никогда не были переведены ни на один европейский язык. Работа г. Орбели в этом направлении будет много способствовать сближению двух народностей».

В следующей докладной записке Абдуррезак, ссылаясь на свои беседы с академиком Н. Я. Марром, отмечал настоятельную необходимость создания в Петербурге центра по изучению курдского языка и литературы, первоочередной задачей которого было бы создание курдского алфавита на русской основе. Абдуррезак подробно обосновывал важность замены арабской письменности русской. Он особенно настаивал на посылке в Россию молодых курдов для получения там образования и на важности организации изучения курдами русского языка. Расходы на это, по его мнению, можно по-

крыть за счет зяката (предписываемой шариадом милостыни на благотворительные цели). «Образованные курды,— писал Абдуррезак,— желали бы, чтобы главную роль в изучении Курдистана, его истории и курдского языка и литературы принадлежала бы России, тем более что значительное количество курдов живет в России и что симпатии курдов все более склоняются в сторону русских. К тому же учреждение курдской кафедры при императорском Санкт-Петербургском университете, сделавшись известным в Курдистане, еще более укрепило бы в курдах стремление приобщиться к русской культуре». В заключение Абдуррезак особо подчеркивал, что указанные выше мероприятия принесли бы, без сомнения, большую практическую пользу для работы Министерства иностранных дел, и особенно для деятельности русских консульств в Курдистане¹³³.

Идеи Абдуррезака нашли полное сочувствие у вице-консула в Хое Чиркова, с которым Абдуррезак был наиболее близок. «Доверие курдов к нам растет с каждым днем»,— писал Чирков. Россия, по его мнению, должна это использовать и помогать Абдуррезаку во всех его культурных начинаниях, особенно в связи с опасностью усиления влияния Англии и Германии в Курдистане. Чирков выражал уверенность, что больше всего выиграет в глазах курдов тот, «кто ранее приступит к созидательной работе», в том числе и в области просвещения и культуры¹³⁴.

Российский вице-консул сделал попытку реализовать идеи Абдуррезака в подведомственном ему округе Иранского Курдистана. 4 ноября 1913 г. в Хое в торжественной обстановке была открыта первая в городе курдская школа, построенная на средства, собранные самими курдами. В программу школы было включено изучение русского языка и литературы. Курдский язык преподавался на русском алфавите. При школе была открыта небольшая амбулатория. Учеников в школе насчитывалось вначале всего 29 человек¹³⁵.

Открытие школы в Хое было событием для всего Иранского Курдистана и Азербайджана. Сторонники Турции начали вести ожесточенную антирусскую агитацию среди местной знати и духовенства. Агенты бельгийской таможенной администрации распускали ложные слухи о поборах и насилиях, которыми якобы сопровождалось строительство школы. Особенно был недоволен макинский сердар, мракобес и реакционер, выдававший себя за друга России. По его наущению хойский губернатор преследовал мастеров, работавших на постройке школы.

Турки, опасавшиеся роста симпатий курдов к России, поспешили предпринять контрмеры. Несмотря на отсутствие в казне денег после окончания Балканских войн, они поспешили объявить об ассигновании крупных сумм на строитель-

ство курдских школ вблизи турецко-иранской границы. Интерес к просвещению курдов внезапно пробудился и у немцев. Германский вице-консул в Мосуле Гольдштейн предложил посылать курдских мальчиков для обучения в Германию и обещал принимать курдов в немецкие миссионерские школы в Ване. Реакция турок и немцев свидетельствовала о том, что культурно-просветительская деятельность могла стать эффективным средством укрепления позиций России в курдских землях и привлечения на ее сторону курдских народных масс. «Нам тем более следовало бы позаботиться о культурном привлечении курдов на нашу сторону»,— писал Чирков в связи с попытками турок и немцев перехватить у России инициативу в этом деле; он предлагал одновременно приступить к подготовке учителей для курдов и открыть новые школы в Чехрике, Соме и Барадосте¹³⁶.

Однако призывы к культурно-просветительской работе среди зарубежных курдов не могли найти отклика в руководящих кругах царской России. Традиционная косность правительственного аппарата, нежелание и боязнь царских властей содействовать просвещению народных масс, тем более «инородцев»,— все это мешало русским правящим кругам применять по отношению к курдам более гибкие методы, которые давно уже применяли германские, английские, американские и иные колонизаторы. Российские чиновники получали инструкции ограничиваться только контактами с курдской «элитой», и то по преимуществу находившейся в эмиграции. Естественно, что это значительно затрудняло достижение тех целей, которые ставила перед собой русская дипломатия в отношении курдов.

Правда, в предвоенные годы в правительственных сферах России все же было проявлено понимание политической необходимости более близкого ознакомления с курдами и всеми сторонами их жизни. Ущерб от отсутствия достаточной и правдивой информации о курдах был слишком очевиден. Как говорил корреспондент «Биржевых ведомостей» Ольгенин в своей лекции о поездке в Восточную Анатолию, «мы слишком мало знаем их (курдов.— М. Л.). Такое положение — результат близорукой политики России. Англия и Германия в этом отношении пошли дальше. Государства эти уже давно обратили должное внимание на курдов. Жизнь их систематически, в течение последних лет, изучается». Об актуальности изучения курдов, отмечал Ольгенин, говорит то, что все их восстания «совпадают с более или менее активными проявлениями русской политики»¹³⁷.

Оживление курдоведения в России было вызвано в первую очередь политическими причинами. «В те годы,— писал биограф И. А. Орбели К. Н. Юзбашян,— развитие курдологии в России стимулировалось не только научными, но и по-

литическими интересами Российской империи на Востоке»¹³⁸. В письме управляющего Петербургским учебным округом от 6 (19) июля 1914 г. говорилось: «Согласно соображениям, сообщенным Министерству Народного Просвещения Министерством иностранных дел, представляется желательным ввести в факультет Восточных языков И. С. П. Университета преподавание курдского языка и курдской этнографии. В целях подготовки соответствующего специалиста Министерство Народного Просвещения признало возможным продлить срок оставления при Университете магистранта Орбели по 1 января 1915 г. с назначением ему содержания как оставленному при Университете...»¹³⁹.

В это время, по-видимому для И. А. Орбели, Н. Я. Марр составил «Программу занятий по курдской этнографии», в которой были отражены богатые материалы о курдских племенах, почерпнутые из литературы или основанные на его личных наблюдениях¹⁴⁰.

Для развития курдологии в России определенное значение имела деятельность курдских русофилов, особенно Абдуррезака. К их рекомендациям, о которых говорилось выше, в Петербурге, видимо, прислушивались; они оказывали и практическую помощь русским курдологам. В отчете, поданном И. А. Орбели на факультет восточных языков Петербургского университета, говорилось: «Весной отчетного года (1914.— М. Л.), воспользовавшись пребыванием в Петрограде известного курдского политического деятеля Бодырхана Иезданшира (Абдуррезака), читал с ним и пользовался его объяснениями (в отношении языка) к некоторым суфическим стихотворениям прославленного курдского поэта Ахмеда Хани из Джелире, автора стихотворного романа „Мам и Зин“»¹⁴¹.

Поощряемые сверху усиленные занятия русских ученых в области курдологии имели важное значение для развития этой отрасли востоковедения¹⁴², а также для налаживания в некоторой степени русско-курдских культурных связей; но их политическая отдача, конечно, была малоощутима, поскольку среди самих курдов никакой культурно-просветительской деятельности не проводилось. Отношение к курдам русского правительства по-прежнему было чисто прагматическим.

Главной проблемой политики правительства России в Восточной Турции были курдские освободительные движения, потрясавшие Османскую империю в последний год перед мировой войной.

Как и прежде, позиция России была весьма осторожной. Гирс в донесении Сазонову от 14 февраля 1913 г. отмечал, что русские дипломатические представители стараются воздерживаться от близких сношений с курдскими вождями, и особенно от каких-либо обязательств¹⁴³. Так, по совету Чиркова Абдуррезак отказался возглавить подготовляюще-

еся выступление хайдеранлинцев, о чем просил их представитель Хасан-ага¹⁴⁴.

В середине марта 1913 г. Гирс имел беседу с посланцем шейха Махмуда Барзанджи. Последний, при условии сохранения своего владычества в Сулеймании и Киркуке, предложил себя и подвластных ему курдов в полное распоряжение России «как для вызова крупных беспорядков, которые могли бы повлечь вмешательство, так и кооперацию во время войны». Гирс заявил, что сведений о намерении занять край он не имеет, но ожидает от курдов «благожелательного к нам отношения и снабжения наших войск за плату провиантом и перевозочными средствами»¹⁴⁵.

В августе того же года переговоры с представителями Барзанджи вел генеральный консул в Багдаде Орлов. Курды пытались выяснить, чего им следует ждать от России в случае восстания против турецкого правительства. Они обещали немедленно перейти на сторону России, «если только им будут гарантированы личная и имущественная неприкосновенность и существующее племенное устройство, исключаящее вмешательство чуждой им администрации в их повседневные взаимоотношения...» «Положение объединенного Курдистана в отношении России,— писал далее Орлов,— рисуется курдам в виде существующего политического положения Бухары и Хивы или индийских полунезависимых провинций по отношению к Англии с присущей последним военной организацией».

Как же ответил русский консул на столь далеко идущие декларации одного из могущественнейших вождей Иракского Курдистана, сулившие России несомненные военные и политические выгоды? Он наотрез отказался дать какие-либо политические обязательства, выразив одновременно большие сомнения в искренности курдов и в их решимости бороться с турецким правительством и противостоять посулам его агентов¹⁴⁶. Русские представители в своих сношениях с курдскими вождями предпочитали играть роль осторожных советчиков, так сказать «сдерживающей силы».

Такой подход к курдскому освободительному движению отдельные русские представители в Турции и Иране вменяли себе даже в заслугу, ибо они не хотели, чтобы их связи с курдскими вождями дали поводы Стамбулу, а также европейским столицам квалифицировать курдские восстания как инспирированные Россией. «Ни Абдуррезак, ни один из отдавшихся под наше покровительство курдских главарей,— писал Чирков,— не решится на выступление против Турции без нашего на то согласия, во всех своих действиях обращаясь ко мне за указаниями»¹⁴⁷. В другом донесении Чирков, отмечая, что турецкое правительство «бьет ложную тревогу по поводу фантастических приготовлений Абдуррезака-бея к вторжению в турецкие пределы» с целью оправдать увели-

чение своих войск на турецко-персидской границе, писал: мы «стараясь использовать все наше влияние на пограничных персидских курдов для удержания их от ответных враждебных выступлений против турок»¹⁴⁸.

Немаловажной причиной столь осторожной политики русских властей, их нежелания эффективно поддерживать курдские движения в Турции были опасения осложнить положение христиан в восточных провинциях Турции. Дело было, конечно, не в афишируемых официальными кругами «гуманных» чувствах к «единоверцам», а в том, что армяне и ассирийцы считались главной опорой русского влияния на востоке Османской империи и русское правительство всегда им отдавало предпочтение перед курдами, как бы последние ни стремились добиться благорасположения России. Осложнение внутреннего положения в Восточной Анатолии было нежелательно для России и ввиду начавшейся дипломатической кампании за армянские реформы.

Значительно больше внимания, чем прежде, начали в России обращать на ассирийцев. Гирс указывал на необходимость поддержки их денежными субсидиями, покровительством консулов, сдерживающим воздействием на курдов и т. п. По мнению посла, делать это надо осторожно; он считал преждевременным (до выяснения международного статуса Армени и Курдистана) побуждать ассирийцев к активным выступлениям против турецкого правительства. Главная задача сейчас, писал Гирс, это организация поездок наших миссионеров к ассирийцам. Но и здесь необходимо не возбуждать подозрений других миссионеров и поддерживать хорошие отношения с курдами, ибо надо «иметь в виду, что в удаленных углах Турции мы не располагаем такими средствами покровительства, как в при-Урмийском районе»¹⁴⁹.

Гирс был сторонником обращения ассирийцев в православие, считая, что это будет иметь важное политическое значение. «Несториане являются, — отмечал посол, — существенным орудием возможного расширения нашего влияния в Курдистане»¹⁵⁰.

Уже отмечалось, что правительство России подходило к этому вопросу с крайней осторожностью. Еще в августе 1912 г. товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов настаивал на отклонении просьбы мар-шимуна Бенъямина о переходе в православие именно потому, что она имела политическую подоплеку — стремление добиться покровительства России. Нератов полагал, что поддержка России может быть обещана мар-шимуну лишь в том случае, если он будет иметь дело только с антиохийским патриархом¹⁵¹.

Однако в канун первой мировой войны в связи с ростом напряженности во всем мире и, в частности, на Ближнем Востоке позиция правительства России несколько измени-

лась. В 1914 г. была увеличена правительственная субсидия православной миссии в Урмии — с 34 400 до 40 тыс. руб. ежегодно (правда, Совет министров отверг просьбу архимандрита Сергия о дальнейшем увеличении каких-либо субсидий)¹⁵².

Урмийская миссия стала главным центром прорусской пропаганды во всем Курдистане, не только Иранском, но и Турецком. Она вела и некоторую просветительскую работу. При миссии существовало училище-пансион с 73 учениками и женская школа с 34 ученицами. Кроме того, миссия открыла 64 сельские трехклассные школы, в которых обучалось 1945 учеников¹⁵³. Однако основной задачей миссии была пропаганда православия среди населения Иранского и Турецкого Курдистана, главным образом среди ассирийцев. Особенно значительных успехов добились православные миссионеры среди пятидесятитысячного ассирийского населения приурмийского района. В 1911 г. приняла православие часть ассирийцев Салмаса, в 1912 г. — Тергевера, в 1913 г. — Сулдуза, в 1914 г. — Мергевера и Барадоста¹⁵⁴. В первой половине 1914 г. был положительно решен вопрос об открытии отделения миссии в Салмаса¹⁵⁵. В конце 1913 г. архимандрит Сергий был возведен в сан епископа с назначением епископом салмасским¹⁵⁶. «Принятие православной веры этими сирийцами, — писал Сергий в отчете о деятельности миссии за 1912 г., — должно непременно идти параллельно с утверждением политического влияния России в Курдистане, в противном случае было бы невозможно насаждать среди тамошних христиан церковные православные порядки. Невозможно также оставлять этих сирийцев без нужной помощи в их тяжелом положении среди курдов». «Русское политическое и культурное влияние, — с удовлетворением писал Сергий, — завоевывает Северную Персию, прилежащую к Курдистану». Это, отмечал Сергий, оказало большое влияние на «горных» (турецких) ассирийцев¹⁵⁷.

В мае 1913 г. мар-шимуна Бенъямин вновь обратился с просьбой о принятии его 70-тысячной паствы в православие. Это обращение было вызвано ухудшением положения хакарийских ассирийцев, на которых турецкие власти натравливали курдские племена, распространяя слухи, что Россия вооружает ассирийцев и хочет их побудить напасть на курдов¹⁵⁸. Кроме того, позиции несторианской церкви вообще были подорваны деятельностью западных миссионеров. На этот раз правительство России согласилось удовлетворить просьбу мар-шимуна. По согласованию с патриархом Антиохийским и всего Востока Григорием было решено для конкретных переговоров командировать в резиденцию мар-шимуна (селение Кочанис) Сергия¹⁵⁹. На поездку ему было отпущено 5 тыс. рублей.

Однако, положительно решив вопрос об обращении ассирийцев в православную веру, Министерство иностранных дел России по-прежнему проявляло крайнюю осторожность. Поездка Сергия в Кочанис под разными предлогами откладывалась с месяца на месяц. Весьма характерно в этом отношении письмо Нератова Саблеру от 7 (20) февраля 1914 г. «Принимая во внимание всю важность для нас с церковной и политической точки зрения вопроса о переходе несториан в православие,— писал Нератов обер-прокурору Синода,— Министерство признает необходимым действовать с особой осторожностью, дабы не вызвать напрасных подозрений со стороны турок и не задевать их самолюбия. Это представляется тем более важным, что при сложившейся ныне политической обстановке можно рассчитывать довести до благополучного конца это трудное дело с помощью дружественных переговоров с турецким правительством и патриархатом». Далее Нератов напоминает, что необходимо поставить несториан в каноническом отношении в зависимость не от Синода, а от Антиохийской патриархии. «При этом, однако, представляется желательным, чтобы Мар Шимун и его паства имели бы точное представление о заботе русской церкви в отношении их и понимали бы, что, по существу, они будут в известной зависимости от св. Синода и лишь номинально от Антиохийской патриархии». Министерство иностранных дел, писал в заключение Нератов, согласно на поездку Сергия в Кочанис лишь при условии, чтобы сна «носила частный и осведомительный характер»¹⁶⁰. Нератов настаивал на обязательном участии представителя Антиохийской патриархии в обращении ассирийцев в православие. Саблер сообщил Сергию, что инициатором такой сверхосторожной тактики в отношении ассирийцев был посол в Турции Гирс¹⁶¹.

Показателен и инцидент, который возник в связи с опубликованием в журнале «Православная Урмия» (№ 19) частного письма Сергия. В этом письме содержался рассказ о том, что во время аудиенции, которую дал Николай II Сергию 21 января 1914 г., царь одобрительно отозвался о намерении ассирийцев принять православие. Турецкий консул в Урмии немедленно телеграфировал своему послу в Тегеран об агрессивных намерениях России в Турецком Курдистане и советовал срочно принять меры. Всполошились и английские миссионеры¹⁶².

В Министерстве иностранных дел России были весьма встревожены этим, казалось бы, незначительным происшествием. Обер-прокурору Саблеру Сазонов с раздражением писал, что Сергию следует впредь воздерживаться от подобного рода действий и вообще надо соблюдать крайнюю осторожность, чтобы ни у кого не возникло впечатление о политическом значении перехода несториан в православие¹⁶³.

В конце концов долгожданная поездка Сергия в Кочанис и обращение горных ассирийцев в православие так и не состоялись. 8 июля 1914 г., когда в Европе возник вызванный саравским убийством кризис, Саблер дал указание Сергию отложить отъезд к мар-шимуну¹⁶⁴. Наступившая вскоре война похоронила все планы России в отношении горных ассирийцев.

В предвоенные годы успешно развивались отношения между Россией и той частью ассирийцев, которая находилась под влиянием католицизма, так называемыми сиро-халдейцами или сиро-яковитами. Накануне первой мировой войны князь Борис Шаховской, занимавший в то время пост консула в Дамаске, вел переговоры с сиро-яковитами через их дамаского епископа Петра, «чтобы,— как писал Шаховской,— воссоединением их с православием утвердить влияние России в Южном Курдистане, учреждением там среди воссоединенных сиро-яковитов целой сети школ Палестинского общества». Переговоры проходили успешно, и на рубеже 1914 г. Шаховской представил соответствующий проект в МИД. Там проект присоединения сиро-яковитов к православию был одобрен, и осенью 1914 г. предполагалось с этой целью направить к ним миссию, но помешала война¹⁶⁵.

История взаимоотношений России с турецкими ассирийцами весьма важна для характеристики русской политики в Турецком Курдистане накануне первой мировой войны. В ней как в капле воды отражается не только отсутствие у России каких-либо агрессивных планов в этом районе, но и боязнь русского правительства навлечь на себя даже подозрение в желании активно вмешиваться во внутренние дела восточноанатолийских провинций Турции. Сохранение во что бы то ни стало равновесия в русско-турецких отношениях, особенно в связи с надвигавшейся с Запада военной угрозой,— в этом состояло кредо ближневосточной, в том числе и «курдской», политики России накануне первой мировой войны.

Что касается роли русской православной миссии в Урмии в укреплении влияния России среди народов Восточной Турции и Западного Ирана, то она в общем оказалась невелика. Единственный крупный успех— обращение в православие урмийских несториан— не был закреплен, поскольку российское правительство «по неизвестной причине» (как писал английский консул в Тебризе Вратислав) не оказало официального покровительства миссии, а сами русские миссионеры употребили «свою энергию больше на ссоры между собой, чем на религиозную пропаганду»¹⁶⁶.

Единственное средство, которое решалось использовать правительство России для укрепления своего влияния на турецких христиан, было дипломатическое давление¹⁶⁷.

В конце мая 1913 г. Гирс обратил «самое серьезное внимание» турецкого министра иностранных дел «на необходимость спешно принять меры к прекращению курдских безобразий, могущих поставить во весь рост армянский и курдский вопросы, что несомненно грозило бы крупными осложнениями для Турции»¹⁶⁸. Через несколько дней по указанию Сазонова Гирс вновь сделал энергичное представление министру иностранных дел и великому визирю. Последний, однако, приписал беспорядки агитации Абдуррезака, подогревающего у курдов национальные чувства¹⁶⁹.

Таким образом, русское правительство, будучи несомненно заинтересовано в курдах, все же отдавало предпочтение христианским подданным Порты и постоянно выступало в их защиту (исходя, конечно, из собственных интересов) от притеснений со стороны турецких властей и курдских феодалов.

Всегда, когда возникал вопрос об отношении к тому или иному курдскому движению, в России в первую очередь смотрели на то, не приведет ли оно к обострению курдо-армянских или курдо-ассирийских отношений.

Андрей Мандельштам, видный юрист-международник, много лет прослуживший первым драгоманом российского посольства в Стамбуле, утверждал, что русские консульские агенты всегда стремились наладить хорошие отношения между курдами и армянами. Он отмечал заинтересованность России в привлечении на свою сторону курдов и решительно отвергал клеветнические обвинения русофобских элементов на Западе в адрес русских властей, которые якобы разжигали курдо-армянскую вражду с целью дискредитации младотурецкого режима и облегчения своего вмешательства в турецкие дела¹⁷⁰.

Подобные вымыслы о политике России в Курдистане и Армении чаще всего принадлежали германским агентам в Турции и Иране, в том числе и занимавшим дипломатические посты; они черпали информацию в дашнакских кругах, ориентировавшихся на западные державы. Так, один из видных армянских деятелей сказал германскому послу в Стамбуле фон Вангенгейму, что Россия преследует в Восточной Анатолии такую же цель, что и на Балканах: она стремится натравить одну национальность на другую, в частности — спровоцировать новую резню армян¹⁷¹. Эта же версия (Россия стремится добиться отпадения курдов от Турции и в этих целях, войдя в близкие отношения с наиболее влиятельными курдскими вождями, мешает всем попыткам сближения между армянами и курдами и хочет толкнуть последних на новую резню армян, дабы иметь повод для вмешательства) содержится в донесениях самого Вангенгейма канцлеру Бетман-Гольвегу. Между тем в распоряжении германского посла

должно быть достаточно данных, позволявших правильно осветить политику России в этом районе и не дезинформировать свое правительство. Справедливо отмечая, что положение в Курдистане критическое и там, по словам самих турецких министров, может рухнуть турецкое господство, Вангенгейм без всяких оснований утверждал, что Россия стремится превратить Курдистан в русскую провинцию, используя в этих целях и турецко-иранский пограничный конфликт¹⁷².

Замыслы же России в Восточной Анатолии были гораздо скромнее, а ее политика — гораздо осторожнее, чем это представлялось германскому дипломату, который, вольно или невольно, поставлял в Берлин искаженные сведения. Достаточно проследить за взаимоотношениями России с руководителями курдского движения в последние месяцы перед мировой войной.

Главной фигурой в русофильских курдских эмигрантских кругах был по-прежнему Абдуррезак. В конце 1913 г., ввиду явного нежелания русского правительства помочь организации всеобщего восстания в Турецком Курдистане, он предложил Воронцову-Дашкову превратить Иранский Курдистан в главную базу общекурдского движения. Сам Абдуррезак изъявил готовность отказаться от турецкого подданства и перейти в иранское при условии, что иранское правительство назначит его на соответствующую его положению должность. В противном случае Абдуррезак просил посредничества России в примирении с турецким правительством и даже угрожал, что может обратиться к немцам.

Кавказский наместник поддержал новые планы Абдуррезака. «Для нас было бы очень выгодно, — писал он в середине декабря 1913 г. в Министерство иностранных дел, — организовать персидских курдов в желательном для нас направлении, тем более что такая организация персидских курдов, несомненно, обеспечила бы нам в будущем решающее влияние на турецких курдов... Нам следовало бы принять услуги Абдуррезака на определенных условиях: непременным условием является материальная поддержка его, которая, ввиду его очень стесненного в этом отношении положения, составляет, вероятно, главнейшую цель настоящей поездки в Санкт-Петербург»¹⁷³.

Однако взгляды кавказского наместника не разделяли ни в российском посольстве в Стамбуле, ни в Петербурге. Гирс с большим предубеждением относился к Абдуррезаку, считая, что поддержка его планов сулит России одни только осложнения. «К деятельности Абдуррезака, — телеграфировал он в Петербург, — следует относиться крайне осторожно и во всяком случае появление его на турецкой границе крайне нежелательно, так как оно возбудит лишь подозрение турок

и побудит их искать сближения с курдами и смягчить принимаемые против них меры»¹⁷⁴.

Ненамного лучшего мнения об Абдуррезаке были и в Петербурге. О том, что Абдуррезак не пользуется покровительством правительства России, которая не придает его личности никакого значения, писал еще в начале 1913 г. турецкий посол в Петербурге Турхан-паша¹⁷⁵. Пожалуй, турецкий посол несколько преувеличивал, но несомненно, что в русском Министерстве иностранных дел к ширококестельным планам Абдуррезака и к его претензии на лидерство в курдском движении относились неприязненно¹⁷⁶. Руководители русской внешней политики отводили ему гораздо более скромную роль. Об этом свидетельствуют итоги поездки Абдуррезака в русскую столицу в марте 1914 г.

В результате нескольких бесед Абдуррезака с Клеммом «решено было, — по словам последнего, — впредь пользоваться услугами его в качестве нашего агента-осведомителя и проводника нашего влияния среди персидских и турецких курдов. Одна из главных задач, возложенных пока на Абдуррезака, — способствовать возможному сближению курдов с армянами и айсорами, необходимость чего, в интересах самих курдов, он вполне оценил». Абдуррезак установил контакты, отмечал Клемм, с армянскими кругами в Петербурге «и склонил их к образованию общества армяно-курдского сближения». Такое же общество, по мнению Клемма, должно быть образовано в Тифлисе или в другом месте на Кавказе. Далее Клемм пишет, что изложенная Абдуррезаким широкая программа культурных и экономических преобразований в Курдистане трудно осуществима. Ему предписано было воздержаться от интриг против турецкого правительства. Стремление Абдуррезака принять иранское подданство и получить при содействии правительства России крупный административный пост в Иранском Курдистане также неосуществимо; иранское правительство не пошло бы на этот шаг из-за страха ухудшить отношения с Турцией и Россией, а также помешать ирано-турецкому разграничению.

Было решено, что Абдуррезак направится из Тифлиса в Тебриз, где постарается сблизиться с известным сторонником России азербайджанским губернатором Шоджа-од-Доуле. Абдуррезаку была назначена субсидия в 300 руб. в месяц, «каковую он и будет получать впредь до того, когда удастся так или иначе обеспечить его положение»¹⁷⁷.

Таким образом, роль, которую отводило российское правительство Абдуррезаку, была довольно скромной, ограниченной, по существу, информаторскими функциями и подчиненной скорее задачам «армянской», чем «курдской», политики; сравнительно скромным было и содержание, установленное курдскому вождю. Более всего русское правительство

опасалось самостоятельных действий Абдуррезака среди зарубежных курдов, его заветного желания организовать и возглавить всеобщее восстание в Турецком Курдистане. В связи с приездом Абдуррезака в Тебриз Клемм писал генеральному консулу Орлову, что, во-первых, он не должен поддерживать явных отношений с Абдуррезаким и, во-вторых, Абдуррезаку надо внушить «необходимость действовать крайне осторожно и отнюдь не предпринимать ничего против турок»¹⁷⁸.

Вообще, отношение России к курдскому движению в Османской империи было более чем сдержанное. Создается впечатление, что русское правительство не только стремилось отстраниться от всякого участия в курдских восстаниях, но и делало все, чтобы удержать курдских вождей от выступлений против турецкого правительства. В марте 1914 г. хан макинский вел переговоры по курдскому вопросу с министром иностранных дел Сазоновым и кавказским наместником Воронцовым-Дашковым. Информировав Сазонова о своих переговорах в Тифлисе с представителями хайдеранли, хан сказал, что «курды и армяне ныне, соединившись на общей почве ненависти к туркам, желали бы отдаться под покровительство России и лишь по одному знаку русских готовы поднять мятеж против бессильных в занимаемых ими областях турок и, отделившись от Турции, облегчат России исполнение намеченных ею задач». Министр уклонился от обещаний, сказав, что вопрос сложный и серьезный, но сердар может вести переговоры с курдами в Тифлисе¹⁷⁹. Наместнику же хан сообщил «о целом плане курдского восстания в Турции в союзе с армянами и просил поддержки России этому движению, указывая, что в силу вещей он, как глава персидских курдов, может оказать влияние на турецких курдов. Наместник ему никакого положительного ответа на это не дал, а просил лишь держать его постоянно в курсе всех перипетий этого движения, указывая, что в случае необходимости для хана быть осведомленным в том или ином отношении России к вопросу он может обратиться к российскому вице-консулу в Маку»¹⁸⁰.

Битлисское восстание поначалу не вызвало положительного отклика у русского правительства. Одной из причин этого было сложившееся в Петербурге ошибочное мнение, что восстание вспыхнуло в связи с намерением держав осуществить армянские реформы. В разгар восстания Сазонов запросил Гирса, не нужно ли оказать на курдов воздействие сдерживающего характера через находившегося тогда в России Абдуррезака¹⁸¹. Гирс обратил внимание великого визиря на курдское движение в Битлисском вилайете, имея в виду случаи насилий над армянами. Саид Халим-паша обещал принять все меры к предупреждению осложнений¹⁸². Вскоре

Гирс телеграфировал Ширкову о недопустимости принятия руководителя битлисских курдов Моллы Селима и трех его соратников, укрывшихся в русском вице-консульстве, в русское подданство. «...Если нам не следует возбуждать против себя курдов,— писал посол,— мы тем не менее не можем потакать разбойничеству»¹⁸³.

Однако русское правительство очень быстро изменило свое отношение к восстанию, отказавшись под воздействием неопровержимых фактов от квалификации его как «разбойничьего» движения. Россия выступила в защиту руководителей этого восстания. Гирс отклонил просьбу великого визиря о выдаче Моллы Селима и троих его соратников, заявив, что курдское движение носит чисто политический характер¹⁸⁴. Тем не менее Россия не использовала битлисское восстание для укрепления своих позиций и своего влияния в Восточной Анатолии.

Аналогичным было отношение правительства России к восстанию шейха Барзани в Иракском Курдистане. Надо сказать, что вице-консул в Хое Чирков еще в начале восстания шейха Абдул-Саляма резко протестовал против нейтрального отношения России к курдским движениям в Турции и требовал «настоять на отмене военных действий Турции против шейха Барзана в Ревандузе». «Постоянное оберегание нами турок от мщения со стороны курдов,— писал он,— может крайне невыгодно отразиться на нашем дальнейшем воздействии на аширеты и толкнуть их в сторону германского покровительства, могущего оказаться для них более существенным, чем сдерживающие уроки. Настоящий момент крайне благоприятен для германских видов в Курдистане»¹⁸⁵.

С Чирковым был частично солидарен и вице-консул в Урмии Введенский. Сообщая, что Барзани через шейха Та просил о покровительстве России в случае невозможности оказывать сопротивление туркам и вынужденного перехода на иранскую территорию, он советовал не отказывать ему, отмечая, что услугами Барзани можно воспользоваться «при предстоящей нам работе среди его соседей-несториан»¹⁸⁶.

Русское правительство, однако, и пальцем не пошевелило, чтобы поддержать восстание иракских курдов, хотя и оказало, как уже писалось, личное покровительство шейху Барзани. После водворения его в Нахичевань ему была даже выделена небольшая субсидия (150 руб. в месяц). Он ездил в Тифлис, где вел переговоры с представителями наместника. В то же время русские власти употребили свое влияние на шейха Абдул-Саляма, чтобы не допускать его дальнейших выступлений против турецкого правительства. В конце апреля 1914 г. одновременно с просьбой о покровительстве шейх

Барзани предложил России помочь ему поднять восстание в Ревандузе¹⁸⁷. Из Петербурга последовал категорический отказ. Клемм писал вице-консулу в Урмии: «Барзани в Ревандуз пускать не следует, предупредив его, что какие-либо дальнейшие выступления его против турок лишат нас всякой возможности оказывать ему даже негласное покровительство»¹⁸⁸. Согласно этому указанию Введенский во время пребывания Абдул-Саляма в Урмии, куда он переехал из России, невзирая на его готовность «послужить нам в районе несториан», удержал его от похода на Шемдинан¹⁸⁹.

Хотя роль России в освободительном движении курдов Османской империи накануне первой мировой войны ограничилась только покровительством бежавшим в Иран или в Россию отдельным курдским вождям, восстания в Турецком Курдистане ухудшили русско-турецкие отношения. Порта считала Россию инициатором всех курдских движений, а проживавших на русской территории курдских эмигрантов — их тайными организаторами и инспираторами. В битлисских событиях, как отмечалось выше, турки винили Симко, и в особенности Абдуррезака. Несмотря на то что русское Министерство иностранных дел решительно отрицало какое-либо участие Абдуррезака и Симко в Битлисском восстании, в Порте по этому поводу велись беседы с Гирсом¹⁹⁰. Порта также без каких-либо доказательств обвиняла русского консула в Багдаде Орлова в антитурецких интригах среди иракских курдов.

Озабоченность турецкого правительства мнимым вмешательством России в курдские движения не прошла и после подавления восстаний в Битлисе и Ираке. В середине мая 1914 г. турецкий поверенный в делах Фахреддин известил русское Министерство иностранных дел, что Абдуррезак вместе с Саид-беем, который неоднократно бывал в России, намереваются сформировать «банды» для вторжения в Турцию. Фахреддин просил удалить Абдуррезака с границы. Клемм отверг предъявляемые Абдуррезаку обвинения. (Одновременно он предписал Чиркову, чтобы тот посоветовал Абдуррезаку не предпринимать никаких враждебных действий против Турции)¹⁹¹. Несколькими днями позже великий визирь обратился к Гирсу с просьбой повлиять на Симко и Абдуррезака, которые возбуждали курдов против турецкого правительства.

Одной из причин, по-прежнему осложнявшей русско-турецкие отношения, были переселения курдских вождей, а также целых племен из Турции в Иран и Россию и частые просьбы курдов к русскому правительству о покровительстве. Эти действия нередко ставили русские власти в затруднительное положение, поскольку обостряли и без того накаленную обстановку на стыке русско-турецкой и русско-иран-

ской границ. Например, в мае 1914 г. известный курдский вождь Сюто просил у русского правительства разрешения перейти на иранскую территорию и стать под покровительство России. Вице-консул в Урмии Введенский считал, что удовлетворение этой просьбы «с местной точки зрения» было бы совершенно нежелательным¹⁹².

Сазонов считал своевременным разъяснить Турции позицию русского правительства в связи с подобными действиями курдских вождей. «Ввиду частых жалоб турок, — инструктировал он Гирса, — на неурядицы на персидской границе и их подозрений против проживающих в Персии курдских выходцев, а с другой стороны — нежелательности отталкивать от нас курдов и затруднительности устраивать и обеспечивать означенных выходцев в Персии или на Кавказе, полагал бы полезным обратить внимание Порты на то, что неурядицы и притеснения, испытываемые курдами в смежных с Персией областях, вызывают крайне нежелательную эмиграцию курдов и что поэтому турецкому правительству надлежит принять меры к устранению причин, вызывающих это явление»¹⁹³.

Инструкция, между прочим, еще раз подтверждает, что правительство России, несмотря на свое нежелание оказать курдам какую-либо помощь в борьбе против турецкого господства и осложнять из-за них свои отношения с Портой, все же было заинтересовано в привлечении на свою сторону курдских племен Турции. Поэтому, вопреки протестам Порты, Россия по-прежнему покровительствовала главнейшим курдским вождям. Когда, например, пронесся слух, что иранское правительство намеревалось выдать туркам Абдуррезака, шейха Барзани и шейха Та, Клемм написал посланнику в Тегеране Коростовцу о необходимости убедить персов, «насколько невыгодно для Персии отталкивать от себя турецких курдов». В случае опасности выдачи, писал Клемм, надо посоветовать курдам поскорее перебраться на Кавказ¹⁹⁴.

Итак, в предвоенные месяцы правительство России не пожелало использовать для укрепления своего влияния в Турецком Курдистане освободительное движение курдов. Это отрицательно сказалось на престиже России среди курдов, на чем пытались сыграть западные державы. Поддержка русским правительством отдельных курдских вождей, главным образом находившихся в эмиграции в России и Иране, не имела существенного значения, тем более что многие из них, естественно, перестали доверять правительству России.

АРМЯНСКИЕ РЕФОРМЫ И КУРДСКИЙ ВОПРОС

Был еще один немаловажный аспект ближневосточной политики России, непосредственно затрагивавший курдскую проблему, — реформы в Турецкой Армении. Этому вопросу

посвящена обширная литература, и здесь не место на нем останавливаться. Вкратце стоит коснуться лишь тех сторон данной темы, которые связаны с положением курдов.

В период балканских войн Россия вновь начала настаивать на проведении реформ в армянских вилайетах Турции, обещанных турецким правительством еще по Берлинскому трактату. Выдвигая армянский вопрос на повестку дня, в Петербурге рассчитывали, во-первых, что тяжелые внешнеполитические и военные затруднения вынудят турецкое правительство на этот раз пойти на серьезные уступки, и, во-вторых, что Англия и Франция в обострившейся международной обстановке не будут чинить России препятствий на востоке Малой Азии, как это они делали прежде. Эти расчеты оправдались, но только частично. Порты, действительно, вынуждена была пойти на переговоры с Россией по армянскому вопросу. Германия и Австро-Венгрия, фактически выступавшие в защиту турецкой шовинистической политики, хотя и старались ослабить нажим русского правительства на Порту относительно реформ в армянских вилайетах, были не в состоянии оказать своему турецкому союзнику действительную помощь.

Что касается Англии и Франции, то они в общем поддерживали дипломатическую инициативу России, но далеко не в той степени и не с такой интенсивностью, как это было желательно Петербургу.

Нас в первую очередь интересует, какими гранями возбужденный русской дипломатией армянский вопрос соприкасался с курдской проблемой, какие политические цели преследовала Россия (если исходить из ее непосредственных интересов в курдо-армянских вилайетах Турции). На этот счет мы располагаем весьма авторитетными свидетельствами.

В докладной записке по армянскому вопросу, направленной Сазоновым Совету министров, очевидно, где-то около 1912 г., читаем: «Если немцам и туркам нужна Армения без армян, если им необходимо уничтожение армянского клина, если они хотят истребить барьер, существующий между нашими мусульманами, и курдами, и турками, задача России воссоздать, во что бы то ни стало, этот барьер между турками и курдами и нашими татарами»¹⁹⁵. Итак, через два десятка лет после Лобанова-Ростовского, которого тоже устраивала «Армения без армян», русская политика в армянском вопросе сделала крутой поворот и начала отводить турецким армянам роль союзника против турок и курдов. Последним в Петербурге, очевидно, явно не доверяли и на их содействие не рассчитывали.

Примерно сходных взглядов придерживался один из влиятельнейших сановников Российской империи, наместник на Кавказе Воронцов-Дашков. В связи с предполагавшейся

поездкой католикоса в Петербург он писал царю: следует «сделать категорическое заявление Порте с ссылкой на Берлинский трактат, об обеспечении армянам безопасности от курдов. Нельзя, по-моему, упускать инициативу заступничества за армян из наших рук». Необходимо, продолжал граф Илларион Иванович, «вперед подготовить себе сочувствующее население в тех местностях, которые, при современном положении вещей, волей-неволей легко могут оказаться в сфере наших военных операций».

В то же время Воронцов-Дашков сделал существенную оговорку, категорически возражая против территориальных притязаний к Турции. «...Приобретение так называемой Турецкой Армении,— писал он,—населенной по преимуществу дикими курдами, в данное время могло бы быть только вредным для нас, создавая огромные заботы по управлению страной с пестрым, враждующим между собой, фанатичным населением»¹⁹⁶. Таким образом, кавказский наместник также был настроен явно армянофильски и в общем антикурдски.

Постановку армянского вопроса на повестку дня русское правительство мотивировало в первую очередь соображениями своей кавказской политики. В памятной записке русского правительства державам по армянскому вопросу говорилось о «тесной связи» «между армянским вопросом и задачами русского управления на Кавказе. Императорское правительство не может допустить хронического состояния беспорядка и анархии, которые благодаря близости турецкой границы не могут не отражаться самым пагубным образом на смежных областях Кавказа. Последние известия подкрепляют впечатление, что в недалеком будущем можно ожидать прискорбных бесчинств со стороны курдов»¹⁹⁷.

То, что «кавказский» аргумент отражал действительную заботу царского правительства, а не использовался только в качестве дипломатического козыря, доказывают и мемуары С. Д. Сазонова, написанные много лет спустя, на досуге в эмиграции, когда описываемые события перестали быть актуальными, по крайней мере, для бывшего российского министра иностранных дел. Утверждая, что «армяне нигде, за исключением нескольких городов, не составляли большинства местного населения» и что армянский народ «был отдан турками в крепостную зависимость курдским феодальным владетелям»¹⁹⁸, Сазонов особо указывает на опасность распространения армянского восстания в Турции на Россию. «Закавказье, с его пестрым и плохо замиренным населением,— пишет автор,—представляло опасную почву для всевозможных смут и волнений, и наша местная администрация была крайне заинтересована в том, чтобы пограничные с нами турецкие области не сделались театром вооруженного восстания. Едва ли надо указывать на то, что такое восстание привело

бы почти неизбежно к войне между Россией и Турцией, т. е. к таким последствиям, которые русское правительство желало, во что бы то ни стало, предотвратить». «...Не один только гуманитарный интерес к судьбе несчастного христианского населения, как бы жив он ни был,—конкретизирует Сазонов,—но и желание поддержать порядок в наименее спокойной из наших окраин привело императорское правительство к созданию необходимости взять в свои руки почин переговоров относительно проведения коренных реформ в армянских вилайетах»¹⁹⁹.

Бросается в глаза существенный нюанс в мотивировке цитированных документов. Обращаясь к Европе, русское правительство оперировало «курдской» опасностью и необходимостью защиты угнетаемых курдами и турками армян, а для «внутреннего употребления» выдвигалась угроза армянского восстания. Думается, что оба эти аргумента играли в основном служебную роль, первый—для воздействия на европейское общественное мнение, второй—для убеждения отечественных охранителей разных рангов и мастей в необходимости активизации политики страны как в армянском вопросе, так и вообще на всем Ближнем Востоке. Царизм в преддверии приближающейся решающей схватки за передел мира взял на вооружение как армянский, так и курдский вопросы в целях защиты собственных колониальных и империалистических интересов в Закавказье и сопредельных с ним районах Турции и Ирана, причем в Петербурге и Тифлисе отдавали себе отчет в том, что эта политика включает в себя задачи и оборонительные (оборона Кавказа от турецко-германского блока) и наступательные (расширение сферы российского колониального влияния в Турции и Иране). В предвоенные годы правительство России постоянно учитывало возможность возникновения военного конфликта с Турцией и главным образом с этой точки зрения подходило к армянскому и курдскому вопросам, рассматривая их скорее как единый армяно-курдский вопрос и делая упор на первой части этого определения.

Вот что говорит по этому поводу весьма авторитетный историк А. М. Зайончковский. По его мнению, кавказско-турецкий театр военных действий отличается от европейского, в частности, следующими особенностями: «7. Необходимость для русских как по свойству самого театра (трудность обороны), так и по характеру населения активных действий даже при постановке себе пассивных задач. 8. Состав населения в Армении и в Закавказье, враждебный господствующим национальностям, мог внести в военные операции в большой дозе политический элемент»²⁰⁰. Таким образом, по совершенно справедливому мнению А. М. Зайончковского, положение основных национальных меньшинств Закав-

казья и смежных областей представляло для русского командования первостепенный практический интерес. Тем более, что «с 1907 и вплоть до 1914 годов, — отмечал Зайончковский, — обоюдные отношения России и Турции принимали все более и более обостренный характер, и они неоднократно доходили почти до открытого разрыва. Вопрос о десантной операции к берегам Босфора и о наступлении русских войск в пределы Армении даже без объявления войны много раз висел на волоске²⁰¹, и единоборство между Россией и Турцией удерживалось только дипломатическим воздействием и страхом преждевременного начала европейского пожара»²⁰². Последний предвоенный тур обострения русско-турецких отношений был связан как раз с армянской проблемой, когда (в январе 1914 г.) был поднят вопрос о срочной мобилизации войск Кавказского военного округа и Черноморского флота «и о выдвижении части войск для занятия исходного положения в пределы Эрзерумского вилайета»²⁰³.

Вмешательству России в армянский вопрос в Турции и постановке его русской дипломатией на международной арене способствовала недалековидная политика турецкой правящей верхушки, стремившейся спровоцировать инциденты между курдами и армянами, дабы, с одной стороны, ослабить курдское движение, а с другой — затруднить (а затем и сорвать) переговоры о реформах в Армении. Кое-где подстрекательская деятельность турок приносила плоды. К резне армян призывали некоторые курдские вожди в районе Баязида, больше всего — вождь джелали Ибрагим. Вице-консул в Баязиде Акимович писал, что курды не устраивают армянских погромов только потому, что боятся прихода русских войск²⁰⁴. Но многочисленные сообщения (католикоса Геворка, некоторых русских консулов и др.) свидетельствуют о нападениях курдов на армян²⁰⁵. Все это давало России удобные предлоги для нажима на Порту с целью добиться от нее уступок в армянском вопросе.

Однако, вопреки подстрекательской политике турецких властей, в рассматриваемый период, как уже отмечалось, одновременно усилилась и стала довольно заметным фактором тенденция как со стороны армян, так и со стороны курдов к смирению взаимной вражды. Это значительно облегчало русскому правительству проведение переговоров с армянскими, в первую очередь, а также с курдскими националистами в связи с проводившимися реформами в Турецкой Армении.

Многие видные деятели армянского освободительного движения призывали курдских вождей создать единый анти-турецкий фронт. Из России в Турецкий Курдистан прибыли посланцы армянских организаций, которые стремились при-

влечь курдов на сторону России и побудить их вместе с армянами выступить против турецкого правительства. На эти призывы откликнулись некоторые влиятельные курдские вожди, в том числе Кор-Хусейн-паша, высказавшие готовность примкнуть к антитурецкому союзу курдов и армян. Турецкие власти, перехватившие секретную переписку русского вице-консульства в Баязиде с Кор-Хусейном-пашой, были весьма встревожены этими известиями²⁰⁶.

Армянские националисты в своих попытках сплочения курдов с армянами больше всего полагались на содействие России. В середине августа 1913 г. видный армянский деятель Я. Х. Завриев обратился в Министерство иностранных дел России со следующим предложением: «Не признано ли будет возможным попытаться склонить подданных России курдов к примирению с армянами в Малой Азии?»

Просьба Завриева была поддержана Сазоновым. «Считая со своей стороны осуществление этого предложения вполне целесообразным, — писал он Гирсу, — имею честь покорнейше просить вас снабдить подлежащих консульских наших представителей соответственными указаниями, если вы не встречаете со своей стороны возражений против воздействия в этом смысле на курдское население»²⁰⁷.

Эти факты наглядно разоблачают лживость распространявшихся тогда германскими и некоторыми другими иностранными представителями в Турции инсинуаций о разжигании русскими армяно-курдской вражды. Некоторые наиболее компетентные знатоки ближневосточных проблем в России, отмечая неразрывную связь курдского и армянского вопросов, требовали их одновременного разрешения. Ширков, например, писал Минорскому: «...Армянский вопрос был всегда курдо-армянским, так как армяне страдали и страдают именно от курдов при слабости и неспособности (умышленной или неумышленной — это тоже большой вопрос) турецких властей». Далее Ширков указывал на важность скорейшего разрешения «курдского вопроса», т. е. вопроса о курдской автономии²⁰⁸.

Однако руководители русской внешней политики по-прежнему были озабочены только армянскими реформами. Во время переговоров с Портой по армянскому вопросу русская дипломатия касалась курдской проблемы лишь в той мере, в какой надо было обеспечить национальные интересы армян и безопасность в армянских вилайетах. Так, русское правительство потребовало роспуска хамидие. Когда турецкий поверенный в делах в Петербурге заявил, что его правительство готово принять русский проект реформ в Армении при условии согласия России на некоторые уступки, в том числе на сохранение хамидие, Сазонов категорически отверг эту оговорку²⁰⁹.

В дальнейшем Россия пошла на некоторые уступки. Предварительное соглашение о реформах в Армении было парафировано в Стамбуле 8 февраля 1914 г. поверенным в делах России Гулькевичем и великим визирем Саидом Халим-пашой. Оно предусматривало некоторые гарантии прав армян от произвола турецких властей и курдских феодалов в районах со смешанным населением.

Вводился, например, принцип пропорциональности по религиозной принадлежности членов генеральных советов вилайетов и административных советов. Соглашение содержало и новый статус хамидие. «Полки хамидие,— говорилось в нем,— будут преобразованы в запасную кавалерию. Их оружие будет сохраняться в военных складах и будет им выдаваться только в случаях мобилизации или маневров. Они будут подчинены командирам тех армейских корпусов, в округе которых они находятся. В мирное время начальники полков, эскадронов и взводов будут избраны из среды офицеров действующей оттоманской армии. Солдаты этих полков будут отбывать военную службу в течение одного года. Чтобы получить доступ в эти полки, солдаты должны снабжать себя за свой счет лошадьми и полной их экипировкой. Каждое лицо без различия расы и религии, проживающее в данном округе, подчиняющееся этим требованиям, может быть зачислено в эти полки. Собранные во время мобилизации и маневров, эти полки будут подчинены тем же мерам дисциплины, как и регулярные войска»²¹⁰.

Таким образом, хамидие фактически должны были быть разоружены, лишены привилегированного положения, подчинены общевоинской дисциплине. Однако ввиду начавшейся вскоре войны турецкое правительство так и не приступило к осуществлению указанного выше проекта реформ. Все попытки царского правительства мирным путем обеспечить свои интересы на востоке Малой Азии остались безрезультатными.

БОРЬБА ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ ПРОТИВ ВЛИЯНИЯ РОССИИ

Как уже неоднократно приходилось убеждаться, Турецкий Курдистан и Армения привлекали внимание не одной только России. И другие западные державы, в первую очередь Германия и Англия, в предвоенный период значительно усилили попытки укрепить свои позиции в этом районе, значение которого на ближневосточной арене в западных столицах хорошо понимали.

Отличительной чертой политики всех западных держав на востоке Малой Азии в предвоенные годы являлась ее анти-

русская направленность. В этом сходились и друзья России из Антанты, и ее враги из Тройственного союза. Причину такого редкого в то время единодушия следует искать в опасениях западных империалистов, что Россия может единолично утвердиться в восточных вилайетах Османской империи и вытеснить оттуда все другие державы.

Поэтому Англия и Франция, особенно первая, оказали русской дипломатии весьма вялую поддержку в вопросе армянских реформ, вследствие чего первоначальный проект относительно радикального характера, разработанный первым драгоманом российского посольства в Стамбуле А. Мандельштамом, потерпел неудачу²¹¹.

В российском Министерстве иностранных дел были обескуражены нелояльным поведением английской и французской дипломатии. «Наши союзники и друзья,— с горечью писал Сазонов много лет спустя,— преследовали... свои собственные цели и были для нас в Константинополе ненадежными помощниками. Мы стояли поэтому по отношению к туркам в полном одиночестве, что было им известно не хуже, чем нам самим». В частности, замечает Сазонов, возможность усиления русских войск на турецкой границе «приводила в смущение французское и английское правительства», что затруднило для России применение этого «крайнего средства» в переговорах с турками по армянским делам и предопределило умеренный результат этих переговоров²¹². «...Ближний Восток был той областью,— констатировал бывший руководитель российской внешней политики,— где, даже после вступления России и Франции в союзнические отношения, им не всегда удавалось достигнуть полного согласования наших политических взглядов и целей»²¹³.

Западные державы, в том числе и союзные, противодействовали политике России по армянскому и другим «турецким» вопросам не только в дипломатической сфере, но и, так сказать, на месте действия. В больших размерах продолжалась антирусская пропаганда. Французы вели ее в основном через католических миссионеров. Немцы действовали главным образом через своих торговых и консульских представителей. Англичане старались использовать свою агентуру среди курдов и ассирийцев, а также деятельность американских миссионеров. «...Наши интересы здесь,— писал Олферьев,— находятся в полном противоречии с интересами прочих европейцев и на добрые услуги последних нам положительно нечего рассчитывать»²¹⁴.

Западная агентура в Турецком Курдистане и Армении распространяла клевету и дезинформацию о политике России, по многим вопросам поддерживала турок, особенно в их притязаниях на турецко-иранской границе и в Иранском Курдистане. Наибольшее внимание, однако, она по-прежнему уде-

ляла разведывательной деятельности. Англичане, немцы, французы, американцы объезжали самые отдаленные уголки Восточной Анатолии. Немецкий офицер в отставке Гудброд в компании с одним австрийцем, например, весной 1912 г. совершили поездку в такие районы, куда европейцы вообще никогда не заглядывали. Они производили фотосъемки и делали топографические чертежи. Окрестности Вана изучали немецкие «естествоиспытатели». По всей стране разъезжали американские миссионеры²¹⁵.

Среди западных агентов в Восточной Анатолии были и явные русофобы, считавшие излишним маскировать свое враждебное отношение к России. К их числу принадлежал французский вице-консул в Ване Зарзеcki, друг местного вали и ярого противника России Изетт-паши (о котором говорили, что он в свое время был шпионом французского посольства в Стамбуле). Зарзеcki с помощью миссионеров-доминиканцев вел активную антирусскую пропаганду среди восточноанатолийских и пограничных курдов, стараясь охладить их симпатии к России. Его интриги распространились на округ Хакари, где ему удалось заручиться содействием местного мутесаррифа Джевдет-бея, а также на Иранский Курдистан. Им был инспирирован ряд враждебных выступлений турецких и иранских курдов против России²¹⁶.

В Юго-Восточной Анатолии и Ираке активно боролись с русским влиянием на курдов британское консульство в Диарбекире и Мосуле, стремясь восстановить местное мусульманское и христианское население против России. Весьма пристально следили англичане за положением в Дерсиме; ненависть местных курдов к туркам и их симпатии к России, по словам очевидца, «почему-то беспокоят англичан». Нередко англичане действовали в этом направлении совместно с американскими благотворительными и миссионерскими учреждениями²¹⁷.

Стремясь укрепить свое влияние на курдские племена, британские агенты распространяли среди курдов сведения, что будущее на Ближнем Востоке принадлежит не России, а Англии и что последняя является сторонником реформ, которые облегчат их положение. В результате англичанам удалось укрепить свой престиж среди племен Ванского вилайета и окрестных районов²¹⁸. Большой интерес проявили британские представители к битлисскому восстанию. В марте — апреле 1914 г. в Битлисе находился британский вице-консул в Ване Смит. Собирая сведения о курдском движении, он неоднократно встречался и вел переговоры с вождями битлисских курдов²¹⁹.

Наибольших успехов по сравнению с другими западными империалистическими державами добились в Восточной Анатолии в предвоенный период немцы. Германские импе-

риалисты, захватившие в Турции за короткое время важные экономические позиции и к началу мировой войны подчинившие ее своему политическому влиянию, использовали армянский и курдский вопросы для расширения своей экспансии на Ближнем Востоке и борьбы против конкурирующих держав, в первую очередь против России. Причина крайнего русофобства немцев состояла, во-первых, в наличии у Германии экспансионистских планов в отношении Закавказья, а во-вторых, в том, что Россия потенциально была наиболее опасным и реальным претендентом на территории Восточной Турции и Западного Ирана. И хотя захват этих районов в то время отнюдь не входил в планы России, в Берлине прекрасно понимали, что все могло перемениться. Поэтому в вопросе о реформах в армянских вилайетах Германия занимала протурецкую и антирусскую позицию; в значительной степени благодаря Берлину проект Мандельштама появился на свет в сильно усеченном виде²²⁰. По мнению одного из высших чинов Вильгельмштрассе, Циммермана, «народ армянский является источником слабости Турции» и поэтому следует «предоставить армян в полное распоряжение турок»²²¹.

Стремясь торпедировать проект армянских реформ, Германия, единственная из заинтересованных держав, пыталась противопоставить ему курдский вопрос. Статс-секретарь германского МИД фон Ягов в беседе с русским послом в Берлине С. Н. Свербеевым, выразив отрицательное отношение своего правительства к проекту армянских реформ и заявив, что армяне ведут себя вызывающе, заметил: «...Выступая в их защиту, державам не следовало бы также забывать и интересы курдов»²²².

Ни одна из сторон не подхватила германскую инициативу, да и вряд ли немцы тогда на это рассчитывали. Однако пущенный германской дипломатией пробный шар насчет интересов курдов отражал собственную заинтересованность Германии в территориях, населенных курдами и армянами.

С конца XIX в. в Германии стали возникать различные «общественные» организации, призванные внедрять германское влияние в курдо-армянских вилайетах Османской империи. Так, в 1896 г. Лепсиус основал «Германскую восточную миссию», официально, по словам Свербеева, преследовавшую «культурно-просветительские и гуманитарные цели». Это общество, писал русский посол, сперва встречало «полное несочувствие» со стороны правительства, но потом начало получать материальную поддержку и указания с Вильгельмштрассе. «Не имея прямых политических интересов в этой части Азии, — утверждал Свербеев, — Германия, однако же, успела приобрести там интересы экономические и без сомнения надеется их еще развить». Проявляя непоследи-

тельность, русский посол сообщал, что в Берлине ревниво смотрят на каждый шаг России в восточной части Турции²²³.

Имеющиеся в распоряжении исследователей материалы свидетельствуют о том, что интерес Германии к Турецкой Армении и Курдистану был в первую очередь политический, точнее — политико-стратегический. Немцы хотели превратить этот район в плацдарм для военной экспансии в северном (против Закавказья) и восточном (против Ирана) направлениях. В этом причина их антиармянской политики, стремления использовать курдов против армян, в которых Германия видела исконных врагов своего союзника — Турции и естественного союзника своего врага — России. Один из главных идеологов «Дранг нах Остен», Пауль Рорбах, заявил на заседании «Германо-Азиатского общества», что Германия не должна препятствовать истреблению армян курдами, поскольку она заинтересована в умиротворении Армении, с потерей которой Турция перестанет существовать²²⁴.

На достижение этой каннибальской цели была направлена деятельность германской агентуры в Восточной Турции, которая в предвоенные годы заметно активизировалась.

Немцы «с особой настойчивостью задались целью проникнуть в восточную Турцию и прочно утвердиться в ней», — писал один наблюдатель²²⁵. Важным преимуществом германских империалистов по сравнению с русскими, английскими и другими было то, что они опирались на полную поддержку и содействие как центрального правительства Турции, так и местных властей. Германская агентура, кроме того, выгодно отличалась своей инициативностью, цепкостью, хорошим знанием местных условий. Она умело использовала также русско-английские противоречия. Вместе с немцами действовали и австрийцы, которые добились значительных успехов в торговле в восточных вилайетах Турции.

Германским представителям в Турции удалось установить связи со многими влиятельными курдскими вождями. Вице-консул в Мосуле Гольдштейн в мае 1913 г. имел в Джизре встречу с сыном Бадр-хана Хасан-беем. Гольдштейн пытался выяснить, какие соглашения заключили курды с Россией, и заявил о желательности вмешательства держав в пользу курдской автономии. Хасан-бей, однако, держался с германским вице-консулом весьма осторожно и на его расспросы отвечал уклончиво²²⁶.

Наиболее активную работу среди курдов развернул германский консул в Эрзеруме Андерс. После подавления битлисского восстания он совершил поездки в Дерсим, Харпут, Муш, Битлис, Ван, Баязид, тщательно выяснял обстановку, встречался со многими курдскими беями²²⁷.

По-видимому, размах курдского освободительного движения в Турции начал всерьез тревожить Германию, опасав-

шуюся подрыва внутренней безопасности и обороноспособности своего восточного вассала. Германские представители в Турции начали оказывать сильный нажим на Порту, чтобы она приняла действенные меры для водворения порядка в восточных вилайетах. По этому вопросу германский посол в Стамбуле выступил со специальным заявлением²²⁸. По жалобе Андерса был смещен со своей должности эрзинджанский мутесарриф Фатих-бей. По всеобщему убеждению, причиной его смещения была неспособность посеять вражду между армянами и дерсимскими курдами, жившими друг с другом в полном согласии и дружбе. Вообще, Андерс держал себя во вверенном ему наблюдению районе полноправным хозяином, не считая нужным соблюдать элементарные приличия и дипломатический такт. Он проводил смотры местным войскам, публично распекал турецких военных и гражданских чинов, ездил в сопровождении многочисленной курдской и турецкой военной охраны, экзаменовал учащихся в германских миссионерских школах и т. д.²²⁹. Очевидно, Андерс и ему подобные предвкушали возможность расположиться в ближайшем будущем в восточных районах Малой Азии как в своей колонии.

Оценивая бурные события, происходившие в Турецком Курдистане в 1912—1914 гг., можно сделать следующие выводы: курдам не удалось завоевать себе свободу или добиться от турецкого правительства хотя бы частичных уступок; турецкие правящие круги были бессильны подавить курдское освободительное движение; Россия не хотела использовать те чрезвычайно благоприятные возможности, которые представляло для нее курдское освободительное движение, а также не смогла добиться разрешения армянского вопроса в Турции в значительной мере из-за противодействия всех великих держав. Но и западные империалисты не сумели захватить доминирующие позиции и уничтожить влияние России в Восточной Анатолии. Стало быть, сохранились причины, которые делали курдскую проблему в Османской империи одной из самых острых и трудноразрешимых ближневосточных проблем.

ИРАНСКИЙ КУРДИСТАН НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Бурные события, происходившие в Турецком Курдистане в предвоенные годы, оказывали непосредственное влияние на населенные курдами западные провинции Ирана. В то же время положение в Иранском Курдистане имело свои особенности, вызванные в первую очередь непосредственным вмешательством России, которая, превратив весь Северо-Западный Иран в свою полуколонию, оккупировала при подавлении иранской революции своими войсками Иранский Азербайджан и значительную часть Курдистана.

ПРОВАЛ ТУРЕЦКОЙ АГРЕССИИ

В главе V было показано, что экспансионистская политика Турции в Иранском Курдистане встречала все возраставшие трудности внешнего и внутреннего порядка и к концу 1911 г. оказалась на пороге полного краха. Между тем в первой половине 1912 г. в Юго-Западном Иране произошли события, которые могли дать туркам надежду на отсрочку их неизбежного ухода из пограничной полосы.

В феврале 1912 г. Салар од-Доуле, собравшись с силами, вновь поднял восстание с целью захвата власти в стране. К нему примкнули племена Керманшаха, в первую очередь курдское племя бени-ардалан. 22 февраля Салар овладел Керманшахом. Захват города сопровождался массовыми насилиями. Через две недели отряд курдов-повстанцев во главе со сторонником Салара Моджеллялем взял Сенне. Вскоре Салар контролировал большую часть Юго-Западного Ирана и призвал всех курдов страны присоединиться к нему¹. Его призыву последовали в первую очередь племена Соуджбулака².

Турки немедленно попытались использовать эти события, чтобы поправить свои дела в Иранском Курдистане. На иракской границе, в районе Сулеймании, начали концентрировать

ся турецкие войска. Под предлогом охраны консульства в Сенне был введен турецкий отряд. Новые турецкие отряды появились и в других местах Иранского Курдистана, в частности в районе Керманшаха — Хамадана³.

Однако расчеты турок на то, что Салар с радостью ухватится за возможность опереться на их помощь, не оправдались. Он приказал верным ему курдам не пускать турецкие войска на иранскую территорию и обратился к русскому правительству с просьбой о воздействии на правительство Турции с целью предотвращения оккупации всего Иранского Курдистана турецкими войсками⁴. Столь неожиданное поведение иранского принца объясняется тем, что он был далеко не уверен в своих курдах, которые к нему относились с большими подозрениями, а к России, наоборот, весьма дружелюбно^{5а}. Салар понимал, что, если он призовет на помощь турок, он рискует лишиться всякого доверия со стороны курдов и наживет себе могущественного врага в лице России.

Тогда Турция резко переменяла тактику и попыталась извлечь для себя выгоду из восстания Салара противоположным способом. Турецкое правительство решительно осудило Салара и предложило правительству Ирана оказать помощь против него.

Но и этот маневр провалился из-за вмешательства России и Англии. Восстание в Иранском Курдистане вызвало большую озабоченность у этих держав. «Движение Салара, — писал Сазонов послу в Лондоне Бенкендорфу, — внушает нам серьезное беспокойство, так как оно грозит новыми крупными осложнениями». Сазонов высказал подозрение, что турки оказывали Салару тайную финансовую поддержку⁵. Британский кабинет разделил тревогу российского правительства по поводу событий в Иранском Курдистане. В «Форин Офис» Бенкендорфу сказали, что следует поддержать иранское правительство против Салара^{6а}.

Российские дипломаты в Иране и Турции немедленно предприняли шаги, чтобы не допустить турецкого вмешательства в связи с восстанием Салара. Посланник в Тегеране Поклевский-Козелл предупредил иранского министра иностранных дел, что турецкая помощь обошлась бы Ирану слишком дорого, особенно при предстоящем турецко-иранском разграничении, и посоветовал иранскому правительству энергично подавить мятеж, обещая ему полную поддержку России и Англии⁶. Послу в Стамбуле было предписано, действуя совместно с британским послом Лоутером, добиться от Порты заверения не посылать турецких войск в Иранский Курдистан на помощь Салару⁷.

Ободренное поддержкой со стороны России и Англии, иранское правительство отправило против Салара войска под

командованием Фарманфарма и главаря дашнаков Ефрема Давидянца. Силы мятежного принца были весьма незначительны: не более двух тысяч курдов. Среди поддерживавших его курдских племен (особенно сенджаби и кельхор) начались междоусобицы, оседлое население вообще относилось к нему враждебно. 19 мая Фарманфарма разбил передовой отряд Салара (в этом бою был убит Ефрем Давидянец), после чего население Иранского Курдистана, в первую очередь поддерживавшие Салара вожди Секкеза, Сулдуза и Салмаса, изъявило покорность правительству. 29 мая под Керманшахом Фарманфарма нанес полное поражение основным войскам Салара и Моджелляля. Керманшаш был занят правительственными войсками, Салар бежал⁸.

На следующий год Салар, оправившись от поражения и собрав своих сторонников, возобновил борьбу с правительственными войсками, которая шла с переменным успехом. Одно время ему даже удалось подойти к Керманшаху. Однако Салар не встретил никакой поддержки у крупных племен Керманшахской провинции, что и предредило исход борьбы. Его отряды были в конце концов рассеяны правительственными войсками. Гонимый преследователями, Салар перебрался на север, в Гилян и Мазендаран, где попробовал было продолжать вести борьбу, но потерпел полную неудачу и бежал на турецкую границу, в Лахиджан; там его отряд, состоявший из 200 курдов, был полностью истреблен. Самому Салару удалось бежать в Керманшаш, где он, убедившись в бесплодности всех своих мятежных предприятий, сел в бест в русское консульство⁹. Поражение восстания Салара од-Доуле свидетельствовало об отходе основной массы курдского населения Ирана от Турции и ускорило крушение турецкой экспансии в Иранском Курдистане.

Турки, однако, не хотели принимать во внимание настроения основной массы населения Западного Ирана и не спешили очистить захваченные районы. С первых месяцев 1912 г. турецкие власти в оккупированных районах Ирана начали производить перепись мужского населения, а также домов и скота. Эта мера преследовала как фискальные, так и главным образом политические цели: укрепить власть турецкой администрации над местным населением, в первую очередь над кочевниками-курдами, продемонстрировать перед ними и перед всем миром намерение Турции надолго обосноваться в Иранском Курдистане. Кроме того, турки полагали, что перепись облегчит им осуществление давней мечты — привлечение иранских курдов в регулярные турецкие войска или, на худой конец, формирование из них иррегулярных отрядов типа хамидие. Курдским ханам турки обещали за несение службы значительное жалованье — 150—200 лир в месяц, рядовым курдам — 4 лиры. С целью изыскания необходимых

средств турецкие власти обложили денежными и натуральными налогами местное оседлое население (эти деньги взимались якобы на постройку дорог, мостов и т. д.), хотя раньше ему было объявлено об освобождении от всех податей на семь лет¹⁰.

Действия турецких оккупантов вызвали всеобщее недовольство населения, как оседлого (главным образом из-за введения новых обременительных налогов), так и кочевого (вследствие произвола турецких гражданских и военных властей). В районе Песве против турок выступили племена пиран, мангур, мамаш, возглавлявшиеся Баязид-агой, Мухаммедом Наге и Хамзе-Солейманом, а также местные христиане. 3-тысячный отряд восставших выгнал турок из Песве. Турецкое командование выслало карательный отряд¹¹. В начале лета 1912 г. волнения вспыхнули в округах Сулдуза, Ушну и Лахиджана. Турки хотели было применить вооруженную силу, но из Стамбула пришло предписание немедленно прекратить перепись¹².

Провал чисто административных мер побудил турецких экспансионистов уделять больше внимания методам «социальной стратегии», которые были призваны облегчить политику поглощения захваченных иранских земель. С целью создания опоры среди местной феодальной знати, кочевой и оседлой, а также привлечения на сторону Турции крестьянских масс и рядовых кочевников в оккупированных районах были проведены следующие мероприятия: 1) осуществлено частичное перераспределение земельных владений; земли, принадлежавшие сторонникам иранского правительства, были секвестрованы в пользу туркофилов; 2) для того, чтобы подорвать власть и влияние отдельных вождей племен, предпочитавших слабый Иран сильной Турции, во главе аширетов назначались угодные туркам лица; 3) в ряде мест раскрепощались оседлые крестьяне — райя — независимо от веры и национальности. В Сулдузе, например, турецкий пограничный комиссар отменил барщину и установил точно определенные повинности, что отчасти облегчило положение крестьян¹³.

Конечно, отдельные антифеодальные и антикрепостнические мероприятия в пограничных провинциях Ирана отнюдь не свидетельствовали о прогрессивных устремлениях турецких агрессоров. Они проводились далеко не везде и не полностью, часто носили показной характер, а главное — были рассчитаны на то, что вызовут сочувственные Турции отклики среди народных масс тех районов Ирана, которые были объектами агрессивных планов турецкой военщины. Турки намеревались таким образом ослабить иранский тыл и запугать тех иранских феодалов, которые по разным причинам были сторонниками шахской власти, а следовательно, и России. Вот как

характеризовал обстановку в Маку полковник Андриевский: «Турецкие эмиссары стараются подорвать среди курдов не только наш авторитет, но и доверие к самому Макинскому хану». Эта агитация, продолжал Андриевский, вызвана и экономическими причинами: «полной земельной зависимостью от ханов и огромными податями в пользу хана. Турки этому противопоставляют отсутствие у них зависимости от ханов и строго определенные подати»¹⁴.

Аграрная политика турецких властей, по-видимому, несколько облегчила положение оседлого мусульманского крестьянства пограничной полосы. Но основное население, большинство которого составляли кочевники-курды, по-прежнему видело в турках непрошенных пришельцев, стремившихся свести на нет исконные права полунезависимых племен. Резко антитурецки было настроено все христианское население, страдавшее от гнета и притеснений оккупантов. В марте 1912 г. урмийские христиане даже подали петицию Николаю II, Думе и парламентам Англии, Франции и США с просьбой об оставлении русских войск, а ханы и помещики ходатайствовали перед российским консулом о принятии их под покровительство России в связи с действиями турок¹⁵. Вообще, кочевая, и особенно оседлая, знать в своем большинстве тяготела все же к Ирану, правительство которого никогда не делало попыток смягчить феодальный гнет. Поэтому турецкие оккупанты были вынуждены искать другие пути к сохранению своих позиций в Иранском Курдистане. То были интриги, провокации, панисламистская агитация и, наконец, грубое принуждение при помощи военной силы.

Турки поставили перед собой задачу во что бы то ни стало закрепиться в отторгнутых от Ирана землях и по возможности расширить зону оккупации еще далее на восток. Несмотря на возросшие внешне- и внутривосточные трудности, младотурецкое правительство, поощряемое Германией, продолжало настойчиво стремиться к созданию антирусского плацдарма в Северо-Западном Иране. Как писало «Новое время», «Турецкая оккупация Урмийской провинции, совершенно ненужной Турции персидской территории, была задумана с единственной целью: привести в исполнение начало подготовительного плана русско-турецкой кампании»¹⁶.

Тем не менее обстоятельства вынуждали турецкое правительство действовать осторожно и избегать откровенно агрессивных акций, могущих вызвать отпор со стороны России или Англии. В середине марта 1912 г. турецкий посол в Петербурге информировал Сазонова о решении турецкого правительства «не посылать более войск в оккупированную турками персидскую пограничную зону и не занимать более никаких пунктов в этой зоне». Сазонов, выразив свое удовлетворение этим заявлением, попросил, однако, посла передать в

Стамбул пожелание того, чтобы турецкое правительство осуществило «это намерение на деле»¹⁷.

Скептицизм российского министра иностранных дел был вполне обоснованным. В марте — апреле 1912 г. турецкий комиссар в пограничной полосе Джабир-паша совершил объезд «спорных» районов якобы с целью успокоения курдов и прекращения многочисленных инцидентов. В действительности перед Джабир-пашой была поставлена задача укрепить позиции турецких войск в пограничной полосе и натравить курдов на Россию. Турецкое командование организовало раздачу курдам оружия и патронов, во многих местах создавались военные склады, курдские вожди получали подробные инструкции насчет методов ведения диверсионной партизанской войны; наиболее усердные из них награждались турецкими орденами. В руки Голубинова попало, например, следующее письмо генерала Фазыл-паши курдскому бею Хамза-аге: «Я занят теперь формированием сотысячного отряда из арабов и курдов, в числе которых я считаю 2 тыс. человек из племен мамаш, мангур и пиран. Предупреждаю вас, чтобы ко дню моего приезда к вам вы все были готовы для защиты ислама»¹⁸.

В результате туркам удалось в ряде мест вызвать враждебные выступления курдов против России. Всю вину за эти инциденты Джабир-паша свалил на Симко, желая его дискредитировать в глазах русских¹⁹. Нередко турки организовывали инциденты в провокационных целях, рассчитывая, что ответные репрессии русских войск, с одной стороны, обрушатся на антитурецки настроенных вождей, а с другой — побудят курдов чаще обращаться к заступничеству Турции. Особенно известен был своей провокационной антирусской деятельностью среди иранских курдов хакарийский мутесарриф Джевдет-бей²⁰.

Кроме того, выставляя курдов единственными зачинщиками беспорядков, турки тем самым маскировали свою неприглядную роль в этом деле. Джабир-паша, например, признал, что «главным препятствием к восстановлению искренних отношений с Россией являются разбои курдов» и что «некоторые наши чиновники покровительствуют курдам, промышленным разбоями»²¹.

Особенно активно действовала турецкая агентура среди курдов Маку, наиболее важной в стратегическом отношении области Северо-Западного Ирана. Турецкие эмиссары, широко используя панисламистскую агитацию, старались вызвать у макинских курдов вражду к России, натравить их на русские войска. В ряде мест подстрекатели добились успеха, особенно среди племен джелали и милян²².

Объектом нападок турецких подстрекателей были не только все русские вообще, но и сам макинский сердар Мур-

таза Кули-хан. Цель турок состояла в том, чтобы восстановить против сердара курдское население ханства и тем самым вынудить его сблизиться с Турцией²³. Для дискредитации сердара турки не только выдавали его за платного агента России, но и широко применяли социальную демагогию, пытаясь сыграть на недовольстве населения грабительскими поборами в пользу ханской клики и обещая, что с их приходом тяжелое налоговое бремя с крестьян будет снято²⁴. Такими же методами турки пытались использовать растущее недовольство населения Иранского Курдистана котурским правителем Симко, «прославившимся» своим самоуправством, грабежами и разбоями. По словам одного из котурских жителей, Симко «немного осталось, чтобы стать царем»²⁵.

Однако, несмотря на всевозможные ухищрения турецких оккупантов, им так и не удалось привлечь на свою сторону основную массу населения пограничной полосы, в том числе и курдов. По словам Чиркова, курды пограничной полосы убеждаются в том, что «верность Ирану, несомненно покровительствуемому Россией, для них выгоднее турецкой опеки, принесшей новые налоги и поборы и лишившей владетельных курдских беков их самостоятельности и свободы действий»²⁶. Голубинов также подтверждал, что курды, озлобленные переписью и всевозможными притеснениями со стороны турецких оккупантов, все более склонялись на сторону русских, видя в них своих защитников от турок. «Если бы туркам удалось подчинить своей воле неподатливых кочевников,— писал он,— то они заговорили бы с нами совершенно другим языком и подготовили бы нам в Курдистане второе Триполи». Единственная надежда турок теперь, утверждал Голубинов,— это «воинственный фанатизм кочевников»²⁷.

Тогда младотурецкие авантюристы прибегли к последнему средству — насилию, рассчитывая запугать курдов и заставить их служить турецким интересам. Против некоторых племен систематически снаряжались карательные экспедиции. Еще осенью 1911 г. Голубинов предупреждал, что «турки намерены терроризовать курдов Персии, особенно Маку, и затем поднять среди них престиж Турции»²⁸. Хотя турецкая военщина и не рискнула осуществить этот план в широких размерах, она не отказалась от намерения порою «вразумлять» курдов силой оружия.

Так, 20 мая 1912 г. турки совершили нападение на две курдские деревни Котурского ханства. Только быстрые и решительные действия Симко, поспешившего на выручку, заставили турок отступить. По словам Гирса, «основной целью турок являлась карательная экспедиция против стойкого курдского вождя, имевшего с турками личные счеты». Ввиду того что турки, совершив нападение на Котур, вступили на

бесспорно иранскую территорию и нарушили Берлинский трактат, российское правительство заявило Турции протест²⁹.

В середине июня 1912 г. турки предприняли карательную экспедицию против шекакских вождей Измаил-ага Керира, Омар-хана и Темира Джанго. На помощь туркам выступили и предводители бекзадинцев Курдо-бек и Пиро-бек. В случае успеха турок, писал Голубинов, «престиж их среди курдов сильно поднимется в ущерб нашему влиянию. В случае же неудачи следует ожидать антитурецкого восстания во всем Персидском и Турецком Курдистане»³⁰. Особого успеха турки не добились, главным образом из-за нежелания бекзадинцев оказать им действительную помощь, но и предрекаемого Голубиновым антитурецкого восстания не последовало.

В начале августа того же года турки направили карательные войска из Вана и Эрзерума против салмасских курдов, хотя последние вели себя смирно и не нападали на турок³¹.

В конце августа в Дизе из Ревандуза прибыл турецкий карательный отряд, чтобы наказать непокорных курдов. Было арестовано несколько влиятельных вождей из племени харки. Одновременно турецкие агенты начали усиленно обрабатывать некоторых вождей бекзадинцев, обвиняя их в про-русской ориентации³². Карательные экспедиции против иранских курдов предпринимались турками и осенью 1912 г.

Широкое применение «мер пресечения» не уменьшило, однако, трудностей, с которыми сталкивались оккупанты в пограничных районах Иранского Курдистана. После того как вспыхнула Первая балканская война, турецкое правительство не имело уже ни сил, ни возможностей сдерживать широкое недовольство населения оккупированных районов и активное противодействие России, а также и Англии. 17 (30) октября 1912 г. турецкий посол в Петербурге Турхан-паша сообщил Сазонову о решении турецкого правительства вывести свои войска из пределов спорной полосы до линии границы, существовавшей в 1905 г. В турецкой ноте содержалась просьба к России обеспечить защиту и безопасность суннитов и выражалась надежда, что Россия «не предпримет никаких мер» в отношении спорной территории³³. Таким образом, турецкая агрессия в Иранском Курдистане полностью провалилась.

К середине ноября 1912 г. турецкие войска ушли из пограничной спорной полосы. Все курдские вожди изъявили готовность следовать указаниям иранского губернатора и русского вице-консула в Урмии. Населению была объявлена амнистия «с условием,— по словам Голубинова,— признания суверенитета покровительствуемого Россией персидского правительства и прав персидских помещиков»³⁴. Перед своим уходом турки старались всячески восстановить курдов против России, распуская слухи, что русские разграбят их кочевья. Кое-где этим разговорам поверили, но в целом население благожелательно

встретило русские войска³⁵. Турецких же оккупантов население Западного Ирана провожало совсем по-иному. Оно, например, отказывалось предоставить им тягловый скот. Турецкое командование вынуждено было даже обратиться к иранским властям с просьбой, чтобы они дали в сопровождение эвакуировавшимся турецким войскам сарбазов (солдат) ввиду угрозы нападений курдов на турок в горах³⁶.

Турецким правящим кругам пришлось отложить осуществление своих планов в отношении объединения всего Курдистана в рамках Османской империи.

ГЕРМАНО-ТУРЕЦКИЕ ПОДРЫВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Однако авантюристические пантюркистские элементы в турецком правительстве и генералитете, ставшие вновь у кормила власти после январского переворота 1913 г., ждали окончания войны на Балканах и некоторой стабилизации внутреннего положения страны, чтобы вновь вернуться к своим агрессивным планам. Уже в феврале 1913 г. возникли слухи о намерении турок весной снова начать пограничную «смуту». В некоторых районах (в Лахиджане, Сердеште и др.) турецкие агенты говорили о скором возвращении турецких войск³⁷. В связи с этим Сазонов поручил Гирсу сделать Турции представление «в осторожной форме»³⁸.

Турецкие пограничные власти в Ревандузе и Сулеймании начали распространять слухи о том, что восточные округа, вплоть до Хамадана, скоро отойдут к Турции. Здесь сосредоточивались турецкие войска. Турецкий консул в Соуджбулаке проявил еще большее рвение, известив население Иранского Азербайджана и Курдистана о том, что все эти области уже переходят под власть Турции, и разослал всем влиятельным лицам письма с предложением проявить свои верноподданические чувства султану. Эти провокационные действия вызвали большое волнение в Иране. Сочувственные отклики последовали лишь со стороны незначительной части населения, распропагандированной панисламистами³⁹. В Тегеране выходку турецкого консула расценили как рекогносцировку общественного мнения страны и доказательство агрессивности внешней политики Турции в отношении Ирана и Закавказья. Иранское правительство заявило протест Порте, турецкий посол в Тегеране Амин-бей, ревностный сторонник политики территориальных захватов, был объявлен «персоной нон грата». Протестовало и российское посольство в Стамбуле⁴⁰.

Тем не менее турецкие официальные и полуофициальные круги продолжали вести злонамеренную пропаганду в Иране, в первую очередь среди курдов. «Турки прекрасно сознают,—

писал Голубинов,— что если курды будут находиться под их исключительной опекой, то Персидский Курдистан не будет больше существовать; если же персидские курды попадут под влияние России, то это влияние подчинит себе и турецких курдов, из коих некоторые уже теперь мечтают об автономном Курдистане под протекторатом России»⁴¹.

Важнейшей задачей турецкого правительства в Иранском Курдистане после вынужденного отвода своих войск из спорной зоны было помешать сближению иранских курдов с Россией. «Малейшее улучшение курдо-русских отношений,— писал Чирков,— рассматривается Портой как тревожный симптом, в коем турки не отказались бы усмотреть также достаточного повода к нарушению переговоров об установлении границы»⁴².

Турецкая агентура в Иране пыталась расправиться с курдскими вождями—приверженцами России, и в первую очередь с Симко, на которого турки натравливали своих сторонников, в частности Измаила Кардара и Темира Джанго. В июне 1913 г. в Соме и Котуре между ними и Симко произошли кровопролитные столкновения⁴³.

Туркам удавалось неоднократно использовать в своих целях шемдинанского шейха Та, продажного и своекорыстного человека, который все время пытался лавировать между Россией и Турцией, оказывая услуги то той, то другой стороне в зависимости от обстановки. В октябре—ноябре 1913 г. российские консулы часто сообщали об антирусских интригах шейха Та. Чирков писал, что он находится «в тайных и невыгодных для нас сношениях с турецкими пограничными властями»⁴⁴. Однако уже в начале декабря Та изменил туркам, за что они разорили несколько принадлежавших ему селений⁴⁵. Турецкая агентура активно действовала среди курдов Урмии и Маку, пытаясь вызвать инциденты против находившихся в этих районах русских войск⁴⁶.

В Иранском Курдистане турецкой агентуре удалось завербовать на свою сторону не только отдельных курдских вождей, но и некоторых видных шахских сановников. В мае 1913 г. был организован персидско-курдский комитет, имевший задачу бороться с влиянием России в Иранском Курдистане. По слухам, в этот комитет входили губернатор Урмии Муаззам од-Доуле, а также многие влиятельные чиновники, сейиды, муллы и курдские ханы⁴⁷.

Таким образом, турецкие правящие круги, вынужденные временно воздержаться от прямых агрессивных действий в Иранском Курдистане, продолжали активно вмешиваться во внутренние дела своего восточного соседа. Тем самым Турция подготавливала почву для возобновления агрессии в Иранском Курдистане в благоприятный для себя момент, который наступил очень скоро.

Как и прежде, союзником турецких экспансионистов была Германия, в полной мере оценившая важность курдистанского плацдарма в предстоящей войне с Россией, а также в планировавшемся захвате британских колоний в Азии. Кроме того, немцы стремились претворить в жизнь и собственные колониальные планы в Западном и Северо-Западном Иране, который давно стал объектом устремлений германского империализма.

Пребывание турецких войск в спорной зоне до конца 1912 г. создавало условия для военно-разведывательной деятельности немцев в Иранском Курдистане. «Германия, в предвидении возможности нашего столкновения с Турцией,— писал Голубинов,— желает быть осведомленной о нашей и турецкой готовности встретиться на персидском театре военных действий». Летом 1912 г., например, по Турецкому и Иранскому Курдистану совершили разведывательную поездку под видом спортсмен-офицеры генштаба фон Вестарн и Эрнст Ланге. В Восточной Анатолии они особенно интересовались состоянием хамидие и пришли к самым отрицательным выводам касательно их боеспособности. Приезд их в Иранский Курдистан «совпал» с рядом выступлений курдов против русских войск⁴⁸.

После ухода турецких войск с иранской территории активность немцев в Иранском Курдистане не снизилась, как следовало бы ожидать, а, наоборот, еще более выросла. В мае 1913 г. район турецко-иранской границы и Западный Иран посетил советник германского Министерства иностранных дел Надольный⁴⁹. Подробности этой поездки неизвестны, но, несомненно, она привела к заметной активизации германской политики в Иранском Курдистане и Азербайджане. Осенью и зимой 1913—1914 гг. германские разведчики, невзирая на бездорожье и суровый климат, продолжали всесторонне исследовать различные районы Иранского Курдистана, особенно места расположения главнейших курдских племен. В январе 1914 г., например, один германский офицер под видом торговца посетил районы Маку, Хоя, Урмии и Ушну⁵⁰.

Основной удар немцы направили против возросшего влияния России в Северо-Западном Иране как в экономической, так и особенно в политической области. Была поставлена задача ликвидировать монопольное положение русской торговли в этой части страны. В Урмии под управлением германского подданного Неймана, в чьих руках находилось судоходство по Урмийскому озеру, и австрийского инженера Хонек было образовано «Техническое бюро» с целью завоевания урмийского рынка германскими и австрийскими товарами. Эта затея частично увенчалась успехом: германские, а также и австрийские товары начали в ряде мест вытеснять русские товары.

Торговую борьбу немцы, как всегда, успешно сочетали с политической пропагандой явно антирусской направленности. По словам Голубинова, Нейман «содержит агентов для антирусской пропаганды как среди персов, так и в Курдистане». Даже занимаясь сугубо коммерческими делами, немцы никогда не забывали о поднятии германского престижа в стране. Например, в арендованных ими имениях, в принадлежавших им магазинах и складах они начали вывешивать германские флаги, что вызвало протест со стороны России⁵¹.

Немцы в Иранском Курдистане действовали в тесном сотрудничестве с турками. Центрами германо-турецкой подрывной работы были турецкие консульства в Иране. Глава германской резидентуры в Иранском Азербайджане Шюнеман согласно специальной инструкции из Берлина являлся советником турецкого генконсула в Тебризе. Шюнеман требовал скорейшего открытия турецких консульств в Ардебиле и особенно в Маку, «указывая, — по словам управляющего в то время русским генконсульством в Тебризе Преображенского, — что активная деятельность турецких консульств в указанных местах сослужит прекрасную службу в будущем общим задачам турецкой и германской дипломатии». Шюнеман настаивал на том, чтобы на первых порах был назначен хотя бы турецкий агент в Маку для установления хороших отношений с сердаром и привлечения на свою сторону макинского населения; он требовал открытия здесь германского консульства. Шюнеман предлагал, наконец, использовать в интересах турецкой политики в Маку единоверных туркам макинских курдов-суннитов. «Намерения германской дипломатии слишком серьезны и заслуживают самого бдительного внимания и принятия экстренных мер с нашей стороны», — писал по поводу проектов Шюнемана Преображенский, предлагая со своей стороны немедленно открыть в Маку русское вице-консульство⁵². В это же время по настоянию германских дипломатических представителей в Стамбуле и Тегеране турецкое правительство решило заменить своих консулов в Соуджбулаке, Хое, Урмии и Салмассе офицерами генштаба, обученными германскими инструкторами⁵³.

С начала 1914 г. объектом особенно пристального внимания германской агентуры стал район Урмии — центр Иранского Курдистана. Изучался вопрос об открытии в Урмии германского консульства, сюда в начале января 1914 г. выехали Шюнеман и австрийский вице-консул в Тебризе. Они с особым тщанием изучали острова оз. Урмии⁵⁴. «Немцы, — писал с тревогой вице-консул России в Урмии Введенский, предшественник Преображенского, — решили включить в сферу своих интересов и Урмийский район», проявляя при этом «большую смелость». Введенский особо отметил, что «немцы уже сейчас стараются завязать сношения с наиболее видными

представителями Курдистана». Нейман при посредничестве турецкого консула в Урмии вступил в переписку с сыновьями Абдул-Кадыра — шейхами Абдуллой и Мухаммедом, предлагая покровительство курдам со стороны Германии⁵⁵. Весной 1914 г. участились поездки в район Урмии немцев, в том числе разведчиков германского генерального штаба. Они посетили много мест, фотографировали военные объекты и особенно интересовались военными и экономическими позициями России в Северо-Западном Иране.

Кроме Урмии немцы стремились закрепиться в крупном курдском центре Ушну. Шюнеман вступил в переговоры с турецким генконсулом в Тебризе о назначении общего консульского агента в Ушну⁵⁶. «Политически Ушну, как ворота в Курдистан, — писал Введенский, — имеет большое значение для задач германской политики, прилагающей вполне понятные, хотя временно неудачные попытки обосноваться там». Введенский отмечал, что Ушну важен для немцев и как центр сбыта шерсти, которая шла на германскую ковровую фабрику в Тебризе. Здесь немцам удалось использовать некоторых местных жителей из числа торговых агентов. Один из них, например некий Мир Мехти, убеждал курдов в том, что Германия — покровительница ислама и курдов как в Иране, так и в Турции⁵⁷.

Роль проводников германского влияния в Иранском Курдистане играли германские протестантские миссии. Правда, полковник Ияс утверждал, что деятельность немецких (а также американских) протестантских миссий не имела политического характера и что слухи о совместной германо-американской миссионерской деятельности среди мукрийских курдов с целью «образовать здесь рассадник германизма» сильно преувеличены⁵⁸. Однако большинство источников говорит другое. Введенский, к примеру, сообщал, что германский генконсул в Тебризе Литтен официально выдвинул претензию на покровительство протестантам-ассирийцам в Урмии «в целях борьбы с русским влиянием не только на экономической почве»⁵⁹.

К лету 1914 г., когда на Ближнем Востоке, как и во всем мире, назревали грозные события, а Турция если не формально, то фактически стала уже союзницей Германии, германо-турецкая подрывная деятельность в Иранском Курдистане приняла особенно значительные размеры. Германские и турецкие эмиссары внушали курдам, что русские скоро уйдут и вновь появятся турецкие войска, обещали помощь людьми и оружием. Эта агитация нередко имела успех⁶⁰. Как передавал российский генконсул в Тебризе Орлов, судья турецкого генконсульства Музаффер-бей, противник экспансионистской политики Турции в Иранском Курдистане, считал, что «агрессивная и провокационная деятельность консула и воен-

ного атташе Неджати-бея должна в непродолжительном времени вызвать враждебные нам действия курдов»⁶¹. Так оно и произошло. С февраля 1914 г. после недолгого перерыва на турецко-иранской границе вновь начали происходить инциденты с участием распропагандированных турками и немцами курдов. В стычках подчас участвовали солдаты и офицеры регулярной турецкой армии. Наблюдатели писали о передвижениях турецких войск в пограничных районах, связывая это с усилением активности немцев в Иране⁶². Таким образом, несмотря на отсутствие турецких войск, к середине 1914 г. немцам и туркам удалось достичь в Иранском Курдистане вполне осязаемых успехов и подорвать в некоторой степени позиции России.

ПОЛИТИКА РОССИИ В ИРАНСКОМ КУРДИСТАНЕ

Правительство России, которое было кровно заинтересовано в нормализации обстановки в Иранском Курдистане и Азербайджане, не могло более мириться с постоянной турецкой угрозой, а главное — с быстрым увеличением германской опасности вблизи жизненно важных центров страны⁶³.

В первую очередь царское правительство позаботилось о значительном увеличении численности русских войск в самом Иранском Курдистане и прилегавших к нему районах Ирана, введенных сюда еще в 1909 г. для подавления революции. В сентябре 1911 г. по распоряжению председателя Совета министров русские войска заняли некоторые пункты в спорной зоне, в тылу у турок⁶⁴.

В конце декабря Совет министров специально обсуждал ситуацию в прилегающих к Турции районах Северо-Западного Ирана. Было констатировано, что турецкие захваты в районе Урмии представляют угрозу интересам России, в связи с чем Совет министров решил значительно усилить русский отряд в Хое и занять некоторые пункты Урмийского района «для защиты русских подданных от разбоев курдов». Занятие Маку было признано несвоевременным, но подготовительные мероприятия к этому — необходимыми. Совет министров решил вообще усилить русские войска на Кавказе⁶⁵.

Эти чрезвычайные меры были проведены не только в целях создания заслона против турецких войск, но, как будет показано дальше, и для воздействия на курдов. В правительственных кругах России с большой тревогой следили за подстрекательской деятельностью турок среди иранских курдов, опасаясь ее влияния на закавказских курдов.

Другой мерой, осуществленной русским правительством в конце 1911—1912 гг., было расширение консульской службы в Иранском Курдистане. В конце 1911 г. были открыты вице-

консульства в Хое и в Соуджбулаке⁶⁶. Последнее возглавил капитан (впоследствии полковник) Ияс, считавшийся способным генштабистом. Консульство много сделало для укрепления русского влияния среди мукрийских курдов⁶⁷.

Несмотря на открытие новых консульских постов, российская консульская служба в Иранском Курдистане оставалась недостаточно развитой, не справлялась со всеми своими многообразными и усложнившимися задачами. Как отмечал генконсул в Эрзеруме Адамов, сложившаяся после Балканских войн обстановка побудила европейские державы «перейти к активной деятельности, в целях противодействия русскому влиянию среди курдов и армян и ради спасения Турции от расчленения». Консульские представители Англии и Франции, писал Адамов, «работают здесь против России, стараясь занять выгодную позицию спасителей Турции от происков ее могущественной соседки»⁶⁸.

В работе российских консульств было много недостатков. Голубинов, например, считал, что самое слабое место в деятельности русских представителей в Урмии — это полное отсутствие внештатных консульских агентов. Поэтому влияние России среди курдов Ушну, Тергевера, Мергевера, Сомая и Барадоста ничтожно. Голубинов ходатайствовал об учреждении в некоторых из упомянутых пунктов внештатных консульских агентов⁶⁹. Его преемник Введенский сразу после своего прибытия на место службы потребовал назначить в Ушну русского внештатного агента «для привлечения жителей в нашу сторону, для создания прочного нашего влияния в этой важной для нас пограничной с Турцией персидской провинции ради нашей торговли и других интересов». Курды Ушну, писал Введенский, почти ничего не слышали о России. Турки же ведут себя здесь очень осторожно, «опасаясь каких-либо неудачных действий против курдов, чтобы не вызвать выступления русского и английского консулов»⁷⁰. Но русское правительство не пошло навстречу этим настойчивым требованиям.

Русско-курдские отношения в Иранском Курдистане в период его частичной оккупации турецкими войсками (до конца октября 1912 г.) были осложнены прямым вмешательством турок, старавшихся посорить курдов с русскими. Со своей стороны, русские власти в Иране хотели добиться того, чтобы курды помогли им вынудить Турцию убрать свои войска из спорной зоны. Курдский вопрос в этот период в значительной мере играл роль разменной монеты в русско-турецком соперничестве в Иранском Курдистане.

Ввод новых контингентов русских войск в Северо-Западный Иран в конце 1911 — начале 1912 г. привел к более частым и непосредственным контактам русских с курдами. В середине февраля 1912 г. русские войска заняли Хой, Диль-

мен и Урмию. Эта акция заметно подорвала влияние турок в Северном Иранском Курдистане. Однако продвижение русских войск не обошлось без столкновений с курдами, которых всячески подстрекали турки, снабжая их оружием и боеприпасами. Возникли слухи о намерении Абдул-Кадыра прибыть в этот район и возглавить движение за объединение всех курдов под эгидой Турции⁷¹.

Летом 1912 г. турецким агентам удалось спровоцировать несколько нападений курдов на русские войска; курдам был дан сильный отпор (при Хантахты и Тазакенде). В результате престижу турок в пограничных районах Ирана был нанесен еще один удар, ибо они не были в состоянии предотвратить ответные мероприятия русских войск против курдов. Бекзадинцы и харки после этого стали искать поддержки России. Тем не менее турки продолжали свои провокации среди курдского населения (в районе Дизе и в других местах)⁷².

Особенно активно действовала турецкая агентура в центральной части Иранского Курдистана, среди мукрийских курдов, пользуясь тем, что здесь не было русских войск и что местные иранские власти порой проявляли русофобские тенденции, тайно поддерживая терроризовавших местное население отдельных предводителей разбойничьих шаек (Омархана, Реджеб-Али и др.). В связи с этим Чирков, указывая на большое торговое значение Соуджбулака (торговый оборот — свыше 5 млн. руб. в год) и на отсутствие прямой связи России с ним, предлагал занять русскими войсками его, а также Миандоаб и ряд других пунктов. По мнению Чиркова, эта мера поможет «воспрепятствовать, хотя отчасти, объединению персидских и турецких курдов, на фанатизм и хищнические инстинкты которых турки особенно рассчитывают»⁷³.

В правительственных кругах России, однако, предпочитали соблюдать осторожность. Лишь в северной части Иранского Курдистана русские войска расположились во всех главных пунктах.

Спровоцированные турками нападения курдов на русские отряды и на находившихся под русским покровительством местных христиан причиняли немало затруднений русским властям в Иране. Посланник Поклевский-Козелл считал, что если русские войска встанут на защиту местных жителей от курдских набегов, то это выльется в карательные экспедиции, которые могут привести к возможным осложнениям со стороны Турции⁷⁴. Сазонов написал Поклевскому о желательности избегать столкновений между русскими войсками и курдами. Однако, указывал министр, нельзя отказаться «от нашей исконной роли защитников христиан на мусульманском Востоке, иначе христиане будут уничтожены курдами... Некото-

рая острастка курдов от времени до времени полезна». Но, предупреждал он, нужны такт и осторожность; прибегать к содействию войск можно лишь «в случаях крайней необходимости»⁷⁵. Как видно, директива несколько противоречивая и к тому же допускающая весьма широкое толкование со стороны ее непосредственных исполнителей на местах.

Среди русских представителей в Иране были сторонники жесткой политики по отношению к курдам, как, например, вице-консул в Хое Чирков⁷⁶. Время от времени в Иране происходили столкновения русских войск с курдами (например, 25 октября 1912 г. у Зиндешта)⁷⁷.

Большинство же русских консулов считали, что главным методом укрепления русского влияния в Иранском Курдистане должно стать привлечение симпатий к России курдов, в особенности племенной верхушки, а не карательные мероприятия. Голубинов полагал, что следует заручиться поддержкой некоторых влиятельных местных вождей, в особенности шейха Та⁷⁸. Гуманные действия русских войск, писал управляющий генконсульством в Азербайджане о положении в северной части Иранского Курдистана, где влияние турок на курдов было сравнительно слабым, «совершили поворот симпатий в нашу сторону» курдов Хоя, Салмаса и Урмии. «Осмотрительное и разумное привлечение персидских курдов на нашу сторону, — говорилось в этом письме, — могло бы много подействовать делу разрешения пограничного вопроса в согласии с нашими интересами»⁷⁹.

Сообщения, стекавшиеся в российские консульства из различных источников в конце 1911—1912 гг., свидетельствовали о том, что все большее число курдов отходило от Турции и выражало готовность поддержать Россию (например, шейх Та, курды пограничных районов, и особенно сомайские курды, которые в это время вели борьбу против турецких карательных отрядов)⁸⁰. Росту прорусских настроений больше всего содействовала стабилизация внутреннего положения в Иранском Азербайджане и Курдистане в результате ввода сюда дополнительных контингентов русских войск. С переходом курдов «на сторону покровительствуемой Россией Персии, — писал Чирков, — турки теряли последнюю позицию в их политике порабощения местного населения путем награвливания одной народности на другую». Сомайские курды, продолжал Чирков, вернулись к мирной жизни, «вызывая своим поведением благодарность императорскому правительству со стороны окрестных жителей, отдохнувших от грабежей и насилия»⁸¹. Их вожди Омар-хан, Измаил-ага и Ибрагим-ага обратились с просьбой о покровительстве России. Чирков им ответил, что они будут пользоваться симпатиями России как верные подданные иранского правительства⁸². С такими же просьбами обращались и некоторые другие вож-

ди шеккаков, в том числе Темир Джанго. В обзоре о положении в пограничной полосе за сентябрь 1912 г. говорится, что некоторые вожди шеккаков «по-прежнему ждут от нас помощи и не покоряются туркам. Было бы своевременным использовать это обстоятельство для возбуждения реальной вражды между сомайскими главарями, что облегчило бы нашу задачу», и, кроме того, использовать вражду к туркам бекаджинцев и харки⁸³.

Российские власти в вопросе о покровительстве курдам, как всегда, соблюдали крайнюю осторожность. Поклевский по поводу обращения за покровительством вождей шеккаков писал, что из-за них не следует компрометировать результаты происходившей в то время инспекционной поездки Джабир-паши по пограничным районам⁸⁴. Такая позиция увеличила трудности в налаживании взаимоотношений с курдскими вождями⁸⁵.

Осмотрительность русских властей проявлялась и по отношению к главному стороннику России — властителю Котура Симко, который в апреле 1912 г. известил Чиркова, что он отверг предложение турок войти с ними в почетное соглашение, и заявил, «что останется верным слугою законных правителей Ирана, поскольку это угодно будет нам» (т. е. России). Русский вице-консул рекомендовал ему соблюдать сдержанность⁸⁶.

Иранское правительство после подавления революции стремилось установить с курдами дружественные отношения, «дабы, — по словам Поклевского, — предупредить дальнейшие турецкие захваты и поколебать симпатии курдов к туркам в момент, когда вновь будет приступлено к турецко-персидскому разграничению». В начале 1912 г. в Тегеране даже решили было не утверждать русофила Шоджа од-Доуле генерал-губернатором Азербайджана из-за враждебности к нему некоторых курдских племен, а назначить на этот пост премьер-министра Сепехдара⁸⁷. Только благодаря активной поддержке русской миссии в Тегеране Шоджа од-Доуле удержался в Тебризе.

Однако к Симко шахское правительство относилось враждебно из-за его усилившегося влияния и почти неограниченной власти в северо-западных пограничных районах страны, которой он пользовался для насилий над мирным оседлым населением.

В начале мая 1912 г. Шоджа од-Доуле получил от Сепехдара приказ доставить Симко в Урмию и наказать его. Шоджа, однако, не решился выполнить распоряжение и сообщил премьер-министру, что считает неблагоприятным и опасным восстанавливать Симко против правительства. Главное же, в защиту Симко решительно встало российское генконсульство в Тебризе. «Исмаил-ага Симко, — писал генкон-

сул Преображенский, — единственный шеккак, оставшийся верным персидскому правительству, кроме того, он явный сторонник русского правительства. Если Котур до сих пор не занят турками, то единственно благодаря ему»⁸⁸. Позицию генконсульства поддержало Министерство иностранных дел России. Отозвание Симко из Котура, писал Нератов посланнику в Тегеране, будет мерой, крайне вредной «не только для персидских, но и для наших интересов»⁸⁹.

Защитив Симко, Россия вместе с тем стремилась не допустить его активных выступлений против Турции. Необходимость такой политики аргументировал Гирс в письме Сазонову от 21 мая 1912 г. Крайне желательно удержать Симко, писал он, «от всяких выступлений, могущих осложнить положение как раз в том единственном пункте границы, относительно прав на который нет сомнения. Как бы храбр и энергичен ни был Симко, борьба его с турецкими силами была бы эфемерной, если турок не отделяла от Котура ясная ст. 60 Берлинского трактата». России следует сосредоточить свое внимание, писал Гирс, на истинно спорных пунктах, где доказательство прав Ирана не обойдется без ее участия⁹⁰.

Таким образом, до конца 1912 г. Россия действовала в Иранском Курдистане весьма осторожно, с постоянной оглядкой на турок, не желая вызвать кризис в русско-турецких отношениях.

Вывод турецких войск из спорной зоны создал новые и весьма благоприятные условия для политики России в Иранском Курдистане. Можно было уже не опасаться непосредственного противодействия со стороны Турции. У российских властей были теперь развязаны руки для борьбы за укрепление своего влияния над иранскими курдами⁹¹. Выполнение этой задачи облегчалось и окончательное подавление иранской революции, ликвидация одного из главных его очагов в Тебризе (в начале 1912 г.).

После вывода турецких войск в ряде районов были несколько увеличены русские контингенты (например, в Соуджбулаке и в Сулдузе)⁹². Это было сделано главным образом по требованию военных кругов царской России, настаивавших, естественно, на решении всех проблем Северо-Западного Ирана при помощи силы. Военный министр Сухомлинов писал Сазонову, соглашаясь с мнением начальника азербайджанского отряда генерал-майора Воропанова, о необходимости занять несколько пунктов спорной полосы: это «поднимет еще выше наш престиж в Персидском Курдистане, ослабив в то же время пропаганду турецких эмиссаров среди пограничных курдских аширетов», и явится средством «лишить турок возможности предупредить нас в этом, под предлогом, например, противодействия возникающей ныне пропаганды курдских главарей идее создания самостоятельного курдско-

го государства»⁹³. Наблюдающий за консульскими конвоями в Азербайджане полковник Андриевский возражал против предполагаемого отвода части русских войск из пограничной полосы в связи с возможностью враждебных выступлений курдов⁹⁴.

Однако руководящие круги царской России, особенно Министерство иностранных дел, признавая необходимость содержания в Западном Иране воинских контингентов, возражали против резкого увеличения численности русских войск из-за опасений внешнеполитических осложнений как со стороны Англии (которая могла использовать это для ввода своих войск в Иран), так и со стороны Турции. Поэтому основной упор по внедрению русского влияния в Иранском Курдистане по-прежнему делался на политические методы.

После ухода турецких войск из пограничных районов Ирана, писал полковник Андриевский, «все курды, под впечатлением нашего энергичного воздействия, высказали полную готовность следовать нашим указаниям, в ущерб интересам своих покровителей — турок»⁹⁵. Быстрый уход турок из спорной полосы и их поражения на Балканах, писал Ияс из Соуджбулака, «так ошеломили курдов, проживающих в Мукрийском Курдистане, что они потеряли всякую веру в своих бывших покровителей» и изъявили покорность иранскому правительству. Их вожди «сами поневоле будут искать нашего покровительства, что даст нам возможность утвердить наше влияние среди племен, обитающих вокруг Соуджбулака»⁹⁶.

Русское правительство стремилось оптимально использовать эту исключительно благоприятную ситуацию, которая могла больше не повториться. Его представители в Иране способствовали восстановлению над курдами власти шахского правительства, почти совершенно исчезнувшей за годы турецкой оккупации и внутренних потрясений, рассчитывая, что это автоматически приведет и к укреплению позиций России в Иранском Курдистане.

Сразу после ухода турок Голубинов предложил своему начальству, чтобы консулы взыскивали весь малиат (налоги) с местного населения для «погашения государственной задолженности Персии нашему финансовому ведомству»⁹⁷. И действительно, русские представители оказали практическую помощь иранскому правительству в сборе налогов с курдов, для чего был создан специальный «летучий» отряд из персидских казаков под командованием ротмистра Захарченко⁹⁸. Захарченко не только принуждал племена к уплате налогов, но и организовал преследование Салара и подавление волнений курдов в окрестностях Керманшаха⁹⁹.

Непременным условием наведения порядка в курдских районах Ирана некоторые консулы считали ликвидацию

межплеменных распрей — постоянного источника волнений, ослаблявших власть центрального правительства. Надо, писал Чирков, «решительно воспрепятствовать развитию в Сомае раскола среди курдских родов» и «поддерживать среди курдов подчинение таким представителям персидской правительственной власти, которые являются проводниками нашего влияния». Нужно подтвердить, продолжал он, «здешним курдам о непреклонной воле России положить предел феодальным стремлениям некоторых курдских родов, не допускающих объединения курдских народных масс»¹⁰⁰.

Несколько других взглядов держался Ияс. По его мнению, русские власти должны были следить за сохранением старого порядка старшинства в курдских родах и «не допускать учинения местными властями несправедливости, своеволия, беззакония и притеснений в отношении как отдельных лиц, так и целых родов и племен». Русские власти, говорил он, должны стать посредниками в семейных и имущественных раздорах, дабы приучить курдов «постоянно обращаться по своим спорам, разногласиям и другим делам в консульство». Тогда курды, полагал Ияс, будут смотреть на русских как на своих «естественных покровителей» и руководителей. Ввиду того, что у курдов нет, утверждал вице-консул в Соуджбулаке, «не только никаких признаков племенного единства, но и хотя бы каких-либо слабых проблесков зарождающегося национального самосознания... вопрос об объединении местных курдских племен... еще вопрос весьма отдаленного будущего, решение которого в настоящее время практически невозможно»¹⁰¹.

Несмотря на разный подход к объединению курдов, Чирков и Ияс сходились в том, что деятельность шахской администрации в Западном Иране должна быть поставлена под строгий контроль России. С этим был согласен и новый посланник в Тегеране Коростовец. В целях создания преграды «германским поползновениям» в Урмии, писал он, необходимо «наряду с посильным регулирующим воздействием вице-консульства на местный административный и социальный уклад, — обеспечение нашего консульского представительства от вмешательства во все сферы его деятельности сторонних элементов». Кроме того, Коростовец указывал на необходимость предоставить большие права русской православной миссии в Урмии и улучшить организацию транспортного дела в этом районе¹⁰².

«Воздействию на социальный уклад» иранских курдов придавалось важное значение, хотя и в этом вопросе не было единства взглядов. Урмийское консульство считало, что суть дела в правильной политике по отношению к помещикам. Препятствуя приобретению влиятельными курдскими феодалами (в том числе шейхом Та) новых земельных владений,

консульство считало необходимым, ввиду отсутствия среди курдов «лиц, достойных нашего доверия и обладающих крупной земельной собственностью», проводить политику «раздробления курдов на группы, из коих каждая в отдельности, по возможности, оказалась бы под непосредственным влиянием консульства»¹⁰³. Вице-консул Введенский придавал большое значение ликвидации национальной розни между курдами и ассирийцами, раздуваемой шахским правительством. По его мнению, Россия не должна в политических целях отдавать предпочтение ассирийцам, ибо иначе неизбежен новый рост обострения отношений между этими национальными группами. Причины розни — угнетение ассирийцев помещиками-курдами. Необходимо примирить «национальные и материальные интересы» обоих народов и в первую очередь урегулировать земельный вопрос, добиваясь того, чтобы курды-помещики, которые в период турецкой оккупации пользовались полной поддержкой турок, были лишены незаконно захваченных ими земель. Следует сделать все, чтобы как-то отделить курдов (помещиков) от ассирийцев (крестьян), а также содействовать «географическому соединению иранских ассирийцев с турецкими», что облегчит России борьбу с растущим германским влиянием¹⁰⁴.

Другое мнение о главном направлении политики в области социально-экономических отношений высказывал В. Ф. Минорский. Суть проблемы, доказывал Минорский, — в осуществлении глубоких социальных реформ, а не в проведении отдельных комбинаций среди местных помещиков. Необходимо, писал он, создать себе среди местных курдов «нужное число сторонников» путем аренды и скупки земель на турецко-иранской границе русскими подданными-мусульманами «и вместе с тем стараться уменьшить гнет крепостного населения (райета), что обеспечит нам большие симпатии населения, нежели покровительство отдельным главарям»¹⁰⁵.

Обозревая положение, сложившееся в пограничных районах Ирана после ухода оттуда турецких войск, Минорский писал, что следует наказать помещиков-туркофилов и восстановить права тех курдских вождей, которые остались верными Ирану. «Что касается до крестьянских реформ, — особо отмечал Минорский, — то следует всеми силами побудить персидское правительство оставить их в силе и воспрепятствовать помещикам сводить счеты с их бывшими крепостными, несколько вздохнувшими под властью турок. Если это не будет сделано, то в результате пограничные округа сделаются ареной новых затяжных беспорядков», ответственность за которые будет всеми возложена на Россию. Решение пограничного вопроса, отмечал Минорский, не исчерпывается простой передачей персам «спорной зоны»; нужен строгий контроль за действиями шахской администрации¹⁰⁶.

Все эти планы и соображения не только декларировались, но и проводились в жизнь, причем каждым отдельным консульством по-своему, в зависимости от того, каких взглядов на курдскую проблему держался тот или иной консул. Что касается стремления России укрепить свое влияние на курдов и особенно — несколько ограничить права помещиков, то оно встретило «крайне враждебное», по словам Голубинова, отношение и иранских властей, и поддерживаемых ими местных «нотаблей»¹⁰⁷. С другой стороны, попытки России с помощью консульских конвоев восстановить и укрепить власть иранского правительства над курдами закономерно встретили сопротивление племен, особенно трудящихся курдов, недовольных возвращением помещиков-крепостников и шахских чиновников, известных своей жестокостью, продажностью и лихоимством.

Для России восстановление шахской власти над иранскими курдами отнюдь не являлось самоцелью, а лишь одним из средств реализации задач русской политики на Ближнем Востоке. Ввиду того, что это средство оказалось не столь эффективным, как ожидалось, русские представители в Иране усилили контакты с курдскими вождями, «дабы, — как писал Голубинов, — последние не могли служить слепым оружием панисламистской пропаганды», которую проводили в Иранском Курдистане агенты шейха Абдул-Кадыра¹⁰⁸.

По мнению Чиркова, курдов следовало использовать для организации охраны турецко-иранской границы, особенно примыкающего к России ее северного участка, от возобновления турецкой агрессии. «По моему глубокому убеждению, — писал он, — мы значительно облегчим свою задачу на здешней турецкой границе и избегнем много миллионов трат на содержание здесь войск усиленного состава, как только курдский вопрос привлечет больше внимания императорского министерства. Для урегулирования его в желательном для нас смысле едва ли можно подыскать более благоприятный момент, чем настоящий»¹⁰⁹. Чирков предложил сформировать на ирано-турецкой границе курдские сотни. Однако штаб КВО, не доверяя курдам, отверг это предложение. С согласия Генерального штаба было решено лишь усилить Персидскую казачью бригаду, которой командовали русские офицеры, и разрешить вступать в нее курдам¹¹⁰. Начальник разведки при штабе Азербайджанского отряда капитан Кислый также считал, что курдам можно доверить охрану границы и что сейчас наиболее благоприятный момент для создания из них заслона против турок, могущих вновь вторгнуться в спорную полосу. По его мнению, самая уместная мера — заручиться помощью и содействием курдских вождей¹¹¹. Большинство русских представителей в Иране, а также высшие военные и гражданские чины в Тифлисе и Петербурге держались ана-

логичных взглядов. Поэтому взаимоотношения с курдскими вождями стали главной проблемой политики России в Западном Иране в предвоенные годы.

После ухода турок из спорной зоны курдские вожди пограничной полосы, в том числе и те, которые прежде поддерживали Турцию или меняли свою ориентацию в зависимости от обстановки, стали демонстрировать свою преданность России. В конце октября 1912 г. из Котура в Хой прибыл Абдуррезак. Пользуясь отступлением турок из Ирана и Балканской войной, писал Чирков, он хотел «добиться некоторых политических и экономических улучшений для Курдистана, при нравственной и реальной поддержке России» и обещал привлечь на ее сторону иранские аширеты¹¹². Аналогичные предложения делал и шейх Та, который в этот период враждовал с турками. Чирков предлагал использовать против турок Абдуррезака и шейха Та. «Подготовляя почву для объединения аширетов в Азербайджане, — писал он, — мы конечно должны быть готовы к противодействию со стороны Порты, для которой курдский вопрос приобретает особую важность»¹¹³.

Голубинов также предлагал содействовать объединению курдских племен Иранского Курдистана и Азербайджана, препятствуя, однако, образованию курдского государства. Нельзя допускать, писал он, тяготения курдов, которые легко поддаются панисламистской пропаганде, к Турции, дабы не повторялась турецкая агрессия в Иране. Оказываемое в последнее время покровительство Россией шейху Та, продолжал Голубинов, имело для Курдистана большое политическое значение, так как подорвало репутацию Турции «как единственной попечительницы аширетов» и рассеяло «внушенное турками недоверие курдов к гуманной политике России, оказывающей покровительство не только христианам, но и мусульманам»¹¹⁴.

Однако предложения консулов максимально использовать враждебное отношение к Турции некоторых влиятельных курдских вождей по-прежнему встретили непримиримую оппозицию у руководителей внешней политики России, особенно у послов в Стамбуле и Тегеране. Сазонов, указывая на недопустимость выдачи туркам шейха Та и Абдуррезака и отмечая, что их пребывание в районе Урмии является «чрезвычайно полезным», тем не менее настаивал на том, чтобы они воздержались от антиправительственной агитации в Турции «и вообще от вызывающего по отношению к туркам образа действий»¹¹⁵. Что касается послов в Иране и Турции, то они вообще отвергали какое-либо сотрудничество с курдскими вождями. По мнению Поклевского-Козелл, недопустимо оказывать покровительство Абдуррезаку и шейху Та, им следовало предложить выехать за границу через Россию¹¹⁶.

Развернутую аргументацию такого отношения к курдской верхушке дали посол в Турции Гирс и Минорский, служивший в ту пору уже не в Тегеране, а в Стамбуле. В донесении Гирса от 24 декабря 1912 г. (6 января 1913 г.) говорилось: недопустимо превращение «персидских пограничных округов в арену деятельности таких лиц, как Абдуррезак и Сеид Та». Абдуррезак мечтает сплотить курдов «сперва в Персии, а затем в Турции», что «следует признать совершенно несоответствующим нашим интересам». Абдул-Кадыр же выдвинул план автономии Курдистана. Все эти проекты увеличивают опасность «слияния» турецких и персидских курдов. «Тогда мы собственными руками создадим новый и гораздо более сложный пограничный вопрос», в то время как «нынешний спор весьма мало осложняется чувствами местного населения».

«Еще менее оснований, — продолжал Гирс, — отождествлять русские интересы с таковыми шемдинанского шейха, С. Таха», который хочет «при нашей помощи утвердиться в имениях своего дяди и тех, которые ему, будто бы, принадлежат», против чего протестует иранское правительство. Он может вновь стать сторонником турок. Курдские главарь не содействуют также водворению спокойствия в оставленных турками округах. Необходимо очистить пограничные районы от этих лиц, так как весьма опасно «ведение нашей пограничной политики в Персии через турецких эмигрантов и беглецов»¹¹⁷.

Аналогичная мотивировка содержалась в «Заметках о курдах» Минорского. Он аттестовал Абдуррезака политическим авантюристом, который ведет двойную игру и своим появлением в Тифлисе «скомпрометировал себя в глазах турок». «Весь наш интерес, — писал Минорский, — в том, чтобы персидско-турецкая географическая граница 1848 г. (ныне фактически восстановленная) продолжала делить Курдистан пополам». У курдов «нет еще никаких спаивающих культурных основ, а потому объединение их может привести скорее к таким беспорядочным и диким движениям, каким был набег шейха Убейдуллы на Персию в 1880 г.». «Дружественные заявления шейха Та, — утверждал Минорский, — для России никакой ценности не представляют». «В наших интересах вообще отделять жизнь персидских курдов от турецких, а такие авантюристы, как Абдуррезак и Та, являются именно связью с Турцией»¹¹⁸.

В этих рассуждениях обращают на себя внимание два момента: во-первых, отрицательное отношение к любой форме объединения иранских и турецких курдов, которое рассматривалось как угроза интересам России, во-вторых, полное недоверие к курдским вождям, в данном случае к Абдуррезуку и шейху Та. Разумеется, такой подход исключал возмож-

ность проведения активной политики как в Турецком, так и в Иранском Курдистане.

Но ни Гирс, ни тем более Минорский не имели решающего голоса в определении «курдской» политики России. Между тем в Петербурге, и особенно в Тифлисе, склонны были с большим доверием относиться к тем курдским вождям, которые демонстрировали свое русофильство, что видно уже из цитированных выше телеграмм Сазонова. Непосредственные же исполнители и проводники политики России в Иранском Курдистане — консулы часто действовали по собственному разумению, сообразуясь с конкретной обстановкой на месте и не всегда считаясь с инструкциями руководителя российской миссии в Тегеране. Таким образом, в курдском вопросе по-прежнему отсутствовала единая, согласованная политическая линия.

Наибольшим доверием у русского правительства, особенно у тифлисского начальства, пользовался правитель Котура Измаил-ага Симко. Было решено проявить к нему особое внимание. Симко был приглашен в Россию. В конце декабря 1912 г. он выехал со своей свитой из Хоя в Тифлис. В Тифлисе Симко был принят наместником Воронцовым-Дашковым, вручившим ему орден. В Нижегородском кавалерийском полку Симко был устроен торжественный прием. Вскоре он был назначен начальником курдской пограничной стражи в Котуре, содержащейся русским казначейством. Знаки внимания, оказанные русским правительством Симко, по словам Чиркова, «вызвали небывалый подъем симпатии к России у персидских и турецких аширетов». В то же время укрепление положения Симко внушило большую тревогу иранским властям и макинскому сердару¹¹⁹.

В Турции известие о приеме, оказанном Симко на Кавказе, вызвало большое недовольство. Посол Турхан-паша по этому поводу сделал представление Сазонову. Сазонов ответил, что Симко такой же друг России, как макинский сердар. Русское правительство, уверял Сазонов турецкого посла, не участвовало в чествовании Симко, награжден орден он был «по собственной просьбе». Симко не находится на русской службе, сказал в заключение Сазонов, и никогда не будет использован против Турции¹²⁰.

Таким образом, чествование правителя Котура в Тифлисе поставило Сазонова в унижительную для него необходимость оправдываться и отречься от Симко. Гирса же известие о «торжествах» в Тифлисе привело в состояние крайнего негодования. Эти сведения, писал он Сазонову, обошли всю стамбульскую прессу «с крайне невыгодными для нас комментариями». Признавая некоторые заслуги Симко перед Россией, Гирс подчеркивал «желательность в будущем соблюдения известной пропорции между знаками нашего го-

стерпимства и истинным положением тех лиц, коим оно оказывается». Внимание, проявленное к Симко, продолжал посол, «превышало ту скромную и чисто местную роль, которую играл в действительности хозяин десятка котурских деревень. Несмотря на храбрость и стойкость Симко, нельзя забывать, что большая часть его подвигов является весьма плохо замаскированным разбойничеством и сводится к угонам скота и т. п.». Симко, писал в заключение Гирс, может слишком возомнить о своем значении, что подорвет авторитет русских консулов, «которые единственно и призваны вступать с ним в сношения»¹²¹. Похоже, что Гирс осмелился в осторожной форме осудить поведение своего высокого начальства за проявленные, по его мнению, неосмотрительность и опрометчивость в сближении с котурским властителем Симко, причем затронул наиболее чувствительную и болезненную для русского правительства струну — возможность ухудшения отношений с Турцией. Дальнейшие события показали, что независимо от степени правоты Гирса его предостережения возымели свою силу.

В начале мая 1913 г. Клемм дал вице-консулам в Хое и Урмии следующую директиву: «Ввиду начинающих налаживаться переговоров с турками по пограничному вопросу желательно всемерно удерживать шейха Тага, Абдуррезака и Симко от проявления активной деятельности и вообще не допускать, чтобы они создавали какие-либо затруднения в пограничной полосе»¹²². Это распоряжение вызвало возражение Чиркова, главного и фактически единственного представителя России в Северном Иранском Курдистане. «Я не вижу, — отвечал он Клемму, — чтобы в настоящий момент образ действий покровительствуемых нами курдов подавал основательный повод к турецким тревогам». Прекращение этого покровительства, писал далее Чирков, «обеспечило бы туркам большой успех их агитации, способной изменить к худшему общее положение дел в занятой нами зоне»¹²³. Указывая на необходимость прекращения вооруженных столкновений между курдами, и особенно обуздания врагов Симко, Чирков отмечал, что, если правитель Котура будет вынужден отказаться от охраны границы, это «будет серьезным умалением нашего престижа среди курдов»¹²⁴.

Создавалась довольно своеобразная ситуация, когда вице-консулы (Чиркова по многим вопросам курдской политики поддерживал Голубинов) могли игнорировать прямые распоряжения своего высшего начальства и упорно отстаивать свои взгляды. Столь необычное в дипломатической службе нарушение дисциплины и субординации можно объяснить, во-первых, сложностью обстановки в Иранском Курдистане, когда консулам приходилось самим принимать решения, сообразуясь с быстро менявшейся обстановкой и опираясь на

находившуюся в их полном распоряжении военную силу, во-вторых, плохой осведомленностью высших чинов Министерства иностранных дел в курдской проблеме, в силу чего они часто вынуждены были мириться с тем, что на местах их указания весьма основательно корректировались, и, наконец, в-третьих, скрытой, а иногда и явной поддержкой, оказываемой консулам военным и гражданским начальством на Кавказе. Тифлис не всегда соглашался с Петербургом по тем или иным аспектам политики в отношении курдов и, в частности, стоял за более активное вмешательство во внутреннюю жизнь племен, даже с применением вооруженной силы.

По-прежнему вызывало разногласие отношение к Симко. Последний нередко обращался к русским с просьбой о помощи против других вождей. Чирков, которого поддержал командир Азербайджанского отряда генерал Воропанов, предлагал, в связи с отказом некоторых сомайских племен подчиниться Симко, предпринять в Сомай «военную прогулку»¹²⁵. Он рекомендовал оказать военную помощь и некоторым другим курдским вождям, в том числе и Абдуррезаку. Это вызвало резкое осуждение со стороны Гирса и Минорского. Гирс писал, что «недопустимо оказывать Симко помощь русскими солдатами в его сведениях личных счетов с сомайскими шейхами... Необходимо рекомендовать консулам не вмешиваться в распри курдов и лишь удерживать их всемерно от вооруженных столкновений, между тем как от переписки получается противоположное впечатление»¹²⁶. Минорский в частном письме (написанном с ведома и одобрения Гирса) резко осуждал Чиркова и Голубинова за вмешательство в курдские дела и оказание вооруженной поддержки Симко и Абдуррезаку, замечая, что на курдов надо воздействовать не войсками, а понемногу приучать их «к школам, к порядкам на Кавказе, к русским товарам и т. д.»¹²⁷.

К мнению Гирса и Минорского прислушивались в Петербурге, хотя там по-прежнему не могли уяснить все перипетии сложной внутривосточной обстановки в Иранском Курдистане, о чем откровенно поведал товарищ министра иностранных дел Нератов в письме к поверенному в делах в Тегеране. «В мелких и невероятно запутанных распрах курдов, — писал Нератов, — разобраться здесь совершенно невозможно. Надо, чтобы консулы воздерживались от вмешательства в эти распри и ограничивались тем, чтобы удерживать курдов от постоянных вооруженных столкновений». Нельзя, писал далее Нератов, чтобы «мы помогали Симко в его личных счетах с сомайскими шейхами... Подчинять одних курдов другим неудобно; гораздо выгоднее, чтобы наши консулы распоряжались каждым племенем в отдельности»¹²⁸.

Министерство иностранных дел пресекало также стремления консулов использовать курдских вождей для борьбы с ту-

рецким влиянием в пограничных районах Ирана. Чирков сообщал о своем намерении в связи с усилением турецкой пропаганды среди милянских курдов при явном попустительстве макинского хана поручить Абдуррезаку водворить среди курдов порядок и спокойствие «путем мирных увещаний»¹²⁹. В ответ Клемм писал в Тегеран, ссылаясь на мнение посольства в Стамбуле, о нежелательности «привлекать Абдурезака к участию в пограничных делах» и о том, что «Чирков не должен пользоваться услугами означенного выходца»¹³⁰. Через некоторое время, в связи с жалобами турок на Симко и Абдурезака, Клемм снова указал, на этот раз непосредственно Чиркову, на необходимость «предложить Симко тщательно воздержаться от каких-либо выступлений против турок» и на то, что «теперь особенно важно не допускать никаких выступлений Абдурезака»¹³¹.

Особые подозрения и опасения вызвала деятельность шейха Та, выдававшего себя за сторонника России. Полковник Андриевский первый предупреждал, что солидарность с Та, восстановившим население Иранского Курдистана против себя набегами, дискредитирует Россию в глазах курдов. Его считают, писал Андриевский, «открытым нашим сторонником и чуть ли не состоящим у нас на жалованье», чему способствовал его внешне европейский вид и костюм, хотя он и был сейидом. Андриевский также предлагал не вмешиваться в междоусобицы курдов, дабы не наживать себе врагов среди них¹³².

О тайных сношениях шейха Та с турецкими властями писал управляющий генконсульством в Тебризе Преображенский. Он считал необходимым учредить над Та строгий надзор, а также ослабить влияние его на иранских курдов «путем создания противовеса в лице наиболее достойных нашего доверия персидских курдов, прикрепленных крупной земельной собственностью к Урмийскому округу»¹³³. В Петербург поступали проекты наделения шейха Та землями, отобранными у других курдских вождей (часть этих земель предлагалось передать ассирийцам). Эти планы встретили решительное возражение Министерства иностранных дел. Клемм распорядился избегать вмешательства в дела курдских вождей, «не оказывая чрезмерного покровительства одним против других» и не передавая земли курдов ассирийцам, так как «это могло бы только обострить отношения между курдами и айсорами и создать новые поводы к совершенно нежелательным военным выступлениям нашим в пограничной полосе»¹³⁴.

С конца 1913 г., когда наметилась перспектива благополучного завершения переговоров о турецко-иранском разграничении, происходивших при посредничестве России и Англии, усилились требования решительно отмежеваться от

шейха Та и подобных ему вождей. В связи с тем, что принадлежность Ирану Тергевера, Дешта и Мергевера становится несомненной, писал Гирс Сазонову, можно отныне не опираться на «мелких деятелей сомнительной репутации, подобных Сеид Таха». Наоборот, отмечал посол, присутствие на иранской территории турецкого выходца, находившегося в зависимости от турецких властей, может стать «источником осложнений и интриг».

Столь категорические призывы, постоянно исходившие из русского посольства в Стамбуле, оказали в конце концов свое воздействие; шейх Та полностью утратил доверие в глазах русского правительства. В середине марта 1914 г. Клемм предписал вице-консулу в Хое удерживать Та от выступлений против Турции и удалить его из Иранского Курдистана¹³⁵. Несостоятельность поддержки Россией шейха Та вынужден был признать даже постоянно защищавший его вице-консул в Урмии Введенский. Он называл теперь Та политическим авантюристом и проходимцем, ставка на которого была ошибочной. Шейх Та, писал вице-консул, грабит и захватывает чужие земли; им все недовольны. Положение в подвластных ему районах напоминает времена набега Обейдуллы. Следует низвести его до положения рядового лица и выдворить из Урмийского района¹³⁶.

Несмотря на строжайшие указания русским консулам избегать конфликтов с курдами, столкновения между русскими войсками и курдами все же происходили, и нередко. Русские войска участвовали в подавлении курдских волнений в Сенне, в районе Энзели — Сомая и в других местах¹³⁷. Для инцидентов иногда достаточно было совсем ничтожного повода. Так, например, курды из племени Курдо-бека отняли у одного отставшего от своих русского солдата винтовку и ранили его штыком. В ответ на это временно исполнявший обязанности командующего войсками КВО генерал Шатилов приказал, вопреки возражениям посольства в Стамбуле, провести карательную экспедицию против Курдо-бека, осуществленную под командованием генерала Воропанова 26—27 июля 1913 г. Минорский писал: «Один человек напал на шедшего отдельно стрелка. Можно ли после этого делать целую карательную экспедицию и разорять несколько деревень?»¹³⁸. На копии победной реляции генерала Шатилова рукой Минорского было написано: «И все это из-за одной винтовки, отданной испуганным ротозеем-казакон встречному курду»¹³⁹.

Действия Воропанова вызвали решительный протест и посла Гирса. «Не следовало производить, — писал он, — карательной экспедиции против Курдо-бека, который еще недавно числился в списке наших друзей. Минутная, быстро меняющаяся политика оттолкнет от нас всех пограничных курдов, чем воспользуются турки»¹⁴⁰. Особое возмущение

у Гирса вызвало разрешение Чиркова и Голубинова использовать русские войска для борьбы с врагами Симко, шейха Та и прочих явных или мнимых русофилов. Извещая Сазонова о переданных ему Абдул-Кадыром жалобах иранских пограничных курдов «на расправы с ними сейида Таха, пользующегося содействием русских войск и властей», Гирс писал: «...Не скрою от вашего высокопревосходительства крайне невыгодного впечатления, создаваемого чисто экзекуционным характером нашей политики в Урмийском крае, резко отличающейся, например, от положения в районе Соудж — Булака»¹⁴¹.

Невзирая на протесты российского посольства в Стамбуле, Голубинов, Чирков, новый вице-консул в Урмии Успенский, генерал Воропанов, а также глава русской духовной православной миссии в Урмии архимандрит Сергей¹⁴² продолжали настаивать на применении карательных методов для утверждения русского влияния в Иранском Курдистане, на что Минорский отозвался: «Это грабительство, хотя бы и прикрываемое религией». Министерство иностранных дел в общем поддержало Гирса и Минорского, но, как всегда, сделало это в весьма общей и необязательной для консулов форме. «Не в наших интересах выступать по отношению их (курдов. — М. Л.) исключительно в роли власти карающей»¹⁴³. Ясно, что такого рода инструкция давала консулам возможность действовать по-своему.

Определенный интерес представляет резкая критика, которой подверг политику русских властей в Иране по отношению к курдам один из очевидцев, русский офицер С. Бабич, посетивший северные районы страны в 1913 г. «Бесконечные волнения и недовольство среди курдов, — писал Бабич, — есть результат славной консульской деятельности. То, чему можно было положить предел, теперь разгорается в яркое пламя...»¹⁴⁴. Источником всех бед он считал политику вице-консула в Хое, который с помощью русских войск содействовал упрочению власти Симко над сомайскими курдами. В результате местное население не без оснований сочло Россию виновницей возникших междоусобиц, племенных распри, и особенно насилий и грабежей котурского правителя¹⁴⁵, снискавшего единодушную ненависть как крестьянства и рядовых кочевников, так и племенной верхушки, боявшейся чрезмерного усиления Симко. «Политика русских консулов для курдов непонятна, — писал Бабич. — Сейчас в Соме страшное недовольство против русских за то, что они вмешиваются в распри и личные отношения курдов». По мнению автора, все это грозило опасностью возникновения всеобщей партизанской войны против русских войск¹⁴⁶.

Этим положением, отмечал Бабич, немедленно воспользовались турки. Многие влиятельные курдские вожди (Темир

Джанго, Измаил-ага Кардар и др.) вступили с ними в тайные сношения. Возник даже слух о заключении «Священного союза» между турками, персами и курдами с целью изгнания русских из Северного Ирана¹⁴⁷.

К середине 1914 г. русские власти в Иране настолько глубоко увязли в курдских распрях, что уже утратили способность ориентироваться в обстановке и надежду улучшить весьма невыгодное для России положение. Например, новый вице-консул в Урмии Введенский (частая сменяемость консулов в этом центральном пункте Иранского Курдистана тоже сама по себе показательна) видел задачу русских войск, пришедших в Ушну в феврале 1914 г., в том, чтобы содействовать примирению некоторых племен и объединению курдов, дабы побудить их служить интересам России, «тесно связанным с интересами порядка и спокойствия в крае»¹⁴⁸. Однако Введенский не мог не знать, что в правительственных кругах России крайне неодобрительно относились к объединению курдов. Он предлагал вернуть в Иран изгнанных из-за интриг шейха Та курдских вождей Абдуллу-бея, Пиро-бека и Абдуллу-хана, утверждая, что этот «великодушный жест» привлечет на сторону России не только иранских, но и турецких курдов¹⁴⁹. При этом он забыл, что еще совсем недавно русские власти в Иране дружили с шейхом Та, а против Пиро-бека посылали карательные экспедиции, следовательно, рассчитывать на успех предложенных им мер по меньшей мере было наивно.

Трудности, вставшие перед русской политикой в Иранском Курдистане, были усугублены событиями, происходившими в то время по ту сторону границы, в Турецком Курдистане. В частности, перед Россией, как уже отмечалось в предыдущей главе, встала проблема перехода отдельных вождей и целых племен из Турции в Иран. Этот переход был чреват осложнениями с Турцией, поскольку мог вызвать обвинение с ее стороны по адресу России в сообщничестве с мятежными курдами. Вместе с тем турки порой поощряли переход турецких курдов в Иран и захват ими земель, чтобы получить предлог для возобновления агрессии в Иранском Курдистане¹⁵⁰. В связи с этим Чирков считал необходимым настоять на прекращении военных действий турецких войск против курдских повстанцев, особенно против шейха Барзани, но в то же время доказывал, что Россия не должна удерживать курдов от их выступлений с территории Ирана против Турции, ибо в противном случае это «может крайне невыгодно отразиться на нашем дальнейшем воздействии на аширеты и толкнет их в сторону германского покровительства»¹⁵¹. Если Чирков мог с редким упорством отстаивать заведомо неприемлемые, как он безусловно знал, для Министерства иностранных дел проекты, то нетрудно догадаться, что он и дей-

ствовал большей частью вразрез с инструкциями, получаемыми из Петербурга.

Что касается переселения курдских вождей из Турции в Иран, то русское правительство относилось к этому безусловно отрицательно. «Переселение курдских вождей из Турции, — писал Клемм Введенскому, — крайне нежелательно, как вследствие подозрений, вызываемых этим у турок, так и ввиду трудности устраивать и обеспечивать материально выходцев в Персии или на Кавказе»¹⁵².

Таким образом, Россия фактически ничего не добилась в Иранском Курдистане. Несмотря на уход турецких войск и приход русских подразделений, внутреннее положение по-прежнему было крайне неустойчивым, междоусобицы, насилие против мирного оседлого населения оставались повседневной реальностью, русское влияние среди иранских курдов, поначалу возросшее, вскоре начало сходиться на нет. Следствием этого явился постепенный рост турецкого и германского влияния среди иранских курдов. Несмотря на благоприятные внешние и внутренние условия, Россия оказалась не в состоянии захватить прочные позиции в Иранском Курдистане¹⁵³. Последствия этой неудачи сказались очень скоро. Лишь в решении одного из внешнеполитических вопросов курдской проблемы Россия, казалось, добилась успеха, но и его она не успела закрепить и использовать из-за начавшейся мировой войны. Речь идет об окончательном установлении турецко-иранской границы, разделявшей в то время Курдистан на две неравные части.

АНГЛИЯ, РОССИЯ И ТУРЕЦКО-ИРАНСКОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ

Турецко-иранский пограничный конфликт, который всегда был связан с курдским вопросом¹⁵⁴, как говорилось выше, уже с первой половины XIX в. оказался в поле зрения двух колониальных держав — Англии и России. Разрешение этого конфликта зашло в тупик главным образом из-за противоречий между этими державами. Англо-русское соглашение 1907 г. создало благоприятную атмосферу для решения проблемы турецко-иранского разграничения.

С начала 1911 г. русское и английское посольства в Стамбуле начали добиваться от Порты разрешения на выезд представителями своих держав турецко-иранской пограничной полосы с целью выяснения обстановки на месте и уточнения сделанных ранее карт пограничных районов Турции и Ирана, без чего нельзя было приступить к демаркированию пограничной линии. К лету Порты дала такое согласие. Делегатами были назначены со стороны России второй драго-

ман миссии в Тегеране В. Ф. Минорский, со стороны Великобритании — консул в Тебризе Шипле. Им был придан русский и английский конвой. Совместная инструкция делегатам гласила: «Целью вашей поездки является изучение и осведомление обеих миссий касательно пределов турецких захватов, степени распространения турецкой администрации в оккупированных местностях, отношения мирного населения к туркам и, наконец, вопроса о „дехалетах“; в ваши задачи входит собирание сведений, могущих указать конечную цель турецких захватов, и всяких данных, которые были бы полезны в случае передачи пограничного спора на третейское разбирательство, причем особенно желательно, если окажется возможным, установление фактической границы 1905 г.»¹⁵⁵.

Объезд Минорским и Шипле пограничной полосы занял все лето 1911 г. Неоднократно цитировавшийся выше совместный отчет делегатов неопровержимо уличал Турцию в захватнических планах и действиях по отношению к ее восточному соседу. В результате у турецкого правительства не осталось иного выхода, как вновь вступить с Ираном в переговоры по пограничному вопросу.

21 декабря 1911 г. между Турцией и Ираном в Тегеране был подписан протокол, предусматривавший создание новой разграничительной комиссии. Ее работа должна была базироваться на Эрзерумском трактате 1847 г., а в случае разногласий среди членов комиссии следовало обращаться к Гаагскому арбитражу. Комиссия начала работать в Стамбуле в марте 1912 г. До августа было проведено восемнадцать заседаний, которые, однако, ввиду обструкционистской тактики турецких делегатов не дали никакого результата¹⁵⁶. Тогда Россия и Англия решительно вмешались, и дело сразу сдвинулось с мертвой точки.

Еще в период работы турецко-иранской разграничительной комиссии драгоману русского и британского посольств в Стамбуле вручили Порте ноту [1 июня (19 мая) 1912 г.], в которой указывалось, что военные действия на территории Котурского округа являются нарушением Берлинского трактата. Незадолго до этого Сазонов сделал представление турецкому послу Турхан-паше «с предупреждением, что дальнейшие подобные выступления их (турок. — М. Л.) заставят нас принять все соответствующие меры охраны наших интересов»¹⁵⁷. Российское Министерство иностранных дел начало быстро решать вопрос, какие территории должны при разграничении отойти к Турции, какие — к Ирану, причем соображения «курдской» политики играли при этом значительную роль. Голубинов писал, что можно было бы уступить туркам без ущерба для стратегических интересов России Чиари-Кала и округа Сомай, Барадост, Тергевер, Дешт, Мергевер, Ушну, Лахиджан, Тиркеш, Везне, Сердешт и Бане.

Но с точки зрения политической, отмечал Голубинов, «трудно даже учесть все отрицательные стороны подобной компенсации». Это уронило бы «наш престиж в глазах всего Курдистана, не говоря уже о персидских землевладельцах в названных округах, до сих пор еще не потерявших надежды на восстановление своих владельческих прав при помощи могущественной России». Эта уступка, продолжал вице-консул, привела бы к усилению панисламистской пропаганды, поэтому на компенсацию можно пойти и «в самом крайнем случае»; наиболее же желательная мера — восстановление статус-кво до 1905 г.¹⁵⁸

В июле и августе 1912 г. Англия и Россия представили турецкому правительству проекты разграничения на основе материалов, собранных в отношении южного отрезка границы капитаном индийской политической службы А. Т. Вильсоном¹⁵⁹, а в отношении среднего и северного отрезка — Минорским и Шипле. Русский проект, кроме того, оперировал отчетом Дервиш-паши, турецкого комиссара в разграничении 1849—1852 гг., и предлагал считать границей статус-кво 1848 г., за исключением особо оговоренных мест.

Одновременно Россия оказала нажим на британское правительство, дабы побудить его более энергично выступать в пользу турецко-иранского разграничения. 11 сентября 1912 г. Сазонов отправил Грею меморандум, в котором говорилось, что, хотя работа турецко-иранской разграничительной комиссии по вине Турции окончилась неудачей, передача спора на рассмотрение Гаагского трибунала — мера нежелательная и для России, и для Ирана. «Если Турции, — писал Сазонов, — удастся аннексировать ныне оккупированные ею местности в районах Хоя, Салмаса, Урмии, Сулдуза и Соуджбулака, — Россия, со своей стороны, окажется вынужденной оккупировать часть Азербайджана, а именно районы Маку, Котур, Хой, а возможно даже Марагу до тех пор, пока Персия не будет располагать достаточными вооруженными силами, чтобы оборонять свои владения против турецкой агрессии и обеспечить свой нейтралитет»¹⁶⁰. В своем ответе британское правительство заявило, что «нет никаких оснований для дальнейших шагов, как бы они ни признавались полезными»¹⁶¹, так как турки пошли на уступки.

Угроза оккупации Россией названных в меморандуме Сазонова районов возымела свое действие. Англия активно поддержала требования России к Турции прекратить агрессию в Западном Иране. Последовавший вскоре (в октябре — ноябре 1912 г.) вывод турецких войск из пограничных округов Ирана был результатом именно совместного нажима России и Англии на Турцию.

Турецкое правительство долгое время отмачивалось по вопросу о разграничении. Только в конце марта 1913 г. Порта

вступила в переговоры с Россией о границе, выставив ряд своих контрпретензий.

Вскоре для восполнения пробелов в исследовании средней части границы был командирован российский генеральный консул в Багдаде Орлов, объехавший с 18 мая по 23 июня пограничную полосу от Мандали до Бане¹⁶². С этой же целью консул в Соуджбулаке полковник Ияс посетил некоторые пограничные районы (от Келяшина до Бане).

Летом того же года происходили русско-турецкие и англо-турецкие переговоры, в ходе которых Лондон и Петербург согласовывали свои позиции. Важное значение имело, в частности, соглашение, которое в результате этих переговоров заключили Грей и специальный представитель Порты Хаккы-паша в июле 1913 г. Англия вынудила Турцию принять ту разграничительную линию на юго-западном отрезке границы, которая устраивала Иран, а вернее, саму Англию, имевшую особые интересы в прилегающих к Персидскому заливу и Шатт-эль-Арабу районах страны¹⁶³. Отныне англичане могли быть спокойны за судьбы весьма перспективной нефтяной концессии, полученной в 1901 г. британским подданным д'Арси (в июне 1914 г. концессия была выкуплена британским правительством по инициативе дальновидного первого лорда Адмиралтейства Уинстона Черчилля). Что касается России, то она в этих переговорах в значительной степени сообразовывалась со своей политикой в отношении курдов¹⁶⁴.

В августе 1913 г. в Стамбуле произошло совещание русских и британских представителей, на котором было решено включить в разграничительную комиссию представителей от России и Англии¹⁶⁵. На совещании был разработан проект Заключительного протокола и «Внутреннего устава» этой комиссии. Заключительный протокол обсуждался на совещании представителей России, Англии, Турции и Ирана в Стамбуле в октябре 1913 г. Его официальное подписание состоялось 17 ноября¹⁶⁶.

Этот документ в деталях определял турецко-иранскую границу. Относительно Котура были подтверждены положения Берлинского трактата и протокола 1880 г. В Заключительном протоколе подтверждалось также соглашение Грей — Хаккы. Было решено восстановить комиссию по разграничению из представителей четырех держав с целью определения статус-кво 1848 г. для тех частей границы, которые не были точно обозначены протоколом. Как только какой-нибудь сектор границы будет согласован, говорилось в Заключительном протоколе, это будет считаться окончательным решением вопроса¹⁶⁷. Комиссаром в комиссии от России был назначен В. Ф. Минорский, от Англии — бывший генеральный консул на Крите Вратислав (а его помощником А. Т. Вильсон), от Ирана — Насролла-хан Этела оль-Мольк, от Турции — майор

Азиз Самих-бей. Дело шло к окончательному решению многовекового пограничного спора между Турцией и Ираном¹⁶⁸.

Работа комиссии началась в январе 1914 г. у Шатт-эль-Араба, а закончилась в октябре того же года у Арарата. Комиссия демаркировала линию протяженностью около 1900 км. Было определено, что вторжение турецких войск имело место преимущественно на севере, а иранских — на юге. Поэтому новая пограничная линия была проведена на севере благоприятно для Ирана, а на юге — для Турции¹⁶⁹. Например, в районе Касре-Ширина Турции была уступлена значительная часть иранской территории, за исключением района Чиа-Сурха, где находились месторождения нефти, эксплуатируемые Англо-Персидской нефтяной компанией¹⁷⁰. При разграничении учитывались географические, расовые, религиозные факторы. Старались отделить луров от арабов, курдов-суннитов (в Турции) от курдов-шиитов (в Иране). Как признает один из участников разграничения, подчас демаркация проводилась искусственно¹⁷¹.

В то же время во всех принципиальных вопросах, представлявших непосредственный интерес для России или Англии, делегаты-посредники, как правило, отдавали предпочтение Ирану, находившемуся в полной экономической и политической зависимости от них, и не прочь были при случае ущемить Турцию, очутившуюся к тому времени во враждебном Антанте лагере¹⁷². «В нашей комиссии неоднократно возникали вопросы о стратегическом назначении отдельных пунктов, и в большинстве случаев удавалось отстаивать интересы Персии»¹⁷³, — писал Минорский в своем отчете.

Во время работы комиссии русский комиссар обращал особое внимание на положение курдов, посещал курдские племена, встречался с вождями. «Местные курды, — писал Минорский, — пытались разведать о моих взглядах на курдский вопрос. Они говорили, что национальная самобытность весьма интересует теперь курдов, но что они сами по себе вряд ли сумеют ее отстоять, если у них не окажется таких могущественных покровителей, как, например, у армян»¹⁷⁴.

Курды не мешали демаркации границы. Лишь однажды, 31 августа 1914 г., в районе Котура была совершена попытка нападения на английских членов комиссии, причем Симко в письме английскому комиссару оправдывался тем, что он принял англичан за русских (!)¹⁷⁵.

Еще одна примечательная черта в работе комиссии — полное согласие русской и британской сторон, особенно после начала войны в Европе в августе 1914 г. (весть о войне настигла комиссаров 4 августа). Нередко бывало, что Вратислав, отлучаясь куда-либо, передавал свой голос Минорскому, и наоборот¹⁷⁶. Это служило косвенным свидетельством того, что англо-русские противоречия в указанном рай-

оне в рассматриваемое время отступали на второй план, главным образом в связи с ростом германской угрозы.

Разграничение было закончено к 23 октября 1914 г. Последнее заседание комиссии состоялось 28 октября. К этому времени была демаркирована вся граница от Фао до горы Арарат, за исключением округа Котура, где турки закрепились так прочно, что ввиду войны в Европе было решено отложить решение вопроса до более благоприятного времени. На всем протяжении границы комиссия воздвигла 223 пограничных знака. 10 знаков было пропущено на случай будущего разграничения Котура¹⁷⁷. 29 октября в 2 часа дня Минорский со списком членов турецкой комиссии для представления их к русским орденам и с просьбой от турок прислать такой же список русских делегатов прибыл в Маку, где его встретила весть о нападении утром того же дня турецко-германского флота на черноморское побережье России. «Война, всех размеров которой мы не могли тогда и представить, сокрушила все границы и, конечно, наше турецко-персидское детище не составило исключения»¹⁷⁸, — писал Минорский.

Поистине фатальна была судьба пограничного конфликта между Турцией и Ираном, длившегося четыре века. Каждый раз, когда спор был близок к разрешению, разражалась война, и все труды шли насмарку. Так случилось и на этот раз. Больше всех, пожалуй, проиграла от этого Россия, надежды которой на то, что турецко-иранское разграничение положит конец угрозе кавказской границе со стороны турок, рухнули.

* * *

Возвращаясь к политике царской России по отношению к курдам, приходишь к выводу, что она почти по всем направлениям потерпела неудачу. Причины этой неудачи заключались, во-первых, в том, что русское правительство (исходя из соображений сохранения мира и стабильности на Ближнем Востоке) заняло отрицательную позицию по отношению к освободительному движению курдов против турецкого господства и крепнувшей курдской национальной идее, а во-вторых, в беспринципной и противоречивой политике в Иранском Азербайджане и Курдистане, вызвавшей недовольство курдского населения. Внешнеполитическое ведомство и кавказское наместничество действовали в курдском вопросе не только несогласованно, но часто в пику друг другу¹⁷⁹.

Российский империализм в своей колониальной политике не обладал гибкостью, умением использовать политические маневры и демагогию, к которой прибегали не менее реакционные и жестокие, но более опытные империалисты Англии, Франции, США, Германии (последние — с большим успехом в Турции и арабских странах). В этом были корни многих серьезных неудач внешней политики царизма.

КУРДСКИЙ ВОПРОС ВО ВРЕМЯ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В эпоху первой мировой войны на долю курдского народа выпали тяжелейшие испытания. Война ни на йоту не приближала разрешение курдского вопроса. Курдистан стал ареной боевых действий трех армий — турецкой, русской и английской. В течение четырех лет на его территории шла маневренная война, залившая страну потоками крови и причинившая ее населению огромный материальный ущерб. Каждая из воюющих сторон пыталась использовать курдов и другие народы Восточной Турции, Западного Ирана и Ирака в своих интересах, натравить их друг на друга или на своих врагов, что привело к полной анархии в этом районе Ближнего Востока и послужило источником неисчислимых бедствий для его населения. Пожалуй, в результате развязанной империалистами мировой бойни никакие другие народы не понесли относительно таких огромных жертв, как армяне, курды и ассирийцы.

Как известно, Турция вступила в войну только через три месяца после того, как прогремели первые выстрелы на европейских фронтах. Однако приверженность Турции к центральным державам всем была ясна уже в самом начале мировой войны. Хотя германо-турецкий союзный договор от 2 августа 1914 г. держался в секрете, такие факты, как резкая активизация деятельности германской агентуры в Турции, особенно миссии Лимана фон Сандерса, прибытие 10 августа 1914 г. в Дарданеллы германских крейсеров «Гeben» и «Бреслау», усиленные военные приготовления турецкого правительства, различные политические и экономические мероприятия Порты, направленные преимущественно против держав Антанты, говорили сами за себя¹. Правда, Россия не теряла надежду оторвать Турцию от германо-австрийского блока или, в крайнем случае, оттянуть ее вступление в войну: по этому вопросу Гирс и русский военный агент генерал-майор Леонтьев в августе — сентябре 1914 г. вели переговоры с Энвером. Однако шансы на достижение

соглашения с турками были ничтожными, главным образом потому, что Англия и Франция, считавшие, что наступил долгожданный момент, когда можно приступить к разделу «ottomанского наследства», оказали очень слабую поддержку русской дипломатии. К концу сентября, после закрытия турками черноморских проливов, даже эти небольшие шансы исчезли. Вместе с тем русская империалистическая буржуазия и помещичье-монархические круги считали, что наступило благоприятное время для реализации их традиционных притязаний в отношении проливов, а также восточных районов Малой Азии.

На Ближнем Востоке с середины лета 1914 г. началась усиленная подготовка к разрешению силой оружия многих острых противоречий, споров, проблем.

СИТУАЦИЯ В КУРДИСТАНЕ
В АВГУСТЕ — ОКТЯБРЕ 1914 г.

Турецкие правящие круги лихорадочно готовились к нападению на Россию, возлагая при этом большие надежды на курдские племена. В день подписания союзного договора с Германией наряду с официальным правительственным сообщением о нейтралитете вышло распоряжение о частичной мобилизации. Оно коснулось в первую очередь хамидие. В Эрзерумском вилайете курдским аширетам и хамидие было предписано охранять русскую границу. Германский консул в Эрзеруме Андерс совместно с младотурецкими эмиссарами Хильми-беем и Ибрагим-беем развернули подстрекательскую работу среди курдов Восточной Анатолии, а также русского Закавказья, куда тайно пробрался Андерс².

В Ванском вилайете, в районе Каракилисе, с середины августа 1914 г. начали сосредотачиваться полки хамидие, туда ежегодно направлялись тысячи вооруженных курдов. В округе Баязида к середине октября было расположено 16 курдских полков, размещенных вдоль русской границы. Курдские полки (каждый насчитывал в среднем по 500 конников) были сосредоточены и в других районах русско-турецкой границы. Одновременно турецкие власти начали формировать курдские диверсионные отряды, которые систематически нарушали русскую границу и бесчинствовали в пограничных районах Закавказья. Только за сентябрь 1914 г. они угнали из пограничных селений России до 10 тыс. голов скота. Власти усиленно снабжали курдов, как входящих в иррегулярные войска, так и всех прочих, оружием (большей частью невысокого качества). В целях привлечения курдов на свою сторону правительственные эмиссары распространяли даже слухи о даровании им в будущем автономии³.

Несмотря на широкий размах развернутой младотурецкими эмиссарами и германской агентурой антирусской пропаганды, которая среди части турецких курдов падала на благоприятную почву ввиду разочарования их Россией, отказавшейся поддержать курдское освободительное движение, далеко не всем курдам удалось привить русофобские настроения. Многие из них были недовольны мобилизационными мероприятиями, в частности переброской аширетных формирований к русской и иранской границам, и заявляли, что в случае войны они перейдут на сторону России⁴. В районе Харпута — Дерсима курды не только не поддавались антирусской пропаганде, но совершали нападения на турецких солдат, отбирая у них пушки, ружья и боеприпасы⁵. В Мосульском вилайете мобилизация среди курдов фактически сорвалась. Они отказывались вступить в турецкую армию и массами бежали в Иран, а также к арабам-бедунам Иракской и Сирийской пустынь. Мосульский вали Мехмед Фазыл-паша, используя помощь мухаджиров Битлисского вилайета, поддерживавших связи со своими соплеменниками в России, готовил восстание мусульман на Кавказе. Но его призыв к вождям иракских курдов выступить против «неверных» не нашел никакого отклика⁶. Более того, многие видные курдские вожди Мосульского и Багдадского вилайетов, например вождь племен дад, тагбана, зенгене и даудие Меджид-бей, готовы были поднять восстание против турок и объединиться с этой целью с русскими⁷. Поэтому свои главные расчеты турки и немцы строили не на содействии курдов Ирака или Восточной Анатолии, а на их соплеменников в Иране, где обстановка складывалась явно не в пользу России, успевшей в значительной мере дискредитировать себя в глазах населения Иранского Азербайджана и Курдистана.

Особая ценность Северо-Западного Ирана как плацдарма в наступательной войне против России определялась еще и тем, что он граничил с мусульманскими областями Закавказья, где подрывная деятельность турецко-германской агентуры достигла известных успехов в отличие от граничивших с Восточной Анатолией Армении и Грузии, основное христианское население которых хорошо понимало грозившую им со стороны турецких захватчиков опасность полного порабощения и поголовного истребления.

Выше уже говорилось о деятельности турецко-германской агентуры в Иранском Курдистане и Азербайджане накануне первой мировой войны. С августа 1914 г. она приняла особенно широкий размах. Турки вступили в сношения с видными курдскими вождями прорусской ориентации, пытались склонить их на свою сторону. В переписку с турецкими властями, в частности, вступил Симко, на что в России тогда не обратили должного внимания, ибо он продолжал демон-

стрировать свою лояльность⁸. Макинский же сердар Муртаза Кули-хан, который к началу мировой войны окончательно отошел от России, еще в 1913 г. ездил в Берлин, где при участии находившегося тогда в Германии бывшего иранского регента Наср-оль-Молька вел переговоры с представителями германского правительства⁹.

Турецкая агентура начала вести среди мусульманского населения Иранского Курдистана и Азербайджана усиленную пропаганду джихада. Наиболее интенсивно велась подрывная работа в Урмийском округе. Турецкие пограничные власти по приказу ванского вали, писал Введенский, «вошли в тайные сношения почти со всеми курдами Урмийского района, обещая им оружие в достаточном количестве, при условии поддержки Турции в вероятном столкновении с русскими». Из Турции прибывало много странствующих дервишей, призывавших курдов готовиться к войне с неверными. Среди них были и переодетые офицеры. Антирусскую агитацию среди курдов вел также германский агент в Урмии Нейман, пользовавшийся содействием турецкого консула¹⁰. Выдворенный из Урмии стараниями русского вице-консула, он поселился у одного шейха. Нейман заручился письмом от муджтехидов Кербелы, содержащим призыв к курдам забыть религиозную рознь между суннитами и шиитами и выступить против неверных.

Под влиянием турецко-германской пропаганды уже с двадцатых чисел сентября 1914 г. в районе Урмии после более чем годичного перерыва возобновились нападения курдов на местных жителей и русские подразделения. Первым выступил Курдо-бек, напавший 20 сентября на Тергевер. «На курдов, — писал Введенский, — у нас не должно быть никакой надежды в Урмийском районе и рассчитывать на так называемых «сторонников» положительно нельзя, так как турки придают движению характер священной войны и, с другой стороны, предоставляют курдам полную свободу грабежей и занятия любой части Урмийской территории»¹¹.

В октябре 1914 г. беспорядки в Урмийском округе еще более усилились. Курдские отряды терроризировали местное христианское население. Ежедневно границу пересекали отряды турецких курдов, совершавших нападения на русские войска. Особенно активно действовали курды в районе Тергевера. Вождь харки Керим-хан даже предложил иранскому вице-губернатору покинуть Тергевер. Турецкая агентура убеждала местных курдов, что русские, отвлеченные войной с Германией, не в силах удержать оккупированные ими провинции Ирана. Брожение курдов вскоре перекинулось на южные районы Урмийского округа, где активно действовали германский агент Хаджи Саид, приказчик Шюнемана, и сын Абдул-Кадыра сейид Мухаммед¹².

Напряженное положение создавалось также и в других районах Иранского Курдистана. Турецкие курды не раз вторгались в пределы Макинского ханства, творя на его территории насилие и грабежи¹³. В районе Соуджбулака среди местных курдов орудовал турецкий офицер Али-эфенди, а также вновь появившийся в пограничной зоне Салар од-Доуле¹⁴. В окрестностях Хоя курдские вожди Абдулла и Темир-Джанго, подстрекаемые ванским вали Джевдет-беем, пытались поднять восстание среди макинских курдов и натравить их на Симко¹⁵. Из Турции засылались фидан с заданием убить Абдуррезака и других прорусски настроенных курдских вождей.

Против христианского населения Западного Ирана начался повсеместный террор. Особенно пострадали урмийские ассирийцы, селения которых сжигались и разорялись курдскими отрядами. Ассирийцы бежали в Урмию, но и там активно действовала инспирируемая турками «пятая колонна». Ассирийцы и другие христиане вынуждены были братья за оружие, которое им предоставляли русские¹⁶. Фактически с октября 1914 г. в Иранском Курдистане возникла организованная Турцией и Германией партизанская война курдского населения против русских войск и отрядов самообороны местных христиан. На территорию Ирана проникали и небольшие подразделения турецких регулярных войск, которые действовали заодно с курдами. Например, в первых числах октября границу в районе Сомая — Барадоста пересек турецкий отряд в 200 человек, к которым присоединились курды Измаил-аги Кардара¹⁷. Турецкий отряд нарушил границу и в районе Котура, ниспровергнув только что воздвигнутые пограничные столбы и захватив несколько деревень¹⁸. Происходили многочисленные столкновения турко-курдов с русскими войсками и поддерживавшими их христианами. В одном из боев погибло до 60 курдов. Русские войска предпринимали карательные рейды против восставших курдских племен. К середине октября русским и ассирийцам удалось отбить первые атаки курдов¹⁹.

Таким образом, не на Черном море, а в Иранском Курдистане раздались первые выстрелы мировой войны на Ближнем Востоке. «Турки фактически открыли против нас военные действия на персидской территории 12 октября, когда против нас действовали значительные пограничные турецкие регулярные силы под начальством Джевдет-бея вместе с курдами, при одном орудии»²⁰, — писал Введенский на следующий день после нападения турецкого флота на русские черноморские порты. «Скоро стало очевидным, — писал Хаббард, — что это не обычный курдский набег, но атака организованной армии в несколько тысяч человек. В действительности, это была обдуманная экспедиция, спланированная и

организованная турками (подстрекаемыми, несомненно, немцами), целью которой было вытеснение русских и захват Урмии. Среди курдов были турецкие офицеры, и они имели германское снаряжение»²¹.

События в Иранском Курдистане, происходившие летом и осенью 1914 г., наглядно подтверждают агрессивные устремления турецких правящих кругов, подстрекаемых германскими империалистами. Важной целью турок и немцев в Иранском Курдистане, помимо намерения привлечь на свою сторону местных курдов и создать в Северо-Западном Иране надежный антирусский плацдарм, было стремление втянуть Иран в лагерь центральных держав.

В октябре 1914 г. в Стамбуле велись переговоры между Талаатом, Энвером и великим визиром Саидом Халим-пашой, с одной стороны, и иранским послом — с другой. Турки предложили следующий проект соглашения: персы с помощью Германии и Турции формируют армию в 100 тыс. человек. За это Иран уступит Турции спорную часть Урмийского округа. Турция и Иран примут совместные меры по умиротворению и «приведению к порядку» курдских племен и образованию из них кавалерийских полков, а Германия снабдит их оружием и инструментами. Иран, конечно, не решился принять этот проект, но его участие в переговорах само по себе показательно²².

Одновременно Турция пыталась вынудить Иран пойти на важные политические уступки, коль скоро не удавалось склонить его к прямому союзу. 30 сентября 1914 г., в ответ на представление иранского министра иностранных дел Ала ос-Салтане по поводу нарушения турками границы, турецкий посол в Тегеране Асим-бей от имени своего правительства обещал, что Турция будет уважать нейтралитет Ирана лишь при условии вывода русских войск из Азербайджана²³. Еще более определенно высказался по этому вопросу Асим-бей в беседе с премьер-министром Ирана Мостоуфи оль-Мемалек-ом два дня спустя. В случае дальнейшего присутствия русских войск в Иране, заявил турецкий посол, «будет невозможным для его правительства уважать персидский нейтралитет»²⁴.

Под нажимом Турции тегеранское правительство обратилось к России с просьбой отозвать русские войска, но получило категорический отказ. Русский посланник Коростовец заявил Ала ос-Салтане, что присутствие русских войск в Иране — «единственный фактор безопасности подданных России и других зарубежных стран», и указал в связи с этим на бесчинства курдов²⁵. Таким образом, как намерение Турции использовать Иран в своих целях, так и попытка иранского правительства добиться большей самостоятельности потерпели неудачу.

Положение в населенных курдами районах Турции и Ирана с самого начала мировой войны стало достаточно серьезным, что побудило правительство царской России уделить самое пристальное внимание курдской проблеме. Для руководящих политических и военных кругов России было совершенно очевидным важнейшее значение позиции в первую очередь турецких, а также и иранских курдов для обеспечения русских стратегических и политических интересов на Ближнем Востоке в условиях мировой войны.

В августе 1914 г. Россия стремилась соблюдать в отношении национальных меньшинств Восточной Анатолии максимальную осторожность, дабы не дать лишнего повода для ускорения перехода Турции в лагерь центральных держав. Гирс даже советовал «в интересах службы» перевести в Европу или удалить на время «напряженной конъюнктуры... обоим наиболее нервным из наших консулов — Адамова и Ширкова» под предлогом усиления личного состава Министерства иностранных дел²⁶.

Тем не менее в России начали готовиться к тому, чтобы в случае вступления Турции в войну на стороне Германии обеспечить действительную поддержку со стороны курдов, а также армян и ассирийцев. В первую очередь встал вопрос о снабжении курдов, армян и ассирийцев оружием, тем более что уже в начале августа поступила соответствующая просьба от представителей ассирийцев²⁷. Однако и тут было признано разумным пока ограничиться подготовительными мероприятиями. «Не подлежит сомнению, — писал Сазонов военному министру Сухомлинову, — что в случае столкновения с Турцией, как курды, так и айсоры (сиро-халдейцы) турецкие могут оказать нам существенную помощь. Для воздействия на первых в нашем распоряжении имеются несколько влиятельных среди курдов лиц, как, например, известный Абдуррезак-бей и шейх Барзан, проживающий ныне на Кавказе». Но начинать агитацию среди них и снабжать их оружием, продолжал Сазонов, преждевременно, «пока отношение Турции к нам в достаточной степени не определилось», дабы не получилось «совершенно нежелательного обострения» отношений с Турцией, хотя и необходимо провести некоторые подготовительные мероприятия в этом плане²⁸. В таком же духе Клемм информировал Коростовца: «Что касается вооружения сирийцев и курдов, равно как и отправления на турецкую границу шейха Барзана и Абдуррезака, то, считая принципиальное их содействие в случае осложнений полезным, признаем пока преждевременным вызывать с их стороны какие-либо действия. Поэтому мы просили военного министра лишь подготовить все необходимое для их вооружения на случай враждебных нам выступлений турок»²⁹. В ответ на предложения Введенского и Ияса вызвать на

турецкую границу шейха Барзани и использовать иракских курдов «для устройства смуты и беспорядков в тылу турецких войск»³⁰ Клемм рекомендовал не допускать никаких враждебных Турции выступлений курдских вождей; «пригрозите шейхам лишением покровительства, — писал он, — если они будут что-либо предпринимать без нашего указания»³¹.

Подоплека столь осторожной позиции русского правительства в отношении национальных меньшинств Восточной Анатолии изложена в письме Сазонова Воронцову-Дашкову от 13(26) августа 1914 г. Министр иностранных дел писал: «В связи с ведущимися в Константинополе державами трехстороннего соглашения переговорами, надежда на сохранение мирных отношений с Турцией еще не утрачена. Поэтому крайне желательно избегать всего, что могло бы вызвать конфликт. В случае войны курды, армяне и айсоры могут нам конечно быть очень полезными, почему следует поддерживать с ними дружественные отношения, настойчиво рекомендуя им, однако, ничего не предпринимать без нашего указания. Если бы они подняли восстание и затем не были бы нами поддержаны, то нашему престижу был бы нанесен непоправимый удар. Не представляем себе, в чем могла бы выразиться автономия Курдистана, и считали бы опасным возбуждать в курдах определенными обещаниями какие-либо несбыточные надежды. Оружие и патроны следует изготовить, как мы и писали военному министру»³².

Нетрудно заметить, что русское правительство так и не определило свое отношение к курдскому вопросу в Турции, не выработало твердой линии в отношении национальных требований курдского народа. Курдский вопрос интересовал царизм лишь в той мере, в какой курды могли затруднить или облегчить военные операции на малоазийском театре. Такой утилитарный подход к курдам не позволил впоследствии России укрепить свое влияние на них, когда в этом возникла острая необходимость.

С конца августа 1914 г., когда обозначился явный провал попыток Антанты оторвать Турцию от Германии, подготовка России к привлечению на свою сторону курдов, армян и ассирийцев усилилась. 17(30) августа Сазонов писал председателю Совета министров И. Л. Горемыкину: «...Желательно поддерживать самые тесные отношения как с армянами, так и с курдами, чтобы использовать их во всякую данную минуту, если состоится разрыв с Турцией. С этой точки зрения были бы желательны всякого рода подготовительные действия для быстрой переправы через границу оружия и припасов и раздачи их зарубежному населению, когда разрыв совершится или станет неминуемым». В этот же день Сазонов телеграфировал Воронцову-Дашкову о необходимости приступить к формированию милиции из курдов и ассирийцев³³.

Кавказское наместничество, как и прежде, заняло более решительную позицию по сравнению с Министерством иностранных дел в вопросе об использовании в интересах России курдов и других национальных меньшинств Турции. Как явствует из письма начальника штаба КВО генерал-лейтенанта Юденича начальнику Генерального штаба Янушкевичу от 18(31) августа 1914 г., план командования КВО и наместничества сводился к следующему.

Необходимо осуществить мероприятия по подготовке восстания дерсимских курдов, которые могут подняться в любой день, но для этого надо ассигновать 4—5 тыс. руб. Желательно также использовать и других курдов, недовольных турецким правительством, в первую очередь иракских, для чего следует шейху Махмуду Барзанджи и другим предводителям выделить денежные подарки и пособия (по 2—3 тыс. руб. каждому), чтобы они могли поднять восстание в районе Багдада — Сулеймании — Мосула. Против Турции могут выступить также Котурский хан Симко и племя зерза; им также нужно предоставить денежные субсидии. В общей сложности для организации восстания курдов, армян и ассирийцев, по мнению штаба КВО, следовало выделить 25 тыс. винтовок, 12 млн. патронов и 20—25 тыс. рублей деньгами³⁴.

В первой половине сентября в Тифлисе был разработан план создания вооруженных отрядов из курдов, армян и ассирийцев. Воронцов-Дашков, сообщая о предложениях, направленных ему от «разных курдских главарей и видных армянских деятелей», берущихся организовать курдов и ассирийцев для выступления против Турции, и отмечая необходимость все же соблюдать осторожность, предложил немедленно начать подготовку к созданию таких отрядов и предоставить в его распоряжение в соответствии с наметками КВО 25 тыс. винтовок и 12 млн. патронов. Вскоре от наместника поступили подробности этого плана: предусматривалась организация вооруженных отрядов в России на турецкой границе — в Олту, Сарыкамыше, Кагызмане и Игдыре, в Иране — в Хое, Дильмене, Маку и Урмии. Воронцов-Дашков советовал на первых порах не выдавать этим отрядам оружие, а поддерживать их только деньгами и подарками. К концу сентября план подготовки всеобщего восстания курдов, армян и ассирийцев был согласован с верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем. В частности, было решено, что отряды будут сформированы в основном в Иранском Азербайджане под наблюдением русских консулов и военных представителей в тайне от иранских властей. К активным действиям эти отряды могли быть допущены только с разрешения русских властей. В связи с выходом «Гебена» и «Бреслау» в Черное море было решено ускорить все подготовительные мероприятия³⁵.

До практического осуществления этих довольно широких планов дело не дошло. Реализация их встретила затруднения как в Министерстве иностранных дел, так и в Военном министерстве. Сазонов писал Воронцову-Дашкову, что вооружать национальные меньшинства Турции преждевременно, нужно лишь наметить надежных лиц из их среды и собрать необходимое оружие на Кавказе и в Иране³⁶. Против организации отрядов из курдов, армян и ассирийцев резко выступил и Минорский. «Предложенные нами меры, — писал он, — никакой военной помощи нам не принесут, а обрушат на христиан и их единомышленников в Турции справедливую месть турок. Приобретая 2000 сомнительных сторонников, мы оттолкнем массу курдов гораздо более важных нам по всей Турции»³⁷. Таким образом, возражения Минорского были нацелены главным образом против вооружения и создания диверсионных отрядов из христианского населения Турции. Что касается Военного министерства, то оно, вопреки настояниям командования КВО, отказалось послать винтовки для враждебных турецкому правительству племен ввиду обнаружившейся в первые же недели войны нехватки вооружения для армий западных фронтов³⁸.

По мере быстрого роста напряженности на Ближнем Востоке в России начали проявлять большую заинтересованность в привлечении на свою сторону некоторых видных вождей турецких курдов, в первую очередь Абдул-Кадыра. В начале октября 1914 г. Гирс сообщил о прибытии к Абдул-Кадыру трех германских офицеров, которые предложили ему принять участие в войне против России, обещая прислать 30 тыс. винтовок и германских инструкторов. Шейх занял уклончивую позицию, сказав, что без согласия турецкого правительства он не выступит. Одновременно Абдул-Кадыр сообщил об этом разговоре русскому послу. Последний посоветовал ему соблюдать нейтралитет и обещал соответствующее вознаграждение³⁹. Сазонов, получив эти сведения, написал Гирсу, что нейтралитета Абдул-Кадыра недостаточно; надо побудить его выступить на стороне России, предварительно выяснив вопрос о размерах вознаграждения⁴⁰. Через некоторое время, в связи с тем, что сыновья Абдул-Кадыра начали призывать курдов от имени султана к джихаду против России, Сазонов потребовал, чтобы Гирс добился от Абдул-Кадыра прекращения этой агитации⁴¹.

Во время последних переговоров с Гирсом Абдул-Кадыр обещал не трогать русских и соблюдать нейтралитет, прося за это уступить ему 30 селений на иранской территории (Мергевер, Тергевер и др.). В случае войны Турции с Россией Абдул-Кадыр предложил выступить против Турции, если ему будет гарантировано создание автономного Курдистана под его главенством. В противном случае он грозил органи-

зывать избиение армян. Российское посольство рекомендовало Абдул-Кадыру держать себя лояльно по отношению к России, «в каком случае он мог рассчитывать на дружелюбное наше отношение и на высокое положение в Курдистане, а в противном случае обрекал себя и свое положение гибели»⁴².

Абдул-Кадыр некоторое время продолжал маневрировать, не решаясь занять определенную позицию. Накануне нападения Турции на Россию он обратился к Гирсу с просьбой оказать содействие его доверенному лицу некоему Мухаммеду, который вез через Батум письмо самого Абдул-Кадыра с обращением к курдам не выступать против русских⁴³.

В это же время, по сведениям турецкой агентуры в Закавказье, из Эриванской губернии на турецкую территорию начали засылаться армяне и курды-езиды, снабженные русскими властями деньгами и оружием. Часть из них была направлена в Иранский Азербайджан, где они получили задание сражаться с протурецки настроенными курдами и перейти в Турцию с целью вызвать там беспорядки⁴⁴.

Таким образом, когда война с Турцией уже стояла на пороге, правящие круги России заметно активизировали свои сношения с турецкими курдами и начали принимать такие меры, к которым ведущие курдские вожди сами давно призывали русское правительство. Однако теперь было уже поздно наверстать упущенное.

В Иранском Курдистане, где положение уже с первых недель мировой войны стало для России весьма угрожающим, русским приходилось действовать гораздо более энергично. По существу, ситуация здесь в начале осени 1914 г. мало чем отличалась от военной. Применение вооруженной силы в Северо-Западном Иране, этой полуколонии России, и породила те трудности во взаимоотношениях с местными курдами, которых русским властям удавалось избегать порой в отношениях с турецкими курдами.

Одним из первых мероприятий русских властей был арест в середине августа 1914 г. макинского сердара Муртаза Кули-хана и высылка его в Кисловодск, а затем в Тифлис. В ответ на протест иранского правительства Коростовец оправдывал арест сердара «как меру предосторожности в виду вероломства сердара и доказанных сношений его с нашими противниками на границе, дабы вызвать восстание курдов»⁴⁵. В начале сентября 1914 г. в Маку прибыл отряд генерала Николаева, который был радушно встречен населением, мечтавшим избавиться от тирании хана⁴⁶.

Россия начала укреплять связи с оппозиционными иранскому правительству вождями племен северо-западной части страны и некоторыми видными чиновниками прорусской ориентации. Русский генеральный консул в Тебризе предложил

губернатору Азербайджана Шоджа од-Доуле возглавить ряд племен для отпора возможной турецкой агрессии, а другому русскому ставленнику — Решиду — организовать курдский корпус численностью до 20 тыс. человек⁴⁷. Были укреплены русские гарнизоны, особенно в Урмийском округе, значительно усилено наблюдение за турецко-иранской границей, установлен тщательный надзор за курдскими племенами, находившимися под турецким влиянием⁴⁸. Эти меры ограничивали власть центрального правительства, в котором все большее влияние приобретали сторонники прогерманской и протурецкой ориентации, над северо-западными провинциями Ирана.

Одновременно русские власти старались не допустить антитурецких выступлений некоторых вождей иранских курдов, дабы не дать туркам желанного повода для интервенции. Особые опасения внушал Симко, набеги которого на турецкую территорию служили источником осложнений с Турцией, претендовавшей к тому же на Котурское ханство. Русская дипломатическая переписка того времени полна требованиями во что бы то ни стало унять Симко. «Необходимо побудить Симко сдерживать своих курдов и не допускать никаких провокаций по отношению к туркам»⁴⁹, — писал Клемм вице-консулу в Хое в начале сентября 1914 г. Минорский в это время по поводу жалоб турок на Симко сообщал: «Я письменно изложил Симко опасность его поведения... во избежание громадных осложнений надо его обуздать, иначе курды могут сорвать разграничение»⁵⁰. В ответ на это Клемм направил Минорскому, а также консулам в Тебризе, Хое, Урмии следующую инструкцию: «Необходимо обуздать Симко и заставить его немедленно прекратить свой вызывающий образ действий относительно турок и бесчинства на границе... Иначе мы вынуждены будем лишить его нашего покровительства, так как создавать конфликты с турками совершенно не входит в наши виды. Никакие самостоятельные выступления с его стороны не допускаются, он должен делать исключительно лишь то, что ему будет указываться»⁵¹.

Несмотря на столь категорические предписания русского Министерства иностранных дел, Симко и другие предводители иранских курдов продолжали совершать набеги на турецкую территорию, что давало туркам желаемый повод для обвинений в адрес России. Так, в начале сентября 1914 г. турецкий посол в Тегеране выразил русскому посланнику недовольство в связи с усилением русских войск в Маку и на турецко-иранской границе, и особенно из-за враждебных действий против Турции Симко, шейха Та, Абдуррезака и Абдул-Саляма Барзани, поддерживаемых будто бы русскими консулами в Хое и Урмии. Коростовец сослался на неосве-

домленность, одновременно указав на концентрацию турецких войск на турецко-иранской границе⁵². В середине октября турецкий посол в Иране потребовал от иранского правительства доставить шейха Та на турецкую территорию, угрожая в случае отказа сделать это собственными силами. Русский генконсул в Тебризе Орлов посоветовал иранским властям не поддаваться на угрозы во избежание беспорядков в Урмийском округе⁵³.

В отношении «непокорных» племен Иранского Курдистана Россия все чаще прибегала к силе. Если еще в середине сентября 1914 г. в связи с нападениями курдов на пограничные иранские районы Сазонов предлагал ограничиться вооружением местных христиан⁵⁴, избегая вмешательства русских войск⁵⁵, то уже в начале октября министр иностранных дел требовал более энергичных и действенных мер. «Нанесение курдам сильного удара для отрезвления их и стоящих за ними турок, — писал он наместнику, — представлялось бы весьма желательным, так как в противном случае дерзость их будет возрастать изо дня в день. При этом следовало бы, однако, не переходить границы»⁵⁶. Несколькими днями позже по поводу нападения курдов на Урмию Сазонов писал Воронцову-Дашкову о необходимости строжайшего наказания курдов, причем факт принадлежности их к турецким войскам не должен служить смягчающим обстоятельством⁵⁷. Как отмечалось, русские власти в Иране проводили в жизнь эти указания.

В связи с агрессивными действиями турок и их агентуры в пограничных районах Ирана в начале сентября 1914 г. предполагалось отвести русские войска из некоторых пунктов пограничной полосы, чтобы избежать вооруженного конфликта с турецкими войсками. Однако этот план вызвал решительные возражения со стороны многих русских представителей в Иране, а также в Министерстве иностранных дел. Генконсул в Тебризе Орлов обращал внимание, что вывод русских войск из Соуджбулака и Урмии был бы воспринят как отступление перед турками и может вызвать волнения среди курдов⁵⁸. Сазонов писал наместнику, что сдача русскими войсками Урмии курдам и фидаям подорвет престиж России в Иране и вызовет враждебные выступления курдов в других местах. Он требовал оставить в Урмии вспомогательный отряд. Воронцов-Дашков же в ответ приказал Воропанову наказать курдов, нападавших на русские войска, «беспощадно, не останавливаясь перед самыми крайними мерами, особенно в отношении главарей»⁵⁹.

Операции русских войск против курдов в указанный период большей частью были вызваны тем, что обстановка в Иранском Курдистане тогда мало чем отличалась от военной, а большинство курдов, по существу, воевали против

русских войск. Однако русские власти, как и прежде, в случае необходимости подчас вмешивались и во внутрикурдские дела. Так, в середине сентября 1914 г. туркам с помощью некоторых курдских племен (и при содействии иранских властей) удалось захватить шейха Абдул-Саяма Барзани, который, покинув свое убежище в России, находился тогда в пограничной полосе. Тогда русские войска провели карательную экспедицию против этих племен. Репрессии в связи с похищением Барзани вызвали резкий протест со стороны Минорского⁶⁰.

Итак, военно-политические позиции России в Иранском Курдистане к моменту вступления Турции в войну были существенно подорваны, что отразилось на ходе военных действий в Западном Иране и в Восточной Анатолии⁶¹.

ТУРЕЦКИЕ КУРДЫ И ВОЙНА

В первых числах ноября 1914 г. Турция уже официально находилась в состоянии войны с Россией, Англией и Францией. Немедленно же начались операции на всех фронтах турецко-азиатского театра войны. 11 ноября султан Мехмед V объявил джихад против держав Антанты.

В стратегических планах турецкого командования кавказское направление занимало важнейшее, если не главное, место. Именно здесь турки стремились добиться решающих успехов, которые, как они думали, открыли бы им путь к завоеванию Закавказья, Северного Кавказа, Поволжья, Крыма и даже Туркестана⁶². Для осуществления этих далеко идущих (в своей сущности совершенно нереальных и авантюристических) планов младотурецкие стратеги стремились создать мощный плацдарм в Восточной Анатолии и Западном Иране и добиться активного участия курдов в войне на стороне Турции, ибо от этого зависела прочность и надежность тыла турецкой армии на фронте войны с Россией на Кавказе, а также с Англией в Ираке. Вместе с тем, казалось, настал благоприятный момент для реализации стародавней мечты турецких экспансионистов — включения всех курдов в состав Османской империи.

Указанные цели соответствовали интересам и германских империалистов, подчинивших Турцию своему военному, политическому и экономическому контролю и мечтавших руками турецких солдат удовлетворить собственные колониальные аппетиты на Ближнем Востоке.

Кавказский фронт охватывал не только Восточную Анатолию и пограничные районы России, но и Иранский Курдистан и Азербайджан, хотя Иран в течение всей войны формально оставался нейтральным. На малоазиатском театре турецко-

германское командование намеревалось осуществить свою обширную экспансионистскую программу главным образом силами регулярной армии, надеясь на помощь российских мусульман, среди которых засылаемые из Турции пантюркисты и панисламисты давно вели интенсивную подрывную работу. Что касается нейтрального Ирана, то широкое использование регулярных войск в его северо-западных районах должно было встретить вполне понятные трудности, поэтому турки рассчитывали добиться здесь своих целей преимущественно руками распропагандированных ими курдов.

На основном — восточноанатолийском — направлении Кавказского фронта с самого начала войны турецкие войска начали терпеть одно поражение за другим. Уже первые бои показали неспособность 3-й турецкой армии добиться не только стратегических, но и тактических успехов. В пограничном Кеприкейском сражении (1 ноября — 3 декабря 1914 г.) туркам не удалось разбить передовые русские части. Затем, проникнув ценой больших потерь на незначительное расстояние в глубь русской территории, турецкие войска своевременно не смогли развить успех и вскоре были отброшены за границу.

В следующем, Сарыкамышском сражении (4 декабря 1914 г. — 18 января 1915 г.) турецкие войска, которыми командовали лично Энвер-паша и германские генштабисты, были наголову разгромлены и отброшены на турецкую территорию. Из 90 тыс. участвовавших в этом сражении бойцов турки потеряли около 70 тыс. Потери русской армии составляли 20 тыс. После Сарыкамышского сражения 3-я турецкая армия практически надолго перестала существовать и инициативой на Кавказском фронте прочно завладели русские войска.

Военные действия в Восточной Анатолии в 1915 г. проходили при явном преимуществе русской стороны. Русское командование после получения пополнений и проведения перегруппировки возобновило с весны 1915 г. активные наступательные операции. В мае русские части захватили район оз. Ван и нанесли здесь ряд поражений туркам. В июле русское командование с успехом провело так называемую Алашкертскую операцию, сорвав намерение турок прорвать фронт Кавказской армии и вытеснить ее из Турции.

В операциях турецкой армии на восточноанатолийском участке Кавказского фронта роль курдов была невелика. Правда, в 3-ю турецкую армию к началу войны входили 4 курдские дивизии и одна резервная бригада (30 полков, 160 сотен)⁶³. Однако боеспособность курдских сотен стояла на крайне низком уровне, поэтому они принесли чрезвычайной мало пользы во время Кеприкейской и Сарыкамышской операций. «Курдские формирования. — писал Н. Г. Корсун, —

в боевом отношении были совершенно не подготовлены и слабо дисциплинированы». Причины низкой боеспособности курдской кавалерии, помимо уже указанных прежде, заключались еще и в том, что турецко-германское командование не доверяло курдам, боялось их и поэтому сознательно снабжало их оружием, боеприпасами и конским составом далеко не в достаточном количестве. Курдские полки, в частности, были почти совершенно лишены артиллерии и пулеметов. Некомплект лошадей достигал невероятных размеров. В ноябре 1914 г., то есть в самые первые дни войны, во 2-й курдской кавалерийской дивизии, например, полки имели всего по 200 коней⁶⁴.

В результате расчеты турецко-германского командования на широкое использование курдских кавалерийских формирований рухнули в первые же месяцы кампании на Кавказском фронте. После Кеприкейского сражения курдские части начали разбегаться по домам. Из 18 тыс. курдских кавалеристов, находившихся в составе 3-й армии, в строю осталось лишь 2800⁶⁵. К ноябрю 1915 г. вновь сформированная и пополненная 3-я армия насчитывала в своем составе всего 8—10 тыс. курдов⁶⁶.

Курды не желали проливать свою кровь в интересах турецких правящих кругов и их германских покровителей. Дезертирство, ставшее бичом турецкой армии, в первую очередь поразило курдские части. По сведениям русских газет, вследствие массового дезертирства численный состав курдских полков уже за первый месяц войны уменьшился с 800 до 300 человек⁶⁷. Турецкое командование не доверяло курдским частям и начало отсылать их с линии фронта на переформирование⁶⁸. Корреспондент газеты «Баку» сообщал весной 1915 г., что большинство турецких курдов разочаровано в войне. Они убедились, что турецкое правительство их беззастенчиво обманывало, распространяя, например, сообщения о том, что немцы — мусульмане и турецкие войска взяли Карс, Эривань, Тифлис. Турецким известиям о «победах» курды больше не верили. Они с возмущением говорили не только о турках, но и о некоторых своих шейхах и беках, которые, поступив на службу к турецкому правительству, вводили их в заблуждение⁶⁹.

Провозглашение джихада не оказало на курдов (впрочем, как и на другие мусульманские народы Османской империи) заметного влияния. Турецкие правящие круги явно переоценили пропагандистское значение этого акта⁷⁰. Правда, формально турецкие курды, как подданные султана-халифа, присоединились к джихаду, и их духовные лидеры призвали поддержать «священную войну» против неверных, однако в действительности поведение курдского населения Османской империи в годы первой мировой войны определя-

лось вовсе не религиозными, а иными, сугубо политическими мотивами. Предоставим слово очевидцу и знатоку описываемых событий В. П. Никитину: «Секты дервишей, в том числе и курдские, были в определенный момент использованы в качестве орудия панисламистской политики Абдул-Гамида... Позднее, в период первой мировой войны, идея священной войны нашла приверженцев среди курдских шейхов... В среде курдов мюридизм довольно легко принимал характер воинственный, антитурецкий и даже направленный против самой особы султана-халифа. Во время первой мировой войны среди курдских шейхов были как сторонники джихада, так и его убежденные противники»⁷¹. Во всяком случае, среди большинства курдского народа война против России не пользовалась популярностью.

Уже в начальный период войны отмечались случаи перехода находившихся в составе турецкой армии курдских формирований на сторону России. За первые недели войны к русским перешли несколько влиятельных курдских вождей и начальников хамидие (в том числе Расул-бей и Хамид-бей из Каракилисе, Мухаммед-бей из Диядина, глава адаман Али-бей), которым подчинялось четыре тысячи всадников. В боях под Баязидом курдские части сдавались русским почти без сопротивления. С призывами к курдам обратиться свое оружие против Турции и примкнуть к России обращался дядя Абдуррезака Юсуф Кямил Бадрхан⁷². Начальники пяти полков хамидие выразили готовность перейти на сторону России, как только русские войска достигнут окрестностей Вана⁷³. Такое же желание высказал Кор-Хусейн-паша, но он был арестован и предан военно-полевому суду по обвинению в измене⁷⁴.

Рост антиправительственных настроений наблюдался в начальный период не только у курдов-хамидие, но и среди мирного курдского населения. Как писал германский посол в Турции Вангенгейм со слов Андерса, курды не забыли зверского подавления Битлисского восстания и готовы были вместе с армянами поднять восстание против турецкого правительства⁷⁵. «Взаимоотношения между курдами и турками,— писал В. А. Гордлевский,— были во время войны натянуты. Рознь эта, конечно, не со вчерашнего дня, а шовинистическая политика младотурок ни в коей степени не могла способствовать ослаблению недовольства. Поэтому в годы войны турецким войскам приходилось двигаться по Западной Армении и Курдистану, как по вражеской стране; скот, припасы реквизировались, население глухо роптало, так как получало за реквизированное добро или упавшие в цене деньги, которые притом не везде принимались, или, что было чаще, квитанции, по которым в дальнейшем платеж не был произведен»⁷⁶.

В первой половине 1915 г. в Турции, несмотря на установленный с начала войны режим жесткой военно-полицейской диктатуры, отмечены антиправительственные выступления курдского народа. Даже в турецкую прессу сквозь все цензурные преграды просочились сведения о восстании курдов в Бохтане и окрестных районах в мае—июне 1915 г.⁷⁷. В Мушской равнине происходили столкновения между курдскими племенами и турецкими войсками⁷⁸. В Дерсиме и в курдских районах к югу и востоку от Евфрата курды создали в 1915—1916 гг. свои органы самоуправления. Турецким войскам с большим трудом удалось подавить курдское движение в Юго-Восточной Анатолии⁷⁹.

Турецкое правительство пыталось заручиться содействием курдской верхушки. В начале ноября 1914 г. Талаат-паша, занимавший тогда пост министра внутренних дел, предложил Абдул-Кадыру немедленно выехать в курдские районы с целью поднять восстание против России. Абдул-Кадыр был вынужден внешне подчиниться, его сыновья приняли участие в пропаганде джихада среди иранских курдов⁸⁰. В то же время он связался с русским резидентом в Стамбуле Серафимовым (причисленным к итальянскому посольству), заверяя его в своей преданности. По словам Введенского, он выжидал исхода борьбы, чтобы «в случае наших решительных успехов... перейти на нашу сторону»⁸¹.

Но если крупнейший курдский лидер, неоднократно оказывавший важные услуги турецкому правительству, уже с самого начала войны, да еще в период кратковременных успехов турецких войск занял такую позицию, то что же можно сказать о других курдских вождах? По существу, турецкое правительство во время первой мировой войны среди вождей турецких курдов не имело ни одного действительно верного союзника⁸².

Тогда в Стамбуле (с полного одобрения Берлина) решили, не ожидая нового взрыва курдского движения, радикально покончить как с армянской, так и с курдской проблемой в Турции.

В мае 1915 г. после занятия русскими войсками района оз. Ван турецкое правительство издало декрет о депортациях армян прифронтовой полосы⁸³. Официальным предлогом для депортации была недояльность армян-военнослужащих и подготовка армянским населением Восточной Анатолии восстания в связи с ожидавшимся приходом русских войск. Конечно, это был только повод, который турецкие правящие круги решили использовать для тотальной расправы с армянами. В пустынные районы Сирии и Ирака было выселено свыше полутора миллионов армян; подавляющее большинство из них не достигли мест назначения и были истреблены в пути, главным образом турецкой регулярной армией. Практи-

чески спаслись лишь те, кто смог бежать в Россию или успел дожидаться прихода русских войск. Верная смерть ожидала армян и в концентрационных лагерях. Организованное и планомерное уничтожение армянского народа было одним из самых кровавых и зловещих преступлений турецких правящих кругов за всю историю существования Османской империи, преступлением, за которое несли полную ответственность (и не только моральную) также и германские империалисты⁸⁴.

Главным орудием истребления армян были турецкие регулярные части и местный полицейско-административный персонал. Однако при следовании высылаемых армян через курдские районы властям кое-где удалось натравить на армян курдских феодалов. В долине Муша, например, много армян погибло от руки Муса-бея, прославившегося своими разбоями еще при Абдул Хамиде⁸⁵. Курдо-армянские столкновения происходили также в районе Вана во время наступления русской армии, в Алашкертской долине и в некоторых других местах. Разжиганию курдо-армянской вражды способствовала передача курдским феодалам земель высылаемых армян⁸⁶.

Несмотря на отдельные факты нападения курдов на армян, турецкому правительству во время первой мировой войны не удалось вызвать армяно-курдскую вражду в таких размерах, как это было в середине 90-х и в начале 1900-х годов, что объясняется, несомненно, ростом национального самосознания курдов. Но трагедия армянского народа непосредственно сказалась и на судьбе курдов. Младотурки рассматривали теперь курдский вопрос в тесной и неразрывной связи с армянским; убедившись в нежелании большинства курдов активно поддерживать военные усилия империи, они решили поступить с курдским народом так же, как с армянским. Сестры милосердия, служившие в германской военной миссии в Эрзеруме, привели слова одного турецкого жандарма, который заявил: «Сначала мы перебьем всех армян, затем греков и курдов»⁸⁷. Уже не простой жандарм, а один из руководителей центрального комитета партии «Единение и прогресс», доктор Назым, сказал на тайном совещании иттихадистов: «Если довольствоваться частичной резней, как это было в 1909 г. в Адане и других районах, то это вместо пользы принесет вред, так как мы рискуем пробудить элементы, которых также собираемся смести с дороги — арабов и курдов; опасность увеличится втрое и затруднится осуществление нашего намерения... Пусть исчезнут все нетурецкие элементы, к какой бы национальности и религии они ни принадлежали. Нашу страну надо очистить от нетурецких элементов. Религия для меня не имеет значения и смысла. Моя религия — туран»⁸⁸.

В 1915—1916 гг. был издан ряд султанских декретов о переселении курдов из прифронтовых районов в Западную Анатолию в пропорции 10 курдов на 100 турок. Эта операция по «разрежению» курдской прослойки в Восточной Анатолии, по мнению турецкого правительства, должна была предотвратить возможность возникновения здесь крупных беспорядков. Как будет показано ниже, эти расчеты не оправдались. Высылавшихся же курдов постигла такая же участь, как и армян. За время первой мировой войны всего было депортировано до 700 тыс. курдов, из которых более половины погибло в пути или было истреблено турецкими войсками⁸⁹. Армянская газета «Мшак» писала, что территория, простиравшаяся к югу и западу от оз. Ван, где проживало до войны до 800 тыс. курдов, совершенно обезлюдела. Сотни курдских селений были сровнены с землей. Их обитатели частью бежали, частью погибли во время пересылки. Один русский офицер насчитал в районе Вана до 40 тыс. убитых курдов. По словам курдского помещика Бахри-бея из Хошапа, в принадлежавших ему 20 деревнях из 12 тыс. курдов за первые шесть—семь месяцев войны погибло от болезней более 8 тыс. В семьях, в которых прежде насчитывалось по 20—30 душ, осталось 3—4 человека и менее. Целые племена погибли от холеры, брюшного и сыпного тифа. Даже некоторые представители турецких властей говорили, что в отдельных районах погибло до $\frac{3}{4}$ всего курдского населения⁹⁰. Бескормица, реквизиции и эпизоотии принесли огромный ущерб кочевому животноводству, во многих районах оно совершенно исчезло⁹¹. Турецкие правящие круги не решились расправиться с курдами так же, как с армянами, только из опасений, что первые смогут оказать эффективное сопротивление.

Пытаясь снять с себя перед лицом мирового общественного мнения ответственность за творимые по отношению к армянскому народу злодеяния, младотурецкие заправилы всю вину за них свалили на курдов. Об этом, в частности, говорил в беседе с германскими журналистами инициатор и непосредственный организатор избиения армян министр внутренних дел (с 1917 г. — великий визирь) Талаат-паша⁹². Подобные утверждения помимо стремления обелить турецкие власти преследовали и другую цель: бросить тень на всех курдов, представив их в виде банд разбойников и убийц, и тем самым, с одной стороны, дискредитировать курдское национально-освободительное движение, с другой — оправдать массовые репрессии против курдов. При этом в Стамбуле ничуть не смущались, что эта версия противоречит Белой книге, выпущенной турецким правительством летом 1916 г.; в ней ответственность за резню возлагалась целиком на... самих армян.

Вопреки этим измышлениям, трагическая летопись истории курдов и армян за годы первой мировой войны изобилует фактами прямо противоположного характера, свидетельствующими о многочисленных случаях солидарности этих народов. Уже в первые месяцы войны с фронта наступавших русских частей начали поступать сведения о фактах взаимопомощи и взаимовыручки армян и курдов, о заметном ослаблении былой вражды между ними. В начале декабря 1914 г. сообщалось, например, о защите армянами курдов во время продвижения русских войск от Баязида и Каракилисе и о дружественном отношении к армянам курдского вождя Мухаммед-бея⁹³. В. А. Гордлевский, многократно посещавший восточноанатолийский театр Кавказского фронта, писал: «У армян среди курдов бывали везде друзья, которые в трудную минуту спасали их от турок... Бывало, впрочем, и наоборот... Армяне хлопотали за курдов и являлись посредниками между нашими военными властями и курдскими беями»⁹⁴.

Солидарность армян и курдов часто проявлялась после начала депортаций и массовой резни армян. В районе Сасуна до 12 тыс. армян нашли убежище у курдов. Курдский бей Хасан предупредил армян Сасуна о намерении турок выселить их в период наступления русских войск на Муш, в результате большинство местных армян успело скрыться в горы⁹⁵. Когда русские войска заняли Армянское нагорье, было обнаружено, что в большинстве курдских селений укрывались армянские семьи. По свидетельству очевидцев, здесь не было и намека на национальный или религиозный антагонизм⁹⁶. В письме армянских беженцев из селения Хацо рассказывалось о том, что курды племени Мухаммед-аги долгое время укрывали у себя армян и с оружием в руках воспрепятствовали намерению турецких жандармов и солдат их выселить. Сами страдая от голода, они делились с армянами последним куском хлеба, продавали свое имущество⁹⁷.

Особенно ярко проявилась солидарность армянского и курдского народов в Дерсиме. Здесь нашли убежище до 20 тыс. армян. Местные курды, писал «Армянский вестник», «своим отношением к армянам занимают совершенно исключительное место среди прочих курдов Турции». Столь же дружественно относились и армяне к курдам Дерсима. Турецкие власти пытались испортить курдо-армянские отношения; они убеждали курдов, что с приходом русских войск армяне устроят резню. Эта пропаганда не имела успеха⁹⁸. В защиту армян выступили также курды Мокса и курды-езиды Джебел-Синджара.

Курдский народ сыграл важную роль в спасении западных армян от полного истребления турецкими погромщиками. Курдский историк Ямулки писал: «Если в Анатолии уцелело... немного армян, то это потому, что три четверти из

них было спасено и спрятано курдами»⁹⁹. Советский курдовед К. А. Чачанян считает, что во время первой мировой войны курды спасли жизнь около 200 тыс. армян¹⁰⁰. И это несмотря на то, что турецкие власти жестоко карали курдов за помощь армянам. «Если какой-нибудь курд,— сообщал армянский священник Тер-Аветисян католику Геворку V,— защищал своего соседа-армянина, то правительство посылало жандармов и их руками убивало его»¹⁰¹. Многие видные курдские националисты, в том числе окончательно порвавший с младотурецким правительством и оставшийся в эмиграции Шериф-паша, выступили с резким осуждением руководителей иттихада за истребление армян, подчеркивая заслуги армянского народа перед мировой цивилизацией и перед Османской империей, и установили контакты с лидерами армянских националистов на платформе совместной борьбы против младотурецкой тирании¹⁰².

Правда, помощь курдов армянам не переросла в совместное выступление обоих народов против турецких угнетателей; нелегко было ликвидировать наследие прошлого. Участие некоторых курдских феодалов в резне также наложило отпечаток на курдо-армянские отношения. Тем не менее намерение иттихадистов возродить абдулхамидовские времена и руками курдов расправиться с армянами потерпело в годы первой мировой войны неудачу.

Не только армяне и курды жестоко пострадали во время первой мировой войны. Тяжелые испытания выпали на долю ассирийцев, особенно турецких. Весной 1915 г. аширетные ассирийцы (джило) округа Хакяри по призыву мар-шимуна Беньямина подняли восстание, надеясь на помощь русских войск. Однако русские им не смогли помочь из-за отступления отряда Чернозубова к Тергеверу и Салмасу. Турецкое правительство направило многочисленные войска для расправы над ассирийцами. В Хакяри к ним присоединились и некоторые курдские племена, издавна враждовавшие с ассирийцами. Ассирийцы оказали отчаянное сопротивление, но силы были неравны. Из 120 тыс. турецких ассирийцев около половины погибли в боях или были казнены карателями. Остальные во главе с мар-шимуном отступили в Иран, в районы Урмин, Салмаса и Хоя, неся в пути большие потери от болезней и голода¹⁰³.

Итак, ассирийское меньшинство в Турции было полностью уничтожено.

Но и в пределах Ирана ассирийцы, как проживавшие здесь прежде, так и те, которые пришли вместе с мар-шимуном из Турции, испили полную чашу бедствий. Урмийские ассирийцы с первых дней войны перешли на сторону России. После кратковременного отступления русских войск из Северо-Западного Ирана турецкие оккупанты при содействии

курдских беев устроили поголовную резню ассирийцев. Только контрнаступление русских войск и захват ими Урмии (11 мая 1915 г.) спасли местных ассирийцев от полного уничтожения. К этому времени сюда прибыл мар-шимун Беньямин. Он установил тесный контакт с русским командованием и миссией в Урмии. Российское правительство ему назначило пособие в 500 руб. в год. Мар-шимун со своей стороны организовал две ассирийские дружины (позже переформированные в стрелковые батальоны), которые сражались вместе с русскими войсками¹⁰⁴. Несмотря на защиту России, ассирийцам в Иране в течение всей войны приходилось жестоко страдать от насилий курдских феодалов, особенно Симко.

Таким образом, в период первой мировой войны турецким правящим кругам удалось нанести тяжелый удар национально-освободительному движению армян, курдов и ассирийцев.

ПРОВАЛ ТУРЕЦКО-ГЕРМАНСКОЙ АГРЕССИИ В ИРАНском КУРДИСТАНЕ

Иран в период первой мировой войны также очутился в критическом положении. Ни одна из воюющих держав не считалась с провозглашенным шахским фирманом от 1 ноября 1914 г. нейтралитетом Ирана¹⁰⁵. Войска России и Англии к началу войны оккупировали северо-западные и юго-западные провинции страны. Эти районы стали плацдармами для наступательных операций на Месопотамском и Кавказском фронтах, а также базами для расширения военного, политического и экономического влияния России (на севере и северо-западе) и Англии (на юге и юго-востоке), для полного, окончательного порабощения всей страны.

Иран занимал важнейшее место и в планах турецких экспансионистов и германских империалистов. Турция хотела захватить Иранский Курдистан и Азербайджан и использовать их территории как плацдарм для дальнейшего «прыжка» в направлении мусульманских владений России¹⁰⁶. Германия мечтала о колониальном закабалении всего Ирана (а также Афганистана), откуда кайзеровские стратеги думали с помощью местного мусульманского населения нанести Британской империи удар в ее самом чувствительном месте — в Индии.

Внутриполитическое положение в стране благоприятствовало экспансионистским планам Турции и Германии. Националистические буржуазно-помещичьи круги Ирана, чьи интересы выражала демократическая партия, контролировавшая меджлис третьего созыва и оказывавшая сильное влияние на правительство и двор, именно в лице России и Англии видели

главных и единственных врагов независимости Ирана, готовивших его полный и окончательный раздел. Ненависть народных масс к англо-русским колонизаторам они использовали в своих интересах. Поэтому турецкая и германская агентура могла без особых затруднений вести антирусскую и антибританскую пропаганду, выставляя Турцию и Германию как «друзей» страны, естественных «избавителей» ее от русского и британского гнета. Такая пропаганда находила благоприятную почву во многих районах Ирана, особенно в первые годы войны и особенно среди кочевого населения западной части страны, наиболее близко соприкасавшегося с русскими и английскими властями и войсками.

Все это привело к тому, что Турция при помощи и прямом участии Германии открыла в нейтральном Иране фронт против России, широко используя вооруженных и распропагандированных ею курдов, а также другие иранские племена (кашкайцев, шахсенов, тангистанцев и др.). Таким образом, иранские курды оказались втянутыми в войну.

После начала военных действий значительно усилилась панисламистская протурецкая пропаганда, ведомая в Иране, особенно в его западных провинциях, турецкими и германскими агентами, как местными уроженцами, так и засланными из Турции¹⁰⁷. По всей стране распространялась панисламистская литература, в значительной своей части издававшаяся в Берлине и рассылавшаяся по особому списку¹⁰⁸. Главными германскими агентами в Иранском Курдистане были упоминавшиеся уже Шюнеман и Литтен.

Иранские курды были основным объектом агитации турецко-германской агентуры. И эта агитация в силу указанных причин оказала гораздо большее влияние на курдские племена Ирана, чем Турции. С поддержкой джихада выступили большинство шейхов — религиозных лидеров иранских курдов, как суннитов, так и шиитов, в том числе и шейх Наджмеддин, «духовный глава всех кочевников Курдистана», как называл его каргузар в Тебризе Наср-од-Доуле. Примечательно, что некоторые племена, особенно к югу от Урмии, поднимались на джихад вопреки воле своих вождей, повинаясь призыву одних шейхов¹⁰⁹. Джихад поддерживали не только подвластные турецкому правительству лидеры иракских шиитов, но и иранские муджахиды. Как писал один персидский мулла, «никакими словами не описать того, что натворили здесь после отъезда Халиль-бека (командующий турецкими войсками в Иране, дядя Энвер-паши. — М. Л.) все эти муджахидины и их демонические приспешники»¹¹⁰.

Но основную роль в разжигании религиозного фанатизма у иранских курдов сыграли агитаторы, непосредственно дирижуемые из Турции. Один из влиятельнейших вождей пограничной зоны сейид Мухаммед написал вождям мукрийских

курдов, что по приказу султана и фетве шейха Абдул-Кадыра они должны быть готовы к «священной войне». Турецкое правительство назначило шейха Абдаллаха Джеляля эд-Дина комендантом на границе, поручив ему вместе с курдами начать «священную войну». В район Соуджбулака из Турции было доставлено 250 выюков с оружием и амуницией¹¹¹. Вскоре Джеляль эд-Дин двинулся из Сидеке на Ушну и Урмию с отрядами курдов и арабов, в Иранский Курдистан направился и сейид Мухаммед; пришли в движение племена Секкеза, Бане и Сердешта¹¹².

В это время на авансцену вновь вышел Салар од-Доуле, которого турки решили использовать в качестве своего главного представителя среди иранских курдов. В ноябре 1914 г. Салар был вызван из Швейцарии, где он тогда жил, в Турцию. В начале декабря, получив на расходы 40 тыс. лир, он под именем Хаджи Реза Салара в сопровождении 20 германских и турецких офицеров выехал из Анкары к иранской границе. По сведениям иранского правительства, турки обещали Салару дать во владение весь Иранский Курдистан с прилегающими районами¹¹³.

Подстрекательская деятельность турецких агентов, в том числе и Салара, в Иранском Курдистане вызвала большую тревогу у иранского правительства, опасавшегося, в частности, что это приведет к вводу новых контингентов русских войск в Северо-Западный Иран. Иранское посольство в Стамбуле с ноября 1914 г. начало заявлять протесты турецкому правительству в связи с инспирацией турками антиправительственных выступлений иранских племен и нарушений границы турецкими войсками. Вскоре из Тегерана последовали протесты уже по поводу прямого вторжения турецких регулярных войск и отрядов турецких курдов в Иран и захвата ими значительной части территорий Иранского Азербайджана и Курдистана, а также чинившихся при этом насилий над мирным населением, особенно над христианами¹¹⁴. Иранское посольство настойчиво добивалось, чтобы Салару не было разрешено появляться в районе турецко-иранской границы¹¹⁵.

Результаты всех этих демаршей равнялись нулю. Турецкое правительство в вызывающей форме отвергало их, не скрывая своего намерения расширить агрессию в Иране. Например, турецкий посол в Тегеране Асим-бей оправдывал бесчинства турецко-курдских отрядов в Иране и, в частности, захват ими Соуджбулака необходимостью помощи своим соотечественникам, «угнетаемым иностранцами», и освобождения этого района от русских. Что касается присоединения курдов к туркам, то тут, заявил посол, «нечего удивляться, и это объясняется очень просто». Положение курдов, разъяснял далее Асим-бей, отчаянное, страдая от тирании русских, они

«не колеблясь» приняли сторону турок. Кроме того, сказал в заключение Асим-бей, курды, как мусульмане, принимают участие в священной войне, поскольку религия находится под угрозой¹¹⁶.

Вызывающий тон ответов турок на демарш Тегерана вполне соответствовал поведению турецких официальных лиц в Иране, в том числе и самого Асим-бея, который в стенах посольства и вне их открыто вел агитацию за джихад¹¹⁷. Тем же занимались и турецкие консулы, особенно консул в Урмии (потом переведенный в Хамадан), который лично подстрекал курдские племена к антиправительственным выступлениям¹¹⁸.

В ноябре — декабре 1914 г. подрывная деятельность турецко-германской агентуры в Иранском Курдистане и Азербайджане приняла такие размеры, что начальник Керманшахского отряда Персидской казачьей бригады подполковник Ушаков писал в своем рапорте в середине ноября 1914 г.: «...Провинции Керманшах и Курдистан стали походить на кипящий котел»¹¹⁹. Коростовец телеграфировал в первых числах февраля 1915 г.: «Турецкая пропаганда среди кашкайцев, а также в Курдистане принимает тревожные размеры»¹²⁰.

Сколачивание турецко-германской агентурой «второго фронта» на территории Иранского Курдистана и Азербайджана сразу дало плоды. Немедленно после вступления Турции в войну (а фактически, как мы видели, даже раньше) турецкое командование открыло в Западном Иране военные действия против России, причем ни одна из воюющих сторон не обращала никакого внимания на иранский нейтралитет. Сперва выступили одни курды, но уже в первых числах ноября пересекли иранскую границу и вторглись на территорию Иранского Курдистана и Азербайджана турецкие регулярные войска. Основной ударной боевой силой Турции на иранском театре Кавказского фронта были фактически иранские и пограничные турецкие курды. Введенский в середине ноября 1914 г. писал: «...Турки в пограничной полосе решили действовать, опираясь на аширеты, выдвигая регулярные части только там, где курды одни не решаются выступить»¹²¹.

В первые недели войны, в период Кеприкейской и Сарыкамышской операций, курдо-турецкие отряды захватили западную часть Иранского Курдистана и Азербайджана с городами Хой, Урмия, Соуджбулак и др. Под напором турецких войск, имея на фронте и в тылу враждебные племена, части Азербайджанского отряда генерала Чернозубова и IV Кавказского корпуса вынуждены были медленно отходить на северо-восток. Вступление турецких войск в города и села пограничных районов Ирана повсеместно служило сигналом к восстанию курдов. Ияс писал в середине декабря 1914 г.,

что, если турки не будут немедленно изгнаны из Соуджбулака, к ним присоединится до 50 тыс. курдов и Тебризу тогда будет угрожать серьезная опасность¹²². Однако русское командование было бессильно изменять ход событий. Враждебность курдов продолжала усиливаться (в том числе и в первый период Сарыкамышской операции). К началу 1915 г. турецкое командование перебросило к иранской границе (из Восточной Анатолии и района Сулеймании) до 15 тыс. курдов. Из них, а также из иранских курдов по указке немцев турецкое командование формировало диверсионные отряды для переброски в Закавказье¹²³. 14 января 1915 г. русские войска под напором превосходящих сил турок и курдов на короткое время вынуждены были оставить Тебриз¹²⁴.

На этом успехи турецкой армии на иранском театре Кавказского фронта кончились. Уже во второй половине января 1915 г. перешедшие в контрнаступление русские войска выгнали турок и курдов из Тебриза (31 января) и продвинулись до Дильмена. Непосредственная угроза русскому Азербайджану и Баку была ликвидирована. В это же время в районе нефтепромыслов Юго-Западного Ирана появились английские войска, которые постепенно начали расширять свой плацдарм в Хузистане, воюя с местными арабскими племенами¹²⁵.

Тем не менее турки и немцы продолжали бороться за иранско-курдистанский плацдарм. Тяжелое военное положение Турции в первой половине 1915 г. (Сарыкамышская катастрофа, высадка англо-французских десантных войск на Галлипольском полуострове в феврале 1915 г., поражение турецкого экспедиционного корпуса у Суэцкого канала, продвижение британских войск в Южном Ираке) не позволяло турецко-германскому командованию послать в Иран сколько-нибудь значительные войска. Вся надежда возлагалась на курдов и другие кочевые племена, а также на содействие правящих кругов Ирана. В связи с этим германо-турецкая подрывная деятельность в Иране в 1915 г. приняла еще больший размах.

Турецко-германская экспансия в Иране проводилась в основном, как неоднократно говорилось, руками курдов. В ноябре 1914 г. — январе 1915 г., когда захватчики одержали ряд временных успехов, к ним примкнуло большинство племен. В захвате Соуджбулака туркам большую помощь оказали курдские отряды, возглавлявшиеся шейхом Джеляледдином и предводителем пирани Мохаммедом Амин-агой. Курды подвергли город и его окрестности грабежу и насилиям, от которых особенно пострадали христиане¹²⁶. В районе Урмии к туркам присоединились до 20 тыс. курдов. Здесь произошли аналогичные эксцессы¹²⁷.

Иранское правительство пыталось воздействовать на своих курдов мерами как убеждения, так и строгости, но равно

безуспешно. Провалилось и намерение с помощью весьма влиятельного среди курдов депутата меджлиса от Хамадана Амира Низама противопоставить мятежным племенам обычно лояльные аширеты. Губернатор Курдистана не пользовался и тенью авторитета. Вся власть в провинции зимой 1914/15 г. принадлежала фактически турецкому консулу в Тебризе, который в некоторых районах даже начал вербовать добровольцев в турецкую армию¹²⁸.

После поражения турок под Сарыкамышем и в Иранском Азербайджане в настроении иранских курдов начал замечаться перелом. Чувствовалось разочарование в турках, курды дезертировали целыми отрядами, многие вожди выражали готовность перейти на сторону России¹²⁹. Возникли раздоры между племенами, а также между иранскими и турецкими курдами¹³⁰. Этим пыталось воспользоваться шахское правительство, стремившееся (отчасти под давлением держав Антанты, неоднократно требовавших от Тегерана прекращения курдских насилий над христианами)¹³¹ ликвидировать смуту в Курдистане и подчинить курдских вождей своему контролю. Однако действия шахских властей только обострили и без того напряженное положение в курдских районах. Так, с целью устрашения курдов по наущению турецких эмиссаров и немецких агентов был казнен сердар (губернатор) провинции Курдистан Хусейн-хан Мукри, который, хотя и не обладал уже реальной властью, был единственным сторонником правительства среди курдской знати Ирана. Эта нелепая казнь только способствовала дальнейшей дискредитации шахской власти в глазах курдской верхушки, обуреваемой сепаратистскими мечтаниями в момент, когда обстоятельства, казалось, наиболее благоприятны для них¹³². Разумеется, турки и немцы не упустили возможностей пожать плоды недальновидной политики Тегерана в курдском вопросе.

С марта 1915 г. турецко-германская агентура с новой силой возобновила агитационно-подстрекательскую работу среди иранских курдов. Турецкие эмиссары будоражили курдов в пограничных с Россией районах Северо-Западного Ирана. Особенно усердствовал германский генконсул в Тебризе Литтен¹³³. В Салмасы антирусская агитация турецких и германских агентов сопровождалась разжиганием вражды между различными национальными группами и насилиями над жителями¹³⁴. Особенно активно действовали турки и немцы в приурмийском округе и в южных районах Западного Ирана с целью создания сплошного «курдского» заслона между русскими и английскими войсками и воспрепятствования обходу русскими войсками правого фланга турецкой армии на Кавказском фронте (южнее оз. Ван).

В начале марта в Керманшах для антирусской агитации прибыл германский консул, сопровождаемый немецкими и

турецкими офицерами¹³⁵. Вскоре турецкий офицер Мухтар-бей с курдским отрядом занял Хамадан. Турки, предупреждал русский вице-консул в Казвине Бравин, планируют захватить весь район Хамадана — Керманшаха¹³⁶. Дальнейшие события подтвердили его правоту.

В начале апреля через Касре-Ширин по дороге в Тегеран проследовали германский посланник князь Рейс и австрийский посланник Логотетти. Сообщалось, что они везли с собой 70 ящиков, в которых находилось 40 тыс. ружей системы «Маузер» для раздачи племенам Курдистана и Керманшаха. Воспользовавшись конфликтом с Ираном, который возник из-за репрессий иранских властей против некоторых племен, турки заняли своим 4-тысячным отрядом Касре-Ширин и начали готовиться к наступлению на Керманшах. Однако курдские племена кельхор и сенджаби неожиданно оказали им сопротивление, что побудило турецкое командование несколько повременить с наступлением¹³⁷.

При создавшейся обстановке русское командование решило провести операцию, которая преследовала цель заставить курдов воздержаться от выступлений против России. В мае — июне 1915 г. конный отряд под командованием генерала Шарпантье в составе 36 эскадронов и сотен и 22 орудий совершил рейд на левом фланге 4-го корпуса в направлении Тебриз — Соуджбулак и далее по южному берегу оз. Урмия. 28 мая был занят Соуджбулак (где за несколько дней до этого был убит курдами русский консул полковник Ияс), 31 мая — Ушну¹³⁸. Русские войска заняли, таким образом, главные и самые густонаселенные центры Иранского Курдистана, где турки формировали больше всего курдских отрядов. Русское командование смогло теперь ослабить Азербайджанский отряд и за его счет усилить свои войска на Мушском и Ванском направлениях.

Однако Турция и Германия не утратили надежды вовлечь Иран в свой лагерь. Летом и осенью 1915 г. Иран кишел агентами различных рангов, среди которых выделялись германские эмиссары граф Каниц (военный атташе в Тегеране), Шюнеман, Васмус (действовавший на юге страны). Немецкая агентура имела огромное влияние на центральное правительство (которое отвергло предложение России и Англии вступить в войну на стороне Антанты), на местные власти во многих провинциях — на персидскую жандармерию, руководимую шведскими офицерами¹³⁹. Германская миссия во главе с Нидермайером сумела проникнуть из Ирана в Афганистан¹⁴⁰.

В округе Керманшаха орудовал Шюнеман. Он набрал до двух тысяч всадников и собирался отправиться с ними в центральные районы Иранского Курдистана, чтобы, по словам русского посланника в Иране Эттера, «возбудить племена и

взять их под свое покровительство». Некоторые племена ему уже удалось привлечь на свою сторону. Рядовым всадникам он платил по 15 туманов, а вождям племен — по 30 туманов в месяц. С помощью курдов Шюнеман и другие германские агенты намеревались в первую очередь захватить Хамадан¹⁴¹.

Однако расчеты Турции и Германии на безусловную поддержку курдских племен Юго-Западного Ирана не оправдались, о чем свидетельствует провал керманшахской авантюры турок, предпринятой на немецкие деньги. В июне 1915 г. Хюсейн Рауф-бей вторгся со стороны Ханекина с отрядом курдов на территорию Ирана с целью захвата Керманшаха, но при Керенде был разбит местным племенем сенджаби¹⁴².

Тем не менее осенью 1915 г. турки и немцы продолжали настойчиво бороться за курдистанский плацдарм в Иране. В начале сентября вновь зашевелился Салар од-Доуле. Он «новый и весьма большой козырь в политической игре, затеянной Турцией и ее союзниками в Персии», — писал русский наблюдатель¹⁴³. Распространились слухи, что Салар замыслил вступить в Иран в районе Сенне или Соуджбулака во главе своих многочисленных сторонников (в основном курдов) с целью свержения шаха и занятия его престола¹⁴⁴. Турецко-курдские отряды захватили в это время Бане и начали продвижение в районе Ушну — Соуджбулака¹⁴⁵.

В Соуджбулак в начале октября 1915 г. прибыли из Турции фидаи во главе с Меджид ос-Салтане и Мирза-Булюри. При содействии турецких офицеров они начали вести усиленную агитацию среди местных курдов, направленную против России и Ирана. По наущению подстрекателей мукрийские курды совершали многочисленные диверсионные акты, в том числе вывели из строя телеграф. Турки пытались сколотить из местных курдов сильный отряд, двинуть его в Азербайджан и поднять там восстание одновременно в нескольких местах¹⁴⁶. Особое значение турки придавали подстрекательской работе среди приурмийских курдов, которые под влиянием побед русских войск над турецкими зимой и летом 1915 г. начали разочаровываться в турках и проявлять склонность к соглашению с русскими властями в Иране¹⁴⁷. С целью поднять восстание в Иранском Курдистане туда в конце 1915 г. была послана экспедиция во главе с курдским вождем эмиром Наджи-беем (или Наджаном) и германским лейтенантом фон Шейбнер-Рихтером; в составе экспедиции было несколько сот солдат и два горных орудия. Этому отряду удалось в конце 1915 г. на короткое время занять Соуджбулак, но вскоре он был оттуда выбит русскими войсками¹⁴⁸.

Таким образом, первый год войны на иранском театре показал, что, несмотря на отдельные успешные рейды русских войск, положение в Иранском Курдистане, Азербайджане и смежных районах остается крайне неустойчивым и опасным.

Тогда Англия и Россия решили принять более радикальные меры для сохранения и укрепления своих позиций в Иране.

На первых порах Россия и Англия еще питали иллюзии, что можно побудить Иран организовать отпор турецким агрессорам. В конце февраля 1915 г. английский и русский посланники в Тегеране сделали представление о нарушении иранским правительством нейтралитета и пытались заставить шахские власти, чтобы они предписали вождям племен Курдистана и Керманшаха противодействовать турецкому вторжению¹⁴⁹. Но очень скоро и в Петрограде, и в Лондоне перестали рассчитывать на содействие иранского правительства в организации отпора агрессивным действиям турок и немцев.

В результате произведенного в Тегеране совместного дипломатического нажима им удалось к концу 1915 г. изменить состав и политику иранского правительства. Вместе с тем на востоке Ирана был создан заслон из русских и английских войск против проникновения германской агентуры в Афганистан и Индию («восточноперсидский кордон»). Но главную роль в ликвидации турецко-германской угрозы в Иране сыграла новая операция русских войск.

30 октября 1915 г. в порту Энзели (ныне Пехлеви) на Каспийском побережье высадился корпус генерала Баратова, который совершил рейд на юг, быстро рассеяв турецко-курдские отряды на хамаданском направлении. Этот рейд сопровождался карательными операциями против курдских племен, выступавших на стороне Турции. По просьбе англичан, находившихся в тот период в тяжелом положении на Месопотамском фронте, Баратов к концу года выдвинул передовые отряды своего корпуса на линию Керманшах — Ханекин. Русское командование предложило англичанам организовать наступление британских войск на Керманшах с целью объединения с русскими силами и совместного удара на Диарбекир через Мосул, но английские власти, больше всего боявшиеся проникновения русской армии в Ирак, отвергли этот план¹⁵⁰. Во всяком случае, к концу 1915 г. турецко-германский плацдарм в Иране был в основном ликвидирован, в первую очередь русской армией¹⁵¹. Это оказало большое влияние на курдов. «... На Кавказском фронте, — писал Н. Г. Корсун, — ни той, ни другой стороне не удалось использовать движение в тылу своего противника. Начавшиеся же неорганизованно и несвоевременно восстания армян были подавлены турками, а курдов — русскими»¹⁵².

Следует, однако, отметить, что военно-карательные экспедиции против курдов были эффективны только лишь в районах пребывания русских войск и постольку, поскольку русские одерживали победы. Когда же военное счастье изменяло русским, курды тотчас выходили из повиновения. К тому же

репрессии против иранских курдов сразу же получали широкий резонанс среди их турецких сородичей, что создавало большие дополнительные препятствия для планировавшихся русским командованием наступательных операций на восточноанатолийском театре Кавказского фронта. Учитывая это, русское правительство наряду с демонстрацией военной силы искало и другие основы для налаживания взаимоотношений с курдами.

Русское правительство позаботилось прежде всего о том, чтобы лишить иранское правительство возможности осуществлять свои суверенные права в северо-западных провинциях страны. Русские власти рассчитывали на помощь и содействие своего ставленника — азербайджанского губернатора Шоджа од-Доуле, которому было поручено наблюдение за всеми пограничными с Турцией районами. В Тегеране же к Шоджа относились резко недоброжелательно именно в силу его неприкрытого русофильства. Иранское правительство фактически мешало Шоджа и другим местным администраторам бороться с нарушениями иранского нейтралитета турками и курдами. Англичане, опасаясь усиления влияния России в Северо-Западном Иране, также выступали против привлечения Шоджа к борьбе с турками и курдами под предлогом, что это осложнит положение в пограничных районах, нарушит нейтралитет Ирана и вовлечет его в войну с Турцией¹⁵³. Однако Россия оставалась непреклонной, не позволяя ни Тегерану, ни англичанам вмешиваться во «внутренние дела» оккупированных ею иранских провинций. Когда, например, иранский посол в Петрограде Исаак-хан выразил Сазонову недовольство действиями русских военных властей и азербайджанского губернатора, Сазонов решительно отверг эти жалобы, отметив, что Иран ничего не сделал для предотвращения вторжения турецких войск и сохранения порядка и спокойствия среди курдов. Поэтому Россия, добавил Сазонов, имеет в Азербайджане полную свободу действий. Посол писал своему министру иностранных дел, что, по его мнению, Россия не уступит в вопросе об Азербайджане¹⁵⁴. И это была правда. В дальнейшем шахские власти даже и не пробовали контролировать положение в своих азербайджанских и курдистанских землях.

ПОЛИТИКА РОССИИ В КУРДСКОМ ВОПРОСЕ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

В первые месяцы войны (впрочем, как и прежде) русское правительство и командование не имели твердой и определенной линии в курдском вопросе. Политика в завоеванных русской армией районах Курдистана, взаимоотношения с курд-

скими племенами и крупнейшими вождями были предоставлены личной инициативе отдельных воинских начальников и консулов, которые действовали на свой страх и риск¹⁵⁵.

Так, вице-консул в Урмии Введенский вел интенсивную пропаганду курдов Ушну, Барзана, Шемдинана, Барадоста, Ревандуза, Геваре, рассылал им прокламации и воззвания, в которых содержались призывы выступить против Турции на стороне России¹⁵⁶. Аналогичную работу среди курдов Юго-Западного Ирана и смежных районов Ирака, где квартировали части Персидской казачьей бригады, вел Ушаков. В первых числах ноября он телеграфировал в Российское консульство в Керманшахе: «Имею данные о возможности поднять шиитские племена курдов и луров для захвата у турок Кербелы. Могу подготовить это дело осторожно, без шума. Испросите разрешения посланника. Работать необходимо совместно с англичанами. Дело очень важное, ввиду малого количества войск в Месопотамии сулит успех. Захват святыни произведет сильное впечатление на турок, мы же приобретем симпатии шиитов». При скорейшем осуществлении этого плана, утверждал Ушаков, турецкие резервы будут оттянуты от русской границы¹⁵⁷.

Долгополов назвал этот план легкомысленной затеей, для осуществления которой нет никаких данных¹⁵⁸. Коростовец также отверг предложение Ушакова, считая, что его отряд слишком малочислен, чтобы успешно выполнить задуманный план. «В настоящем его составе он не представляет никаких гарантий против возможных нападений турок на Курдистан». Кроме того, по мнению русского посланника, действия отряда Ушакова как подразделения иранской армии вызовут нарекания в нарушении Россией нейтралитета Ирана¹⁵⁹. Вообще же, успешное вторжение турок в Иранский Курдистан свело на нет все усилия русских расположить к себе иранских курдов, побудить их соблюдать нейтралитет.

Благоприятный для русской армии исход летних операций 1915 г. на иранском и восточноанатолийском театрах вновь дал России шанс завоевать расположение курдских племен. Правда, русские уже не рассчитывали на то, что им удастся сделать курдов своими союзниками; непосредственной задачей было обеспечение нейтралитета курдских племен, прекращение их враждебных выступлений против русских войск. Управляющий вице-консульством в Урмии В. П. Никитин, сообщая, что к нему в большом количестве являются курды для примирения, писал: «Приходится прилагать много усилий, чтобы побороть недоверие курдов»¹⁶⁰.

Стараниям Никитина наладить хорошие взаимоотношения с курдами мешала, однако, кипучая деятельность главы русской духовной миссии в Урмии епископа Сергия, который бесцеремонно вмешивался как в политическую жизнь Урмий-

ской провинции, так и в чисто военные дела и настаивал на применении силы против курдов. Никитин решительно потребовал отозвания Сергия из Урмии, считая, что Россия «в настоящую минуту преследует в западной Персии цели умиротворения и тщательно избегает всяких резких мер и выступлений». Министерство иностранных дел поддержало Никитина; и Сергий был удален из Урмии¹⁶¹.

Однако другие представители России в Западном Иране нередко прибегали к угрозам. Управляющий генконсульством в Тебризе Беляев дал, например, указание губернатору Азербайджана «внушить курдам, что если в дальнейшем они будут вести себя мирно и не поддадутся на подстрекательства турок, то им можно будет надеяться на наше снисходительное отношение к их прежним винам. Если же они снова будут помогать туркам, то их ожидают самые суровые меры наказания»¹⁶².

Особенно трудной проблемой для русских военных властей было налаживание отношений с курдами оккупированных районов Восточной Анатолии. Начальник Башкалинского округа князь Б. Шаховской писал в середине декабря 1915 г. в штаб Кавказской армии: курды «Битлисского и Ванского вилайетов, с которыми нам еще не приходилось иметь дела... расположены к нам и теперь как будто желают войти в сношения с нами». Но «умиротворение курдов района военных действий представляет теперь очень трудную задачу, так как они подверглись страшным репрессиям с нашей стороны и очень озлоблены против нас... Примирить этих курдов с нами еще возможно, но использовать их против турок я считаю задачей почти невыполнимой». Одной из главных причин этих трудностей Шаховской считал ухудшение взаимоотношений между армянами и курдами¹⁶³.

Естественно, что стали заметно портиться установившиеся было накануне войны хорошие отношения России с большинством наиболее влиятельных курдских вождей. В начале военных операций русское командование пыталось сохранить лояльную позицию курдских вождей на прежнем уровне и побудить их поднять племена против турок. Кое-где русские имели в этом успех. Абдуррезак, например, организовал курдский отряд, который оказал существенные услуги Азербайджанскому отряду генерала Чернозубова, правда, вызывая недовольство местного населения реквизициями¹⁶⁴. Но очень скоро все изменилось.

Отступление русских войск из Северо-Западного Ирана в декабре 1914 — январе 1915 г. привело к измене многих курдских вождей союзу с Россией. Причинами этого были: во-первых, обычное для феодалов стремление примкнуть к сильнейшей стороне, во-вторых, утрата ими доверия к России в результате нежелания русского правительства в пред-

военные годы оказать курдам реальную помощь в освобождении от турецкого гнета и, наконец, в-третьих, предпочтение, оказываемое турецким армянам перед курдами и поддержка русским командованием армянских националистов, сформировавших боевые дружины, которые действовали в составе Кавказской армии¹⁶⁵.

Особенно чувствительной была измена Симко. В январе 1915 г. после оставления русскими войсками Салмаса и Котура он открыто перешел на сторону турок и произвел в Салмасы зверскую резню христиан, во время которой погибло до тысячи человек. Правда, как только русские войска перешли в контрнаступление, Симко попытался восстановить свою репутацию в глазах русских властей, посылал вице-консулу в Хое многочисленные письма с уверениями в своей преданности России, но одновременно он поддерживал тайные связи с турками. Поэтому после освобождения Хоя русскими властями он был арестован и выслан в Тифлис, в результате чего в Хойском и Котурском округах наступило спокойствие¹⁶⁶.

Сложнее обстояло дело с Абдуррезаком. Переход почти всех курдов Северо-Западного Ирана и пограничной зоны на сторону Турции внушил русским властям подозрение, что здесь не обошлось без его участия. Русское командование не имело в своем распоряжении ни одного достоверного факта, который доказывал бы измену Абдуррезака. Сам Абдуррезак энергично отвергал обвинения в сотрудничестве с турками. Оправдывая себя, он возлагал всю вину за ухудшение русско-курдских отношений на русские власти и армянских экстремистов¹⁶⁷. Тем не менее командование Кавказским фронтом и тифлисское начальство перестало доверять Абдуррезаку.

В начале мая 1915 г. Абдуррезак, губернатор Хоя Теймурхан и другие видные курды (всего 12 сторонников Абдуррезака и 8 — Симко) были арестованы и высланы в русскую Джульфу по обвинению в том, что в случае неудачи русских войск под Дильменом они собирались напасть на них с тыла. Одновременно были разоружены их отряды¹⁶⁸. Правда, через несколько дней подозрение с Абдуррезака было снято как необоснованное, однако его пребывание в Хое было признано нежелательным. Сначала русские власти хотели его отправить в Малазгирт для пропаганды среди турецких курдов, но в конце 1915 г. решили поселить Абдуррезака в Тифлисе «вследствие выяснившейся его бесполезности»¹⁶⁹.

По-прежнему враждебно относились русские власти к макинскому сердару Муртаза Кули-хану. Командование Кавказской армии решительно воспротивилось возвращению его в Маку до окончания войны, «дабы, — по словам консула в Маку Олферьева, — не иметь против себя макинских курдов, могущих выставить до 10 000 вооруженных людей, сочув-

ствующих Турции... Возвращение сердара ослабит наш престиж и осложнит наши дела во всем Азербайджане»¹⁷⁰.

Сейид Та, в начале войны примкнувший к туркам, попал в плен и был сослан в глубь России, в Раненбург (ныне Чаплыгин). Позже он бежал из плена и начал создавать в Турции на немецкие деньги курдские формирования для борьбы против русских¹⁷¹.

Сохранившиеся документы отражают полную утрату доверия к курдским вождям со стороны русских военных и гражданских властей в Иране и оккупированных районах Турции. Исполнявший обязанности консула в Салмасы Акимович, критикуя намерение начальника Башкалинского округа князя Шаховского установить контакт с Абдуррезаком и Симко, писал в конце ноября 1915 г.: «Я убежден, что Шаховской и Коцебу (русский полковник. — М. Л.), совершенно не знающие курдов, будут ими обмануты и не смогут их склонить на нашу сторону с такими помощниками, как Абдуррезак и Симко, место которым на виселицах»¹⁷². По-видимому, это мнение о Шаховском в значительной мере было неосновательным, поскольку последний сам аттестовал Симко и особенно Абдуррезака как корыстолюбивых авантюристов и двурушников¹⁷³. Вице-консул в Урмии Никитин по поводу указанных слов Акимовича писал: «Не зная также определенно прежде названных курдов, считаю в Персии им не место теперь. Они лишь повредят делу узко племенными интересами Симко, несбыточными фантазиями Абдуррезака, за которыми следует установить тщательное наблюдение». «Мое мнение, что лучшее и единственное средство замирить курдов — это вселить в них ужас, вполне для них реальное понятие, верить им нельзя. Опыт трехнедельной экспедиции в Курдистан показал, что они уже не те, что в начале войны — бояться нас, в турках разочарованы»¹⁷⁴.

Правда, во взаимоотношениях русских властей с курдскими вождями в первый год войны были и отдельные положительные моменты. Некоторые бен, особенно после успешных летних операций Кавказской армии в 1915 г., активно помогали русским войскам. Никитин заключил в конце сентября подтвержденное клятвой на Коране соглашение с вождями бекзадинцев из Дешта и Мергевера (Курдо-беком, Абдуллою, Халилем, Сейид-ханом, Хаджи Феттахом и Бадр-ханом) о дружбе и союзе¹⁷⁵. Однако в целом правящие круги России уже не рассчитывали на сколько-нибудь эффективное содействие и помощь курдов в войне с Турцией.

Только в конце 1915 г., под влиянием успешного хода военных операций и изменения в благоприятную для Антанты сторону политического положения в Иране, русское правительство и командование начали думать о восстановлении утраченных Россией позиций среди как турецких, так и иран-

ских курдов. Показателем некоторого поворота в курдской политике России была изданная в конце декабря 1915 г. новым наместником на Кавказе великим князем Николаем Николаевичем директива об общих основах политики по отношению к курдам. Она гласила: «Главная цель — это, чтобы курды были у нас в руках, жили бы смирно, не нападали бы на армян и персов. Наши начальники должны стремиться уничтожить рознь между курдами, с одной стороны, и армянами и персами, с другой, всеми мерами привлекать курдов на нашу сторону, приобретать от них необходимое для войск, то есть заинтересовывать коммерчески, оружия отнюдь не выдавать, но можно оказывать небольшую субсидию за услуги, особенно по разведке. Когда убедятся в их лояльности, можно поощрять мелкими наградами и подарками, для боевых же целей пользоваться курдами лишь при полной уверенности в их благонадежности»¹⁷⁶.

Таким образом, программа действий в курдском вопросе была весьма утилитарна. Царское правительство по-прежнему интересовалось курдами лишь в связи с операциями на Кавказском фронте и не более того¹⁷⁷.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ РУССКО-КУРДСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В конце декабря 1915 г. русская Кавказская армия перешла в решительное наступление на Эрзерумском направлении. Падение Эрзерума [3 (16) февраля 1916 г.], главного стратегического, политического и экономического центра Восточной Анатолии, было крупнейшим поражением Турции в первой мировой войне.

В это же время русские войска успешно действовали в районе оз. Ван и на Черноморском побережье. В Иране корпус Баратова занял район Керманшаха и появился в непосредственной близости от флангов и тыла 6-й турецкой армии, действовавшей в Ираке.

Весной 1916 г. Кавказская армия продвинулась на Трапезундском и Мосульском направлениях. В частности, в начале апреля 1916 г. был взят один из главных центров Иракского Курдистана — Ревандуз. Корпус генерала Баратова в середине апреля 1916 г. повел наступление на Ханекин; его передовые части приближались к Тигру. Однако упорный отказ англичан от сотрудничества заставил русское командование принять решение об отступлении на север с целью сокращения коммуникаций и сохранения связи с основной базой Кавказской армии. 1 июля русские войска оставили Керманшах. Одновременно корпус Баратова отошел на северо-восток от Ханекина. В это время в центральной части Восточной Анатолии Кавказская армия захватила Эрзинджан (25 июля), с па-

дением которого турки потеряли весь восточноанатолийский театр военных действий¹⁷⁸. В ходе операций на Огнотском и Мосульском направлениях (август 1916 г.) русским войскам удалось сорвать турецкое контрнаступление и стабилизировать фронт.

Таким образом, в 1915—1916 гг. Турция потерпела на Кавказском фронте новое серьезное поражение. Русская кавказская армия продвинулась по турецкой территории на 250 км, оккупировав все Армянское нагорье и прилегающие районы, сковала более половины всех турецких дивизий. Только отсутствие взаимодействия между русскими и англичанами привело к тому, что стратегические результаты русского наступления не стали решающими для операций на всем турецко-азиатском театре и что туркам удалось нанести англичанам ощутительное поражение в Ираке, окружив в Кут эль-Амаре и принудив к капитуляции (29 апреля 1916 г.) корпус генерала Таунсенда.

В кампании 1916 г. на Кавказском фронте роль курдов была сравнительно невелика. Общее число курдских конников, входивших в состав 2-й и 3-й турецкой армий, действовавших в Восточной Анатолии и в Иране, составляло в разное время от 5 тыс. до 10 тыс. Правда, туркам удалось кое-где побудить курдские племена совершать нападения на коммуникации русских войск (на Мосульском направлении, в районе Битлиса и в некоторых других местах), но русские быстро пресекли враждебные выступления курдов¹⁷⁹. Боеспособность курдских формирований в результате тяжелых поражений турецкой армии продолжала падать. В итоге летней кампании 1916 г. количество курдов во 2-й и 3-й армиях снизилось на две трети¹⁸⁰.

Значительная часть территории Турецкого Курдистана и Армении стала в 1916 г. ареной военных действий; в остальных районах свирепствовала жесточайшая военно-полицейская диктатура. Естественно, что это создавало самые неблагоприятные условия для курдского освободительного движения, о котором за рассматриваемый период нет почти никаких сведений. Исключение по-прежнему составлял район Дерсима. Тамошние курды избежали набора в турецкую армию и сохранили свое полунезависимое положение. У курдов Дерсима продолжали скрываться армяне, уцелевшие от депортаций¹⁸¹. Многие курдские вожди (и не только в Дерсиме) заключали в это время соглашения с предводителями армян о мире и дружбе¹⁸².

Вторжение русских войск в глубь Турецкого Курдистана и Армении сделало проблему взаимоотношений с турецкими курдами весьма насущной и важной, в значительной степени определявшей не только дальнейший ход операций, но и будущую судьбу всего края, который находился отныне под рус-

ским управлением. Некоторые курдские лидеры подняли уже в 1916 г. перед русским правительством вопрос о национальном самоопределении турецких курдов. Юсуф Кямил Бадрахан представил национальные требования курдов великому князю Николаю Николаевичу. Но русское правительство отказывалось в то время рассматривать курдскую проблему в таком аспекте (отчасти в связи с армянскими делами), подходя к ней более утилитарно¹⁸³.

Наладить отношения с турецкими курдами было поручено князю Шаховскому, который фактически занимал пост главного гражданского администратора России в курдских районах Турции. Совместно с Юсуфом Кямилем Шаховской должен был войти в отношения с местными курдскими племенами, привлечь их на сторону России и даже предоставить им право сформировать отряд из 500 вооруженных всадников. Главная задача, поставленная перед Шаховским, — установить контакт с курдами Юго-Восточной Анатолии, находившимися в тылу турецких войск, уговорить их поднять восстание против турок. Этого сделать Шаховскому не удалось, главным образом из-за временной неудачи русских войск в районе Битлис — Муш. Но налаженные им связи с курдами Юго-Восточной Анатолии были сохранены. Он смог также привлечь на свою сторону курдов Зилян-дере, предводителей Кули-ханом и Селим-агой, дотоле враждебных России. Кроме того, были умиротворены племена к северу от оз. Ван. Этим и ограничились достижения Шаховского в оккупированных русскими войсками районах Турецкого Курдистана и Армении и в смежной с ними прифронтовой полосе.

Сам Шаховский считал, что для успеха политики России по отношению к турецким курдам необходимы следующие меры: справедливое отношение к ним и недопущение умаления их прав по сравнению с армянами, создание для перешедших на сторону России племен сносных условий жизни, применение силы против непокорных племен, в первую очередь против араратских курдов, усиление пропагандистской работы среди курдского населения районов Битлиса — Муша — Огнота. Хотя разоружение курдов, писал Шаховской, важная задача, оно в настоящий момент неосуществимо и вообще не всегда выгодно для России. Главное — не поднимать этот вопрос несвоевременно, дабы не вызвать озлобления курдского населения. Хотя русский комиссар был вообще настроен оптимистично, считая, что курды оккупированных русскими войсками земель в конце концов свыклись с мыслью о владычестве России, достиг он все же немногого. Слишком тяжелой, изменчивой и беспокойной была в то время обстановка в Восточной Анатолии, чтобы Россия могла рассчитывать на быстрый и прочный успех своей политики среди курд-

ского населения, на забвение событий последних лет, наполненных многочисленными конфликтами¹⁸⁴. К тому же сильно вредили русско-курдскому сближению пережитки курдо-армянской вражды (в частности, эксцессы со стороны армянских добровольцев и дружинников, пришедших вместе с русскими войсками)¹⁸⁵. Но все же основа для некоторого улучшения русско-курдских отношений в Турецком Курдистане безусловно имелаась.

Основное внимание русское правительство и командование уделяло в 1916 г. и в последующее время отношениям с иранскими курдами. Операции корпуса Баратова доказали настоятельную необходимость обеспечения поддержки или хотя бы лояльности курдского населения, без чего военно-политические позиции России в Западном Иране оставались крайне непрочными и легко уязвимыми. Особенно остро встал вопрос о курдах в связи с вынужденным отступлением русских войск из района Ханекин — Керманшах летом 1916 г., когда возникла реальная угроза нового вторжения турок в центральные районы Иранского Курдистана. Иранские курды, в отличие от турецких, не были так ослаблены боевыми действиями и репрессиями. От их позиции в значительной степени зависела судьба всего левого фланга русской Кавказской армии.

Следует еще учесть, что турецко-германская подрывная деятельность среди иранских курдов продолжала причинять значительный вред интересам России. Активно работала турецкая агентура в Маку, призывая местных курдов к партизанской борьбе против русских войск¹⁸⁶.

Особенно преуспел в антирусской пропаганде среди Макинских курдов некий Али-ага, впоследствии арестованный русскими властями. Только к началу 1917 г. России удалось обезвредить в Маку панисламистов и принудить местное курдское население к безусловной покорности; некоторым арестованным и интернированным русскими властями местным вождям, в том числе и Али-аге, было разрешено вернуться обратно¹⁸⁷.

Во время зимнего наступления русской армии в 1916 г. племена центральной части Иранского Курдистана — мукри и бекзадинцы, понесшие чрезвычайно тяжелые потери, особенно обмороженными, стали массами переходить на сторону России. По словам Никитина, «сложившиеся условия могут быть полезны для склонения курдов к благоразумию»¹⁸⁸. Русское командование, однако, не сумело использовать эту ситуацию; курды юго-западных районов Ирана по-прежнему были неблагонадежны. При начавшемся в апреле 1916 г. наступлении корпуса Баратова на Ханекин такое положение не могло быть более терпимо.

«Крайне прискорбно продолжавшееся недоверие к нам курдов, — писал в связи с этим Эттер. — Было бы крайне не-

желательно отталкивать Симко. Практика показывает, что одни карательные меры недостаточны. Необходимо дать курдам уверенность в их безопасности»¹⁸⁹. На необходимость решительно бороться за привлечение на сторону России иранских курдов указывал и Минорский. Свое письмо Баратову от 9 мая 1916 г. он начинал словами наместника Николая Николаевича: «Курды не нужны нам как активная военная сила, но чрезвычайно желательно заручиться их спокойным и благожелательным к нам отношением». Неудачи, которые потерпела Россия среди курдов Урмийского округа, Минорский объяснял в первую очередь постоянными колебаниями русской политики там в предвоенный период, когда «симпатии, подозрения, обвинения сменялись как в калейдоскопе». Он осуждал вмешательство войск во внутренние дела племен, результатом чего явилось полное разорение многих из них. «Вся эта политика закончилась крахом», ибо силой, писал Минорский, все решить нельзя. «Я верю в цивилизаторские задачи России», — подчеркивал он. России нужно не объединение всего Курдистана (это нереально и бесполезно для нас), писал Минорский в заключение, а «объединение и восстановление отдельных курдских княжеств», для чего следует обратить особое внимание на род Бабан в округе Сулеймании и али-илахов Дерсима¹⁹⁰. Позже Минорский предложил организовать в Сулеймании сепаратистское движение, обещая местным курдам независимость или автономию под суверенитетом Ирана¹⁹¹.

В известной мере с Минорским перекликался Никитин, хотя на разрешение курдской проблемы в интересах России он смотрел скорее пессимистически. «Возможность привлечения курдов, — писал он в Министерство иностранных дел в конце июня 1916 г., — вообще отрицаема быть не может, — но для этого теперь не достает главного условия — предварительной внимательной и кропотливой работы нашей среди них, которая могла бы ослабить успешность враждебной нам, иной пропаганды, по существу же курдского вопроса до изменения самих условий их быта и создания у них иных интересов и понятий мы всегда будем стремиться разрешить неразрешимое»¹⁹².

Начиная с июля 1916 г., когда действовавший на иракском направлении корпус Баратова очутился по вине англичан в тяжелом положении, из Петербурга и Тифлиса в адрес русских властей в Иране поступили требования о необходимости в кратчайший срок наладить хорошие отношения с курдами. Чиновник для пограничных сношений при наместнике Столица известил Эттера о том, что делаются попытки добиться содействия иранского правительства в нейтрализации курдов в связи с походом Баратова, о чем вел переговоры сам наместник с находившимся тогда в Тифлисе иранским принцем

Зилли-Султаном¹⁹³. Премьер-министр Ирана известил русского посланника, что племена кельхор, сонгори и куляи «всего на нашей стороне», но необходимо «действовать исключительно деньгами», чтобы они оказали русским активную поддержку¹⁹⁴. Эттер, однако, скептически отнесся к этой возможности, написав, что, по его мнению, иранское правительство «бессильно теперь воздействовать на курдов-суннитов и на другие племена»¹⁹⁵. Главное затруднение, считали Эттер и Баратов, «в организации продовольствия племен», на что иранское правительство неспособно без помощи России¹⁹⁶. Сазонов написал в Тегеран, что в связи с отступлением Баратова «весьма желательно, чтобы шахское правительство использовало все свое влияние на племена Керманшахского района и Курдистана, чтобы склонить их на нашу сторону»¹⁹⁷.

Несколько позже Эттер и Минорский обратились в Тифлис с просьбой о присылке в Иран дополнительных контингентов войск, и в особенности денег, без которых, писал посланник, «в особенности в настоящий момент нам мало кого удастся привлечь на нашу сторону»¹⁹⁸. Эта просьба встретила в Тифлисе отрицательное отношение. Великий князь Николай Николаевич телеграфировал в Тегеран: «В пределах имеющихся у меня сил, усиление наших войск, действующих в Персии, которое возможно было сделать, уже сделано, и один полк из этого подкрепления к генералу Баратову прибыл. Денег же для подкупа кочевых племен у меня нет»¹⁹⁹. Русским властям в Иране, стало быть, приходилось рассчитывать исключительно на имевшиеся в их собственном распоряжении средства.

В столь сложной и нелегкой для России обстановке, сложившейся в Западном Иране к лету 1916 г., Симко вновь обратил на себя внимание русских властей и командования. Каковы бы ни были его «прегрешения» в недавнем прошлом, он все же был тогда единственной фигурой в Иранском Курдистане, пользовавшейся значительным весом и влиянием и способной объединить и повести за собой значительное число курдов. Кроме него России не на кого было опереться. Поэтому русские власти поставили перед собой задачу во что бы то ни стало привлечь Симко на свою сторону.

В начале 1916 г. Симко был отпущен из Тифлиса и прибыл в Салмас. Однако в первое время отношения между Симко и русскими властями были отравлены взаимным недоверием. Несмотря на многократные требования генерала Чернозубова, Симко из боязни ареста отказался приехать в Хой для переговоров с русским командованием²⁰⁰. Он заверял, что не изменил России и готов сражаться с турками при условии предоставления помощи, но боится возвращения из страха перед своими недоброжелателями, особенно ассирийцами, а

также из-за боязни нового ареста. В связи с этим Симко просил, чтобы кавказские власти и начальник Азербайджанского отряда дали ему гарантии безопасности. Лишь при этих условиях он, по словам исполнявшего обязанности консула в Дильмане Акимовича, «готов идти туда, куда ему прикажут»²⁰¹.

Со своей стороны, генерал Чернозубов, не питая к Симко никакого доверия, предложил ему гарантии свободы и независимости лишь при условии сдачи им всего оружия. Симко ответил отказом и вскоре после этого ушел на юг к турецко-иранской границе. Чернозубов, не желая видеть Симко у себя в тылу, был очень встревожен и грозил уничтожить его отряды, если он немедленно не вернется обратно²⁰².

В конце июня 1916 г. Симко, наконец, приехал в Хой; там он вступил в переговоры с вице-консулом Кирсановым. В качестве платы за свою помощь России он попросил предоставить в его полное управление Сомай и Барадост. Кирсанов поддержал эту просьбу перед своим начальством, указывая, что этим можно укрепить веру Симко в доброжелательность России. Одновременно он предложил потребовать от Симко список всех его бойцов и выдать каждому из них свидетельство на право ношения оружия, в результате чего, по мнению Кирсанова, Россия приобретает контроль над вооружением курдов²⁰³.

Информация Кирсанова о его переговорах с Симко вызвала большую дискуссию среди русских представителей в Иране. Никитин решительно возражал против предоставления Симко области Сомая и Барадоста. В свое время, напоминая, что это привело к тому, что подвластные ему шеккаки напали на русские войска в Урмии; люди Симко и сейчас ведут себя дерзко и нелояльно, угрожают тылу русских войск. «Курдским заверениям вообще, а Симко в частности, я давно перестал верить,— писал Никитин,— и достаточных гарантий в них не вижу. Считаю, что предоставление Симко особого положения отнюдь не оправдывается его двусмысленным поведением, и полагаю, что не Симко сам, но мы ему должны продиктовать условия, которым он имеет подчиниться»²⁰⁴.

Дальнейшее поведение Симко было далеко не безупречно в отношении России. В частности, во время отступления войск Баратова из района Ханекин — Керманшах предводительствуемые им курды сеяли панику на правом фланге русских войск. Кроме того, весть о намерении назначить Симко губернатором Сомая и Барадоста вызвала большое недовольство местного населения, неоднократно испытывавшего тяжелую руку котурского шейха²⁰⁵. Тем не менее русские власти в Иране поддерживали предложение Кирсанова, надеясь, что это привяжет прочно Симко к России. Эттер, одобрив план Кирсанова, заметил, что подозрительное поведение Симко «объясня-

лось, конечно, нашими колебаниями в политике»²⁰⁶. Кирсанов сам настаивал на скорейшем выяснении вопроса о передаче Симко Сомая и Барадоста и предложил, кроме того, материально хорошо обеспечить Симко, чтобы ему «не приходилось» грабить местных жителей²⁰⁷. В конце концов колебаниям был положен предел, и в последних числах октября 1916 г. по настоянию русской миссии шахское правительство назначило Симко губернатором Чиари-Кала, Сомая и Барадоста. Симко обещал навести там порядок²⁰⁸.

Тот факт, что русские договорились с Симко, благоприятно повлиял на отношение большинства иранских курдов к России. Правда, это в значительной степени объяснялось еще и тем, что русским войскам удалось остановить турецкое контрнаступление в июле—августе 1916 г. К началу осени тысячи курдов стали покидать турецкие войска и уходили на зимние кочевья²⁰⁹. Под Хамаданом из 14 тыс. турецких войск 10 тыс. были курды, но едва лишь распространился слух о движении русских войск, большинство курдов в несколько дней разбежалось²¹⁰.

Престиж России заметно вырос и в центральной части Иранского Курдистана. Было решено восстановить консульство в Соуджулаке «ввиду,— по словам Столицы,— постоянных просьб окрестных курдских главарей освободить их от вымогательства персидских властей». Выбор консула, писал Столица, должен быть произведен «с особой заботливостью, так как от него требуется очень трудная задача удержать курдов на нашей стороне, уберечь их от вымогательства персидских властей и действовать во всем применительно к требованиям тактической обстановки и в полном согласии с генералом Чернозубовым»²¹¹.

Таким образом, в 1916 г. России удалось в Иранском Курдистане добиться известных успехов, хотя обстановка там по-прежнему была очень неустойчивой и чреватой осложнениями.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА АНТАНТЫ К РАЗДЕЛУ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И ИРАНА И КУРДСКИЙ ВОПРОС

Пока на территориях Турции, Ирана, арабских стран пылал пожар войны, уничтоживший не только десятки тысяч солдат обеих воюющих сторон, но и сотни тысяч ни в чем не повинного мирного населения, в дипломатических канцеляриях Лондона, Парижа и Петрограда вынашивались тайные проекты и планы, грозившие оказать роковое влияние на судьбу турок, арабов, курдов, персов, армян и других народов Ближнего Востока. Империалисты Антанты начали за-

благовременно подготавливать раздел Османской империи и нейтрального Ирана. Первоначальные успехи англо-французского десанта на Галлиполийском п-ве весной 1915 г. и победы русской Кавказской армии в первой половине 1916 г. побудили в первом случае Россию, а во втором — Англию и Францию поспешить с точным определением своей доли добычи, дабы не допустить ее захвата одним из союзников. Так родились межсоюзнические соглашения о Константинополе и проливах и разделе нейтральной зоны Ирана (март — апрель 1915 г.), о разделе арабских, армянских, курдских владений Турции, а также Иранского Курдистана (соглашение Сайкс — Пико, март — май 1916 г.). Подготовка, ход и результаты этих соглашений слишком хорошо изучены и описаны, поэтому представляется излишним останавливаться здесь на них. Необходимо вкратце напомнить лишь те моменты, которые непосредственно касаются курдов и населяемой ими территории.

Еще в предвоенные годы территория, на которой были расселены курды, была объектом вожелений империалистов многих стран. Однако непосредственная аннексия Армении и Курдистана не входила в задачу внешней политики ни одной из великих держав ввиду неизбежного сопротивления других соперников. Даже наиболее заинтересованная в курдских делах держава — Россия не стремилась к этому²¹². Положение изменилось во время первой мировой войны.

Англия, Франция и Россия были заинтересованы в курдских землях в основном из одних и тех же соображений — создания прочного заслона вокруг тех районов Ближнего Востока, которыми они уже обладали или которые собирались захватить. Поэтому им было необходимо точно договориться между собой о разделе Курдистана и Турецкой Армении. Германия же в случае победы над Антантой намеревалась превратить всю Османскую империю и Иран в свои колонии. Примечательно, что империалистические хищники не придавали в то время большого значения естественным богатствам Курдистана и соседних районов, поскольку о них тогда было мало что известно.

Первое из серии межсоюзнических соглашений о разделе Турции и частично Ирана, в которых затрагивалась и судьба курдов, было заключено в марте 1915 г. По этому соглашению Россия должна была получить Константинополь и проливы. Однако уступка была сделана в условной и необязательной форме и с важными и чреватými большими последствиями оговорками: «если война будет доведена до успешного окончания и если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции в Оттоманской империи и в других местах...». Англия компенсировалась правом присоединить к своей сфере влияния нейтральную зону в Иране, за исклю-

чением районов Исфахана и Иезда, отходивших к русской зоне²¹³. Таким образом, под английский контроль должны были отойти некоторые районы южного Иранского Курдистана, имевшие для Англии весьма важное значение, поскольку эти территории должны были служить барьером, преграждавшим с севера доступ к нефтеносным районам Юго-Западного Ирана, где быстро расширяла свою деятельность британская нефтяная компания. Англо-франко-русское соглашение 1915 г. о проливах было первым этапом, своего рода черновым наброском тайного сговора империалистов Антанты о разделе всех азиатских владений Турции, в том числе и ее курдских земель.

Второй этап начался в конце 1915 г., когда Англия и Франция приступили к обсуждению раздела Азиатской Турции. Переговоры происходили в Лондоне с ноября 1915 г. по февраль 1916 г. между представителем Англии Артуром Никольсоном (его вскоре сменил Марк Сайкс) и Франции — Франсуа Жорж-Пико. В центре внимания сторон был раздел арабских владений Турции, но разговор шел и об армяно-курдских землях. Примечательно, что и нейтральный Иран стал предметом этого империалистического торга.

В частности, одним из вариантов решения курдского вопроса в тот период был выдвинут проект создания автономного Курдистана. Эта идея была предложена не руководителями держав Антанты, а армянскими националистическими кругами. Еще в июне 1915 г. один из лидеров армянских националистов Нубар-паша подал французскому министру иностранных дел Делькассе записку с проектом решения армянского вопроса; в этой же записке предлагалось создание особого автономного Курдистана под протекторатом одной или всех трех главных держав Антанты (России, Англии, Франции). Русский посол во Франции Извольский уклонился от поддержки этих планов²¹⁴.

В середине декабря 1915 г. известный лидер Дашнакцутяна, подданный России Я. Х. Завриев выступил со следующим проектом отрыва Турции от Четверного союза. Державы Антанты должны были помочь захватить султанский престол члену младотурецкого триумвиата, морскому министру и генерал-губернатору сирийских вилайетов Ахмеду Джемаль-паше, слышшему (без серьезных к тому оснований) тайным сторонником примирения с Антантой. По мнению Завриева, Джемалю следовало гарантировать независимость и неприкосновенность Азиатской Турции в составе автономных (под главенством султана) Сирии, Палестины, Ирака, Аравии, Армении, Киликии и Курдистана и оказать ему всестороннюю помощь. Сазонов ухватился было за идею вступить в переговоры с Джемалем на предложенной Завриевым основе, но в Лондоне и Париже встретили этот проект в штыки из

опасений, что Россия получит проливы, а ее западные союзники останутся ни с чем²¹⁵.

Империалисты Англии и Франции стремились к прямому захвату большинства азиатских, в том числе и курдских, провинций Османской империи. Именно поэтому их не устраивал в тот период принцип автономии, который даже при наличии иностранного контроля в какой-то мере был для национальных меньшинств Турции шагом вперед.

В конце концов Россия вынуждена была уступить, и проект Завриева был сдан в архив.

К концу февраля 1916 г. Сайкс и Пико выработали предварительный вариант соглашения о разделе Азиатской Турции и представили его в марте на одобрение правительства России. Переговоры были перенесены в Петроград. В частности, этот документ предусматривал раздел курдских земель между Францией и Англией в виде прямой аннексии или сфер влияния. Львиную долю получила Франция — Северный Ирак, всю Юго-Восточную Анатолию, пограничные районы Ирана к югу от оз. Урмия. Часть Иракского Курдистана (район Киркука) должна была войти в английскую зону²¹⁶. Вопрос о судьбе оставшейся части Турецкого Курдистана и Армении подлежал согласованию с Россией. В общем, западные союзники намечали передать России «для разграничения в будущем с турецким султаном в Анатолии все пространство между Черным морем и линией, начинающейся от Урмийского озера и идущей в Анамур южнее Вана, Битлиса, Муша и Харпута по горным хребтам Тавра и Антитавра»²¹⁷. По прибытии в Петроград Сайкс предложил передать России Эрзерум, Битлис и Ван с курдским, ассирийским и лазским населением. Остальная часть Юго-Восточной Анатолии, в том числе и Муш, предназначалась для Франции²¹⁸.

Проект «Сайкс — Пико» в той его части, которая касалась арабских стран, не вызвал существенных возражений русского правительства, не имевшего на Арабском Востоке особых интересов (за исключением Палестины). Другое дело — Турецкая Армения и Курдистан. Сазонов решительно протестовал против передачи Франции территорий, прилегающих к русско-иранской границе к югу от линии Айнтеб (ныне Гази-Антеп) — Урфа — Мардин — Урмия, считая, что России невыгодно иметь соседкой на юге великую европейскую державу вместо слабой мусульманской²¹⁹. Он потребовал передачи России этой территории или, в крайнем случае, Урмийского округа и Битлисских проходов, компенсировав Францию в районе Сивас — Харпут — Кайсери²²⁰. Французы возражали, но англичане оказали поддержку России, надеясь с ее помощью отказаться от некоторых уступок, сделанных Францией в отношении арабских стран. Вскоре Сайкс представил Сазонову карту с желаемыми для русской стороны измене-

ниями; в результате, по мнению британского представителя, «под русской властью оказалось бы большинство курдов, лавов, кызылбашей и других кочевых племен, с которыми сравнительно легко ладить и которые с точки зрения государственной безопасности представляют более надежный и удобный элемент»²²¹. Франция вынуждена была согласиться на уступку России «области Курдистана к югу от Битлиса и Вана, заключенной между Мушем, течением Тигра к востоку от Ашита Дага, Джезира-ибн-Омаром и персидской границей на высоте Мергевера» в обмен на уступку Франции территории в районе Сивас — Харпут — Кайсери²²². К середине мая 1916 г. была полностью достигнута договоренность между Англией и Францией; русское правительство дало окончательное соглашение на раздел Азиатской Турции 1 сентября 1916 г.

Таким образом, империалисты Антанты сговорились о разделе между собой наряду со странами Арабского Востока всего Турецкого и значительной части Иранского Курдистана. На первый взгляд в наибольшем выигрыше оказались Франция и Россия, а Англия осталась обделенной. Франция «закрепила» за собой обширный курдский хинтерланд, прикрывавший с севера и востока обещанные ей по соглашению «Сайкс — Пико» Ливан и Западную Сирию, предмет давних вожделений французского империализма. Россия получала огромную горную страну, откуда прежде неоднократно исходила угроза русским владениям в Закавказье и которая отныне должна была служить барьером, надежно охранявшим его. Англии же соглашение «Сайкс — Пико» сулило приобретение лишь одного небольшого, хотя и важного курдского района в Восточном Ираке²²³.

Но в действительности от «бумажного» раздела Турции до фактического была дистанция огромного размера. Все решало конкретное соотношение военно-политических сил, а в этом Англия имела на Ближнем Востоке бесспорное преимущество перед своими союзниками. Именно поэтому Англия и пошла на переговоры о разделе Азиатской Турции, чему прежде в британском правительстве была сильная оппозиция. В самом деле, Франция, особенно после провала Дарданелльской операции, не могла больше выделить ни одной дивизии для посылки на Ближний Восток. Россия вообще была слабейшим членом Антанты, и ее зависимость от западных партнеров росла с каждым месяцем войны. Англия же непрестанно наращивала свои вооруженные силы на Ближнем Востоке. Поражение британской экспедиционной армии в Ираке было лишь временным эпизодом, после которого вскоре последовало продвижение английских войск на север. Позиции Англии в арабских странах значительно укрепились в результате ее соглашений с правителем Хиджаза Хусейном (июнь

1915 — март 1916 г.), с другими арабийскими властителями (в том числе с эмиром Неджда Ибн Саудом в декабре 1915 г.), сговора с сионистами (декларация Бальфура от 2 ноября 1917 г.)²²⁴. Все это позволяло руководителям британской внешней политики надеяться на ревизию соглашений о разделе Османской империи и Ирана после окончания войны, в том числе и тех их положений, которые касались курдских земель. Недаром премьер-министр Англии Ллойд-Джордж писал, что «нельзя... допустить и мысли о том, что мирная конференция может собраться в момент, когда... мы не закончили еще завоевания Ирака и Сирии»²²⁵. Дальнейшие события показали, что эти расчеты оправдались.

Разумеется, империалистические соглашения 1915—1916 гг. о разделе Османской империи и Ирана были глубоко враждебны интересам народов этих многонациональных государств, в том числе и интересам курдского народа, поскольку они были направлены на их колониальное закабаление, против растущего национально-освободительного движения, в частности против исторически прогрессивной тенденции образования национально независимых государств. Для курдского народа эти соглашения имели особенно злободневный характер, ибо они призваны были закрепить и увековечить его «разделенность», создать новые труднопреодолимые преграды для формирования единой курдской нации, для социально-экономического, политического и культурного прогресса курдов.

ТУРЕЦКИЙ КУРДИСТАН В 1916—1917 гг.

Со второй половины 1916 г., и особенно в 1917 г., внутреннее и военное положение Османской империи резко ухудшилось. В арабских вилайетах под влиянием вспыхнувшего в июне 1916 г. хиджазского восстания, возглавлявшегося правителями Мекки — хашимитами, начался новый мощный подъем национально-освободительного движения²²⁶. В самой Турции царил экономическая разруха, среди народных масс росло недовольство политикой зашедшего в тупик «триумвирата», боеспособность турецкой армии, обескровленной тяжелыми боями с превосходящими силами держав Антанты, быстро падала. Германия была не в состоянии оказать сколько-нибудь эффективную помощь своему восточному союзнику. На Иракском и Палестино-Синайском фронтах англичане захватили инициативу и прочно ее удерживали. В начале марта 1917 г. пал Багдад, а девять месяцев спустя, в декабре — Иерусалим. Над Турцией нависла реальная угроза военной катастрофы. Прогнившая Османская империя трещала по всем швам.

В этот период для воюющих сторон Кавказский фронт в значительной мере утратил свое первостепенное значение.

На его главных направлениях с осени 1916 г. наступило затишье. И русская, и турецкая армии были измотаны непрерывными боями и терпели жестокие лишения. Под влиянием нараставшего в России революционного кризиса, завершившегося свержением царизма в результате февральской революции 1917 г., в частях русской Кавказской армии росло революционное брожение. Оно перекинулось отчасти и на турецкую армию, в которой были сильны антивоенные настроения. Военные действия в 1916—1917 гг. происходили только в Западном Иране и в Ираке на Мосульском направлении.

В феврале — марте 1917 г. части Баратова заняли районы Хамадана, Керманшаха и Ханекина и установили непосредственную связь с британской экспедиционной армией в Ираке.

Однако нежелание англичан оказать корпусу Баратова материальную и военную помощь помешало союзникам нанести туркам поражение западнее Ханекина²²⁷.

Весной 1917 г., когда резко возросла зависимость Временного правительства от западных союзников и можно было уже не бояться русской «угрозы» Ираку, британское командование попыталось использовать русскую армию на Иракском фронте в своих целях, в качестве пушечного мяса. Однако русское командование на Кавказе, в условиях разложения войск, не решалось (да и не могло) вести крупные наступательные операции. Вследствие этого план совместных действий русских и английских войск против 6-й турецкой армии не был реализован²²⁸. Предпринятое в начале июня под нажимом англичан наступление на Мосул было вскоре остановлено турками.

В находившихся под турецким управлением курдских районах экономическое и политическое положение в 1917 г. было крайне тяжелым. Военные действия нанесли огромный материальный ущерб местному населению, которое в течение двух лет не имело возможности ни собирать урожай, ни перегонять скот на кочевья. В результате как кочевые, так и оседлые курды были разорены и очутились перед угрозой страшного голода.

Это привело, естественно, к росту недовольства в Турецком Курдистане, к широкому распространению среди курдов антивоенных настроений. Большое влияние на курдов оказала также успешная борьба арабов против турецкого владычества.

Центром курдского освободительного движения стал Иракский Курдистан, и не случайно, поскольку здесь с наибольшей силой сказывалось влияние арабского освободительного движения и побед английской и русской армий; англи-

чане к весне 1917 г. завоевали значительную часть Ирака, русские войска вторглись в северо-восточные пределы страны. В апреле 1917 г. в Мосульских горах вспыхнуло восстание под предводительством внука Обейдуллы сейида Абдуллы. Восставшие сразу же обратились за помощью к России²²⁹.

В районе Сулеймании освободительное движение возглавил шейх Махмуд Барзанджи. Он вступил в переписку с шерифом Мекки Хусейном и его сыновьями о совместных действиях против турок. Турецкие власти, перехватившие одно из писем шейха Махмуда хашимитам, обрушили репрессии на курдов Сулеймании (в частности, был полностью разграблен дом и все имущество шейха Махмуда). Вспыхнули волнения и среди курдов района Амадии. Многие местные племена, невзирая на препятствия, чинимые турецкими властями, стали откочевывать к иранской границе, в районы, занятые русскими войсками²³⁰. В то же время в прифронтовых районах Иракского Курдистана турки, опасаясь восстаний курдских племен, сами начали переселять их в глубь страны, что послужило причиной многих столкновений между курдами и турецкими войсками²³¹.

Летом 1917 г. освободительное движение курдов развернулось в Юго-Восточной Анатолии; центрами курдского движения были Дерсим, Харпут, Бохтан²³². В начале августа в районе Мардин — Диарбекир вспыхнуло наиболее крупное восстание курдских племен, которых поддержали окрестные арабы. Восставшие установили контакты с русским командованием, поставляя ему ценную информацию о передвижении турецких войск. На подавление восстания были брошены значительные войска, в том числе целиком 47-я дивизия; по слухам, в Диарбекир выехал сам Джемаль-паша²³³.

Осенью 1917 г. волнения охватили район Битлиса. Здесь скопилось до 30 тыс. восставших курдов и дезертиров из турецкой армии, руководимых Бохтан-беем²³⁴.

Стремясь приостановить начавшийся подъем курдского движения, турецкое правительство усилило репрессии. Были арестованы Абдулла и ряд других видных шейхов. Это привело к тому, что некоторые курдские нотабли, прежде известные как туркофилы, переменили свою ориентацию. В конце мая 1917 г. из Стамбула в Мекку бежали Абдул-Кадыр и сейид Мухаммед²³⁵.

Освободительное движение курдов Северного Ирака и Юго-Восточной Анатолии, смыкавшееся с восстаниями арабов-бедуинов, представляло значительную угрозу для Турции. В составе самих турецких войск число курдов быстро таяло. Если к началу 1917 г. во 2-й, 3-й и 6-й турецких армиях, дислоцированных на Кавказском фронте и в Месопотамии, насчитывалось до 25 тыс. курдов²³⁶, то к середине года в результате массового дезертирства и отказа населения являть-

ся на призыв это число резко сократилось. Фактически к концу войны в турецкой армии почти не осталось курдских (и арабских) военнослужащих. В тылу турецких войск, в первую очередь 6-й иракской армии, из курдов и бедуинов начал образовываться второй фронт, который, отвлекая на себя немалую часть турецких вооруженных сил, ослаблял обороноспособность турок против наступающей английской армии.

Создавшееся положение побудило турецкое правительство и турецко-германское командование предпринять новые усилия с целью восстановить курдов против России и Англии. Турки пытались использовать прекращение наступательных операций Кавказской армии в 1917 г. в Восточной Анатолии для антирусской (и антиармянской) пропаганды среди курдских племен; они пытались «соблазнить» курдскую верхушку возможностью «пожиться» за счет русских войск и мирных жителей²³⁷.

Созданные весной 1917 г. турецким командованием курдские диверсионные отряды севернее Вана, в районе турецко-иранской границы (здесь вновь «отличились» сторонники Симко), в округах Баязида и Хошапа совершали систематические нападения на русские коммуникации, небольшие воинские подразделения, мирных жителей. Особенно активно действовали турецкие эмиссары среди курдов Дерсима и на коммуникациях между Битлисом и Мосулом²³⁸.

Однако турецкие подстрекатели имели лишь частичный успех, основная масса восточноанатолийских курдов оставалась инертной. В Дерсиме, например, где туркам удалось в ряде мест вызвать антирусские выступления, курды, получив отпор, начали расходиться по домам и проявлять стремление к мирному соглашению с русскими властями²³⁹.

Неудачными были попытки турецкого правительства привлечь курдов на военную службу. Летом 1917 г., когда турки стали формировать курдскую дивизию во главе с Мустафа-пашой, курды отказались вступать в нее, несмотря на то что за отклонение или сопротивление призыву власти применяли самые решительные меры, вплоть до сожжения селений и расстрелов²⁴⁰.

Как и прежде, немцы оказывали всемерную поддержку туркам в их провокационно-подстрекательской работе среди курдских племен. Германская агентура усиленно занималась в Курдистане пропагандой и шпионажем. К курдам наезжали германские агенты и разведчики, которые снабжали курдов оружием и деньгами и подстрекали их к выступлениям против России. В июне 1917 г., например, на турецко-иранской границе появился германский капитан Шульце с большим транспортом оружия и деньгами. Он переправился на иранскую территорию, где действовал вместе с офицером иранской

жандармерии шведским капитаном Свенсеном и неким Пу-
женом. Это предприятие, однако, закончилось плачевно.
Курды убили Шульце и Свенсена, захватив у них 12 тыс. лир
и 800 винтовок; Пужен уцелел, но был ограблен²⁴¹. В это же
время в район Авромана прибыл к курдам другой немецкий
агент — капитан Саксон (с деньгами и военным снаряжени-
ем). Он пытался уговорить курдов выступить против русских,
но безуспешно²⁴².

«Одно из настойчивых обещаний немцев, — писал русский
военный корреспондент, — было о наступлении на Тифлис,
причем курдские беки в этом случае должны были получить
генеральские чины и много денег.

Беженцы рассказывают о хорошо организованной связи
между турко-немцами и нашими тыловыми курдами, причем
правильное и непрерывное сообщение поддерживается через
Дерсимскую горную область, где сидят немало курдских ха-
нов, пользующихся покровительством русских комендантов
Эрзинджанского района. Все, что творится у нас в России,
хорошо известно турко-немцам»²⁴³.

Несмотря на значительные усилия, туркам и немцам так
и не удалось заставить основную массу курдского народа ак-
тивно выступить против России. Они так же были далеки от
этой цели в конце войны, как и в ее начале.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ С ТУРЕЦКИМИ И ИРАКСКИМИ КУРДАМИ В КОНЦЕ 1916—1917 гг.

Россия в последний год своего участия в мировой войне
была заинтересована в благожелательном отношении турец-
ких курдов не меньше, если не больше, чем в предыдущие
годы. Объясняется это тем, что Россия уже была не в состоя-
нии вести на восточноанатолийском участке Кавказского
фронта наступательные операции. Стабилизация фронта,
закрепление в завоеванных областях Малой Азии, внедрение
в них русского влияния зависели теперь не столько от силы
оружия, сколько от взаимоотношений с местным тыловым
и прифронтовым населением, то есть в первую очередь с кур-
дами. В этих условиях привлечение на свою сторону круп-
нейших курдских племен было бы для России равноценно
победам на полях сражений.

Это понимали руководители русской гражданской и воен-
ной администрации в завоеванных областях Турции. Шахов-
ской, например, ратовал за привлечение на сторону России
курдов Юго-Восточной Анатолии, и особенно предводителя
бохтанских племен Юсуфа Кямиль-бея, который имел боль-
шой авторитет среди курдов и был известен как сторонник
России. «То или иное отношение русской власти к находя-

щимся в нашем районе курдам, — писал Шаховской, — будет
иметь огромное значение и влияние на позицию, которую
займут курды относительно нас при возможном наступлении
наших войск весной на юг». По мнению Шаховского, следова-
ло снабдить курдов продовольствием и семенами, оказать
Кямиль-бею действительную военную помощь и предоставить
ему право самому урегулировать внутренние дела в тех рай-
онах, где находились или через которые будут проходить рус-
ские войска, а также всеми мерами предотвращать вспышки
армяно-курдской вражды, которая лила воду на мельницу
врагов России и способствовала дискредитации в глазах
курдов прорусски настроенных вождей. «Эти меры, — утверж-
дал Шаховской, — радикально изменят отношение курдов к
России». «Очень важно, — считал необходимым особо заме-
тить автор цитируемых строк, — чтобы при существующем еще
несомненном недоверии курдов к русским и войска держали
себя возможно корректнее относительно населения, симпатии
которого приобрести очень легко». Рекомендации Шаховского
по курдскому вопросу были одобрены великим князем Нико-
лаем Николаевичем²⁴⁴.

Шаховской вступил в переговоры с Кямиль-беем. «Кя-
миль-бей... — сообщал Шаховской через некоторое время, —
надеется, что Бохтан будет находиться под покровительством
России и что потомству Бедирхан-паши, в том числе и ему,
будет обеспечено там известное положение, что вообще курды,
если добровольно окажут содействие России, найдут в импе-
раторском правительстве благоприятного защитника их прав
при будущих мирных переговорах»²⁴⁵.

По распоряжению наместника Кямиль-бею, находившему-
ся тогда в Тифлисе, была увеличена субсидия до 750 руб.
в месяц. Взамен он должен был установить контакт с курда-
ми на турецкой территории, а также воздействовать на курдов
оккупированных русскими войсками районов с целью убедить
их подчиниться властям²⁴⁶. Вскоре Кямиль-бею посулили уве-
личение ежемесячного содержания до 1 тыс. руб., если он
окажет существенные услуги, и выдали ему 3 тыс. руб. «как
единовременное пособие за услуги, оказанные им в деле со-
глашения с курдами». Кямиль-бей, однако, расценивал свои
заслуги перед Россией дороже и неоднократно обращался к
властям с просьбами об увеличении субсидии и регулярной ее
выплате²⁴⁷.

Шаховской полагал, что его усилия не пропали даром. По
его мнению, в результате переговоров с Юсуфом Кямиль-беем
ему удалось к весне 1917 г. подготовить всеобщее восстание
бохтанских курдов, на которых род Бадр-хана имел огромное
влияние. В итоге, писал Шаховской, вместе с Юсуфом Кя-
миль-беем он «выполнил огромную работу, размеру которой
проявиться помешал февральский переворот»²⁴⁸.

Русской политике в Турецком Курдистане большой ущерб наносило нежелание царизма, а в дальнейшем буржуазного Временного правительства содействовать разрешению армянского и курдского вопросов на демократической основе, а не сам по себе «февральский переворот», как наивно полагал Шаховской. Это подтверждают дальнейшие события. С весны 1917 г. политика России по отношению к турецким курдам вновь начала испытывать значительные трудности, что видно на примере Дерсима.

Русское командование было серьезно встревожено изменением отношения курдов Дерсима к России. В этом районе, как отмечалось ранее, авторитет России всегда был высок. Во время войны Дерсим оставался главным центром освободительного движения турецких курдов. После падения Эрзерума жители Дерсима, по словам офицера русской военной разведки Деваянца, ждали развития наступления русских войск на юг, «надеясь завоеванием Дерсима нашими войсками освободиться от турецкого ига, и местами даже сами перешли к активным действиям против ненавистных им турок». Но некоторые командиры русских частей своими неумелыми действиями, когда часто не делалось различия между кызыл-башами и протурецки настроенными племенами, подорвали престиж России и русского оружия в Дерсима, в результате чего антирусская пропаганда в этом районе впервые нашла благоприятную почву. Отмечались случаи нападения кызыл-башей совместно с турецкими войсками на русские части. Поэтому командиры русских частей получили специальное предписание добиться сближения с курдами Дерсима. Было даже намерение, правда неосуществленное, прислать в Дерсим из Ирана преданного России муджтехида в качестве духовного главы али-илахов²⁴⁹.

Сильно повредила политике России в Турецком Курдистане в рассматриваемое время официальная поддержка и предпочтение, оказываемые русскими властями армянским националистам. Это официальное армянофильство исходило из расчетов облегчить осуществление империалистических замыслов в Восточной Анатолии, а не содействовать реализации национальных чаяний армянского народа²⁵⁰. Свидетельством этого было враждебное отношение русских властей к сближению курдов и армян, без чего невозможна была нормализация обстановки в Восточной Анатолии.

Примечательно, что не только передовые деятели армянского национального движения, но и многие курдские вожди доказывали русским властям необходимость соглашения между армянами и курдами. Об этом говорилось в письме Кязыма Бадр-хана командиру одной из русских частей подполковнику Шардильи от 29 сентября (12 октября) 1917 г.²⁵¹. Однако русские власти держались другого мнения. Началь-

ник Дерсимского района князь Гаджемуков, отмечая, что армянские организации внушали курдам мысли об автономии и о необходимости поддержки курдами армянского революционного движения, писал: «Попытки армян захватить курдов в сферу своего исключительного влияния и заставить последних работать в интересах будущего создания независимой Армении — должны считаться нетерпимыми»²⁵². На противопоставление армян курдам и другим мусульманским народам Восточной Анатолии и на предпочтение по отношению к первым нацеливала инструкция, одобренная Временным правительством в конце мая 1917 г.

В этом документе, подписанном исполнявшим обязанности генерального комиссара «в областях Турции, занятых по праву войны», генералом П. И. Аверьяновым и его помощником Я. Х. Завриевым, говорилось, что Временное правительство «считает искони армянскими вилайетами Ванский, Битлисский и Эрзерумский» и что следует принимать меры «к обратному заселению» этих областей армянами с устройством их там. Далее инструкция гласила: «Что касается турок, курдов и лазов, то, не имея целью создавать каких-либо затруднений для оставшихся в названных областях или ушедших в пределы России, оказывая им законное содействие и покровительство, надлежит, тем не менее, в целях военного обеспечения армии и для предотвращения возможных национальных осложнений, не допускать впредь до особого распоряжения обратное водворение тех из них, кои ушли вместе с турецкими войсками»²⁵³.

Вместе с тем попытки русских властей в завоеванных районах Турции наладить отношения с курдскими племенами и использовать их против турецкой армии вызвали опасения и недовольство в армянских националистических кругах, выступивших с обвинениями, что Россия якобы переориентировалась с армян на курдов. Огонь критики направлялся в основном в адрес командующего I Кавказским корпусом генерала Калитина и начальника Дерсимского района Гаджемукова. При этом армянская печать оперировала такими фактами, как снабжение курдов оружием, привлечение их для охраны порядка, препятствия, чинимые возвращению армян в покинутые ими ранее районы, в частности в Дерсим, и переселению их во вновь завоеванные области Турции²⁵⁴. Независимо от того, насколько все эти нарекания справедливы, совершенно очевидно, что правящие круги России продемонстрировали, во-первых, полную неспособность разрешить крайне острые и запутанные национальные противоречия в Восточной Анатолии, что было необходимым условием для успешного ведения войны и закрепления в завоеванных районах Турции, а во-вторых, враждебное отношение к национальным чаяниям как армянского, так и курдского народов.

Таким образом, империалистическая политика царизма и Временного правительства на востоке Малой Азии в период первой мировой войны в целом потерпела неудачу.

Гораздо более благоприятная для России ситуация складывалась в Иракском Курдистане, к границам которого русские войска вплотную подошли в 1917 г. Здесь в отличие от Турции и Ирана отсутствовали такие факторы, осложнявшие отношения России с курдами, как армянский вопрос и оккупационный режим²⁵⁵.

Удобные возможности для попытки привлечь иракских курдов на сторону России дало восстание Махмуда Барзанджи. Минорский, занимавший одно время пост временного поверенного в делах в Тегеране, указывал на необходимость поддержки «сепаратистского» движения курдов Сулеймани, обещая им гарантии независимости или автономии под иранским суверенитетом, к которому были склонны местные беи. Это, по мнению Минорского, позволило бы России установить контроль над участком Багдадской железной дороги, проходящим в Месопотамии вблизи русской зоны в Иране²⁵⁶.

Вскоре иракские курды сами обратились за помощью к России. Сейид Абдулла, поднявший, как уже говорилось выше, восстание в Мосульских горах, направил вице-консулу в Урмии Никитину письмо, в котором сообщил, что он организовал (еще в Стамбуле) комитет «Истихлясе-Курдистан» («Освобождение Курдистана»), поставивший своей целью «добиться освобождения курдов от турецкого ига. Несмотря на предложение арабов отдаться подобно им под защиту англичанам, — писал Абдулла, — комитет постановил обратиться к России и ждет ее ответа, чтобы начать изгнание турок»²⁵⁷.

Это сообщение встретило весьма благоприятные отклики у русских властей в Иране. «Считаю очень важным дружить с курдами, — подчеркивал Минорский, — особенно с военной точки зрения, ввиду предстоящего наступления на Мосул... Сейчас не время считаться со старыми предрассудками, — продолжал он, — и нельзя отказать курдам в праве на самоопределение. Искренне убежден, что курды очень способный народ с ярко выраженной национальностью»²⁵⁸.

Таким образом, Минорский, хотя и с большим опозданием, изменил свое прежнее мнение о необходимости негативного отношения к курдским национальным требованиям.

Предложение Минорского оказать помощь иракским курдам было одобрено командующим Кавказской армией. Последний поручил Никитину вести переговоры с сейидом Абдуллой. Однако было решено не давать никаких конкретных обязательств и не оказывать Абдулле материальную помощь, пока он «не выступит активно во главе указанного им количества курдов»²⁵⁹.

С этим не был согласен Минорский, который рассматривал проблему взаимоотношений с курдами гораздо шире. «...Главное значение, — писал он, — надо придать не вооруженному выступлению курдов, а их дружественности к нам. Все местные выступления начальных ополчений донныне имели мало пользы, но крайне важно замирение страны, помощь продовольствием и проводниками. Важно для мусульман признание прав их самоопределения»²⁶⁰.

Вслед за этим контакт с русскими (и англичанами) возобновил сам Махмуд Барзанджи, который обещал пресечь выступления отдельных враждебных России вождей, организовать нападения курдов на тылы турецкой армии и снабжать наступающие русские части продовольствием²⁶¹. Переговоры вождей иракских курдов с русскими представителями в Иране продолжались еще некоторое время, причем комитет «Истихлясе-Курдистан», который представлял в очередной раз переменявший фронт сейид Та, предложил Никитину содействовать объединению военных усилий России и курдов для совместных действий против Турции с целью освобождения Курдистана²⁶².

Однако из всех этих планов ровно ничего не вышло. Последовавший вскоре отвод находившихся на ирано-иракской границе русских войск в результате революционных событий в России положил конец переговорам с вождями Иракского Курдистана²⁶³.

ПОЛИТИКА РОССИИ В ИРАНСКОМ КУРДИСТАНЕ

В 1917 г.

Наиболее сложной и напряженной в последний год существования Кавказского фронта была обстановка в Иранском Курдистане. В отличие от Турецкого и Иракского Курдистана здесь и в 1917 г. Россия вела военные действия, что, естественно, отразилось и на положении местного курдского населения, и на его отношении к русским властям.

Во время операций русской армии в районе Керманшаха — Хамадана — Ханекина весной 1917 г. и наступления на Мосульском направлении в июне того же года большинство местных курдских племен совершали неоднократные нападения на тылы и коммуникации русских войск²⁶⁴. В частности, большие затруднения доставили русским войскам племена района Сенне, которые несли у турок службу связи и по горным тропам переправляли оружие из Турции в Иран. С целью перерезать сообщение между Турцией и иранскими курдами был послан отряд персидских казаков во главе с есаулом Мамоновым, который успешно выполнил свою задачу²⁶⁵. Причины враждебной позиции южноиранских курдов

заклучались как в подстрекательской деятельности турецко-германской агентуры²⁶⁶ и ее сторонников в иранском правительстве, так и в действиях русских оккупационных войск, особенно казачьих частей, обременявших местное население поборами и насилиями.

В ответ на враждебные выступления некоторых курдских племен против русских войск командующий Кавказской армией генерал Юденич к концу апреля 1917 г. издал приказ о проведении карательных экспедиций против непокорных племен. На этой почве в ряде мест, особенно в Керанде и в округах Махидешт и Гиверидж, произошли столкновения между русскими войсками и курдами, вызвавшие большое количество жертв. Много стычек с курдами отмечалось также при очищении русскими войсками Ханекина и Касре-Ширина в конце июня 1917 г.²⁶⁷

В северной части турецко-иранской границы русско-курдские отношения тоже были напряженными. Здесь несколько раз проводились карательные экспедиции против араратских курдов, причем в них принимали участие макинские курды, находившиеся в кровной вражде с араратскими. Кстати сказать, в Макинском ханстве положение в указанный период было вполне спокойным и сердар даже выразил полную готовность сотрудничать с русскими властями²⁶⁸. Зато к юго-западу от Маку беспорядки приняли значительные размеры. Здесь происходили настоящие бои между курдами и русскими войсками. Курды совершали нападения с иранской территории даже на Баязид, и сердар, несмотря на требования русских властей, бессилён был что-либо предпринять. «Необходимо решительные военные меры с нашей стороны»²⁶⁹, — писал управляющий вице-консульством в Маку.

Широкое применение командованием русских войск в Иране карательных мер против курдов вызывало решительные возражения со стороны главы русской миссии в Тегеране и консула в Керманшахе Черкасова. Они считали, что эти меры не только бесполезны, но и вредны, ибо вызывают озлобление курдов против России²⁷⁰.

Главнокомандующий войсками Кавказского фронта Юденич пытался оправдать карательную политику русского командования в южных районах Иранского Курдистана нападениями курдов на русские войска. «При таком положении, — писал Юденич министру иностранных дел Временного правительства М. И. Терещенко 7 (20) июня 1917 г., — курды не могут рассматриваться иначе, как враждебные к нам элементы, почему и является необходимым производить внезапные экспедиции для их наказаний»²⁷¹.

Однако Минорский, Черкасов и некоторые другие представители русских гражданских властей в Иране продолжали отстаивать свою точку зрения. «Лично всецело стою за дип-

ломатические меры, — писал Минорский в июле 1917 г. — Действия силой, нетерпеливость и изменчивость нашей политики с курдами не дали нигде добрых результатов... Нахожу карательные экспедиции вредными, ожесточающими, не достигающими цели и только в политике вижу исход»²⁷². Минорский писал Черкасову о необходимости стремиться не к присоединению курдов к операциям русских войск, а к их благожелательному нейтралитету, для чего следует в первую очередь заботиться об облегчении крайне тяжелого положения крестьян-райетов, в то время как по отношению к ханам и беям следует по-прежнему применять методы «восточной» политики (денежные субсидии, посулы и пр.)²⁷³. Для этих целей командование Кавказской армией просило Верховное главнокомандование отпустить необходимые суммы денег²⁷⁴.

Надо сказать, что командование русских войск в Иране, в частности генерал Баратов и его штаб, вскоре сами убедились в неэффективности репрессивных мер по отношению к курдам. Курды уходили в труднодоступные горные районы и оттуда производили диверсионные вылазки; русские войска, вынужденные в ряде районов отступить, не имели ни сил, ни возможности привести все племена к покорности. Престиж и влияние России среди южноиранских курдов быстро падали.

Этим незамедлительно воспользовались англичане, что внушало особую тревогу правящим кругам России, всегда ревниво относившимся к успехам Англии в Иране. С начала 1917 г. английские агенты развернули энергичную деятельность среди курдских племен Западного Ирана, находившихся в сфере действия русских войск. Филиппс Прайс и доктор Паккард посетили Курдо-бека, пытаясь привлечь его на сторону Англии, но потерпели неудачу²⁷⁵. Более успешны были действия британской агентуры среди южноиранских курдов. При помощи подкупов и посулов англичанам удалось добиться расположения вождей многих племен Иранского Курдистана, в том числе могущественного племени кельхор, натравить их на сенджаби и другие протурецки настроенные племена²⁷⁶.

Русский агент в Касре-Ширине Левкиевский, с грустью отмечая, что Россия не может успешно конкурировать с Англией в Юго-Западном Иране ввиду отсутствия материальных и иных средств к этому, писал: «Англичане весьма успешно проводят свое влияние в Курдистане и по миновании военного времени, с уходом наших войск из Персии, весьма прочно осадут в сих областях, из которых они намерены устроить как бы оплот против покушений на завоевываемую ими ныне Месопотамию». Левкиевский советовал срочно принять меры и в связи с этим с большой похвалой отозвался о деятельности консула в Керманшахе Черкасова, который поль-

зовался значительным влиянием среди местного населения, духовенства и знати, а также среди ханов кочевых племен²⁷⁷.

Одно время русские власти рассчитывали поправить свои дела в Иранском Курдистане с помощью Салара од-Доуле. С ним начали вести переговоры. Он потребовал от России деньги, губернаторский пост и официальное покровительство. Однако миссия в Тегеране не захотела иметь дело с Саларом, как с «авантюристом»²⁷⁸.

Тогда по инициативе русской миссии в Тегеране и лично Минорского было решено предпринять новый и решительный шаг. В юго-западные районы Иранского Курдистана был командирован военный агент при русской миссии в Иране полковник Захарченко для налаживания взаимоотношений с местными племенами и оказания помощи, по словам Эттера, «национальному самоопределению турецких курдов». «Мы не ищем завоевания, — писал он, — а лишь содействуем естественным стремлениям турецких курдов, которым между прочим выгоднее было бы быть под персидским сюзеренитетом». Захарченко должен был посетить весь район действий русских войск, двигавшихся к Сулеймании. Минорский предлагал присвоить ему звание «Комиссара по курдским делам» и отпустить кредиты на это «важное в военном и политическом отношении» дело²⁷⁹. Министерство иностранных дел не возражало против командировки Захарченко, но соглашалось именовать его лишь «агентом миссии по курдским делам», а не комиссаром, на это потребовалась бы «особая санкция»²⁸⁰.

Здесь надо сказать, что, хотя после Февральской революции империалистическая сущность внешней политики России, в частности в Курдистане, не изменилась, власти на местах получили возможность применять более гибкие, а стало быть, и более действенные методы, умело используя демократическую фразеологию и иллюзии народных масс в связи с крушением царского режима. Это особенно ярко проявилось в южных районах Иранского Курдистана.

Поездка Захарченко началась в июне 1917 г. Во изменение своих первоначальных планов он сосредоточил основное внимание на иранских курдах. Уже первые результаты деятельности Захарченко давали большую надежду на успех. Все племена между Касре-Ширином и Керманшахом изъявили готовность дружить с Россией и помогать ей. Даже наиболее враждебно относившиеся к России племена сенджаби, куляи и другие встретили русского эмиссара дружелюбно, выражая свою преданность Ирану и желание договориться с Россией. «Завел сношения с мориванами, посылаю письма племенам до Маку», — писал Захарченко в конце июня. Минорский, выражая сомнения в прочности соглашений, заключенных Захарченко с курдскими вождями, на возможность дальнейших

переговоров с курдами смотрел все же оптимистично. «Риск конечно есть, — писал Минорский, — но есть и выгоды. Мы можем обращаться к свободлюбивым чувствам курдов и обещать содействие самоопределению и автономии». Для этого, по мнению Минорского и Эттера, нужно было снабдить Захарченко в необходимом количестве денежными средствами, что сократило бы и военные издержки России в Иране²⁸¹.

В Министерстве иностранных дел с удовлетворением встретили весть об успехе Захарченко. Товарищ министра Нератов одобрил предложение Минорского об официальной поддержке Россией национальных чаяний курдского народа²⁸².

Между тем Захарченко продолжал расширять столь удачно начатое дело. В Керманшахе он организовал комитет, в составе которого находились по одному представителю от каждого племени, города и солдатского комитета. Этот комитет должен был регулировать отношения племен и жителей с русскими войсками и служить консулу вспомогательным органом. «Вчера отдан приказ считать всех курдов нашими друзьями»²⁸³, — с солдатской прямоотой писал Захарченко в своем отчете.

В первой половине июля Захарченко объехал враждебные прежде России племена сенджаби, гураны, кельхор и другие, встретился с их вождями (сердаром Решидом, Аббас-ханом и др.). Ему удалось получить от них письменные уверения в дружбе с Россией. Курды начали спускаться с гор, приносить русским войскам продовольствие.

Результатом усилий Захарченко явился первый в истории Иранского Курдистана съезд курдских вождей, которые «собираются вместе для закрепления общей дружбы с Россией»²⁸⁴. Этот съезд был созван 17 июля 1917 г. в селении Биндар (недалеко от Керманшаха); он продолжался три дня. На нем присутствовали личный представитель генерала Баратова — Кавтарадзе, а также наблюдатели от России, Англии и Ирана²⁸⁵. На съезд прибыли более 2 тыс. курдов. Курдские вожди, по словам Захарченко, «выражали любовь к родине, дружбу к России и ее союзникам...». На съезде «играли народные гимны, иллюминации, фейерверки, дружественные беседы». 20 июля на встрече с делегатами съезда Баратов санкционировал создание русско-курдского комитета для регулирования взаимоотношений²⁸⁶. Курды, со своей стороны, взяли обязательство охранять дороги между Касре-Ширином и Керманшахом и вообще обеспечить безопасность коммуникаций в этом районе²⁸⁷.

Во второй половине июля и в августе Захарченко вел переговоры с курдами Сенне. Ему удалось (несмотря на контрпропаганду турецко-германской агентуры) установить дру-

жественный контакт с племенами Меривана, Авромана и других округов Керманшахского района²⁸⁸. По отзыву Минорского, «заключенное Захарченко с керманшахскими курдами соглашение далеко от совершенства, но оно безусловно очень умерило их нападения на нас, а соответственно ответные жестокие насилия солдат прекратились»²⁸⁹. В приказе Баратова говорилось, что в Керманшахском районе не было ни одного случая нарушения соглашения, а в Курдистанском такие случаи были крайне редки²⁹⁰.

Кульминационным моментом успехов русской политики среди южноиранских курдов был съезд 27 курдских племен, созванный благодаря усилиям Захарченко в Дадоне (в окрестностях Сенне) 4 сентября 1917 г.²⁹¹. На нем присутствовал сам Баратов. Он подписал с курдскими ханами официальное русско-курдское соглашение. Основное содержание этого соглашения, по словам Баратова, — «объединение всех курдских племен и предоставление их сил на защиту родины. Залогом неприкосновенности Персии, — отмечал далее Баратов, — служит дружба свободной России. Вывод: объединенные курдские племена Курдистана и Керманшаха, прежде враждебные нам, отныне в полной дружбе с нами и готовы защищать границы Курдистана»²⁹².

В успехах, достигнутых Россией среди курдов Юго-Западного Ирана летом 1917 г., не было ничего неожиданного или случайного. Стоило только пойти навстречу национальным требованиям курдского народа, поддержать идею автономии или самоопределения курдов и отказаться от карательных методов, как племена круто переменили фронт и согласились сотрудничать с Россией. Это служит подтверждением того, что в своей «курдской политике» накануне и во время первой мировой войны правящие круги царской России допускали крупные просчеты, за которые им приходилось впоследствии дорого расплачиваться. Корреспондент «Тифлисского листка», писавший под псевдонимом «Скиф», в связи с действиями Захарченко давал следующий анализ русско-курдских отношений в Иране: «...Мирные и дружественные отношения с курдами весьма легко осуществимы и достижимы при условии лишь самого элементарного уважения к их обычаям, человеческому достоинству и имущественным и личным правам. Наши отряды при наступлении против турок этой весной и после него пренебрегали этими элементарными правилами общечеловеческой и военной этики и жестоко поплатились за их нарушение глубоким прорывом нашего фронта между Саккизом и Ханекином в начале июня курдской конницей, эвакуацией нами Ханекина и Каср-и-Ширина и постоянными партизанскими набегами курдов на коммуникационные сообщения нашего ближнего тыла с фронтом, стоившими нам значительных жертв людьми, предметами первой необходимости

и боевыми припасами, отбивавшимися курдами и не доходившими поэтому до фронта, испытывавшего в них самую острую нужду»²⁹³.

Следует, однако, еще раз напомнить, что новая тактика русских властей по отношению к иранским курдам не изменила ни классовую сущность политики России в Иране, ни ее конечные, колонизаторские по существу цели, тем более что далеко не во всех районах Иранского Курдистана русские гражданские и военные власти отказались от старых методов. В приурмийском округе и в Маку осенью 1917 г. положение стало очень напряженным. Курдские племена, жестоко страдавшие от голода, участвовали в нападениях на мирных жителей и русские части, главным образом с целью добычи продовольствия. Ухудшились отношения курдов с армянами и ассирийцами; между ними происходили многочисленные столкновения. Применение силы русским командованием только обостряло обстановку. Было, например, решено полностью очистить от курдов район Мергевера, где они составляли большинство населения. Миссия в Тегеране решительно выступила против этой меры, которая, по словам Эттера, «приводит нас к чисто средневековым методам политики и может еще больше озлобить курдов»²⁹⁴.

Местные русские власти, особенно консул в Маку Голенищев-Кутузов, тем не менее продолжали настаивать на посылке карательных экспедиций против курдов²⁹⁵. Эттер решительно протестовал. «По донесению из Маку 21 августа за № 1011 по вопросу о курдских грабежах, — писал он в МИД 12 (25) сентября, — миссия считает, что раз „главной причиной грабежей является сильный голод“, то помочь делу „карательной экспедицией“ нельзя и несправедливо. Необходимы гражданские меры выдачи курдам муки или хлеба, что гораздо более будет содействовать и популярности новой русской политики»²⁹⁶.

С целью сохранения и укрепления русского влияния в Иранском Курдистане миссия в Тегеране и командование русскими войсками в Иране требовали скорейшего назначения русских консулов в Хамадан, Сенне, Дильмен и в другие пункты²⁹⁷.

Однако дни господства российского империализма в Иране были уже сочтены. Позиции и влияние России в Иране в 1917 г. резко ослабли, чем, кстати говоря, незамедлительно воспользовались англичане. В частности, пал курс русского рубля, что неблагоприятно отразилось на положении дислоцированных в Иране войск 1-го Кавказского кавалерийского корпуса. Солдаты голодали и для добывания продовольствия подчас пускали в ход оружие, что усиливало антирусские настроения. Встал вопрос о выводе корпуса из Ирана или, по крайней мере, о передислокации его на север страны²⁹⁸.

С лета 1917 г. кризис русской власти в Иране усилился. С одной стороны, быстро шло разложение русских частей и рост революционных настроений среди них. Во многих районах возникли Советы солдатских депутатов. Казвинский совет, например, выступил против своих офицеров, начал издавать «Известия». Видимо, это сыграло свою роль в том, что генерал Баратов в начале октября 1917 г., сдав дела своему заместителю генералу Павлову, отбыл на Западный фронт²⁹⁹. С другой стороны, в иранском обществе активизировались демократические и антиимпериалистические силы, которые видели в демократической части русской армии, в Советах солдатских депутатов своих естественных союзников в борьбе против колонизаторов. В Советы от иранских патриотов нередко поступали обращения с протестами против действий русских властей; в одном из них содержалась жалоба на русских представителей в Иране, «назначенных туда старым правительством и проникнутых принципами беззакония и безответственности». Авторы обращения требовали их немедленного отозвания³⁰⁰.

Временное правительство вынуждено было пойти на частичные уступки общественному мнению в Иране. В частности, козлом отпущения был сделан В. О. Клемм, непосредственно руководивший в Министерстве иностранных дел иранскими делами. Директор одного из департаментов МИД В. Б. Лопухин писал в своих мемуарах о Клемме: «Немец он был старательный и лояльный. Но отличался излишней мягкостью нрава. Донельзя распустил наших консулов в Персии. Это был его грех. Было за что зацепиться для нападок на Клемма». «Из-за Клемма всех собак на нас вешают», — заявил министр иностранных дел Терещенко. В августе 1917 г. Клемм был уволен в отставку³⁰¹.

Однако никакие уступки и полумеры не могли скрыть империалистическую, антинародную сущность политики Временного правительства в Иране, в том числе в его западных и северных провинциях, и предотвратить ее крах, который и наступил вскоре под влиянием роста революционного кризиса в России осенью 1917 г.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция привела к освобождению Ирана, в том числе и его курдских провинций, от российского колониального гнета. Согласно пункту X договора о перемирии, заключенного в Брест-Литовске 15 декабря 1917 г., русские и турецкие войска должны были покинуть пределы Ирана³⁰². Советское правительство, решительно покончившее с империалистической политикой царского и Временного правительств на Ближнем Востоке, честно

выполнило условия перемирия и в первые месяцы 1918 г., несмотря на сопротивление различных контрреволюционных сил, закончило вывод русских войск из Ирана³⁰³. Турция же использовала Северо-Западный Иран как плацдарм для проведения интервенции в Закавказье. В 1918 г. значительная часть Иранского Курдистана и Азербайджана была вновь оккупирована турецкими войсками³⁰⁴.

Договор о перемирии между русской и турецкой армиями, действующими на малоазиатском театре Кавказского фронта, подписанный в Эрзинджане 18 декабря 1917 г., устанавливал демаркационную линию, соответствующую фактическому положению на фронте к этому времени³⁰⁵. Пункт II договора гласил: «Турецкое правительство принимает на себя обязательство приложить все усилия к тому, чтобы заставить курдов в точности выполнить все условия настоящего договора. В случаях враждебных действий курдов, русские войска в пределах своей демаркационной линии будут поступать с ними как с разбойниками, не признающими никакой власти»³⁰⁶. Турецкое командование, однако, не выполнило это условие, и вообще договоры о перемирии между Россией и центральными державами в силу известных событий оказались недолговечными.

Турции удалось временно восстановить свои позиции также и в курдских районах Восточной Анатолии. По Брест-Литовскому мирному договору от 3 марта 1918 г. к Турции отходили все приобретения, сделанные Россией на востоке Малой Азии как до, так и во время войны³⁰⁷. В период предпринятой Энвер-пашой закавказской интервенции Турция захватила и те населенные курдами районы, которые прежде входили в состав Российской империи³⁰⁸. Однако военный разгром Турции и Мудросское перемирие (30 октября 1918 г.) привели к освобождению части курдских земель от турецкой оккупации. Короче говоря, с конца 1917 г. история турецкой и иранской частей Курдистана была тесно и неразрывно связана с историей гражданской войны и иностранной военной интервенции в России, а несколько позже — и с историей национально-освободительных движений в Турции и Иране, развернувшихся под влиянием Великого Октября.

ЗАВОЕВАНИЕ АНГЛИЕЙ ИРАКСКОГО КУРДИСТАНА

Несколько по-иному обстояло дело с Иракским Курдистаном. Британские экспедиционные войска после взятия Багдада 11 марта 1917 г. начали медленно продвигаться на север и достигли к ноябрю 1917 г. Тикрита, на полпути между Багдадом и Мосулом. Здесь, на границе Иракского Курдистана, фронт надолго стабилизировался, поскольку британские

войска были измотаны многочисленными боями в тяжелых для них климатических условиях. Тем большее значение для английских оккупационных властей приобретала позиция иракских курдов.

Многочисленная английская агентура развернула в 1917—1918 гг. широкую пропаганду среди арабских и курдских племен Ирака с целью привлечь их на сторону Англии и побудить их выступить против турецких войск³⁰⁹. В общем, англичанам удалось обеспечить поддержку или лояльный нейтралитет большинства племен Центрального и Северного Ирака, что облегчало продвижение британских войск на север, особенно в самом конце кампании, в октябре 1918 г., во время наступления от Тикрита на Мосул. В то же время политика британских колонизаторов в Ираке с самого начала была направлена на подчинение твердой власти прежде полунезависимых племен, ограничение их самостоятельности и прав. Британское командование и гражданская администрация с помощью своих военных и политических советников пытались даже снизить боеспособность племен, подчинить их действия исключительно своим планам и интересам. Короче говоря, делалось все, чтобы племена, особенно курдские, не смогли в будущем чинить помехи для полного колониального закабаления Ирака Англией³¹⁰.

Все эти действия, несмотря на демагогическую фразеологию и маскировочные приемы, не смогли скрыть колонизаторские цели Англии в Ираке. Немцы и турки, в свою очередь, использовали всякий удобный повод для антибританской пропаганды среди иракских курдов. Декларацию главнокомандующего британскими войсками в Ираке генерала Мода к жителям Багдада от 19 марта 1917 г., свидетельствующую об аннексионистских намерениях Англии по отношению к Ираку и по своей сути направленную против арабского национально-освободительного движения, германо-турецкая агентура «разъясняла» курдам таким образом, что англичане игнорировали существование курдской нации и уготовили курдам участь быть подчиненными и угнетенными арабами³¹¹. Поэтому отношения между английскими властями и курдами даже еще до окончания военных действий на Месопотамском фронте нередко бывали довольно напряженными.

Например, все попытки англичан привлечь на свою сторону езидов Синджара и побудить их под руководством британского офицера напасть на турецкие коммуникации не имели никакого успеха. Только после взятия англичанами Ханекина им удалось добиться нейтралитета езидов и договориться с вали Пушт-и-Куха³¹².

Нередко между английскими войсками и иракскими курдами происходили вооруженные столкновения. Так, племена, обитавшие вдоль иранской границы, нанесли англичанам

весной и летом 1918 г. ряд поражений. Против этих племен британские власти выслали карательные отряды с авиацией³¹³.

В то же время англичане пытались установить контакты с курдской верхушкой. В июне 1918 г. видный британский колониальный деятель Перси Кокс, который был первым гражданским комиссаром Англии в Ираке, вел в Марселе переговоры с генералом Шериф-пашой о создании курдской автономной провинции³¹⁴. Английская администрация в Ираке стремилась приблизить к себе и некоторых наиболее влиятельных курдских вождей, в том числе Махмуда Барзанджи и шейха Та, назначенного после окончания войны каймаком в Ревандузе³¹⁵.

В начале ноября 1918 г. английские войска, уже после Мудросского перемирия и вопреки его условиям оккупировавшие Мосул и Мосульский вилайет, захватили весь Иракский Курдистан. С этого времени в истории иракских курдов начался новый этап, проходивший под знаком борьбы против английских колонизаторов и послушных исполнителей их предначертаний — правящей реакционной верхушки королевского Ирака.

Таким образом, к концу первой мировой войны угроза колониального порабощения всего курдского народа империалистическими державами значительно усилилась. Эта угроза исходила не только от империалистов Западной Европы, но и от Соединенных Штатов Америки, о чем свидетельствовали известные «14 пунктов» президента Вильсона и последующие шаги американской дипломатии на Ближнем Востоке. Империализм янки, прикрываясь псевдодемократической фразеологией, намеревался вытеснить с ближневосточной арены своих европейских конкурентов, ослабленных в ходе мировой войны, и утвердить здесь экономическое и военно-политическое преобладание США³¹⁶.

Времена, однако, изменились. Коренной поворот в судьбах человечества, происшедший под влиянием Великого Октября, оказал большое влияние на судьбу курдского народа. Основная линия в новейшей истории курдов — антиимпериалистическое национально-освободительное движение, борьба против внутренней и внешней реакции за свои национальные чаяния, социальный прогресс и демократические права. Курдская проблема с этих пор получила совсем иной смысл и содержание.

Подводя итоги, следует выделить три основных аспекта рассматриваемой проблемы:

- 1) значение эпохи «довоенного» империализма и первой мировой войны в истории курдского народа;
- 2) роль курдского вопроса в крушении Османской империи и Каджарского Ирана, этих отсталых и закабаленных империализмом многонациональных империй;
- 3) курдская проблема в системе международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке и во внешней политике царской России, Англии, Германии, а также Франции и США.

Результаты изучения курдского вопроса в этих трех аспектах сводятся к следующему.

В исследуемый период в положении пятимиллионного курдского населения Османской империи и Ирана произошли большие сдвиги. Они были вызваны воздействием на курдов бурных событий, развернувшихся в Восточной Турции, Северном Ираке и Западном Иране. Эти сдвиги глубоко всколыхнули курдское общество, затронули все стороны его жизни.

Определенным изменениям подверглись социально-экономические отношения у курдов. Прежде всего был поколеблен в своих основах традиционный феодально-патриархальный базис курдского общества. Произошло это в первую очередь потому, что он изжил себя внутренне, экономически, не будучи в состоянии обеспечить воспроизводство не только прибавочного, но часто и необходимого продукта. В то же время на трансформацию традиционного курдского общества большое влияние оказали внешние причины.

Несмотря на крайнюю отсталость курдских районов, изолированных от внешнего мира, и на них сказалось насильственное вовлечение Турции и Ирана в систему мирового капиталистического хозяйства в результате подчинения этих стран иностранному капиталу, превращения их в полуколонии империалистических держав. В Курдистан, Западную Армению, Иранский Азербайджан проникали иностранные

товары и капиталы, там возникли первые очаги капиталистического предпринимательства в виде полукустарных предприятий в городах и плантационных хозяйств в деревне. Экспансии иностранного капитала способствовала прокладка новых караванных, шоссейных и железных дорог как в самих курдских районах, так и в непосредственной близости от них. Все это создавало предпосылки для ликвидации в курдских землях провинциальной замкнутости и экономической обособленности, складывания там региональных рынков. Начали расти курдские торгово-ремесленные и культурные центры, как Сулеймания в Иракском Курдистане, Соуджбулак в Иранском Курдистане, Битлис в Турецком Курдистане.

Под влиянием этого нового в социально-экономической жизни Турции и Ирана фактора ускорилось разложение родо-племенного уклада и феодальных отношений у курдов, сопровождавшееся сокращением кочевничества и постепенным переходом курдов к более интенсивным формам хозяйствования.

Таким образом, в рассматриваемое нами время в курдском обществе начал развиваться капиталистический уклад. В то же время продолжали действовать противоборствующие факторы, определявшие застойность социально-экономических отношений, крайнюю живучесть пережиточных форм в области производительных сил и производственных отношений у курдов. Поэтому во многих районах Курдистана, Турецкой Армении, Иранского Азербайджана не наблюдался сколько-нибудь заметный рост производства ни в деревне, ни в городе. Напротив, там происходило регрессивное движение, упадок производительных сил вследствие кровавых междоусобиц и военных действий.

Одним из результатов этих неблагоприятных факторов было то, что классовая дифференциация в курдском обществе была скрыта сильнейшими пережитками (господствующими для значительной части курдского населения) родо-племенного строя и военной демократии.

Антагонизм между эксплуататорами и эксплуатируемыми, как и в прошлом, на поверхности был выражен слабо, не приводил к острым конфликтам. Капиталистические отношения у курдов только начали развиваться, и классы капиталистического общества существовали разве что в зачаточном виде; то было немногочисленное купечество в крупных (по местным масштабам) торгово-административных центрах Восточной Турции, Ирака и Западного Ирана и рабочие, занятые в полукустарных предприятиях по первичной обработке сельскохозяйственного сырья и на транспорте, а также батраки на плантациях.

Кроме пережитков родо-племенного строя еще два обстоятельства определяли слабое проявление классовых противоре-

чий у курдов: тесное переплетение классового антагонизма с национальным (курдо-армянским), особенно в области аграрных отношений на востоке Малой Азии, и тяжесть чужеземного, в основном турецкого, господства, ликвидация которого была главной общенациональной задачей курдского народа, временно оттесняя на второй план многие насущные проблемы внутренней жизни. Таковы были особенности, влиявшие на социально-экономическую структуру и социальные взаимоотношения у курдов и имевшие крупные политические последствия.

Особо важное значение годы довоенного империализма и первой мировой войны имели в политической истории курдов. Лейтмотивом этого периода была ожесточенная борьба против турецкого и иранского господства, под знаком которой проходило как социально-экономическое, так и политическое и культурное развитие курдского общества, а также процесс национальной консолидации курдского народа.

В 30—80-х годах XIX в. был нанесен тяжелый удар типично курдскому феодально-племенному сепаратизму, не выдержавшему столкновения с централизаторской политикой Стамбула и Тегерана, показавшему неспособность отстоять насущные национальные задачи курдского народа. Но все же непосредственным результатом курдских освободительных движений XIX в., несмотря на их конечную неудачу, было создание как субъективных, так и объективных условий, облегчавших борьбу против турецкого и иранского гнета и национальную консолидацию всего курдского народа. В 1890—1910-е годы курдское освободительное движение стало более зрелым и политически, и организационно, добилось важных результатов, хотя его главная цель — освобождение курдов от чужеземного гнета — осталась неосуществленной. В известном смысле (хотя и с очень существенными оговорками) курдское освободительное движение этого периода можно уже называть национально-освободительным. Данное определение наиболее правомерно отнести к эпохе «пробуждения Азии», когда курдское движение достигло своего апогея и количественно, приобретя поистине всенародный характер, и качественно.

Главное отличие курдского освободительного движения исследуемого периода от предыдущего заключается в том, что по своему характеру, движущим силам и конечным целям оно стало выходить из узких феодальных рамок, постепенно порывало с феодально-клерикальной идеологией. Появились первые ростки курдского национализма как организованного политического течения. Впервые в относительно четкой форме была поставлена задача создания независимого курдского национального государства; возникла национальная печать, стали функционировать курдские полити-

ческие организации. Носителями идей курдского возрождения были представители нарождавшейся курдской интеллигенции. Особенно плодотворной была просветительская деятельность первых курдских националистов, внесших большой вклад в развитие курдской культуры.

По своей социально-классовой сущности теория и практика курдского национализма эпохи «пробуждения Азии» объективно носили буржуазный характер, поскольку они расшатывали устои феодального базиса и надстройки курдского общества, а также нанесли ощутимый удар по султанскому и шахскому режимам, консервировавшим в союзе с иностранным капиталом реакционные порядки в Османской империи и в Иране. Однако курдский национализм оказался способным произвести только разрушительную работу, и то не до конца. Его созидательные возможности были в то время совсем незначительны, что крайне отрицательно сказалось на результатах курдского освободительного движения.

Основная причина такого положения заключалась в социально-экономической отсталости курдского общества, в экономической и политической незрелости тех общественных сил, которые могли составить питательную базу курдского национализма. Отсюда и его крайне скромные достижения в политической области. Курдская интеллигенция представляла собой весьма тонкий слой образованного общества и не имела заметного влияния на народные массы. Зато курдские националисты тысячами нитей были связаны с феодально-клерикальными кругами, в значительной степени оставаясь пленниками феодальной идеологии и родо-племенных предрассудков. Все это наложило свой отпечаток на политическую деятельность курдских лидеров исследуемого периода, сводя до минимума ее эффективность.

В результате мощные восстания, потрясавшие курдские земли в 1900—1910-х годах, часто возникали стихийно и проходили под руководством феодалов. Хотя объективно курдское освободительное движение было направлено против феодальных порядков, активная и руководящая роль феодалов в нем сказалась самым определенным образом.

Курдские вожди, как правило, руководствовались своекорыстными целями, которые далеко не всегда совпадали с общенародными интересами, а часто бывали им прямо враждебны. Многие восстания по-прежнему носили феодально-сепаратистский характер (например, движение Ибрагим-паша). Эти выступления курдских племен во время младотурецкой революции прямо сыграли на руку внутренней и внешней реакции, враждебной подлинным интересам курдского народа, так же как и выступления многих влиятельных вождей Иранского Курдистана во время турецкой интервенции. К этому надо прибавить, что большинству руководите-

лей курдского движения были свойственны такие черты, как беспринципность, продажность, нестойкость, склонность к отвлечению на междоусобицы, национальные и религиозные предрассудки и, наконец, политическая наивность, выражавшаяся особенно в уповании на помощь империалистических держав в освобождении курдов от турецкого и иранского гнета. Поэтому часто случалось, что отдельные влиятельные курдские вожди становились орудием в руках турецких (реже иранских) реакционеров или империалистов европейских держав, а иногда — тех и других, вместе взятых.

Итак, основная причина поражения курдского освободительного движения в Османской империи и Иране в эпоху «довоенного» империализма и первой мировой войны заключалась в разрыве между «теорией», идеологией этого движения, весьма незрелой и не ставшей достоянием борющихся за свое освобождение народных масс, и «практикой», находившейся в руках уже отжившего свой век в отсталом курдском обществе класса — феодалов. Вот почему курдское освободительное движение того времени можно назвать «национальным» только в весьма условном смысле.

И все же в исследуемый период, во-первых, был приобретен новый богатый опыт освободительной борьбы и тем самым сохранена и продолжена ценнейшая традиция курдской истории — активная борьба всего народа против любого внешнего угнетения. Во-вторых, из всех испытаний этого времени феодальный строй (вместе с пережитками родо-племенного уклада) вышел резко ослабленным как в социально-экономическом, так и особенно в политическом отношении. И, наконец, в-третьих, на пути национальной консолидации курдского народа был сделан большой шаг вперед, чему способствовали и быстрое разложение феодально-патриархального базиса, и совместная освободительная борьба в турецкой и иранской частях Курдистана, и начавшееся в эпоху «пробуждения Азии» становление новой курдской культуры, национальной по своей сущности.

Таков был главный итог эпохи довоенного империализма и первой мировой войны для курдского народа, который не могли зачеркнуть никакие теневые моменты этих насыщенных драматизмом и противоречиями лет.

* * *

В последние десятилетия существования Османской империи и каджарского Ирана курдский вопрос сыграл чрезвычайно большую роль в их внутренней жизни, а также во внешней политике этих государств. Борьба курдов за свои национальные права, принявшая всенародный характер, оказала большое влияние на заключительный этап истории

Османской империи и Каджарского Ирана, сыграла важную роль в их крушении. В особенности он был «больным» вопросом для султанской Турции, раздиравшейся национальными противоречиями. На фоне обострившейся борьбы национальных меньшинств Османской империи (славян, греков, арабов, армян) против деспотического гнета возглавлявшихся реакционной султанской кликой турецких правящих кругов антиправительственные выступления курдских племен были особенно опасны для Стамбула: во-первых, курды были вооружены, воинственны и сплочены в своей военно-племенной организации, поэтому подавление курдских восстаний в условиях горного рельефа и бездорожья было делом чрезвычайно тяжелым, кровопролитным и дорогостоящим. Во-вторых, в силу географического положения Курдистана успех курдского движения легко мог привести к утрате Османской империей всех ее нетурецких владений в Азии. Вот почему курдский вопрос стал предметом самого пристального внимания для турецких правящих кругов.

Как самодержавный режим султана Абдул Хамида II, так и младотурецкое правительство стремились к окончательной ликвидации курдской «вольницы», подчинению всех курдов своей твердой власти и одновременно к использованию их в экспансионистских планах, а также против армянского национально-освободительного движения. Для достижения этих целей были применены и испытанные карательные методы, и сделаны попытки привлечения на сторону правительства курдской феодально-племенной верхушки. Но правящие круги Турции, делая в курдском вопросе одну фатальную ошибку за другой, жестоко просчитались.

Репрессии не только не устроили курдов, но вызвали новые восстания, углубляли пропасть между курдским народом и турецким правительством. Превратить курдов в верных слуг Стамбула не удалось. Иррегулярные курдские формирования хамидие начали вскоре угрожать внутренней безопасности государства. Использование курдов в боевых действиях как до, так и во время первой мировой войны не дало ожидаемого эффекта, а подчас приносило прямой вред. Наконец, в основном провалились попытки властей вызвать повсеместную резню армян курдами, а политика натравливания отдельных феодалов на армян только усилила разруху и анархию во всей Восточной Турции, отчего серьезно пострадала внутренняя и внешняя безопасность Османской империи.

Для Ирана курдский вопрос имел несколько другое значение и направление. В социально-экономическом, политическом и культурном отношении иранские курды стояли на более низкой ступени, чем турецкие. Соответственно и уровень их национального сознания был невысок. Отчасти по этой

причине освободительное движение в Иранском Курдистане было развито слабее, чем в Турецком. В значительной мере оно проходило под знаком феодально-сепаратистских устремлений племенной верхушки. Поэтому для правящих кругов Ирана курдские восстания были не в такой степени опасны, чтобы колебать основы государства.

Однако если брать не только внутреннюю, но и внешнеполитическую сторону курдской проблемы, то именно последняя представляла для интересов шахского Ирана самую главную угрозу, поскольку Турция, покушаясь на территориальную целостность страны, пыталась использовать для этих целей иранских курдов. Слабая, разложившаяся и деморализованная шахская администрация была не в состоянии навести порядок в своих курдских провинциях, умиротворить племена и пресечь вмешательство турок. Иранское правительство вынуждено было занимать только оборонительную позицию в курдском вопросе. Это привело в конце концов к утрате центральной властью даже видимости суверенитета в западных губернаторствах страны, где хозяйничали и враждовали между собой турки, русские и англичане.

Таким образом, ни турецкие, ни иранские правящие круги не смогли разрешить у себя курдский вопрос. Их политика по отношению к курдам оказалась совершенно несостоятельной даже с точки зрения непосредственных интересов Стамбула и Тегерана; в конечном итоге она привела к резкому ухудшению положения в обеих частях Курдистана, к созданию там обстановки, чреватой опасными последствиями. Главной причиной полного провала «курдской» политики правительств Османской империи и Ирана были неспособность и нежелание пойти навстречу национальным требованиям курдского народа, упорное стремление сохранить и укрепить свое господство над ним. Такой курс, естественно, вызывал активное сопротивление большинства курдского народа и, кроме того, приводил к острым международным конфликтам, облегчая корыстное вмешательство империалистических держав во внутренние дела Турции и Ирана. В результате к концу исследуемого периода курдский вопрос не только остался нерешенным, но еще больше запутался и осложнился.

Прежде всего, курдские движения, каков бы ни был их объективный смысл, содействовали прогрессирующему экономическому и политическому ослаблению этих государств, в какой-то мере способствовали военному краху Турции и Ирана. На подавление курдских восстаний бесплодно тратились значительные средства, столь недостающие оскудевшей казне, восточные вилайеты Турции и западные провинции Ирана были начисто разорены; это подрывало и без того неустойчивую и ослабленную хозяйничаньем иностранного капитала экономику этих стран.

Курдское освободительное движение было серьезным фактором, ускорившим банкротство в Османской империи и Иране самодержавной власти, всей правящей верхушки и их социальной опоры — феодально-помещичьих кругов, компрадоров, клерикалов. Так, полный провал всех усилий Абдул Хамида II, направленных на умиротворение курдских племен посредством разжигания курдо-армянской вражды, был одной из причин быстрого свержения «кровавого султана» и поддерживавшей его клики. Подъем курдского национально-освободительного движения в младотурецкую эпоху нанес тяжелый удар режиму, установленному комитетом «Единение и прогресс» и триумvirатом Энвер — Талаат — Джемаль. События в Иранском Курдистане и Азербайджане ускорили дискредитацию шахского правительства и развал всей государственной администрации в период революции 1905—1911 гг. и первой мировой войны.

Курдский вопрос влиял на внутреннюю жизнь Османской империи и Ирана не только сам по себе, но и во взаимодействии с освободительными движениями других национальных меньшинств. Курдское движение в Турции было связано с армянским национальным движением (особенно в последний период исследуемой эпохи) и оказало воздействие на развитие борьбы арабов против турецкого ига. В Иране обострение курдского вопроса совпадало с подъемом национального движения других меньшинств. Таким образом, курдское освободительное движение было неотъемлемой и важнейшей составной частью того центробежного процесса, который был основной причиной развала многонациональной Османской империи, этой, по выражению В. И. Ленина, «самой варварской деспотии»¹, и нанес ощутимый удар каджарской монархии в Иране. В этом состоит несомненное историческое значение курдского движения.

Крушение Османской империи и Каджарского Ирана было следствием не только происходивших там внутренних процессов, в том числе и освободительной борьбы национальных меньшинств, но и банкротства внешней политики этих государств. И здесь курдский вопрос сыграл немаловажную роль. Турция, которая пыталась использовать курдские племена для истребления армян и в целях внешней экспансии, надеясь объединить всех курдов под своей властью, в итоге ничего не добилась, резко обострила свои отношения не только с прямым объектом агрессии — Ираном, но и с Россией, а также с Англией. Естественным результатом ухудшения отношений Турции с державами Антанты было усиление германского контроля над Портой, что способствовало вовлечению Османской империи в мировую войну, ее разгрому и последующему расчленению. Неспособность турецких правящих кругов решить курдскую проблему прямо или косвенно

послужила одной из причин превращения Турции в вассала германского империализма, что привело ее к национальной катастрофе.

Во внешней политике Ирана курдский вопрос, не играя самостоятельной роли, был подчинен задачам отражения агрессивных притязаний Турции на западные провинции страны. Но и в таком качестве он оказал определенно отрицательное влияние на положение Ирана на международной арене. Установление над шахским правительством диктата России и Англии и успешная подрывная деятельность Германии среди иранских правящих кругов во время первой мировой войны, что привело к фактической утрате Каджарским Ираном независимости, были значительно облегчены тем, что Тегеран не смог ликвидировать опасную ситуацию в населенных курдами западных провинциях страны.

Итак, в годы «довоенного» империализма и первой мировой войны курдский вопрос стал одной из центральных проблем внутренней и международной жизни Османской империи и Ирана и важной причиной крушения существовавших в этих странах реакционных режимов.

* * *

Курдская проблема была не только внутренним делом Османской империи и Ирана. Касаясь непосредственно турецко-иранских отношений, она вышла из локальных ближневосточных рамок и затронула сферу весьма существенных интересов главных империалистических держав того времени — Англии, Германии, России и, в меньшей степени, Франции и Соединенных Штатов Америки.

В основе проявившегося империалистическими державами внимания к курдам и населяемой ими территории лежали военно-стратегические интересы. В обстановке крайнего обострения межимпериалистической борьбы за передел колоний и зависимых стран собственно Курдистан, Западная (Турецкая) Армения и Западная часть Южного (Иранского) Азербайджана, т. е. территория, на которой проживал весь курдский народ, приобрела исключительно важное стратегическое значение. Весь этот обширный и слабо развитый район, заселенный полунезависимыми воинственными племенами, представлял как бы естественную крепость, защищенную труднопроходимыми горами. Отсюда удобно было организовать экспансию в Иран и далее, в направлении Афганистана, Средней Азии и Индии, в Закавказье с его нефтяными богатствами и в страны Арабского Востока, включая Египет с Суэцким каналом. Второстепенное тогда, но все же немаловажное значение имела заинтересованность иностранного капитала в колониальной эксплуатации Восточной Турции и

(в большей мере) Западного Ирана. Поэтому с конца XIX в. в международных отношениях и политике держав курдская проблема заняла самостоятельное место, хотя она в силу ряда исторически сложившихся специфических условий той эпохи не стояла формально в повестке дня «большой» дипломатии.

Политика всех заинтересованных держав в курдском вопросе осуществлялась, с одной стороны, дипломатическим, экономическим и военно-политическим воздействием на правящие круги Турции и Ирана, а с другой — агентурно-политической подрывной работой в самом Курдистане и сопредельных землях. Цели, которые преследовали разные державы по отношению к курдам, были вовсе не одинаковы, а часто и противоположны, поэтому курдский вопрос стал источником острых межимпериалистических конфликтов, способствовал обострению напряженности как на ближневосточной, так и на мировой арене.

В первую очередь курдская проблема затрагивала интересы царской России, поскольку она непосредственно граничила с населенной курдами территорией. Политика царизма до мировой войны определялась стремлением не допустить превращения Курдистана, Турецкой Армении и Иранского Азербайджана в антирусский плацдарм, откуда могла бы исходить военная угроза Закавказью, сохранить и укрепить свои колониальные позиции в этом районе. В отношении Восточной Турции позиция царской России была оборонительной, в отношении Иранского Курдистана и Азербайджана — в основном колонизаторской и контрреволюционной (в период иранской революции 1905—1911 гг.).

Однако методы, с помощью которых царизм пытался отстоять свои интересы в Курдистане, оказались несостоятельными. Отказ России от поддержки антиправительственных выступлений турецких курдов и ее враждебное отношение к иранским курдам оттолкнули от нее большинство племен. Дипломатическое давление Петербурга на Порту было неэффективным (в значительной степени из-за противодействия других держав). Наконец, руководителям российской внешней политики не удалось провести в армянском вопросе такую гибкую линию, которая одновременно отвечала бы интересам и «курдской» политики.

Просчеты политики России в курдском вопросе в полной мере проявились во время первой мировой войны. К тому же в этот период по отношению к восточным вилайетам Османской империи на смену оборонительной политике пришла наступательная, захватническая, а в практике русских властей возобладали карательные методы. В результате большинство турецких и иранских курдов заняли антирусскую позицию, что нанесло большой ущерб операциям русской Кавказской

армии и помещало ей оккупировать всю Восточную Турцию, Северный Ирак и Западный Иран.

Провал политики царской России по отношению к курдам в конечном итоге заметно ослабил позиции российского империализма на всем Ближнем Востоке.

С начала 90-х годов XIX в. и до образования Антанты курдская проблема, заняв видное место в колониальной политике британского империализма на Ближнем Востоке, использовалась англичанами как инструмент их антирусского курса в ближневосточных делах, а также в колонизаторских целях. Английская агентура усилила свою подрывную работу среди курдских племен, особенно в Ираке и Юго-Западном Иране, с целью подготовить почву для захвата в будущем этих районов и не допустить здесь усиления влияния своего основного конкурента — России.

В предвоенные годы в связи с заключением империалистического сговора с Россией по азиатским делам и оформлением двух антагонистических военно-политических блоков — Антанты и Тройственного союза — Англия изменила свою тактику. Она перестала открыто противодействовать России на востоке Малой Азии и в Северо-Западном Иране (хотя антирусские тенденции в британской ближневосточной политике оставались крайне живучими и не исчезли до конца исследуемого периода), но в то же время заметно активизировала политическую и идеологическую экспансию в те районы Курдистана, которые входили в сферу ее влияния как объекты колонизации. Во время первой мировой войны Англия приступила к завоеванию этих районов.

В итоге британским империалистам удалось захватить Иракский Курдистан и установить преобладающее влияние в Юго-Западном Иране, в значительной своей части населенном курдами. То был несомненный и значительный успех британской колониальной политики на Ближнем Востоке. Достаточно отметить, что в руки Англии попали богатейшие месторождения нефти. Однако британским империалистам так и не удалось прочно утвердиться в захваченных ими курдских землях, заставить курдские племена примириться с установленными Англией колониальными порядками, о чем свидетельствуют известные события новейшего времени, в том числе наступившие сразу после окончания первой мировой войны.

Французская политика в курдском вопросе принципиально не отличалась от английской, хотя успехи французов были значительно скромнее, за исключением миссионерской деятельности. Только во время первой мировой войны французские империалисты, планируя вместе с английскими раздел агонизировавшей Османской империи, сделали серьезную заявку на приобретение в свою колониальную собственность

Иракского и значительной части Турецкого Курдистана. Однако здесь Франции постигла неудача, поскольку ее притязания не были подкреплены достаточной военной и экономической мощью. Поэтому французским колонизаторам досталась лишь небольшая часть Курдистана, расположенная ныне в Сирии, а остальная «добыча» отошла к Англии.

До первой мировой войны курдский вопрос не имел также самостоятельного значения в ближневосточной политике Соединенных Штатов Америки, хотя американским миссионерам, как и их французским коллегам, удалось глубоко проникнуть в Курдистан. Но в конце войны правящие империалистические круги США выдвинули широковещательную экспансионистскую программу, которая предусматривала создание условий для свободного проникновения американского экономического и политического влияния на весь Ближний Восток, включая и курдские земли.

Исключительный интерес проявляли к курдам и населенной ими территории правящие круги кайзеровской Германии. Германских империалистов, осуществлявших широкую экспансию на Ближний Восток и успешно теснивших позиции английских и французских конкурентов, Курдистан и смежные земли привлекали и как непосредственный объект колониальной эксплуатации, и как наиболее выгодный плацдарм для проведения политики «Дранг нах Остен» в сторону Закавказья, Ирана, Арабского Востока и других стран Азии. Важное преимущество немцев перед русскими и англичанами состояло в том, что первые пользовались покровительством и поддержкой турецких властей, а также сумели обратить себе на пользу широкое недовольство народа и политических деятелей Ирана русскими и английскими колонизаторами.

В результате Германия в борьбе за курдов сумела во многом опередить своих соперников. Активная подрывная деятельность немецкой агентуры среди курдских племен принесла свои плоды во время первой мировой войны, когда на востоке Малой Азии и в Западном Иране возникла неблагоприятная для России и Англии обстановка. Лишь военное поражение Германии и ее союзницы Турции похоронило надолго колонизаторские и экспансионистские планы германских колонизаторов в отношении этого района.

В годы, которым посвящено настоящее исследование, курдская проблема не была решена ни для одной из заинтересованных сторон. Самим курдам не удалось освободиться от чужеземного ига и создать собственное национальное государство; правящие круги Османской империи в Иране не смогли помешать развитию курдского освободительного дви-

жения, империалистические державы не сумели полностью поработить курдский народ и колонизовать его страну.

В послеоктябрьскую эпоху всемирной истории факторы, возникшие в развитии курдского вопроса в предыдущий период, начали действовать в принципиально новых условиях. Крушение царизма и одновременно российского военно-феодалного империализма с его колонизаторскими устремлениями в отношении Курдистана, победа социалистической революции в России дали мощный стимул национально-освободительному движению курдов, идеологически, политически и организационно оно стало более зрелым и действенным, в большей степени отражало подлинно национальные интересы курдского народа.

Вместе с тем в новейшее время на пути реализации национальных чаяний курдского народа возникли новые и весьма серьезные препятствия. В результате послевоенного мирного урегулирования, на которое значительное влияние оказали империалисты Антанты, значительно углубился раздел Курдистана. Отныне курды очутились в составе национальных централизованных государств, главным образом в развивающихся по капиталистическому пути Турции, Иране и Ираке, правящие круги которых последовательно проводили политику консолидации и централизации исключительно в интересах господствующей нации. Новый передел Курдистана стал камнем преткновения на пути становления единой курдской нации; в каждой из частей Курдистана этот процесс начал развиваться обособленно, имея свою специфику, свой особый колорит.

Таким образом, курдская история истекшего пятидесятилетия развивалась отнюдь не по прямо восходящей линии. Борьба курдов за свои национальные права встречала ожесточенное сопротивление сил реакции и империализма, курды знали неудачи и поражения. По сию пору ни в одной из частей Курдистана курдская проблема еще не разрешена, хотя в Ираке в этом направлении достигнут известный прогресс.

Тем не менее в наше время, особенно после окончания второй мировой войны, возникли новые благоприятные факторы (которых не было в дооктябрьскую эпоху), стимулирующие курдское национально-освободительное движение.

Во-первых, международная обстановка, характеризующаяся крушением системы многовекового колониального и национального угнетения отставших в своем развитии народов, отступлением по всему фронту империализма, колониализма и реакции под натиском национально-освободительного движения, опирающегося на поддержку и помощь Советского Союза и других социалистических стран.

Во-вторых, происшедшие за последние десятилетия со-

циально-экономические и политические сдвиги в курдском обществе. Во всех частях Курдистана феодализм и родоплеменной уклад быстро отступают в прошлое, классовое расслоение принимает все более четкие формы, выкристаллизовываются курдская национальная буржуазия (средняя и мелкая), промышленный и сельскохозяйственный пролетариат, национальная интеллигенция. В результате закономерно выявился крах феодального руководства и феодальной идеологии в курдском национально-освободительном движении. Правда, на национальном развитии курдов продолжают отрицательно сказываться традиционная отсталость курдского общества, но этот неблагоприятный фактор в наше время теряет свое прежнее значение.

В-третьих, продолжающийся подъем курдской национальной культуры, который выражается в дальнейшем развитии и совершенствовании курдского языка, в успехах курдской литературы, в изживании отсталых, пережиточных категорий в быту.

Таким образом, появились важные предпосылки для удовлетворения национальных чаяний курдского народа, предоставления ему таких же прав, какими пользуются другие народы зарубежного Востока, добившиеся независимого существования. На современном этапе самый реалистический путь решения болезненной курдской проблемы — это предоставление курдам условий свободного национального развития в рамках каждого из государств, в состав которого входит Курдистан. Но для этого необходима подлинная демократизация всей общественно-политической структуры ближневосточных стран, где живут курды, проведение в них коренных социально-экономических преобразований, устранение причин, позволяющих вмешиваться в курдский вопрос империалистам, а также феодальным и крайне националистическим элементам.

Разрешение курдского вопроса — давно назревшая и актуальная задача современности, для осуществления которой необходима упорная и настойчивая борьба всех прогрессивных и демократических сил как на Ближнем Востоке, так и во всем мире.

ВВЕДЕНИЕ

¹ И. А. Орбели, Введение, — в кн. «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938, стр. 5.

² В. О. Ключевский, Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории, М., 1968, стр. 323.

³ Царский наместник на Кавказе (до 1905 г. — главноначальствующий гражданской частью на Кавказе) был одновременно командующим Кавказским военным округом. Он обладал значительными полномочиями, в том числе и веским голосом в вопросах взаимоотношений с Персией и Турцией.

⁴ В Ленинградское отделение Института востоковедения недавно поступил архив В. Ф. Минорского, однако он еще не разобран, и это не позволило использовать его в данной работе.

⁵ См.: «Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии с конца 1906 г. по 31 декабря 1911 г.», вып. 1—7, СПб., 1911—1913; «Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении, 26 ноября 1913 г. — 10 мая 1914 г.», Пг., 1915.

⁶ За исключением, может быть, помещенного в издаваемой штабом КВО «Сводке сведений о сопредельных странах, добытых разведкой» перевода вышедшего в Турцию в 1910 г. нового положения о курдской коннице («Сводка сведений...», 1912, № 28, 29, 31—33).

⁷ См., например: «Письма И. И. Воронцова-Дашкова Николаю Романову», — «Красный архив», 1928, т. 1 (26); «Англо-русское соперничество в Персии в 1890—1906 гг.», — «Красный архив», 1933, т. 1 (56); «Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны», — «Красный архив», 1933, т. 4 (53); «Англо-русские отношения в Персии во время войны», — «Красный архив», 1935, т. 4—5.

⁸ «Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов». Под редакцией проф. М. Г. Нерсисяна, Ереван, 1966.

⁹ Empire de Perse, Ministère des Affaires Etrangères. «Neutralité persane». Document diplomatiques 30 septembre 1914 — 22 mars 1915, Paris 1919 (далее — «Neutralité persane»).

¹⁰ «Deutschland und Armenien 1914—1918». Sammlung diplomatisches. Aktenstücke, Potsdam, 1919.

¹¹ «Die grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914», Bd 1—40, Berlin, 1922—1927; «British Documents on the Origins of the War, 1898—1914», vol. 1—11, London, 1926—1938; «Documents diplomatiques français, 1871—1914», Paris, 1-re série (1871—1900), vol. 1—14, 2-me série (1901—1911), vol. 1—14, 3-me série (1912—1914), vol. 1—11.

¹² «1914—1918. World War», vol. 1—8, Washington, 1922—1929. United States. Department of State. Papers Relating of the Foreign Relations of the U. S.

¹³ Great Britain. Parliament. Stationary Office. Correspondence Respecting the Turkey and the Persia.

¹⁴ С. Д. Сазонов, Воспоминания, Берлин, 1927; А. А. Поливанов, Из дневников и воспоминаний на должности военного министра и его помощника, М., 1924.

¹⁵ А. Г. Емельянов, Персидский фронт (1915—1918), Берлин, 1923.

¹⁶ Хаджи Мурат Мугуев, К берегам Тигра, М., 1961.

¹⁷ В те годы Минорский находился на ответственной дипломатической работе в Турции и Иране, впоследствии стал выдающимся востоковедом.

¹⁸ В. Ф. Минорский, Поездка в Марагу и район рек Джагату и Татаву, — «Известия штаба Кавказского военного округа», 1907, № 20; его же, Курды. Заметки и впечатления, — «Известия Министерства иностранных дел», 1915, кн. III; его же, Турецко-персидское разграничение, Пг., 1916; его же, Отчет о поездке в Макинское ханство в 1905 г., — «Материалы по изучению Востока», вып. I, СПб., 1909; В. Ф. Минорский и Х. С. Шипле, Обезд оккупированных Турцией персидских округов в 1911 г., — «Материалы по изучению Востока», вып. II, Пг. 1915; В. Ф. Минорский, Турецко-персидская граница, — там же; его же, Сведения о населении некоторых пограничных округов, — там же; его же, Предисловие, — там же.

Кстати, в издании русского Министерства иностранных дел «Материалы по изучению Востока», вышедшем двумя выпусками в 1909 и 1915 гг., опубликованы важные и насыщенные большим количеством фактов работы не только Минорского, но и других русских дипломатических представителей в Иране и Турции, предназначенные только для служебного пользования и содержащие подробную характеристику внутривосточной обстановки, экономики и быта западных провинций Ирана и восточных вилайетов Турции. Здесь помещены также официальные отчеты, публикации документов и рекомендации по некоторым вопросам внешней политики России на Ближнем Востоке [см., например: «Записка по вопросу об организации изучения Ближнего Востока консула в Басре К. П. Иванова (по поводу отчета В. Ф. Минорского о поездке в Макинское ханство)», — «Материалы по изучению Востока», вып. II].

¹⁹ См. статьи, собранные в «Силуэтах Турции» (Избранные сочинения, т. III), М., 1962, особенно статьи: «Из истории курдов», «Курды и война», «Там, где в старину жили армяне», а также: «У сюлхандагских курдов (Из поездки на Кавказский фронт)» (Избранные сочинения, т. III); «Из жизни курдов» («Русские ведомости», 16.I.1915); «Из религиозных исканий в Малой Азии. Кызылбаши» («Русская мысль», 1916, кн. XI); «Из религиозной жизни кызылбаши» («Новый Восток», 1922, № 1) и вступительную статью Е. Лудшвейта к тому III избранных сочинений В. А. Гордлевского. См. также: «Керманшах» и «Бахтиары» (Избранные сочинения, т. IV, М., 1968).

²⁰ И. А. Орбели, Предварительный отчет о командировке в Азиатскую Турцию в 1911—1912 гг., — «Известия Академии наук», серия VI, 1912, № 15; С. А. Егизаров, Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии и другие статьи в «Записках Кавказского отдела императорского русского географического общества» (далее — ЗКОРО), 1891, кн. XIII, вып. 2.

²¹ Л. Ф. Тигранов, Из общественно-экономических отношений в Персии. Сводка путевых материалов и наблюдений о землевладении, податной (малиат) и административной системах, Тифлис, 1905; «Поездка по Северному Персидскому Курдистану лейб-гвардии Литовского полка полковника А. И. Ияса», Пг., 1915; Ф. Чернотубов, Страна льва и солнца, — «Известия штаба Кавказского военного округа» (далее — ИШКВО), 1911, 3-я треть, № 33; С. Бабиц, По Северной Персии, — «Военный сборник», 1913, № 5, 8, 10, 11; см. также: «Из тегеранского дневника полковника В. А. Косоговского», подготовил к печати Г. М. Петров, М., 1960.

²² Бензенгр, Записка о Курдистане, — «Сборник географических,

топографических и статистических материалов по Азии», СПб., 1911, вып. XXXIV; А. Карцев, Заметки о курдах, Тифлис, 1896; «Отчет о командировке по Азиатской Турции генерального штаба подполковника Томилова в 1904 году», ч. I—II, СПб., 1907; Б. Шелковников, Происхождение и современный быт сиро-халдейской народности, — ИШКВО, 1904, № 3—4; Д. В. Путята, Записка о Малой Азии, — «Сборник материалов по Азии», вып. XXVI, СПб., 1896; «Деятельность протестантских миссий в северо-восточной части Азиатской Турции» А. М. Колюбакина, Тифлис, 1888; А. М. Колюбакин, Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции, т. I, ч. I, Тифлис, 1888.

²³ Д. Д. Беляев, Очерки северо-восточной части Персидского Курдистана, — ИШКВО, 1910, № 29, 30.

²⁴ К. Н. Смирнов, Поездка в Северный Курдистан, — «Известия кавказского отдела императорского Российского географического общества» (далее — ИКОРГО), 1904, т. XVII, № 4.

²⁵ Лойко, Битлисский вилайет, — «Известия Министерства иностранных дел», 1913, кн. 2.

²⁶ Р. И. Термен, Отчет о поездке в санджак Хеккиари Ванского вилайета в 1906 г., Тифлис, 1910.

²⁷ А. А. Орлов, Путевые дневники объезда турецко-персидской границы в 1913 г., — «Материалы по изучению Востока», вып. 2. Представляет интерес также описание путешествия по Аравии, Курдистану и Армении барона Эдуарда Нольде (из остзейских немцев), который приводит факты о курдских движениях в Северной Сирии и Юго-Восточной Анатолии под руководством Ибрагим-паши, а также о курдской коннице хамидие (E. Nolde, Reise nach Inner-Arabien, Kurdistan und Armenien 1892, Braunschweig, 1893).

²⁸ Гарегин Сrvандзтянц, Очерки Васпураканской области и смежных с нею местностей, — ИКОРГО, 1890, т. X, вып. I; Р. Бекгуляц (Северянин), По Турецкой Армении. Впечатления о поездке летом в 1914 г., Ростов-на-Дону, 1914.

²⁹ Подробнее о путешественниках из России, посещавших Ближний Восток в конце XIX — начале XX в. см.: Б. М. Даниц, Русские путешественники на Ближнем Востоке, М., 1965, стр. 242 и далее.

³⁰ Ali Vahbi bey, Pensées et souvenirs de l'ex-sultan Abdul Hamid, Paris, [б. г.].

³¹ Использован русский перевод, вышедший под названием: «Денстер-виль, генерал-майор, Британский империализм в Баку и Персии в 1917—1918 гг. Воспоминания», Тифлис, 1925.

³² Bishop, Journey in Persia and Kurdistan, London, 1893.

³³ F. N. Heazell and Mrs. Margoliouth, Kurds and Christians, London, 1913.

³⁴ P. M. Sykes, Ten Thousand Miles in Persia or Eight Years in Iran, London, 1902.

³⁵ H. C. Luke, Mosul and its Minorities, London, 1925.

³⁶ H. F. B. Lynch, Armenia, Travels and Studies, vol. I—II, London, 1901. Русский перевод: Х. Ф. Б. Линч, Армения. Путевые очерки и этюды, т. I—II, Тифлис, 1910.

³⁷ G. Curson, Persia and the Persian Question, vol. I—II, London, 1892.

³⁸ Lord Warksworth, Notes from a Diary in Asiatic Turkey, London, 1898.

³⁹ E. Percy, Highland of Asiatic Turkey, London, 1901.

⁴⁰ A. C. Wratislaw, A Consul in the East, Edinburgh, 1924.

⁴¹ E. Percy, Highland of Asiatic Turkey, cр. 8.

⁴² Керзон, например, писал о курдах следующее: «Они чрезвычайно глупый народ, лишенный не только образования, школ, но и книг, и говорят, что во всей расе только один из 10 тыс. умеет читать» («Persia and the Persian Question», vol. I, cр. 553).

⁴³ Русофобские настроения подобных авторов подчас приводили к курьезам. Линч, например, посетивший по пути в Турцию русское Закавказье, с неприязнью отзывался о тамошних порядках и властях, неограниченным гостеприимством которых он, кстати, охотно пользовался, и с восторгом писал, какая разительная перемена к лучшему ожидала его на турецкой территории. Но буквально на следующих же страницах, он невозмутимо рассказывает, что первые же шаги на «обетованной» турецкой земле ознаменовались серьезным покушением на его и его спутников жизни и имущество со стороны курдов-хамидийцев, фаворитов местных властей и самого султана.

⁴⁴ G. E. Hubbard, From the Gulf to Ararat. An Expedition through Mesopotamia and Kurdistan, London, 1916.

⁴⁵ M. Sykes, The Caliph's Last Heritage. A Short History of the Turkish Empire, London, 1915.

⁴⁶ Опубликован отдельно в: «The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», 1908, vol. XXXVIII, July—December.

⁴⁷ E. B. Soane, To Mesopotamia and Kurdistan in Disguise, 2-d ed, London, 1926.

⁴⁸ Жюль Леклерк, Поездка на Апарат, СПб., 1893.

⁴⁹ A. Billerbeck, Das Sandschak Suleimania und dessen persische Nachbarlandschaften zur babylonischen und assyrischen Zeit, Leipzig, 1898.

⁵⁰ L. de Cholet, Arménie, Kurdistan et Mésopotamie, Paris, 1892.

См. также переводы путевых заметок о курдах-кызылбабах французского вице-консула в Эрзеруме Гренара: «Некоторые сведения о турецких курдах-кызылбабах» (ИШКВО, 1907, № 19); «Религиозная секта кызылбахов в Малой Азии» (ИШКВО, 1905, № 7—8) и документированный очерк Анри Барби «В стране ужаса. Мученица Армения» (Тифлис, 1919).

⁵¹ P. Müller-Simonis, Vom Kaukasus zum Persischen Meerbusen. Durch Armenien, Kurdistan und Mesopotamien, Mainz, 1897.

⁵² В качестве примера назовем следующие статьи: М. Ардагов, Турецко-персидский пограничный конфликт, — ИШКВО, 1907, 3-я треть, № 21; К. Л. Гильчевский, Перестрелка с курдами в Арабатских и Агридагских горах, — «Разведчик», 1894, № 188; Ф. Ф. Грязнов, Курды и курдская конница, — ИШКВО, 1907, 2-я треть, № 20; «Заметки о политическом положении в Южном Курдистане и Северной Месопотамии», — ИШКВО, 1904, № 1—2; «Об отношении курдов в Азиатской Турции к турецкому правительству», — «Сборник ГУГШ», 1910, февраль, вып. II; К. Смирнов, События в Сасуне весной 1904 г., — ИШКВО, 1904, № 5—6; К. Смирнов, Население Персии с военной точки зрения, — ИШКВО, 1909, № 27, 28.

⁵³ См. подробнее: М. С. Лазарев, Заметки о курдоведении (история, экономика, политика), — «Народы Азии и Африки», 1968, № 1.

⁵⁴ П. И. Аверьянов, Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия, Тифлис, 1900.

⁵⁵ Впервые издана в Париже в 1956 г. Русский перевод (несколько сокращенный) вышел в 1964 г.

⁵⁶ B. Nikitine, L'état sociale des Kurdes et du Kurdistan («Afrique et l'Asie», 1959, № 46); «Les kurdes racontés par eux-mêmes» («L'Asie française», 1925, № 231); «Quelques observations sur la question de Mossoul» («L'Asie française», 1924, № 220).

⁵⁷ T. Bois, Connaissances des kurdes, Beirut, 1905; Abdul Rahman Ghassamlou, Kurdistan a Kurdovia, Bratislava, 1964; S. S. Gavan, Kurdistan: divided Nation of the Middle East; V. L. Rambout, Les Kurdes et le droit, Paris, 1947; A. Safrastian, Kurds and Kurdistan, London, 1948; J. Blau, Le problème Kurdes. Essai sociologique et historique. Bruxelles, 1963; D. Kinnane, The Kurds and Kurdistan, London, 1964.

⁵⁸ C. J. Edmonds, Kurds, Turks and Arabs Politics, Travel and Research in Northeastern Iran. 1919—1925, London, 1957.

⁶⁹ W. Eagleton, *The Kurdish Republic of 1946*, London, 1963; D. A. Schmidt, *Journey Among Brave Men*, Boston—Toronto, 1964; A. Waheed, *The Kurds and Their Country. A History of the Kurdish People (from Earliest Times to the Present)*, 2-d ed., Lahore, 1958; H. Arfa, *The Kurds. An Historical and Political Study*, London, 1966; D. Adamson, *The Kurdish War*, London, 1904; R. Mauries, *Le Kurdistan ou la Morte*, Paris, 1967.

⁷⁰ Опубликованы в сборнике «Иранские языки» (М.—Л., 1945, № 1), в «Переднеазиатском этнографическом сборнике» (М., 1958, т. 1), в «Народах Передней Азии» (М., 1957), в «Ученых записках ЛГУ» (серия востоковедческих наук, 1952, вып. 3; 1954, вып. 4), в «Очерках по истории русского востоковедения» (Сб. 2, М., 1956) и в ряде других изданий.

⁷¹ Например: П. И. Аверьянов, Этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Османской империи, СПб., 1912; В. Т. Маевский, Военно-стратегическое описание Ванского и Битлисского вилайетов, Тифлис, 1904; Л. А. Соболевский, Персия, Статистико-экономический очерк, СПб., 1913; Г. Тер-Гукасов, Политические и экономические интересы России в Персии, Пг., 1916; И. Зиновьев, Россия, Англия и Персия, СПб., 1912.

⁷² См. типичные популярные очерки армянского вопроса: «Армянский сборник», изд. 2-е, М., 1915; Л. А. Ошеровский, Трагедия армян-беженцев, Пг., 1915; Е. Баранов, Турецкие бани-бузук (курды), М., 1915 (пример шовинистической пропаганды бульварного пошиба); Як. Д. Лазарев, Причины бедствий армян в Турции и ответственность за разорение Сасуна, Тифлис, 1895 (одна из немногих серьезных брошюр с попытками экономического и политического анализа).

⁷³ Б. А. Борьян, Армения, международная дипломатия и СССР, ч. I—II, М.—Л., 1928—1929.

⁷⁴ Наиболее фундаментальная из них: Г. М. Арутюнян, Реакционная политика английской буржуазии в армянском вопросе в середине 90-х годов XIX века, М., 1954. К сожалению, равноценных работ, посвященных политике царской России в армянском вопросе, нет.

⁷⁵ Например: Е. К. Саркисян, Аграрная политика османского правительства в Западной Армении, Ереван, 1957; А. С. Амбарян, Аграрные отношения в Западной Армении (1856—1914), автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, Ереван, 1965.

⁷⁶ Н. Г. Корсун, Сарыкамышская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1912—1915 гг., М., 1937; его же, Эрзерумская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1915—1916 гг., М., 1938; его же, Алашкертская и Хамаданская операции на Кавказском фронте мировой войны в 1915 г., М., 1940; его же, Первая мировая война на Кавказском фронте. Оперативно-стратегический очерк, М., 1946; его же, Проникновение немцев в Иран в 1914—1918 гг., — «Военная мысль», 1941, № 9.

⁷⁷ Е. Ф. Лудшувейт, Турция в годы первой мировой войны 1914—1918 гг. Военно-политический очерк, М., 1966.

⁷⁸ А. И. Званиц, Англо-русские противоречия в Иране накануне I мировой войны, — «Империализм и борьба рабочего класса», М., 1960; М. Н. Иванова, Германская агрессия в Иране в годы первой мировой войны, — «Краткие сообщения Института востоковедения Академии наук СССР», вып. XIX, 1956; Т. С. Короткова, Германо-турецкое вторжение в Иранский Азербайджан, — «Вопросы истории», 1948, № 1; ее же, Иранский вопрос в начале первой мировой войны, — «Известия АН СССР. Серия истории и философия», 1947, т. 4, № 6; Л. И. Мирошников, Английская экспансия в Иране (1914—1920), М., 1961.

⁷⁹ Vital Cuinet, *La Turquie d'Asie. Géographie, Administrative, statistique descriptive et raisonnée de l'Asie Mineure*, vol. I—IV, Paris, 1892—1895. Сокращенное переиздание на русском языке: «Сирия, Ливан и Палестина», вып. 1—5, СПб., 1899—1903.

⁸⁰ Например, сб. статей «Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 г.», М., 1896 (перев.); Г. А. Гиббонс, Последние избиения в Армении. Факты и ответственность, Пг., 1916.

⁸¹ Типичный пример — книги французского журналиста Контансона: L. de Contenson, *Chrétiens et Musulmans. Voyages et études*, Paris, 1901; его же, *Les réformes en Turquie d'Asie*, 3-m ed., Paris, 1913.

⁸² В. Берар, Персия и персидская смута (перев. с француз.) СПб., 1912; E. Browne, *The Persian Revolution of 1905—1909*, Cambridge, 1910.

⁸³ См., например: P. Sykes, *A History of Persia*, vol. II, London, 1930, и новейший популярный очерк P. W. Avery, *Modern Iran*, New York—Washington, 1965.

⁸⁴ B. G. Martin, *German-Persian Diplomatic Relations, 1873—1912*, S. Gravenhage, 1959.

⁸⁵ См. также: Ryder, *The Demarcation of the Turco-Persian Boundary in 1913—1914*, — «The Geographical Journal», 1925, vol. LXVI, № 3. Здесь дается высокая оценка деятельности В. Ф. Минорского во время работы разграничительной комиссии.

⁸⁶ H. Foster, *The Making of Modern Iraq*, Oklahoma, 1935; E. Nolde, *l'Iraq. Origines historiques et situation internationale*, Paris, 1934; P. W. Ireland, *Iraq. A Study in Political Development*, London, 1937; St. H. Longrigg, *Iraq, 1900 to 1950. A Political, Social and Economic History*, London, 1953.

⁸⁷ A. T. Wilson, *Loyalties Mesopotamia 1914—1917. A Personal and Historical Record*, London, 1930; A. T. Wilson, *Mesopotamia 1917—1920. A Clash of Loyalties. A Personal and Historical Record*, Oxford—London, 1931; «Review of the Civil Administration of Mesopotamia» (by G. Bell), London, 1920.

ГЛАВА I

¹ В. Никитин, Курды, стр. 72; см. также: A. R. Ghassemlou, *Kurdistan a Kurdovia*, стр. 11.

² В. Никитин, Курды, стр. 72—74.

³ Bishop, *Journey in Persia and Kurdistan*, vol. II, стр. 372.

⁴ G. N. Curzon, *Persia and the Persian Question*, vol. I, стр. 549;

⁵ Э. Реклю, Земля и люди, т. IX, СПб., 1887, стр. 294.

⁶ G. N. Curzon, *Persia and the Persian Question*, vol. I, стр. 554; В. Берар, Персия и персидская смута, СПб., 1912, стр. 130, 132. Эти сведения, видимо, базируются на цифрах, представленных весьма пристрастным в этом вопросе Армянским патриаршеством в Константинополе (менее 700 тыс. курдов в восточноанатолийских вилайетах, — «Реформы в Армении», Пг., 1915, стр. 289) или же взятых у Кюине, который, в свою очередь, пользовался турецкими источниками, ни в коей мере не заслуживающими доверия. По Кюине, в Османской империи к началу 90-х годов проживало от 800 до 900 тыс. курдов (V. Cuinet, *La Turquie d'Asie*, vol. I—II).

⁷ А. Карцев, Заметки о курдах, Тифлис, 1896, стр. 7.

⁸ П. И. Аверьянов, Этнографический и военно-политический обзор Азиатских владений Османской империи, СПб., 1912, стр. 12; см. также: L. de Contenson, *Les réformes en Turquie d'Asie*, стр. 12.

⁹ К. Смирнов, Население Персии с военной точки зрения, — ИШКВО, 1909, № 27, стр. 27.

¹⁰ C. J. Edmonds, *Kurds, Turks and Arabs*, стр. 3.

¹¹ «La revue de Paris», 1914, № 8, стр. 884.

В печати того времени приводились еще более высокие цифры, например: 5 млн. курдов в Турции, 2 млн. — в Иране, свыше 100 тыс. в других странах (см. E. Yung, *La révolte arabe*, vol. I, стр. 187—188).

- ¹² В. Никитин, Курды, стр. 95.
- ¹³ A. R. Ghassemlou, Kurdistan a Kurdovia, стр. 8.
- ¹⁴ «Кавказ», 21.IX.1900; «Тифлисский листок», 16.V.1909.
- ¹⁵ В старой литературе, в том числе, по-видимому, у П. Аверьянова и А. Карцева, под курдами нередко подразумевались только кочевники. В современной Турции статистика часто именует кочевых курдов «горными турками».
- ¹⁶ А. Карцев, Заметки о курдах, стр. 30. Один русский обозреватель писал: «Население Битлисской провинции, еще в начале XIX столетия считавшейся турецкой лишь номинально, и в настоящее время не может быть определено точно, в виду небрежности в составлении переписей, уклонение от них населения и незарегистрированных порой целых курдских племен, ведущих кочевую жизнь... Случались нередко факты удаления силой лиц, являющихся для переписи даже в так называемых «мирных» курдских селениях. Со времени же введения всеобщей воинской повинности прибегают, кроме того, ко всякого рода подтасовкам и обманам, в целях уклонения от нее, как в армянских, так и в курдских селениях, при подсчете молодых людей, обязанных явиться на службу» (Лойко, Битлисский вилайет, — «Известия Министерства иностранных дел», 1913, кн. 2, стр. 117).
- ¹⁷ П. И. Аверьянов, Этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Османской империи, стр. 13. Аналогичные цифры приводятся в ст.: S. Zarzecki, La question kurdo-arménienne, — «La revue de Paris», 1914, № 8, стр. 874.
- ¹⁸ «Отчет о поездке по Азиатской Турции генерального штаба подполковника Томилова в 1904 году», СПб., 1907, ч. I, стр. 438—439.
- ¹⁹ E. C. Meags (ed.), Modern Turkey, New York, 1924, стр. 580. По Кюине, в Баязидском санджаке Эрзерумского вилайета курдов было свыше 50%, в Сивасском вилайете — не менее 27%, в вилайете Адана — до 10%, в Алеппском вилайете — 15%, в Мамурет-уль-Азизском — свыше 41%, в Диарбекском — 43%, в Битлисском — свыше 50%, в Ванском — свыше 50%, в Мосульском — 21%. Однако в действительности процент курдского населения был значительно выше, поскольку, как уже отмечалось, большие группы курдов не попадали под перепись. В самом деле, Кюине показывает, что в Мосульском вилайете, например, числилось всего 62 тыс. курдов. Но это совершенно фантастически низкая цифра, хотя бы потому, что сейчас в Ираке, на территории бывшего Мосульского вилайета Османской империи, несомненно проживает свыше 1 млн. курдов (см. V. Cuinet, La Turquie d'Asie, vol. I—II). О национальном составе Иранского Курдистана нельзя сказать ничего определенного ввиду отсутствия каких-либо статистических данных. По мнению Л. А. Соболевского, курды составляли 8% всего населения Ирана. Думается, что эту цифру следует увеличить по крайней мере раза в полтора, ибо автор, по-видимому, значительную часть курдов причисляет к лурам, которых в то время было, конечно, не 1 млн., как он полагает, а раза в два меньше, если исходить из современных представлений (см. Л. А. Соболевский, Персия. Статистико-экономический очерк, стр. 17).
- ²⁰ Б. Шелковников, Происхождение и современный быт сирохалдской народности, — ИШКВО, 1904, № 3—4, стр. 59—60.
- Советский ученый А. С. Амбарян, основываясь на материалах турецкой статистики, утверждает, что в 1860—1870 гг. в Османской империи насчитывалось 3,4—3,6 млн. армян, из них 3 млн. проживало в Западной Армении. Затем часть армян после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. вошла в состав России. Значительное число армян погибло в результате погромов 1890—1900-х годов или же бежало за границу [А. С. Амбарян, Аграрные отношения в Западной Армении, стр. 12—13]. Накануне первой мировой войны армян осталось во всей Османской империи 1403 тыс. (В шести армянских вилайетах, по данным Константинополь-

ского патриаршества, — 1019 тыс., или 38,9% от всего населения этих вилайетов, — см.: «Реформы в Армении», стр. 289).

²¹ Le comte de Cholet, Arménie, Kurdistan et Mésopotamie, Paris, 1892, стр. 170.

²² Там же.

²³ В городе Битлисе, насчитывавшем 30 тыс. жителей, на 1 тыс. армянских домов приходилось 5 тыс. курдских (P. Müller-Simonis, Vom Kaukasus zum Persischen Meerbusen. Durch Armenien, Kurdistan und Mesopotamien, Mainz, 1897, стр. 228).

²⁴ Новейшие и заслуживающие наибольшего внимания соображения о ранних этапах этногенеза курдов см.: Э. А. Грантовский, Ранняя история иранских племен Передней Азии, М., 1970, стр. 62—63, 372—373.

²⁵ П. И. Аверьянов, Курды в войнах России с Персией и Турцией, стр. 2—3.

²⁶ П. И. Аверьянов, Курды в войнах России с Персией и Турцией, стр. 43—55; Н. А. Халфин, Борьба за Курдистан, стр. 40—41.

²⁷ П. И. Аверьянов, Курды в войнах России с Персией и Турцией, стр. 82, 140—141.

²⁸ Лихутин, Русские в Азиатской Турции в 1854—1855 годах, СПб., 1863, стр. 257.

²⁹ «...Только нежелание наше воспользоваться восстанием Иезданшира, — писал Аверьянов, — спасло Турцию от окончательного разгрома ее малоазийских владений» («Курды в войнах России с Персией и Турцией», стр. 140).

³⁰ Куруш — мелкая монета достоинством около 5 коп. серебром. В кошельке — 500 курушей.

³¹ Лихутин, Русские в Азиатской Турции в 1854—1855 годах, стр. 256—259; П. И. Аверьянов, Курды в войнах России с Персией и Турцией, стр. 150—152.

³² П. И. Аверьянов, Курды в войнах России с Персией и Турцией, стр. 156—157.

³³ Там же, стр. 159—160.

³⁴ А. Карцев, Заметки о курдах, стр. 18.

³⁵ П. И. Аверьянов, Курды в войнах России с Персией и Турцией, стр. 223—225. О позиции курдов накануне и во время войны 1877—1878 гг. см.: Дж. Джалиле, Курды и русско-турецкая война 1877—1878 гг., — «Краткие сообщения Института народов Азии», 1963, № 56, стр. 54—59; Н. А. Халфин, Борьба за Курдистан, стр. 97—107.

³⁶ Цит. по: П. И. Аверьянов, Курды в войнах России с Персией и Турцией, стр. 226.

³⁷ По словам Никитина, Обейдулла в ответ на предложения турецких подстрекателей устроить резню христиан в Урмии сказал: «Мы, курды, нужны туркам лишь в качестве противовеса христианам. Не будет христиан и турки начнут гонение против нас» (В. Никитин, Курды, стр. 282).

³⁸ П. И. Аверьянов, Курды в войнах России с Персией и Турцией, стр. 227—235; А. Карцев, Заметки о курдах, стр. 18—20.

³⁹ К. П. Камсаракан, Вторжение шейха Обейд-Уллы в Персию 1880 г., — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. XI, СПб., 1884, стр. 44—46; Н. А. Халфин, Борьба за Курдистан, стр. 108—134. См. также специальную работу о восстании Обейдуллы: Дж. Джалил, Восстание курдов 1880 года, особенно стр. 73—102 и приложения.

⁴⁰ Кочевые курдские племена в Турции назывались аширетами, в Иране — тайфе, или илями, но более употребительный термин аширет применялся по отношению и к иранским племенам. Термин райя (букв. стадо, паства) означал первоначально «подданные вообще», позднее «податное сословие» и специально «крестьяне» (И. П. Петрушевский, Ислам в Иране в VII—XV веках, курс лекций, Л., 1966, стр. 163). Академик В. В. Бартольд указывал, что в эпоху расцвета турецкого военно-феодал-

ного государства (XV—XVI вв.) термин райя стал обозначать только немусульман, тогда как в других государствах, в том числе и в Персии, им обозначается и мусульманское податное сословие» (В. В. Бартольд, Турция, ислам и христианство, Сочинения, т. VI, М., 1966, стр. 428). Однако в исследуемую эпоху райей в Турции называли не только немусульман, но и оседлых мусульман-земледельцев курдов, а иногда и арабов.

В Иране, как указывал О. Л. Вильчевский применительно к Мукринскому Курдистану (район Соуджулака — Ушну), термин аширет имеет и другое специфическое значение. «В зависимости от того, — писал он, — обладает ли племя военной мощью или же оно само находится в подчинении у других племен, все курдское население делится на две, до известной степени противостоящие одна другой группы: курдов аширетных и неаширетных, или райят». О. Л. Вильчевский отмечал, что «в то время как у курдов Турции аширеты, как правило, сохраняются среди кочевых и полукочевых племен, — у курдов Ирака и в особенности Ирана большая часть аширетных образований относится к оседлым курдам» [О. Л. Вильчевский, Мукринские курды (Этнографический очерк), — «Переднеазиатский этнографический сборник, I, М., 1958, стр. 190, 191]. Вместе с тем среди курдов-райят, видимо, были и кочевые, о чем, однако, О. Л. Вильчевский умалчивает.

⁴¹ О племенном делении курдов к началу XX в. см. приложения к книгам: M. Sykes, The Caliph's Last Heritage; E. B. Soane. To Mesopotamia and Kurdistan in Disguise, London, 1912.

⁴² См.: О. Л. Вильчевский, Экономика курдской кочевой сельскохозяйственной общины Закавказья и прилегающих районов во второй половине XIX в., — «Советская этнография», 1936, № 4—5; А. Ш. Шамиллов, К вопросу о феодализме у курдов, Эривань, 1936.

⁴³ В. П. Никитин считал, что шейхи были носителями консервативного начала в курдском обществе. «Шейхи, — пишет он, — убежденные противники проникновения любого чужеродного влияния. Помимо религиозного рвения, их побуждают соображения личной выгоды и страх утраты авторитета, что неизбежно произойдет, если Курдистан выйдет из своей изоляции». Однако, справедливо отмечал автор, были и исключения. Некоторые влиятельные шейхи (об этом мы будем подробно говорить в своем месте) выступали против религиозного авторитета турецкого султана-халифа, отличались религиозной терпимостью и внесли активный вклад в освободительную борьбу курдов против чужеземного гнета (см.: В. Никитин, Курды, стр. 317).

⁴⁴ М. В. Вронченко, Обзорные Малой Азии в нынешнем ее состоянии. СПб., ч. II, 1839—1840, стр. 225.

⁴⁵ ИШКВО, 1904, № 1—2, стр. 54—55; «Revue du monde musulman», 1908, avril, стр. 328.

⁴⁶ «Сводка сведений...», 1911, № 7—8, стр. 7; В. А. Гордлевский, Силуэты Турции, стр. 116—117.

⁴⁷ В. А. Гордлевский, Силуэты Турции, стр. 121; «Сводка сведений...», 1911, № 7—8, стр. 14—15.

⁴⁸ Лойко, Битлисский вилайет, стр. 123.

⁴⁹ V. Cuinet, La Turquie d'Asie, vol. II, стр. 399.

⁵⁰ В. Никитин, Курды, стр. 223.

⁵¹ Там же.

⁵² ЦГИА, ф. 796 («Святейший Синод»), оп. 191, д. 167, л. 9. Докладная записка о положении христиан в Урмии от 12 мая 1910 г. Здесь и дальше датировка документов из русских архивов приводится по старому стилю. В основном тексте даты русской истории даются по старому стилю, истории всех других стран — по новому стилю. В необходимых случаях (относящихся главным образом к внешней политике России) дается двойная датировка.

⁵³ Bishop, Journey in Persia and Kurdistan, vol. II, стр. 372.

⁵⁴ Пословицу использовал, например, для полемики по внешнеполити-

ческим вопросам крупнейший политический деятель Франции Жорж Клемансо в своей газете «L'om librer» 19 мая 1913 г. (см.: «Тифлисский листок», 22.V.1913 г.). Здесь и везде датировка русских газет дается по старому стилю.

⁵⁵ В. В. Бартольд, Мусульманский мир, Сочинения, т. VI, стр. 240.

⁵⁶ V. Cuinet, La Turquie d'Asie, vol. II, стр. 637.

⁵⁷ G. E. Hubbard, From the Gulf to Ararat, стр. 211; E. B. Soane, To Mesopotamia and Kurdistan in Disguise, London, стр. 393. Стоит привести мнение о курдах принца Сабахеддина — племянника Абдул Хамида II и видного политического деятеля Турции эпохи младотурецкой революции, стоявшего в оппозиции к султанскому самодержавию и пропагандировавшего идею административной децентрализации Османской империи. В статье, опубликованной в парижской газете «Матэн», он писал: курды «одарены замечательным умом и энергией. Их жестокость является следствием их социального положения. Методически заставляя их прикрепляться к земле для образования оседлых обществ, можно было бы укрепить этот главный элемент беспорядка и анархии и покорить цивилизации эту плодородную и богатую часть Малой Азии» (цит. по: «Тифлисский листок», 8.II.1906).

⁵⁸ «Заметки о политическом положении в Южном Курдистане и Северной Месопотамии», — ИШКВО, 1904, № 1—2, стр. 51.

⁵⁹ Цит. по: К. А. Чачанян (Карлене Чачани), Дружба армянского и курдского народов в XIX—XX веках. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Ереван, 1965, стр. 10.

⁶⁰ А. С. Амбарян считает, что «курдские ага и беи составляли большинство почти во всех вилайетах Западной Армении». Только в Харпутской казе преобладали турки, а в ряде мест санджака Хакари — ассирійцы (айсоры). Армянские землевладельцы были лишь в отдельных местах Ванского, Харпутского и Диярбекского вилайетов; они не играли существенной роли в экономической и политической жизни страны. Курдские беи были полными хозяевами на своих землях. Они имели в своем распоряжении дружины, в которых были сотни и тысячи воинов (холамов) (А. С. Амбарян, Аграрные отношения в Западной Армении, стр. 15—16).

⁶¹ АВПР, ф. «Политархив», 1901 г., д. 711, лл. 36, 45. Донесение от 4 мая 1901 г.

⁶² Х. Ф. Б. Линч, Армения. Путевые очерки и этюды, т. II, стр. 554.

Армянский историк Лео писал: «...Спустя 20—30 лет после танзимата в Турецкой Армении курдское крепостничество находилось в цветущем состоянии, если не повсюду, то во многих местах (Хизан, Бонашен, Сасун, уезд Вана, Палу и т. д.). Лео цитирует вардапета (ученого монаха) Григориса Агваняна, который писал, что курдские беи «имеют привычку продавать друг другу своих крепостных армян с женами и детьми, движимым и недвижимым имуществом» (цит. по: Г. М. Арутюнян, Реакционная политика английской буржуазии в армянском вопросе в середине 90-х годов XIX века, Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М., 1954, стр. 96, 97).

⁶³ Р. Бекгулянц (Северянин), По Турецкой Армении, стр. 74.

⁶⁴ Там же, стр. 74—75. В Бохтане, писал немецкий путешественник Мюллер-Симонис, местные ага взимали натуральные налоги с армянских крестьян в таких размерах, что последние вынуждены были спасаться бегством (P. Müller-Simonis, Vom Kaukasus zum Persischen Meerbusen. Durch Armenien, Kurdistan und Mesopotamien, стр. 237).

⁶⁵ А. С. Амбарян, Аграрные отношения в Западной Армении, стр. 17—24; «Тифлисский листок», 22.V.1914.

⁶⁶ Р. Бекгулянц (Северянин), По Турецкой Армении, стр. 75—76.

⁶⁷ Ашар (или ушр) — средневековая десятина, главный натураль-

ный налог с крестьянства Османской империи, составлявший официально 12,63% урожая, а фактически — часто в два-три раза больше.

⁸⁸ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1908 г., д. 1595, лл. 49, 50. Из донесения от 22 июля 1908 г.

⁸⁹ De Cholet, Arménie Kurdistan et Mésopotamie, стр. 172.

⁹⁰ Б. А. Борьян, Армения, международная дипломатия и СССР, ч. I, стр. 179—180.

⁹¹ А. С. Амбарян, Аграрные отношения в Западной Армении, стр. 37; С. М. Акопян, Западная Армения в планах империалистических держав, Ереван, 1907, стр. 18—19.

⁹² АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1907 г., д. 4087, лл. 77—78. Донесение от 20 апреля 1907 г.

⁹³ АВПР, ф. «Политархив», 1907 г., д. 541, л. 156. Донесение Ширкова послу в Константинополе от 27 июля 1907 г. См. также: Х. Ф. Б. Линч, Армения. Путевые очерки и этюды, т. II, стр. 554.

⁹⁴ L. de Contenson, Chrétiens et Musulmans, стр. 193.

⁹⁵ А. С. Амбарян, Аграрные отношения в Западной Армении, стр. 38—40.

⁹⁶ А. Дживелегов, Будущее Турецкой Армении, — сб. «Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 г.», М., 1896, стр. 174.

⁹⁷ ЦГАОР, ф. 579 («П. Н. Милуков»), оп. I, кн. 2, д. 1522, лл. 2—3. Статистические сведения о Ванском вилайете.

⁹⁸ К. А. Чачаян (Карлене Чачани), Дружба армянского и курдского народов в XIX—XX веках, стр. 8.

⁹⁹ Там же, стр. 9.

¹⁰⁰ «Зулюм» — гнет, тирания.

¹⁰¹ См. например: Б. А. Борьян, Армения, международная дипломатия и СССР, ч. I, стр. 11—78.

¹⁰² В. А. Гордлевский, Силуэты Турции, стр. 126.

¹⁰³ Як. Д. Лазарев, Причины бедствий армян в Турции и ответственность за разорение Сасуна, стр. 2—3.

¹⁰⁴ De Cholet, Arménie, Kurdistan et Mésopotamie, стр. 245.

¹⁰⁵ «Армянский Вестник», 1917, № 23, стр. 5—6.

¹⁰⁶ Цит. по: АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1910 г., д. 1599, л. 67.

¹⁰⁷ Р. Бекгулянц (Северянин), По Турецкой Армении, стр. 32.

¹⁰⁸ Там же, стр. 82—83.

¹⁰⁹ Цит. по: Дж. Джалиле, Восстание курдов 1880 года, стр. 17.

¹¹⁰ Б. А. Борьян, Армения, международная дипломатия и СССР, ч. I, стр. 178, 180. Оседлые курды Битлисского, Мосульского и Диарбекирского вилайетов, писал русский наблюдатель, «составляют вполне мирное и спокойное население наиболее культурных местностей на равнинах, в окрестностях значительных центров. Они занимаются земледелием, более или менее аккуратно выплачивают налоги, отбывают воинскую повинность и не только не грабят никого, но сами подвергаются грабегам аширетных курдов» («Заметка о политическом положении в Южном Курдистане и Северной Месопотамии», — ИШКВО, 1904, № 1—2, стр. 51).

¹¹¹ Л. Ф. Тигранов, Из общественно-экономических отношений в Персии, стр. IX.

¹¹² Турецкие власти, например, заставляли выписывать неграмотных курдов газеты и за это взыскивали особый налог [Р. Бекгулянц (Северянин), По Турецкой Армении, стр. 32].

¹¹³ Э. Реклю, Земля и люди, т. IX, стр. 299.

¹¹⁴ S. S. Gavan, Kurdistan, стр. 14.

¹¹⁵ «Тифлисский листок», 17.V.1909.

¹¹⁶ См.: М. А. Кемаль, К истории издания первой курдской газеты, — «Народы Азии и Африки», 1968, № 4, стр. 161—164.

¹¹⁷ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1914 гг. д. 3573, л. 26. Донесение от 14 февраля 1913 г. В. А. Гордлевский так описывает

типичную землянку в курдском или армянском селении: «В такой „дом“ свет проникает только через дымоходное отверстие в крыше, а когда его закрывают, чтобы удержать тепло, воцаряется тьма кромешная. Направо в таком доме, на небольшом возвышении, собираются люди; тут они и сидят, и едят, и спят. Налево — скотина; так, когда она под боком, оно спокойнее, безопаснее и... теплее» («Силуэты Турции», стр. 16).

¹¹⁸ «Кавказ», 1848, № 47, стр. 189.

¹¹⁹ А. Карцев, Заметки о курдах, стр. 13.

¹²⁰ П. И. Аверьянов, Курды в войнах России с Персией и Турцией, стр. 220. Аверьянов имел в виду русско-турецкую войну 1877—1878 гг.

¹²¹ АВПР, ф. «Политархив», 1901 г., д. 1637, лл. 141—142. Донесение от 4 декабря 1901 г.

¹²² В. Никитин, Курды, стр. 236.

¹²³ Д. Д. Беляев, Очерки северо-восточной части Персидского Курдистана, — ИШКВО, 1910, № 30, стр. 8—9.

¹²⁴ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1912 г., д. 79, лл. 2—3. Докладная записка Минорского «О русском представительстве в Северном Персидском Курдистане»; АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1907 г., д. 124, л. 228. Деша посланника в Тегеране Гартвига от 12 июля 1907 г.

¹²⁵ К. Н. Смирнов, Поездка в Северный Курдистан, стр. 324.

¹²⁶ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1913 г., д. 1405, л. 113; Лойко, Битлисский вилайет, стр. 127—128.

¹²⁷ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1910 г., д. 1599, л. 30. Отчет Олферьева о торговле Ванского вилайета за 1908 г.

¹²⁸ Пропаганду католицизма вели также миссионеры из Австро-Венгрии.

¹²⁹ А. М. Колюбакин, Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции, т. I, ч. I, Тифлис, 1888, стр. 169.

¹³⁰ «Материалы для географии Азиатской части Турции. Путевой журнал Е. И. Чирикова», СПб., 1875, стр. 462.

¹³¹ Ю. Карцов, Семь лет на Ближнем Востоке, СПб., 1906, стр. 184. О деятельности американских миссионеров на Ближнем Востоке см. также: З. З. Абдуллаев, Начало экспансии США в Иране, М., 1963, стр. 3—7.

¹³² Примечательно, что большинство американских миссионеров в курдо-армянских вилайетах Османской империи в ту пору также работали «на англичан». Это обстоятельство явилось большим успехом британских экспансионистов и значительно облегчало их задачи, ибо американцы создали широкую и разветвленную сеть своих пунктов почти во всех уголках Курдистана [см.: АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1906 г., д. 6202, лл. 6—10. Из донесения генконсула в Эрзеруме Скрябина от 22 июля 1907 г.; ф. «Посольство в Константинополе», 1906 г., д. 4119, л. 17. Донесение Скрябина от 10 февраля 1906 г.].

¹³³ ЦГВИА, ф. 2000, д. 265, л. 1. Выписки из донесения Термена, российского вице-консула в Ване, от 14 августа 1906 г.

¹³⁴ Мустафа аль-Халиди, Омар Фаррух, Миссионеры и империализм в арабских странах, М., 1961, стр. 22—23.

¹³⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911 г., д. 1602, л. 120. Донесение от 1 ноября 1911 г.

¹³⁶ Примечательно, что как раз в это время во Франции успешно развивалось антиклерикальное движение, приведшее к отделению церкви от государства (1902—1905 гг.).

¹³⁷ А. М. Колюбакин, Деятельность протестантских миссий в северо-восточной части азиатской Турции, — «Известия Кавказского отдела ИРГО», вып. I, т. IX, Тифлис, 1887, стр. 115—120, 121. Полковник Путята, много путешествовавший по Курдистану, писал, что в английских и американских миссионерских школах очень большое внимание уделялось английскому языку. Миссионеры добиваются, «чтобы влияние прошедших

их школу распространилось возможно шире по стране. Последним соображением должно объяснить и кажущуюся разбросанность американских учреждений, которые не сосредоточены в одном-двух пунктах, но рассеяны по всей Азиатской Турции» (Полк. Путята, Записка о Малой Азии, — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 66, СПб., 1896, стр. 37—43).

¹¹⁸ Там же, стр. 125.

¹¹⁹ ЦГВИА СССР, ф. 2000, л. 265, л. 1.

¹²⁰ Там же; см. также: д. 309, л. 91. Выписка из донесений российского вице-консула в Битлисе Ширкова от 17 и 25 февраля 1907 г.

¹²¹ Это консульство вскоре было упразднено. А. М. Колубакин, Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции, стр. 169.

¹²² Видный деятель английского правительства середины XIX в. сэр Хаммонд отмечал, что необходимость иметь в Турции британских консулов вызывается не столько торговыми, сколько политическими соображениями, ибо для обеспечения задач британской политики в Османской империи консул должен иметь огромное влияние как на местные турецкие власти, так и на местное население. Это мнение целиком было и в духе воззрений виднейшего русского юриста-международника Ф. Ф. Мартенса, который в своей фундаментальной работе «О консулах и консульской юрисдикции на Востоке» констатировал: «...Консулы сохраняют не только экономические интересы своего государства, но вместе с тем исполняют и политические функции, которые иногда, в особенности на Востоке, даже преобладают в их деятельности» (Ф. Ф. Мартенс, О консулах и консульской юрисдикции на Востоке, СПб., 1873, стр. 596—598).

¹²³ «С начала девятнадцатого столетия, — пишет современный исследователь курдской проблемы Иглтон, — о диких курдах стали рассказывать миссионеры, археологи и те любознательные путешественники из Европы, которые хотели изучить, часто от имени своих заинтересованных правительств, внутренние пределы распадающейся Османской империи и застойной Персии» (W. Eagleton, The Kurdish Republic of 1946, стр. 4).

ГЛАВА II

¹ Современный немецкий историк Георг Хальгартен дал ему такую выразительную характеристику: «...Грозный Абдул-Хамид, поставивший западную цивилизацию на службу своим восточным методам. Подлый палач армянского народа и самый недоверчивый из правителей, он повелевал целой армией шпионов и наемных убийц» (Георг Хальгартен, Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны, М., 1961, стр. 413).

² Ф. Ф. Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. VIII, СПб., 1888, стр. 674.

³ Ф. Ф. Грязнов, Курды и курдская конница, — «Известия штаба КВО», 1907, № 20, стр. 16—25.

⁴ В. Никитин, Курды, стр. 281; D. Kinnane, The Kurds and Kurdistan, стр. 24.

⁵ «Pensées et souvenirs de l'ex-sultan Abdul-Hamid», стр. 17—18.

⁶ Этот вопрос был поднят еще в середине 80-х годов командующим IV корпусом, дислоцированным в восточных вилайетах Анатолии, мушром (маршалом) Зеки-пашой и бывшим послом в Петербурге Шакир-пашой. Зеки-паша — черкес по национальности. После войны 1877—1878 гг. турецкое правительство поселяло в Восточной Анатолии так называемых «мухаджиров» — мусульман, выходцев из стран Балканского полуострова

и Северного Кавказа — черкесов, албанцев и т. д., которых направляли служить преимущественно в военно-полицейские и административные органы.

⁷ АВПР, ф. «Политархив», 1890 г., д. 975, л. 344. Из донесения Нелидова от 8 ноября 1890 г.

⁸ ЦГВИА СССР, ф. 450, д. 127, л. 43. Донесение вице-консула в Баязиде в посольство в Константинополе от 26 марта 1905 г.

⁹ П. И. Аверьянов, Курды в войнах России с Персией и Турцией, стр. 242—243.

¹⁰ «Pensées et souvenirs de l'ex-sultan Abdul-Hamid», стр. 14—15.

¹¹ АВПР, ф. «Политархив», 1889—1894 гг., д. 1630, лл. 104—105.

¹² П. И. Аверьянов, Курды в войнах России с Персией и Турцией, стр. 276.

¹³ «Материалы по изучению Востока», вып. 1, стр. 72—73.

¹⁴ П. И. Аверьянов, Этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Османской империи, стр. 14.

¹⁵ «Заметка о политическом положении в южном Курдистане и северной Месопотамии», — ИШКВО, № 1—2, стр. 51—54, 57.

¹⁶ АВПР, ф. «Среднеазиатский стол», 1892 г., д. 43, лл. 217—218. Донесение консула в Багдаде Панафилина от 8 июля 1891 г.

¹⁷ П. И. Аверьянов, Курды в войнах России с Персией и Турцией, стр. 280—282. О курдах Дарсима (кызылбашах, или али-илахах) В. А. Гордлевский писал: «Кызылбаша жили тайными надеждами на скорое пришествие „скрывающегося и возвращающегося царя“, который должен водворить в стране справедливость. И эти ожидания принимали у них злободневный политический характер» («Силуэты Турции», стр. 83—84).

¹⁸ «Pensées et souvenirs de l'ex-sultan Abdul-Hamid», стр. 17. Горячим поборником этой идеи был Зеки-паша, но многие турецкие генералы возражали против нее.

¹⁹ Ф. Ф. Грязнов, Курды и курдская конница, стр. 20.

²⁰ E. Nolde, Reise nach Inner-Arabien, Kurdistan und Armenien 1892, стр. 227.

²¹ П. И. Аверьянов, Курды в войнах России с Персией и Турцией, стр. 254—256.

²² ЦГВИА СССР, ф. 450, д. 142, л. 43.

²³ A. Waheed, The Kurds and Their Country, стр. 148.

О деятельности миссии фон дер Гольца в это время см.: А. С. Си-лин, Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века, М., 1971, стр. 152—170. Автор утверждает, что Порты не исполнила рекомендацию фон дер Гольца о формировании на кавказской границе нового корпуса (там же, стр. 156). По нашему мнению, создание хамидие свидетельствует об обратном.

²⁴ A. Waheed, The Kurds and Their Country, стр. 148—149.

²⁵ Great Britain, Stationary Office, Turkey № 7 (1897), Further Correspondence Respecting the Asiatic Provinces of Turkey (cmd 8395), стр. 68.

²⁶ П. И. Аверьянов, Этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Османской империи, стр. 14.

²⁷ L. de Contenson, Chrétiens et Musulmans, стр. 49—50.

²⁸ Frederic Macler, Les arméniens en Turquie, — «Revue du monde musulman», 1913, septembre, стр. 152.

²⁹ «Documents diplomatiques français», série I, vol. XI, стр. 72.

³⁰ При Абдул Хамиде II название «Армения» было официально упразднено и везде заменялось «Курдистаном». Примечательно, что, кроме Турции, это переименование было введено только в Англии.

³¹ «Тифлисский листок», 7, 9, 14.VII.1891 г.

³² «Тифлисский листок», 12.IX, 9.XI, 20.XII. 1891; 19.I.1892.

³³ Як. Д. Лазарев, Причины бедствий армян в Турции и ответственность за разорение Сасуна, стр. 20—21.

³⁴ Там же, стр. 23—26.

³⁵ АВПР, ф. «Политархив», 1889—1894 гг., д. 1630, л. 197. Донесение от 25 октября 1893 г.

³⁶ Там же, л. 187; L. Nalbandian, The Armenian Revolutionary Movement. The Development of Armenian Political Parties Through the Nineteenth Century, Berkeley—Los Angeles, 1963, стр. 161.

³⁷ АВПР, ф. «Политархив», 1889—1894, д. 1630, лл. 188—189; АВПР, ф. «Политархив», 1894 г., д. 983, л. 40. Донесение поверенного в делах в Константинополе Жадовского от 10 февраля 1894 г.

³⁸ АВПР, ф. «Политархив», 1892 г., лл. 330—331. Донесение от 14 сентября 1892 г.

³⁹ АВПР, ф. «Политархив», 1894 г., д. 983, лл. 154—155. Из донесений посла в Константинополе Нелидова от 26 мая 1894 г.

⁴⁰ «В этой дикой и неприступной стране, — писал секретарь русского посольства в Константинополе Смирнов о Сасуне, — в силу самих условий природы, армяне до последнего времени состояли в менее тесной зависимости от турецкой власти. В прежние времена они и с курдами жили много дружнее, платили им небольшую дань, и курды не только их не обижали, а даже, напротив, защищали их от посягательства турок. За последние годы отношения совершенно переменялись „милости“, которыми султан осыпал курдов, производство последних в регулярную кавалерию — невольно сблизили их с турками. Перемену отношений довершили — религиозное различие и агитация, которая велась среди армян не только против турок, но и против курдов. С другой стороны, — в этой горной стране смелее велась пропаганда, так как проповедники менее боялись попасть в руки турок». АВПР, ф. «Политархив», 1895 г., д. 3447, л. 71. Из донесения Нелидова от 23 февраля 1895 г.

⁴¹ Г. М. Арутюнян, Реакционная политика английской буржуазии в армянском вопросе в середине 90-х годов XIX века, стр. 190. По данным газеты «Мшак», органа армянских националистов, в подавлении сасунского восстания участвовало 12,3 тыс. турецких солдат и 43 тыс. курдов. Однако число курдов здесь сильно завышено (см.: Л. А. Байрамян, Империалистическая политика Англии по отношению к Западной Армении в конце XIX в., стр. 155).

⁴² Як. Д. Лазарев, Причины бедствий армян в Турции и ответственность за разорение Сасуна, стр. 32; Б. А. Борьян, Армения, международная дипломатия и СССР, ч. I, стр. 356.

⁴³ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1895 г., д. 46, т. II, л. 505.

⁴⁴ Там же, 1895 г., д. 28, лл. 105—107. Из донесения Нелидова министру иностранных дел Лобанову-Ростовскому от 9 ноября 1895 г. Зеки-паша выхлопотал для офицеров-хамидийцев, терроризировавших со своими отрядами население, «высочайший указ», освобождавший их от явки в суд (В. А. Гордлевский, Силуэты Турции, стр. 117).

⁴⁵ «Геноцид армян в Османской империи», стр. 27, 38.

⁴⁶ Там же, стр. 82.

⁴⁷ Г. М. Арутюнян, Реакционная политика английской буржуазии в армянском вопросе в середине 90-х годов XIX века, стр. 116.

⁴⁸ L. Nalbandian, The Armenian Revolutionary Movement, стр. 78, 174—175.

⁴⁹ См.: «Тифлисский листок», 10.XI.1895.

⁵⁰ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1895 г., д. 28, лл. 105—107. Нелидов — Лобанову-Ростовскому, 9 ноября 1895 г.

⁵¹ Там же, л. 105; ф. «Посольство в Константинополе», 1897 г., д. 3516, л. 16. Донесение генконсула в Эрзеруме Максимова Нелидову от 3 мая 1897 г.

⁵² АВПР, ф. «Политархив», 1895 г., д. 985, л. 147. Донесение Нелидова от 13 апреля 1895 г. Имеются в виду курды-хамидийцы.

⁵³ Як. Д. Лазарев, Причины бедствий армян в Турции и ответственность за разорение Сасуна, стр. 34, 41.

⁵⁴ «Геноцид армян в Османской империи», стр. 20.

⁵⁵ «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», М., 1897, стр. 120, 122—124; см. также: Л. А. Байрамян, Империалистическая политика Англии по отношению к Западной Армении в конце XIX в., стр. 165, 166.

Положительные моменты в курдо-армянских отношениях во время резни середины 90-х годов не выветрились из памяти народной. Их подметил в 1911—1912 гг. И. А. Орбели, тогда начинающий востоковед, посетивший район Вана (Мокс). Предоставим слово его биографу К. Н. Юзбашяну:

«И вот он (Орбели. — М. Л.) попадает в горную область, где мирно соседствуют армяне и курды, где тесно переплетаются формы их быта, переплетается фольклор. Огромное впечатление произвел на молодого ученого Муртулла-бег. „Живу в доме мудира (участкового пристава), курдского бей, — писал он из Мокса родителям в начале сентября 1911 г., — одного из немногих защитников армян во время резни и большого русофила. Я редко видел более симпатичного и красивого старика. А главное, он изумительно культурный, хотя дальше Вана нигде не ездил. Относится ко мне прекрасно“. И. А. Орбели писал, что во время резни 1895 г. только самоотверженное вмешательство Муртуллы спасло деревню Возим от толпы фанатиков.

„О моких курдах, их душевных качествах Иосиф Абгарович сохранил самую добрую память. Здесь, в Моксе, как много раз говорил ученый впоследствии, он понял, что не курдский народ, а проводившая его турецкая администрация была злейшим врагом армян и что в таких обособленных районах, как Мокс, курды и армяне живут в добром согласии“» (К. Н. Юзбашян, Академик Иосиф Абгарович Орбели, М., 1964, стр. 33—34).

⁵⁶ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1901 г., д. 1587, л. 6. Донесение от 18 января 1901 г.

Академик В. А. Гордлевский в связи с трагическими событиями на востоке Малой Азии несколько позже глубоко справедливо заметил: «О курдах в Турции было раньше принято говорить как о разбойниках. Но ведь, собственно говоря, турки натравливали их и друг против друга, и против армян, и делать вывод об исключительной ненависти между курдами и армянами было бы неправильно... Было бы несправедливо осуждать на гибель или проповедовать истребление курдов как „разбойничьего“ народа. Изменяется условия жизни курдов — изменяются и они сами. До сих пор два фактора отрицательно действовали на курдов — с одной стороны, султанское правительство, которое, преследуя эгоистические цели, поощряло в курдах злобу, с другой — курды находились во власти племенных вождей, которые бесцеремонно высасывали из них все соки.

Курд должен быть раскрепощен, и тогда сразу скажется, что если он не лучше, то уж несколько не хуже других. Ведь и курды принадлежат к тем народам, права которых поправны» («Силуэты Турции», стр. 119—120).

⁵⁷ По словам российского вице-консула в Ване Масевского, «курды и армяне Ванского и Битлисского вилайетов прожили вместе несколько сот лет. Особенного порядка и благоустройства в этой части Курдистана никогда не было. Но общее положение христианского населения здесь было гораздо лучше до вмешательства держав, чем после этого вмешательства» (АВПР, «Политархив», 1900 г., д. 710, л. 4. Донесение от 11 марта 1900 г.).

⁵⁸ Как справедливо пишет академик В. М. Хвостов об этих событиях, «Дипломатия капиталистических держав содействовала подавлению национально-освободительного буржуазно-демократического движения угнетенных наций Османской империи. Она способствовала сохранению архаического феодального и полукOLONиального режима в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке» («История дипломатии», изд. 2-е, М., 1963, т. II, стр. 347).

⁵⁹ Контансон в то время справедливо замечал, что курды грозят при

чинить «самые серьезные затруднения оттоманскому правительству в Азиатской Турции», поскольку «вопросы курдский и армянский связаны». Все это неминуемо вызовет новый кризис и вмешательство держав (Ludovic de Contenson, *Chrétiens et musulmans*, стр. 120—121, 192).

⁶⁰ См. в частности: «История дипломатии», т. II, стр. 333—347.

⁶¹ АВПР, ф. «Политархив», 1894—1900 гг., д. 933, л. 3.

⁶² АВПР, ф. «Политархив», 1894 г., д. 33, лл. 117—118.

Царское правительство имело в то время свои причины препятствовать разрешению армянского вопроса в Турции. Оно опасалось подъема армянского национально-освободительного движения, которое неминуемо бы захватило и пределы Закавказья. Не случайно царская администрация в Закавказье, возглавлявшаяся в 90-х и в начале 1900-х годов ярким русификатором князем Голицыным, обрушилась тогда с гонениями на армян и армянскую культуру. Вместе с тем в Петербурге боялись, что в случае успехов армянского движения в Турции Россия рано или поздно приобретет в качестве соседа армянское государство, находящееся под влиянием какой-либо враждебной России европейской державы. Известны крылатые слова российского министра иностранных дел в 1895—1896 гг. князя А. Б. Лобанова-Ростовского: «Россия не допустит создания другой Болгарии»; Армения ей нужна «без армян» (см.: Б. А. Борьян, Армения, международная дипломатия и СССР, ч. I, стр. 25). «Внутренние взаимоотношения народностей Турции интересовали русскую дипломатию с точки зрения возможности использовать эти взаимоотношения для своих завоевательных целей, как орудие борьбы против Турции», — писал Борьян (там же, стр. 176). Следовало бы добавить, что эти «внутренние взаимоотношения», в том числе армян с курдами, были весьма актуальны для царизма и с точки зрения его колониальной политики на Кавказе, а также обеспечения безопасности его границы со стороны Турции и некоторых ее западных «покровителей».

⁶³ Ludovic de Contenson, *Chrétiens et musulmans*, стр. 193.

⁶⁴ АВПР, ф. «Политархив», 1895 г., д. 985, лл. 115—116. Донесение Нелидова от 16 марта 1895 г.

⁶⁵ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1896 г., д. 29, лл. 42, 45. Донесение Нелидова от 17 октября 1896 г.; ф. «Политархив», 1895 г., д. 985, л. 397.

Вербальная нота Порты русскому посольству от 5 октября 1895 г. о реформах в Армении.

⁶⁶ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1897 г., д. 3516, лл. 1—4, 9, 11. Переписка русских консулов в Эрзеруме и Ване с Нелидовым.

⁶⁷ «Pensées et souvenirs de l'ex-sultan Abdul-Hamid», стр. 31.

⁶⁸ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1898 г., д. 26, лл. 491—492. Донесение Зиновьева министру иностранных дел Муравьеву от 4 июня 1898 г.

⁶⁹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1901 г., д. 24, лл. 377—380. Донесение Зиновьева министру иностранных дел Ламздорфу от 20 сентября 1901 г.

⁷⁰ «Тифлиссский листок», 26.VII.1913. Восемь месяцев спустя Бшаре-Халил сам погиб от руки Андраника, руководителя вооруженной борьбы армян против турок.

⁷¹ АВПР, ф. «Политархив», 1902 г., д. 376, л. 4. Донесение Зиновьеву от 16 апреля 1902 г. Марк Сайкс, совершивший путешествие по Юго-Восточной Анатолии несколько лет спустя, рассказал о следующем эпизоде. Несколько хамидийцев совершили разбойничье нападение на сопровождавший его консульский эскорт, причем единственный из схваченных преступников стрелял в турецкого офицера, командира этого эскорта. Между хамидийцем и этим офицером произошел такой разговор:

— «Вы не можете тронуть меня, — сказал плохой человек. — Я — хамидиец.

— Ах, — ответил офицер, — ты хамидиец. Проклятие господне на тебя и на собаку, которая так назвала тебя. Ты хамидиец. Правильно, если

бы ты ограбил османца, я не мог бы тронуть тебя; но ты стрелял в эскорт консула — и ничто не может спасти тебя». Офицер передал преступника полиции, а та отпустила его на свободу, как... хамидийца (M. Sykes, *The Caliph's Last Heritage*, стр. 422).

⁷² АВПР, ф. «Политархив», 1901 г., д. 711, лл. 23—25. Донесение вице-консула в Ване Туманского от 4 мая 1901 г.; ф. «Посольство в Константинополе», 1897 г., д. 3516, лл. 10—20. Донесение Туманского от 8 мая 1901 г.

⁷³ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1900 г., д. 28, лл. 24—26. Донесение Зиновьева Ламздорфу от 29 сентября 1900 г.

⁷⁴ Там же, лл. 51—63. О действиях Ибрагим-пашы см. также: «Revue du monde musulman», 1908, avril, стр. 822.

⁷⁵ АВПР, ф. «Политархив», 1901 г., д. 1000, л. 213. Выписка из донесения российского консула в Алеппо Григоревича от 8 мая 1901 г.

⁷⁶ «Заметка о политическом положении в южном Курдистане и северной Месопотамии», — ИШКВО, 1904, № 1—2, стр. 54—55; Ludovic de Contenson, *Chrétiens et musulmans*, стр. 65—66.

⁷⁷ E. B. Soane, *To Mesopotamia and Kurdistan in Disguise*, стр. 179—180.

⁷⁸ Видимо, это дало основание Контансону заметить, что курды держат «в своих руках ключ к новой ситуации в Азиатской Турции» (там же, стр. 189).

⁷⁹ «Материалы по изучению Востока», вып. I, стр. 76.

⁸⁰ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1899 г., д. 25, л. 186. Донесение Зиновьева Муравьеву от 18 февраля 1899 г. «Особой заботой и постоянной заботой и постоянным мучением высших чиновников в этой стране, — свидетельствовал Линч, — были вновь набранные полки-хамидие, которые льстят тщеславию правящего султана, но в то же время подкапываются под его престол... В официальных кругах к ним почти всегда относятся с презрением, но не без примеси некоторой доли тревоги. Высокопоставленный турок, говоря о них, ссылается на свою излюбленную пословицу: „рыба начинает вонять с головы“... Когда я на это заметил, что казаки русского царя во многих отношениях представляют утешительную аналогию турецких хамидие, мне отвечали, что русский самодержец для обуздания их употребляет суровые меры, на которые не способен слишком кроткое и гуманное (!) турецкое правительство» (Х. Ф. Б. Линч, Армения..., т. II, стр. 5—6).

⁸¹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1899 г., д. 26, л. 234. Донесение Зиновьева Муравьеву от 11 июля 1899 г. См. также: 1901 г., д. 22, лл. 159—160. Донесение Зиновьева Ламздорфу от 2 февраля 1901 г.

⁸² АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1898 г., д. 7584, л. 57. Из дневника вице-консула в Ризе Гиппиуса о поездке из Вана через Урмию в Тебриз с 21 марта по 21 апреля 1898 г.

⁸³ М. Ардагов, Разжалование высших чинов в турецкой армии, — ИШКВО, 1909, № 27, стр. 4—5.

⁸⁴ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1898 г., д. 1584, л. 4. Донесение Гиппиуса Зиновьеву от 12 января 1898 г.

⁸⁵ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1901 г., д. 22, лл. 159—160. Донесение Зиновьева Ламздорфу от 2 февраля 1901 г.

⁸⁶ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1897 г., д. 3116, лл. 22—23. Донесение генконсула в Эрзеруме Зиновьеву от 1 июня 1901 г. О кызылбашах Дерсима один современник писал: «Есть округа, населенные кызылбашами, куда турки не заглядывают никогда. Никакие военные экспедиции не могли обуздать кызылбашей Дерсима, и они до сих пор составляют как бы государство в государстве в Анатолии». В то же время к христианам они «относятся довольно симпатично и если турецкий солдат не может и показаться на границах Дерсима, без того, чтобы не быть подстреленным, европейский путешественник может свободно доверять себя кызылбашам в полной уверенности, что эти дикие люди не тронут до-

верившегося им» [М. Т. Курды (историко-этнографический очерк). — «Кавказ», 21.IX.1900.].

⁸⁷ АВПР, ф. «Политархив», 1901 г., д. 1637, лл. 141—142. Донесение Демерика от 4 декабря 1901 г.

⁸⁸ АВПР, ф. «Политархив», 1900 г., д. 710, л. 5. Донесение от 11 марта 1900 г.

⁸⁹ Там же, 1903 г., д. 1639, лл. 92—93. Донесения генконсула в Эрзеруме Скрыбина от 29 июля и 3 августа 1903 г.

⁹⁰ АВПР, ф. «Политархив», 1903 г., д. 1639, лл. 139—141. Донесение Скрыбина от 7 октября 1903 г.; «Кавказ», 9.IV.1904.

⁹¹ К. Смирнов, События в Сасуне весной 1904 года, стр. 29.

⁹² АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1898 г., д. 27, т. I, лл. 251—252. Донесение Зиновьева Муравьеву от 10 сентября 1898 г.

⁹³ Там же, 1901 г., д. 22, лл. 352—354. Донесение Зиновьева Ламздорфу от 23 марта 1901 г.

⁹⁴ Турецко-иранский пограничный конфликт возник еще после завоевания Курдистана султаном Селимом I Явузом в начале XVI в. Граница между обоими странами тогда не была определена даже в общих чертах. В 1555 г., при заключении турецко-иранского мирного договора, султан Сулейман I Кануни впервые продиктовал шаху Тахмаспу I условия проведения границы. Однако они были документально зафиксированы только в 1639 г. в Зохабе, после победы султана Мурада IV над шахом Сефи. Это первое соглашение о границе (основанное на признании статус-кво) было односторонним актом, навязанным победителем и к тому же не содержащим ее детального описания. Поэтому на турецко-иранской границе по-прежнему имели место враждебные действия, служившие постоянным источником напряженности в турецко-иранских отношениях и одним из поводов для войн между обоими государствами. Нередко заключались соглашения по пограничным вопросам: в 1727 г. — в Хамадане, в 1736 г. — в Стамбуле, в 1746 г. — в Мугане, в 1823 г. — в Эрзеруме. Договор 1746 г. специально подтвердил границу 1639 г., а договор 1823 г. подтвердил положения договора 1746 г. в отношении границы. Тем не менее на границе, которая так и не была точно определена, постоянно происходили конфликты с неизменным участием курдов. Особенно острые инциденты происходили между 1833 и 1842 гг., что привело Турцию и Иран на грань войны. В 1833 г. персы совершили набег на Баязид, в 1835 г. ванские курды напали на Котур, ревандуский паша предал огню и мечу Мергазур в Иране. В 1837 г. багдадский паша сжег Мохаммеру и вырезал ее жителей. В 1840 г. персы временно захватили Сулейманию и в 1842 г. из Сулеймании совершили нападение на Ардаалан и т. д.

В 1843 г. турецкое и иранское правительства приняли в проведении границы посредничество Англии и России, которые были заинтересованы в урегулировании пограничных конфликтов, так как боялись, что разжигание их усилит одну из сторон. Четырехсторонняя комиссия собралась в Эрзеруме в 1843 г. Ее работа, происходившая с перерывами и омрачавшаяся многочисленными инцидентами на границе, большей частью по вине турок (резня шиитов в Карбеле, столкновения между турецкими и иранскими курдами), закончилась в 1847 г. подписанием 31 мая Эрзерумского трактата.

Ст. 2 трактата устанавливала, что к Ирану отходят все восточные районы, а к Турции — западные районы области Зохаб. Иран отказывался от притязаний на район Сулеймании, а Турция — на Мохаммеру, о-в Абадан и левый берег Шатт-эль-Араба. Оба правительства обязались назначить своих представителей для точного определения границы. Подтверждались те положения договора 1823 г., которые не были отменены настоящим трактатом.

В разграничительную комиссию входили: полковник Вильямс (Англия), полковник Чириков (Россия), Мирза Джафар хан (Иран), Дервиш-паша (Турция). Однако, по словам Эдмондса, «работа комиссии была тяжело

скомпрометирована еще до того, как она собралась», ибо под руководством Дервиш-паши турки совершили набег на Котур. Представители четырех держав собрались в Багдаде в июне 1849 г. По признанию тогдашнего британского посла в Турции Стрэтфорда Каннинга, за первые два года работы комиссии только три недели она действительно занималась разграничением. Вильямс, например, однажды на целый месяц отлучился для руководства археологическими раскопками в Шуше. В конце концов комиссия ограничила свою задачу только определением территории, на которой должна быть проведена граница, не фиксируя саму пограничную линию. Турецкая сторона в этих переговорах занимала агрессивную позицию, отвергнув, например, вариант, по которому к Турции отходили оба берега Шатт-эль-Араба до его слияния с Каруном, хотя с этим согласился Иран. Работа комиссии была прервана в связи с Крымской и англо-иранской (1857 г.) войнами.

В 1857 г. русские и английские топографы собрались в Петербурге, чтобы составить карты по материалам, собранным в 1850—1852 гг. Эта работа была закончена только в 1865 г., однако оба варианта, составленные каждой стороной, резко отличались друг от друга. Стороны снова принялись уточнять карты. Иран согласился с предложенной линией, но Турция дала окончательное согласие только в 1875 г.

Между тем 3 августа 1869 г. была выработана конвенция, предлагавшая временное статус-кво, но оказавшаяся столь же неэффективной, как и все предыдущие, ибо каждая сторона по-разному толковала это статус-кво.

В 1874 г. в Стамбуле была созвана двусторонняя турецко-иранская комиссия. Персы требовали восстановления статус-кво по договору 1847 г., а турки оперировали соглашениями 1639 и 1823 гг. Русский и английский посредники поддерживали персов, однако русско-турецкая война 1877—1878 гг. сорвала наметившееся соглашение.

В последней четверти XIX в. Иран часто обращался к великим державам по поводу бесчисленных нарушений турками границы и, в частности, оккупации турками Котура, закрепленного по Сан-Стефанскому договору и Берлинскому трактату за Ираном. В 1880 г. смешанная англо-русская комиссия определила пограничную линию, но не демаркировала ее. В это время происходили явные нарушения пограничной линии (турецкий гарнизон оставался в Котуре, а персы продолжали занимать западные районы Зохаба), но они не принимались во внимание во время дипломатических переговоров. Все последующие попытки решить пограничный спор между Ираном и Турцией терпели неудачи. Вплоть до кануна первой мировой войны турецко-иранская граница была не демаркирована, а в ряде важных стратегических пунктов даже не проведена.

Неудача всех попыток турецко-иранского разграничения объясняется не только острыми разногласиями между Турцией и Ираном и особой агрессивностью турецких правящих кругов, но также вмешательством России и Англии. Эти державы хотя и были на словах заинтересованы в разграничении, будучи ярыми соперниками на ближневосточной арене, действовали во вред друг другу и во время работ самих комиссий на границе, и на международной арене, что придавало самому посредничеству в значительной степени иллюзорный характер и позволяло турецким экстремистам без особого для себя риска игнорировать посредников [по этому вопросу см.: «Материалы для географии Азиатской Турции. Путевой журнал Е. И. Чирикова, русского комиссара — посредника по турецко-персидскому разграничению», СПб., 1875 (в этой же книге помещены обширные материалы по пограничному вопросу, собранные ее издателем Гамзовым); «Материалы по изучению Востока», вып. II; C. J. Edmonds, Kurds, Turks and Arabs, стр. 130—136; Н. А. Халфин, Борьба за Курдистан..., стр. 52—67].

⁹⁵ «Тифлисский листок», 16.VII.1891.

⁹⁶ «Тифлисский листок», 28.VII, 21.IX.1891.

⁹⁷ АВПР, ф. «Среднеазиатский стол», 1892 г., д. 43, лл. 244—246. Донесение консула в Багдаде Панафидина послу в Константинополе от 27 февраля 1892 г.

⁹⁸ АВПР, ф. «Главный архив», 1893 г., д. 133, т. I, лл. 113—114. Проект депеши послу в Константинополе от 14 июля 1893 г.

⁹⁹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1888 г., д. 1226, лл. 4—13. Донесение посланника в Тегеране от 12 апреля 1893 г.

¹⁰⁰ Там же, лл. 21, 29, 30. Донесения поверенного в делах в Тегеране Щеглова от 8 февраля 1896 г. и Нелидова от 4 апреля 1896 г.

¹⁰¹ Там же. Донесения посланника в Тегеране Брюцова от 3 августа 1896 г. и Нелидова от 20 августа 1897 г., лл. 39, 46.

¹⁰² Там же, лл. 29—30. Донесение Нелидова от 4 апреля 1896 г.

¹⁰³ «Из тегеранского дневника полковника В. А. Косоговского», стр. 148; ЦГВИА, ф. 446, д. 48, лл. 48—51, 67; АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1897 г., д. 111, л. 57. Телеграмма Щеглова от 6 августа 1897 г.

¹⁰⁴ АВПР, ф. «Персидский стол», 1888 г., д. 1226, лл. 42—44. Донесение Щеглова от 14 августа 1897 г.

¹⁰⁵ АВПР, ф. «Персидский стол», 1888 г., д. 1226, л. 42. Донесение Щеглова от 14 августа 1897 г.; ф. «Политархив», 1902 г., д. 1006, л. 533. Донесение посланника в Тегеране Аргиропуло от 13 августа 1902 г.

¹⁰⁶ «Из тегеранского дневника полковника В. А. Косоговского», стр. 148; АВПР, ф. «Персидский стол», 1888 г., д. 1226, л. 39. Донесение Брюцова от 3 августа 1896 г.

¹⁰⁷ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1898 г., д. 7584, л. 58. Поездка из Вана в Урмию (дневник А. И. Гиппиуса).

ГЛАВА III

¹ В. Ф. Минорский, Курды. Заметки и впечатления, — «Известия Министерства иностранных дел», кн. III, 1915, стр. 229.

² М. П. Павлович в свое время справедливо заметил: «Русская внешняя политика в эпоху царизма последней эпохи представляла собой как бы равнодействующую двух направлений: ближневосточного — с одной стороны, и дальневосточного — с другой» (Предисловие к кн.: А. М. Зайончковский, Подготовка России к мировой войне в международном отношении, М., 1926, стр. 4).

³ Одним из предводителей таких отрядов был некий Джафар Махмуд-паша; русский посол в Константинополе просил главноначальствующего на Кавказе принять меры к его розыску и аресту («Тифлисский листок», 22.IX.1891).

⁴ ЦГВИА, ф. 446, д. 48, л. 92; ЦГИАГ, ф. 521, д. 310; АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1894 г., д. 3610, лл. 1—2. Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе ген.-ад. Шереметьев — министру иностранных дел, 30 сентября 1894 г.; ф. «Турецкий стол (старый)», 1898—1904 гг., лл. 3600, 3612, 3624, 3625—3627, 3630, 3632, 3633. Донесения командира отдельного корпуса пограничной стражи, главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и Эриванского губернатора в МИД, письма военного министра Куропаткина Муравьеву и Ламздорфу и др.

⁵ АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1899—1901 гг., д. 3633, л. 10. Тизенгаузен — директору канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 15 мая 1899 г.

⁶ Там же, 1899 г., д. 3632, лл. 32—33. Куропаткин — Муравьеву, 23 августа 1899 г.

⁷ Там же, 1899—1901 гг., д. 3633, л. 89. Денежа Зиновьева от 22 декабря 1900 г.

⁸ См.: ЦГИАГ, ф. 521, оп. 2, д. 302, л. 6. Рапорт погранофицера Квятковского от 25 января 1902 г.

⁹ ЦГВИА, ф. 450, д. 142, л. 50; ЦГИАГ, ф. 521, оп. 2, д. 302, лл. 1, 6. Донесение начальника штаба 6-го округа пограничной стражи — начальнику штаба КВО от 14 марта 1902 г.

¹⁰ ЦГВИА, ф. 450, д. 127, л. 50.

¹¹ Как писал в своем рапорте командир 11-го пограничного отдела по охране Эриванской губернии войсковой старшина Борчевский, прежде, когда граница России с Турцией почти не охранялась, русские и турецкие курды, тесно связанные друг с другом и находящиеся часто в родстве, свободно переходили границу. Это было связано с наличием пастбищ, источников воды и пр. Но в мае 1899 г. в район Арарата прибыла Башкадыклярская команда, перекрывшая дорогу, по которой шла беспошлинная контрабанда. В этом месте сразу начались инциденты, ибо указанной мерой были недовольны и российские и турецкие курды. АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1899 г., д. 3632, лл. 27—28. Рапорт Борчевского командиру Эриванской бригады пограничной стражи от 8 августа 1899 г.

¹² АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1905 г., д. 4083, лл. 28—36. Донесение вице-консула в Баязиде Иванова послу в Константинополе от 10 ноября 1905 г.

¹³ К. Н. Смирнов, Поездка в Северный Курдистан, — ИКОРГО, т. XVII, 1904, стр. 326.

¹⁴ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1905 г., д. 4083, лл. 32—33. Донесение Иванова от 10 ноября 1905 г.

¹⁵ АВПР, ф. «Политархив», 1897 г., д. 39, лл. 23—24.

¹⁶ Назначение И. А. Зиновьева Абдул Хамид воспринял с недовольством. «Царь послал к нам дипломата крайне сильною, я скажу прежде всего: опасною», — говорил он в своем окружении («Pensées et souvenirs de l'ex-sultan Abdul-Hamid», стр. 107).

¹⁷ АВПР, ф. «Политархив», 1897 г., д. 41, лл. 2, 11, 12.

¹⁸ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1898—1909 гг., д. 3806, лл. 6—7. Ламздорф — Зиновьеву, 12 августа 1900 г.

¹⁹ АВПР, ф. «Политархив», 1896 г., д. 987, л. 164. Донесение Нелидова от 25 апреля 1896 г.; АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1895 г., д. 27, л. 12; АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1894 г., д. 3610, лл. 4—5.

²⁰ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1898 г., д. 26, лл. 38—39. Зиновьев — Муравьеву, 5 января 1898 г.

²¹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1899 г., д. 26, л. 74. Донесение Зиновьева Муравьеву от 12 июня 1899 г.

²² АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1899 г., д. 3632, л. 6. Муравьев — Зиновьеву, 14 июля 1899 г.

²³ АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1899—1901 гг., д. 3633, л. 54. Муравьев — военному министру А. Н. Куропаткину, 1 августа 1899 г.

²⁴ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1899 г., д. 27, лл. 86—87.

²⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1905 г., д. 2673, лл. 20—22. Из донесения генерального консула в Эрзеруме Скрыбина послу в Константинополе от 22 декабря 1903 г.

²⁶ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1900 г., д. 28, лл. 497—499. Донесение Зиновьева Ламздорфу от 15 сентября 1900 г.

²⁷ ЦГВИА, ф. 450 (коллекция материалов по истории России), д. 127, лл. 4—6, 9—10.

²⁸ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1900 г., д. 29, лл. 327—331. Донесение Зиновьева Ламздорфу от 22 декабря 1900 г.

²⁹ АВПР, ф. «Политархив», 1900 г., д. 1636, л. 58. Ламздорф — Зиновьеву, 27 сентября 1900 г.

³⁰ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1900 г., д. 29, л. 8. Донесение Зиновьева Ламздорфу от 29 сентября 1900 г.

³¹ АВПР, ф. «Политархив», 1901 г., д. 56, л. 2. Ламздорф — Зиновьеву, 5 января 1901 г.

³² Зиновьев не без гордости писал, что вынесение этого приговора стоило больших усилий «как посольству, так и консульству в Эрзеруме»

(АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1901 г., д. 24, л. 166. Донесение Зиновьева Ламздорфу от 2 августа 1901 г.).

³³ АВПР, ф. «Политархив», 1901 г., д. 57, л. 92. Ламздорф — Зиновьеву, 10 октября 1901 г.

³⁴ АВПР, ф. «Политархив», 1898 г., д. 43, л. 99. Телеграмма Зиновьеву от 21 мая 1898 г.

³⁵ Там же, л. 101. Донесение Зиновьева Муравьеву от 23 мая 1898 г.

³⁶ Там же, лл. 138—139. Телеграмма Зиновьева Муравьеву от 11 июня 1898 г.

³⁷ Там же, л. 146. Телеграмма Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе от 19 июня 1898 г.

³⁸ Там же, лл. 189—190. Муравьев — Зиновьеву, 20 июля 1898 г.

³⁹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1899 г., д. 25, т. I, л. 271. Донесение Зиновьева Муравьеву от 17 марта 1899 г.

⁴⁰ АВПР, ф. «Политархив», 1899 г., д. 47, лл. 100—104. Муравьев — Николаю II, 6 апреля 1899 г.

⁴¹ Там же, д. 48, лл. 3—4. Зиновьев — Муравьеву, 4 мая 1899 г.

⁴² Там же, л. 5. Муравьев — Николаю II, 5 мая 1899 г.

⁴³ Там же, лл. 8—9. Муравьев — Зиновьеву, 12 мая 1899 г.

⁴⁴ Строго говоря, не только пограничных инцидентов. Взамен этой уступки русская дипломатия получила от Порты важное для России обязательство от 31 марта 1900 г., предоставлявшее русским исключительное право на строительство железных дорог и других концессионных предприятий в зоне, прилегающей к кавказской границе и к южному побережью Черного моря. Условия этого обязательства были аналогичны тем, которые содержались в предоставленной Турцией Германии концессии на Багдадскую железную дорогу, но Россия его использовала для создания «монополии бездорожья» на востоке Малой Азии, в чем видела важную гарантию безопасности кавказской границы. Вопрос о возвращении армянских беженцев помимо своего самостоятельного значения служил для русской дипломатии и важным вспомогательным средством давления на Порту при переговорах на железнодорожную тему, поэтому в конечном счете Россия осталась в выигрыше (см.: Ф. А. Ротштейн, Международные отношения в конце XIX века, М., 1960, стр. 641—642; «История дипломатии», изд. 2-е, т. II, стр. 455—457).

⁴⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1901—1904 гг., д. 4492, лл. 19—20. Письмо Скрыбина директору I-го департамента МИД от 7 июня 1904 г.

⁴⁶ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1905 г., д. 4083, лл. 34—36. Донесение Иванова Зиновьеву от 10 ноября 1905 г.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ АВПР, ф. «Политархив», 1891—1914 гг., д. 2945, л. 1. Обручев — Зиновьеву, 19 января 1891 г.

⁴⁹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1903 г., д. 28, лл. 272—282. Телеграмма Зиновьева Ламздорфу от 20 мая 1903 г.

⁵⁰ «Отчет о поездке по Азиатской Турции генерального штаба подполковника Томилова в 1904 г.», ч. I, СПб., 1907, стр. 4.

⁵¹ «Documents diplomatiques français», 2-me série, vol. I, стр. 614. Донесение французского вице-консула в Эрзеруме Рабю министру иностранных дел Делькассе от 19 ноября 1901 г.

⁵² Французский вице-консул вообще был склонен распускать о политике России самые невероятные небылицы. Он, например, утверждал, что русские раздували в Ванском и Битлисском вилайетах курдо-армянские распри с целью отторжения от Турции этих районов, хотя, как об этом неопровержимо свидетельствуют источники, указанные действия ни в коей мере не соответствовали задачам внешней политики России, заинтересованной в стабильности на Ближнем Востоке («Documents diplomatiques français», 2-me série, vol. I, стр. 614. Донесение Рабю Делькассе от 10 декабря 1901 г., стр. 664—665).

⁵³ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1904 г., д. 26, лл. 55—56. Донесение Зиновьева Ламздорфу от 26 мая 1904 г.

⁵⁴ Али Вахби-бей записал следующее высказывание султана: «Успех японцев должен наполнить нас радостью, их победы над русскими — наши победы» («Pensées et souvenirs de l'ex-sultan Abdul-Hamid», стр. 152).

⁵⁵ ЦГИАГ, ф. 521, оп. 2, 1904 г., д. 310.

⁵⁶ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1904 г., д. 26, л. 170; д. 27, л. 78; д. 29, лл. 450, 499; ф. «Политархив», 1904 г., д. 1640, л. 62. Донесения Зиновьева Ламздорфу, телеграммы Ламздорфа Зиновьеву, телеграммы командующего войсками КВО князя Голицина, донесения Скрыбина из Эрзерума весной и летом 1904 г.

⁵⁷ АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1905 г., д. 6968, лл. 1—5; «Персидский стол», 1905 г., д. 16, лл. 2, 4.

⁵⁸ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1904 г., д. 26, лл. 170—174. Донесение Зиновьева Ламздорфу от 20 марта 1904 г.; ф. «Политархив», 1904 г., д. 1015, л. 217. Телеграмма Ламздорфа Зиновьеву от 11 марта 1904 г.

⁵⁹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1904 г., д. 27, лл. 20—22, 56—57. Донесения Зиновьева от 1 и 10 апреля 1904 г.

⁶⁰ Там же, д. 29, л. 450. Телеграмма Ламздорфа Зиновьеву от 3 апреля 1904 г.

⁶¹ АВПР, ф. «Политархив», 1904 г., д. 64, л. 3. Ламздорф — Зиновьеву, 2 апреля 1904 г.

⁶² АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1904 г., д. 29, л. 499. Ламздорф — Зиновьеву, 21 августа 1904 г.; 1905 г., д. 31, лл. 178—180. Зиновьев — Ламздорфу, 2 июня 1905 г.

⁶³ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1905 г., д. 31, т. I, лл. 217—218. Телеграммы Скрыбина от 16 мая 1905 г. и посланника в Тегеране Шпейера от 29 мая 1905 г.

⁶⁴ АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1905 г., д. 6968, л. 9. Из I-го департамента МИД — наместнику на Кавказе, 17 мая 1905 г.

⁶⁵ «Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны», — «Красный архив», 1932, т. 4 (53), стр. 32.

⁶⁶ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1897 г., д. 31, лл. 75—76.

⁶⁷ АВПР, ф. «Персидский стол», 1898 г., д. 1226, лл. 50—51. Донесение Зиновьева от 23 октября 1898 г.

⁶⁸ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1897 г., д. 31, л. 80.

⁶⁹ АВПР, ф. «Политархив», 1903 г., д. 1013, л. 503. Выписка из донесения вице-консула в Ризе Маевского (без даты).

⁷⁰ «Documents diplomatiques français», 2-me série, vol. I, стр. 614. Донесение французского вице-консула в Эрзеруме Рабю — Делькассе от 19 ноября 1901 г.; АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1897 г., д. 31, л. 79. Донесение русского вице-консула в Ване послу от 17 июня 1897 г.

⁷¹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1899 г., д. 26, лл. 338—339. Донесение Зиновьева Муравьеву от 7 августа 1899 г.

⁷² АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1903 г., д. 25, лл. 29—31. Донесение Зиновьева Ламздорфу от 2 апреля 1903 г.

⁷³ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1904 г., д. 28, л. 322. Донесение Зиновьева Ламздорфу от 2 октября 1904 г.

⁷⁴ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1904 г., д. 26, лл. 128—129. Донесение Зиновьева Ламздорфу от 10 марта 1904 г.

⁷⁵ Там же, д. 28, лл. 311—312. Донесение Зиновьева Ламздорфу от 21 сентября 1904 г.

⁷⁶ Там же, 1905 г., д. 33, т. I, л. 128. Телеграмма Зиновьева от 30 мая 1905 г.

⁷⁷ АВПР, ф. «Политархив», 1904 г., д. 713, лл. 18, 22. Донесение вице-консула в Ване от 14 и 25 апреля 1904 г.

⁷⁸ ЦГВИА, ф. 450, д. 142, лл. 14—16.

⁷⁹ АВПР, ф. «Политархив», 1904 г., д. 1640, лл. 62—65. Донесение Скрыбина послу в Константинополе от 9 апреля 1904 г.

- ⁸⁰ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3224, лл. 31—32.
- ⁸¹ АВПР, ф. «Турецкий стол (старый)», 1895 г., д. 422, лл. 1—2. Донесение посланника в Вашингтоне Боткина от 17 июня 1895 г.
- ⁸² АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1900 г., д. 29, лл. 229—230. Донесение Зиновьева Ламздорфу от 24 ноября 1900 г.
- ⁸³ АВПР, ф. «Политархив», 1900 г., д. 997, л. 333. Донесение посланника в Вашингтоне графа Кассини от 22 ноября 1900 г.
- ⁸⁴ Видный русский и советский военный историк А. М. Зайончковский в свое время справедливо обратил внимание на то, что это соглашение, к явной невыгоде России, обходило «турецкий вопрос», а стало быть, оставляло известный простор для англо-русского антагонизма в Турции. «Обе стороны, — писал А. М. Зайончковский о договоре 31 августа 1907 г., — шли на соглашение с желанием сделать друг другу большие уступки, но только чтобы достигнуть положительных результатов. Мы видели те уступки, которые русское Министерство иностранных дел предполагало сделать, и те выгоды, которые оно надеялось получить. Договор коснулся только уступок, сделанных весьма широкой рукой, но он совершенно не коснулся улучшения положения царской России ни в Азиатской Турции, ни в проливах, ни на Балканах. Все это оставалось в виде надежды на будущее» (А. М. Зайончковский, Подготовка России к мировой войне в международном отношении, стр. 149). Таким образом, указанное соглашение отразило неравноправное, подчиненное положение отсталой, ослабленной неудачной войной и революцией царской России в только что образовавшейся Антанте.
- ⁸⁵ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 264, лл. 29—30. Из инструкции генерал-квартирмейстера Генштаба начальнику штаба КВО от 14 октября 1906 г.
- ⁸⁶ АВПР, ф. «Политархив», 1906 г., д. 1642, л. 142. Донесение Зиновьева от 16 июня 1906 г.
- ⁸⁷ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 265, лл. 53—56.
- ⁸⁸ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1906 г., д. 651, л. 3.
- ⁸⁹ Там же, д. 40, л. 142. Великий визирь — 1-му секретарю султана, 10 августа 1906 г.; ф. «Посольство в Константинополе», 1907 г., д. 4091, лл. 8—9. Донесение вице-консула в Ване Термена от 17 февраля 1907 г.
- ⁹⁰ ЦГВИА, ф. 2000, д. 465, л. 2. Выписка из донесения Термена от 14 августа 1906 г.
- ⁹¹ См.: «Журнал Особого совещания по вопросу о финансово-экономической политике России в Персии 7 июня 1904 г.», — «Красный архив», 1933 г., т. I (56), стр. 54.
- ⁹² АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1907 г., д. 124, л. 263. Гартвинг — консулу в Керманшахе, 18 сентября 1907 г.
- ⁹³ Б. Шелковников. Происхождение и современный быт сиро-халдейской народности, — ИШКВО, 1904, № 3—4, стр. 55. О деятельности русских православных миссионеров в Иране см. также: Б. Н. Захoder, Православная миссия в Урмии (из деятельности царской России в Персии), — «Атеист», 1930, № 49.
- ⁹⁴ ЦГИА, ф. 796, оп. 187, 1906 г., д. 7330, лл. 2—7.
- ⁹⁵ ЦГИА, ф. 797 («Канцелярия обер-прокурора св. Синода»), оп. 76, 1906 г., д. 110, л. 5.
- ⁹⁶ ЦГИА, ф. 796, оп. 187, 1906 г., д. 7094, лл. 2—7.
- ⁹⁷ АВПР, ф. «Политархив», 1907 г., д. 1027, л. 67. Телеграмма Зиновьева от 10 мая 1907 г.
- ⁹⁸ АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1906 г., д. 3635, л. 1. Донесение командира отдельного корпуса пограничной стражи генерала Свинына в 1-й департамент МИД от 30 мая 1906 г.
- ⁹⁹ АВПР, ф. «Политархив», 1906 г., д. 1023, л. 36.
- ¹⁰⁰ Там же, 1907 г., д. 78, л. 5. Выписка из донесения Скрябина от 23 декабря 1906 г.
- ¹⁰¹ АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1906 г., д. 6201, лл. 14—24,

61. Отчет Скрябина о деятельности генерального консульства в 1906 г. от 22 июня 1907 г.

- ¹⁰² АВПР, ф. «Политархив», 1906 г., д. 1642, лл. 153—157. Донесение Скрябина от 11 августа 1906 г. План этот был сорван только из-за нехватки денежных средств и внутриполитических затруднений (волнения в Аравии, Македонии, пограничный конфликт с Ираном и т. д.).
- ¹⁰³ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1907 г., д. 32, лл. 221—228. Донесение Зиновьева Извольскому от 19 мая 1907 г. Помимо своей генеральной антирусской направленности все эти военные приготовления имели, очевидно, и «внутреннюю» цель: борьбу с растущим курдским и продолжающимся армянским освободительным движением. С точки зрения Петербурга, это, естественно, не служило смягчающим обстоятельством.
- ¹⁰⁴ АВПР, ф. «Политархив», 1907 г., д. 79, лл. 73—74.
- ¹⁰⁵ АВПР, ф. «Политархив», 1908 г., д. 86, лл. 21—24. Извольский — Зиновьеву, 10 апреля 1908 г.
- ¹⁰⁶ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1908 г., д. 165, т. I, л. 59. Телеграмма Зиновьева в МИД от 18 апреля 1908 г.
- ¹⁰⁷ АВПР, ф. «Политархив», 1908 г., д. 89, л. 27. Извольский — Николаю II, 23 июля 1908 г.
- ¹⁰⁸ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1906 г., д. 38, лл. 100—103. Донесение Зиновьева Ламздорфу от 18 января 1906 г.
- ¹⁰⁹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1908 г., д. 35, т. I, лл. 120—123. Донесение Зиновьева Извольскому от 26 апреля 1908 г.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ Там же, д. 39, лл. 212—213, 290. Деша поверенного в делах в Константинополе Нелидова от 2 августа 1908 г.
- ¹¹² АВПР, ф. «Политархив», 1907 г., д. 541, л. 16. Донесение от 27 января 1907 г.
- ¹¹³ Там же, л. 224.
- ¹¹⁴ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1907 г., д. 124, л. 407. Донесение Никольского посланнику в Тегеране от 8 ноября 1907 г.
- ¹¹⁵ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1906 г., д. 43 «б», лл. 3—4. Выписка из донесений Круглова от 21 декабря 1905 г. и 2 января 1906 г.
- ¹¹⁶ АВПР, ф. «Политархив», 1907—1908 гг., д. 3057, л. 37. Донесение Зиновьева Извольскому от 28 ноября 1907 г.

ГЛАВА IV

- ¹ Брожение в Дарсеме началось еще в сентябре; в стычках с турецкими войсками курды неизменно выходили победителями («Тифлисский листок», 7.X.1905).
- ² ЦГВИА, ф. 450, д. 142, л. 108. Донесение из штаба КВО генерал-квартирмейстеру Генштаба от 6 ноября 1905 г.
- ³ АВПР, ф. «Политархив», 1904 г., д. 538, л. 117. Донесение Ширкова от 12 октября 1904 г.; 1905 г., д. 539, л. 41. Донесение Ширкова от 14 марта 1905 г.
- ⁴ АВПР, ф. «Политархив», 1906 г., д. 450, лл. 86—89. Донесения Ширкова от 12 и 14 сентября 1906 г.; ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1002, л. 29. Донесение консула в Эрзеруме Скрябина послу в Константинополе от 18 мая 1906 г.
- ⁵ АВПР, ф. «Политархив», 1906 г., д. 540, лл. 91—93. Донесение Ширкова от 30 апреля 1906 г.
- ⁶ Наблюдатели отмечают, что коррумпированность турецких властей в данном случае принесла курдам пользу. Битлисский вали Ферид-бей, например, саботировал карательные мероприятия против Чато, так как получал от него и других курдских вождей изрядные денежные подношения (АВПР, ф. «Политархив», 1906 г., лл. 98—100, 110, 136, 137, 157. Донесения Ширкова от 6, 24 мая и 28 июня 1906 г.).

⁷ ЦГВИА, ф. 450, д. 142, лл. 225—226. Из штаба КВО — генерал-квартирмейстеру Генштаба от 30 июня 1906 г. См. по этому вопросу также: А. М. Валуцкий, Новые архивные документы о народных волнениях в Малой Азии в период русской революции 1905—1907 гг., — «Краткие сообщения института востоковедения», XXII, М., 1956; его же, Восстания в Восточной Анатолии накануне младотурецкой революции, — «Турецкий сборник», М., 1958. В этих работах имеется и небольшой материал о курдах, правда, необработанный.

⁸ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1015, лл. 38, 44, 49—50. Краткая сводка донесений штаба КВО и военного агента в Константинополе за июнь 1908 г.; АВПР, ф. «Политархив», 1907 г., д. 541, л. 93. Донесение Зиновьева от 9 июня 1907 г.; 1908 г., д. 3059, лл. 232—236. Донесение управляющего генконсульством в Эрзеруме Блума послу в Константинополе от 23 июня 1908 г.; «Восстание в Дерсиме», — ИШКВО, 1908, № 23, стр. 14—15.

⁹ М. Ардатов, Турецко-персидский пограничный конфликт, — ИШКВО, 1908, № 21, стр. 3; «Тифлисский листок», 21.VI.1907.

¹⁰ Dr. M. Wiedemann, Ibrahim Paschas Glück und Ende, — «Asien», 1908, № 3, стр. 35—37; № 4, стр. 54.

Видеман полагал, что после окончания постройки Багдадской железной дороги курдам уже не надо будет гоняться «за призрачным блеском свободного курдского государства», ибо они смогут добиться «счастья и благоденствия» в новых условиях, т. е. в условиях германской колонизации. Вообще, немецких путешественников, которые почти всегда выполняли и другие функции, интересовавшие германский Генеральный штаб и Министерство иностранных дел, весьма привлекала колоритная личность Ибрагим-паши. Курдского вождя посетил в 1899 г. видный германский ориенталист, археолог и этнограф барон Макс фон Оппенгейм. Как писал Э. Церен, автор недавно вышедшей в русском переводе популярной книги об археологических открытиях в Месопотамии, Оппенгейм посетил «самого могущественного из всех бедуинов, главу большого родового союза милли Ибрагима Пашу. Он нашел его около Урфа (т. е. Урфы. — М. Л.). Немца встретили с почетом, как близкого друга, угощая в течение трех дней в огромной палатке вождя» (Э. Церен, Библийские холмы, М., 1966, стр. 212—213).

¹¹ «Revue du monde musulman», 1908, avril, стр. 822.

¹² Это было не впервые. Еще в 1897 г. Ибрагим-паша отказался идти на войну с Грецией (АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1889—1914 гг., д. 1602, л. 28. Донесение Зиновьева от 13 июля 1905 г.).

¹³ «Revue du monde musulman», 1908, avril, стр. 822—823.

¹⁴ Ширков отмечал, что меры против Ибрагим-паши потому не были успешными, что «какая-то невидимая рука по-прежнему защищает курдских грабителей» (АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1907 г., д. 34, лл. 237—243). Донесение Зиновьева Извольскому от 21 ноября 1907 г., д. 348, лл. 374—378, 415—416. Донесения Зиновьева от 19 и 20 декабря 1907 г.; ф. «Политархив», 1907—1908 гг., д. 3057, л. 35. Донесение Зиновьева от 28 ноября 1907 г.; 1907 г., д. 541, лл. 276, 291. Донесения Ширкова от 16 ноября и 28 декабря 1907 г.

¹⁵ E. B. Soane, To Mesopotamia and Kurdistan in Disguise, стр. 43, 66.

¹⁶ «Revue du monde musulman», 1908, avril, стр. 823.

¹⁷ См.: «Кавказ», 15.V.; 5, 19 и 21.VI.1904.; «Тифлисский листок», 2.VII.1905; 16 и 26.VI.1908.

¹⁸ Это породило различные слухи о реорганизации хамидие, совершенно не оправдавшиеся («Тифлисский листок», 31.V.1906).

¹⁹ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1015, л. 34. Краткая сводка донесений штаба КВО и военного агента в Константинополе за июнь 1906 г.

²⁰ «British Documents on the Origins of the War», vol. 5, стр. 37—38; АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1907 г., д. 4110, л. 97. «Ту-

реки офицеры, назначенные в полки хамидие, боялись выезжать из Вана и других крупных центров, избегая неприятностей со стороны курдов». Многие курды продавали своих лошадей и уходили из хамидие (ЦГВИА, ф. 450, д. 142, лл. 212—213. Штаб КВО — генерал-квартирмейстеру Генштаба, 1 июня 1907 г.).

²¹ В 1907 г. правительство начало конфисковывать армянские церковные земли, что было воспринято многими курдскими феодалами как сигнал к новым грабегам и насилиям по отношению к армянам. Особенно отличился в этом упоминавшийся Хусейн-паша. Однако, как указывают многие очевидцы, обнищание армянских крестьян привело к ухудшению экономического положения и трудящихся курдов. В Ванском вилайете большинство деревень было разрушено, их жители — и армяне, и курды — остались без средств к существованию («Тифлисский листок», 11.I.1905; 25.VIII, 11.X.1907.). Американский миссионер в Ване д-р Рейнольдс писал: «Вымирание армян от нищеты и гнета так заметно совершается, что лет через 10—15 армянский вопрос в Турции потеряет всякий *raison d'être*. Так кончат свое существование один из древнейших народов мира, в руках которого была вся экономическая будущность в Малой Азии и который мог играть выдающуюся роль в переустройстве и пересоздании Турции» (цит. по: «Тифлисский листок», 10.VII.1905).

²² АВПР, ф. «Политархив», 1907 г., д. 79, л. 126. Извольский — послам в Лондоне и Париже, 14 июня 1907 г.

²³ АВПР, ф. «Политархив», 1908 г., д. 541, л. 275. Донесение Ширкова послу в Константинополе от 16 ноября 1907 г.

²⁴ АВПР, ф. «Политархив», 1908 г., д. 542, л. 52. Донесение управляющего вице-консульства в Битлисе Акимовича послу в Константинополе от 18 июня 1908 г.

²⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1907 г., д. 4087, л. 80. Донесение Ширкова от 20 апреля 1907 г.

²⁶ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1908 г., д. 34, л. 469. Зиновьев — Извольскому, 15 марта 1908 г.

²⁷ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1908 г., д. 38, л. 177. Донесение Зиновьева от 16 апреля 1908 г. По сведениям «Тифлисского листка», Абдуррезак и Али Шамиль были связаны с наследником престола принцем Юсуфом Изеддином. Три непосредственных участника убийства Редван-паши были казнены, были репрессированы не только лица, причастные к заговору, но и знакомые Абдуррезака («Тифлисский листок», 5, 6, 7.V.1907).

²⁸ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1906 г., д. 38, лл. 314—315, 339—341; д. 39, лл. 28—29. Донесения Зиновьева Ламздорфу от 16 и 23 марта и 1 апреля 1906 г.

²⁹ См.: «Годовой отчет британского посла в Константинополе за 1907 г.», — «British Documents on the Origins of the War», vol. 5, стр. 31; В. А. Гордлевский, Силуэты Турции, стр. 119.

³⁰ По словам Виктора Берара, французского публициста, много писавшего о Турции и Иране начала XX в., в Иранском Курдистане «власть шахского губернатора имеет столько же значения, как и верховная власть самого шаха». Автор также отмечал, что некоторые провинции (например, Сенне) фактически были почти независимыми (В. Берар, Персия и персидская смута, СПб., 1912, стр. 133—134).

³¹ «Сведения, собранные драгоманом генерального консульства в Тавризе г. Минорским во время поездки в Марату и район рек Джагату и Татаву, в начале августа 1906 г.», — ИШКВО, 1907, № 20, стр. 41.

³² Местное население, писал русский корреспондент, привыкло «смотреть на персидское войско как на испосланную с неба кару. Действительно, персидский солдат производит удручающее впечатление. Это — дряблкое и безжизненное существо, неспособное ни на какой подвиг, проявляет чудеса храбрости, когда перед ним стоит безответный и безза-

щитный крестьянин; особенно же он падок до чужого добра» («Кавказ», 14.V.1904).

³³ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1902 г., д. 14, л. 58—59, 78—79, 84—85. Донесения вице-консула в Урмии Михайлова поверенному в делах в Тегеране от 11 февраля и 3 апреля 1904 г.; «Кавказ», 14.V., 11.VI.1904.

Предприятие шейха Садыка провалилось еще и потому, что многие проводители турецких курдов отказались к нему примкнуть. Они говорили: «...Мы научены горьким опытом, постараемся более не попадать в ловушку». Пусть сперва идут турки, а мы за ними. «Бывали же случаи, когда инициатива избивания христиан приписывалась нам» («Кавказ», 11.VI.1904). Турецкое правительство, однако, продолжало делать ставку на шейха Садыка в своей «иранской» политике. С этой целью в июле 1905 г. он был вызван в Стамбул. Корреспондент «Тифлиссского листка» писал в то время: «Турецкие курды, живущие на персидско-турецкой границе, имеют определенную политическую миссию: они, являясь лучшими проводниками турецких тенденций в Персии, стараются персидских своих единоверцев вооружать против христианского населения» («Тифлиссский листок», 19.VII.1905). Но это относится, скорее, к намерениям турецкого правительства, чем большинства курдских вождей.

³⁴ A. C. Wratishaw, A Consul in the East, Edinburgh — London, 1924, стр. 207—208.

³⁵ «Персия. Персидская спорная полоса и занятие ее турками». — «Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой», 1911, № 3, стр. 17; «Кавказ», 11.VI.1904; «Тифлиссский листок», 1, 8, 13, 26.VII.1905.

³⁶ «Тифлиссский листок», 4.VIII.1905; B. G. Martin, German-Persian Diplomatic Relations, стр. 93. Через Котур шел путь на единственный перевал турецко-иранской границы, проходимый во все времена года.

³⁷ И. О. Фаризов, Вступительная статья к кн. В. Никитина «Курды», стр. 10.

³⁸ «Тифлиссский листок», 16.XI.1906.

³⁹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1907 г., д. 652, л. 24. Донесение и. о. хойского агента российского вице-консула в Урмии от 24 мая 1907 г.; «Тифлиссский листок», 14.IV.1907.

⁴⁰ «Тифлиссский листок», 19.VI.1907, АВПР, ф. «Персидский стол», 1907 г., д. 662, л. 21.

⁴¹ «Кавказ», 16, 18.VII.1908.

⁴² ЦГВИА, ф. 450, д. 127, лл. 44—45. Донесение вице-консула в Баязиде в посольство в Константинополе от 26 марта 1905 г.

⁴³ АВПР, ф. «Персидский стол», 1906—1907 гг., д. 1195, л. 66. Донесение вице-консула в Урмии посланнику в Тегеране от 5 июля 1906 г.

⁴⁴ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1905 г., д. 4083, л. 17. Донесение вице-консула в Баязиде Иванова от 10 ноября 1905 г.

⁴⁵ АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 657, л. 12. Обзор событий по консульским донесениям за январь 1908 г.; д. 1198, лл. 60—61. Донесение вице-консула в Урмии Миллера от 2 июня 1908 г.

⁴⁶ АВПР, ф. «Персидский стол», 1906—1907 гг., д. 1195, л. 66. Донесение вице-консула в Урмии посланнику в Тегеране от 5 июля 1906 г.

⁴⁷ Бельгнец Лелё, находившийся на службе у иранского правительства, основал таможенную близость Лахиджана, в местности, на которую претендовали турки. Лелё, исполнявший обязанности главного директора азербайджанских таможен, как отмечал управляющий российским генконсульством в Тебризе, вел себя вызывающе, отличался наглостью и бесцеремонностью, восставив против себя окрестное население, чем воспользовались турки (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1904—1907 гг., д. 3541, л. 22).

⁴⁸ «Тифлиссский листок», 30.X.1905; P. Sykes. A History of Persia, vol. II, стр. 415. B. G. Martin, German-Persian Diplomatic Relations, стр. 93.

⁴⁹ См. М. Ардагов, Турецко-персидский пограничный конфликт, стр. 10—12; «Персия, Персидская спорная полоса и захват ее турками», стр. 16—35; «Материалы по изучению Востока», вып. 2, стр. 3 и дальше; ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 310. Консульские донесения из Тебриза, Керманшаха и других городов Ирана; АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1904—1907 гг., д. 35—41, лл. 110—117. Донесение вице-консула в Урмии от 5 августа 1907 г.; Ghilan, Les Kurdes persans et l'invasion ottomane, — «Revue du monde musulman», 1908, octobre.

⁵⁰ B. G. Martin, German-Persian Diplomatic Relations, стр. 93—94; АВПР, ф. «Персидский стол», 1906 г., д. 1194, лл. 104, 131—132. Донесения Зиновьева от 4 февраля и 9 марта 1906 г.

⁵¹ Об этом свидетельствовал, в частности, турецкий меморандум от 24 июня 1908 г., в котором говорилось: «Курдистан сам по себе составляет часть Османской империи» (АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1198, л. 22).

⁵² АВПР, ф. «Персидский стол», 1906 г., д. 1233, л. 21. По мнению А. К. Фукса, причиной турецко-иранского пограничного конфликта было стремление «Турции объединить под своей властью турецкий и персидский Курдистан, что должно было, между прочим, обеспечить Турцию от постоянных набегов кочевых племен с персидской стороны и отдать ей в руки чрезвычайно важные стратегические позиции на случай войны с Россией. Кроме того, эти стремления турок диктовались и их панисламистскими (позднее пантюркистскими) планами» (А. К. Фукс, Германская политика в Персии, — «Новый Восток», 1928, кн. 20—21, стр. 120).

⁵³ Имеется в виду начало турецкой интервенции.

⁵⁴ АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 657, л. 6. Депеша Зиновьева от 8 января 1908 г.

⁵⁵ Там же, д. 1197, л. 8. Депеша Зиновьева от 26 декабря 1907 г.

⁵⁶ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1906 г., д. 39, лл. 36—37. Донесение Зиновьева Ламздорфу от 8 апреля 1906 г.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1198, л. 103. Донесение Термена генерал-квартирмейстеру штаба КВО от 1 января 1908 г.; 1906—1907 гг., д. 1195, л. 85. Донесение консула в Алеппо Круглова от 6 июня 1906 г.

⁵⁹ АВПР, ф. «Политархив», 1908 г., д. 3058, л. 2. Донесение Российского военного агента в Берлине от 25 января 1908 г.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. 2000, д. 310, л. 136. Телеграмма товарища министра иностранных дел послу в Константинополе от 2 августа 1907 г.

⁶¹ Там же, л. 149. Телеграмма от 24 июля 1907 г.

⁶² Там же, л. 143. Телеграмма от 27 июля 1907 г.

⁶³ B. G. Martin, German-Persian Diplomatic Relations, стр. 93—94.

⁶⁴ Там же, стр. 93—94, 97, 99.

⁶⁵ Там же, стр. 94; А. К. Фукс, Германская политика в Персии, стр. 110.

⁶⁶ B. G. Martin, German-Persian Diplomatic Relations, стр. 204.

⁶⁷ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1906 г., д. 38, л. 292. Донесение Зиновьева Ламздорфу от 16 марта 1906 г.

⁶⁸ B. G. Martin, German-Persian Diplomatic Relations, стр. 95—96.

⁶⁹ Там же, стр. 99.

⁷⁰ ЦГВИА, ф. 2000, д. 310, л. 159. Донесение Зиновьева министру иностранных дел А. П. Извольскому от 23 августа 1907 г.; А. К. Фукс, Германская политика в Персии, стр. 121.

⁷¹ B. G. Martin, German-Persian Diplomatic Relations, стр. 100—102; см. также: М. С. Иванов, Иранская революция 1905—1911 годов, М., 1957, стр. 189.

⁷² «Тифлиссский листок», 3.VIII.1907.

⁷³ «Тифлиссский листок», 22.VIII.1907.

⁷⁴ «Тифлиссский листок», 12.X.1907.

- ⁷⁵ «Тифлисский листок», 5.III.1908.
⁷⁶ «Тифлисский листок», 30.V.1908.
⁷⁷ АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1198, л. 96.
⁷⁸ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1906 г., д. 38, лл. 17—18. Донесение Зиновьева Ламздорфу от 5 января 1906 г.
⁷⁹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1906 г., д. 39, л. 203. Зиновьев — Ламздорфу, 31 мая 1906 г.; д. 43 «б», л. 7. Донесение Круглова из Алеппо от 6 июля 1906 г.
⁸⁰ Там же, д. 133, л. 119. Денеша Гартвига от 30 июня 1906 г.
⁸¹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1907 г., д. 3545, л. 193. От начальника штаба КВО Берхмана, 8 декабря 1907 г.
⁸² АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1198, л. 96; 1906 г., д. 651, лл. 2—5; 1906—1907 г., д. 1195, л. 85.
⁸³ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1907 г., д. 32, л. 44. Донесение Зиновьева Извольскому от 7 апреля 1907 г.; 1906 г., д. 134, т. I, л. 95.
⁸⁴ Там же, 1907 г., д. 34, л. 193. Донесение Зиновьева Извольскому от 14 ноября 1907 г.; «Тифлисский листок», 14.X.1907.
⁸⁵ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1907 г., д. 124, лл. 321—322. Донесение консула в Керманшахе Никольского посланнику в Тегеране от 8 ноября 1907 г.
⁸⁶ Там же, 1906 г., д. 134, т. I, л. 116. Телеграмма поверенного в делах в Тегеране от 12 апреля 1906 г.
⁸⁷ ЦГВИА, ф. 2000, д. 312, л. 229. Обзор событий в Персии с 13 по 19 октября 1907 г.; АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1907 г., д. 124, лл. 444, 447. Телеграммы Похитонова от 29 и 30 ноября 1907 г., д. 126, л. 460. Телеграмма Гартвига от 30 ноября 1907 г.
⁸⁸ АВПР, ф. «Персидский стол», 1907 г., д. 1196, лл. 155, 180. Донесение Гартвига от 18 октября 1907 г. и консула в Керманшахе Никольского от 1 ноября 1907 г.
В чисто суннитских районах турецкая администрация старалась не допустить вражды между пришлыми турецкими и местными иранскими племенами, чем, однако, были недовольны некоторые вожди, привыкшие к набегам и грабежам.
⁸⁹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1907 г., д. 62, л. 42. Министр иностранных дел Персии Мошир од-Доуле — послу в Константинополе Резахану, 18 ноября 1907 г.; 1908 г., д. 129, лл. 157—158. Денеша Гартвига от 28 марта 1908 г. «Тифлисский листок», 24.X., 29.XI.1907.
⁹⁰ АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1197, л. 322. Извольский — послам в Лондоне, Константинополе и Тегеране, 6 июня 1908 г.
⁹¹ Там же, л. 346. Донесение Гартвига от 15 июня 1908 г.
⁹² См., например: АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1908 г., д. 175, л. 66. Донесение Похитонова от 17 апреля 1908 г.
⁹³ Курды-мамаш, которые несли разведывательную службу в Турецкой кавалерии, получали от 3 до 7 туманов в день каждый («Тифлисский листок», 11.X.1907).
⁹⁴ АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 657, л. 62. Донесение российского консула в Тебризе Черкасова от 1 июня 1908 г.
⁹⁵ Там же, д. 1197, л. 295. Донесение Миллера из Урмии от 17 мая 1908 г. «Дехалет», — писали несколько позже в совместном отчете о положении на турецко-иранской границе Минорский и английский консул в Тебризе Шилле, — состоит в заявлении, делаемом отдельными лицами или целой общиной о том, что, будучи недовольными своим нынешним положением, они просят Турцию принять их в подданство и оказывать им покровительство. Часто дехалеты предшествовали турецким захватам и служили аргументами для их оправдания («Материалы по изучению Востока», вып. II, стр. 117).
⁹⁶ «Тифлисский листок», 11.X.1907.
⁹⁷ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1907 г., д. 3545, л. 141. Донесение Черкасова из Бали-келе от 19 октября 1907 г.

- ⁹⁸ Там же.
⁹⁹ Там же, л. 179. Рапорт командира Эриванской бригады 6-го округа отдельного корпуса погранстражи от 6 марта 1908 г.
¹⁰⁰ «Тифлисский листок», 24.X.1907.
¹⁰¹ «Тифлисский листок», 23.II.1906.
¹⁰² «Тифлисский листок», 17.I.1908.
¹⁰³ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1908 г., д. 34, лл. 71—73. Донесение Зиновьева Извольскому от 16 января 1908 г.
¹⁰⁴ ЦГВИА, ф. 2000, д. 312, л. 548. Обзор событий в Персии с 3 по 15 ноября 1907 г.
¹⁰⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1908 г., д. 3546, л. 176. Донесение Гартвига от 17 апреля 1908 г.
На прениях в меджлисе по этому вопросу раздавались и здравые голоса, принадлежавшие демократически настроенным депутатам. Согласно сообщениям газеты «Меджлис», депутат Агсан од-Доуле сказал, что по отношению к курдам, поддерживавшим турецких оккупантов, следует «действовать с величайшей умеренностью ввиду тех систематических угнетений, которым они подвергались прежде со стороны персидской администрации» («К событиям в Соуч-Булаге», — ИШКВО, 1908, № 22, стр. 63).
¹⁰⁶ См.: М. С. Иванов, Иранская революция 1905—1911 годов, стр. 260; АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 657, л. 5. Донесение Зиновьева от 8 января 1908 г.; д. 1197, лл. 8, 9. Донесения Зиновьева от 26 декабря 1907 г. и Гартвига от 3 января 1908 г.; ф. «Канцелярия МИД», 1907 г., д. 126, л. 460. Телеграмма Гартвига от 30 ноября 1907 г., 1908 г., д. 129, лл. 157—158. Денеша Гартвига от 28 марта 1908 г.
¹⁰⁷ Для представления о компетентности иранской администрации достаточно привести сообщения корреспондентов русских газет о том, что Фарманфарма и глава иранской делегации в турецко-иранской пограничной комиссии Мохташам ос-Салтане не умели даже разбираться в картах («Тифлисский листок», 8.XII.1907).
¹⁰⁸ Вратислав, в те годы — британский консул в Басре и Тебризе, не утруждая себя подысканием правдоподобных причин, вмешательство Англии в турецко-иранский пограничный конфликт объясняет стремлением обеспечить «мир и порядок», а также выполнить свой союзнический долг («в силу того, что англо-русское соглашение стало свершившимся фактом. Она чувствовала себя обязанной поддерживать Россию и Персию»). Меуарист явно не рассчитывал на требовательного читателя (A. C. W. G. Atislaw, A Consul in the East, стр. 231).
¹⁰⁹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1907 г., д. 1196, л. 195.
¹¹⁰ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1907 г., д. 126, л. 460. Телеграмма Гартвига от 30 ноября 1907 г.
¹¹¹ ЦГВИА, ф. 2000, д. 310, л. 179. Донесение Гартвига от 18 сентября 1907 г.
¹¹² А. К. Фукс, Германская политика в Персии, стр. 117—118.
¹¹³ ЦГВИА, ф. 2000, д. 310, л. 194. Донесение Гартвига от 13 октября 1907 г.
¹¹⁴ B. G. Martin, German-Persian Diplomatic Relations, стр. 102.
¹¹⁵ Там же, стр. 103, 104.
¹¹⁶ «Тифлисский листок», 11, 14.X.1907.
¹¹⁷ B. G. Martin, German-Persian Diplomatic Relations, стр. 104.
¹¹⁸ А. К. Фукс, Германская политика в Персии, стр. 122.
¹¹⁹ ЦГВИА, ф. 2000, д. 310, лл. 176—178. Донесения Зиновьева от 11 и 15 сентября 1907 г.
¹²⁰ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1907 г., д. 3545, л. 146. Донесение Гартвига от 20 октября 1907 г.
¹²¹ ЦГВИА, ф. 2000, д. 310, л. 50. Донесение Зиновьева от 7 декабря 1907 г.
¹²² АВПР, ф. «Персидский стол», 1907 г., д. 1196, л. 279. Донесение Зиновьева от 19 декабря 1907 г.

¹²³ Поэтому Россия и Англия были даже довольны провалом работы турецко-иранской пограничной комиссии, заседавшей в Сулдузе в 1906 г., ибо это давало им больше оснований для посредничества (там же, лл. 163—164. Донесение Зиновьева от 23 августа 1907 г.).

¹²⁴ АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 657. Извольский — Зиновьеву, 5 и 13 января 1908 г. Следует отметить, что дипломатическое давление России на Турцию хотя и было поддержано Англией, но далеко не в такой степени, как ожидали в Петербурге, что вызвало и у руководителей российской внешней политики заметное раздражение. Извольский инсценировал Бенкендорфа о необходимости решительно объясниться с Греком (руководителем «Форин Офиса»), «вызвав его на откровенные объяснения относительно взглядов Лондонского кабинета на сказанный вопрос». Нужно выработать, писал Извольский, «общий и согласованный план действий России и Англии» (АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 657, л. 7. Извольский — Бенкендорфу, 9 января 1908 г.).

¹²⁵ АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 659, лл. 1—2. Письмо Извольского вице-консулу в Урмии от 25 января 1908 г.

¹²⁶ «Тифлисский листок», 7.III; 17, 22.IV.1908.

¹²⁷ «Тифлисский листок», 28.III.1908. «Очень приятно слышать, что существует курдский вопрос», — заявил адъютант турецкого комиссара на границе Тахир-паши. («Тифлисский листок», 2.V.1908).

¹²⁸ А. С. Wratislaw, A Consul in the East, стр. 232.

¹²⁹ Письма И. И. Воронцова-Дашкова Николаю Романову [«Красный архив», 1928, т. 1 (26), стр. 105—106].

¹³⁰ Там же, стр. 110—112.

¹³¹ А. М. Зайончковский. Подготовка России к мировой войне в международном отношении, стр. 149.

¹³² Там же.

¹³³ И. В. Бестужев, Борьба в России по вопросам внешней политики, 1906—1910, М., 1961, стр. 150.

¹³⁴ Войска VI корпуса были дислоцированы в Сирии и Ираке, IV корпуса — в Восточной Анатолии.

¹³⁵ АВПР, ф. «Секретный архив», 1908 г., д. 266/267, лл. 11—20. Протокол совещания от 21 января 1908 г. о положении дел в Малоазиатской Турции и на Балканском полуострове.

¹³⁶ ЦГИА, ф. 1276 («Совет министров»), оп. 4, д. 628, л. 22. Николай Николаевич — Столыпину, 8 февраля 1908 г. И. В. Бестужев утверждает, что Николай Николаевич на заседании Совета государственной обороны «требовал брать Константинополь», а Палицын предлагал «действовать только в Закавказье», но, видимо, то был чисто академический спор (И. В. Бестужев, Борьба в России по вопросам внешней политики, стр. 150—151).

¹³⁷ АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 657, л. 21. Донесение Гартвига от 13 февраля 1908 г.

¹³⁸ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1907—1908 гг., д. 82, л. 20. Извольский — Зиновьеву, 7 марта 1908 г.

¹³⁹ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1907—1908 гг., д. 86, л. 28. Донесение Черкасова Извольскому от 20 февраля 1908 г. В меморандуме иранской стороны от 17 июня 1908 г. говорилось, что турки, «прибегая к неясностям и недомолвкам, сумели распространить их (т. е. захваты и притязания. — М. Л.) до самого берега Урмийского озера, а также на всех курдов» (АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1198, л. 8).

¹⁴⁰ АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1197, л. 271. Телеграмма Извольского Зиновьеву от 19 апреля 1908 г.

¹⁴¹ Там же, л. 331. Донесение Миллера из Урмии от 9 июня 1908 г.

¹⁴² Там же, л. 346. Донесение Гартвига от 15 июня 1908 г.

¹⁴³ Там же, л. 657, л. 60. Донесение Миллера от 29 мая 1908 г.; ЦГИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1033, л. 44. Телеграмма Гартвига от 8 мая 1908 г.

¹⁴⁴ АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1197, л. 315. Донесение Гартвига от 4 июня 1908 г.

¹⁴⁵ ЦГИА, ф. 2000, д. 1033, л. 121.

¹⁴⁶ АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1197, л. 339. Министр иностранных дел Ирана Ала ос-Салтане рассказал Гартвигу, что, когда Мохташам ос-Салтане хотел прибегнуть к силе для обуздания курдов, турки обвинили его в подготовке к насильственным действиям. Ала ос-Салтане жаловался, что турки полностью руководят курдами, и просил от имени правительства и меджлиса заступничества России (там же, л. 317. Донесение Гартвига от 4 июня 1908 г.).

¹⁴⁷ Там же, л. 348. Донесение Нелидова от 13 июня 1908 г.

¹⁴⁸ Там же, 1908 г., д. 1198, л. 1. Донесение Нелидова от 30 июня 1908 г.

¹⁴⁹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1198, лл. 298, 326.

¹⁵⁰ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1908 г., д. 85, л. 6. Донесение Нелидова от 5 июля 1908 г.

¹⁵¹ См.: АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1197, лл. 385, 386. Донесение Гартвига от 8 мая и Миллера из Урмии от 4 июня 1908 г.

¹⁵² ЦГИА, ф. 2000, д. 1033, лл. 58—59. Телеграмма Извольского Нелидову от 16 июня 1908 г.

ГЛАВА V

¹ В. И. Ленин, Горючий материал в мировой политике, — Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 177.

² Выразительно охарактеризовал национальную политику младотурок Е. В. Тарле. «Младотурки, — писал он, — не только в 1915 году истребили большинство армянского народа и хвалились этим, но они и в 1908 году уже пришли к власти с этим твердым методом разрешать национальные вопросы физическим истреблением всех национальностей, кроме турок и тех, кто согласится немедленно стать турком... В беспощадной борьбе с инородцами младотурки видели единственное средство спасти Турцию от раздела» (Е. В. Тарле, Европа в эпоху империализма, изд. 2-е, М.—Л., 1928, стр. 182—183).

³ Маруф Хазнадар, Очерки истории современной курдской литературы, М., 1967, стр. 64; М. А. Кемаль, К истории издания первой курдской газеты.

⁴ Israel Naamani, The Kurdish Drive for Self-determination, — «Middle East Journal», 1966, № 3, стр. 280.

⁵ B. Burchard, Zu einigen Problemen der Geschichte der kurdischen Nationalbewegung, стр. 681.

⁶ Архив В. П. Никитина, папка 1, рукопись: «Les Kurdes et le Kurdistan (Chemdinan)»; A. Safrastian, Kurds and Kurdistan, стр. 70—71. По словам Тома Буа, это общество было «политической, социальной и культурной организацией» (T. Bois, Connaissance des kurdes, стр. 146).

⁷ Х. Барзани, Курдские политические партии и общественные организации в борьбе за разрешение курдской проблемы (начало XX века — 1967 г.), диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М., 1971, стр. 26—27.

⁸ B. Burchard, Zu einigen Problemen der Geschichte der kurdischen Nationalbewegung, стр. 681.

⁹ «Восточный сборник», кн. I, СПб., 1913, стр. 233—234; В. Ф. Минорский, Курды. Заметки и впечатления, стр. 206; Маруф Хазнадар, Очерки истории современной курдской литературы, стр. 64—65.

¹⁰ В. А. Гордлевский, Силуэты Турции, стр. 96.

¹¹ A. Safrastian, Kurds and Kurdistan, стр. 71.

¹² Архив В. П. Никитина, папка I, рукопись: «Les Kurdes et le Kurdistan (Chemdinan)»; T. Bois, Connaissance der kurdes, стр. 4; X. Барзани, Курдские политические партии и организации..., стр. 30.

¹³ См.: D. Kinnane, The Kurds and Kurdistan, стр. 25.

¹⁴ ЦГВИА, ф. 2000, д. 1002, л. 220; д. 397, л. 215. Сведения штаба КВО за весну 1909 г.

¹⁵ АВПР, ф. «Политархив», 1909 г., д. 543, лл. 7, 8, 51 и донесения вице-консула в Битлисе Акимовича от 1 марта и 10 сентября 1909 г.; ф. «Посольство в Константинополе», 1908 г., д. 1401 «а», л. 58; 1909 г., д. 1401 «б», лл. 5—8. Донесения Акимовича от 23 декабря 1908 г., 12 апреля и 23 мая 1909 г.

¹⁶ «British Documents on the Origins of the War (1898—1914)», vol. 5, стр. 253—254.

Курдские вожди встретили установление младотурецкого режима «с нескрываемой враждебностью, предчувствуя в скором времени конец своему своеволию», сообщал также штаб Кавказского военного округа (ЦГВИА, ф. 2000, д. 397, л. 18. Из сводок сведений, посланных штабом КВО генерал-квартирмейстеру Генерального штаба 20 сентября 1908 г.). Такой же вывод сделали многие другие наблюдатели. Сон, например, писал, что курды питали больше симпатий к «роялистам», чем к «популяристам». Их враждебность к парламенту он объясняет тем, что «система представительства чужда курду» из-за его приверженности племенному строю; кроме того, Абдул Хамид относился к курдам более мягко, чем его предшественники (Е. В. Соане, To Mesopotamia and Kurdistan in Disguise, стр. 239). Однако в другом месте Сон утверждает, что курдские (как и арабские) племена увидели в установлении нового режима в Турции возможность к «частичному возрождению» своего значения, поэтому они воспользовались революцией для борьбы за независимость (там же, стр. 10).

¹⁷ «Тифлисский листок», 15.I.1911. По сообщениям западной прессы, конституционные блага совсем не коснулись восточноанатолийской провинции, «где прежние порядки в полной силе». Курды настроены резко оппозиционно по отношению к конституции и парламенту, выступают за свободный Курдистан.

¹⁸ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1017, лл. 31, 66, 116. Из донесения военного агента в Константинополе; д. 397, л. 32. Сведения штаба КВО; АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1908 г., д. 36, лл. 445—446. Донесение Зиновьева Извольскому от 18 октября 1908 г.; См.: B. W. G. Elphinstone, Kurds and the Kurdish Question, — «Royal Central Asian Journal», 1948, January, стр. 43; Hassan Arfa, The Kurds, стр. 25; M. Wiedemann, Ibrahim Paschas Glück und Ende, стр. 35. Видеман утверждал, что Ибрагим-паша стремился основать независимое курдское государство, но доказательств этому не привел.

¹⁹ ЦГА ВМФ, ф. 418, оп. I, 1908 г., д. 10048, лл. 3—8. Краткие сводки донесений штаба КВО за июль—август 1908 г.

²⁰ Там же, лл. 17—18. Краткая сводка донесений штаба КВО за сентябрь 1908 г.

²¹ Там же, лл. 27, 52. Краткие сводки донесений штаба КВО за октябрь и декабрь 1908 г.; АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1908 г., д. 2676, лл. 62—63, 77—78. Донесения Скрыбина из Эрзерума от 26 сентября и 3 октября 1908 г. Временно подавить восстание в Дерсиме удалось только к ноябрю 1909 г., главным образом с помощью соседних курдских племен, которые из старой вражды с кызылбаши служили турецким войскам проводниками в горах (ЦГВИА, ф. 2000, д. 397, л. 372. От управляющего консульством в Эрзеруме — послу в Стамбуле, 10 ноября 1909 г.).

²² ЦГВИА, ф. 2000, д. 397, л. 303; д. 1015, л. 140. Сведения из штаба КВО; Е. В. Соане, To Mesopotamia and Kurdistan in Disguise, стр. 180—181.

²³ Их очевидцем был Сон (см.: E. V. Soane, To Mesopotamia and Kurdistan in Disguise, стр. 190—195, 289—291).

²⁴ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1909 г., д. 34, л. 287. Донесение Зиновьева Извольскому от 21 февраля 1909 г.; ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1002, лл. 196, 232, 235; д. 397, л. 395. Сводки из штаба КВО генерал-квартирмейстеру Генштаба в январе и марте 1909 г.; В. Никитин, Курды, стр. 314.

²⁵ ЦГВИА, ф. 2000, д. 1002, л. 203. Донесение из штаба КВО от 3 января 1909 г.

²⁶ ЦГВИА, ф. 2000, д. 1015, л. 72; ф. 2000, оп. 3, д. 1039, л. 153, д. 397, лл. 393—394. Донесения из штаба КВО за 1909 г.

²⁷ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1909 г., д. 2677, лл. 15—16. Донесения Скрыбина от 19 января 1909 г. По словам другого русского наблюдателя, среди курдов отмечается «крайне реакционное и враждебное настроение по отношению к нынешнему младотурецкому правительству» («Об отношении курдов в Азиатской Турции к турецкому правительству», — «Сборник Главного управления Генерального штаба», СПб., вып. II, 1910 г., февраль, стр. 61).

²⁸ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1908 г., д. 39, лл. 428—430. Делеша Зиновьева от 21 февраля 1909 г.

²⁹ Ардатов, Шарият, — ИШКВО, 1909, № 25, стр. 35—36; ЦГВИА, ф. 2000, д. 1017, л. 31; д. 1015, лл. 47, 54, 57. Донесение от военного агента в Константинополе от 24 августа 1908 г. и краткие сводки донесения штаба КВО за июль—сентябрь 1908 г. В прессе даже появились слухи, что Зеки-паша отказался подать в отставку, «взбунтовал 92 полка хамидие», пугая курдов возможностью захвата Россией их земель («Тифлисский листок», 15.VIII.1908).

³⁰ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1908 г., д. 1596, лл. 120—122. Донесение вице-консула в Ване Преображенского от 1 декабря 1908 г.

³¹ ЦГВИА, ф. 2000, д. 1015, лл. 71—72; д. 397, лл. 20—27, 31.

³² АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1909 г., д. 1597, л. 16. Донесение Преображенского от 3 марта 1909 г.

³³ ЦГВИА, ф. 2000, д. 1002, л. 201; д. 1015, лл. 159—160; д. 397, лл. 26—27, 73, 124, 190—191, 273. Донесения из штаба КВО и военного агента в Константинополе; АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1909 г., д. 37, лл. 161—162. Донесение Зиновьева Извольскому от 5 декабря 1908 г. Генконсул в Эрзеруме сообщал, что в «легкую кавалерию», формируемую из курдов Алашкертской, Байзидской, Хнысской и других каз, преимущественно набирался разный «сброд»: заведомые разбойники, убийцы, контрабандисты и пр., чем было очень встревожено местное население (см. АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1910 г., д. 2678, л. 36. Донесение от 17 декабря 1910 г.). Кор-Хусейн-паше было предъявлено обвинение в 65 крупных преступлениях. Власть посадили его в тюрьму, но через три месяца выпустили (см.: В. А. Гордлевский, Силуэты Турции, стр. 116—117).

³⁴ М. Ардатов, Разжалование высших чинов в турецкой армии, — ИШКВО, 1909, № 27, стр. 4—5.

³⁵ «Новая организация турецкой армии», — «Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой», 1911, № 1, стр. 47; «Курдская конница. Новое положение о полках легкой конницы из кочевников», — там же, № 2, стр. 13—45.

³⁶ «Курдская конница. Измененное положение о полках легкой кавалерии из кочевников», — там же, 1912, №№ 28, 29, 31, 32, 33.

³⁷ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3832, л. 2. Донесение из штаба КВО в Генштаб от 23 января 1910 г.; ЦГИАГ, ф. 74, оп. 2, д. 39.

³⁸ «Тифлисский листок», 6.VIII.3.IX.1908.

³⁹ ЦГВИА, ф. 2001, д. 397, л. 41. Большие опасения и недовольство у курдской верхушки вызвало то, что после младотурецкой революции

армянам было разрешено носить оружие (В. А. Гордлевский, Силуэты Турции, стр. 128).

⁴⁰ Так, например, новый вандский вали, задумав «примирить» курдов с армянами, учредил «смешанные комиссии» для разрешения аграрных вопросов в вилаете. Однако в этих комиссиях не было ни одного армянина, в них входили лишь курдские шейхи во главе с крупнейшим феодалом Абдул-Кадыром. Естественно, армяне не признавали за курдскими беями права представлять их интересы. И действительно, когда улеглась раздутая властями шумиха в связи с работой указанных комиссий, оказалось, что армяне ровным счетом ничего не получили (см.: АВПР, ф. «Политархив», 1909, д. 717, лл. 52—53). Из донесений временно управляющего Российским вице-консульством в Ване Пиретти делла Рокка от 19 октября и 6 ноября 1909 г.

⁴¹ Армянские погромы произошли и в других районах Восточной Анатолии, в частности в Муше (см.: «Тифлисский листок», 23.VI.1909), однако большинство курдов не принимали в них участия, а некоторые племена даже оказывали помощь преследуемым властями армянам (см.: «Геноцид армян в Османской империи», стр. 176).

⁴² АВПР, ф. «Персидский стол Б», оп. 489, 1910 г., д. 559, л. 96.

⁴³ АВПР, ф. «Политархив», 1907—1914 гг., д. 380, л. 20. Донесение вице-консула в Баязиде Михайлова от 25 февраля 1910 г.: ЦГВИА, ф. 2009, д. 3824, лл. 10—11. Шейх Абдул-Салам, старший брат видных руководителей национально-освободительного движения иракских курдов в новейшее время — Ахмеда Барзани и Моллы Мустафы Барзани, происходил из племени зибари, главным центром которого была деревня Барзан, расположенная на р. Большой Заб (вилает Мосул, каза Бира Кебран). Племя зибари всегда играло особую роль в истории курдов, из него выходили наиболее известные муллы и факихи (знатоки фикха — мусульманского права). Род шейха Абдул-Салама издавна находился во вражде со знатным шемдинанским родом Нехри, представители которого традиционно возглавляли популярный среди курдов дервишский орден Накшбенди. Из этого рода произошел руководитель восстания 1880 г. шейх Обейдулла, сын Обейдуллы, председатель сената османского парламента Абдул-Кадыр, его племянник, один из виднейших курдских лидеров описываемой нами эпохи сейид Та (иногда его имя передавали Таха или Тага по названию одной из сур Корана). Однако шейх Абдул-Салам помирился с сейидом Та.

Поводом к выступлению шейха Абдул-Салама были враждебные действия вали Басры Мехмеда Фазиль-паши. Преследуемый им Абдул-Салам вынужден был одно время скрываться у ассирийцев, но вскоре курды нанесли поражение туркам. Мехмед Фазиль-паша был смещен, а Абдул-Салам был «прошен» Стамбулом и вернулся в родной Барзан (см.: В. Nikitine, Les kurdes racontés par eux-mêmes, — *L'Asie Française*, 1925, № 231, стр. 148—153). В этой же статье приведена генеалогия знатнейших курдских родов.

⁴⁴ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1910 г., д. 1402, лл. 11—14, 80—90; 1911 г., д. 1403, лл. 1—3. Донесения Ширкова от 6 марта 1910 г. и 8 января 1911 г.; ф. «Политархив», 1910 г., д. 544, лл. 44—54. Донесения Ширкова от 8 и 30 апреля 1910 г.

⁴⁵ См. М. С. Лазарев, Крушение турецкого господства на Арабском Востоке (1914—1918 гг.), М., 1960, гл. 1.

⁴⁶ АВПР, ф. «Политархив», 1907—1914 гг., д. 380, л. 50. Донесение от 3 февраля 1911 г.

⁴⁷ Там же, 1911 г., д. 543, лл. 20—21. Донесение Ширкова от 22 марта 1911 г.

⁴⁸ ЦГИАГ, ф. 71, оп. 2, д. 58, лл. 16—17. Сведения штаба КВО от 5 февраля 1910 г.; АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911 г., д. 2680, л. 10, 48. Донесения генконсула в Эрзеруме от 21 января и 1 апреля 1911 г.

⁴⁹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1910 г., д. 2678, л. 21; 1911 г., д. 2680, лл. 10, 14, 48. Донесения генконсула в Эрзеруме от 20 октября 1910 г., 21 и 28 января и 1 апреля 1911 г.

⁵⁰ ЦГИАГ, ф. 71, оп. 2, д. 58, л. 21. Из сведений штаба КВО от 5 февраля 1910 г.

⁵¹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 672, л. 39. Донесение от 10 мая 1911 г.

⁵² ЦГИАГ, ф. 71, д. 39, лл. 2—3; д. 58, лл. 61—63, 66.

⁵³ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1910 г., д. 1599, лл. 42—43, 50. Донесения Олферьева от 20 марта и 25 апреля 1910 г.

⁵⁴ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911 г., д. 2680, лл. 56, 75, 76. Донесения генконсула в Эрзеруме Штриттера от 15 апреля и 20 июля 1911 г.

⁵⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911 г., д. 1602, лл. 60—69. Донесение Олферьева от 2 августа 1911 г.; д. 1403, лл. 65—66. Донесение Ширкова от 30 июля 1911 г.

⁵⁶ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911 г., д. 1403, лл. 70, 74—75. Донесение Ширкова от 3 сентября 1911 г.

⁵⁷ Там же, д. 1602, лл. 60—69. Донесение Олферьева от 2 августа 1911 г.

⁵⁸ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1910 г., д. 39, л. 121. Из донесения российского посла в Константинополе Чарыкова Извольскому от 25 марта 1910 г.

⁵⁹ АВПР, ф. «Политархив», 1910 г., д. 544, лл. 3—13. Из донесения Ширкова от 15 января 1910 г.; ф. «Канцелярия МИД», 1910 г., д. 37, л. 203. Телеграмма Чарыкова от 6 февраля 1910 г.; ф. «Посольство в Константинополе», 1910 г., д. 2678, л. 2. Донесение генконсула в Эрзеруме Блума от 3 февраля 1910 г.

⁶⁰ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1907—1913 гг., д. 3572, лл. 24—25. Воронцов-Дашков — Извольскому, 9 марта 1910 г.; ф. «Канцелярия МИД», 1910 г., д. 149, лл. 16, 17; ф. «Политархив», 1907—1914 гг., д. 380, л. 20. Донесения вице-консула в Баязиде Михайлова от 26 января, 25 февраля и 15 апреля 1910 г. Кор-Хусейн-паша «далеко смотрел вперед и был умный или хитрый политик», писал о нем Гордлевский во время мировой войны (В. А. Гордлевский, У сюпхандагских курдов, стр. 455).

⁶¹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1910 г., д. 33, л. 2. Чарыков — Извольскому, 25 февраля 1910 г.

⁶² Там же, д. 140, л. 17.

⁶³ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911 г., д. 1602, лл. 111—112. Донесение Олферьева от 12 октября 1911 г. Среди турецких курдов распространился слух, что в Тифлисе якобы образована специальная комиссия для решения курдского вопроса (ЦГИАГ, ф. 71, оп. 2, д. 39, лл. 23—24. Сведения штаба КВО от 5 февраля 1910 г.).

⁶⁴ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1907—1913 гг., д. 3572, л. 12.

⁶⁵ Там же, лл. 24—25. Воронцов-Дашков — министру иностранных дел, 9 февраля 1910 г.

⁶⁶ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1910 г., д. 33, л. 121. Чарыков — Извольскому, 25 марта 1910 г.

⁶⁷ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910 г., д. 5596, л. 93. Поливанов — Сазонову, 19 апреля 1910 г.

⁶⁸ Там же, л. 101. Сазонов — Поливанову, 23 апреля 1910 г.

⁶⁹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1907—1913 гг., д. 3572, л. 3. Сазонов — Чарыкову, 26 апреля 1910 г.

⁷⁰ Там же, л. 32. Сазонов — Поливанову, 17 апреля 1910 г.

⁷¹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1906—1910 гг., д. 1201, л. 138. Сазонов — Чарыкову, 17 апреля 1910 г.

⁷² Там же, л. 141. Донесение Чарыкова от 19 апреля 1910 г.

- ⁷³ ЦГИАГ, ф. 15, оп. 1, д. 310, лл. 1—10.
- ⁷⁴ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1238, л. 23. Кохановский — посланнику в Тегеране, 8 марта 1911 г.
- ⁷⁵ АВПР, ф. «Политархив», 1911—1914 гг., д. 719, лл. 50—51. Донесение Олферьева от 2 апреля 1911 г.
- ⁷⁶ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1238, л. 72. Донесение Олферьева от 17 апреля 1911 г.
- ⁷⁷ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 672, лл. 41, 44. Донесения генконсула в Тебризе Миллера от 8 и 11 мая 1911 г.
- ⁷⁸ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1233, л. 78. Нератов — посланнику в Тегеране Поклевскому-Козелл, 19 апреля 1911 г. Российский вице-консул в Урмии Голубинов также высказал мнение, что Абдуррезак является «исполнителем турецких предначертаний» и, опасаясь встретить сопротивление своим планам в лице сердара Маку, хочет его скомпрометировать в глазах иранского правительства (АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 672, л. 42. Донесение Голубинова от 9 мая 1911 г.).
- ⁷⁹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1238, л. 95. Донесение Чарыкова от 28 апреля 1911 г.
- ⁸⁰ Там же, л. 105. Телеграмма от Поклевского-Козелл от 30 апреля 1911 г.
- ⁸¹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1238, л. 102. Нератов — Поклевскому-Козелл, 30 апреля 1911 г.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же, л. 108. Донесение Чарыкова от 2 мая 1911 г.
- ⁸⁴ Там же, д. 672, л. 452. Нератов — Поклевскому-Козелл, 13 мая 1911 г.
- ⁸⁵ Там же, л. 117. Донесение Поклевского-Козелл от 5 мая 1911 г.; д. 672, лл. 48, 49. Телеграмма Кохановского и донесение Поклевского-Козелл от 15 мая 1911 г.
- ⁸⁶ Там же, д. 672, лл. 65, 66. Донесение Голубинова от 3 мая 1911 г.
- ⁸⁷ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 672, л. 52. Обзор событий в Урмии с 3 по 16 мая 1911 г., составленный Голубиновым.
- ⁸⁸ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1204, л. 107. Кохановский — посланнику в Тегеране, 7 ноября 1911 г.
- ⁸⁹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1911 г., д. 34, л. 334. Телеграмма Чарыкова от 23 июля 1911 г.
- ⁹⁰ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1204, л. 9. Кохановский — посланнику в Тегеране, 7 июня 1911 г.
- ⁹¹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1911 г., д. 36, л. 172. Донесение Чарыкова от 28 сентября 1911 г.
- ⁹² ЦГИА, ф. 796, оп. 100, д. 211, лл. 2, 8. Рапорт Сергия митрополиту Санктпетербургскому и Ладожскому Антонию от 31 июля 1910 г. и выписка из донесения вице-консула в Ване от 12 июля 1910 г.
- ⁹³ АВПР, ф. «Персидский стол», 1910—1917 гг., д. 4481, л. 76. Донесение Преображенского из Урмии от 7 июня 1910 г.
- ⁹⁴ Там же, л. 77. Письмо от 8 июня 1910 г.
- ⁹⁵ ЦГИА, ф. 796, оп. 100, д. 211, лл. 20—21.
- ⁹⁶ Там же, оп. 193, д. 7027, лл. 7—11, 13.
- ⁹⁷ АВПР, ф. «Политархив», 1910 г., д. 12, лл. 4—7. Журнал Особого совещания по вопросу о Самсун-Сивасской железной дороге от 2 июня 1910 г.
- ⁹⁸ АВПР, ф. «Политархив», 1910 г., д. 112, лл. 33, 34, 37. Извольский — поверенному в делах в Париже Неклюдову, 15 июня 1910 г. Хальгартен тоже констатирует, что Россия «терпимо» отнеслась к проекту французского займа Турции на 800 млн. фр. при условии, что «будут обеспечены и русские коммерческие, а прежде всего стратегические интересы в Северной Анатолии и Армении» (Г. Хальгартен, Империализм до 1914 г., стр. 645).

- ⁹⁹ АВПР, ф. «Политархив», 1910 г., д. 112, л. 52. Извольский — Чарыкову, 30 июня 1910 г. Проект Честера в то время не был реализован главным образом из-за противодействия Германии, а также других держав. (Подробнее см.: В. И. Шпилькова, Империалистическая политика США в отношении Турции (1914—1920), М., 1960, стр. 35—38). Следующая попытка Честера (тоже неудачная) относится уже к кемалистскому периоду.
- ¹⁰⁰ Например, Ширков, который предупреждал об опасности для России перемещения некоторых племен турецких курдов в сторону Ирана и русской границы и стремления к созданию у самого Кавказа автономного Курдистана. К обращениям курдов о покровительстве, писал он, следует относиться «с величайшей осторожностью», ибо «курдские племена — оружие и средство обоюдоострое...» (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1910 г., д. 544, лл. 16—17. Донесение от 15 января 1910 г.).
- ¹⁰¹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 672, л. 53. Донесение от 10 мая 1911 г.
- ¹⁰² АВПР, ф. «Политархив», 1911—1914 гг., д. 719, лл. 64—65. Донесение от 2 апреля 1911 г.
- ¹⁰³ «Материалы по изучению Востока», вып. I, стр. 117—118.
- ¹⁰⁴ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1910 г., д. 1599, л. 34. Донесение Олферьева от 15 февраля 1910 г.; ЦГВИА, ф. 450, д. 142, л. 155.
- Кавказское начальство, в частности, было встревожено снабжением хамидийцев русскими трехлинейными винтовками, высоко ценными на Востоке. Этим занимались специальные турецкие агенты, орудовавшие среди российских курдов и с их помощью переправляющие винтовки за границу. В начале 1909 г. было создано междоуведомственное совещание по вопросу о мерах для воспрепятствования снабжения турецких курдов русскими винтовками (ЦГИА, ф. 1276, оп. 5, д. 604, лл. 5—6 и далее).
- ¹⁰⁵ ЦГИА, ф. 1276, оп. 19, д. 450, лл. 1—9, 19, 23. Воронцов-Дашков — Извольскому, 28 января 1910 г.; Коковцов — заменяющему наместника в высших государственных установлениях Никольскому, 31 июля 1910 г.; выписка из журнала Совета министров от 5 октября 1911 г.; «Материалы по изучению Востока», вып. I, стр. 21.
- ¹⁰⁶ «Материалы по изучению Востока», вып. I, стр. 18.
- ¹⁰⁷ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1909 г., д. 173, л. 155. Донесение от 20 и 22 июня 1909 г.
- ¹⁰⁸ D. Kinnane, The Kurdes and Kurdistan, стр. 46; B. Burchard, Zu einigen Problemen der Geschichte der Kurdeschen Nationalbewegung, стр. 681.
- ¹⁰⁹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», д. 178, л. 188. Донесение Миллера из Урмии от 6 апреля 1909 г.; «Тифлисский листок», 21.V.1910.
- ¹¹⁰ «Тифлисский листок», 7.III.1909. Глава вераминских курдов шейх Махмуд, принимавший активное участие во всех выступлениях реакции при шахе Мохаммеде Али, после смерти шаха сел в бег в русскую миссию в Зергендз (загородная резиденция русской миссии под Тегераном). Российский поверенный в делах в Иране предложил Махмуду выехать, дабы не вызвать осложнения с правившими в то время в Тегеране конституционалистами, но шейх отказался, заявив, что он предпочитает самоубийство выдаче. Между тем население Вераминна вывесило над своими домами русские флаги и заявило, что оно не признает ни конституции, ни нового правительства, отдается под покровительство России и просит о российском подданстве. Драгоману русской миссии с большим трудом удалось убедить вераминцев снять русские флаги. Шейху же Махмуду удалось остаться в русской миссии, откуда он успешно руководил контрреволюционными действиями подвластных ему курдов (см.: «Тифлисский листок», 20.X.1910).

¹¹¹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1909 г., д. 33, л. 481. Донесение Чарыкова от 26 июля 1909 г.

¹¹² АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 675, л. 2. Донесение Голубинова от 17 октября 1911 г. См. также: 1908 г., д. 662, л. 21; ф. «Посольство в Константинополе», 1907—1913 гг., д. 3572, л. 58; «Тифлисский листок», 13.X.1911.

¹¹³ «Тифлисский листок», 1.III.1909.

¹¹⁴ М. Ардагов, Турецко-персидский пограничный конфликт, стр. 22—25.

¹¹⁵ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1033, л. 148. Телеграмма Миллера из Урмии от 13 августа; 1908 г., л. 203. Телеграмма Гартвига от 14 августа 1908 г.; АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1198. Донесение Миллера от 14 августа 1908 г.

¹¹⁶ АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1198, л. 406. Донесение Миллера из Джульфы от 18 сентября 1908 г.; ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 355, л. 22.

¹¹⁷ АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1198, л. 280. Донесение Миллера от 14 августа 1908 г.

¹¹⁸ Там же, лл. 413—414. Донесение Миллера от 24 сентября 1908 г.

¹¹⁹ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1908 г., д. 81, л. 21. Донесение Миллера от 8 октября 1908 г. «Слабая центральная власть Персии, — читаем в русском источнике, — всегда предоставляла курдам значительную степень самостоятельности и умела искусно ладить с различными курдскими племенами, почему последние не причиняли ей больших затруднений, как то бывало в Турции при восстаниях в Курдистане. Однако, персы не сумели достигнуть привязанности курдов к их общему отечеству, что ясно обнаружилось тем равнодушным, с каким относятся в настоящее время курды к факту занятия турками населенного ими района к западу от Урмийского озера» («Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой», 1911, № 1, стр. 68).

¹²⁰ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, лл. 2, 3, 78. Донесения из штаба КВО в Генштаб от 23 января, 4 февраля и 27 июня 1910 г.; АВПР, ф. «Персидский стол», 1906—1910 гг., д. 1201, л. 20. Донесение Преображенского от 20 января 1910 г.

¹²¹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1910 г., д. 1599, л. 109. Донесение Олферьева от 20 сентября 1910 г.

¹²² АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1198, л. 447. Донесение Гартвига от 25 октября 1908 г.

¹²³ АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 6666, л. 30. Донесение Голубинова от 17 марта 1910 г.

¹²⁴ АВПР, ф. «Персидский стол», 1909 г., д. 661, л. 474; д. 1199, л. 64. Извольский — послу в Лондоне, 22 июня 1909 г.; «Тифлисский листок», 1.III.1909.

¹²⁵ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1909 г., д. 177, лл. 44, 45, 59. Донесения генконсула России в Тебризе Миллера от 15 и 16 мая 1909 г.; «Тифлисский листок», 20.V.1909.

¹²⁶ См.: «Тифлисский листок», 7.XII.1910.

¹²⁷ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1910 г., д. 60, л. 10. Донесение Голубинова от 6 января 1910 г.; «Персидский стол», 1910 г., д. 1200, л. 215, вр. и д. начштаба КВО генерал Н. Н. Юденич — в канцелярию П. А. Столыпина, 21 июня 1910 г.

¹²⁸ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1909 г., д. 177, л. 145. Донесение Преображенского из Тебриза от 16 февраля 1909 г.; ф. «Миссия в Персии», 1910 г., д. 60, л. 10; ф. «Политархив», 1910 г., д. 1038, л. 77. Деша Чарыкова от 15 марта 1910 г.

¹²⁹ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, л. 310. Штаб КВО — генерал-квартирмейстеру генштаба, 15 октября 1911 г.

¹³⁰ Там же, л. 310; АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 672, л. 121. Донесение Голубинова от 25 июля 1911 г. Турки, несмотря на ту

большую помощь, которую оказал им Абдул Кадыр в пограничной полосе, не доверяли ему (и не без оснований). Турецкие власти боялись значительного усиления влияния Абдул Кадыра; он, например, основал в пограничной полосе национальный курдский фонд, взыскивая с каждой семьи налог в свою пользу, призывал вождей пограничной полосы повиноваться только ему, а не турецкому командованию, принимал меры к прекращению грабежей и насилий и даже к открытию курдских школ. Иными словами, поддерживая в общем турецкую политику в Иране, он прежде всего имел в виду не турецкие, а курдские интересы. Турецкий посол в Тегеране просил даже отозвать его обратно в Стамбул (см.: «Тифлисский листок», 30.VII и 5.VIII.1911).

¹³¹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 668, л. 96. Донесение вице-консула в Урмии от 12 мая 1910 г.

¹³² Там же, д. 667, л. 90. Извольский — послу в Лондоне, 23 июня 1910 г.; см. также: «Тифлисский листок», 1, 14.VIII; 18.IX.1910.

¹³³ АВПР, ф. «Персидский стол», 1906—1910 гг., д. 1201, л. 269. Донесение от 9 ноября 1910 г.

¹³⁴ Там же, 1910 г., д. 668, л. 11. Донесение Преображенского из Урмии от 12 мая 1910 г.

¹³⁵ АВПР, ф. «Персидский стол», 1906—1910 гг., д. 1201, лл. 269. Донесение Преображенского от 29 апреля 1910 г.; ЦГИА, ф. 797, 1910 г., оп. 80, д. 140, л. 17. Телеграмма архимандрита Сергия обер-прокурору синода Лукьянову от 15 мая 1910 г.

¹³⁶ АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 1200, л. 108, 112. Донесение от 23 июня 1910 г.; ЦГИА, ф. 796, 1910 г., оп. 191, д. 213, лл. 30—31. Отчет архимандрита Сергия о состоянии миссии в 1910 г.

¹³⁷ АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 1200, лл. 233, 234. Юденич — в канцелярию председателя Совета министров, 4 августа 1910 г.

¹³⁸ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1910 г., д. 60, лл. 88, 94, 111. Донесения Голубинова от 1 и 15 сентября и 24 ноября 1910 г.; «Тифлисский листок», 2.XI.1910.

¹³⁹ В Маку проживало приблизительно три тысячи курдских семейств; макинский хан был их верховный глава. «Макинские курды, — писал русский наблюдатель, — вовсе не привязаны к Персии, ценят, однако, свою самостоятельность и, равнодушные к судьбе всей страны в целом, всегда готовы защищать свое ханство» («Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой», 1911, № 1, стр. 69, 70).

¹⁴⁰ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1910 г., д. 169, л. 10. Телеграмма генконсула в Тебризе от 21 января 1910 г.

¹⁴¹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 1200, л. 112. Донесение российского вице-консула в Урмии от 23 февраля 1910 г.

¹⁴² АВПР, ф. «Персидский стол», 1909 г., д. 662, л. 61. Извольский — Бенкендорфу, 22 июня 1909 г.

¹⁴³ АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 1200, лл. 244—245. Донесение в канцелярию Столыпина от 16 августа 1910 г.

¹⁴⁴ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1202, л. 398. Донесение Олферьева от 15 марта 1911 г.

¹⁴⁵ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3908, лл. 19—20.

¹⁴⁶ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3908, л. 19. В ноте Турции Ирану от 12 октября 1910 г. содержалось ультимативное требование в течение 45 дней удовлетворить все претензии турецких подданных в оккупированных турецкими войсками районах; в случае невыполнения этого требования турки угрожали обложить налогом всех иранских подданных, проживавших в Турции, «т. е. другими словами, — как писал корреспондент „Тифлисского листа“, — аннексировать около 300 тысяч природных персов, осевших в Турции или имеющих в ней временное пребывание» («Тифлисский листок», 26.X.1910).

¹⁴⁷ «Тифлисский листок», 24.VIII.1910.

¹⁴⁸ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1203, лл. 241—242. Записка из письма русского делегата в комиссии по турецко-иранскому разграничению от 14 июня 1911 г.

¹⁴⁹ Там же, стр. 241.

¹⁵⁰ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1911 г., д. 133, л. 51. Донесение Голубинова от 22 августа 1911 г.; «Тифлисский листок», 1.VI.1910.

¹⁵¹ «Материалы по изучению Востока», вып. II, стр. 355.

¹⁵² Там же, стр. 119—121.

¹⁵³ АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 668, л. 44. Донесение Чарыкова от 10 ноября 1910 г.

¹⁵⁴ АВПР, ф. «Персидский стол», 1906—1910 гг., д. 1201, л. 20. Донесение вице-консула от 17 марта 1910 г.

¹⁵⁵ АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 1200, лл. 53—55. Донесение Преображенского от 12 мая 1910 г.; «Тифлисский листок», 21.X.1910. Карапахи — тюркское племя, воспринявшее от курдов многие черты их культуры и быта. Сулдузские карапахи эмигрировали из Эриванской губернии во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Миллер считал нежелательным оказывать им покровительство «ввиду возможных осложнений между турками и персами» (АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 1200, л. 332. Донесение Миллера от 17 декабря 1910 г.).

¹⁵⁶ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1910 г., д. 60, л. 77. Донесение Преображенского от 4 августа 1910 г.

¹⁵⁷ Там же, лл. 111—112. Донесение Преображенского от 24 ноября 1910 г.

¹⁵⁸ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1910 г., д. 1204, л. 118. Донесение Олферьева от 1 октября 1911 г.; «Тифлисский листок», 10, 15.VI; 10.XI; 23.XII.1910.

¹⁵⁹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 672, л. 52. Донесение Голубинова от 16 мая 1911 г.; ф. «Миссия в Персии», 1911 г., д. 133, л. 46. Донесение Голубинова от 8 августа 1911 г.; «Тифлисский листок», 28.VIII.1911.

¹⁶⁰ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911 г., д. 1602, лл. 101, 102. Донесение Олферьева от 27 сентября 1911 г. О роли турок в курдских междоусобицах см. также: «Тифлисский листок», 11.XI.1910; 22.III.1911.

¹⁶¹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 672, л. 67. Донесение Голубинова от 31 мая 1911 г.

¹⁶² Ф. Ф. Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, т. VIII, стр. 673—674.

¹⁶³ АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 600, л. 111. Обзор событий в Урми с 15 по 27 октября 1910 г.

¹⁶⁴ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 672, л. 27. Донесение Голубинова от 21 марта 1911 г.

¹⁶⁵ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1204, л. 19. Начштаба КВО — генерал-квартирмейстеру генштаба, 30 ноября 1911 г.

¹⁶⁶ Там же, д. 672, л. 53. Донесение Голубинова от 16 мая 1911 г.

¹⁶⁷ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 672, л. 67. Донесение Голубинова от 31 мая 1911 г.; ф. «Посольство в Константинополе», 1911 г., д. 1602, лл. 102—104. Донесение Олферьева от 27 сентября 1911 г.

¹⁶⁸ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1910 г., д. 1598, лл. 5—6. Донесение Олферьева от 8 декабря 1910 г.

¹⁶⁹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1202, л. 209; 1912 г., д. 1205, л. 76. Донесение Голубинова от 9 января 1912 г.

¹⁷⁰ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3556, лл. 45—47. Донесение вице-консула в Хое Преображенского от 9 ноября 1911 г.

¹⁷¹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1205, л. 74. Донесение Преображенского от 7 января 1912 г.

¹⁷² Такие же инструкции получили и некоторые панисламисты, выход-

цы из России (Карабеков и другие), направленные в Иранский Курдистан для борьбы с русским влиянием и примирения курдов-шинтов с суннитами.

Кстати говоря, турки пытались, и часто с успехом, использовать для антирусской пропаганды среди курдов и армян-дашнаков, спекулируя на недовольстве армянских националистов политикой царизма на Кавказе. Дашнаки со своей стороны всячески разжигали курдо-армянскую вражду и нередко, чтобы заставить население записываться в их партию и помогать ей материально, терроризировали армян и ассирийцев, переодевшись в курдское платье (см.: «Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии», вып. VI, СПб., 1913, стр. 83. Донесение Голубинова от 2 июля 1911 г.).

¹⁷³ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911 г., д. 1602, лл. 50—51. Донесение Олферьева от 12 июня 1911 г.

¹⁷⁴ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1202, л. 325. Донесение от 18 апреля 1911 г. О связях Салара с турками см. также: «Тифлисский листок», 11.VI.1911. В этом номере перепечатаны о нем интересные сведения из выходившей в Тебризе армянской газеты «Арават».

¹⁷⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3566, л. 24. Донесение генконсула в Багдаде Орлова от 19 июля 1911 г.; «Тифлисский листок», 16.VII.1911.

¹⁷⁶ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1202, л. 440. Донесение Миллера из Тебриза от 25 мая 1911 г.; «Тифлисский листок», 10.VII.1911.

¹⁷⁷ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1202, л. 437. Донесение Миллера от 23 мая 1911 г.

¹⁷⁸ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1911 г., д. 174, лл. 151, 153. Телеграммы русского вице-консула в Керманшахе от 27 мая и 2 июня 1911 г.

¹⁷⁹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3566, лл. 5, 11. Донесения Поклевского-Козелл от 20 апреля и Миллера из Тебриза от 2 июня 1911 г.

¹⁸⁰ У него было в середине июля 1911 г., по сведениям из Тегерана (где движение Салара вызвало большую тревогу), не более 200 бойцов при 4 устаревших орудиях («Тифлисский листок», 14.VII.1911).

¹⁸¹ «Материалы по изучению Востока», вып. I, стр. 18.

¹⁸² Д. Д. Беляев, Очерки северо-восточной части Персидского Курдистана, стр. 19—20.

¹⁸³ АВПР, ф. «Персидский стол», 1910—1917 гг., д. 4481, лл. 80—81.

¹⁸⁴ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1910 г., д. 1599, л. 109. Донесение Олферьева от 26 сентября 1910 г.

¹⁸⁵ Цит. по: «Тифлисский листок», 31.I.1912.

¹⁸⁶ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, лл. 70, 72—74.

¹⁸⁷ Как раз в это время в дипломатических сферах дебатировался вопрос о постройке конечного участка Багдадской железной дороги — Багдад — Персидский залив. Англия, намереваясь вырвать контроль за строительством этого участка из рук германской группы, была заинтересована в дипломатической поддержке России.

¹⁸⁸ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, лл. 162—168.

¹⁸⁹ Там же, лл. 191—192, 194.

¹⁹⁰ Там же, л. 214. Воронцов-Дашков — Столыпину, 27 апреля 1911 г.

¹⁹¹ Там же, д. 3908, лл. 21—22. Отчет о поездке в Курдистан в июне 1910 г. — январе 1911 г.

¹⁹² АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 672, л. 52. Донесение Голубинова от 16 мая 1911 г.

¹⁹³ АВПР, ф. «Персидский стол», 1906—1910 гг., д. 1201, л. 141. Донесение Чарыкова от 19 апреля 1910 г.

¹⁹⁴ Там же, 1911 г., д. 1202, л. 94.

¹⁹⁵ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1911 г., д. 126, л. 143. Воронцов-Дашков — Сазонову, 10 ноября 1911 г.

¹⁹⁶ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1911—1912 гг., лл. 425—426. Телеграмма от 5 декабря 1911 г.

¹⁹⁷ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1909 г., д. 130, лл. 246—247. Телеграмма Миллера от 19 августа 1909 г.

¹⁹⁸ ЦГИА, ф. 797, 1910 г., оп. 80, лл. 1—3. Телеграмма Сергея обер-прокурора синода Лукьянову от 22 мая 1910 г.

¹⁹⁹ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910—1912 гг., д. 560, л. 94. Донесение Голубинова от 27 ноября 1911 г. Незадолго до этого Голубинов писал о необходимости активно защищать «мирных жителей от внешних и внутренних грабежей. Параллельно с этим мы должны всячески поощрять расположенных к нам курдов в их стремлении к самостоятельности и в их исторической ненависти к турецкому владычеству» (АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 672, л. 123. Донесение Голубинова от 25 июля 1911 г.).

²⁰⁰ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910—1912 гг., д. 660, л. 95. Поклевский — Голубинову, 5 декабря 1911 г. Голубинов обратился к вице-консулу в Хое с просьбой прислать ему подкрепление.

²⁰¹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1204, л. 297. Клемм — Голубинову, 22 декабря 1911 г.

²⁰² АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1205, л. 90. Клемм — Голубинову, 11 января 1912 г.

²⁰³ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910—1912 гг., д. 560, л. 97. Клемм — вице-консулу в Хое, 4 января 1912 г.

²⁰⁴ «Материалы по изучению Востока», вып. I, стр. 37—50.

²⁰⁵ Там же, стр. 37.

²⁰⁶ Там же, стр. 117—118.

²⁰⁷ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1909 г., д. 38, л. 481. Телеграмма Чарыкова от 26 июля 1909 г.

²⁰⁸ АВПР, ф. «Политархив», 1909 г., д. 1036. Телеграмма Чарыкова от 23 июля 1909 г. В то же время Чарыков предупредил, что о принятии в подданство России даже одного сардара, «не может быть и речи».

²⁰⁹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 637, л. 80. Рапорт капитана Терлецкого генерал-квартирмейстеру от 22 июля 1910 г.

²¹⁰ АВПР, ф. «Политархив», 1910 г., д. 115, л. 17. Сазонов — Свечину от 29 сентября 1910 г.

²¹¹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1911 г., д. 125, л. 555. Телеграмма Поклевского от 14 декабря 1911 г.

²¹² Там же, л. 576. Телеграмма Воронцова-Дашкова от 10 декабря 1911 г.; д. 149, лл. 197—198, 221.

²¹³ АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1198, л. 244. Донесение Зиновьева от 16 августа 1908 г.

²¹⁴ АВПР, ф. «Персидский стол», 1909 г., д. 662, лл. 52, 53, 56. Извольский — поверенному в делах в Константинополе, 11 и 17 июня 1909 г.

²¹⁵ Там же, д. 663, л. 4. Донесение Зиновьева от 3 июня 1909 г.

²¹⁶ АВПР, ф. «Персидский стол», 1909 г., д. 662, л. 63. Бенкендорф — Извольскому, 26 июня 1909 г.

²¹⁷ Там же, 1908—1910 гг., д. 1201, л. 91. Донесение Чарыкова от 1 апреля 1910 г.

²¹⁸ АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 667, л. 29. Сазонов — Чарыкову, 12 апреля 1910 г.

²¹⁹ Незадолго до этого Извольский поручил посольству в Париже заручиться поддержкой французского правительства в давлении на Порту (АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 1200, л. 135).

²²⁰ Чарыков заметил, что этот демарш, как и предыдущие, является паллиативом, ибо насилия прекратятся лишь тогда, когда в Урмии появится регулярная военная сила, чего нельзя ожидать от иранского правительства (там же. Донесение Чарыкова от 14 июля 1910 г.).

²²¹ ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 366, л. 163. Донесение Чарыкова от 8 июня 1910 г.

²²² АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 1200, л. 161. Донесение Чарыкова от 12 июля 1910 г.

²²³ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, лл. 75—76. Столыпин — Сухомлинову, 26 июля 1910 г.

²²⁴ По мнению Мартина, турки не вывели окончательно свои войска из Ирана только из-за опасений России. Объяснение нелепое, ибо присутствие турецких войск в Северо-Западном Иране было главной причиной ухудшения русско-турецких отношений в то время и угроз России в адрес Турции (B. G. Martin, German-Persian Diplomatic Relations, стр. 105).

²²⁵ См.: «Тифлисский листок», 4.X.; 27.XI.1911.

²²⁶ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1910—1911 гг., д. 7399, ч. III, лл. 9—10. Сазонов — Свечину, 17 января 1911 г.

²²⁷ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, л. 147. Письмо Сазонова Столыпину от 11 февраля 1911 г.

Несмотря на официальную поддержку британской дипломатией русского нажима на Турцию в связи с положением в Иранском Курдистане, британская агентура на местах, особенно в Турецком Курдистане, продолжала проводить враждебную интересам России деятельность. Англичане, а также (в меньшей степени) и французы особенно интересовались курдами Дарсима. Олферьев писал, что англичан весьма тревожил тот факт, что кызылбаши «чувствуют особую склонность к России»; они хотят увеличить «свое моральное значение в Дарсиме» (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911 г., д. 1602, лл. 53—54. Донесение от 12 июня 1911 г.).

²²⁸ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1204, л. 310. Письмо Клемма от 28 декабря 1911 г.

²²⁹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1909 г., д. 661, л. 4. Донесение Зиновьева от 3 июня 1909 г.

²³⁰ B. G. Martin, German-Persian Diplomatic Relations, стр. 108.

²³¹ Г. Хальгартен, Империализм до 1914 года, стр. 467.

²³² Сазонов считал, что эта уступка позволит парализовать «опасность захвата Германией в свои руки всего торгового движения в Северо-Западной Персии», хотя и приведет к необходимости строить России железную дорогу в Иране, «не только нам ненужную, но и вредную нашим интересам, выбирая таким образом, из двух зол меньшее». Вместе с тем Сазонов считал, что полезно будет привлечь Англию к железнодорожному строительству в Иране (С. Д. Сазонов, Воспоминания, Берлин, 1927, стр. 38).

²³³ «Красный архив», 1923 г., т. 3, стр. 3. Доклады С. Д. Сазонова.

²³⁴ АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 1200, л. 331. Подробности о потсдамском свидании и последовавшем за ним соглашении, подписанном в Петербурге 6 (19) августа 1911 г. см.: И. И. Астафьев, Потсдамское соглашение, 1911 г., — «Исторические записки», 1970, 85, стр. 112—158.

ГЛАВА VI

¹ Черногория объявила войну Турции еще 9 октября.

² АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911 г., д. 1403, лл. 88, 90. Донесение русского консула в Битлисе Ширкова от 7 октября 1911 г.

³ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1204, лл. 130—131. Донесение Олферьева от 27 сентября 1911 г.

⁴ ЦГИАГ, ф. 71, оп. 2, д. 110, л. 46. Рапорт командира 3-го отдела 26-й пограничной Карсской бригады от 22 марта 1913 г.

⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3556, л. 157. Донесение вице-консула в Хое от 15 января 1913 г.

⁶ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1912 г., д. 79, л. 66. Донесение вице-консула в Ване от 8 ноября 1912 г.

⁷ По сведениям греческой газеты «Мессажери д'Атэн», первые признаки нового обострения отношений между армянами и курдами проявились в ряде районов (в частности, в окрестностях Трапезунда и Битлиса) уже с начала 1912 г. («Тифлисский листок», 14.II.1912).

⁸ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1204, л. 134. Донесение Олферьева от 27 сентября 1911 г.; 1912 г., д. 1205, л. 300. Донесение Олферьева от 20 мая 1912 г.

⁹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 1404, лл. 5—6. Донесение Ширкова от 19 марта 1912 г.; 1911—1913 гг., д. 3556, л. 77. Донесение Олферьева от 7 мая 1912 г.

¹⁰ Параллельно велась и активная антирусская агитация ввиду значительного усиления прорусских настроений в Турецком Курдистане. Олферьев писал: «Турки более всего напуганы проявлением у курдов некоторых симпатий к России и готовы пойти на всякие уступки и жертвы, чтобы восстановить их против гяуров-русских» (АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1207, л. 99. Донесение Олферьева от 1 июля 1912 г.).

¹¹ Получили право вступать в них и лица других национальностей.

¹² АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 2682, л. 5. Донесение военного агента в Турции генерал-майора Хольмсена генерал-квартирмейстеру Генштаба от 12 января 1912 г.; «Тифлисский листок», 7.IV.1914.

¹³ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 2682, л. 27. Донесение генерального консула в Эрзеруме Штриттера от 9 июля 1912 г.

¹⁴ АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1207, л. 101. Донесение от 1 июля 1912 г.

¹⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911 г., д. 1403, л. 104. Донесение Ширкова от 27 ноября 1911 г.

¹⁶ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1204, л. 134. Донесение Олферьева от 27 сентября 1911 г.

¹⁷ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3556, л. 106. Донесение Чиркова от 23 июля 1912 г.

¹⁸ Там же, 1912 г., д. 2682, л. 10. Донесение Штриттера от 3 февраля 1912 г.

¹⁹ Там же, д. 1603, л. 9. Донесение Олферьева от 10 января 1912 г.; ф. «Политархив», 1911—1914 гг., д. 719, лл. 184—186. Донесение Олферьева от 10 июля 1912 г.

²⁰ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1907—1913 гг., д. 3572, л. 210. Донесение генконсула в Багдаде послу в Стамбуле от 9 декабря 1911 г. Консул предпочел уклониться от каких-либо обещаний.

²¹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1913 гг., д. 3567, лл. 85—86. Донесение вице-консула в Трапезунде Маевского от 1 мая 1912 г.

²² D. A. Schmidt, Journey Among Brave Men, стр. 51.

²³ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3556, л. 120. Донесение Чиркова от 7 августа 1912 г.

²⁴ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 1404, л. 109. Донесение от 10 декабря 1912 г.

²⁵ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1912 г., д. 79, лл. 63—65. Донесение вице-консула в Ване от 8 ноября 1912 г.

²⁶ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1912 г., д. 33, л. 207. Посол в Стамбуле Гирс — управляющему МИД, 6 сентября 1912 г.; «Тифлисский листок», 30.V.1913.

²⁷ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1913 гг., д. 3561, л. 3; «Тифлисский листок», 11.IX.1912.

«Армяне могут жить в дружбе с курдами, но при условии, что пережитки феодализма в Курдистане будут уничтожены твердой рукой», —

справедливо отмечал Олферьев (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 1603, л. 19. Донесение Олферьева от 25 декабря 1912 г.).

²⁸ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 1404, лл. 124—126. Донесение Ширкова от 24 декабря 1912 г.

По сообщению «Нового времени» (от 14 декабря 1912 г.), Абдул-Кадир представил Порте проект автономии Курдистана, дабы предупредить намерение европейских держав создать автономную Армению.

²⁹ «Тифлисский листок», 2, 11.IX.1912.

³⁰ «Тифлисский листок», 7.V.1913.

³¹ «Тифлисский листок», 6.IX.1912.

³² «Тифлисский листок», 6.IX; 5.XII.1912.

³³ «Тифлисский листок», 17.X.1912.

³⁴ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1913 г., д. 1405, л. 119.

³⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1914 гг., д. 719, л. 310. Донесение Олферьева от 18 марта 1913 г.

³⁶ «Геноцид армян в Османской империи», стр. 210, док. № 112.

³⁷ Там же, стр. 236—237, док. № 128.

И. А. Орбели, посетивший Ванский вилайет в это время, отмечал отсутствие розни между трудовым, армянским и курдским населением. «В 1911—1912 гг., когда я побывал в Моксе, — писал он, — там жило много людей, протекала трудовая бесправная, тяжелая, но не вовсе лишенная маленьких радостей жизнь» (цит. по: К. Н. Юзбашян, Академик Иосиф Абрамович Орбели, стр. 33—34).

³⁸ АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1210, лл. 70—71. Обзор событий в пограничной полосе с 15 по 31 декабря 1912 г.

³⁹ Там же, л. 77. Обзор Чиркова за ноябрь—декабрь 1912 г.

⁴⁰ Гирс, правда, опровергал этот слух (см.: АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1912 г., д. 34, лл. 438, 441. Телеграммы Гирса от 14 и 16 декабря 1912 г.).

⁴¹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1211, л. 278. Донесение поверенного в делах в Тегеране Саблина от 27 августа 1913 г.

⁴² Лойко, Битлисский вилайет, стр. 118.

⁴³ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, лл. 651—652.

⁴⁴ АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1210, л. 717. Обзор событий в турецко-персидской пограничной полосе с 15 по 31 декабря 1912 г. от 7 января 1913 г.

⁴⁵ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910—1912 гг., д. 560, л. 167. Донесение от 22 ноября 1912 г.

⁴⁶ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1913 гг., д. 3561, л. 5; ф. «Миссия в Персии», 1912 г., д. 79, л. 66. Донесения от 8 ноября и 26 июля 1912 г.

⁴⁷ Там же, 1914 г., д. 1404, лл. 98—99, 134—140. Донесения от 25 ноября и 24 декабря 1912 г. Итиляфистское правительство безуспешно пыталось увеличить численность хамидие и повысить их боеспособность (см.: АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3556, л. 138. Донесение Чиркова от 12 сентября 1912 г.).

⁴⁸ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1907—1913 гг., д. 3572, лл. 211—224. Донесение Ширкова от 31 июля 1912 г.

⁴⁹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 2682, лл. 41—42. Донесение Штриттера от 6 августа 1912 г.

⁵⁰ Там же, лл. 72—74. Донесение Адамова от 28 декабря 1912 г.

⁵¹ Там же, д. 1603, л. 198. Донесение Олферьева от 25 ноября 1912 г.

⁵² См.: А. С. Аветян, Германский империализм на Ближнем Востоке. Колониальная политика германского империализма и миссия Лимана фон Сандерса, М., 1966.

⁵³ АВПР, ф. «Политархив», 1913 г., д. 1047, лл. 57. Донесения Гирса Сазонову от 18 февраля 1913 г., №№ 25, 28. Гирс утверждал, что младотурецкое правительство в обострении курдо-армянских отношений видело главную опасность для восточных вилайетов, ибо этим может воспользо-

ваться Россия для оправдания своего вооруженного вмешательства. Поэтому, писал Гирс, Порта «в самой категорической форме предписала ванаскому вали принять все меры к предупреждению какого бы то ни было обострения в курдо-армянских отношениях» (там же, стр. 62). Однако предположение русского посла о желании турецкого правительства нормализовать курдо-армянские отношения противоречит свидетельствам очевидцев. Вице-консул в Битлисе Ширков, например, описывая многочисленные насилие курдских беев над армянами, замечал: «Получается такое впечатление, что будто бы курдам было дано какое-то особое разрешение свыше грабить и убивать беззащитных армян. Бывший вали Али-паша, — сообщал далее Ширков, — по широко распространенному мнению, умышленно советовал курдам „поправить“ свои дела и заняться „чистой“ армянского населения» (АВПР, ф. «Политархив», 1912—1914 гг., д. 546, лл. 140—141. Донесение Ширкова от 12 июня 1913 г.).

⁵⁴ АВПР, ф. «Политархив», 1911—1914 гг., д. 719, л. 310, Донесение Олферьева от 20 апреля 1913 г.

⁵⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1913 г., д. 1605, л. 117. Донесение Олферьева от 30 мая 1913 г.

⁵⁶ Там же, лл. 134—135. Донесение Акимовича от 2 июля 1913 г.

⁵⁷ Там же, 1912—1914 гг., д. 3573, л. 217. Донесение Акимовича от 25 июня 1913 г.

⁵⁸ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1914 гг., д. 3573, лл. 109—110. Донесение Ширкова от 20 апреля 1913 г.

⁵⁹ Там же, лл. 146—147. Сообщение генконсульства в Эрзеруме от 5 мая 1913 г.

⁶⁰ B. Nikitine, Les kurdes racontés par eux-mêmes, стр. 154. О деятельности Та в Иране см. гл. VII.

⁶¹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1913 г., д. 2684, лл. 89—90. Донесение Адамова от 15 июля 1913 г.

⁶² АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1914 гг., д. 3573, лл. 146—147. Сообщение генконсульства в Эрзеруме от 5 мая 1913 г.

⁶³ Последние признавали право на халифат не за Османской династией, а только за потомками Аббасидов.

⁶⁴ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3824, лл. 36—38. «Сведения о некоторых малоизвестных курдских аширетах». (Из донесения Олферьева от 1 сентября 1911 г.).

⁶⁵ П. И. Аверьянов, Этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Оттоманской империи, стр. 39.

⁶⁶ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1913 г.; д. 114, л. 172. Телеграмма Гирса от 21 марта 1913 г.

⁶⁷ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1913 г., д. 2684, л. 89. Донесение Адамова от 7 апреля 1913 г.

⁶⁸ Там же, 1912—1914 гг., д. 3573, лл. 88—89, 95. Донесения Ширкова от 29 марта и Гирса от 6 апреля 1913 г.; ЦГИАГ, ф. 71, оп. 2, д. 110, лл. 1—3, 11—39. Выдержки из донесений за март—апрель 1913 г.

⁶⁹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1914 гг., д. 3573, лл. 102—106. Донесение консула в Мосуле Кирсанова от 13 апреля 1913 г.

⁷⁰ ЦГИАГ, ф. 71, оп. 2, д. 118, лл. 121—123. Донесение Кирсанова от 9 мая 1913 г.

⁷¹ ЦГИАГ, ф. 71, оп. 2, д. 110, лл. 7—8. Донесение Кирсанова от 17 апреля 1913 г.; АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1914 гг., д. 3573, лл. 38—39. Донесение Кирсанова от 7 марта 1913 г.

⁷² ЦГИАГ, ф. 15, д. 371, лл. 163—164. Из донесения вице-консула в Хое от 30 октября 1913 г.

⁷³ «Тифлисский листок», 14.IX.1913.

⁷⁴ ЦГАОР, ф. 102 («Департамент полиции. Особый отдел, 3-е делопроизводство»), оп. 13, 1912 г., д. 74, ч. 92, литер Б, лл. 16—17. Сводка № 4418 от 31 марта 1912 г.

⁷⁵ Там же, л. 43. Сводка агентурных сведений по Эриванской губернии и Эривани по панисламизму за октябрь 1912 г., № 12782, 19 ноября 1912 г.

⁷⁶ Там же, оп. 14, д. 74, ч. 92, литер Б, лл. 1—4. Сводка агентурных сведений по Эриванской губернии и Эривани за январь 1913 г., № 1922 от 19 февраля 1913 г.

⁷⁷ Там же, л. 8. Сводка за март 1913 г., № 3528 от 11 апреля 1913 г.

⁷⁸ См., например: «Тифлисский листок», 1.IX.1913.

⁷⁹ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913 г., д. 562, л. 195. Донесение Адамова от 26 октября 1913 г.

⁸⁰ Там же, 1912—1915 гг., д. 568, л. 38. Донесение от 29 октября 1913 г.

⁸¹ «Кавказ», 15.IV.1914; АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1914 г., д. 1406, лл. 7—8. Донесение Ширкова от 27 января 1914 г.

⁸² Накануне первой мировой войны в Турции возникло несколько новых курдских газет и журналов: в Багдаде — «Банги курд» («Призыв курдов»), в Стамбуле — «Жин» («Жизнь»). См.: Х. Барзани, Курдские политические партии и общественные организации в борьбе за разрешение курдской проблемы, стр. 31.

⁸³ См.: E. Yung, La révolte arabe, vol. I, Paris, 1924—1925, стр. 182.

⁸⁴ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1913 г., д. 1405, лл. 192—193. Донесение Ширкова от 14 декабря 1913 г.

⁸⁵ E. Yung, La révolte arabe, vol. I, стр. 184.

⁸⁶ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1913—1914 гг., д. 3573, лл. 309—310. Донесение Ширкова от 12 февраля 1914 г.

⁸⁷ Волнения в Битлисском вилайете начались еще осенью 1913 г., когда восстал аширет, предводительствуемый Мурад Санд-беем. Курды нанесли ряд поражений турецким войскам и жандармам (ЦГА ВМФ, ф. 418, д. 524, л. 450. Сведения, полученные Морским генштабом 5 сентября 1913 г.).

⁸⁸ «Тифлисский листок», 25.III., 11.IV.1914.

⁸⁹ АВПР, ф. «Политархив», 1914 г., д. 1052, лл. 48—49. Копия с рапорта сотрудника русского посольства в Стамбуле Якушева Гирсу от 13 июня 1914 г.

⁹⁰ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1914 гг., д. 3573, л. 340. Донесение Ширкова от 7 марта 1914 г.

⁹¹ АВПР, ф. «Политархив», 1914 г., д. 3312, лл. 2, 20; ф. «Посольство в Константинополе», 1914 г., д. 1407, лл. 11—12, 21—25, 28—30. Донесения Гирса и Ширкова в феврале—марте 1914 г.

⁹² АВПР, ф. «Политархив», 1914 г., д. 3312, лл. 4—18, 22. Донесения Гирса в марте 1914 г.; ЦГИАГ, ф. 71, оп. 2, д. 118, лл. 63—66. Донесение Кирсанова от 16 апреля 1914 г.

⁹³ АВПР, ф. «Политархив», 1914 г., д. 3311, л. 29; ф. «Посольство в Константинополе», 1914 г., д. 1406, лл. 39—46. Донесение Гирса от 24 апреля и Ширкова от 12 апреля 1914 г.

⁹⁴ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1914 г., д. 1406, лл. 50—51. Донесение Ширкова от 28 апреля 1914 г. В беседе с Бекгулянцем ванакий вали Тахсин-бей сказал, что курдов столь беспощадно покарал «за дружбу с соседним государством и за излишние мечты» (Р. Бекгулянц, По Турецкой Армении, стр. 76).

⁹⁵ Там же, лл. 5, 7. Донесение Ширкова от 24 мая 1914 г.

⁹⁶ Там же, лл. 59—60; 1914 г., д. 2685. Донесение Адамова от 15 марта 1914 г.; ЦГИАГ, ф. 71, д. 118, лл. 81, 115. Сводки штаба КВО за май—июнь 1914 г.

⁹⁷ ЦГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, 1914 г., д. 4037, лл. 39—40. Сведения, полученные Морским генеральным штабом 22 марта 1914 г.

⁹⁸ ЦГИАГ, ф. 71, д. 118, лл. 53—54. Донесение Кирсанова от 23 января 1914 г.

⁹⁹ Однако несомненно, что шейх Абдул-Салам Барзани видел в России будущую освободительницу курдов. Он советовал шейху Та поддер-

живать хорошие отношения с Россией. «Турки не знают, — писал он Та, — что скоро может наступить день, когда курдам может понадобиться могущественная поддержка, и поэтому следует ладить с русскими». Русофильство Абдул-Салая не было секретом для турок. Его давний враг — вали Басры Фазыл-паша считал, что на этом основании шейха можно наказывать. Но Абдул-Салая был начеку, предупрежденный своим тайным сторонником из окружения Фазыл-пашин неким Савфет-беем, турецким офицером, по национальности, видимо, курдом. «Если мы получим от русского правительства покровительство, — писал Савфет Абдул-Салаяму, — тем лучше для нашего народа». Савфет советовал Абдул-Салаяму договориться с Абдуррезакком и Та, установить контакты с англичанами, но при этом не забывать, что главное для него — это русская помощь (см. В. Nikitine, *Les kurdes racontés par eux-mêmes*, стр. 154).

¹⁰⁰ ЦГИАГ, ф. 71, д. 118, лл. 75—80. Донесения из штаба КВО за май 1914 г.; АВПР, ф. «Политархив», 1914 г., д. 3312, л. 9. Донесение Гирса от 5 мая 1914 г.; «Тифлисский листок», 1.III.1914.

¹⁰¹ «Review of the Civil Administration of Mesopotamia», London, 1920, стр. 44.

¹⁰² ЦГА ВМФ, ф. 418, 1914 г., д. 4288, л. 55. Из сведений, полученных Морским генеральным штабом 9 апреля 1914 г. ЦГИАГ, ф. 71, д. 118, лл. 163—164. Донесение вице-консула в Урмии от 1 июня 1914 г.; «Тифлисский листок», 4, 15, 20.IV.1914.

¹⁰³ ЦГА ВМФ, ф. 418, 1914 г., д. 4288, лл. 45—46. Сведения, полученные Морским генеральным штабом 27 марта 1914 г.

¹⁰⁴ Р. Бекгуляни, По Турецкой Армении, стр. 76—77; АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1914 г., д. 1606, лл. 19—21. Донесение Акимовича от 7 мая 1914 г.

¹⁰⁵ «Тифлисский листок», 23, 24.IV.1914.

¹⁰⁶ Как будет показано ниже, это утверждение было далеко от действительности.

¹⁰⁷ АВПР, ф. «Политархив», 1914 г., д. 3312, лл. 25—26. Донесение Гирса от 31 марта 1914 г.

¹⁰⁸ «Тифлисский листок», 11.IV.1914.

¹⁰⁹ АВПР, ф. «Политархив», 1914 г., д. 1052, лл. 48—49. Копия с рапорта Якушева Гирсу от 13 июня 1914 г.

¹¹⁰ АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1914 г., д. 5350, лл. 2—7. Донесение Адамова от 19 июня 1914 г. Как будет показано ниже, Россия на все эти обращения отвечала отказом.

¹¹¹ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1911 г., д. 133, лл. 104—105. Донесение вице-консула в Урмии Введенского от 30 июня 1914 г.

¹¹² АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1914 г., д. 1406, лл. 68—69. Донесение Ширкова от 25 июня 1914 г. Кор-Хусейн-паша активно агитировал за всеобщее антитурецкое восстание.

¹¹³ Там же, д. 2685, лл. 82—83. Донесение Адамова от 19 июня 1914 г.

¹¹⁴ АВПР, ф. «Политархив», 1911—1914 гг., л. 408. Донесение вице-консула в Ване Акимовича от 8 августа 1914 г.

Эти комитеты практиковали и террористические методы, особенно в отношении тех курдов, которые помогали турецким карателям.

¹¹⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1914 гг., д. 3574, л. 530. Письмо Минорского из Мосула от 24 мая 1914 г.

¹¹⁶ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1914 г., д. 85, л. 7. Донесение Ияса от 30 июля 1914 г.

¹¹⁷ ЦГИАГ, ф. 71, д. 118, л. 61. Донесение Кирсанова от 16 апреля 1914 г.

¹¹⁸ Цит. по: «Тифлисский листок», 11.IV.1914.

¹¹⁹ «Deutschland und Armenien 1914—1918. Sammlung diplomatisches Aktenstücke. Herausgegeben und eingeleitet Dr. Johannes Lepsius, Potsdam, 1919, стр. 17, док. 8». Донесение Бергфельда от 30 июля 1914 г.

¹²⁰ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910—1912 гг., д. 560, л. 99. Донесение Чарыкова от 4 января 1912 г.

¹²¹ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910—1912 гг., д. 560, л. 114. Из Министерства иностранных дел — посольству в Константинополе, 25 февраля 1912 г.

¹²² Там же, л. 102. Донесение Чарыкова Сазонову от 23 января 1912 г.

¹²³ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1912 г., д. 32, л. 95. Телеграмма Чарыкова от 13 февраля 1912 г.

¹²⁴ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, л. 555. Телеграмма Воронцова — Дашкова Коковцову от 15 апреля 1912 г.

¹²⁵ «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архива царского и Временного правительства. 1878—1917» (далее — МОЭИ), серия II, т. XIX, ч. II, стр. 493. Коковцов — Сазонову, 18 апреля 1912 г.

¹²⁶ АВПР, ф. «Политархив», 1912 г., д. 128, л. 46. Сазонов — Гирсу, 19 июня 1912 г.

¹²⁷ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910—1912 гг., д. 560, л. 161.

¹²⁸ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1913 г., д. 1605, л. 91. Донесение Олферьева от 13 мая 1913 г.

¹²⁹ ЦГИА, ф. 1276, оп. 10, д. 866, лл. 1—5. Сазонов — Горемыкину 14 апреля 1914 г.

¹³⁰ Там же, л. 9.

Советский автор Курд Оглу о деятельности русских представителей в Восточной Турции и Северном Иране писал следующее: «На всех этих постах (в консульствах, миссиях, отделениях торговых фирм и пр. — М. Л.) сидели явные и тайные агенты — офицеры Генштаба и чиновники различных рангов. Все они были связаны со II-м обер-квартирмейстерством Генштаба и выполняли определенные функции, одни подготавливали умы армян к восстанию, другие всяческими обещаниями стремились приобщить к „лону православия“ айсоры, третьи завязывали связи с курдскими вождями, часто вмешиваясь в их споры и разрешая земельные тяжбы в пользу своих друзей, четвертые производили рекогносцировки путей и перевалов, пятые поставляли оружие курдам и армянам для организации восстаний против правительств Турции и Персии и т. д. Словом, были пушены в ход все средства и орудия империалистического арсенала для подготовки благоприятного театра военных действий, для захвата колоний» (Курд Оглу, Курды и империализм. — «Бюллетень прессы Среднего Востока», Ташкент, 1932, № 13—14, стр. 105).

Картина в общем правильная, но краски несколько сгущены. Дальше будет показано, что деятельность России в Курдистане и Турецкой Армении отнюдь не была столь интенсивной, как это выглядит из описания, приведенного выше.

¹³¹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1914 гг., д. 3726, л. 125. Донесение Олферьева от 8 апреля 1913 г.

¹³² Там же, 1912—1914 гг., д. 3573, лл. 24—25. Донесение Чиркова от 14 февраля 1913 г.

¹³³ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913 г., д. 121, лл. 21—22. Из донесения Чиркова от 30 октября 1913 г.; там же, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1914 гг., д. 3573, лл. 24—25. Донесение Чиркова от 14 февраля 1913 г.

«Проникновение цивилизации из России в Курдистан, — писал Абдуррезак несколько позднее, — положит конец тем остаткам моральной связи, которая существовала между халифатом и курдами». В то же время он критиковал политику царских властей в Закавказье по отношению к местным курдам, у которых отбирали кочевья, но не давали земли для перехода к оседлости (АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1912—1915 гг., д. 568, лл. 82—83. Письмо Абдурезака российскому генконсулу в Тебризе от 19 мая 1914 г.).

¹³⁴ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1915 гг., д. 3573, л. 27. Донесение Чиркова от 14 февраля 1913 г.

¹³⁵ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913 г., д. 121, лл. 1—2. Донесение Чиркова от 22 октября 1913 г.

¹³⁶ Там же, донесение Чиркова от 30 ноября 1913 г.

¹³⁷ Цит. по: «Тифлисский листок», 30.V.1915.

¹³⁸ К. Н. Юзбашян, Академик Иосиф Абгарович Орбели, стр. 40.

¹³⁹ Цит. по: К. Н. Юзбашян, Академик Иосиф Абгарович Орбели, стр. 41—42.

¹⁴⁰ Там же, стр. 42.

¹⁴¹ Там же, стр. 43.

¹⁴² См. также: Б. М. Данциг, Изучение Ближнего Востока в России, М., 1968, стр. 141—143.

¹⁴³ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910 г., д. 559⁶, ч. 1, л. 65.

¹⁴⁴ Там же, л. 108. Донесение Чиркова от 2 февраля 1913 г.

¹⁴⁵ Там же, 1913 г., д. 562, л. 23. Донесение Гирса от 1 марта 1913 г.

¹⁴⁶ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913 г., д. 562, лл. 140—142. Донесение Орлова от 25 июля 1913 г.

¹⁴⁷ АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1210, л. 313. Донесение Чиркова от 10 мая 1913 г.

¹⁴⁸ Там же, л. 353. Донесение Чиркова в Министерство иностранных дел от 14 мая 1913 г.

¹⁴⁹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1913 г., д. 114, л. 323. Телеграмма Гирса от 22 мая 1913 г.

¹⁵⁰ АВПР, ф. «Персидский стол», 1914—1917 гг., д. 4486, л. 26. Донесение Гирса от 31 августа 1913 г.

¹⁵¹ ЦГИА, ф. 796, оп. 193, д. 7027, л. 67. Нератов — обер-прокурору св. Синода В. К. Саблеру, 26 июля 1912 г.

¹⁵² Там же, оп. 199, отд. VI, ст. 1, д. 242, лл. 1—7. Из докладной записки Сергия в Синод, 19 июля 1914 г.

¹⁵³ Там же, оп. 796, отд. VI, ст. 1, д. 219, лл. 13—16. Рапорт Сергия о состоянии миссии в 1913 г. от 24 февраля 1914 г.; Б. Н. Заходер, Православная миссия в Урмии, стр. 41.

¹⁵⁴ ЦГИА, оп. 796, отд. VI, ст. 1, д. 219, л. 19; оп. 193, д. 7015, лл. 238—240.

¹⁵⁵ Там же, ф. 797, 1914 г., оп. 84, д. 82, лл. 1—7.

¹⁵⁶ «Тифлисский листок», 24.XI.1913.

¹⁵⁷ ЦГИА, ф. 797, 1913 г., оп. 197, д. 5136, лл. 13—16.

¹⁵⁸ ЦГИА, ф. 796, оп. 193, д. 7027, л. 34. Из письма представителей горных сирийцев Сергию от 12 апреля 1913 г.

¹⁵⁹ Там же, л. 37. Патриарх Антиохийский и всего Востока Григорий — Саблеру, 11 июля 1913 г.

¹⁶⁰ ЦГИА, ф. 796, оп. 193, д. 7027, л. 58.

¹⁶¹ Там же, лл. 157—158. Нератов — Саблеру, 12 апреля 1914 г.; ф. 197, 1913 г., оп. 83, д. 425, лл. 17—18. Саблер — Сергию, 26 апреля 1914 г.

¹⁶² Там же, ф. 796, оп. 193, д. 7027, лл. 151—156. Отношение вице-консула в Урмии от 31 марта 1914 г.

¹⁶³ Там же, л. 150. Сазонов — Саблеру, 12 мая 1914 г.

¹⁶⁴ ЦГИА, ф. 797, 1913 г., оп. 83, д. 454, л. 31.

¹⁶⁵ Курд Оглу, Курды и империализм, стр. 105—106.

¹⁶⁶ А. С. Wratishlaw, A Consul in the East, стр. 196.

¹⁶⁷ Правда, русское посольство в Турции предприняло попытки защитить ассирийцев и не совсем дипломатическими методами. Ширков вел переговоры о прекращении насилий над армянами и ассирийцами с курдским вождем Сейидом Али. Гирс предложил через шейха Та воздействовать на Барзани, оказывавшего большое влияние на курдо-ассирийское население Северного Ирака. Однако проект такого вмешательства в защиту ассирийцев был вскоре отклонен ввиду нежелания русских властей поощрять сношения иранских курдов с турецкими и недоверия к некоторым

курдским вождям. «Обращение шейха Та к шейху Барзану, принадлежащему к враждебной первому партии Абд-уль-Кадира, только ухудшило бы положение несториан», — писал вице-консул в Урмии Голубинов. Он утверждал, что увеличение случаев насилий над ассирийцами вызвано подстрекательством со стороны турецких властей (АВПР, ф. «Персидский стол», 1911—1917 гг., д. 4482, л. 129. Клемм — Голубинову, 8 мая 1913 г.; АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1914 гг., д. 3573, л. 201. Донесение Ширкова от 20 сентября 1913 г.).

¹⁶⁸ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1913 г., д. 114, л. 294. Телеграмма Гирса от 14 мая 1913 г.

¹⁶⁹ Там же, л. 306. Телеграмма Гирса от 20 мая 1913 г.

Русские дипломатические представители в Турции выступали в защиту не только армян и ассирийцев, но и некоторых групп курдов (например, езидов, али-илахов), подвергавшихся наибольшим гонениям со стороны турецких властей. В июле 1913 г., например, Гирс обратил серьезное внимание великого визиря на недопустимость принуждения езидов продавать свои земли и дома с целью поселения там курдских эмигрантов из Ирана (АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1913 г., д. 114, л. 409. Телеграмма Гирса от 27 июня 1913 г.).

¹⁷⁰ A. Mandelstam, Le sort de l'empire Ottoman, Lausanne — Paris, 1917, стр. 298.

¹⁷¹ «Die grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914», Bd 38, стр. 38. Донесение Вангенгейма Бетман-Гольбергу от 20 мая 1913 г.

¹⁷² Там же, стр. 16, 22—23. Донесения Вангенгейма от 13 марта и 12 апреля 1913 г.

¹⁷³ МОЭИ, серия III, т. II, стр. 250—251.

¹⁷⁴ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 56, л. 154. Телеграмма Гирса от 12 марта 1914 г.

¹⁷⁵ АВПР, ф. «Политархив», 1913 г., д. 1047, л. 38.

¹⁷⁶ «Мы принципиально не имеем ничего против примирения Абдуррезака с турецким правительством», — писал Клемм, отмечая одновременно, что на родине Абдуррезака принес бы большую пользу своим сородичам, чем в Иране (АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1912—1915 гг., д. 568, л. 39. Клемм — Чиркову, 1 ноября 1913 г.).

¹⁷⁷ МОЭИ, сер. III, т. II, стр. 249—251. Письмо Клемма управляющему канцелярией наместника на Кавказе от 26 марта 1914 г.

¹⁷⁸ Там же, стр. 530. Клемм — Орлову, 29 апреля 1914 г.

¹⁷⁹ Там же, т. I, стр. 549. Запись беседы министра иностранных дел с ханом Макинским, 26 февраля 1914 г.

¹⁸⁰ Там же, т. II, стр. 143. Из частного письма исполняющего обязанности чиновника для пограничных сношений при наместнике на Кавказе Эльзенгра на имя Миллера в Маку от 29 марта 1914 г.

¹⁸¹ Там же, стр. 29—30. Сазонов — Гирсу, 4 марта 1914 г.

¹⁸² АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 56, л. 191. Телеграмма Гирса от 20 марта 1914 г.

¹⁸³ Там же, лл. 165—166. Телеграмма Гирса Ширкову от 22 марта 1914 г.

¹⁸⁴ МОЭИ, сер. III, т. II, стр. 207. Донесение Гирса Сазонову от 24 марта 1914 г.

¹⁸⁵ АВПР, ф. «Персидский стол», 1914 г., д. 1212, л. 51. Донесение Чиркова от 8 марта 1914 г.

¹⁸⁶ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911—1917 гг., д. 4482, л. 181. Донесение Введенского от 20 марта 1914 г.

¹⁸⁷ МОЭИ, сер. III, т. II, стр. 370—371. Донесение Введенского Сазонову от 11 апреля 1914 г.

¹⁸⁸ АВПР, ф. «Персидский стол», 1914 г., д. 1212, л. 75. Клемм — Введенскому, 16 апреля 1914 г.

¹⁸⁹ Там же, л. 74. Донесение Введенского от 17 апреля 1914 г.; B. Nikitine, Les kurdes racontés par eux-mêmes, стр. 154—155.

- ¹⁹⁰ МОЭИ, сер. III, т. II, стр. 298—299. Донесение Гирса Сазонову от 31 марта 1914 г.
- ¹⁹¹ Там же, т. III, стр. 43. Клемм — Чиркову, 7 мая 1914 г.
- ¹⁹² АВПР, ф. «Персидский стол», 1914 г., д. 1212, л. 87. Донесение Введенского от 5 мая 1914 г.
- ¹⁹³ Там же, л. 89. Сазонов — Гирсу, 8 мая 1914 г.
- ¹⁹⁴ МОЭИ, сер. III, т. III, стр. 279. Клемм — Коростовцу, 31 мая 1914 г.
- ¹⁹⁵ Цит. по: Б. А. Борьян, Армения, международная дипломатия и СССР, ч. II, стр. 418.
- ¹⁹⁶ «Письма И. И. Воронцова-Дашкова Николаю Романову», стр. 119—120.
- ¹⁹⁷ «Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 — 10 мая 1914», Пг., 1915, № 57, стр. 89.
- ¹⁹⁸ С. Д. Сазонов, Воспоминания, стр. 166.
- ¹⁹⁹ Там же, стр. 169.
- ²⁰⁰ А. М. Зайончковский, Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. По архивным документам, М., 1926, стр. 28.
- ²⁰¹ Он возник, в частности, сразу после младотурецкого переворота, когда нарастал кризис и на Балканах. Вот, например, запись в дневнике русского военного министра генерала Поливанова от 3 августа 1908 г.: «К 9 час. вечера на совещание к министру иностранных дел по поводу положения дел на Балканском полуострове и возможных осложнений в Турции».
- Решили пересмотреть мероприятия по Босфорской экспедиции и вообще подготовиться к возможности прийти в Турцию, не объявляя ей войны» (А. А. Поливанов, Из дневников и воспоминаний на должности военного министра и его помощника, 1907—1916, т. I, М., 1924, стр. 48).
- ²⁰² А. М. Зайончковский, Подготовка России к империалистической войне, стр. 324.
- ²⁰³ Там же.
- ²⁰⁴ АВПР, ф. «Политархив», 1907—1914 гг., д. 380, л. 68; ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1913 гг., д. 1204, л. 4. Донесение Акимовича от 22 ноября и 21 декабря 1913 г.
- ²⁰⁵ «Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении...», док. №№ 12, 17, 21, 24—26, 28, 29, 72; С. Д. Сазонов, Воспоминания, стр. 173.
- ²⁰⁶ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1914 гг., д. 3726, л. 88. Донесение Адамова от 5 декабря 1913 г.
- ²⁰⁷ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1914 гг., д. 3573, л. 257. Сазонов — Гирсу, 31 июля 1913 г.
- ²⁰⁸ Там же, лл. 231—232. Письмо Ширкова Минорскому от 20 июля 1913 г.
- ²⁰⁹ МОЭИ, сер. III, т. I, стр. 40. Сазонов — Гирсу, 4 января 1914 г.
- ²¹⁰ «Сборник договоров России с другими государствами», стр. 423.
- ²¹¹ См.: А. С. Аветян, Германский империализм на Ближнем Востоке, стр. 40.
- ²¹² С. Д. Сазонов, Воспоминания, стр. 162.
- ²¹³ Там же, стр. 302—303.
- ²¹⁴ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1908—1912 гг., д. 3922, лл. 43—44. Донесение Олферьева от 6 февраля 1912 г.
- ²¹⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1912 гг., д. 3558, лл. 51—53. Донесение Олферьева от 28 мая 1912 г.
- ²¹⁶ Там же, 1912—1914 гг., д. 3573, лл. 54—65, 81—86. Донесение Олферьева от 18 и 25 марта 1913 г. Зарзецкий грубо извращал политику России в Турецком Курдистане и Армении в глазах общественного мнения Европы, а также в искаженном виде освещал курдское и армянское дви-

жение в Турции. Об этом, в частности, свидетельствует его статья «Курдо-армянский вопрос» в журнале «Ревю де Пари». В этой статье автор утверждал, что при младотурецком режиме армяне не могут считаться угнетаемым народом, ибо вред, причиняемый их политическими организациями, равен тому, который приносили курдские ага. Далее Зарзецкий писал, что большинство армян и курдов предпочитают турецкое владычество господству «соседней нации», первые из национальных, вторые — из религиозных соображений. Наконец, Зарзецкий указывал четыре варианта решения армяно-курдской проблемы в Турции: 1) автономия курдо-армянская, 2) автономия отдельно курдская и армянская, 3) реформы в Турции и 4) оккупация восточных провинций Малой Азии Россией. Первые два решения, по мнению автора, невозможны. Если же не будет обеспечено третье решение, то неизбежно наступит четвертое. (Трудно сказать, чего больше в этих рассуждениях: недомыслия или сознательной клеветы). (S. Zarzecki, La question kurdo-arménienne, «Revue de Paris», 1914, № 8).

Антирусскую кампанию в связи с армянским вопросом вел также временно находившийся не у дел Жорж Клемансо. Он обвинял Россию на страницах редактируемой им газеты «Лом либр» в намерении захватить всю Турецкую Армению (см.: «Тифлисский листок», 22.V.1913).

²¹⁷ ЦГИАГ, ф. 71, оп. 2, д. 113, л. 1; д. 118, лл. 24, 147. Выдержки из различных сводок за май — август 1913 г.

²¹⁸ АВПР, ф. «Политархив», 1911—1914 гг., д. 719. Донесение Олферьева от 31 мая 1913 г.

²¹⁹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1914 г., д. 1406, л. 37. Донесение Ширкова от 9 апреля 1914 г.

²²⁰ А. С. Аветян, Германский империализм на Ближнем Востоке, стр. 37—40.

²²¹ МОЭИ, серия III, т. I, стр. 119.

²²² «Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении...», № 40, стр. 45. Письмо Свербеева Гирсу от 29 мая (11 июня) 1913 г.; С. Д. Сазонов, Воспоминания, стр. 170.

²²³ «Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении...», № 16, стр. 27—28. Деша Свербеева Сазонову от 15 (28) марта 1913 г.

²²⁴ А. С. Аветян, Германский империализм на Ближнем Востоке, стр. 44.

²²⁵ ЦГИАГ, ф. 71, оп. 2, д. 118, л. 26. Из донесения Кирсанова от 31 августа 1913 г.

²²⁶ Там же, д. 113, лл. 3—6. Из донесения Кирсанова от 30 мая 1913 г.

²²⁷ АВПР, ф. «Политархив», 1912—1914 гг., д. 1648, л. 206. Донесение Адамова от 20 мая 1914 г.

²²⁸ «Тифлисский листок», 11.IV.1914.

²²⁹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1914 г., д. 2585, лл. 77—78. Донесение Адамова от 19 июня 1914 г.

ГЛАВА VII

¹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1912 г., д. 166, лл. 92, 96. Телеграммы Никольского из Керманшаха от 14 и 28 февраля 1912 г.

² «Тифлисский листок», 25.III.1912.

³ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1912 г., д. 166, л. 126; ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3566, л. 45. Донесение Никольского из Хамадана от 5 и 19 апреля 1912 г.

⁴ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1912 г., д. 166, л. 126. Донесение Никольского от 19 апреля 1912 г.

- ^{4a} Там же, л. 96. Донесение Никольского от 23 февраля 1912 г.
- ⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3566, л. 36. Сазонов — Бенкендорфу, 1 апреля 1912 г.
- ^{6a} Там же, л. 40. Донесение Бенкендорфа от 3 апреля 1912 г.
- ⁶ Там же, лл. 41—42. Донесение Поклевского-Козелл от 3 апреля 1912 г.
- ⁷ Там же, л. 65. Нератов — послу в Константинополе, 29 апреля 1912 г.
- ⁸ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3566, лл. 76—82, 85. Донесения Поклевского от 6 мая 1912 г. и Никольского от 18 мая 1912 г.; ф. «Канцелярия МИД», 1912 г., д. 119, л. 348. Донесение Поклевского от 12 мая 1912 г.; «Тифлисский листок», 24.IV, 1, 8, 27.V. 1912.
- ⁹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3566, л. 85. Донесения Никольского от 18 мая и 24 июля 1913 г.; «Тифлисский листок», 5.VI, 17.VIII.1913.
- ¹⁰ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, лл. 571—572. От начштаба КВО — генерал-квартирмейстеру Генштаба, 30 марта 1912 г.; АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3559, л. 44. Донесение Голубинова посланнику в Тегеране от 15 марта 1912 г.
- ¹¹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3559, л. 44.
- ¹² ЦГВИА, ф. 2000, д. 60, л. 630. Донесение начштаба КВО генерал-квартирмейстеру Генштаба от 22 мая 1912 г.
- ¹³ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 740 а, лл. 34—35.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ «Тифлисский листок», 2.III.1912.
- ¹⁶ «Новое время», 13 (26).III.1912. Газета утверждала, что этот план разрабатывался инструкторами «одной из европейских держав».
- ¹⁷ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 7407, л. 3. Сазонов — послу в Константинополе, 6 марта 1912 г.
- ¹⁸ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3559, л. 91. Донесение Голубинова в Тегеране от 11 апреля 1912 г.
- ¹⁹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1203, л. 601. Донесение Чиркова от 27 марта 1912 г.
- ²⁰ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 1603, л. 17. Донесение Олферьева от 20 февраля 1912 г.
- ²¹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1206, лл. 210, 248. Донесение Голубинова от 5 мая и Чиркова от 15 мая 1912 г.
- ²² Там же, лл. 50—51. Донесение Чиркова от 30 марта 1912 г.; ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3559, л. 48. Донесение Чиркова от 20 марта 1912 г.
- ²³ АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1207, л. 121. Донесение вице-консула в Баязиде Акимовича от 15 июля 1912 г.; ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1912 гг., д. 3941, лл. 18—20. Донесение Чиркова от 4 мая 1912 г.
- ²⁴ Макинский сердар был тем более ценной мишенью для турок, что, во-первых, он был назначен шахским правительством генерал-губернатором не только Маку, но и Хоя, Салмаса и Урмии и, во-вторых, проводил вызвавшую большое недовольство низов, в том числе и курдов, политику ликвидации достижений революционной эпохи («Тифлисский листок», 9, 25.III., 22.V.1912).
- ²⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1912 гг., д. 3941, л. 21. Донесение Чиркова от 4 мая 1912 г.
- ²⁶ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1912 гг., д. 3941, л. 21. Донесение Чиркова от 4 мая 1912 г.
- ²⁷ АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1206, л. 250. Донесение Голубинова от 5 мая 1912 г.
- ²⁸ АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1204, л. 124. Донесение Голубинова от 7 октября 1911 г.

- ²⁹ МОЭИ, т. XX, ч. I, стр. 77, 113. Донесение Чиркова от 9 мая 1912 г. и письма Гирса Сазонову и Сазонова Поклевскому-Козелл.
- ³⁰ АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1207, л. 78. Донесение Голубинова от 9 июля 1912 г.
- ³¹ «Тифлисский листок», 20.VII.1912.
- ³² ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, л. 641. Телеграмма Голубинова от 16 августа 1912 г.; АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 3565, лл. 18—19.
- ³³ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1913 гг., д. 3507, л. 13.
- ³⁴ АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1208, л. 206. Донесение Голубинова от 9 ноября 1912 г.
- ³⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 3567, л. 60. Донесение Голубинова от 12 ноября 1912 г.
- ³⁶ С. Бабич, По Северной Персии, — «Военный сборник», 1913, № 5, стр. 156.
- ³⁷ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 7408, л. 44. Донесение Голубинова от 3 февраля 1913 г.; 1912—1913 гг., д. 3507, л. 89. Донесение российского вице-консула в Соуджбулаке полковника Ияса от 18 февраля 1913 г.
- ³⁸ Там же, д. 3507, л. 88. Сазонов — Гирсу, 25 февраля 1913 г.
- ³⁹ В частности, беззастенчиво под влиянием турок начали совершать нападения на мирное население (А. С. Wratishlaw, A Consul in the East, стр. 194).
- ⁴⁰ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 3560, лл. 75—84. Донесение Ияса от 8 июня 1913 г.; «Тифлисский листок», 21.VII.1913.
- ⁴¹ ЦГИАГ, ф. 15, д. 370, л. 214. Донесение Голубинова от 7 мая 1913 г.
- ⁴² АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1210, л. 286. Донесение от 24 апреля 1913 г.
- ⁴³ Там же, л. 370. Донесение Чиркова от 31 мая 1913 г.; «Тифлисский листок», 14.VI.1913.
- ⁴⁴ ЦГИАГ, ф. 15, д. 371, лл. 78—79; ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1211, л. 608. Донесения Чиркова от 9 и 27 октября 1913 г.
- ⁴⁵ АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1211, лл. 717—718. Донесение Чиркова от 22 ноября 1913 г. Сын шейха Та Кайкаус в беседе с корреспондентом «Нью-Йорк Таймс» Шмидтом так характеризовал своего отца: «Дважды он заключал союз с русскими, один раз с оттоманами, один раз с ассирийцами и один раз с германцами, но всегда он служил курдскому делу». Добавим от себя: курдскому делу в понимании феодального вождя, органически неспособного стать выразителем общенародных интересов (см.: D. A. Schmidt, Journey Among Brave Men, стр. 192—193).
- ⁴⁶ МОЭИ, серия III, т. II, стр. 522—523. Донесение Чиркова от 26 апреля 1914 г.; АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1211, л. 100. Донесение Чиркова от 15 августа 1913 г.
- ⁴⁷ АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 147. Донесения Голубинова и Ияса от 1 и 26 июня 1913 г.
- ⁴⁸ ЦГИАГ, ф. 15, д. 366, лл. 14—15; АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1911—1912 гг., д. 57, л. 64. Донесения Чиркова от 11 августа и Голубинова от 18 августа 1912 г.
- ⁴⁹ Впоследствии в Веймарской республике и гитлеровском рейхе Надольный занимал видные дипломатические посты, в том числе посла в Турции и в СССР.
- ⁵⁰ ЦГИАГ, ф. 15, лл. 371, 135, 103. Донесения Чиркова от 30 октября 1913 г.; АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1911 г., д. 133, л. 118. Донесение вице-консула в Урмии Преображенского от 10 марта 1914 г.
- ⁵¹ ЦГИА ГрузССР, ф. 15, д. 366, лл. 212—213; АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 147, л. 112. Донесения Голубинова от 7 мая и 27 июля 1913 г.

⁵² АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1913 г., д. 7409, л. 58. Донесение Преображенского от 11 декабря 1913 г.

⁵³ АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 147, л. 186. Донесение Преображенского от 24 декабря 1913 г.

⁵⁴ Там же, л. 184. Донесение Преображенского от 19 декабря 1913 г.

⁵⁵ АВПР, ф. «Персидский стол», 1912—1915 гг., д. 142, л. 185. Донесение Введенского от 24 февраля 1914 г.

⁵⁶ АВПР, ф. «Персидский стол», 1914—1917 гг., д. 150, л. 74. Донесение Введенского от 24 апреля 1914 г.

⁵⁷ АВПР, ф. «Персидский стол», 1912—1915 гг., д. 142, лл. 276—277. Донесение Введенского от 5 мая 1914 г.

⁵⁸ ЦГИАГ, ф. 62, оп. 2, д. 153, лл. 32—35. Донесение Ияса от 15 апреля 1914 г.

⁵⁹ МОЭИ, серия III, т. II, стр. 143, 522—523. Чирков — Сазонову 26 апреля 1914 г.

Германское генеральное консульство в Тебризе было открыто в феврале 1914 г. К этому времени германская и австрийская колония в этом центре Северо-Западного Ирана насчитывала 70 человек («Тифлисский листок», 27.IX.1914).

⁶⁰ ЦГИАГ, ф. 71, оп. 2, д. 206; МОЭИ, серия III, т. IV, стр. 323. Донесения управляющего вице-консульством в Хое от 4 июля 1914 г.; т. V, стр. 57.

Заметных успехов добились немцы в Макинском ханстве. Сердар начал получать крупные партии оружия, в основном винтовок, из Германии, и макинские курды, писал Чирков, «крайне интересуются неизвестной им доселе Германией». Сам сердар, по мнению наблюдателей, был настроен прогермански и антирусски. «Маку, — писал начальник штаба Азербайджанского отряда, — это есть германо-турецко-персидская кооперация» (АВПР, ф. «Персидский стол», 1912—1915 гг., д. 142, лл. 270—280. Донесение Введенского от 9 апреля 1914 г.; ф. «Персидский стол Б», 1913 г., д. 562, л. 176. Донесение Чиркова от 30 сентября 1913 г.).

⁶¹ АВПР, ф. «Персидский стол», 1914 г., д. 1212, л. 80. Донесение Орлова от 20 апреля 1914 г.

⁶² См., например: «Тифлисский листок», 2.25.II, 30.III.1914.

⁶³ Турецко-германская угроза представляла главную опасность для интересов России в Северо-Западном Иране, хотя и другие державы стремились подорвать здесь русское влияние. Особенно усердствовали католические миссионеры, преимущественно французского происхождения. В Хосровабаде, например, они натравливали на православное население несториан и курдов. В результате стараний «святых отцов» в окрестностях Хосровабада царил террор и насилия (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3556, л. 49. Из донесения вице-консула в Хое Преображенского от 9 ноября 1911 г.). Даже ближайшие союзники России в Иране — англичане вели в русской зоне антирусскую подрывную работу. В частности, Филипп Прайс, впоследствии член палаты общин от лейбористов и корреспондент «Манчестер Гардиан», был уличен в шпионаже, который он вел в местах расположения русских войск, в особенности в Маку, за что и был подвергнут кратковременному аресту. Прайс собирал также сведения о курдских племенах (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 3565, л. 110. Из отчета капитана Кислого, состоявшего при штабе Азербайджанского отряда и вице-консульства в Хое). В своих путевых очерках «Путешествие по Азербайджану и Персидскому Курдистану» Прайс подробно описывает это приключение, а также приводит много фактов, характеризующих политику России в Северо-Западном Иране (см.: G. Kirk. The Middle East in the War, London, 1954, стр. 484—485). Враждебные России державы часто вербовали на свою сторону также других европейцев, служивших в иранской жандармерии, таможенных, на почте, — шведов, бельгийцев и др.

Бельгийцы, кстати, снискали среди местного населения весьма дурную

славу. Служащий иранской таможни бельгиец Дюме и его спутники, например, грубо оскорбили курдов одного селения во время свадьбы, за что и заплатились жизнью. По этому поводу российский вице-консул в Соуджбулаке Ияс писал, что бельгийцы совершенно не считаются «с самолюбием туземцев, которых они привыкли третировать свысока, не признавая за ними никакого человеческого достоинства. Пусть это бывшие ефрейторы и унтер-офицеры бельгийской армии, которыми главным образом рекрутируется персидская таможня, и на которых, к сожалению, всюду в Персии смотрят, как на наших ставленников, помнят впредь, что иногда и культурегерские приемы их могут встретить надлежащий отпор и окончиться для них печально» (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1913 гг., д. 3500, л. 18. Донесение Ияса от 3 января 1913 г.).

⁶⁴ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 3565, л. 81. Телеграмма Клемма от 1 сентября 1911 г.

⁶⁵ МОЭИ, сер. II, т. XIX, ч. 1, стр. 245—246. Особый журнал Совета министров от 13 декабря 1911 г.

⁶⁶ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, л. 319. Сводка от штаба КВО — генерал-квартирмейстеру генштаба от 2 декабря 1911 г.

Сторонником всемерного развития русской консульской службы в Северном и Западном Иране был В. Ф. Минорский. В докладной записке «О русском представительстве в северном персидском Курдистане» он писал, что только из-за отсутствия русского консула туркам удается хозяйничать в этом районе. Если бы русский консул был в Соуджбулаке, утверждал Минорский, турки не захватили бы его. «Появившись в северном Курдистане, — продолжал он, — мы, ничем особенно не рискуя и не возбуждая подозрений в намерении территориальных захватов, можем сыграть ту роль, которую по отношению к англичанам играли в Сеистане». Минорский предлагал обратить больше внимания на центральный Иранский Курдистан, ибо для турок, которые собираются захватить его, будет крайне неприятно появление там русских представителей. Наконец, писал Минорский, можно «дороже» продать невмешательство в Южном Курдистане, добиваясь больших уступок на севере. Самое удобное место для консульства, считал автор записки, это Соуджбулак. Чирков также отмечал, что Соуджбулак имеет «для нас большое значение не только как важный пункт персидского Курдистана, где мы можем усилить свое политическое и экономическое влияние, но и как узел путей по обоим сторонам Урмийского озера из Месопотамии к нашей границе и к Тавризу» (АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1912 г., д. 79, лл. 2—3; ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1208, лл. 186—190. Обзор событий в пограничной полосе за август и первую половину сентября 1912 г.).

⁶⁷ После ухода турецких войск из пограничной полосы, утверждал Курд Оглу, «русский генштаб в ряде районов насаждал своих агентоколонизаторов, для которых специально покупались значительные участки земли» (Курд Оглу. Курды и империализм, стр. 106).

⁶⁸ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1913 г., д. 2684, лл. 181—182. Донесение Адамова от 23 сентября 1913 г.

⁶⁹ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1911 г., д. 133, л. 110—111. Донесение Голубинова от 24 февраля 1914 г.

⁷⁰ Там же, лл. 126, 127. Донесение Голубинова от 17 марта 1911 г.

⁷¹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3556, лл. 60—66. Отчет Голубинова о поездке в Дильман и Барандуз, февраль 1912 г.

⁷² АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1911—1912 гг., д. 57, лл. 61—63. Донесение Голубинова от 18 августа 1912 г.

⁷³ АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1208, лл. 186—190. Обзор событий в пограничной полосе за август и первую половину сентября 1912 г.

⁷⁴ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910—1912 гг., д. 560, л. 138. Полевский — Сазонову, 14 мая 1912 г.

75 Там же, л. 139. Сазонов — Поклевскому, 17 мая 1912 г.
 76 См.: АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1912 гг., д. 3556, л. 120. Донесение от 7 августа 1912 г.
 77 Там же, 1912 г., д. 2565, лл. 115—118. Отчет капитана Кислого (из штаба Азербайджанского отряда) и вице-консульства в Хое.
 78 Там же, д. 3565, лл. 77—78. Донесение от 22 октября 1912 г.
 79 АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3556, лл. 77, 95—96, 123. Донесение Олферьева от 7 мая 1912 г. и Чиркова от 6 мая и 7 августа 1912 г.
 80 Там же, лл. 77—96, 123. Донесения Олферьева от 7 мая 1912 г. и Чиркова от 6 мая и 7 августа 1912 г.
 81 АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1207, лл. 233—234. Донесение Чиркова от 23 февраля 1912 г.
 82 Там же, л. 326. Обзор полк. Андриевского от 11 августа 1912 г.
 83 Там же, д. 1208, л. 140.
 84 Там же, д. 1206. Донесение Голубинова от 25 апреля и письмо Поклевского от 28 апреля 1912 г.
 85 Там же, д. 1207, лл. 409—410. Донесение Голубинова от 18 августа 1912 г.
 86 АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 363. Донесение Чиркова от 24 марта 1912 г.
 87 АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1912 г., д. 119, л. 58. Телеграмма Поклевского от 30 января 1912 г.
 88 Там же, д. 165, л. 34. Телеграмма Преображенского от 20 апреля 1912 г.
 89 АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910—1912 гг., д. 560, л. 122. Нера- тов — Поклевскому, 20 апреля 1912 г.
 90 АВПР, ф. «Политархив», 1912 г., д. 1044, л. 86.
 91 «...Вопрос об управлении курдами и возможном использовании их для политических целей является весьма видным для всех держав, имеющих интересы в Анатолии и в западной части иранского плоскогорья», — писал поверенный в делах в Тегеране Саблин (АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913 г., д. 502, лл. 21—22. Письмо Саблина в МИД от 21 февраля 1913 г.).
 92 АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910 г., д. 559 б, ч. 1, л. 71. Сазо- нов — наместнику на Кавказе, 27 февраля 1913 г.
 93 АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1209, л. 49. Письмо Сухом- линова Сазонову от 15 июня 1913 г.
 94 Там же, д. 1210, л. 69. Обзор событий в турецко-персидской погра- ничной полосе, 7 января 1913 г.
 95 Там же, л. 63.
 96 Там же, 1912 г., д. 1208, л. 221. Донесение Ияса от 19 ноября 1912 г.
 97 Там же, л. 209.
 98 АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1913 г., д. 96, лл. 141—143. Теле- грамма Саблина от 2 июля 1913 г.
 99 «Тифлисский листок», 11.VIII, 21.XII.1913.
 100 АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913 г., д. 562, л. 9. Донесение Чиркова от 8 января 1913 г.
 101 АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1208, лл. 221—222. Доне- сение Ияса от 19 ноября 1912 г.
 102 АВПР, ф. «Персидский стол», 1912—1916 гг., д. 144, л. 41. Коросто- вец — Клемму, 20 марта 1914 г.
 103 Там же, 1913 г., д. 147, л. 168. Донесение управляющего вице-кон- сульством в Урмии Успенского от 3 ноября 1913 г.
 104 АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1914 г., д. 90, лл. 53—59. Донесение Введенского от 20 июня 1914 г.
 105 АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1210, л. 27.
 106 АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 7400а, лл. 34—37. Докладная записка от 15 ноября 1912 г.

107 АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3556, лл. 166—171; ф. «Канцелярия МИД», 1913 г., д. 96, л. 131. Донесение Голу- бинова от 21 июня 1913 г. и телеграмма Саблина от 8 июля 1913 г.
 108 ЦГИАГ, ф. 15, д. 363, л. 96. Из донесения Голубинова посланнику в Тегеране от 12 ноября 1912 г.
 109 АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1208, л. 161. Донесение Чиркова от 1 ноября 1912 г.
 110 АВПР, «Персидский стол Б», 1913 г., д. 562, лл. 144—145. Началь- ник Генштаба генерал Жилинский — Сазонову, 31 июля 1913 г.
 111 АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 3565, л. 109. Отчет Кислого с 1 октября по 1 ноября 1912 г.
 112 ЦГИАГ, ф. 15, д. 363, л. 46. Донесение Чиркова от 19 октября 1912 г.
 113 АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1208, л. 223. Донесение Чиркова от 17 ноября 1912 г.
 114 Там же, лл. 243—245. Донесение Голубинова от 24 ноября 1912 г.
 115 Там же, лл. 258—259. Телеграммы послан в Турцию и Иране от 14 ноября 1912 г.; ф. «Посольство в Константинополе», 1907—1913 гг., д. 3572, л. 251. Сазонов — Поклевскому, 16 ноября 1912 г.
 116 АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1208, л. 255. Донесение Поклевского от 11 декабря 1912 г.
 117 АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1210, лл. 20—21.
 118 Там же, лл. 24—27.
 119 Там же, лл. 65—67. «Обзор событий в Хое к 31 декабря 1912 г.». Донесение Чиркова от 15 января 1913 г.
 120 АВПР, ф. «Политархив», 1913 г., д. 1047, л. 38.
 121 Там же, лл. 36—37. Донесение Гирса от 4 февраля 1913 г.
 122 Там же, д. 1210, л. 240. Телеграмма Клемма от 20 апреля 1913 г.
 123 Там же, л. 286. Донесение Чиркова от 24 апреля 1913 г.
 124 Там же, д. 1210, л. 370. Донесение Чиркова от 31 мая 1913 г.
 125 АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1912—1917 гг., д. 569, лл. 10—11. Донесение Чиркова от 7 января 1913 г.
 126 Там же, л. 46. Донесение Гирса от 23 июня 1913 г.
 127 АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1211, лл. 2—9. Письмо Минорского Ивану Александровичу (?) от 27 июня 1913 г. «Для насажде- ния нашего влияния в персидском Курдистане наряду с решительными мерами. — писал Чирков, — необходимы и меры культурного воздействия» (ЦГИАГ, ф. 15, д. 368, л. 46. Донесение от 19 октября 1912 г.). Голуби- нов, кстати, был против оказания военной помощи Симко.
 128 АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1210, л. 439. Письмо Не- ратова от 26 июня 1913 г.
 129 Там же, д. 1211, л. 199. Донесение Чиркова от 15 августа 1913 г.
 130 Там же, л. 210. Письмо Клемма от 17 августа 1913 г.
 131 Там же, лл. 327, 328. Телеграммы Клемма Чиркову от 6 сентября 1913 г., №№ 2646, 2647. Действия Симко на границе и в последующее время вызвали тревогу у турецких властей и служили основанием для пред- ставлений Порты Российскому посольству (см.: АВПР, ф. «Персидский стол», 1914 г., д. 1212, л. 54. Донесение Гирса от 13 марта 1914 г.).
 132 АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1210, лл. 72—88. Обзор событий в турецко-персидской пограничной полосе с 15 по 31 декабря 1912 г. и донесение Андриевского от 7 января 1913 г.
 133 АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913 г., д. 562, л. 191.
 134 АВПР, ф. «Персидский стол», 1911—1917 гг., д. 4482. Клемм — по- веренному в делах в Тегеране, 22 октября 1913 г.
 135 Там же, 1914 г., д. 1212, л. 33. Письмо от 28 февраля 1914 г.
 136 АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1913 г., д. 40, лл. 10—12. Введен- ский — в миссию в Тегеране, 12 мая 1914 г.
 137 См.: «Тифлисский листок», 30.III, 6.V.1914 г.
 138 АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913 г., д. 562, лл. 104, 117.

¹³⁹ Там же, д. 127. Донесение Шатилова от 16 и 17 июля 1913 г.; ф. «Персидский стол», 1911—1917 гг., д. 4482, л. 131. Донесение Голубинова от 17 июля 1913 г.

¹⁴⁰ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913 г., д. 562, л. 130. Донесение Гирса от 21 июля 1913 г.

¹⁴¹ Там же. Донесение Гирса от 24 июля 1913 г.

¹⁴² ЦГИА, ф. 796, оп. 193, д. 7027, лл. 40—43. Телеграмма Сергея митрополиту Санктпетербургскому и Ладожскому Владимиру от 20 июля 1913 г.

¹⁴³ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913 г., д. 562, лл. 170, 175. Клемм — вице-консулу в Урмии, 24 сентября 1913 г.

¹⁴⁴ С. Б а б и ч, По Северной Персии, — «Военный сборник», 1913, № 8, стр. 186.

¹⁴⁵ Без этого не обошлись даже такие мероприятия Симко, как сбор средств на постройку курдской школы и издание газеты, причем сборщики для «устрашения» присваивали себе русские имена («Военный сборник», 1913, № 11, стр. 152—154).

¹⁴⁶ «Военный сборник», 1913, № 10, стр. 171—182.

¹⁴⁷ «Военный сборник», 1913, № 11, стр. 143—151.

¹⁴⁸ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1914 г., д. 30, л. 7. Донесение Введенского посланнику в Тегеране от 30 мая 1914 г.

¹⁴⁹ Там же, лл. 15—16. Донесение Введенского от 6 июня 1914 г.

¹⁵⁰ Там же, л. 9. Донесение Введенского от 30 мая 1914 г.

¹⁵¹ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1912 г., д. 98, лл. 70—71. Донесение Чиркова от 9 марта 1914 г.

¹⁵² АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910 г., д. 559 б, ч. II, л. 73. Письмо Клемма от 8 мая 1914 г.

¹⁵³ Лишь в области экономического проникновения наблюдалась иная картина. В предвоенные годы российскому капиталу удалось существенно укрепить свои позиции в Северо-Западном Иране. В частности, большие перспективы давало подписание 24 января (6 февраля) 1913 г. акта концессии на постройку Россией железнодорожной линии Джульфа — Тебриз с веткой (протяженностью в 45 верст) к северо-западному берегу оз. Урмия. Концессионер получал право на изыскание и эксплуатацию месторождений угля и нефти на расстоянии 60 верст по обе стороны железной дороги и на прокладку здесь подземных путей. Россия также получила преимущественное право на строительство железной дороги Тебриз — Казвин на тех же условиях. Работы должны были начаться не позже чем через два года со дня выдачи концессии, но этот срок мог быть продлен. Концессия была заключена на 75 лет (см. «Тифлисский листок», 17.II.1913).

К этому времени вся крупная торговля в Иранском Курдистане и Азербайджане находилась в руках российского капитала, который представлял главным образом русскоподданные армянские и персидские купцы. «Город Урмия, — по словам российского вице-консула, — представляет собой единственный рынок не только для провинции, но также снабжает Курдистан и все население, живущее на персидско-турецкой границе, и даже саму Турцию сахаром, мануфактурой, железом и другими товарами исключительно русского происхождения» (цит. по: «Тифлисский листок», 15.III.1913).

Однако политическое влияние России в указанном районе было намного ниже, чем экономическое, что является показателем и общей слабости российского империализма, и конкретных просчетов, допущенных его отдельными представителями.

¹⁵⁴ Пограничный вопрос, писал Голубинов, неотделим от курдского, ибо «от того или иного отношения курдов к Турции, Персии и России и наоборот будет зависеть дальнейшая судьба пограничного вопроса» (ЦГИАГ, ф. 13, д. 370, л. 219. Донесение от 7 мая 1913 г.).

¹⁵⁵ «Объезд оккупированных Турцией иранских округов русским и ве-

ликобританским представителями гг. Минорским и Шипле 8 июня — 16 сентября 1911 г., — «Материалы по изучению Востока», вып. II, стр. 4—5.

¹⁵⁶ C. J. Edmonds, Kurds, Turks and Arabs, стр. 137; «Материалы по изучению Востока», вып. II, стр. 135.

¹⁵⁷ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1912 гг., д. 3558, л. 46. Инструктивное письмо Сазонова от 19 мая 1912 г.

¹⁵⁸ АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1207, лл. 9—10. Донесение Голубинова от 20 июня 1912 г.

¹⁵⁹ Впоследствии — видный деятель британской колониальной администрации в Ираке, крупный знаток Арабского Востока.

¹⁶⁰ МОЭИ, сер. II, т. XX, ч. II, стр. 254.

¹⁶¹ «British Documents on the Origins of the War», vol. IX, pt I, стр. 768.

¹⁶² См.: «Путевые дневники генерального консула в Багдаде ст. сов. Орлова, объезжавшего турецко-персидскую границу летом 1913 г., — «Материалы по изучению Востока», вып. II, стр. 133—219.

¹⁶³ «Материалы по изучению Востока», вып. II, стр. 221; C. J. Edmonds, Kurds, Turks and Arabs, стр. 137.

¹⁶⁴ «Нельзя обойти молчанием и роль границы в качестве барьера между турецкими и персидскими курдами», — писал в это время Гирс (АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1912 г., д. 79, л. 78. Донесение от 28 июня 1913 г.).

¹⁶⁵ Турции ничего не оставалось, как молчаливо согласиться с этим решением, а Иран даже не спрашивали.

¹⁶⁶ «Материалы по изучению Востока», вып. II, стр. 221—222.

¹⁶⁷ C. J. Edmonds, Kurds, Turks and Arabs, стр. 137—138.

¹⁶⁸ «Одной из причин неудачи разграничений в 1849—1852 гг., — писал Минорский, — был чисто посреднический характер роли русского и британского комиссаров. Громадным успехом русско-английских настояний в 1913 г. было назначение в комиссию нас с г. Вратиславом не только на равных условиях с мусульманскими комиссарами, но и с правами третейских судей, постановляющих безапелляционные решения, в случае невозможности для турок и персов притти к непосредственному соглашению (статья IV Заключительного протокола)» (В. Ф. Минорский, Турецко-персидская граница, — «Материалы по изучению Востока», вып. II, стр. 223—225).

¹⁶⁹ C. J. Edmonds, Kurds, Turks and Arabs, стр. 138; C. H. D. Ryder, The Demarcation of the Turko-Persian Boundary in 1913—1914, — «The Geographical Journal», 1925, № 3, стр. 228.

¹⁷⁰ G. E. Hubbard, From the Gulf to Ararat, стр. 164.

¹⁷¹ Там же, стр. 19—20.

¹⁷² Курд Оглу, по своему обыкновению сгущая краски, писал, что турецко-персидские пограничные споры позволили «русским официальным лицам и тайным агентам особенно глубоко проникнуть в Курдистан». Обследование границы проводилось Минорским и Шипле «явно тенденциозно, так как преследовало цель — ущемить турецкие интересы в пользу персидских... Разграничение, произведенное под давлением и при участии русских и английских империалистов, ущемляло интересы турок и до настоящего времени служит источником пограничных инцидентов между Турцией и Персией» (Курд Оглу, Курды и империализм, стр. 106). Следовало бы, однако, добавить, что и Иран в конечном итоге оказался проигравшей стороной, поскольку разграничение усилило его зависимость от империалистов Англии и России.

¹⁷³ «Материалы по изучению Востока», вып. II, стр. 400.

^{173a} Там же, стр. 355.

¹⁷⁴ C. H. D. Ryder, The Demarcation of the Turko-Persian Boundary in 1913—1914, стр. 235; G. E. Hubbard, From the Gulf to Ararat, стр. 268—269.

¹⁷⁵ В середине июля 1914 г. Вратислав заболел (в районе Везне) и его заменил Вильсон.

¹⁷⁶ С. J. Edmonds, Kurds, Turks and Arabs, стр. 138—139. «Материалы по изучению Востока», вып. II, стр. 238, 430—431. Утверждение Эдмондса, что за период работы комиссии был воздвигнут лишь один пограничный столб между Большим и Малым Араратом, противоречит свидетельству непосредственного участника разграничения — Минорского.

Министр иностранных дел Ирана Ала-ос-Салтане писал в своем циркулярном письме иранским миссиям за границей от 12 ноября 1914 г., что турки не согласились на воздвигновение пограничных столбов в районе Котура (в деревнях Булакбаши и Джавзар) под предлогом, что в случае войны турецкое правительство собирается мобилизовать жителей этих мест («Neutralité persane», док. № 78, стр. 45—46).

¹⁷⁷ «Материалы по изучению Востока», вып. II, стр. 432. Все пограничные столбы после вступления Турции в войну были ниспровергнуты (С. H. D. Ryder, The Demarcation of the Turko-Persian Boundary in 1913—1914, стр. 238).

¹⁷⁸ Французский историк Деморни утверждал, что наиболее «империалистическое» направление во внешней политике России представлял восточный отдел МИД во главе с В. О. Клеммом (так называемая «бухарская школа», очевидно, потому, что сам Клемм был прежде политическим агентом России в Бухаре), националистическая пресса и все консулы. В отличие от них русские дипломаты в Стамбуле и Тегеране, по мнению Деморни, представляют «умеренную школу». Обе эти школы, считает автор, порождены англо-русским соперничеством в Иране (Demorgny, Le question persane et la guerre, — «Revue politique et parlementaire», Paris, 1915, vol. LXXXIV, № 248, стр. 101—102).

Вряд ли правомерно такое категорическое противопоставление, хотя, конечно, англофобские традиции русской внешней политики, вероятно, долго давали себя знать в среднем звене дипломатической службы России. Об этом прямо писал Сазонов. «Труднее всего, — вспоминал он в своих мемуарах, — было привести в унисон действия наших консульских представителей, как с их великобританскими товарищами, так и с новым курсом нашей политики в Персии (имеется в виду обстановка, сложившаяся после англо-русского соглашения 1907 г. — М. Л.). Тот скептицизм, от которого мы не могли отделаться в Петрограде, давал себя чувствовать на местах еще гораздо острее» (С. Д. Сазонов, Воспоминания, стр. 69). Однако «недоразумения» с Англией в Иране, отмечал далее Сазонов, «никогда не принимали характер разногласий» (там же, стр. 70).

ГЛАВА VIII

¹ См.: А. С. Аветян, Германский империализм на Ближнем Востоке, гл. III, стр. 117—138.

² АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 110, лл. 15, 16. Телеграмма генконсула в Эрзеруме Адамова от 23 июля 1914 г.

³ Там же, 1914 г., д. 55, т. I, л. 100; т. II, лл. 393, 662; д. 57, т. II, л. 241. Телеграммы Гирса от 31 июля, 5 сентября, 8 октября и 11 ноября 1914 г.

⁴ В этот период турецкие власти начали усиленно натравливать курдов на ассирийцев округа Хакляри, результатом чего явился дальнейший рост курдо-ассирийской вражды. В начале сентября было совершено нападение на дом мар-шимуна в Ване. Русское посольство выступило в защиту ассирийцев и мар-шимуна, но безрезультатно (см.: ЦГИА, ф. 796, оп. 199, отд. VI, ст. 1, д. 244, лл. 1—2. Нератов — обер-прокурору Синода, 18 октября 1914 г.; ЦГА ВМФ, ф. 418, 1914 г., д. 4048, л. 41. Телеграмма Гирса от 22 сентября 1914 г.).

⁵ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 55, т. II, л. 717. Телеграмма Гирса от 14 октября 1914 г.

⁶ Там же, т. I, л. 118; т. II, л. 719. Телеграмма Гирса от 2 августа и 14 октября 1914 г.

⁷ Там же, д. 319, л. 125. Донесение управляющего генконсульством в Багдаде Черкасова от 27 июля 1914 г.

⁸ В начале сентября 1914 г. Симко, у которого слова редко подтверждались делами, заявил: «Россия — моя покровительница, ведет войну. Я и подчиненные мне курды готовы сражаться с врагами России и повергаем к стопам его императорского величества свои жизни и имущество» (АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1912—1916 гг., д. 569, л. 119. Донесение управляющего вице-консульством в Хое Кирсанова от 31 августа 1914 г.).

⁹ Т. С. Короткова, Иранский вопрос в начале первой мировой войны, — «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. IV, № 6 (1947), стр. 562.

¹⁰ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1914 г., д. 85, лл. 80, 81, 95. Донесения Введенского от 6 и 11 сентября 1914 г.; ЦГИА, ф. 796, оп. 193, д. 7027, лл. 86—87. Сергей — митрополиту Владимиру, 9 октября 1914 г.

¹¹ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1914 г., д. 85, лл. 83, 113. Донесения Введенского от 10 и 18 сентября 1914 г.; ЦГИА, ф. 796, оп. 193, д. 7027, л. 77. Сергей — митрополиту Владимиру, 4 октября 1914 г.; «Тифлисский листок», 4.IX.1914.

¹² АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 102, лл. 105, 107, 109, 110, 125. Донесения Введенского от 19 и 21 сентября и 18 октября 1914 г.; «Тифлисский листок», 21, 23, 25, 26.IX.1914. Епископ Сергей писал: «Курды начали выполнять выработанный план борьбы с русскими... Все это есть дело турок, турецкого консула в Урмии и немцев. Эти последние ведут сильную агитацию среди курдов, убеждая их восстать против русских и изгнать их из Персии», чему способствовали и некоторые представители иранской администрации (ЦГИА, ф. 796, оп. 193, д. 7027, лл. 84—85. Сергей — митрополиту Владимиру, 9 октября 1914 г.).

¹³ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 102, л. 63. Донесение исполнявшего обязанности вице-консула в Маку Олферьева от 11 сентября 1914 г.

¹⁴ Там же, д. 94. Донесение Ияса от 17 октября 1914 г.; «Тифлисский листок», 29.X.1914.

¹⁵ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 94, л. 150. Донесение управляющего вице-консульством в Хое Кирсанова от 4 сентября 1914 г.

¹⁶ G. E. Hubbard, From the Gulf to Ararat, стр. 256, 257.

¹⁷ «Neutralité persane», док. № 10, стр. 7.

¹⁸ Там же, док. № 78, стр. 45—46.

¹⁹ Там же, док. № 12—14, 16, стр. 8—10; G. E. Hubbard, From the Gulf to Ararat, стр. 257—258.

²⁰ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1914 г., д. 566, л. 67. Донесение от 17 октября 1914 г.

²¹ G. E. Hubbard, From the Gulf to Ararat, стр. 256—257.

²² АВПР, ф. «Политархив», 1914 г., д. 4068, л. 261; ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 221. Донесение Гирса от 3 октября 1914 г. При подготовке этого плана турки большие надежды возлагали на шейха Абдул Кадыра, рассчитывая, что он сможет дать турецкой армии до 60 тыс. курдских всадников.

²³ «Neutralité persane», док. № 1, стр. 1—2.

²⁴ Там же, док. № 3, стр. 2.

²⁵ Там же, стр. 3—6, док. № 9, стр. 7.

²⁶ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 57, т. I, л. 150. Телеграмма Гирса от 25 июля 1914 г.

²⁷ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3851, л. 18. Телеграмма Введенского от 21 июля 1914 г.

²⁸ Там же, л. 17. Письмо Сазонова от 23 июля 1914 г.

²⁹ МОЭИ, сер. III, т. VI, ч. 1, стр. 35. Письмо Клемма от 27 июня 1914 г.

³⁰ ЦГВИА, ф. 2000, д. 3851, л. 19; АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1914 г., д. 85, л. 7. Донесения Введенского и Ияса от 21 и 30 июля 1914 г.

³¹ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 32. Письмо Клемма от 2 августа 1914 г.

³² Там же, л. 44.

³³ МОЭИ, сер. III, т. IV, ч. 1, стр. 184; АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 50.

³⁴ ЦГВИА, ф. 2000, д. 3851, лл. 12—13.

³⁵ МОЭИ, сер. III, т. VI, ч. 1, стр. 292—293. Клемм — Гирсу, 10 сентября 1914 г.; АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 97. Телеграмма Воронцова-Дашкова от 7 сентября 1914 г.

³⁶ ЦГВИА, ф. 2000, д. 3851, л. 14. Письмо Сазонова от 28 августа 1914 г.

³⁷ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1912—1915 гг., д. 568, л. 113. Донесение Минорского от 11 сентября 1914 г.

³⁸ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3851, лл. 48, 50.

³⁹ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1914 г., д. 570, л. 2. Донесение Гирса от 19 сентября 1914 г.

⁴⁰ Там же, л. 3. Сазонов — Гирсу, 22 сентября 1914 г.

⁴¹ Там же, 1913—1916 гг., д. 563, л. 198. Сазонов — Гирсу, 27 сентября 1914 г.

⁴² АВПР, ф. «Политархив», 1914 г., д. 4068, лл. 261—262. Доклад С. В. Тухолки, 26 октября 1914 г.

⁴³ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 55, т. II, л. 721. Телеграмма от 15 октября 1914 г.

⁴⁴ Там же, л. 131, л. 172.

⁴⁵ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 33. Донесение Коростовца от 2 августа 1914 г.

⁴⁶ «Макинское ханство», — «Новый Восток», 1922, № 1, стр. 335.

⁴⁷ Т. С. Короткова, Иранский вопрос в начале первой мировой войны, стр. 562.

⁴⁸ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 43, л. 7. Донесение Коростовца от 24 августа 1914 г.; «Deutschland und Armenien», стр. 19—20. Донесение германского консула в Эрзеруме Андерса от 25 июля 1914 г.

⁴⁹ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 68.

⁵⁰ АВПР, ф. «Персидский стол», 1913—1914 гг., д. 257, л. 333. Письмо Минорского от 25 августа 1914 г.

⁵¹ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1912 г., д. 81, л. 154. Письмо Клемма от 29 августа 1914 г.

⁵² АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 43, л. 5. Телеграмма Коростовца от 20 августа 1914 г.

⁵³ Там же, д. 42, л. 63. Донесение Орлова от 7 октября 1914 г.

⁵⁴ Некоторые консулы уже делали это по собственной инициативе.

⁵⁵ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3861, лл. 45—46. Сазонов — Воронцову-Дашкову, 5 сентября 1914 г.

⁵⁶ АВПР, ф. «Персидский стол», 1912—1917 гг., д. 151, л. 211. Сазонов — Воронцову-Дашкову, 25 октября 1914 г.

⁵⁷ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 223. Сазонов — Воронцову-Дашкову, 3 октября 1914 г.

⁵⁸ МОЭИ, сер. III, т. V, стр. 419. Письмо Орлова в III политический отдел МИД от 22 июля 1914 г.

⁵⁹ Там же, т. VI, ч. 1, стр. 412—413, 426. Письма Воронцова-Дашкова Сазонову и Сазонова Воронцову-Дашкову соответственно от 6 и 10 октября 1914 г.

⁶⁰ АВПР, ф. «Персидский стол», 1913—1914 гг., д. 257, л. 338. Донесение Минорского от 7 сентября 1914 г.

Наср-од-Доуле, каргузар (представитель Министерства иностранных дел Ирана) в Тебризе, сообщал, что турки рассчитывали убедить Абдул-Салая выступить на их стороне и возглавить поход на Урмию («Neutralité persane», док. 17, стр. 10). Согласно версии Никитина, турки давно охотились за шейхом Абдул-Салаям Барзани. Шейх Та советовал Барзани прятаться, но тот не послушался. «Несчастный шейх», — писал об Абдул-Салаяме Никитин, — не был искушен в политических интригах; он был простой курд и поэтому дни его были сочтены. Барзани вступил в переговоры с Симко, но последний арестовал его и выдал туркам, получив за предательство вознаграждение от вали Вана Джевдет-бея. Шейх Абдул-Салаям был заточен в Мосуле, где в 1916 г. он был повешен с четырьмя своими соратниками (В. Nikitine, Les kurdes racontés par eux-mêmes, стр. 155).

⁶¹ Описание указанных событий (составленное главным образом по советской публикации «Международные отношения в эпоху империализма») см. также U. Gehrke, Persien in der deutschen Orientpolitik während des Ersten Weltkrieges, Stuttgart, 1961, стр. 7—20.

⁶² См.: M. Larcher, La guerre turque dans la guerre mondiale, Paris, 1926, стр. 41.

⁶³ Н. Г. Корсун, Первая мировая война на Кавказском фронте, М., 1946, стр. 23.

⁶⁴ Н. Г. Корсун, Сарыкамышская операция, М., 1937, стр. 12.

⁶⁵ Н. Г. Корсун, Первая мировая война на Кавказском фронте, стр. 30.

⁶⁶ Н. Г. Корсун, Эрзерумская операция, М., 1938, стр. 8.

⁶⁷ «Кавказское слово», 13.XI.1915; «Тифлиссский листок», 14.XII.1914.

⁶⁸ «Тифлиссский листок», 20.XI.1914.

⁶⁹ «Баку», 11.III.1915.

⁷⁰ См. по этому вопросу специальную работу голландского исламоведа Снука Хюргронье: C. S. Hurgonje, The Holy War «Made in Germany», New York — London, 1915.

⁷¹ В. Никитин, Курды, стр. 309.

⁷² Курд Оглу, Курды и империализм, стр. 108; «Тифлиссский листок», 4.XI.1914; «Русское слово», 7.XII.1914. В указанное время устаревшим термином «хамидие» продолжали широко пользоваться.

⁷³ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 314. Донесение вице-консула в Маку Олферьева от 13 ноября 1915 г.

⁷⁴ «Кавказское слово», 25.II.1915.

⁷⁵ «Deutschland und Armenien», стр. 57. Телеграмма Вангенгейма от 27 апреля 1915 г.

⁷⁶ В. А. Гордлевский, Силуэты Турции, стр. 121.

⁷⁷ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 123, л. 82; «Тифлиссский листок», 24.VI.1915.

⁷⁸ «Тифлиссский листок», 18.X.1915.

⁷⁹ Nuri Dersimi, Kürdistan tarihinde Dersim, Halep, 1952, стр. 114.

⁸⁰ «Neutralité persane», док. № 18, стр. 10.

⁸¹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 55, т. II, л. 808. Телеграмма Серафимова от 3 ноября 1914 г.; ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 312. Донесение Введенского от 10 ноября 1914 г.

⁸² Видный курдский лидер генерал Шериф-паша, занимавший пост посла Турции в Швеции, после вступления Турции в войну через Юнга установил контакт с французским Министерством иностранных дел с целью добиться с помощью Франции и Англии реализации национальных требований курдов. Шериф-паша обещал поднять восстание курдов и выставить 25 тыс. курдов-кавалеристов, а также договориться с армянскими лидерами на условиях, что армяне покинут Курдистан, а курды — Армению. Шериф-паша высказался против установления власти России над курдами, предложив взамен пригласить в Курдистан какого-нибудь мусульманско-

го князя из Индии. Наконец, Шериф-паша добивался, чтобы союзники гарантировали курдам автономно, право на введение родного языка в школах, судопроизводстве, местном управлении, уважение религии, обычаев и т. п. Ответа на свой довольно-таки утопический проект решения курдской проблемы Шериф-паша, конечно, не получил. Союзники отнюдь не собирались советовать с курдами об их будущем. К тому же в Лондоне и Париже понимали, что этот вопрос нельзя решать без России (к чему явно клонил курдский генерал) (E. Jung, *La révolte arabe*, vol. I, стр. 109—110).

⁸³ Директива о выселении армян и их истреблении в пути была принята правительством и руководством комитета «Единение и прогресс» 15 апреля 1915 г. (Е. К. Саркисян, *Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны*, Ереван, 1962, стр. 233).

⁸⁴ Прогрессивный английский историк Готтлиб так пишет о причинах армянской резни в Турции: «Отпор, данный Антанте (имеется в виду провал англо-французской десантной операции в Дарданеллах. — М. Л.), развязал руки тем, что занес палаш над головой армян. Турки питали зависть к этому энергичному народу, более сильному в культурном и экономическом отношении, чем они. Их возмущала связь армян с Петроградом и Парижем, а также их отказ разжигать смуту на Кавказе. К тому же им нужен был козел отпущения за поражение, которое они потерпели под Сарыкамышем в январе, и за падение Вана в конце мая. Они жаждали мести за эксцессы, допущенные армянскими воинскими частями, входившими в состав вторгнувшейся в Турцию царской армии, и искали отдушину для антихристианской агитации под флагом „священной войны“. Они стремились популяризировать непопулярную войну, направляя алчность и фанатизм турок на захват имущества и разорение наиболее многочисленной и зажиточной прослойки немусульманского населения. Правительство Германии, добавляет Готтлиб, «не было склонно восстанавливать против себя турецких союзников и стремилось к тому, чтобы последние сразу же очистили будущую колонию от наиболее сильных его соперников» (В. В. Готтлиб, *Тайная дипломатия во время первой мировой войны*, М., 1960, стр. 153—154).

⁸⁵ А. Барби, *В стране ужаса. Мученица Армения*, Тифлис, 1919, стр. 50—51.

⁸⁶ «Тифлисский листок», 10.XII.1914; 1.I, 25.V, 2.VI.1915. По сведениям армянской газеты «Оризон», Кор-Хусейн-паша вырезал в горах до 2 тыс. армян («Тифлисский листок», 18.X.1915).

⁸⁷ Цит. по: «Геноцид армян в Османской империи», док. № 170, стр. 276.

⁸⁸ Отрывки из воспоминаний младотурецкого деятеля Мевлан-заде Рифата, цит. по: «Геноцид армян в Османской империи», док. № 195, стр. 363—364.

⁸⁹ A. Safrastian, *Kurds and Kurdistan*, стр. 76, 81; «The Massacres of Kurds in Turkey», Cairo, 1928, стр. 9.

⁹⁰ «Армянский вестник», 1916, № 42, стр. 15—16. «После депортаций армян, — писал В. А. Гордлевский, — край обнищал, среди курдов росла нужда, но увеличилась и дерзкая отвага... Власти снаряжают карательные экспедиции, пытаются привлечь курдов на свою сторону, раздавая им подарки, ружья, но все это мало помогает. При таком положении росла неприязнь между турками и курдами. Турки были раздражены против курдов, не желавших защищать отечество, а курды были раздражены против турок, по вине которых голодали» («Силуэты Турции», стр. 121). И. А. Орбели писал, что от резни 1915 г. в Моксе, где он незадолго до этого побывал, спаслось лишь несколько армянских семей, но и курды не избежали участи армян; местные курды частью были истреблены, частью бежали, так что Мокс совершенно обезлюдел (см. К. Н. Юзбашян, *Академик Иосиф Абгарович Орбели*, стр. 33—34).

⁹¹ В. П. Никитин свидетельствует, что курды больше всего пострадали из-за нарушения перекочевки и другого ущерба, который нанесли военные действия традиционной хозяйственной деятельности племен. «Я должен сказать, — писал Никитин, — что без исключения мусульмане-шииты, курды и христиане, все три группы населения этого театра войны, понесли весьма ощутимые потери».

В данном случае Никитин имеет в виду персидский театр, но то же самое можно сказать и о турецком театре («Vue d'ensemble sur le théâtre de la grande guerre dans le Nord-Ouest de la Perse», — *L'Asie française*, 1924, № 225, стр. 344—345).

⁹² «Армянский вестник», 1916, № 23, стр. 1—2.

⁹³ «Тифлисский листок», 20, 26.XI.1914.

⁹⁴ В. А. Гордлевский, *Силуэты Турции*, стр. 123.

⁹⁵ «Армянский вестник», 1916, № 23, стр. 3.

⁹⁶ «Армянский вестник», 1916, № 33, стр. 13—15.

⁹⁷ А. Барби, *В стране ужаса*, стр. 53—55.

⁹⁸ «Армянский вестник», 1917, № 4, стр. 15; С. М. Акопян, *Западная Армения в планах империалистических держав*, стр. 23, 28.

⁹⁹ Цит. по: Х. М. Чатоев, *Курды советской Армении*, Ереван, 1965, стр. 40.

¹⁰⁰ К. А. Чачаян, *Дружба армянского и курдского народов в XIX—XX веках*, стр. 14, 16.

¹⁰¹ «Геноцид армян в Османской империи», док. № 151, стр. 253. Наставник Никитина в курдском языке Молла Саид был арестован турками за осуждение джихада и защиту христиан (В. Никитин, *Курды*, стр. 322).

¹⁰² «Геноцид армян в Османской империи», док. № 183, стр. 318—320. Письмо Шериф-паши в редакцию «Journal de Genève» от 18 сентября 1915 г.; D. A. Schmidt, *Journey Among the Brave Men*, стр. 52—53. Шмидт, однако, повторяет нелепое измышление, что русские якобы настраивали курдов на армян, вопреки усилиям курдских националистов сотрудничать с армянскими лидерами.

¹⁰³ Думбис, Айсоры, — «Новый Восток», 1923, № 3, стр. 69; К. П. Матвеев (Бар-Маттай), И. И. Мар-Юханна, *Ассирийский вопрос во время и после первой мировой войны (1914—1933 гг.)*, М., 1968, стр. 52—57.

¹⁰⁴ Думбис, Айсоры, стр. 69—70; ЦГИА, ф. 1276, оп. 20, д. 103, лл. 139—140. Особый журнал Совета министров от 29 января 1916; К. П. Матвеев (Бар-Маттай), И. И. Мар-Юханна, *Ассирийский вопрос во время и после первой мировой войны (1914—1933 гг.)*, стр. 48—52, 57—62.

¹⁰⁵ См.: «Neutralité persane», док. № 41, стр. 25; М. Н. Иванова, *Германская агрессия в Иране в годы первой мировой войны*, — «Краткие сообщения Института востоковедения Академии наук СССР», 1956, № XIX, стр. 17.

¹⁰⁶ Энвер сказал турецкому генералу Кязиму Карабекир-паше, что цель вторжения в Иран — освобождение его от русского влияния и проникновение на Кавказ, в Туркестан и Афганистан. (K. Karabekir, *Cihan harbinde neden girdik, nasıl girdik, nasıl idare ittik*, kitab 2, Istanbul, 1937—1939, стр. 487).

¹⁰⁷ Эта пропаганда велась и среди русских курдов (см. ЦГАОР, ф. 102, 1915 г., оп. 16, д. 74, ч. 92, литер Б, лл. 1—2. Сведения начальника Эриванского губернского жандармского управления от 10 января и 3 апреля 1915 г.).

¹⁰⁸ М. Н. Иванова, *Германская агрессия в Иране в годы первой мировой войны*, стр. 18—19.

¹⁰⁹ В. Никитин, *Курды*, стр. 318; «Neutralité persane», № 103, стр. 57.

¹¹⁰ Цит. по: В. Никитин, *Курды*, стр. 320.

¹¹¹ АВВР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 129, л. 169.

- ¹¹² Там же, д. 42, л. 70. Донесение генконсула в Тебризе Орлова от 25 октября 1914 г.; «Neutralité persane», док. № 30, стр. 17.
- ¹¹³ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 57, т. I, л. 345. Сообщение Серафимова от 26 ноября 1914 г.; д. 129, л. 187.
- ¹¹⁴ Там же, л. 345. Сообщение Серафимова от 26 ноября 1914 г.; д. 129, л. 187.
- ¹¹⁵ «Neutralité persane», док. № 50, 106, 134, 212, 301.
- ¹¹⁶ «Neutralité persane», док. № 127, стр. 70—71. Письмо Асим-бея министру иностранных дел Ирана Ала-ос-Салтане от 13 декабря 1914 г.
- ¹¹⁷ «Тифлисский листок», 29.XI.1914.
- ¹¹⁸ «Neutralité persane», док. № 76, стр. 44.
- ¹¹⁹ Т. Короткова, Германо-турецкое вторжение в Иранский Азербайджан, — «Вопросы истории», 1948, № 1, стр. 90.
- ¹²⁰ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 47, т. I, л. 27. Телеграмма Коростовца 26 января 1915 г. Правда, в ряде мест (например, в окрестностях Маку) турецкие эмиссары встречали недоброжелательный прием. Выжидательную позицию заняли курды-шиниты. А некоторые вожди (в том числе Абдуррезак и Симко) на первых порах выступили на стороне русских (АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 42, лл. 47, 91. Донесения Олферьева от 26 октября и от 29 ноября 1914 г.; ЦГАОР, ф. 102, оп. 17, 1916 г., д. 74, ч. 92, литер Б, л. 1. Сведения по панисламизму помощника начальника Эриванского губернского жандармского управления, 9 января 1916 г.; Т. Короткова, Германо-турецкое вторжение в Иранский Азербайджан, стр. 90). Однако в целом туркам и немцам удалось расположить большинство населения Иранского Курдистана в свою пользу и настроить его против России.
- ¹²¹ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 308. Донесение Введенского из Урмии от 6 ноября 1914 г.
- ¹²² АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 43, л. 94.
- ¹²³ Н. Г. Корсун, Алашкертская и Хамаданская операции на Кавказском фронте мировой войны в 1915 г., М., 1940, стр. 33—35; «Neutralité persane», док. № 130, 211, 212, 265.
- ¹²⁴ 2 тыс. турецких солдат и 6 тыс. курдов захватили Тебриз (ЦГА ВМФ, ф. 418, 1914 г., оп. 1, д. 4037, л. 52. Телеграмма Коростовца от 8 (21) января 1915 г.); см. также: Е. Ф. Лудшувейт, Турция в годы первой мировой войны, стр. 75—77. У Лудшувейта даты описываемых событий несколько отличаются, но он их дает не как точно установленные. На наш взгляд, не все источники (в подавляющем большинстве германского происхождения), которыми пользовался этот автор, заслуживают доверия.
- ¹²⁵ См. об этом: Л. И. Мирошников, Английская экспансия в Иране, М., 1961, стр. 12—16; Е. Ф. Лудшувейт, Турция в годы первой мировой войны, стр. 77—78; U. Gehrke, Persien in der deutschen Orientpolitik während des Ersten Weltkrieges, Bd. I, стр. 43—52.
- ¹²⁶ «Тифлисский листок», 7.XII.1914.
- ¹²⁷ «Тифлисский листок», 13.XI.1914; «Neutralité persane», док. № 312, стр. 158; G. E. Hubbard, From the Gulf to Ararat, стр. 259—261.
- ¹²⁸ «Тифлисский листок», 1, 2, 10.I.1915.
- ¹²⁹ «Тифлисский листок», 20.I.1915.
- ¹³⁰ «Тифлисский листок», 24.I.1915.
- ¹³¹ Так было, например, во время очередных беспорядков в Урмии в начале апреля 1915 г. (см.: «Тифлисский листок», 29.III.1915).
- ¹³² См.: «Тифлисский листок», 23.I, 8.II.1915.
- ¹³³ См.: Н. Г. Корсун, Алашкертская и Хамаданская операции..., стр. 93; «Тифлисский листок», 28.II.1915.
- ¹³⁴ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 396. Донесение Введенского из Хоя от 11 апреля 1915 г.; «Тифлисский листок», 22.II.1915.
- ¹³⁵ «Тифлисский листок», 19.II.1915.

- ¹³⁶ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1915 г., д. 107, т. II, л. 89. Телеграмма Бравина от 15 марта 1915 г.
- ¹³⁷ «Тифлисский листок», 1.IV, 8, 9.V. 1915.
- ¹³⁸ Н. Г. Корсун, Алашкертская и Хамаданская операции..., стр. 43—45.
- ¹³⁹ Шведские офицеры, сообщил русский корреспондент, организовали банды в Курдистане, Керманшахе и Зенджане. («Тифлисский листок», 9.XII.1915).
- ¹⁴⁰ См. об этом подробнее: М. С. Иванов, Очерк истории Ирана, М., 1952, гл. XIV; Л. И. Мирошников, Английская экспансия в Иране, стр. 21—23.
- ¹⁴¹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1915 г., д. 47, т. I, л. 378. Телеграмма Эттера от 19 сентября 1915 г.
- ¹⁴² Е. Ф. Лудшувейт, Турция в годы первой мировой войны, стр. 79, 81; U. Gehrke, Persien in der deutschen Orientpolitik während des Ersten Weltkrieges, Bd. I, стр. 72—74.
- ¹⁴³ «Тифлисский листок», 24.VII.1915.
- ¹⁴⁴ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1915 г., д. 47, т. I, л. 382. Телеграмма Эттера от 25 августа 1915 г.
- ¹⁴⁵ «Тифлисский листок», 24.VII.1915.
- ¹⁴⁶ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1915 г., д. 107, т. II, л. 35. Телеграмма управляющего генконсульством в Тебризе Беляева от 18 сентября 1915 г.
- ¹⁴⁷ «Тифлисский листок», 16, 22.X.1915.
- ¹⁴⁸ Н. Г. Корсун, Алашкертская и Хамаданская операции..., стр. 154; Е. Ф. Лудшувейт, Турция в годы первой мировой войны, стр. 79—80.
- ¹⁴⁹ МОЭИ, т. VII, ч. I, сер. III, стр. 315. Из донесения Коростовца Сазонову от 10 февраля 1915 г.
- ¹⁵⁰ См.: Н. Г. Корсун, Алашкертская и Хамаданская операции..., стр. 179—181; Н. Г. Корсун, Первая мировая война на Кавказском фронте, стр. 51—54.
- ¹⁵¹ Окончательно это было сделано в апреле—мае 1916 г. См.: Е. Ф. Лудшувейт, Турция в годы первой мировой войны, стр. 84—85; U. Gehrke, Persien in der deutschen Orientpolitik..., Bd. I, стр. 245—246.
- ¹⁵² Н. Г. Корсун, Алашкертская и Хамаданская операции..., стр. 155.
- ¹⁵³ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 42, лл. 72, 79, 80. Донесение Орлова от 26 октября 1914 г. и Коростовца от 11 декабря 1914 г.
- ¹⁵⁴ Там же, д. 129, л. 209. Тексты протеста Ирана в связи с действиями России в Северном Иране и поддержкой русскими Шоджа-од-Доуле см.: «Neutralité persane», док. № 131—133, стр. 73—75.
- ¹⁵⁵ Как пример попытки наметить план решения курдской проблемы можно привести записку штабс-капитана Смирнова, состоящего в распоряжении главнокомандующего Кавказской армией, «Об управлении курдами и об их нуждах», датированную 31 декабря 1914 г. (13 января 1915 г.). «Наиболее удобная для нас комбинация разделения Армении — Курдистана на отдельные небольшие государства под нашим протекторатом» едва ли осуществима, и война вряд ли решит значительно курдский вопрос, говорилось в начале записки. Смирнов советовал создать в завоеванных областях полунезависимое курдское княжество с поставленным Россией эмиром, «который должен беспрекословно слушать приставленного к нему резидента». Если это не выйдет, то следует учредить особое управление, привлекая к нему курдов, или нечто вроде общинных советов, созданных англичанами в Индии.
- Желательно подчинить курдское управление, говорилось в записке, непосредственно высшей власти на Кавказе. Режим управления курдами следует приблизить к режиму казачьих войск.
- Далее Смирнов советовал обратить особое внимание на положение российских курдов и резко улучшить его, что будет иметь большое влияние на зарубежных курдов. В заключение в записке говорилось о необхо-

димости всемерно умалить политическое значение курдских «агаларов» (наделив их в то же время землей), строить школы и бороться со злоупотреблениями чиновников. Правящие круги России не обратили внимания на этот проект, очевидно, из-за его слишком смелого и невыполнимого в сложившейся обстановке характера (АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, лл. 374—379).

¹⁵⁶ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 317. Донесение Введенского от 14 ноября 1914 г.

¹⁵⁷ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 42, л. 36. Телеграмма управляющего консульством в Керманшахе Долгополова от 31 октября 1914 г.

¹⁵⁸ Там же, л. 38. Телеграмма Долгополова от 15 ноября 1914 г.

¹⁵⁹ ЦГА ВМФ, ф. 418, 1914 г., оп. 1, д. 4037, л. 29. Телеграмма Коростова от 5 ноября 1914 г.

¹⁶⁰ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 408. Донесение от 29 августа 1915 г.

¹⁶¹ Следует отметить, что обстановка в Урмии не благоприятствовала пропаганде православия в крае. Сказывалась и острая нехватка средств; просьбы Синода об увеличении содержания миссии отвергались. Преемник Сергия епископ Пимен, не успев освоиться на новом месте, начал просить об отставке. «Лучше быть псаломщиком в России, — писал он в Петербург, — чем епископом в Урмии» (ЦГИА, ф. 796, оп. 193, д. 7015, лл. 117, 238—241. Сазонов — и. д. обер-прокурора Синода А. Д. Самарину, 23 августа 1915 г. и письмо Пимена председателю Думы М. В. Родзянко от 22 июня 1917 г.).

¹⁶² АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 403. Донесения от 18 июля 1915 г.

¹⁶³ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1915—1918 гг., д. 567, лл. 8—10.

¹⁶⁴ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 351. Донесение управляющего вице-консульством в Хое Кирсанова от 11 декабря 1914 г.

¹⁶⁵ Князь Борис Шаховской, занимавший во время войны пост главы отдела по связи с курдами при штабе КВО, в своих мемуарах (извлечения из которых опубликованы Курд Оглу) сурово критиковал курдскую политику русского правительства и давал свое объяснение ее неудач. Выраженное в начале войны некоторыми влиятельными курдскими вождями желание выступить на стороне России, как пишет Шаховской, «не открыло глаза главному военному командованию; оно не сумело, быть может не захотело, или даже просто не могло использовать эти резко проявившиеся к нам симпатии курдов, и все быстро рухнуло». «Сизифову работу» по привлечению курдов пришлось делать, по словам Шаховского, ему одному, пользуясь поддержкой только сына Бадр-хана Юсуфа Камиль-бея, «который работал для восстановления прав своей семьи на Бохтан».

Причину охлаждения русского командования к курдам Шаховской видел в сильном влиянии армянской верхушки в Тифлисе, которая действовала через вселившуюся супругу находившегося в преклонных годах наместника Воронцова-Дашкова. В Кавказском штабе и Петрограде на основе донесений из Тифлиса ориентировались только на поддержку армян. «...На курдов, — отмечал Шаховской, — не обратили почти никакого внимания». На оккупированной русскими войсками территории Восточной Анатолии Дашнакцутюн устанавливал свою гражданскую и военную администрацию, армянские дружины в ряде районов, особенно в Баязидском санджаке, терроризировали местное мусульманское население. Русское командование этому потворствовало. Некоторые курдские вожди, перешедшие было на сторону русских (Расул-бей, Хамид-бей, Мухаммед-бей и др.), были посажены в тюрьмы и высланы затем в Сибирь, их имущество было разграблено. При отступлении русских войск были случаи зверств, чинимых дашнакскими дружинниками над курдами.

Все это ожесточило курдов против русских, писал далее Шаховской.

«...Отчаянное сопротивление курдов в 1915 г. и в начале 1916 г. страшно затрудняло наши операции и делало совершенно невозможной какую-либо разведку» (Курд Оглу, Курды и империализм, стр. 108—109).

Верные слова о подлинных причинах трагедии армянского и курдского народов в эпоху первой мировой войны и о подлинной роли армянской буржуазии и ее националистических организаций сказал видный деятель большевистской партии С. Г. Шаумян в своей работе «Национальный вопрос и революционная социал-демократия». «Армянский народ, — писал Шаумян, — волею судеб жил под властью двух чудовищных деспотов — кровавого царя и султана. Он был окружен еще более, чем он, отсталыми, несчастными турецким и курдским народами в Турции и татарским и грузинским народами в России». Армянская буржуазия, отмечал далее Шаумян, была заинтересована в захватнической политике царизма и проявляла во время войны ультрапатриотизм. «„Нация“, то-есть народ, — говорится в статье, — в своем большинстве не только не выиграл от гичакистско-дашнакского „патриотизма“, но понес самое тяжелое наказание, стал жертвой самой чудовищной катастрофы. Достаточно вспомнить политику, выработанную в спальне Воронцова-Дашкова и осуществленную на деньги армянской буржуазии, политику, которую вели дашнаки в продолжение нынешней войны (добровольческое движение и т. д.), чтобы понять цену „патриотизма“ армянской интеллигенции, его историческое значение» (С. Г. Шаумян, Избранные произведения, т. I, 1902—1916, М., 1957, стр. 510—511).

¹⁶⁶ ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 265, лл. 26—27. Донесение командующего 2-м Кавказским кавалерийским корпусом Чернозубова — Юденичу; АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1915 г., д. 49, т. II, л. 569. Донесение Введенского из Хоя от 5 февраля 1915 г.

¹⁶⁷ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1912—1915 гг., д. 568, лл. 161—183.

¹⁶⁸ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 398. Донесение Беляева от 1 мая 1915 г.

¹⁶⁹ Там же, лл. 399, 417. Телеграммы и. о. чиновника для пограничных сношений при наместнике на Кавказе Столицы от 4 мая и 4 декабря 1915 г.

¹⁷⁰ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1915 г., д. 49, т. I, л. 257. Донесение Олферьева от 22 августа 1915 г.

¹⁷¹ Архив В. П. Никитина, папка I, Les kurdes et le Kurdistan (Chemdinan), стр. 24—25.

¹⁷² АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1916 г., д. 49, т. I, л. 390. Столь непреклонный вывод Акимовича об Абдуррезаке и Симко вызвал резкий протест в Тифлисе, в частности у помощника наместника генерала Янушкевича, опасавшегося, как бы местные власти не восстановили окончательно курдов против России (ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, лл. 418—420).

¹⁷³ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1915—1918 гг., д. 567, л. 8. Донесение Шаховского в штаб Кавказской армии от 28 ноября 1915 г.

¹⁷⁴ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1915 г., д. 49, т. II, л. 565. Телеграмма Никитина от 20 ноября 1915 г.

¹⁷⁵ Там же, л. 562. Телеграмма Никитина от 13 сентября 1915 г.

¹⁷⁶ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1912—1915 гг., д. 568, л. 160.

¹⁷⁷ В этой связи примечательна полемика, развернувшаяся на страницах английской газеты «Манчестер Гардиан» спустя 30 с лишним лет после описываемых событий, между упоминавшимися уже Морганом Филиппсом Прайсом и Никитиным. Прайс утверждал, что царская Россия стремилась к созданию «независимого Курдистана», хотя ему было прекрасно известно, что русское правительство всегда враждебно относилось к этой идее, особенно во время первой мировой войны, когда вся Восточная Анатолия с ее курдским и армянским населением стала объектом аннексионистских планов царизма. Одновременно Прайс пытался протащить абсурдный тезис о преемственности внешней политики Советского Союза и царской

России на Ближнем Востоке. Возражая ему и ссылаясь, в частности, на неудачные переговоры Абдуррезака в России накануне первой мировой войны, Никитин писал: «Я могу свидетельствовать, что в 1914—1918 гг. русская армия не имела на этом фронте (Кавказском. — М. Л.) ни точных карт Курдистана, ни сведений о курдских племенах и о генеалогии курдских вождей, ни людей, сведущих в курдском языке. Вследствие этого я удивляюсь, как в таком случае „царский империализм“ был способен проводить политику столь значительного масштаба. Я скорее полагаю, что в отличие от отношения к армянам и несторонам наше Министерство иностранных дел, так же как и наместничество в Тифлисе, не имели точно определенной курдской политики» («The Manchester Guardian», 21.IX.1950). «Создается впечатление, — писал Никитин по этому же вопросу в своем основном своде „Курды“, — что тогдашнее русское правительство не вело в отношении курдов ясной и определенной политики. Курдская проблема переплеталась с перспективой создания Армении как независимого государства» (В. Никитин, Курды, стр. 314).

¹⁷⁸ Взятие Эрзинджана, писал Корсун, «означало потерю турками всего армянского театра военных действий и создавало возможность установления связи между русскими войсками и курдами Дарсима, поднимавшими восстание против турок» (Н. Г. Корсун, Первая мировая война на Кавказском фронте, стр. 68).

¹⁷⁹ Курд Оглу преувеличивает, утверждая (на основании того, что один русский отряд в 1500 человек был на восемь месяцев задержан курдами мериван), что немцы задерживали русских и англичан в Месопотамии исключительно посредством подкупа курдских племен. (Курд Оглу, Курды и империализм, стр. 110).

¹⁸⁰ Н. Г. Корсун, Первая мировая война на Кавказском фронте, стр. 69—76.

¹⁸¹ АВПР, ф. «Политархив», 1914—1917 гг., д. 4073, л. 93. Донесение посланника в Берне Бахарахта от 2 мая 1916 г. (со слов Мандельштама, который руководил находившейся в Швейцарии службой осведомления о внутреннем положении в Турции). О работе Мандельштама в Швейцарии см.: ЦГИА, ф. 1276, оп. 20, д. 115, л. 99. Особый журнал Совета министров от 26 июля 1916 г.; Е. Ф. Лудшувейт, Турция в годы первой мировой войны, стр. 143.

¹⁸² АВПР, ф. «Политархив», 1916 г., д. 4120, лл. 2—3. Донесение Шаховского начштаба Кавказской армии от 8 октября 1916 г. Здесь же приводится много сведений об антирусской агитации среди курдов некоторых армянских националистов, обвинявших Россию (без всяких доказательств) в разжигании курдо-армянской вражды и в невыполнении обещаний о создании независимой Армении.

¹⁸³ По словам Никитина, Юсуф Кямил Бадрахан (или Кямил-бей Бохтанский) «в 1916 г. усиленно занимался курдской политикой под руководством наместничества», но из этого ничего не вышло, ибо политика России по отношению к курдам не была определена и в результате получился «перевод денег и времени» (Архив В. П. Никитина, папка I. Les kurdes et le Kurdistan (Chemdinan), стр. 24—25).

¹⁸⁴ АВПР, ф. «Политархив», 1916 г., д. 4120, лл. 7—11. Донесение кн. Шаховского военному генерал-губернатору областей Турции, занятых по праву войны, от 8 октября 1916 г.

¹⁸⁵ ЦГВИА, ф. 2163, оп. 1, д. 268, лл. 37—38; Курд Оглу, Курды и империализм, стр. 109.

¹⁸⁶ ЦГАОР, ф. 102, оп. 17, л. 74, ч. 92, литер Б, л. 2. Сведения по панисламизму помощника начальника Эриванского губернского жандармского управления от 21 мая 1916 г.

¹⁸⁷ ЦГИАГ, ф. 2с, д. 4357, лл. 1, 2, 4. Из письма генерал-лейтенанта Орлова консулу в Маку Олферьеву от 21 мая 1916 г.

¹⁸⁸ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1916 г., д. 45, л. 542. Телеграмма Никитина от 30 января 1916 г.

¹⁸⁹ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 431. Донесение Эттера от 26 апреля 1916 г.

¹⁹⁰ Там же, лл. 466—468.

¹⁹¹ Там же, л. 473. Донесение поверенного в делах в Тегеране Минорского от 23 февраля 1917 г.

¹⁹² Там же, л. 448. Донесение Никитина в МИД от 12 июня 1916 г., № 182.

Сходные с Минорским и Никитиным (но отличные от практики царских военных и гражданских властей) взгляды на курдскую проблему высказывал и В. А. Гордлевский. Вот что он писал о курдах в феврале 1917 г.: «Те, которые представляют всех курдов вообще в непривлекательном свете, забывают, во-первых, что национальный курдский характер испорчен вековым тяжелым рабством, в котором курдский народ находится у своих вождей, забравших все в свои руки, и у османского правительства, которое покровительствует системе натравливания одного народа на другой, во-вторых, если и сейчас, во время войны, сказываются в курде отрицательные черты, вызывающие необходимость посылки карательных экспедиций, то, быть может, не всегда уж курды являются агрессивной стороной». Далее, отмечая, что «силу и мощь русского оружия» курды «уважают», но к России «настроены все-таки сочувственно», Гордлевский замечал: «Перед Россией стоит большая культурная задача — нужно уже теперь привлечь на свою сторону симпатии курдского народа, позаботиться теперь же о поднятии благосостояния курдов... Пусть ширится культурная миссия России на Востоке. Справедливая, беспристрастная политика, устраняя в Малой Азии национальную рознь, может оживить и возродить край. Система управления намечена историей Малой Азии, истерзанной под властью турции; нужно только не делать того, что делали турки» [В. А. Гордлевский, У сюлхандагских курдов (из поездки на Кавказский фронт). — Избранные сочинения, т. III, стр. 456—457]. Разумеется, подобные передовые для своего времени идеи не находили отклика у тех, от кого зависела тогда судьба Курдистана и его многострадального населения.

¹⁹³ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, лл. 445—446. Письмо Столицы от 22 июня 1916 г.

¹⁹⁴ ЦГА ВМФ, ф. 418, 1914 г., д. 4037, л. 103. Телеграмма Эттера от 27 июня 1916 г.

¹⁹⁵ Там же, л. 450. Эттер — Сазонову, 24 июня 1916 г.

¹⁹⁶ ЦГА ВМФ, ф. 418, 1914 г. оп. 1, д. 4037, л. 109. Телеграмма Эттера от 10 июля 1916 г.

¹⁹⁷ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 450. Письмо Сазонова от 24 июня 1916 г.

¹⁹⁸ Там же, л. 456. Письмо Эттера от 24 июля 1916 г.

¹⁹⁹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1916 г., д. 44, л. 219. Телеграмма наместника от 29 июля 1916 г.

²⁰⁰ Там же, д. 45, л. 126. Донесение Акимовича от 23 апреля 1916 г.

²⁰¹ Там же, л. 130. Донесение Акимовича от 21 мая 1916 г.; л. 563. Донесение Никитина от 4 мая 1916 г.

²⁰² Там же, л. 131. Донесение Акимовича от 26 мая 1916 г.

²⁰³ Там же, л. 594. Донесение Кирсанова от 17 июня 1916 г.

²⁰⁴ Там же, д. 45, л. 566. Донесение Никитина от 18 июня 1916 г.

²⁰⁵ ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 265, лл. 26—28.

²⁰⁶ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 444. Телеграмма Эттера от 21 июня 1916 г.

²⁰⁷ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1916 г., д. 45, л. 596. Донесение Кирсанова от 30 июня 1916 г.

²⁰⁸ Там же, л. 598. Донесение Кирсанова от 12 октября 1916 г. По слухам, дело не обошлось без взяток от Симко русским военным властям (ЦГВИА, ф. 2168, д. 265, л. 28).

²⁰⁹ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1916 г., д. 42, л. 439. Телеграмма Эттера от 11 августа 1916 г.

²¹⁰ Там же, д. 45. Телеграмма вице-консула в Казвине Антипова от 25 июля 1916 г.

²¹¹ Там же, д. 47, л. 109.

²¹² Еще задолго до первой мировой войны российский военный агент в Стамбуле полковник Калинин подал записку в Военное министерство о целях предполагаемой войны с Турцией. В ней он доказывал, что Константинополь и проливы имеют для России второстепенное значение и их захват создаст трудные проблемы во взаимоотношениях с балканскими государствами. По мнению автора записки, Россия должна стремиться к приобретению земель от кавказской границы на юго-запад к Средиземному морю и Суэцкому каналу. Эти необычные для своего времени идеи не были приняты, конечно, всерьез. Тогдашний генерал-квартирмейстер генштаба Жилинский испещрил записку Калинина скептическими пометами (ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 104, лл. 220—229).

²¹³ См.: «Константинополь и проливы. По секретным документам бывш. Министерства иностранных дел», под ред. Е. А. Адамова, I—II, М., 1925—1926; «Раздел Азиатской Турции (по секретным документам бывш. Министерства иностранных дел)», под ред. Е. А. Адамова, М., 1924, стр. 124, 126, 131, 133.

²¹⁴ «Раздел Азиатской Турции», стр. 138. Донесение Извольского Сазонову от 1 июня 1915 г.

²¹⁵ См.: МОЭИ, сер. III, т. IX, № 502, 625, 654, 669, 678, 728; т. X, стр. 26; «Раздел Азиатской Турции...», № 52, 56, 58, 59, 62—67, 88.

²¹⁶ «Раздел Азиатской Турции...», стр. 154—157; Ю. В. Ключников и А. Сабанин, Международная политика новейшего времени..., ч. II, стр. 40—41.

²¹⁷ «Раздел Азиатской Турции...», стр. 160—161. Всеподданнейшая записка Сазонова от 29 февраля 1916 г.

²¹⁸ Там же, стр. 158—159. Сайкс — британскому послу в Петрограде Бьюкенену, 12 марта 1916 г.

²¹⁹ Там же, стр. 160—161, 163.

²²⁰ В своих мемуарах Сазонов писал: «Для нас было существенно установить русскую власть в той части Малой Азии, которая прилежала к Закавказским владениям России и которая по своему этническому составу была только в небольшой доли турецкою. Этот край был театром постоянных восстаний и невероятных, по своей жестокости, усмирений» (С. Д. Сазонов, Воспоминания, стр. 316).

²²¹ МОЭИ, сер. III, т. X, стр. 405. Поденная записка МИД, 14 марта 1916 г.

²²² «Раздел Азиатской Турции...», стр. 170—171. Нота французского посольства в Петрограде 31 марта 1916 г.

²²³ Минорский впоследствии неоднократно настаивал на желательности приобретения Россией части Иракского Курдистана. В начале апреля 1917 г. он писал: «Если возможны какие-либо перемены с англичанами, желательно включить Сулейманию в нашу зону». (АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1916 г., д. 564, л. 2). Но, конечно, никакие «перемены» в пользу России были тогда уже невозможны.

²²⁴ См.: М. С. Лазарев, Крушение турецкого господства на Арабском Востоке (1914—1918 гг.), М., 1960, гл. III и V.

²²⁵ Д. Ллойд-Джордж, Военные мемуары, т. III, стр. 339.

²²⁶ См. подробно: М. С. Лазарев, Крушение турецкого господства на Арабском Востоке (1914—1918 гг.), гл. IV.

²²⁷ Н. Г. Корсун, Первая мировая война на Кавказском фронте, стр. 80—81.

²²⁸ См.: ЦГВИА, ф. 2003, д. 548, лл. 23—29; д. 549, лл. 2—9. Переписка главнокомандующего Кавказским фронтом генерала Юденича со Ставкой и Управления генерал-квартирмейстера при верховном главно-

командующем (Угенкварверха) с Верховным главнокомандующим (Главковоерхом) в марте — октябре 1917 г.

²²⁹ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1916 г., д. 281, л. 73. Минорский — коммору Черкасову, 28 марта 1917 г.

²³⁰ ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 23, л. 8, стр. 6.

²³¹ Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 1205, л. 143.

²³² Там же, ф. 2168, оп. 1, л. 16, ф. 2003, д. 548, л. 462.

²³³ Там же, д. 278, лл. 39—40, 106—107; ф. 2003, д. 1205, л. 68.

²³⁴ Там же, л. 352.

²³⁵ АВПР, ф. «Персидский стол», 1914—1917 гг., д. 150, л. 205. Донесение Никитина от 19 мая 1917 г. Архив В. П. Никитина, папка I. «Les kurdes et le Kurdistan (Chemdinan)», стр. 24—25.

²³⁶ Н. Г. Корсун, Первая мировая война на Кавказском фронте, стр. 81.

²³⁷ Командующий Кавказской армией де Витт, отмечая, что во время наступления русской армии в 1916 г. курды были спокойными, писал: «В настоящее же время, когда курдам, несомненно, известны наши внутренние осложнения и упадок боеспособности нашей армии, они немедленно подняли голову и стали дерзкими и нахальными» (ЦГВИА, ф. 2168, д. 277, л. 39. Донесение от 26 августа 1917 г.).

²³⁸ ЦГВИА, ф. 2168, д. 15, л. 7; д. 276, лл. 1—8; д. 277, лл. 1—2; д. 278, лл. 319, 352—353; ф. 2003, д. 1231, л. 303. Враждебные выступления курдов начались и в пределах русского Закавказья. Издававшаяся в Тифлисе армянская газета «Айастан» писала даже (что было, конечно, большим преувеличением) об «искусно организованном курдском восстании», вызванном неприятелем (см.: «Армянский вестник», 1917, № 29—30, стр. 16—17; № 35—36, стр. 17—18, 37—38).

²³⁹ ЦГВИА, ф. 2168, д. 15, л. 8; д. 278, л. 185; ф. 2003, д. 1205, л. 130.

²⁴⁰ Там же, д. 276, л. 9; д. 278, л. 20.

²⁴¹ Там же, д. 278, лл. 37—38; АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1917 г., д. 30, л. 26.

²⁴² ЦГВИА, ф. 2003, д. 1205, л. 129.

²⁴³ «Воля народа», 4.X.1917.

²⁴⁴ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1915—1918 гг., д. 567, лл. 24—27. Донесение начальника штаба Кавказской армии от 31 января 1917 г.

²⁴⁵ Там же, лл. 31—32. Рапорт Шаховского от 9 февраля 1917 г.

²⁴⁶ ЦГВИА, ф. 2168, д. 274, л. 14. Начальник штаба Кавказской армии — Шаховскому, 18 февраля 1917 г.

²⁴⁷ Там же, лл. 15, 61, 64.

²⁴⁸ Курд Оглу, Курды и империализм, стр. 109.

²⁴⁹ ЦГВИА, ф. 2168, д. 274, лл. 11—13, 29; д. 277, лл. 16—18. Рапорт Деваянца от 22 июля 1917 г. Несмотря на то, что необходимость скорейшего соглашения с турецкими курдами была ясна для представителей русских военных и гражданских властей в оккупированных районах Турции, в вопросах о методах «курдской» политики по-прежнему существовали разногласия. Так, например, если Шаховской и другие комиссары делали ставку на привлечение на свою сторону курдской феодально-племенной верхушки и укрепление власти и авторитета прорусски настроенных вождей, то командование Кавказской армии, наоборот, не питая никакого доверия к курдам-феодалам, предлагало больше обращать внимания на рядовых членов племен, снабжая их дешевыми потребительскими товарами. «Необходимо принять меры, — писал командующий Кавказской армией, — к умалению власти и значения местных курдских беков, которые все держат сторону турок и сильно угнетают простой народ» (там же, л. 39. Донесение командующего Кавказской армией от 26 августа 1917 г.; Курд Оглу, Курды и империализм, стр. 109).

²⁵⁰ По свидетельству английского посла в Петрограде Джорджа Бьюкенена, министр иностранных дел правительства Керенского Терещенко

считал для России «жизненно важными» Турецкую Армению и Курдистан (Дж. Бьюкенен, Мемуары дипломата, изд. 2-е. М., [6 г.], стр. 227).

²⁵¹ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1915—1918 гг., д. 567, лл. 34—47. Об отношении к курдо-армянской проблеме демократических кругов русской оккупационной армии, на которую большое влияние оказывали революционные события в России, некоторое представление дает резолюция одного собрания, подписанная представителями Байбуртского исполкома солдатских депутатов. В ней, в частности, говорилось: «Активного антагонизма между армянским и турецким (имеется в виду и курдским.— М.Л.) населением нет. Как историческое прошлое и как явление повсеместное, таковой существует в форме скрытой недоброжелательности, без взаимного проявления. Полезную деятельность по примирению сторон приносят армянские и мусульманские мирные организации». Далее в резолюции говорится, что грабежи и разбои чинят только «отбросы», против которых гарнизонный исполком принимает меры («Тифлисский листок», 21.IX.1917).

²⁵² ЦГВИА, ф. 2168, д. 274, л. 3. Докладная записка князя Гаджемукова командующему отдельной Кавказской армией Юденичу от 24 марта 1917 г.

²⁵³ АВПР, ф. «Политархив», 1917 г., д. 4129, л. 2.
²⁵⁴ См.: «Армянский вестник», 1917, № 29—30, стр. 16—17; № 34, стр. 2—5; № 35—36, стр. 5.

²⁵⁵ Лишь в отдельных районах Ирака, куда доносились слухи (часто раздуваемые турецкой агентурой) о чинимых казаками погромах и реквизициях, отмечалось недружелюбное отношение курдов к России (см. «*Rew of the Civil Administration of Mesopotamia*», стр. 44).

²⁵⁶ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 548, л. 6. Донесение Минорского от 23 марта 1917 г.

²⁵⁷ АВПР, ф. «Персидский стол», 1914—1917 гг., д. 150, л. 190. Донесение Никитина от 26 марта 1917 г.; архив В. П. Никитина, папка 1 [«*Les kurdes et le Kurdistan*» (Chemdinan), стр. 24—25]; T. Bois, *Connaissance des kurdes*, стр. 146.

²⁵⁸ АВПР, ф. «Персидский стол», 1914—1917 гг., д. 150, л. 206. Донесение Минорского 28 марта 1917 г.

²⁵⁹ Там же, л. 219. Вр. и. о. чиновника для пограничных сношений Гаджемуков — товарищу министра иностранных дел, 1 апреля 1917 г.

²⁶⁰ Там же, л. 233. Минорский — товарищу министра иностранных дел, 9 апреля 1917 г.

²⁶¹ ЦГВИА, ф. 2003, д. 548, л. 55.

²⁶² В. Никитин, Курды, стр. 291.

²⁶³ Современный иракский историк Шукри Махмуд Надим в своей работе «Русская армия в войне в Ираке» (Багдад, 1967, на араб. яз.) пишет: «Вспыхнувшее в России пламя коммунистической революции в марте 1917 г. (!) оказало свое воздействие на части русской армии, находящейся в Ираке. Один из русских солдат переправился через реку Диялу утром 2 июня 1917 г. и сообщил турецким частям в районе Ширван-Кале, что русские войска получили приказ прекратить огонь и отойти на восточный берег... что и было сделано 15 июня». Однако в районах Сулеймании и Ревандуза русские войска оставались до зимы 1917 г. и были отведены только после получения сообщения о начале в Брест-Литовске мирных переговоров. Разграничительная линия на трассе Башкале — Бана была установлена 23 декабря 1917 г. (цит. по: «Новые книги за рубежом», № 9 [465], 15 мая 1967, стр. 58).

²⁶⁴ Н. Г. Корсун, Первая мировая война на Кавказском фронте, стр. 83; ЦГВИА, ф. 2003, д. 1205, л. 128. Сводка сведений о противнике с 13 по 22 мая 1917 г.

²⁶⁵ А. Г. Емельянов, Персидский фронт (1915—1918), Берлин, 1923, стр. 31.

²⁶⁶ Хотя о действиях турецких войск в Иране местные курды едва

ли сохранили хорошие воспоминания. По словам Буа, турецкие офицеры во время эвакуации турецких войск из Ирана говорили: «Приходя, мы уничтожали армян, уходя, мы избавляемся от курдов» (T. Bois, *Connaissances des kurdes*, стр. 146).

²⁶⁷ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1917 г., д. 52, лл. 326, 430. Телеграмма Минорского от 17 мая и 19 июня 1917 г.; А. Г. Емельянов, Персидский фронт (1915—1918), стр. 153.

В то же время южноиранские курды боролись против русских войск неорганизованно и без единого плана. Как отмечал А. Г. Емельянов, «действия многочисленных племен Курдистана не были объединены. Наши военные успехи порождали друзей, неудачи — врагов» [А. Г. Емельянов, Персидский фронт (1915—1918), стр. 154].

²⁶⁸ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1917 г., д. 54, л. 229. Телеграмма Олферьева от 19 мая 1917 г.

²⁶⁹ Там же, д. 52, л. 232. Телеграмма управляющего вице-консульством в Маку Голенищева-Кутузова от 25 августа 1917 г.

²⁷⁰ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1917 г., д. 564, л. 3. Донесение Минорского от 27 марта 1917 г.; ф. «Канцелярия МИД», 1917 г., д. 52, л. 326.

²⁷¹ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1917 г., д. 30, лл. 10—12.

²⁷² Там же, л. 14.

²⁷³ Там же, лл. 18, 25. Письма Минорского Черкасову от 19 июня и 7 июля 1917 г.

²⁷⁴ ЦГВИА, ф. 2003, д. 548, л. 142. Начальник штаба Кавказской армии — начальнику штаба Верховного главнокомандующего, 1 июля 1917 г.

²⁷⁵ Архив В. П. Никитина, папка 4. Письмо Ф. Прайса Никитину от 17 февраля 1948 г.

²⁷⁶ Курд Оглу, Курды и империализм, стр. 110.

²⁷⁷ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1917 г., д. 30, л. 8. Письмо Левкиевского от 21 марта 1917 г.

²⁷⁸ Там же, д. 571, лл. 1—13; «Канцелярия МИД», 1917 г., д. 52, л. 454. Телеграмма Эттера от 6 июля 1917 г.

²⁷⁹ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1917 г., д. 30, л. 5. Донесение Минорского от 1 мая 1917 г.

²⁸⁰ Там же, л. 6. Клемм — Минорскому, 6 мая 1917 г.

²⁸¹ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1917 г., д. 30, лл. 20, 26. Минорский — консулу в Керманшахе, 7 июля 1917 г. и донесение Захарченко от 16 июня 1917 г.; ф. «Канцелярия МИД», 1917 г., д. 52, лл. 415, 454. Телеграммы Минорского от 12 июня и Эттера от 6 июля 1917 г.

²⁸² ЦГВИА, ф. 2003, д. 548, лл. 129—130. Нератов — директору дипломатической канцелярии штаба Верховного главнокомандующего, 18 июня 1917 г.

²⁸³ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1917 г., д. 30, л. 31. Донесение Захарченко от 28 июня 1917 г.

²⁸⁴ Там же, л. 39. Донесение Захарченко от 30 июня 1917 г.

²⁸⁵ Как писал «Армянский вестник», в достижении соглашения с иранскими курдами известную роль сыграла демократическая партия Ирана («Армянский вестник», 1917, № 23—30, стр. 12—13).

²⁸⁶ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1917 г., д. 30, л. 42. Донесение Захарченко от 8 июля 1917 г.

«Существо речей ген. Баратова и вождей курдов, — отмечал Емельянов, — сводилось к желательности выработки особых русско-курдских соглашений, на основании которых для обеих сторон должна быть установлена свобода передвижений. Между нашими войсками — с одной стороны и курдским населением — с другой отныне должны быть самые искренние и дружественные отношения, причем каждый курд мог свободно передвигаться в районе расположения войск корпуса, а русские казаки и солдаты могли быть в пределах Курдистана, безопасно идти всюду, куда

бы их ни привели военные обстоятельства. Население и ханы за плату по рыночным ценам должны были продавать нашим войскам продовольствие и фураж» (А. Г. Емельянов, Персидский фронт, стр. 157). Однако в описании Емельянова детали этой встречи несколько иные, чем их изображал в своих донесениях Баратов. По словам Емельянова, Баратов вступил в переговоры с вождями Южного и Западного Курдистана еще весной 1917 г. Далее он пишет, что встреча произошла 6 июля 1917 г. (по-видимому, старого стиля) и что на ней присутствовал сам Баратов. Думается, что донесения Захарченко более точно отражают обстоятельства встречи, чем воспоминания Емельянова, написанные несколько лет спустя.

²⁸⁷ «Тифлисский листок», 1.X.1917.
²⁸⁸ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1917 г., д. 30, л. 59. Донесение Захарченко от 16 июля 1917 г.

²⁸⁹ Там же, л. 75. Донесение Эттера от 16 августа 1917 г.
²⁹⁰ А. Г. Емельянов, Персидский фронт, стр. 157.

²⁹¹ Емельянов утверждал, что съезд был 10 августа (по-видимому, по старому стилю) (А. Г. Емельянов, Персидский фронт, стр. 159).

²⁹² АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1917 г., д. 30, л. 76. Донесение Баратова от 24 августа 1917 г.

²⁹³ «Тифлисский листок», 1.X.1917.
²⁹⁴ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1916 г., д. 281, л. 113; ф. «Персидский стол Б», 1917 г., д. 565, лл. 16—17. Письма Эттера в МИД и консулу в Урмии от 7 и 8 сентября 1917 г.; см. также: А. Г. Емельянов, Персидский фронт, стр. 159.

²⁹⁵ АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1917 г., д. 33, лл. 9—11. Донесение Голенищева-Кутузова от 21 июня 1917 г.

²⁹⁶ Там же, л. 13.
²⁹⁷ АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1917 г., д. 52, л. 551. Телеграмма Эттера от 3 сентября 1917 г.

²⁹⁸ См.: В. С. Васюков, Внешняя политика Временного правительства, М., 1966, стр. 310—312.

²⁹⁹ «Тифлисский листок», 1.X.1917.
³⁰⁰ «Тифлисский листок», 5.VII.1917.

³⁰¹ В. Б. Лопухин, Люди и политика (конец XIX — начало XX в.), — «Вопросы истории», 1966, № 11, стр. 126—127.

³⁰² «Документы внешней политики СССР», М., 1957, т. I, стр. 51.

³⁰³ См.: Л. И. Мирошников, Английская экспансия в Иране, стр. 50 и сл.

³⁰⁴ Военно-политическую историю вопроса см.: Е. Ф. Лудшувейт, Турция в годы первой мировой войны, стр. 155—265.

³⁰⁵ Текст договора и акта о демаркационных линиях, см.: «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 53—57.

³⁰⁶ Там же, стр. 55.

³⁰⁷ Там же, стр. 199—204. Русско-турецкий дополнительный договор к Брест-Литовскому мирному договору, 3 марта 1918 г.

³⁰⁸ В период закавказской интервенции, в течение почти всего 1918 г. как турецкие экспансионисты, так и английские империалисты стремились использовать курдские племена Турции, Ирана и Закавказья в своих захватнических целях. Поскольку рассмотрение этого вопроса выходит за рамки нашего исследования, ограничимся свидетельством английского генерала Денстервиля, возглавлявшего контрреволюционные силы британского империализма в Иране и Закавказье. «Участок в 150 миль, между Биджаром и Сакизом, — писал он, — населен разнообразными племенами, имеющими репутацию храбрых и воинственных людей. Как турки, так и мы имели намерение использовать эти племена в борьбе друг против друга, предлагая им вознаграждение за службу в качестве охотников и партизан. В результате этих намерений и попыток боевая обстановка в этом районе сложилась вполне удовлетворительно для нас». Благодаря

курдам, отмечал Денстервиль, турки не заняли Биджар и англичане обезопасили свой левый фланг и хамаданскую дорогу (Денстервиль, Британский империализм в Баку и Персии, стр. 114).

Во время продвижения военной экспедиции Денстервиля на север английские офицеры формировали из шахсенов и курдов партизанские отряды. «Я не хочу, — писал Денстервиль, — культивировать в них (курдах. — М. Л.) одно только корыстолюбие, но стремлюсь прежде всего использовать их ненависть к туркам и подготовить их сражаться за свои собственные земли. Они будут собираемы периодически для производства внезапных набегов. И шахсены и курды должны быть хорошими воинами при этих условиях». «Турки, — вспоминал английский генерал, — ведут ту же политику, и я поручил моим офицерам парализовать прежде всего их попытки в этом направлении» (там же, стр. 167).

³⁰⁹ Среди английских агентов особую ценность, конечно, представлял Сон, прекрасный знаток иракских курдов. Современный автор Иглтон пишет: «Не удивительно, что, когда британская оккупационная армия распространила свое влияние на район Сулеймании, Сон был послан туда как политический офицер» (W. Eagleton, The Kurdish Republic of 1946, стр. 4—5).

³¹⁰ См.: М. С. Лазарев, Крушение турецкого господства на Арабском Востоке, стр. 181—184, 218—219.

³¹¹ A. T. Wilson, Loyalties Mesopotamia, 1914—1917, London, 1931, стр. 266—267.

³¹² Там же, стр. 262.

³¹³ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1916 г., д. 281, лл. 115—117. Сообщение консула в Керманшахе от 30 марта, 14 апреля и 3 июня 1918 г.

³¹⁴ D. A. Schmidt, Journey Among Brave Men, стр. 192—193.

³¹⁵ «Review of the Civil Administration of Mesopotamia», стр. 60. Во время войны активизировалась курдская националистическая эмиграция, ориентировавшаяся большей частью на державы Антанты, в первую очередь на Англию. В Каире Суреи Бадрхан организовал общество, которое пыталось (безуспешно) созвать в Европе съезд курдских представителей. Это общество установило контакт с курдскими военнопленными, содержащимися в Египте и Индии. В Индии было создано очевидно среди военнопленных, общество «Курдистан», члены которого выразили готовность участвовать в войне против Турции, если союзники гарантируют курдам национальные права. Общество «Курдистан» установило контакт с британскими официальными лицами, но заметных результатов это не дало (см.: Х. Барзани, Курдские политические партии и общественные организации в борьбе за разрешение курдской проблемы (начало XX в. — 1967 г.), стр. 33). Империалисты Англии и других держав Антанты, разрабатывавшие планы колониального порабощения Курдистана не собирались считаться с курдскими националистами.

³¹⁶ О дипломатической борьбе держав Антанты, в том числе США, за «турецкое наследство» в конце первой мировой войны см.: М. С. Лазарев, Крушение турецкого господства на Арабском Востоке, стр. 190—202.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ В. И. Ленин, Социализм и война, — Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 311.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Аббасиды 420
 Аббас-хан 351
 Абдаллах Джеяль эд-Дин 314
 Абдал-хан 180
 Абдул-Азиз, курдский шейх 219, 220
 Абдул Азиз, турецкий султан 33
 Абдул-Баки 203
 Абдул-Кадыр 130, 145, 146, 154, 157—159, 162, 164, 173, 174, 178, 179, 181, 184, 203, 210, 220, 264, 266, 274, 276, 282, 293, 299, 300, 307, 314, 340, 408, 413, 419, 425, 437
 Абдул Керим 146
 Абдулла, сын Абдул-Кадыра и внук Обейдуллы 264, 340, 346
 Абдулла-бей 180, 283, 294, 325
 Абдулла-хан 283
 Абдул Хамид II 16, 43, 45, 58—60, 63, 67, 71, 72, 75, 76, 78—81, 83, 86, 88—91, 93, 95—97, 101, 107, 109, 111, 112, 115, 116, 118—120, 123, 125—132, 135, 137, 141, 143—148, 151, 154, 170, 306, 308, 363, 365, 381, 384, 385, 389, 393, 395, 406
 Абдул-Хамид, курдский шейх 219—220
 Абдуррезак 79, 118, 159—164, 167, 202, 205, 206, 209, 210, 212, 214, 215, 221—223, 225, 226, 228, 229, 234—237, 239, 240, 275, 276, 278—280, 294, 296, 301, 306, 323—325, 399, 410, 422, 423, 425, 442, 446
 Абовян Хачатур 49
 Аверьянов П. И. 20, 26, 27, 32, 49, 60, 108, 186, 187, 345, 378, 379
 Авраам, мар-шимун 104
 Агаев Ахмед 182
 Агванян Г. 381
 Агсан од-Доуле 403
 Адамов А. А. 208, 214, 219, 266, 296
 А-до, псевдоним 47
 Азиз Самих-бей 288
 Айрленд Ф. 23
 Айшин 130
 Акимович 210, 244, 325, 332, 445
 Ак-Коюндлу 28
 Ала ос-Салтане 295, 405, 436
 Александр III 8, 81
 Али-ага 329
 Али-бей 306
 Али Вахби-бей 16, 59, 395
 Али-паша 149, 420
 Али Шамиль-паша 118, 399
 Али-эфенди 294
 Амбарян А. С. 41, 378, 381
 Амин-бей 260
 Амир Низам 57, 317
 Андерс Э. 111, 126, 250, 251, 291, 306
 Андерсон 100
 Андраник 388
 Андриевский 205, 206, 256, 271, 280
 д'Арс 287
 Артын-паша 93

* Указатели имен, географических названий и этнонимов составлены И. С. Лесных при участии Е. М. Лазаревой. Указатели не охватывают примечаний библиографического характера.

- Арутюнян Г. М. 67
 Арфа од-Доуле 129, 130
 Аршакиды 28
 Аршаруни 204
 Асим-бей 222, 223, 295, 314, 315
 Ахмед Дул Кафиль-паша 145
 Ахмед-паша 117
 Бабан 330
 Баба-Саид 189
 Бабич С. 15, 282
 Бадр-хан (Бадрхан-бек) 31, 32, 34, 59, 79, 145, 146, 200, 211, 212, 215, 218, 250, 343, 444
 Бадр-хан, вождь бекзадинцев 179, 180, 325
 Бадр-хан Кязым 344
 Бадр-хан Осман 34, 79
 Бадр-хан Сулейман 210
 Бадр-хан Сурейя 453
 Бадр-хан Хасан 207, 250
 Бадр-хан Хусейн 34, 201, 207, 212
 Бадр-хан Эмин Али 145, 146
 Бадр-хан Юсуф Кямил-бей 210, 212, 215, 216, 219, 306, 328, 342, 343, 444, 446
 Бальфур А. Дж. 338
 Балюль-паша 31
 Башир-ага 132
 Баратов Н. Н. 320, 326, 329—332, 339, 349, 351, 352, 354, 451, 452
 Барби А. 375
 Барзанджи Махмуд 150, 212, 217, 229, 298, 340, 346, 347, 357
 Барзани Абдул Салым 154, 206, 207, 217, 220, 238—240, 283, 296, 297, 301, 303, 408, 421, 422, 424, 425, 439
 Барзани Ахмед 408
 Барзани Молла Мустафа 408
 Барклей 109
 Бартольд В. В. 38, 379
 Бахметев 88
 Бахри-бей 309
 Баязид-ага 132, 173, 255
 Бектулянц Р. 16, 41, 47, 421
 Белл Г. 23
 Беляев Д. Д. 15, 185, 323
 Бенедиктсен А. 77
 Бензенгр 15
 Бенкендорф 101, 253, 404
 Беньямин, мар-шимун 230—232, 311, 312
 Берар В. 23, 26, 399
 Бергфельд 221
 Бестужев И. В. 139, 404
 Бетман-Гольвег Т. 234
 Беха эд-Дин 122
 Бешар Чато 37, 113, 220, 397
 Биллербек А. 19
 Бичерахов Г. Ф. 182, 183, 189

- Бишоп см. Бэрд И.
 Борчевский 393
 Борьян Б. А. 22, 42, 388
 Бохтан-бей 340
 Бравин 318
 Браун Э. 23
 Буа Т. 451
 Бшара-Халил 73, 388
 Бьюкенен Дж. 449
 Бэрд (Бишоп) И. 17, 25, 38
 Бюлов Б., фон 137
 Вангенгейм Г., фон 234, 235, 306
 Васмус 318
 Введенский 238—240, 263, 264, 266, 273, 281, 283, 284, 293, 294, 296, 307, 315, 322
 Вестари, фон 262
 Видеман 114, 398, 406
 Вильгельм II 111
 Вильсон А. Т. 23, 286, 287, 436
 Вильсон В. 357
 Вильчевский О. Л. 21, 36, 380
 Вильямс 390, 391
 Витт, де 449
 Воронцов-Дашков И. И. 107, 138, 139, 157, 158, 168, 169, 188—190, 192, 223, 235, 237, 241, 242, 277, 297—299, 302, 444, 445
 Воронцов 270, 279, 281, 282, 302
 Вратислав А. 17, 142, 233, 287, 288, 403, 436
 Вронченко М. В. 36, 38
 Гаджемуков 345
 Гамазов М. А. 391
 Гамалий 13
 Гартвинг 104, 126, 127, 136, 137, 142, 171, 405
 Геворк V, католикос 205, 244, 311
 Гиппиус А. И. 82
 Гирс М. Н. 209, 216, 228—230, 232, 234, 235, 237—240, 245, 258, 260, 270, 276—279, 281, 282, 290, 296, 299, 300, 419, 420, 424, 425, 435
 Голенищев-Кутузов, консул России в Маку 353
 Голицын 86, 97, 388
 Голубинов 155, 163, 167, 175, 182, 189—191, 257—259, 261—263, 266, 268, 271, 274, 275, 278, 279, 282, 285, 286, 410, 416, 425, 433
 Гольдштейн 227, 250
 Голы К., фон дер 63, 385
 Гордлевский В. А. 14, 37, 46, 146, 146, 306, 310, 382, 385, 387, 409, 440, 447
 Горемыкин И. Л. 10, 224, 297
 Готлиб В. В. 440
 Грей Э. 286, 287, 404
 Гренар 375

Григорий, патриарх Антиохийский 231
Гроде Г. 110
Гудброд 248
Гулькевич 246
Гэвен С. С. 48
Гюсс 100

Давидианц Ефрем 254
Дарваз-хан 72
Деваянц 344
Делькассе Т. 335
Деморньи 436
Деннет А. 95
Денстервилл Л. 16, 452, 453
Дервиш-паша 286, 390, 391
Дерсим Нури 21
Джабир-паша 200, 205, 257, 269
Джавид-бей 156
Джалиле Дж. 21
Джамил-бей 145
Джамшид аль-Мольк 123
Джафар-ага 120, 123
Джафар Махмуд-паша 392
Джевдет-бей 206, 248, 257, 294, 439
Джелаледдин 316
Джемаль-паша Ахмед 209, 335, 340, 365
Диксон 109
Долгополов 322
Дюме 431

Евгений Завен 205, 214
Егизаров С. А. 14
Езданшир 32, 33, 379
Емельянов А. Г. 13, 451, 452

Жадовский 65, 70
Жилинский Я. Г. 448
Жорж-Пико Ф. 334—337

Завриев Я. Х. 245, 335, 336, 345
Зайончковский А. М. 139, 243, 244, 396
Зарзецки С. 26, 248, 426, 427
Захарченко 271, 350—352, 452
Завич А. И. 22
Зеки Амин 21
Зеки-паша 60, 66, 72, 74, 75, 97, 99, 107, 108, 117, 151, 384—386, 407

Зеленой 90
Зембили 189
Зенды 3
Зилли-Султан 331
Зиновьев И. А. 73, 74, 76, 79, 86, 88—93, 96—98, 100, 106—108, 114, 118, 125, 127, 128, 134, 137, 138, 157, 193, 196, 393
Зорба-бек 213

Ибн Сауд Абд аль-Азиз 338
Ибрагим, вождь джелали 244
Ибрагим-ага 268
Ибрагим-бей 291
Ибрагим-паша 37, 74, 75, 114—116, 148, 149, 361, 374, 398, 406
Иванов, вице-консул в Баязиде 94

Иванов, поручик 190
Иванов К. П. 61, 168, 192
Иванова М. Н. 22
Иглтон У. 384, 453
Извольский А. П. 107, 117, 133, 136, 138, 139, 141, 142, 158, 165, 166, 168, 174, 176, 189, 193, 335, 404, 416
Иззет-бей 203, 210
Иззет-паша, генерал 113, 220, 248
Иззет-паша, секретарь Абдул-Хамид II 96
Иззетулла-хан 121, 192
Измаил-ага Кардар 261, 283, 284
Измаил-ага Керир 259, 268
Измаил Хакки, вали 154
Измаил Хакки-паша, генерал 33
Исаак-хан 321
Исмаил Сефевид 28
Ишхан 183
Ияс А. И. 15, 221, 264, 266, 271, 272, 287, 296, 315, 318, 431

Кавтарадзе 351
Каджары 119
Кадри Джамил-паша 146
Казвини Хамдулла Мостоуфи 24
Казн-Низам 170
Кайкауз 429
Калитин 345
Калнин 448
Камбон П. 64, 71
Каннинг С. 391
Каниц 318
Карабеков 415
Кара-Коюнлу 28
Карцев А. 15, 26, 49, 378
Квадт 137
Керенский А. Ф. 449
Керзон Дж. Н. 18, 25, 26, 374
Керим-хан, курдский вождь 173, 293
Керим-хан, основатель династии Зендов 3
Кидерлен-Вехтер А. 197
Киплинг Р. 18
Кирсанов 212, 217, 332, 333
Кислый 274
Клемансо Ж. 381, 427
Клемм В. О., фон 187, 191, 196, 236, 237, 239, 240, 278, 280, 281, 284, 296, 297, 301, 354, 425, 436
Ключевский В. О. 5

Коковцов В. Н. 140, 169, 223
Кокс П. 357
Колобакин А. М. 15, 54
Контансон 64, 71, 387, 389
Коростовец 240, 272, 295, 296, 300, 301, 315, 322
Короткова Т. С. 22
Корсун Н. Г. 22, 304, 320, 446
Кор-Хусейн-паша 37, 152—155, 157—159, 162—164, 202, 210, 223, 245, 306, 407, 409, 422
Кохановский 160, 164
Кочебу 325
Круглов А. 111
Кули-хан 328
Курдо-бек 171, 174, 259, 281, 293, 325, 349
Курд Оглу 21, 423, 431, 435, 444, 446
Курдоев К. К. 21
Кюние В. 23, 39, 377, 378
Кязым-бей, курдский вождь 43, 47, 118
Кязым-бей, майор 114
Кязым Карабек-паша 441
Кямил-паша 150, 193, 203

Ладченко 89, 90
Лазарев Д. Я. 46, 68
Ламздорф В. Н. 11, 88, 91, 97, 98, 101
Ланге Э. 262
Левкиевский 349
Леклерк Ж. 19
Лелё 400
Ленин В. И. 144, 365
Ленц 102
Лео 45, 381
Леонтьев М. Н. 290
Лепсиус И. 12, 249
Лиман фон Сандерс О. 209, 290
Линч Х. Ф. 17, 18, 41, 46, 375, 389
Литтен 264, 313, 317
Лихутин М. 32
Ллойд-Джордж Д. 338
Лобанов-Ростовский А. Б. 241, 388
Логотетти 318
Лойко 15
Лонгриг С. 23
Лопухин В. Б. 354
Лоример 212
Лоутер Дж. 148, 253
Лудшувейт Е. Ф. 22
Люк 17
Лютфи Фикри 146

Маджид ос-Салтане 119
Маевский В. Т. 387
Макдо 105
Максимов, полковник 108

Максимов В., генеральный консул в Эрзеруме 65, 68
Мамдух Салим 146
Мамоннов 347
Мамурян 45
Манашли Сулейман-хан 171
Мандельштам А. 234, 247, 249
Марголюс 17
Мар-Иона 105
Марлинг 142
Марр Н. Я. 11, 225, 228
Мар-Сергий, мар-шимун 165
Мартеис Ф. Ф. 384
Мартин Б. Г. 23, 127—129, 417
Маруф 150
Маршалль фон Биберштейн А. Г. 128, 129, 137, 198
Махмуд II 31, 34
Махмуд, глава вераминских курдов 411
Махмуд-заде Бейтуллах 68
Махмуд-паша 80, 221
Махмуд Шевкет-паша 208
Мевлан-заде Рифат 440
Меджид-бей 292
Меджид ос-Салтане 123, 319
Мехмед-паша 150
Мехмед V (Решат) 205, 223, 260, 303
Мехмед Решид-паша 31
Мехмед Фазыл-паша 123, 292, 408
Мидхат 145
Мидхат-паша 57
Мидхат Шюкрю-паша 218
Миллер Б. В. 125, 142, 171, 172, 183, 190, 414
Миллюков П. Н. 11
Милюков В. Ф. 13, 14, 84, 119, 169, 178, 179, 185, 189, 191, 192, 221, 245, 273, 276, 277, 279, 281, 282, 285—289, 299, 301, 303, 330, 331, 346—352, 372, 373, 377, 402, 431, 435, 436, 447, 448
Мирза-ага 122
Мирза-Булюри 319
Мирза Джафар-хан 390
Мир-Мамед 174
Мир-Мехти 264
Мирошников Л. И. 22
Михайлов 105, 106, 192
Мод Ф. Ст. 356
Моджелляль 252, 254
Мозаффер-эд-Дин-шах 120, 121
Молла Расул 216
Молла Санд 441
Молла Салим 215, 216, 220, 238
Момджян 45
Мостоуфи аль-Мемалек 295
Мохаммед-ага 120
Мохаммед Али-шах 129, 132, 137, 138, 169, 170, 183, 184, 411

Мохаммед Амин-ага 316
 Мохташам ос-Салтане 138, 142,
 172, 174, 175, 180, 403, 405
 Муаззам од-Доуле 261
 Музаффер-бей 264
 Мулла-Сеид 203
 Муравьев М. Н. 89, 90, 92, 93
 Мурад Сейид-бей 421
 Мурад IV 390
 Мургаза Кули-хан Эгбаль ос-Сал-
 тане 121, 161, 175, 192, 257—258,
 293, 300, 324
 Муртулла 387
 Муса-бей 35, 37, 47, 154, 157, 160,
 202, 308
 Мусазян Ж. С. 21
 Мустафа аль-Халиди 53
 Мустафа-бей, турецкий агент 213
 Мустафа-бей, член Государствен-
 ного совета Турции 149
 Мустафа-паша 74, 341
 Мухаммед 300
 Мухаммед, пророк 33
 Мухаммед, сейид 313, 314, 340
 Мухаммед, сын Абдул-Кадыра
 264, 293
 Мухаммед, шейх из племени
 джаф 184
 Мухаммед-ага 123, 310
 Мухаммед Али, правитель Египта
 31
 Мухаммед Али, шейх курдского
 племени талабани 202
 Мухаммед-бей 306, 310, 444
 Мухаммед Наге 255
 Мухаммед Таги 132
 Мухаммед Хосров ибн Шейх Саид
 184
 Мухтар-бей 318
 Мюллер-Симонис П. 19, 381
 Мюниф-паша 82

Нагиров 51
 Наджи-бей (Наджан) 319
 Наджмеддин 313
 Надольный Р. А. 262, 429
 Назарбеков 51
 Назым 308
 Налбандян Л. 67
 Насер-эд-Дин, шах 81
 Наср-од-Доуле 313, 439
 Насролла-хан Этела оль-Мольк
 287
 Наср-оль-Мольк 160, 293
 Неджати-бей 265
 Неджи-бей 211
 Нейман 262—264, 293
 Нелидов, поверенный в делах в
 Турции 142, 143
 Нелидов А. И., посол в Турции
 59, 68, 71, 81, 89, 98 т

Нератов А. А. 162, 163, 230, 232,
 270, 279, 351
 Нехри 408
 Нидермайер О. 318
 Низам ос-Салтане 120
 Никитин В. П. 20, 24, 37, 49, 306,
 322, 323, 325, 329, 330, 332, 346,
 347, 379, 380, 439, 441, 445—447
 Николаев 300
 Николай II 8, 10, 70, 88, 91—93,
 96, 97, 138, 144, 158, 197, 202,
 232, 242, 256, 389, 393
 Николай Николаевич, великий
 князь 10, 140, 298, 326, 328, 330,
 331, 343, 404
 Никольский 110, 170
 Никольсон А. 109, 335
 Нольде Э. 23, 374
 Нортон 102
 Нубар-паша 335

Обейдулла 33—36, 80, 81, 119, 120,
 130, 161, 178, 211, 276, 281, 340,
 379, 408
 Обермиллер 34
 Оболенский 106
 Обручев 95
 Овнан 45
 О'Конор 100, 125
 Олферьев С. П. 52, 102, 156, 160,
 161, 167, 168, 172, 176, 180, 182,
 183, 185, 201, 202, 207, 208, 224,
 225, 247, 324, 417—419
 Ольгенин 227
 Омар-бей 150, 180
 Омар Фаррух 53
 Омар-хан 259, 267, 268
 Омар-эфенди 146
 Опенгейм, Макс фон 398
 Орбели И. А. 3, 14, 225, 227, 228,
 387, 419, 440
 Орлов А. А. 16, 229, 237, 239, 264,
 287, 302
 Осман Низами-паша 196
 Осман-паша 46
 Осман-паша, мушир 156
 Османы, династия 420

Павлов 354
 Павлович М. П. 392
 Паккард 349
 Палицын Ф. Ф. 136, 139, 140, 404
 Панафидин 392
 Перси Э. 17, 18
 Петр, дамасский епископ 233
 Пимен, епископ 444
 Пиро-бек 179, 259, 283
 Победоносцев К. П. 105, 106
 Поклевский-Козелл 162, 190, 191,
 253, 267, 269, 275

Поливанов А. А. 13, 140, 158, 426
 Похитонов 132
 Прайс М. Ф. 349, 430, 445
 Преображенский 174, 180, 263,
 270, 280
 Пужен 342
 Пурталес Ф. 137, 197, 198
 Пугята Д. В. 15, 383

Расул-бей 306, 444
 Рашид-бек 213
 Редван-паша 118, 399
 Реджеб-Али 267
 Реззак 43
 Рейнольдс 399
 Рейс 318
 Реклю Э. 26, 48
 Решид 301
 Решид-сердар 351
 Решид-паша 46
 Рифаат-паша 194
 Рорбах П. 250

Сабахеддин 381
 Саблер В. К. 232, 233
 Саблин 432
 Савфет-бей 422
 Садык Мухаммед 81, 104, 119,
 120, 122, 132, 202, 400
 Сазонов С. Д. 13, 158, 159, 192,
 194—198, 209, 223, 224, 228, 232,
 234, 237, 240—243, 245, 247, 253,
 256, 259, 260, 267, 270, 275, 277,
 281, 282, 285, 286, 296, 297, 299,
 302, 321, 331, 336, 417, 436, 448
 Саид, шейх из Йемена 155
 Саид, шейх из Курдистана 149, 150
 Саид-бей 158, 239
 Саид Халим-паша 219, 237, 246,
 295
 Сайкс М. 18, 104, 108, 334—337,
 388
 Сайкс П. 17
 Саксон 342
 Салар од-Доуле (Абу-ль-Фатх
 Мирза Салар од-Доуле) 170,
 183, 184, 188, 252—254, 271, 294,
 314, 319, 350, 415
 Салах ад-Дин Эйюби (Саладин) 3
 Сасаниды 28
 Сафар-ага 116
 Свенсен 342
 Сербеев С. Н. 249
 Свечин 192
 Сейид Али 37, 157, 202, 216, 424
 Сейид-бей 202
 Сейид Мухаммед родственник
 Махмуда Барзанджи 212, 217
 Сейид-хан 325
 Селим I Явуз 28, 29, 390
 Селим-ага 328

Селим-Али 154
 Селим-паша Ахалцихский 30—31
 Селим-паша, вожь зиян 122
 Сельджукиды 24, 28
 Сепехдар 269
 Серафимов Б. С. 307
 Сергей, архимандрит, потом епи-
 скоп 38, 105, 165, 185, 190, 231—
 233, 282, 322, 323, 437, 444
 Сердар-Мозаффер 184
 Сердар-Мукри 170
 Сефи I 390
 Симко Изманл-ага Авдон 120,
 121, 161, 170, 171, 180—182, 184,
 202, 215, 219, 221, 239, 257, 258,
 261, 269, 270, 277—280, 282, 288,
 292, 294, 298, 301, 312, 324, 325,
 330—333, 341, 433, 434, 437, 439,
 442, 445
 Сироп 73
 Ситки-бей 150
 Скрябин 94, 97, 150
 Смирнов, штабс-капитан 443
 Смирнов К. Н., секретарь русско-
 го посольства в Стамбуле 15,
 26, 87, 386
 Смит 248
 Соборинский Л. А. 378
 Сон Э. Б. 19, 39, 115, 406, 407,
 453
 Срдандзян Г. 16, 45
 Столица 333
 Столыпин П. А. 10, 140, 186, 188
 Сулейман I Кануни 390
 Сухомятинов В. А. 186, 188, 270,
 296
 Сюто 240

Та (Таха) 163, 181, 206, 209, 210,
 215, 221, 238, 240, 261, 268, 272,
 275, 276, 278, 280—283, 301, 302,
 325, 347, 357, 408, 421, 422, 424,
 425, 429, 439
 Талаат-паша 208, 209, 219, 295,
 307, 309, 365
 Тарле Е. В. 405
 Таунсенд Ч. В. Ф. 327
 Тахир-бей 152
 Тахир-паша 101, 119, 138, 141—143,
 154, 170, 171, 193, 404
 Тахмасп I 390
 Тахсин-бей 90, 213, 421
 Тахсин-паша 218
 Тевфик-паша, генерал 90
 Тевфик-паша, министр иностран-
 ных дел Турции 193
 Теймур-паша 157
 Теймур-хан 324
 Темир-ага 174
 Темир Джанго 170, 180, 259, 261,
 269, 282—283, 294

Тер-Аветисян 311
 Терещенко М. И. 348, 354, 449
 Терзенкаци Кери (Шишмашян Р.) 67
 Терлецкий 176, 177, 189, 192
 Термен Р. И. 15, 42, 54, 105, 126
 Тигранов Л. Ф. 15, 47
 Тигранян 45
 Тизенгаузен 86
 Тимуриды 28
 Тирелль 101
 Томилов П. А. 15, 95
 Туманский 40, 68
 Турхан-паша 193, 236, 259, 277, 285
 Уорксворт 17
 Успенский 282
 Ушаков 315, 322
 Фазыл-паша, вали Басры 422
 Фазыл-паша, генерал 257
 Фарманфарма 134, 135, 254, 403
 Фатих-бей 251
 Фахреддин 239
 Фейзи-бей 211
 Ферид-бей 397
 Ферид-паша 114
 Фостер Г. 23
 Фримен 100
 Фуад Темо-бей Ванли 146
 Фукс А. К. 401
 Хаббэрд 18, 39, 294
 Хаджи Саид 293
 Хаджи Теймур-паша 72
 Хаджи Ферио 37
 Хаджи Феттах 325
 Хайреддин-бей 207, 208
 Хакы-паша 287
 Халед 33
 Халил-паша, турецкий генерал 313
 Халиль 325
 Халиль Гасанлы Мотки 146
 Халфин Н. А. 21
 Хальгартен Г. 197, 384, 410
 Хамза-ага 257
 Хамзе-Солейман 173, 178, 255
 Хамид-бей 306, 444
 Хаммонд 384
 Хани Ахмед 3, 228
 Хасан, бей из Сасуна 310
 Хасан-ага 229
 Хасан-бей, двоюродный брат Аб-дуррезака 210
 Хвостов В. М. 387
 Хизл Ф. Н. 17
 Хильми-бей 291
 Хольмсен 187
 Хонек 262
 Хони 212

Хорахонян Н. 205
 Хримян 47
 Хулагиды 28
 Хусейн ибн Али аль-Хашими, правитель Хиджаза 337, 340
 Хусейн-паша 68, 72, 121, 210, 399
 Хусейн-хан Мукри 317
 Хусни-паша 107, 109
 Хусейн Рауф-бей 319
 Церен Э. 398
 Циммерман 249
 Чакир-бей 150
 Чарыков Н. В. 157—159, 162—164, 189, 192, 194, 222, 416
 Чачаян К. А. 311
 Черкасов 106, 133, 134, 348, 349
 Чернозубов Ф. 15, 311, 323, 331—333
 Черчилль У. 287
 Честер К. 166, 411
 Чириков 390
 Чирков 214, 225—229, 238, 239, 258, 261, 267—269, 272, 274, 275, 277—280, 282, 283, 430, 431, 433
 Чиршки 129
 Шакир-паша 384
 Шамшадиев Али Ашраф-бек 168, 169, 213
 Шардиллы 344
 Шарко Бледж 21
 Шарпантье 318
 Шатилов 281
 Шаумян С. Г. 445
 Шаховской Б. 73, 91, 233, 323, 325, 328, 342—344, 444, 449
 Шах Хусейн 37, 156
 Швирейко 89, 90
 Швод 45
 Шейбнер-Рихтер, фон 319
 Шелковников Б. 15, 105
 Шемси-паша 99
 Шериф-бей 120
 Шериф-паша 145, 215, 311, 357, 439, 440
 Шехабедин 216, 217
 Шён, фон 111, 127, 137, 196
 Шипле Х. С. 179, 285, 286, 402, 435
 Ширков 108, 110, 111, 117, 203, 205, 207, 216, 238, 245, 296, 398, 411, 420, 424
 Шишмашян Р. см. Терзенкаци Кери
 Шмидт Д. А. 429, 441
 Шоджа од-Доуле 170, 173, 236, 269, 301, 321, 443
 Шоле, де 19
 Шпейер 98

Штемрих 74
 Штриттер 207
 Шукри Махмуд Надим 450
 Шульце 341, 342
 Шюнеман 196, 263, 264, 293, 313, 318, 319
 Щеглов 81
 Эджлаль оль-Мольк 175, 181
 Эдмондс К. Дж. 21, 390, 436
 Эллоу Питер (Ага Петрос) 176, 181, 220
 Эмин, шейх 130
 Эмин-паша 72, 157
 Эмин-паша из Муша 31
 Энвер-паша 208, 209, 219, 220, 290, 295, 304, 313, 355, 365, 441

Энгельс Ф. 38
 Эренталь А. 197
 Эттер, фон 318, 329—332, 350, 351, 353
 Юденич Н. Н. 176, 298, 348
 Юзбашян К. Н. 227, 387
 Юнг Э. 215, 439
 Юсуф 189
 Юсуф Изеддин 399
 Явер-паша 123, 171
 Ягов, фон 249
 Якушев 219
 Ямилки Абдул Азиз 21
 Янушкевич Н. Н. 298, 445
 Ясеми Рашид 21
 Яхья Мухаммед, имам 114, 155

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абадан, о-в 390
 Аббасидский халифат 28
 Абе-Сирван, р. 35
 Авроман 342, 352
 Австро-Венгрия, Австрия 52, 83,
 110, 197, 241, 383
 Адана 153, 204, 224, 308, 378
 Адильджевазская каза 42
 Адрианополь, см. Эдирне
 Азербайджан (в Закавказье) 10,
 24, 316
 Азербайджан Иранский 8, 9, 13—
 15, 24, 25, 40, 51, 55, 80, 84, 120,
 134, 137—139, 157, 172, 175, 184,
 185, 187, 195, 196, 205, 226, 252,
 260, 262, 263, 265, 268, 269, 271,
 275, 286, 289, 292, 293, 295, 298,
 300, 301, 303, 312, 314, 315, 317,
 319, 321, 323, 325, 355, 358, 359,
 365—367, 434
 Айнтеб (Гази-Антеп) 336
 Акра 212, 217
 Алашкерт 155, 308
 Алашкертская каза 407
 Албания 203—205, 208
 Аленд 143
 Алеппо, см. Халеб
 Алтун-Хусейн 156
 Амадия 141, 211, 212, 217, 340
 Анамур 336
 Анатолия Восточная 28, 30, 55, 59,
 64, 65, 67—70, 79, 81, 84, 93, 95,
 96, 100, 102, 108, 118, 126, 147,
 155, 156, 203, 230, 234, 235, 248,
 291, 292, 296, 297, 303, 304, 307,
 309, 316, 323, 326—328, 341, 344,
 345, 355, 384, 408, 444, 445
 Анатолия Западная 309

Анатолия Северная 166, 410
 Анатолия Центральная 114
 Анатолия Юго-Восточная 32, 37,
 39, 62, 74, 166, 248, 307, 328, 336,
 340, 342, 374, 388
 Англия 6, 14, 18, 23, 24, 34, 50, 55,
 69, 70, 71, 83, 84, 89, 98—101,
 103, 107—110, 111, 117, 121, 122,
 125—129, 131, 135, 137, 138,
 141—143, 145, 167, 183, 185, 187,
 193—198, 212, 214, 226, 227, 229,
 241, 246—248, 253, 256, 259, 266,
 271, 280, 284—289, 291, 303, 312,
 318, 320, 334—338, 341, 349, 351,
 355—358, 365, 366, 368, 369, 385,
 390, 391, 403, 404, 415, 417, 435,
 436, 439, 453
 Анкара 314
 Антигавр, хр. 336
 Арабский Восток 3, 23, 84, 98, 109
 Аравийский п-ов 155
 Аравия 37, 155, 335, 374, 397
 Аракс, р. 185
 Арарат 288, 289, 393
 Ардаганский округ 213
 Ардалан 390
 Ардебиль 263
 Аренч 42
 Армения (в Закавказье) 16, 18, 38,
 40, 42, 65, 72, 88, 93, 102, 109,
 116, 292
 Армения Западная (Турецкая) 8,
 9, 14, 17, 22, 24, 25, 27, 40, 41,
 43, 45, 47, 51, 53, 55, 64, 67, 69,
 84, 85, 87, 99, 107, 112, 156, 167,
 201, 204, 225, 230, 234, 240—247,
 250, 306, 327, 328, 334—336, 345,
 358, 359, 366, 367, 374, 378, 381,

388, 410, 419, 423, 426, 427, 439,
 443, 446, 450
 Армянская ССР 22
 Армянское нагорье 310, 327
 Асир 155
 Афганистан 17, 103, 312, 318, 320,
 366, 441
 Африка Северная 57, 79, 118
 Ашит-Даг 337
 Багдад 7, 16, 31, 32, 59, 102, 147,
 149, 202, 212, 224, 229, 239, 287,
 298, 338, 355, 356, 392, 415, 421
 Багдадский вилайет 128, 217, 221,
 292
 Багдадский халифат 28
 Баку 130, 316
 Балханы 30, 57, 79, 83, 139, 222,
 234, 260, 271, 384, 396, 426
 Бане 123, 131, 143, 221, 285, 287,
 314, 319, 450
 Барадост 143, 171, 178, 227, 231,
 266, 285, 294, 322, 332, 333
 Барандуз 119, 133, 143, 173
 Барзан 322, 408
 Басорский вилайет 128
 Басра 17, 61, 168, 403, 408, 422
 Батум (Батуми) 218, 300
 Башкале 450
 Башкалинский округ 323, 325
 Баязид 7, 28, 55, 64, 73, 87, 94, 113,
 122, 141, 154, 155, 192, 207, 223,
 244, 245, 250, 291, 306, 310, 341,
 348, 390
 Баязидская каза 407
 Баязидский пашалык 30
 Баязидский санджак 61, 378, 444
 Бебеджик 143
 Бельгия 24
 Берлин 57, 110—112, 127, 128, 136,
 137, 196—198, 235, 250, 263, 293,
 307, 313
 Биджар 453
 Биндар 351
 Бира Кебран, каза 408
 Биреджик 24, 115
 Битлис 7, 15, 28, 32, 43, 53, 55, 60,
 66, 100, 105, 108, 113, 117, 147,
 154, 202, 204, 207, 215—220, 239,
 248, 250, 327, 328, 336, 337, 340,
 341, 359, 379, 418, 420
 Битлисский вилайет 15, 24, 27, 37,
 39, 52, 60, 62, 68, 77, 89, 101, 110,
 111, 113, 114, 117, 154, 155, 157,
 200, 201, 203, 205, 206, 216, 219,
 237, 292, 323, 345, 378, 382, 387,
 394, 421
 Битлисский санджак 43
 Болгария 70, 88, 199, 208, 388
 Большой Арарат 436
 Большой Заб, р. 35, 408

Бонашен 381
 Босфор 117, 166, 209, 244
 Бохтан, княжество, район 30, 43,
 77, 307, 340, 343, 381, 444
 Брест-Литовск (Брест) 354
 Британская империя 109
 Булакбаши 436
 Бухара 229, 436
 Ван 7, 15, 26, 32, 40, 42, 48, 52—55,
 60, 68, 99, 101, 102, 104, 105, 106,
 109, 123, 126, 141, 155, 156, 160,
 167, 176, 183, 185, 200, 204, 208—
 210, 218, 219, 223, 224, 227, 248,
 250, 259, 306, 308, 309, 336, 337,
 341, 381, 387, 399, 436, 439, 440
 Ван, оз. 25, 31, 35, 304, 307, 309,
 317, 326, 328
 Ванский вилайет 24, 27, 41, 42, 44,
 60, 68, 76, 77, 116, 131, 143, 151,
 157, 200, 202, 203, 205, 206, 209,
 210, 213, 219, 220, 248, 291, 323,
 345, 378, 381, 387, 394, 399, 419
 Васпуракан 32
 Везне 129—131, 143, 285, 436
 Верамин 411
 Верхний Энзель 143
 Вираншехир 114—115
 Внутренний Тавр, хр. 25
 Возим 387
 Восточный (Армянский) Тавр, хр.
 25
 Гадирчай, р. 186
 Галиполи (Гелиболу), п-ов 316,
 334
 Гарзан, каза 220
 Геваре 322
 Германия 6, 23, 52, 53, 55, 69, 71, 83,
 84, 101, 103, 109—111, 125—129,
 135—137, 139, 185, 187, 196—198,
 207, 209, 226, 227, 241, 246, 249,
 250, 256, 262, 264, 289, 291, 293—
 297, 312, 313, 318, 319, 334, 338,
 358, 366, 369, 394, 411, 417, 429,
 430, 440
 Гиверидж 348
 Гилян 254
 Голландия (Нидерланды) 24
 Греция 63, 199
 Грузинская ССР 10
 Грузия 292
 Дадон 352
 Дальний Восток 85, 88, 96, 125,
 135
 Дамаск 148, 233
 Дания 24
 Дарданеллы 222, 290, 440
 Дейр-эз-Зор 148, 224
 Дерик 115

Дерсим 27, 30, 33, 60, 62, 66—68, 77, 102—104, 114, 149, 151, 155, 224, 248, 250, 292, 307, 310, 327, 330, 340, 341, 344, 345, 385, 389, 397, 406, 417, 446
 Дешт (Бердесур) 143, 171, 173, 281, 285, 325
 Дештебиль 132, 134, 143, 173
 Джавзар 436
 Джазира 31, 113, 212
 Джара 120
 Джебель-Друз 154
 Джебель-Синджар см. Синджар
 Джезира-ибн-Омар см. Джизре
 Джемалабад 183
 Джизре (Джезира-ибн-Омар) 211, 250, 337
 Джуламерк (Чэлемерик) 30, 211
 Джульфа 24, 190, 324, 434
 Диарбекир (Диярбакыр) 28, 48, 53, 55, 66, 100, 101, 115, 126, 147, 150, 151, 166, 208, 223, 224, 248, 320, 340
 Диарбекирский вилайет 24, 27, 39, 62, 74, 100, 111, 113, 115, 155, 210, 211, 219, 378, 381, 382
 Дие 259, 267
 Дильмен 161, 266—267, 298, 316, 324, 332, 353
 Дирек 143
 Диядин 306
 Дияла, р. 35, 450
 Дхох 212
 Европа 4, 42, 49, 52, 57, 67, 70, 84, 144, 146, 215, 243, 288, 296, 384, 387, 426, 453
 Евфрат, р. 25, 115, 307
 Египет 31, 79, 144, 366, 453
 Женева 67, 145
 Загрос 27
 Закавказье 10, 14, 19, 30, 51, 52, 57, 60, 85—87, 102, 106, 109, 125, 135, 136, 141, 163, 167, 168, 187, 188, 191, 213, 223, 242—244, 249, 250, 260, 291, 292, 300, 303, 316, 337, 355, 366, 367, 369, 375, 388, 404, 423, 449, 452
 Зенджан 443
 Зергендз 411
 Зиян-дере 328
 Зиндешт 268
 Зохаб 390, 391
 Игдырь 157, 298
 Иерусалим 338
 Измир (Смирна) 102
 Индия 152, 312, 320, 366, 440, 443, 453

Ирак 17, 19, 23, 26, 28, 48, 59, 77, 80, 84, 90, 95, 100, 125, 135, 149, 150, 154, 221, 224, 239, 248, 290, 292, 303, 307, 320, 322, 326, 327, 335, 337—340, 346, 349, 356, 357, 359, 368, 370, 378, 380, 398, 404, 431, 435, 446, 450
 Ирак Восточный 337
 Ирак Северный 17, 30, 32, 39, 62, 75, 113, 154, 202, 336, 340, 356, 358, 368, 424
 Ирак Центральный 356
 Ирак Южный 212, 316
 Иран Западный 6—8, 12, 13, 18, 27—29, 54, 55, 80, 83, 106, 107, 109, 126, 138—141, 172, 195, 233, 249, 254, 260, 262, 271, 272, 286, 290, 294, 303, 315, 317, 323, 329, 339, 358, 359, 367—369, 431
 Иран Северный 283, 423, 431, 443
 Иран Северо-Западный 7, 8, 34, 121, 191, 195, 225, 231, 252, 256, 257, 262, 264—266, 270, 292, 295, 300, 311, 314, 317, 321, 323, 324, 355, 368, 417, 430, 434
 Иран Юго-Западный 135, 252, 316, 319, 322, 335, 349, 352, 368
 Ирландия 24
 Исфахан 335
 Италия 83, 200
 Иезд 335
 Йемен 113—117, 154, 155
 Кавказ 10, 79, 85, 86, 88, 107, 109, 111, 138—140, 158, 159, 163, 165—167, 176, 182, 188, 190, 236, 240—243, 265, 277, 279, 284, 292, 296, 299, 303, 326, 339, 372, 388, 392, 411, 415, 440, 441, 443
 Кавказ Северный 303, 385
 Кавказские горы 29
 Кагызман 213, 298
 Кагызманский округ 106, 213
 Казан 106
 Казвин 318, 434
 Каир 48, 145, 453
 Кайсері 336, 337
 Канада 176
 Караджалыдаг, г. 114
 Каракилисе 291, 306, 310
 Карасу 224
 Карс 24, 29, 213, 305
 Карсская область 24, 85, 213
 Карсский пашалык 33
 Карун 391
 Каспийское море 29
 Касре-Ширин 288, 318, 348—352
 Келяшин 287
 Кербела 51, 293, 322, 390
 Керенд 319, 348

Керманшах 7, 25, 35, 55, 105, 110, 122, 170, 184, 252—254, 271, 315, 317—320, 322, 326, 329, 331, 332, 339, 347—352, 443
 Керманшахское губернаторство 24
 Киликия 335
 Киренаика 199
 Киркук 24, 75, 141, 149, 202, 229, 336
 Кисловодск 300
 Козичанская каза 37
 Константинополь см. Стамбул
 Конья 24
 Котур 120, 160, 161, 181, 186, 196, 258, 261, 269, 270, 275, 277, 278, 285—289, 294, 301, 324, 390, 391, 436
 Кочанис 165, 231—233
 Крит 287
 Крым 303
 Кумач 215
 Курдские горы 25
 Кут эль-Амара 327
 Лахиджан 122—123, 126, 129, 143, 254, 255, 260, 285, 400
 Ленинград 10
 Ливан 337
 Лондон 57, 99, 101, 136, 145, 193, 253, 287, 320, 333, 335, 440
 Мазендаран 254
 Македония 63, 112, 155, 204, 397
 Макинское ханство 24, 121, 161, 170, 175, 185, 190—192, 194, 294, 348, 430
 Маку 24, 55, 121, 143, 158, 160, 161, 192, 196, 237, 256—258, 261—263, 265, 286, 289, 298, 300, 301, 324, 329, 348, 350, 353, 410, 413, 428, 430, 442
 Малазгирт 324
 Малатья 24
 Малая Азия 5, 8, 16, 18, 31, 44, 60, 70, 74, 78, 84, 89, 91, 93, 98, 107, 109, 127, 141, 148, 165, 166, 168, 172, 200, 223, 241, 245, 246, 251, 291, 342, 346, 355, 360, 368, 369, 381, 387, 394, 399, 427, 447, 448
 Малый Арарат 436
 Мамурет-уль-Азизский вилайет см. Харпутский вилайет
 Мандали 287
 Маньчжурия 96
 Марага (Merağa) 80, 173, 190, 286
 Маранд 196
 Мараш 28
 Мардин 28, 53, 113, 115, 150, 212, 336, 340
 Мармусс 42

Марсель 357
 Махидешт 348
 Мекка 35, 338, 340
 Мергазур 390
 Мергевек 143, 171, 173, 180, 231, 266, 281, 285, 299, 325, 337, 353
 Мериван 352
 Месопотамия см. Ирак
 Миандоаб 51, 123, 132, 173, 267
 Мидьят 113, 211
 Мирган 129
 Мокс 41, 68, 310, 387, 419, 440
 Москва 7, 11, 19
 Мосул 7, 24, 27, 32, 33, 48, 53, 55, 64, 74, 84, 100, 105, 109—111, 115, 126, 131, 147, 149, 166, 212, 217, 218, 224, 227, 248, 250, 298, 320, 339, 341, 346, 355—357, 439
 Мосульский вилайет 24, 27, 39, 62, 75, 101, 143, 150, 154, 207, 211, 212, 217, 221, 292, 357, 378, 382, 408
 Мохаммера (Хорремшехр) 390
 Муган 390
 Муш 41, 60, 73, 109, 147, 155, 205, 207, 216, 218, 250, 310, 328, 336, 337, 408
 Мушская долина 42, 65, 307, 308
 Мушский санджак 43, 118
 Нахичевань 218, 238
 Неджд 155, 338
 Нижний Энзель 143
 Ново-Базарский санджак 127
 Новороссийск 210
 Нусайбин 74, 115
 Нусайбинский санджак 74
 Оваджик 114, 152
 Огнот 328
 Одесса 218
 Олту 298
 Ольтинский округ 213
 Омейядский халифат 28
 Орамар 33
 Палестина 335
 Палу 381
 Париж 57, 163, 164, 333, 335, 416, 440
 Персидский залив 29, 99, 127, 415
 Песве 129, 131, 184, 255
 Поволжье 303
 Потсдам 197
 Причерноморье 30, 57
 Пушт-и-Кух 356
 Раненбург (Чаплыгин) 325
 Рас-эль-Айн, каза 74
 Ревандуз 62, 141, 211, 212, 217, 238, 259, 260, 322, 326, 357, 450

Ревандузское княжество 30
Регавз 143
Решт 170
Ризе 100
Россия 4, 6, 9, 10, 12, 14, 16, 18,
21, 22, 24, 26, 27, 30—34, 36, 42,
49—55, 57, 61—63, 65, 69—71, 76,
78—81, 83—111, 117, 120—122,
125—129, 131, 133—143, 147, 150,
152, 153, 157—169, 173, 175, 177,
180, 182, 183, 185—189, 191—198,
202, 205—214, 217—253, 255—259,
261—278, 280—293, 295—303,
306—308, 311—313, 315, 317—326,
328—337, 339—355, 358, 365—368,
370, 373, 378, 380, 388, 390, 391,
393, 394, 396, 401, 403—405, 407,
410, 411, 415, 417, 418, 420—423,
426, 427, 430, 434—437, 439, 440,
442—448, 450
Румыния 208
Салмас 35, 120, 121, 132, 142, 160,
174, 175, 190, 192, 194, 231, 254,
263, 268, 286, 311, 317, 324, 325,
331, 428
Самсун 166
Санкт-Петербург (Петроград) 8,
10, 19, 57, 79, 89, 90—93, 103,
107—109, 127, 136, 137, 139, 141,
142, 158, 162, 167, 169, 191, 195—
197, 220, 223—225, 228, 235—237,
239, 241—243, 245, 256, 259, 274,
277, 279, 280, 284, 287, 320, 321,
330, 333, 336, 367, 384, 388, 391,
397, 404, 417, 436, 440, 444, 449
Сарыкамыш 298, 317, 440
Сасун 40, 41, 66, 68, 70, 73, 78, 89,
110, 310, 381, 386
Сегменова 143
Сеистан 431
Секкез (Саккыз) 51, 132, 143, 171,
184, 254, 314, 352, 452
Сенгер 174
Сенне (Сенендедж) 25, 28, 51, 105,
132, 184, 252, 253, 281, 319, 347,
351, 353
Сербия 199
Сердешт 123, 131, 143, 260, 285, 314
Сибирь 444
Сивас 100, 166, 204, 224, 336, 337
Сивасский вилайет 27, 44, 219, 378
Сидеке 314
Сирт 32, 53, 200—202, 211, 212
Сирийский санджак 113, 210, 211
Синдjar (Джебел-Синдjar) 27,
30, 32, 101, 149, 310, 356
Сир 190
Сирия 26, 27, 48, 84, 90, 154, 307,
335, 338, 404
Сирия Западная 337

Сирия Северная 37, 47, 75, 84, 369,
374
Соединенные Штаты Америки 12,
52, 83, 102, 166, 256, 289, 357,
358, 366, 369, 453
Сомали 119, 131, 132, 143, 174, 180,
181, 227, 261, 266, 272, 279, 281,
282, 285, 295, 332, 333
Соуджулак (Межабад) 7, 28, 35,
48, 51, 55, 80, 121—123, 126, 132,
135, 138, 141, 143, 171, 173, 183,
188, 194, 221, 223, 252, 260, 263,
266, 267, 270—272, 282, 286, 287,
294, 302, 314—316, 318, 319, 333,
359, 380, 431
Соуджулакское губернаторство
24, 47, 123
Союз Советских Социалистических
Республик 10, 429, 445
Спаганк 89
Средиземное море 29, 84, 448
Средняя Азия 366
Стамбул (Константинополь) 7, 8,
11, 31, 33, 45, 48, 57, 59, 64, 65,
67, 69, 70, 72, 74, 75, 78, 80, 81,
86, 88, 89, 92, 98, 104, 108—111,
113, 115, 116, 118, 120, 125, 126,
128—132, 136, 137, 142—148, 152,
154, 162, 173, 182, 189, 190, 192—
195, 198, 201, 203—206, 218—221,
223, 229, 234, 235, 246—248, 251,
253, 255, 257, 260, 263, 275, 276,
280—282, 284, 285, 287, 295, 297,
307, 309, 314, 334, 340, 346, 360,
363, 364, 386, 390—392, 400, 404,
408, 413, 421, 436, 448
Суадуз 129, 136, 143, 171, 180, 183,
188, 231, 254, 255, 270, 286, 404
Сулеймания 19, 28, 30, 35, 48, 62,
149, 150, 202, 212, 217, 221, 229,
252, 260, 298, 316, 330, 340, 346,
350, 359, 390, 448, 450, 453.
Суэцкий канал 316, 366, 448
Тавана 130
Тавр, горная система 27, 336
Тазакенд 267
Тебриз 7, 17, 55, 80, 120, 132, 163,
170, 174, 175, 183, 188, 196, 233,
236, 237, 263, 264, 269, 270, 280,
285, 300—302, 313, 316—318, 323,
400, 402, 403, 415, 430, 431, 434,
439, 442
Тебризское губернаторство 24
Тегеран 8, 57, 80, 82, 98, 104, 105,
119, 126—128, 130, 134, 136, 137,
142, 145, 162, 165, 170, 183, 184,
190, 195, 206, 232, 240, 253, 260,
263, 269, 270, 272, 275—277, 279,
280, 285, 295, 301, 314, 315, 317,

318, 320, 321, 331, 346, 350, 353,
360, 364, 411, 413, 415, 432, 436
Тергевер 123, 143, 171, 178, 231,
266, 281, 285, 293, 299, 311
Тнари 212
Тибет 103
Тигр, р. 25, 115, 211, 326, 337
Тикрит 355, 356
Тиркеш 285
Тифлис (Тбилиси) 19, 138, 158, 162,
163, 167, 196, 210, 223, 236—238,
243, 274, 276, 277, 279, 298, 305,
324, 330, 331, 342, 343, 409,
444—446, 449
Тихий океан 89, 96
Трапезунд (Трабзон) 66, 79, 157,
221, 223, 418
Трапезундский вилайет 27, 219
Триполи (в Северной Африке) 118,
258
Триполитания 199
Туркестан 111, 303, 441
Турция Восточная 6, 12, 13, 27, 29,
54, 55, 83, 101, 110, 225, 233, 249,
250, 290, 358, 359, 363, 366—368,
423
Турция Европейская 84
Турция Юго-Восточная 17
Урмийская провинция 105, 137,
256, 322—323
Урмийское губернаторство 24, 172
Урмия (Резайе) 7, 10, 24, 34, 38, 48,
53—55, 104—106, 119—123, 125,
126, 133, 134, 136, 138, 141, 142,
155, 160—163, 165, 167, 170—176,
180—182, 185, 186, 190—192,
194—197, 210, 217, 223, 231—233,
238—240, 259, 261—269, 272, 275,
278, 280—283, 286, 293—295, 297,
298, 301, 302, 311—316, 322, 323,
325, 330, 332, 336, 346, 379, 410,
416, 425, 428, 434, 437, 439, 444
Урмия (Резайе), оз. 25, 34, 51, 119,
123, 131, 173, 185, 262, 263, 318,
336, 404, 412, 431, 434
Урфа 66, 75, 115, 208, 336, 398
Ушну (Ошнуе) 131, 134, 143, 171,
255, 262, 264, 266, 283, 285, 314,
318, 319, 322, 380
Фао 289
Фолкстон 145
Франция 53, 55, 69, 71, 83, 84, 117,
163, 166, 241, 247, 256, 266, 289,
291, 303, 334—337, 358, 366, 369,
383, 439
Хакяри 15, 16, 27, 31, 33, 35, 101,
105, 116, 141, 164, 211, 248, 311,
381, 436

Халеб (Алеппо) 24, 75, 101, 111,
115
Халебский вилайет 24, 27, 378
Хамадан 24, 184, 253, 260, 315,
317—319, 333, 339, 347, 353,
390
Ханеки 24, 166, 319, 320, 326, 329,
332, 339, 347, 348, 352, 356
Хантахты 267
Харан 75
Харпут 53, 66, 102, 166, 224, 250,
292, 336, 337, 340
Харпутская каза 381
Харпутский (Мамурет-уль-Азиз-
ский) вилайет 24, 27, 37, 100,
102, 211, 219, 378, 381
Хасанкейф 211
Хаскей 42
Хауран 154
Хачо 310
Хива 229
Хиджаз 148, 155, 337
Хизан 41, 215, 216, 381
Хныс (Хыныс) 155
Хнысская каза 407
Хозат 149
Хой 7, 24, 48, 55, 120, 121, 174, 175,
182, 186—188, 190—192, 194, 196,
214, 215, 225, 226, 238, 262, 263,
265, 266, 268, 275, 277, 278, 281,
282, 286, 294, 298, 301, 311, 315,
324, 331, 332, 416, 428
Хорасан 24
Хорхоре 143, 171
Хосровабад 430
Хошан 309, 341
Хошанская каза 73
Худер 143
Хузистан 13, 316
Чалдыран 28
Чехрик 131, 143, 181, 227
Чердман 143
Черногория 199, 417
Черное море 29, 84, 294, 336, 394
Чнари-Кала 285, 333
Чна-Сурх 288
Шатт-эль-Араб 287, 288, 390, 391
Швейцария 314
Швеция 439
Шемдинан 34, 130, 211, 239, 322
Шехризур 141
Ширван, округ 210
Ширван-Кале 450
Шуш 391
Эдирне (Адрианополь) 208
Энзели 195, 281, 320

Эрзерум 7, 24, 29, 34, 49, 53, 55,
60, 64—66, 68, 91, 94—96, 100,
102, 103, 106, 109, 117, 147, 157,
202, 204, 207—209, 214, 219, 220,
223, 250, 259, 266, 291, 308, 326,
336, 344, 375, 390, 407
Эрзерумский вилайет 24, 27, 60, 68,
91, 113, 143, 157, 217, 219, 244,
291, 345, 378

Эрзинджан 24, 75, 107, 117, 148,
155, 196, 216, 217, 223, 224, 326,
342, 355, 446
Эриванская губерния 24, 85, 186,
300, 393, 414
Эривань (Ереван) 29, 159, 163, 213,
305
Япония 83, 98, 101, 102, 139

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОНИМОВ

Абу-асаф 75
Авдои 120
Адаман 35, 306
Азербайджанцы 13, 27, 29, 51, 84,
102, 175, 241
Албанцы 167, 200, 215, 385
Али-илахи (кызылбаши) 16, 27, 33,
36, 202, 330, 337, 344, 375, 385,
389, 406, 417, 425
Арабы 3, 27, 29, 37, 48, 59, 75,
113—115, 154, 167, 215, 224, 257,
288, 292, 308, 314, 316, 333, 339,
340, 346, 356, 363, 365, 380, 406
Армяне 3, 6, 12, 13, 16, 18, 22, 25,
27—29, 34, 39—47, 51, 58, 59,
64—75, 77, 78, 81, 82, 84—86,
91—93, 96, 99, 100, 102, 107, 110,
113—118, 146, 148, 151, 153, 156,
167, 200, 203—206, 208, 209, 216,
218, 220, 221, 224, 230, 234, 236,
237, 241—246, 249—251, 266, 288,
290, 296—300, 306—312, 320, 323,
324, 326—328, 333, 344, 345, 353,
363, 365, 378, 381, 386—388, 399,
405, 408, 415, 418, 420, 423—425,
427, 439—441, 444—446, 450
Ассирийцы (айсоры) 6, 11, 15—17,
25, 27, 31, 32, 47, 53, 54, 82, 100,
104, 105, 164, 165, 212, 220, 230—
233, 236, 247, 264, 273, 280, 290,
294, 296—299, 311, 312, 331, 336,
353, 381, 408, 415, 423—425, 429,
430, 436, 446
Афганцы 37
Бабан 35, 330
Барзан 35, 149, 154
Бахдинан 35

Бахтиары 170
Бекзаде 122, 130, 142, 172, 174,
179—181, 184, 190, 205, 259, 267,
269, 325, 329, 429
Бени-ардалан 252
Бохтан 35, 146, 211
Греки 308, 363
Гульферихи 61
Гурани 351
Дад 292
Дауди 61, 202, 292
Джаф 35, 80, 184, 206, 211, 217
Джелали 35, 150, 244, 257
Джибран 35, 37, 117
Дизан 61, 217
Езиды 16, 27, 32, 36, 164, 169, 202,
209, 300, 310, 356, 425
Зарза 131, 298
Зенгене 184, 202, 292
Зибар 149, 408
Зилли 35, 60, 121—122, 168
Зиркан 35, 117
Карапапахы 180, 414
Кашкайцы 313, 315
Кельхор 35, 170, 184, 254, 318, 331,
349, 351
Куляи 331, 350
Курды закавказские 48, 86, 87, 90,
168, 169, 213, 220, 265, 443
Кызылбаши см. али-илахи
Лазы 336, 337, 345
Луры 288, 322, 378

Мамаш 60, 131, 142, 173, 255, 257, 402
 Мангали 132
 Мангур 131, 173, 178, 255, 257
 Мериван 350, 446
 Милли 37, 114, 115, 148, 398
 Милан 35, 121, 257
 Монголы 28
 Мукри 35, 133, 150, 184, 329
 Пенджар 113
 Персы 3, 13, 27, 29, 46, 48, 263, 326, 333
 Пирани 255, 257, 316
 Сенджаби 35, 254, 318, 319, 349—351
 Сипки 35
 Сонгори 331
 Тагбана 292
 Талабани 202

Тангистанцы 313
 Татары см. азербайджанцы
 Турки 3, 13, 14, 27, 29, 44, 46—48, 115, 333, 345, 381, 386, 405
 Туркмены 37
 Хайдерали 35, 37, 60, 61, 68, 121, 152, 153, 158, 210, 219, 229, 237
 Хамавенд 35, 75, 149, 202, 211, 217
 Харки 35, 120, 130, 142, 173, 179, 205, 259, 267, 269, 293
 Черкесы 117, 205, 384, 385
 Чинояли 122
 Шаммар 149
 Шахсены 313, 452
 Шеккак 35, 61, 130, 150, 171, 174, 181, 269, 270, 332
 Шемдинан 146, 188, 202
 Шемсики 74

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
К постановке вопроса	3
Обзор источников и литературы	7
Глава I. Некоторые вопросы политической истории и социально-экономических отношений у курдов	24
Страна и население	24
Краткий очерк курдского освободительного движения в XIX в.	28
Социально-экономические отношения	35
Интересы держав	51
Глава II. Курдская проблема в 90-х годах XIX в. и в начале 1900-х годов	57
Формирование хамидие	58
«Армянский кризис» и курды	66
Турецкий Курдистан и Армения после погромов	72
Ситуация на турецко-иранской границе	79
Глава III. Политика империалистических держав в Восточной Турции и Западном Иране на рубеже XIX—XX вв.	83
Русско-турецкие отношения	85
Проникновение в Курдистан западных держав	98
Позиции держав в период оформления тройственной Антанты	102
Глава IV. «Пробуждение Азии» и курды. Начало и развитие турецко-иранского пограничного конфликта	112
Подъем курдского движения в Турции	112
Волнения в Иранском Курдистане	119
Начало турецкой интервенции в Иранском Курдистане	122
Вмешательство держав Антанты	135
Глава V. Курды в период подъема революционного движения в Турции и Иране (1908—1911 гг.)	144
Первые шаги курдского национализма	144
Реакция в Курдистане на младотурецкий переворот	148
Курдские движения в Турции после свержения Абдул Хамида II	154
Русско-курдские связи	157
Обострение курдского вопроса в Иране	169
Усиление вмешательства держав в турецко-иранский конфликт	185
Глава VI. Курдский вопрос в Османской империи накануне первой мировой войны	199
Курды во время Триполитамской и Балканских войн	200
Курдские восстания в 1913—первой половине 1914 г.	209
Политика России в Турецком Курдистане	222

Армянские реформы и курдский вопрос	240
Борьба западных держав против влияния России	246
Глава VII. Иранский Курдистан накануне первой мировой войны	252
Провал турецкой агрессии	252
Германо-турецкие подрывные действия	260
Политика России в Иранском Курдистане	265
Англия, Россия и турецко-иранское разграничение	284
Глава VIII. Курдский вопрос во время первой мировой войны	290
Ситуация в Курдистане в августе — октябре 1914 г.	291
Турецкие курды и война	303
Провал турецко-германской агрессии в Иранском Курдистане	312
Политика России в курдском вопросе в начале войны	321
Дальнейшее развитие русско-курдских отношений	326
Дипломатическая подготовка Антанты к разделу Османской империи и Ирана и курдский вопрос	333
Турецкий Курдистан в 1916—1917 гг.	338
Взаимоотношения России с турецкими и иракскими курдами в конце 1916—1917 гг.	342
Политика России в Иранском Курдистане в 1917 г.	347
Завоевание Англией Иракского Курдистана	355
Заключение	358
Примечания	372
Указатель имен	454
Указатель географических названий	462
Указатель этнонимов	469

 Михаил Семенович Лазарев
КУРДСКИЙ ВОПРОС
(1891—1917)

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор М. Д. Панасьянц
Художественный редактор
Э. Л. Эрман

Технический редактор Э. С. Теплякова
Корректоры Р. А. Каликштейн, Р. Ш. Чемерис и М. З. Шафранская

Сдано в набор 4/X 1971 г. Подписано к печати 12/VII 1972 г. А-10019
Формат 60×90^{1/16}. Бумага № 1. Печ. л. 29,5. Уч.-изд. л. 33,81. Тираж 1900 экз.
Изд. № 2901. Зак. № 547. Цена 2 р. 58 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
Набрано в Московской тип. № 13 Главполиграфпрома

Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, ул. Баумана, Денисовский пер., д. 30
Отпечатано в 3-й тип. издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

